Kara Mau

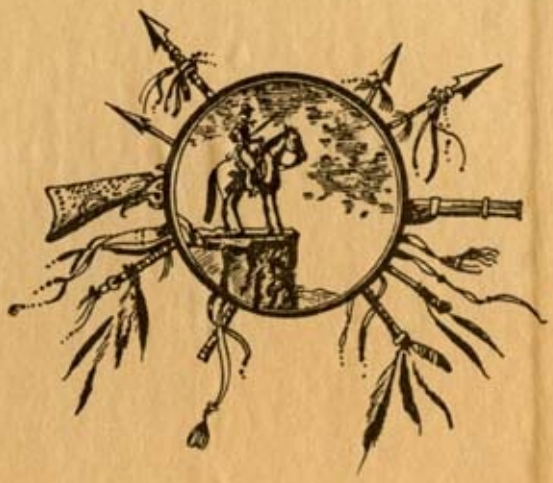
Annotation

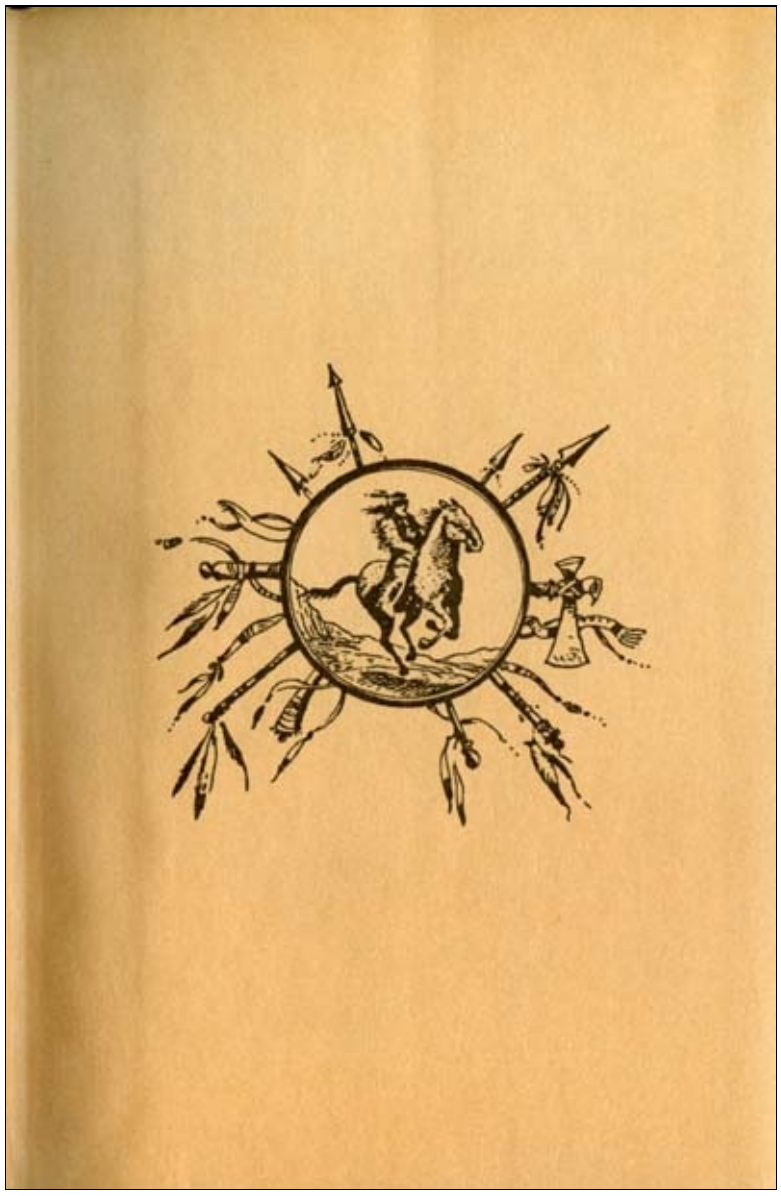
Знаменитый охотник Олд Шеттерхэнд, с которым автор отождествляет самого себя, путешествуя по северо-западу Мексики, сталкивается с бандой ловких мошенников. Вместе со своим другом вождем апачей Виннету он пытается разрушить замысел бандитов и передать главарей шайки властям. Друзьям удается спасти от гибели партию немецких переселенцев. Как обычно у Мая, напряженное действие (выслеживание врага, погони, сражения) прерывается остроумными диалогами и философскими рассуждениями, а также описаниями нравов и обычаев северомексиканских индейцев. Главарям бандитов все же удается уйти; Олд Шеттерхэнд и Виннету отправляются в погоню за ними, на этот раз — на север Африки.

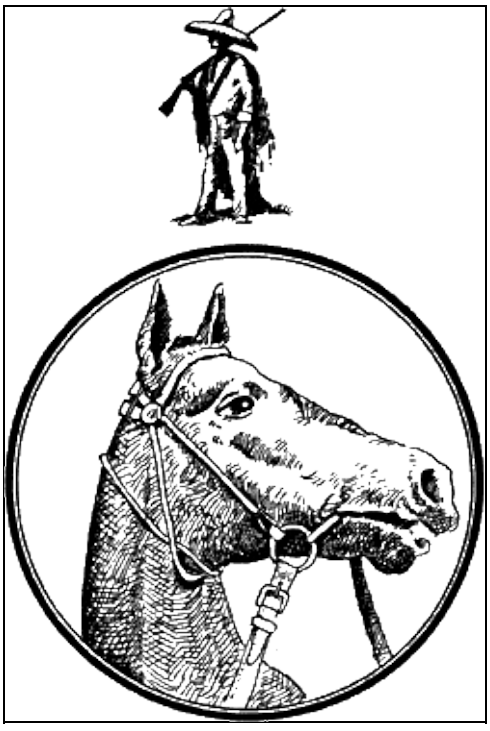
-
- Часть первая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
- Часть вторая
  - Глава первая
  - Глава вторая
- notes
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68

- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95







Карл Май

САТАНА И ИСКАРИОТ

Роман в трех частях

Часть первая
Часть вторая

Прибой
Москва
1995

Часть первая

Глава первая
В СОНОРЕ

Если бы кто-нибудь меня спросил, какое место на земле самое печальное и скучное, то я бы без долгих раздумий ответил: «Гуаймас в Соноре, самом северо-западном штате Мексиканской республики». Впрочем, это мнение, возможно, чисто личное; другой бы его, возможно, стал оспаривать, но в этом городе я провел две самых бессодержательных недели моей жизни — да простят мне это критическое замечание жители Гуаймаса.

В горах, занимающих восточную часть Соноры, были открыты богатые месторождения благородных металлов, меди и свинца, а почти во всех горных ручьях находили золото. Но добыча в те времена была крайне ничтожной, потому что этим местам постоянно угрожали индейцы, и пришлые добирались сюда только большими отрядами. А где же набрать столь многочисленную компанию? Мексиканцы могут заниматься чем угодно — только не работать по найму; индейцу не понравится за жалкую плату выкапывать сокровища, которые он и по сей день считает своей законной собственностью; китайские кули могли бы заработать достаточно, да их нельзя было нанимать, потому что если кто и смог бы управиться с этими хитрыми созданиями, тот никогда бы в жизни уже от них не освободился… Вы можете вспомнить о гамбусино[1] — это же истинные золотоискатели и рудокопы. Почему их не нанять? Да очень просто: в те времена здесь не было ни одного гамбусино. Все они рыскали по другую сторону гор, в Аризоне, где золото, полагали, лежало на поверхности кучами. Вот по этой причине все прииски Соноры опустели, ну точно так, как и сейчас, когда не только горная промышленность, но даже и скотоводство находится в упадке — и все от паническом боязни индейцев.

Мне тоже хотелось попасть в Аризону, но не потому, что я заболел золотой лихорадкой, а просто из интереса — посмотреть весьма своеобразную жизнь обитателей золотых приисков. Однако случился известный мятеж генерала Харгаса[2], и один сан-францисский издатель спросил, не пожелаю ли я, конечно, за счет его почтенного листка, проехаться до места событий и написать о них в его газету. Я с радостью принял такое предложение, чтобы познакомиться с районом, который иначе никогда бы не смог увидеть. Харгасу не повезло; он был разбит и расстрелян, а я, отослав свое последнее сообщение, поехал назад, через Сьерра-Верде, чтобы добраться до Гуаймаса, где надеялся найти посудину, идущую по Калифорнийскому заливу на север, потому что мне надо было попасть в Рио-Хила; там я уговорился встретиться со своим другом, вождем апачей Виннету.

К сожалению, обратный путь оказался не таким быстрым, как я ожидал. В безлюдных горах меня подстерегло несчастье: лошадь подо мной споткнулась и сломала переднюю ногу. Пришлось ее пристрелить и отправиться дальше на своих двоих. Целыми сутками я не видел людей, не встретил ни единого человечка, у кого я смог бы купить лошадь или хотя бы мула. Хорошо хоть, что я избежал встреч с местными индейцами, которые не сулили ничего хорошего. Мое путешествие было долгим и утомительным, и я облегченно вздохнул, когда наконец-то спустился в трахитовую[3] котловину, в которой расположился Гуаймас.

Хотя я и достиг желанной цели, однако вид городка не привел меня в восторг. В Гуаймасе было тогда не больше двух тысяч жителей. Окруженный высокими скалистыми обрывами, город в ослепительном солнечном зное показался мне похожим на высохший труп. В его окрестностях не видно ни души, и даже потом, когда я уже шел по окраинной улочке, казалось, будто жители домов вымерли. Разумеется, то впечатление, которое я должен был производить в Гуаймасе, было ничуть не лучше того, что город производил на меня, поскольку мой вид ничем не

напоминал джентльмена, или — как там говорили — кабальеро. Мой костюм, за который я перед самым отъездом из Сан-Франциско заплатил целых восемьдесят долларов, пришел в столь жалкое состояние, что различные части моего тела были куда заметнее костюмной ткани, которой я доверил их прикрывать. Обувь тоже совсем износилась. У правого сапога я потерял каблук, на левом — осталась хилая половинка, а когда я разглядывал вылезавшие в дырки носки, то я, независимо от своего желания, должен был думать о разинутом утином клюве. А шляпа! В более счастливые времена она называлась сомбреро, то есть «дающая тень», но теперь она совсем не соответствовала прежнему почетному титулу. Насколько вначале были широки поля, я бы сегодня сказать не смог, равно как определить, каким образом и по какой причине они исчезали. То, что теперь украшало мою голову надежным остатком прежнего величия, приобрело форму турецкой фески[4] и, по правде говоря, превосходно заменило бы сито. Только кожаный пояс, мой долголетний спутник, и на этот раз вынес все тяготы пути. Говорить о цвете лица, прическе и других подобных деталях значило бы оскорбить внимание тех, кто в любых обстоятельствах прежде всего занимается своей собственной персоной.

Я медленно брел по улице и посматривал то направо, то налево, пытаясь увидеть хотя бы одну человеческую фигуру. Издалека еще я заметил одно невысокое здание, из крыши которого торчали два шеста с деревянным фирменным щитом. Некогда белыми, а теперь потемневшими от времени буквами неопределенного цвета на темном фоне щита было выведено: «Meson de…»[5] Больше ничего нельзя было прочесть. Пока я пытался расшифровать окончание вывески, наконец-то послышались чьи-то шаги. Я обернулся и увидел человека, который приближался ко мне с явным намерением пройти мимо. Я вежливо поприветствовал его и спросил, какую гостиницу он посоветует мне в этом замечательном городе. Он посмотрел на здание, перед которым я стоял, и ответил:

— Этот отель — самый достойный из того, что у нас есть. Лучше его не найдете. На вывеске, правда, стерлось слово «Мадрид» но, если вы доверитесь хозяину, дону Херонимо, он обслужит вас по высшему классу. Разумеется, если вы сможете заплатить. Вы можете мне поверить, потому что я городской нотариус и всех здесь знаю.

Называя свою высокую должность, он стукнул себя в грудь, а потом наградил меня взглядом, который должен был ясно мне показать, что, по его мнению, мне всего лучше бы поселиться в местной тюрьме, а не в отеле. Потом он, полный достоинства, пошел дальше, а я, ободренный советом такой знаменитости, повернулся к открытой двери гостиницы. Я бы и без этого совета пошел туда, потому что очень устал и не был расположен дольше подставлять себя лучам полуденного солнца.

Лучший отель в городе! Meson de Madrid! Да ведь это — уютный номер, чистая постель, вкуснейшая еда! Во рту у меня уже стала скапливаться слюна. Я вошел и сразу же оказался в…«целом ансамбле комнат». То есть, если говорить точно, отель состоял из одного-единственного помещения, в которое попадали прямо с улицы; дверь в противоположной входу стене вела во двор. Других проемов не было — ни дверных, ни оконных. Возле задней стены приютился закопченный до черноты каменный очаг, дым которого испарялся сразу же, причем каким-то таинственным способом. Плотно утрамбованная глина заменяла пол. К забитым в нее столбам крепились доски, составлявшие столы и скамейки.

Стульев в комнате не было. Вдоль левой стены виднелись подвешенные гамаки, они и должны были служить гостям, каждому — по его вкусу. По правую руку вдоль стены располагался буфет, собранный, судя по его виду, из нескольких старых сундуков. За ним опять виднелись гамаки, служившие местом отдыха хозяйской семье. В одном из них спали трое мальчишек; их руки и ноги так переплелись, что отличить, где чья конечность, можно бы было только после весьма основательного исследования. В другом гамаке отдыхала дочь хозяина

сеньорита Фелиса. Она отсчитала уже шестнадцать весен, как сама сказала мне на следующий день, но храпела, как шестнадцать зимних бурь, причем соединенных вместе. В третьем гамаке предавалась полуденному сну хозяйка. Ее звали донья Эльвира, а ростом она была в шесть футов и пять дюймов. Супруг ее позже рассказал мне по-свойски, что она очень решительная дама, но так как донья Эльвира либо дремала — когда я ее видел, — либо крепко спала, то мне, к сожалению, не выпало счастья присутствовать при вулканических извержениях ее энергичного темперамента. В четвертом гамаке я заметил свернутый в кольцо серый холст. Я было принял его за спасательный пояс, какие используют на морских судах. Но при ближайшем рассмотрении я понял, что из этого пояса в случае необходимости могло бы появиться кое-что более значительное, и слегка стукнул по нему. Кольцо немедленно пришло в движение и развернулось. Появились руки, ноги и даже голова; спасательный пояс раскрылся полностью, вывалился из гамака и превратился в маленького тощего, плотно затянутого в холстину человечка, изумленно разглядывавшего меня, а потом спросившего голосом, которому полагалось быть гневным, но на самом деле звучащим всего лишь как легкая укоризна:

— Что вам угодно, сеньор? Почему вы нарушаете мою сиесту[6]? И вообще — что это вы еще на ногах? В такой убийственный зной каждый разумный человек спит!

— Я ищу хозяина, — последовал мой ответ.

— Это я. Меня зовут дон Херонимо.

— Я только что прибыл в Гуаймас и хочу здесь дождаться какого-нибудь корабля. Мог бы я у вас пожить?

— Там посмотрим, а сейчас ложитесь спать, вон в одном из тех гамаков.

При этом он кивнул на левую половину комнаты.

— Я тоже очень устал, — отвечал я, — но меня мучает голод.

— Потом, позже! Сначала выспитесь, — настойчиво уговаривал он меня.

— И я умираю от жажды!

— Вам потом все принесут, но сначала выспитесь!

Он постепенно расходился, голос его стал громче. Его близкие в гамаках зашевелились, и тогда хозяин предостерегающе зашептал:

— Не говорите больше ничего, а то донья Эльвира проснется! Идите скорее спать!

Он снова забрался в гамак и свернулся клубком. Что мне было делать! Я не стал мешать «Спасательному поясу» и его семейству досматривать сны, а сам тихонько, чтобы никого не разбудить, выскользнул через заднюю дверь и оказался на довольно обширном дворе. Там, в одном из углов, был сооружен из жердей и соломы навес, под которым хранился инвентарь. Заметил я еще охапку соломы, возле которой вытянулась большая собака, привязанная к одной из жердей. Солома в качестве ложа мне понравилась больше, чем гамак в душной комнате. Я приблизился к этой охапке, слегка побаиваясь, что собака поднимет шум и разбудит донью Эльвиру, но мои опасения оказались напрасными, потому что животное… тоже спало! Правда, на какой-то миг собака приоткрыла глаза, но тут же снова закрыла их и никак не отреагировала, когда я раскидал солому поудобней и растянулся на ней. Крепко сжав оба своих ружья, я задремал и скоро, разбитый усталостью, забылся так крепко, что проснулся только тогда, когда почувствовал, как кто-то тряхнул меня за руку. Дело уже шло к вечеру: передо мной стоял маленький хозяин, приговаривая:

— Сеньор, вставайте! Пора принимать решение.

— Какое решение? — спросил я, поднимаясь.

— Остаетесь вы или нет?

— А почему для этого требуется принимать «решение»?

Высказывая эту фразу, я очень хорошо мог себе представить ход его мыслей и пригляделся

к этому человеку повнимательнее, чем в полдень. Он был действительно мал, а еще — до ужаса худ. Волосы его были подрезаны коротко, почти что сбриты. Резкие черты лица придавали ему умное, хотя и добродушное, выражение.

— Донья Эльвира желает, чтобы я принимал у себя только кабальеро[7], — ответил он, — а вы не производите впечатление приличного человека. Надеюсь, вы со мной согласны?

— В самом деле? — вынужден был спросить я, непринужденно улыбаясь. — Вы полагаете, что кабальеро можно назвать только того, кто одет в новый костюм?

— Разумеется, нет. Случается, что и знатному человеку приходится носить не новую одежду. Но у доньи Эльвиры чрезвычайно развито чувство прекрасного, а вы ей не очень приглянулись.

— Да разве она меня видела? Она же спала, когда я к вам пришел.

— Разумеется, спала; она вообще любит поспать, когда нечего делать. Но потом она выходила во двор, чтобы взглянуть на вас, и когда она увидела вашу одежду, ваши сапоги, вашу шляпу, то подумала… Надо ли мне, сеньор, говорить яснее?

— Нет. Я и так понял вас, дон Херонимо, и я поищу другое место, раз уж не понравился донье Эльвире.

Я собрался уходить, но он задержал меня и сказал:

— Стойте! Подождите немножко. В доме так одиноко без гостей, а вы все же не похожи на браво[8]. Я мог бы замолвить словечко за вас донье Эльвире. А для этого необходимо доказать, что вы мне здесь нужны. Может быть, вы играете в домино?

— Да, — ответил я, немало удивившись такому вопросу.

— Отлично! Тогда идемте в помещение! Мы попытаемся ее уговорить.

Он пошел впереди, а я последовал за ним в «покои». Донья Эльвира возлежала в своем гамаке. Сеньорита Фелиса пила ром возле буфета. Троих мальчишек не было видно; они определенно бегали по улицам, развлекаясь со сверстниками и швыряя друг в друга гнилые апельсины. Дон Херонимо перемешал костяшки домино и пригласил меня сесть за стол. Когда послышался стук костяшек, донья Эльвира шевельнулась, и когда ее супруг бросил мне: «Берите шесть штук и выставляйте старшую», она приподняла голову. Сеньорита Фелиса проходила мимо со стаканом рома в руках и подсела к нам, пожелав посмотреть, как мы играем. Я понял, что за люди передо мной. Они спали, если не играли в домино, и стучали костяшками, когда не спали. Притом Херонимо вряд ли был приличным игроком. Я выиграл первую партию, потом вторую и третью. После первого моего выигрыша он обрадовался, после второго — удивился, а после третьего восторженно выкрикнул:

— Да вы, сеньор, мастерски играете. Вы должны остаться с нами и научить меня так же играть. Три раза подряд никто еще не мог у меня выиграть!

Мне этот подвиг не составил ни малейшего труда: хозяин играл с такими ошибками, что обыграть его мне не стоило труда. Он встал из-за стола и, подойдя к жене, стал о чем-то шептаться с ней. Потом он зашел за буфет, вытащил огромную книжищу с массивной чернильницей, положил, или скорее поставил, их передо мной и сказал:

— Донья Эльвира настолько подобрела, что позволила вам остаться здесь. Запишите свое имя в книгу посетителей!

Я раскрыл книгу. Там были записаны звучные имена, цифры и даты. На последней исписанной странице оказалось перо, старенькое гусиное перо, кончик которого разошелся почти так же широко, как носок моего сапога; к тому же он был покрыт затвердевшей чернильной коркой.

— И я должен писать таким пером? — рассмеялся я.

— Конечно, сеньор. Другого ведь нет, да и у себя вы ничего подобного, пожалуй, не

найдете.

— Но им же совершенно невозможно писать!

— Почему? С тех пор, как я владею этой гостиницей, а это уже почти десять лет, все мои постояльцы пользуются именно этим пером и вот этими самыми чернилами.

Чернила, разумеется, давно высохли.

— Как же они ими писали?

— Подливая воды, как вы легко могли бы догадаться, если бы хоть немного были знакомы с искусством письма. Если подержать перо в горячей воде, оно станет мягким, как новое… Даже еще мягче. Потом наливают горячей воды в чернильницу — и получаются абсолютно свежие, исключительно хорошие чернила. У моего заведения весьма обширная клиентура, и каждый гость должен внести в книгу сведения о себе, поэтому у меня необычайно много пишут, у меня не хватает средств на новые перья и чернила. Вы, видно, совершенно не знакомы с процессом письма, и я, пожалуй, сделаю запись за вас.

— Прошу вас, сеньор, сделайте это. Вы сделаете мне большое одолжение.

— Весьма охотно! Не каждый может быть ученым. Я вам помогу сейчас же; надо только подогреть воду.

Он подошел к буфету. Я увидел, как он налил в лампу спирта или, может быть, рома, поджег жидкость и поднес к пламени жестяной сосуд. Руководствуясь правилом мудрой бережливости, он в продолжение десяти лет вынуждал своих гостей пользоваться одним и тем же пером, теми же самыми чернилами, однако все из той же бережливости — каждый раз сжигал на несколько грошей спирта! Вода закипела по меньшей мере через четверть часа; все это время хозяин терпеливо держал сосуд над лампой; потом он погрузил туда перо, немного прокипятил его, затем вылил воду в чернильницу, резко покрутил в ней пером и сказал очень довольным голосом:

— Так, теперь можно приступать к работе. Я готов.

Он положил книгу перед собой, пододвинул поудобнее чернильницу, энергично откашлялся, схватился за перо, еще раз кашлянул, сильно наморщил лоб, переложил книгу в другое место, опять прокашлялся, поерзал на сиденье, короче, вел себя так, словно собирался написать величайшее произведение мировой литературы.

Я с трудом оставался серьезным. Теперь я понял, почему книга для приезжих имеет такой вид. Пока хозяин кипятил воду, я успел перевернуть несколько страниц. Последние записи были темно-желтого цвета, а чем дальше к началу книги, тем светлее они становились, пока наконец не стали вообще нечитаемыми. На начальных страницах, казалось, никогда не писали.

— Теперь, сеньор, будьте внимательны, — сказал хозяин. — Я занесу день и час вашего прибытия сюда, ваше имя, сословие или профессию, а также цель, ради которой вы здесь появились. Надеюсь, что все это вы мне расскажете в строгом соответствии с истиной.

Я сообщил ему нужные данные, а он записал их весьма неразборчивым почерком. Он не столько писал, сколько рисовал — медленно, очень медленно, с нажимами и каким-то самоотречением, достойным столь важного и благородного занятия. Когда через добрых полчаса он провел последний штрих, лицо его стало очень довольным, и он отодвинул книгу от себя, а потом спросил меня:

— Как вам нравится мой почерк, сеньор? Вы когда-нибудь видели такие красивые буквы?

— Нет, таких букв я не видел, — ответил я в полном соответствии с истиной. — У вас очень характерный почерк.

— Не удивительно, что именно я внес почти все имена, так как большинство гостей точно так же, как вы, не умели обращаться с пером и чернилами. Благодарю вас за сведения о себе, они исключительно ясные, кроме одного момента. В качестве своей профессии вы указали

«литератор». Подобного занятия мне еще не встречалось. Что это такое — ремесло, военное звание или нечто связанное с коммерцией вообще и торговлей домашними животными, в частности?

— Ничего подобного. «Литератор» — это то, что в испанском языке обозначается словами «autor» или «escritor».

Тут он изумленно посмотрел на меня и сказал:

— У вас есть состояние?

— Нет.

— Тогда мне от всего сердца жаль вас, потому что при подобной профессии вы должны голодать.

— Почему, дон Херонимо?

— И вы еще спрашиваете? О, я знаю эти обстоятельства очень хорошо, потому что у нас здесь, в Гуаймасе, тоже есть «escritor». Он очень богат и пишет для газеты, выходящей в Эрмосильо. Ему приходится платить очень много денег, чтобы увидеть свои писания напечатанными. Это занятие связано с большими расходами и совершенно не приносит прибыли. Как можете вы жить? Что вы едите и пьете? Во что одеваетесь? Искренне удивляюсь вам! Да сможете ли вы оплатить все, что у меня съедите?

— Да. На это у меня хватит денег.

— Это меня радует. Хм, escritor! Не удивительно, что вы так необычно здесь появились. Просто не понимаю, как это вы сравнительно хорошо выглядите. Но… Caramba![9] Меня ведь только сейчас осенило: раз вы escritor, то вы же должны уметь писать?

— Конечно!

— И несмотря на это, вы переложили такое трудное задание на меня! Почему вы не проявили свое искусство, в котором так сильны?

— Потому что было бы невежливым противоречить вам, когда вы признали во мне человека, не умеющего водить пером.

— Верно! Такая вежливость может заменить рекомендацию. Могу я спросить, откуда вы прибыли?

— С того склона Сьерра-Верде.

— Пешком? Бедняга!

— У меня была лошадь. Вы, вероятно, заметили, что я ношу шпоры. Моя лошадь упала и сломала ногу, поэтому пришлось ее пристрелить.

— Почему же вы не взяли с собой седло и сбрую?

— Потому что я не хотел тащиться с тяжелым грузом в подобный зной.

— Но вы могли бы продать сбрую, а на вырученные деньги прожить целых два дня. Мне действительно вас жаль. Лучше бы вы не таскали эти старые ружья; за них вы не получите и цента: они ведь совсем старой конструкции — я-то в этих делах понимаю.

Он взял в руки штуцер Генри[10], внимательно рассмотрел его, а когда ему попался на глаза патрон у затвора, бравый малыш покачал головой. Потом он взялся было за медвежебой, вознамерившись и его подержать в руках, но это ружье показалось ему слишком тяжелым, он не смог поднять его одной рукой, а потому оставил в покое.

— Выбросьте эту дрянь! — посоветовал он мне. — В этих железяках нет никакого толку, если же вы попробуете их применить, то только наживете неприятности. Куда вы собираетесь отправиться из Гуаймаса?

— Куда-нибудь на север, на корабле через Эрмосильо[11].

— Тогда вам придется долго ждать. Корабли туда ходят редко.

— Тогда я поеду верхом.

— Но для этого вам надо купить лошадь или мула, а здесь, уверяю вас, верховых животных не купишь даже за большие деньги. Если у вас есть время, то можно бы воспользоваться железной дорогой до Ариспе.

— А поезда часто ходят?

— Поезда? Сразу видно, что вы приезжий, сеньор. Дорога еще не построена. Говорят, ее закончат через три-четыре года, а то и через пять лет. И вы ничего об этом не знаете? Не стоит путешествовать по стране, которую вы плохо изучили и которая расположена так далеко от вашей родины. При вашей бедности это — опасное начинание. Свою родину вы назвали Сахонией. Где находится этот город?

— Это совсем не город, а королевство, входящее в состав Алеманнии[12].

— Совершенно верно! Просто невозможно держать в голове все географические карты. Итак, вы могли бы остаться у меня. Из-за вашей бедности, а также из-за того, что вы, как хороший игрок в домино, украсите наше общество, я войду в ваше положение и возьму с вас самую дешевую плату. Вы получите полный пансион и лучшие продукты всего за один песо [13] в день. Дешевле вы ничего не найдете.

— Благодарю вас, я согласен, — поспешил я с ответом, потому что один песо составлял четыре с половиной марки, а поэтому «полный» пансион и «лучшие» продукты можно было рассматривать почти как подарок.

Он удовлетворенно кивнул, отодвинул свой гроссбух [14] в сторону, снова вцепился в костяшки домино и сказал:

— Вы, конечно, голодны и хотите пить — Фелиса приготовит вам еду, а мы тем временем можем сыграть пару партиек. Начнем!

Ясное дело, он не поинтересовался, расположен ли я играть. Хозяин, кажется, считал само собой разумеющимся, что я такой же страстный игрок, как и он сам. Мы начали партию, потому что я не хотел показаться нелюбезным. Я попытался проиграть, но мне это не удалось, потому что дон Херонимо играл в самом деле отвратительно. Когда мы сидели за третьей партией, от очага, возле которого трудилась сеньорита, стал распространяться запах подгоревшей муки. Посреди четвертой партии хозяин вдруг остановился, ударил себя по лбу и крикнул:

— Да как же я мог об этом забыть! Вы хотите, сеньор, ехать через Эрмосильо, а я и не подумал, что у вас есть отличная возможность. Сеньор Энрико поджидает корабль, который сначала причалит здесь, а потом должен отправиться в Лобос.

— Мне очень бы подошло это местечко. Кто этот человек, которого вы назвали сеньором Энрико?

— Мой постоялец. Его имя записано как раз перед вашим. Вы разве не заметили?

Нет, я не видел его имени. Я тут же схватил гроссбух и нашел соответствующую строчку: «Гарри Мелтон, святой последнего дня». Конечно, это было написано по-английски. Итак, мормон[15]! Как он попал сюда? Какие дела увели его из крупного города Солт-Лейк-Сити так далеко на юг, в Гуаймас?

— Что это вы так задумчиво глядите в книгу? — спросил хозяин. — Может быть, вы заметили в записях нечто особенное, что поразило вас?

— Да, пожалуй, нет. Вы читали запись?

— Да, но не понял. А сеньор так серьезен, горд и набожен, что затруднять его вопросами я не решился. Возможно, я неверно произносил его имя, и тогда он объяснил, что Гарри — то же самое, что испанское Энрико. С тех пор я его так называю.

— Значит, он живет у вас?

— Спит он у меня, но утром куда-то уходит и возвращается только к вечеру.

— А что он делает днем?

— Этого я не знаю. У меня нет времени раздумывать о каждом постояльце.

Да, маленький человечек играл и спал, спал и играл, а значит, не мог подарить свое внимание какому-то гостю. А хозяин продолжал:

— Я знаю только его имя, да еще то, что он ждет судна на Лобос. Сеньор говорит очень мало. Его набожность достойна похвалы. Одно жалко — он не умеет играть в домино!

— Откуда вы знаете, что он набожен?

— Потому что он постоянно перебирает пальцами четки и шагу не сделает без того, чтобы не склониться перед образом, висящим вон там, в углу, и не прыснуть святой водой из чаши у дверей.

Я хотел сделать по этому поводу замечание, но потом почел за лучшее промолчать. Мормон с четками! Многоженство и святая вода! «Книга Мормона» и поклоны перед образом! В любом случае этот человек притворялся, и его поведение было обусловлено важными причинами.

Дальше следовать по пути подобных размышлений оказалось невозможным, так как сеньорита Фелиса принесла мне чашку с густой массой бурого цвета и пожелала приятного аппетита. Хозяин присоединился к этому пожеланию, поэтому я с полным основанием предположил, что мне придется отведать это пойло. Я поднес чашку ко рту, попробовал раз, другой, третий, пока язык не дал мне информацию о том, что я имею дело со смесью из воды, сладкого сиропа и подгоревшей муки.

— Что это такое? — осведомился я.

Тогда Фелиса с удивлением всплеснула руками и выкрикнула:

— Возможно ли такое, сеньор? Разве вы никогда в жизни не пили шоколад?

— Шоколад? — спросил я, причем на моем лице, верно, появилось выражение не слишком большого удовольствия. — Да, я часто пил его.

— Ну, так это он и есть!

— Шоколад? В самом деле? Вот не подумал бы!

— Да, мой шоколад все знают, — удовлетворенно кивнул хозяин. — Я не могу сказать, чем вас поили в других местах, а мой шоколад — самый настоящий. Он просто уникален. Каждый, кто впервые попадает ко мне, удивляется и не хочет верить, что пьет именно шоколад. Вот хотя бы по этому напитку вы можете убедиться, что у меня вас ожидает все самое лучшее.

— А что у вас подают на ужин, дон Херонимо?

— Ужин? — удивился он, а потом объяснил мне, показывая на чашку: — Вот же, это и есть ужин!

— Ах, так! Что же вы предлагаете на завтрак?

— Чашку моего бесподобного шоколада.

— А на обед?

— Чашку того же напитка. Самое лучшее, что можно найти в городке из съедобного.

— А если кто-нибудь из гостей захочет хлеба, мяса или еще чего-нибудь?

— Пусть идет к пекарю или мяснику.

— Так, а вино у вас есть? Ведь шоколад не может удовлетворить жажду.

— О, есть, и преотличное! Хотите попробовать хотя бы один стакан?

— Да. А сколько это стоит?

— Всего тридцать сентаво[16].

На немецкие деньги это составляло половину талера. Дон Херонимо оказал мне честь и сам принес вино, но протянул стакан не мне, а своей дочери. Не моргнув глазом, сеньорита Фелиса

отпила полстакана, а остаток с очаровательной улыбкой протянула мне. Я сделал маленький глоток, почти сразу же вызвавший спазмы горла и приступ кашля. «Вино» оказалось чистейшим ядом, настоящей серной кислотой.

— Медленно пейте, медленно! — предостерег меня хозяин. — Мое вино слишком крепко для вас. Оно отжато из отборного винограда.

— Да, оно, конечно, слишком крепко для меня, дон Херонимо, — откашлялся я. — Позвольте я схожу к пекарю и мяснику!

— Так вы не допьете стакан? — спросила сеньорита.

— Нет. К сожалению, я вынужден очень тщательно заботиться о своем здоровье.

Тогда она поднесла стакан к своему розовому ротику и, снова не поморщившись, опустошила его, а потом приветливо сказала:

— Если уж вы пойдете к мяснику и пекарю, сеньор, то и мне принесите что-нибудь. Благородные и внимательные гости всегда стараются это делать.

Недурно! Платить четыре с половиной марки за мучнистый водянистый сироп трижды в день, да за место в гамаке, возможно, уже перенаселенном, а вдобавок ко всему еще и снабжать провизией хозяйскую семью! И это лучшая гостиница в городе! О, нотариус, нотариус, спасибо тебе за добрый совет, за рекомендацию, но мне все же хотелось бы посмотреть и другие отели.

Я ушел, не выдав, естественно, своих вероломных планов. Целых два часа я занимался поисками лучшего пристанища и быстро убедился, что нотариус был прав, так как по сравнению с трущобами, которые я видел, Meson de Madrid представлялся пышным дворцом. Тогда я купил на песо мяса, которое — между нами говоря — пованивало, взял у пекаря несколько плоских кукурузных лепешек, которые мексиканцы едят вместо привычного нам хлеба, и с такими припасами был принят у дона Херонимо весьма благосклонно. Милая Фелиса сразу же, без лишних разговоров, взяла все это у меня и разожгла очаг, намереваясь поджарить мясо. Трое парнишек занялись кукурузными лепешками, обгрызая их словно кости, а донья Эльвира приподнялась в гамаке, разбуженная запахом жаркого, распространявшимся от очага. К сожалению, мне не удалось рассмотреть ее лица, потому что единственная лампа стояла далеко от нее — на столе, за которым я занял место. Хозяин с готовностью подсел ко мне, смешал костяшки домино и сказал:

— Еще пару партий, сеньор, пока не готова еда — делать-то ведь все равно нечего.

И мы играли, пока не накрыли к ужину, точнее — пока сеньорита Фелиса, лучезарно улыбаясь, не положила передо мной, безо всякой тарелки и прочих столовых принадлежностей, самый вонючий кусок мяса. Другие куски с удивительной быстротой проследовали в соответствии с решением сеньориты, но оно, к сожалению, было принято не в пользу моего желудка.

И вот вместе с последним проглоченным мною кусочком, когда я вытер свой нож о рукав и уже засовывал его за пояс, пришел тот человек, появления которого я нетерпеливо ожидал — мормон. Свет лампы освещал дверь, а поскольку я сидел прямо напротив входа, то увидел, как зашел долгожданный гость. Поклонившись углу, в котором висела икона, он окунул кончики пальцев в маленький сосуд со святой водой и только потом повернулся к нам для приветствия. Однако приметив чужого, то есть меня, остался на месте, пристально разглядывая нового для себя человека, потом быстрым шагом прошел мимо меня, открыл книгу записи приезжих, все еще лежавшую на столе, прочел относящуюся ко мне запись и, пожелав всем доброй ночи, удалился в темноту, где висели гамаки для постояльцев.

Все вышеописанное случилось так быстро, что мне даже не представилась возможность увидеть его лицо. Теперь выяснилось, какое почтение он внушал хозяину, потому что тот, обратившись к своим, прошептал:

— Сеньор Энрико хочет спать. Ложитесь и вы, да чтобы без шума!

Входную дверь заперли на задвижку, а ведущую во двор — оставили открытой. Донья Эльвира, едва приподнявшись, снова упала в гамак. Мальчишки вскарабкались в свой большой широкий гамак; сеньорита Фелиса протянула мне руку на прощание и рухнула в свою пеньковую колыбель. Хозяин пожелал мне приятного отдыха, задул перед самым моим носом лампу и заполз в свои качели. Я же остался сидеть в темноте, слегка ошеломленный проявлением «нежнейшей» заботы о новом постояльце. Но это меня только позабавило. Некоторое время я решал вопрос, в каком же именно месте мне выпадет жребий броситься в объятия Морфея[17]. Но вскоре я услышал могучий храп дражайшей дочки. Мамаша выпускала звуки, похожие на «фуканье», сопровождающие действия человека, задувающего лампу. Папаша извлекал из себя какое-то гудение, сравнимое, пожалуй, с жужжанием шмеля… Я посчитал невозможным уснуть под подобный концерт, поэтому отказался от гамака и отправился во двор, вознамерившись отыскать свое дневное ложе. Собака было зарычала, но потом, похоже, узнала своего прежнего соседа и успокоилась. Я положил на солому свое оружие, с которым по старой привычке не пожелал расстаться, а потом растянулся рядом и проснулся только тогда, когда утро давно уже наступило.

Когда я вошел в помещение, мальчишки возились возле скамьи, донья Эльвира все еще лежала в своем гамаке; сеньорита Фелиса готовила у очага ценнейший шоколадный напиток, который сегодня распространял запах не подгоревшей муки, а убежавшего сиропа. Хозяин поспешил достать домино, чтобы начать со мной вчерашнюю работу данаид[18].

Мормон еще не ушел. Он сидел за столом и, кажется, ждал моего появления, потому что я заметил, как внимательно он наблюдал за мной. Хотя я делал вид, что он мне безразличен, однако мне было трудно оторвать от него глаза; он показался интересным, и даже очень интересным человеком.

На его крепко сбитой фигуре я увидел одежду, подобранную с величайшей тщательностью. Лицо его было гладко выбрито. О, что это было за лицо! Едва увидев его, я вспомнил те своеобразные черты, которыми гениальный карандаш Гюстава Доре наделил дьявола[19]. Сходство оказалось столь велико, что в меня вселилась уверенность, что мормон позировал Доре для этого рисунка. Ему было не больше сорока. Его высокий и широкий лоб обрамляли черные, как смоль, локоны, ниспадавшие с затылка почти до плеч; это были поистине роскошные волосы. Большие, темные, как ночь, глаза отличались тем особым миндалевидным разрезом, который природа создает, кажется, исключительно для восточных красавиц. Нос был слегка изогнут, но не резко; подрагивающее движение светло-розовых ноздрей выдавало могучий темперамент. Рот походил на женский, но все же был обрисован не так мягко; слегка изогнутые вниз кончики губ свидетельствовали скорее об энергичной воле. Его подбородок, одновременно и нежный, и сильный, встречается только у таких людей, дух которых противостоит звериным порывам своей натуры и настолько обуздал их, что посторонние даже не подозревают о существовании подобных склонностей. Отдельные черты этого лица можно было бы назвать красивыми, но они были эффектны лишь сами по себе, потому что в целом всем этим частям недоставало гармонии. А там, где нет гармонии, не может быть и речи о красоте. Не могу сказать, разделяли ли мои ощущения другие, но я чувствовал присутствие в этом человеке чего-то отталкивающего. Соединение отдельных красивых форм в единое целое, в котором присутствовала дисгармония, производило на меня впечатление отвратительного, безобразного. К этому примешивалось еще кое-что. Сходство с образом на рисунке Доре сразу же бросилось мне в глаза; чем больше я смотрел на этого человека, тем яснее чувствовал, что его лицо похоже на другое, когда-то и где-то мною уже виденное, притом — в обстоятельствах,

отнюдь не рекомендованных к повторению. Я вспоминал, копался в памяти, но не мог уточнить ни места, ни времени, ни человека, которому принадлежало это лицо. И в последующие дни, регулярно встречая мормона по утрам и вечерам, я не смог припомнить этого, хотя чем дальше, тем больше я утверждался в мысли, что определенно встречался с очень похожим человеком, который враждебно проявил себя по отношению то ли ко мне самому, то ли к одному из моих друзей.

Всякий раз, когда мы встречались, Гарри Мелтон принимался изучать меня своим проницательным взглядом, стараясь придать ему лишь выражение обычного любопытства, однако мне казалось, что это нарочитое притворство ему нужно лишь для того, чтобы показать мне, сколь неприятное впечатление я на него произвожу. Разумеется, такие подозрения были взаимными.

Я ожидал, как уже сказано, прихода судна, а Мелтон, по словам хозяина, кажется, был уверен в скором его прибытии. Тем не менее я решил не расспрашивать его, так как считал, что, связавшись с этим человеком однажды, больше не смогу от него отделаться. Было ясно, что мне, если я хочу оказаться на борту, надо обращаться лично к капитану. Но произошло событие, никак не предвиденное мною. Когда вечером пятнадцатого дня Мелтон вернулся в гостиницу, он не забрался, как обычно, в свой гамак, а подсел к нам, к хозяину и мне, потому что мы оба, что разумелось само собой, сидели за столом и играли в домино. После долгих усилий мне наконец удалось заставить дона Херонимо выиграть партию. Он, казалось, пришел от этого в восторг и сказал:

— Теперь чары разрушены, сеньор. Вы же согласитесь, что я, если говорить по-честному, играю гораздо лучше вас, но счастье отворачивалось от меня по совершенно непонятным причинам. Вы постоянно забирали лучшие фишки, с моими вообще нельзя было выиграть. Но теперь все должно пойти по-другому, и я покажу вам, насколько я лучше играю. Мы сейчас же начнем новую партию!

Он перевернул костяшки и перемешал их для новой игры. Я не отвечал, рассчитывая проиграть ему, если возможно, и следующую партию; но тут впервые заговорил мормон:

— Как вы можете, сеньор! Разве вы не заметили, что ваш противник прилагает все усилия, чтобы ошибиться и заставить вас выиграть? Вы за всю свою жизнь не научитесь играть так, как он.

Это было сказано откровенно грубо. К тому же Мелтон воспользовался простоватым выражением «сеньор», в то время как маленький человечек привык, чтобы его называли «дон Херонимо», чему придавал большое значение. Хозяин, обычно такой вежливый, испытывавший большое почтение к мормону, теперь дал ему резкий ответ, на что последовало столь же резкое возражение. Они поссорились, после чего Херонимо собрал костяшки, вышел из-за стола и направился к своему гамаку. Мормон удовлетворенно следил за ним, из чего я заключил, что ссору он затеял только затем, чтобы удалить хозяина и остаться со мной наедине.

«Он хочет поговорить с тобой», — подумал я и не ошибся, потому что едва малыш свернулся в своем гамаке, как Мелтон обратился ко мне:

— Вы пребываете здесь уже пятнадцать дней. Вы что, намерены насовсем остаться в Гуаймасе?

Он говорил совсем не тоном вежливого осведомления. Мне показалось, что он хотел обратиться по-дружески, но просто не был к этому готов, и его вопрос прозвучал как слова начальника, разговаривающею с подчиненным, стоящим гораздо ниже его на иерархической лестнице.

— Нет, — ответил я. — Мне здесь делать нечего.

— Куда же вы намереваетесь направиться?

— Может быть, в Пуэрто-Либертад.

Я назвал этот городок, потому что недалеко от него расположен Лобос, куда, как я слышал, мормон собирался отправиться.

— А сюда вы откуда прибыли?

— С того склона Сьерра-Верде.

— Что вы там делали? Верно, золото искали? Нашли что-нибудь?

— Нет, — сказал я в полном соответствии с тем, как обстояли дела, обрывая его дальнейшие расспросы.

— Так я и думал. По всему заметно, что вы бедняк. Вообще-то вы выбрали несчастливое ремесло.

— Почему?

— Ну, я прочитал в книге записей приезжих, что вы писатель, и знаю, что чаще всего эту профессию избирают опустившиеся люди. Как вы отважились забраться в эти края! Вы же немец. Оставались бы у себя на родине, там вы смогли бы писать письма вместо людей, не владеющих пером, составлять счета и подобными трудами могли бы по меньшей мере заработать столько, чтобы не голодать.

— Хм! — проворчал я, не давая ему заметить, как он меня забавляет. — Писание писем — не такое уж прибыльное дело, как вы предполагаете. От голода оно не спасет, да и занятие это не из интересных.

— И вы не нашли ничего другого, кроме как отправиться на чужбину и влачить здесь жалкую жизнь! Не обижайтесь, но это было глупостью с вашей стороны. Не каждому выпадает такое счастье, как вашему тезке, который, еще не родившись, был уже опытным охотником.

— Моему тезке? Кого вы имеете в виду?

— А-а! Я-то думал, что вы хотя бы раз побывали в Соединенных Штатах, в западных прериях, но ваш вопрос показывает, что этого не случилось, иначе бы вы услышали про Олд Шеттерхэнда.

— Олд Шеттерхэнд? Имя-то я слышал. В какой-то газетке я прочитал о приключениях, пережитых этим человеком. Кажется, он был охотником, или следопытом, или… Как там прозываются эти люди?

— Разумеется, это он. Случайно я узнал, что он немец, а так как у вас с ним одинаковые имена, то сначала я подумал, что вы и есть этот самый Олд Шеттерхэнд, но очень скоро моя ошибка обнаружилась. Ваше жалкое положение пробудило во мне сострадание, а поскольку сердце у меня доброе, то я захотел помочь вам стать на ноги, если вы, конечно, будете настолько разумны и схватитесь за тот спасательный круг, который я вам брошу.

Собственно говоря, мне надо было расхохотаться ему в лицо, но я сохранил прежнее, очень скромное выражение на лице. Такой высокомерный тон мормона должен был бы разозлить меня; но мне доставляло удовольствие утвердить его в ложном мнении о себе, и я скромно ответил:

— А почему мне не быть разумным? Я же не ребенок, который не в состоянии оценить сделанное ему добро.

— Хорошо! Если вы согласитесь на мое предложение, то избавитесь от всех забот и кое-чего добьетесь.

— Мог ли я о таком подумать! Прошу вас поскорее поделиться со мной своими планами!

— Только не торопитесь! Сначала скажите мне, что вас привлекает в Пуэрто-Либертад?

— Я бы хотел поискать работу и какой-нибудь приют. В этом вымершем Гуаймасе я ничего не нашел, но надеюсь, что там мне повезет больше.

— Вы заблуждаетесь. Пуэрто-Либертад, правда, лежит на море, но это — еще более унылое

местечко, чем Гуаймас. Сотни голодных индейцев слоняются там в поисках работы, и вам там было бы еще хуже, чем здесь. Вам повезло, что Провидение поставило вас на моем пути. Вы, может быть, уже слышали, что я принадлежу к святым последнего дня. Моя религия предписывает мне каждую заблудшую овцу, встреченную в пустыне, привести к цветущим нивам, так что я вижу свой долг в заботе о вас. Вы можете говорить и писать по-английски?

— Кое-как.

— Этого достаточно. А писать по-испански вы, пожалуй, можете столь же свободно, как говорите?

— Да, но с пунктуацией я не очень справляюсь, потому что в испанском вопросительные и восклицательные знаки ставятся не только позади, но и впереди фразы.

— Ну, тут мы что-нибудь придумаем, — высокомерно улыбнулся он. — Я же не требую от вас мастерства. Хотите быть tenedor de libros[20]?

Он спросил это с таким выражением лица, словно предлагал мне княжество; поэтому я обрадованно ответил:

— Tenedor de libros? Я бы охотно занял это место, но — увы! — я не купец. Правда, я слышал, что существует простая и двойная бухгалтерия, но ничего в ней не понимаю.

— А вам это и не нужно. Вы будете служить не у купца, а на асиенде[21]. Правда, я не смогу определить размер вашего жалованья — это дело асьендеро[22], но уверяю вас, что вы будете довольны. Работы будет немного, и я убежден, что в месяц вы будете получать не менее сотни песо. Вот моя рука. Соглашайтесь, и еще нынче вечером мы подготовим контракт!

Он протянул мне свою руку, и я поднял свою, как бы желая, ударив по рукам, скрепить договор, но потом медленно отвел кисть назад и спросил:

— Это серьезно или вы шутите? Мне это кажется чудом, что вы сделали такое заманчивое предложение чужому человеку, весьма небогатому?

— Да это и есть почти что чудо, а потому советую вам не тянуть с ответом, а быстрее принимать решение.

— Я бы, конечно, охотно согласился, но прежде я бы хотел, естественно, узнать об этом деле подробнее. Где расположена эта асиенда, на которую вы хотите меня отправить?

— Не отправить, а отвезти туда.

— Это еще удобнее. И дорого обойдется мне путешествие?

— Вы не потратите ни сентаво. За все заплачу я. Если вы согласитесь, то сразу же освобождаетесь от любых расходов; я даже готов выплатить вам prenda[23]. Асьендеро — мой друг. Его зовут Тимотео Пручильо, он владеет асиендой Арройо.

— Где же она находится?

— По другую сторону от городка Урес. Отсюда надо добраться морем до Лобоса, а оттуда к поместью ведет отличная дорога. Это будет короткое и очень приятное путешествие, во время которого вы встретите много интересного и поучительного, тем более, что там соберется многочисленное общество из ваших родных краев.

— Как это? Люди с моей родины?

— Да, из Пруссии. Это ведь в Германии. Индеец не может стать надежным работником, поэтому здесь не хватает людей, пригодных для повседневного труда на асиенде. Вот поэтому сеньор Тимотео выписал людей из Германии. Их человек сорок, завтра они прибудут сюда, и многие привезут с собой жен и детей. Они подписали контракты, причем на таких условиях, что за короткое время могут стать зажиточными людьми. Асьендеро попросил меня встретить их здесь и отвезти в Лобос.

— Из какой части Германии они родом?

— В точности я не знаю, но предполагаю, что из Польши или Померании[24]. Помнится, мне говорили, что город, из окрестностей которого они едут, называется Цобили.

— Города с таким названием в Германии нет. Хм! Померания или Польша!.. Может быть, вы имели в виду город Кобылин?

— Да, да. Вы назвали его правильно… Наш агент посадил людей в Гамбурге на корабль. Большой океанский пароход высадил их в Сан-Франциско, где они пересели на небольшой парусник и завтра прибудут сюда. Судно зайдет в местный порт только для того, чтобы взять на борт меня. Если вы хотите все взвесить, могу вам дать время до завтрашнего утра. Если вы и тогда не дадите согласия, я беру свое предложение назад, а вы можете сидеть здесь, сколько вам понравится.

— А вдруг капитан согласится взять меня до Лобоса?

— Он этого не сделает даже за хорошую плату, потому что парусник нанят для перевозки одних только переселенцев. Капитан не может брать посторонних пассажиров. Ну, что тут еще раздумывать? С вашей стороны было бы безумием отклонить мое предложение.

Он выжидательно посмотрел на меня, убежденный, очевидно, в том, что получит утвердительный ответ. Я оказался в затруднительном положении. Мне хотелось заставить его всерьез сделать мне выгодное предложение, а потом высмеять его, но теперь я должен был отказаться от этого. Как еще я уеду отсюда? Уже по одной этой причине нельзя было отказывать мормону.

Но у меня был и еще один повод поехать с ним. Он ожидал моих соотечественников, привлеченных сюда каким-то контрактом. Уже это обстоятельство само по себе должно было пробудить к прибывающим повышенный интерес, но сюда добавилось еще кое-что: меня удивило, что мой путь должен был совпасть с их маршрутом. Я знал, что Урес, вблизи которого следовало искать асиенду, расположен на Рио-Сонора. Кратчайший и самый удобный путь отсюда вел к Эрмосильо, а дальше — вверх по реке Соноре. Мормон же хотел доставить их в Лобос, то есть на добрых тридцать лиг[25] дальше. Дорогу оттуда по суше он мне, правда, описал как превосходную, но я, даже не зная ее, предполагал, что он пытается меня обмануть. И даже если он сказал правду, то сделал это по какой-то причине, известной лишь ему, а так как подобный объезд не делают люди, везущие с собой женщин и детей, то я вынужден был предположить, что о причине объезда они просто не знают. И вот мне пришла в голову мысль, что переселенцам грозит какая-то опасность. Но кто, кроме меня, может выявить ее и предупредить этих людей? Оставшись в Гуаймасе, я не смогу сделать это. Значит, я должен поехать с ними. Но как? Связывать себя письменным контрактом я не мог. Кроме того, мне, разумеется, казалось в высшей степени подозрительным то обстоятельство, что мормон, считавший меня опустившимся, ни на что не способным человеком, буквально навязывает такое лакомое местечко. Уже одно это предполагало какую-то тайную цель, которую я, к сожалению, никак не мог отгадать. Нужно было время, чтобы разобраться во всем. Поэтому на последнее замечание мормона я ответил:

— Вы правы, сеньор. С моей стороны было бы не просто глупостью, но и ужасной неблагодарностью отвергнуть вашу доброту. Я должен бы моментально согласиться, если бы не чувствовал себя обязанным основательно усомниться в вашем предложении.

— Вы мне не доверяете? Могу я узнать, что это за сомнение? Не выскажетесь ли?

— Конечно! Я еще никогда не занимался бухгалтерией и никогда не жил на асиенде. Стало быть, я сомневаюсь, что смогу удовлетворить запросам асьендеро.

— Да бросьте вы! — прервал он меня. — Я же сказал вам, что это воистину детская работа. Для вас она — игрушка. Вы будете просто учитывать, сколько чего собрано на полях и в апельсиновых садах и какую прибыль получил за это сеньор Тимотео. Еще будете записывать,

сколько рождается жеребят и телят. Вот и все, что от вас потребуется.

— И за это я буду жить на всем готовом, да еще получать сотню песо в месяц?

— По меньшей мере — сотню!

— В таком случае, разумеется, можно было бы немедленно ударить по рукам, но я все же хотел бы сначала посмотреть, заслуживаю ли я этого доверия.

— Тем самым вы докажете свою принадлежность к немецкой нации. Как святой последнего дня, я выше всего ставлю страх перед Богом и честность, но немцы слишком уж педантичны в этом вопросе. Вы прямо-таки удивительные люди!

— Может быть, сеньор, но извольте заметить, что я не отвергаю ваши предложения. Я поеду с вами, но только тогда полностью свяжу себя, когда осознаю, что действительно заслуживаю те деньги, которые мне собираются платить.

— Это нелепость, но если вы не желаете иного, то сойдет и так. Ну, а как там у вас с кассой? Ведь на какие-то деньги вы сюда приехали. Поскольку вы поедете условно, то твердого договора у вас не будет, и я не обязан платить за вас. Все, что я могу в этих обстоятельствах вам предложить, так это бесплатный проезд на судне.

— Я доволен и этим. По счастью, у меня завалялось еще несколько песо, которых хватит, пожалуй, на то, чтобы добраться до асиенды.

— Но в таком наряде я не смогу взять вас с собой. Не могли бы вы достать новый костюм?

— Да, ведь в такую жару покупают только легкое и дешевое.

— Так позаботьтесь об этом и постарайтесь, чтобы мне не пришлось ждать вас завтра утром. А теперь — спокойной ночи!

Он энергично кивнул мне и, не подав руки, пошел к своему гамаку. Дети уже спали; сеньорита Фелиса храпела; донья Эльвира пыхтела, а маленький Херонимо, только что заснувший, издавал звуки, похожие на скрип несмазанных дверных петель. Я задул лампу, вышел во двор и улегся на свою милую охапку соломы, где успевшая привыкнуть ко мне собака дружески облизала руку. Хотя на следующее утро я проснулся очень рано и вошел в комнату для гостей, когда хозяйская семья еще спала, работая в упомянутом акустическом режиме, ни поговорить с мормоном, ни даже увидеть его мне не удалось, потому что он уже покинул гостиницу. Где он будет в течение дня? Никто этого не знал, чему я немало удивился, потому что тот, кто идет честным путем, не будет скрывать свои деяния.

После того как я разбудил сеньориту Фелису, чтобы получить фирменный утренний шоколад, и выпил тридцатую чашку этого напитка, мне раскрылась, к сожалению, слишком поздно, тайна его приготовления: милейшая девушка использовала для него ту самую воду, в которой она перед этим мыла свои нежные пальчики и очаровательное личико. Я оценил эту семейную, сохранявшуюся в тайне экономию и притворился, что у меня болит желудок, а потому я вынужден отказаться от шоколада. Сеньорита осчастливила меня нежным взглядом, поднесла чашку ко рту, выпила ее, отерла губы тыльной стороной руки и заговорила весьма проникновенным голосом:

— Сеньор, вы самый благородный, самый тонкий кавалер, которого я когда-либо видела; если вы женитесь, то сделаете свою сеньору очень счастливой. Очень жаль, что вы уезжаете. Не могли бы вы здесь остаться?

— Может быть, вы этого желаете? — усмехнувшись, спросил я.

— Да, — ответила она, слегка покраснев.

— А чем вызвано ваше желание, сеньорита? Счастьем, о котором вы только что говорили, или шоколадом, который я так охотно вам уступил?

— И тем и другим, — выдохнула она с восхитительной искренностью.

Возможно, она ожидала, что начало этого утреннего разговора я доведу до счастливого

конца, но я — увы! — посчитал покупку нового костюма куда более необходимым делом, чем поспешная помолвка, и пошел разыскивать baratillero[26]. Его лавчонка была настоящим складом ветоши, но, к счастью, я нашел там искомое: брюки, жилет и пиджак из грубого полотна, а также соломенную шляпу с такими широкими полями, что если бы я согласился с намерениями сеньориты Фелисы, то уместился бы под ними со всеми свадебными гостями. Купил я и кусок дешевой ткани, чтобы с помощью всегда находившихся при мне иголки и ниток сшить чехол для ружей. Для этого были веские основания: мормон еще какое-то время не должен менять своего мнения обо мне. А так как, кажется, он слишком много слышал об Олд Шеттерхэнде, то, возможно, он знает и про ружья, которые этот знаменитый охотник с собой возит, поэтому не стоило ему показывать мое оружие. Еще я купил пару крепких кожаных ботинок. Когда в таком элегантном одеянии я вернулся в гостиницу, дон Херонимо в удивлении развел руками и произнес:

— Что я вижу! Вы разбогатели? Вас, сеньор, спокойно можно сравнивать с любым дворянином, выходцем из Старой Кастилии[27]. К сожалению, вы твердо решили уехать, но если бы я прежде увидел вас в таком костюме, то предложил место управляющего моей гостиницей, а то и вообще сделал бы своим компаньоном!

Внешность моя действовала так чарующе, что сеньорита Фелиса приложила руку к сердцу, тяжело засопев, и даже сама донья Эльвира немного приподнялась в гамаке, чтобы подарить мне свой восхищенный взгляд, а потом с одобрительным вздохом легла на место. Кажется, для дам я стал настоящим сердцеедом, а так как это обстоятельство нельзя было отнести на счет моих внутренних или внешних достоинств, то всю волшебную силу оставалось приписать полотняному костюму, стоившему на немецкие деньги ровно одиннадцать марок. К сожалению, этот наряд недолго сохранял внешний лоск. Очень скоро и пиджак, и брюки расползлись по швам и растерялись по всем сторонам горизонта лоскутами и кусочками различной величины. Конечно, я мог бы приобрести одежду получше и попрочнее, да не хотел показывать господину Мелтону, что у меня достанет на это средств.

Около полудня мормон зашел за мной в гостиницу, потому что парусник уже прибыл. Он не завернул в гавань, а лег в дрейф на внешнем рейде. Стало быть, нам придется воспользоваться лодкой.

Прощание с любезными хозяевами было трогательным. Дон Херонимо совершил героический поступок, подарив мне на память комплект домино, и почти всплакнул от удовольствия, когда я отказался от подарка. Трое парнишек простились со мной, обвив мои ноги и вытирая свои носы о мои новые брюки. Сеньорита Фелиса хотела поднести к глазам носовой платок, но так как вместо него в ее руках случайно оказалась грязная хозяйственная тряпка, то она стерла печаль со своего плачущего лица сажей, и это произвело на меня куда более глубокое впечатление, чем если бы она воспользовалась настоящим льняным платочком. А донья Эльвира настолько приподнялась в своем гамаке, что я почти разглядел ее лицо, и простилась со мной усталым жестом правой руки. Собаке я принес немного колбасы, желая отблагодарить ее на прощание за верную охрану моей постели, потому что у меня были все основания полагать, что она ни разу в жизни не пробовала ничего подобного. Херонимо и Фелиса вышли со мной во двор. Я вытащил из кармана колбасу и протянул ее собаке, но сеньорита оказалась проворнее. Она вырвала этот дар бескорыстной любви у меня из рук и сказала:

— Что вы делаете, сеньор! Я даже подумала, что вы хотите потратить этот деликатес на животное! Он принадлежит мне, и я съем его в память о вас.

И, не продлив эту память ни на секунду, она сразу же храбро впилась зубами в колбасу, что побудило отца быстро схватить ее за руку с намерением урвать и себе кусок, чтобы тоже поучаствовать в воспоминаниях.

Сеньорита убежала с истошным криком, отец помчался за ней, что позволило мне побыстрее покинуть сей гостеприимный дом. Собаке же пришлось довольствоваться ласковым прикосновением, что было куда менее питательно, чем разбойно похищенный у нее мой прощальный подарок. Потом я поспешил к Мелтону, ждавшему меня на улице, и мы пошли к гавани, где сели в лодку и отправились на парусник.

Он представлял из себя маленькую шхуну, какие по меньшей мере тогда умели строить одни янки[28]: быстроходный парусник с таким количеством парусины на мачтах, что судно ловило даже самый легкий ветерок. Как только мы оказались у борта, с палубы нам кинули фалрепы[29], а над фальшбортом[30] показались головы пожелавших взглянуть на нас пассажиров. Мы поднялись наверх.

Ступив на палубу, я прежде всего увидел девушку лет восемнадцати с восточными чертами необычайно красивого лица и очень нарядно одетую. Наряд ее состоял из высоких шнурованных ботинок, белых чулок, красной юбки, обрамленной темной бархатной каймой, и голубой блузки, украшенной серебряными застежками и такой же цепью. Пышные, заплетенные в две длинные косы волосы были прикрыты маленькой шляпкой с пером. Подобная одежда была бы уместной где-нибудь на маскараде, а не здесь, на палубе американского торгового судна, везущего переселенцев. Возле девушки стоял худой пожилой мужчина. Его одежда и ярко выраженный тип лица не оставляли никакого сомнения в том, что это — польский еврей. Когда его взгляд упал на мормона, мужчина невольно вскрикнул: «Дьявол!» Хотя в польском я не силен и знаю всего несколько слов, но это восклицание я отлично понял. Значит, мормон произвел на этого еврея точно такое же впечатление, как и на меня, хотя на лице Мелтона не было и следа того выражения, что обычный необразованный человек понимает под словом «дьявольское».

Прочие пассажиры были бедняками, что замечалось с первого взгляда. Они знали, что на борт прибыл их новый предводитель, и жадно разглядывали Мелтона, так как меня за ожидаемого им и в голову не пришло принять, хотя мой внешний вид сейчас больше подходил для роли начальника. Капитан был знаком с мормоном, потому что сразу же подошел к нему и поприветствовал его пожатием руки, какое не предназначают незнакомцам. Я подметил это, потому что очень внимательно за всем наблюдал, считая необходимым фиксировать каждую мелочь. Они отправились вдвоем на корму, вероятно, чтобы обменяться необходимыми сведениями. Я отошел в сторонку, прислонил завернутые в полотняный чехол ружья к мачте, а сам уселся на бухту пенькового каната, оказавшуюся поблизости. Я пересчитал пассажиров; оказалось, что среди них было тридцать восемь мужчин и взрослых парней, четырнадцать женщин и взрослых девушек и одиннадцать детей — всего шестьдесят три человека.

После того как переселенцам надоело глазеть на мормона, они обратили свое внимание и на меня. Я видел, как пассажиры делились мнениями о моей персоне; они не знали, за кого меня принять, а чтобы выяснить это, поручили еврею расспросить меня. Он подошел ко мне, сдернув черную шелковую шапочку, прикрывавшую жидкие волосы, и обратился ко мне на чудовищной смеси английского и испанского языков, в выражениях, явно выученных во время путешествия. Этой мешанины я понять не мог, поэтому быстро прервал его старания вопросом, заданным по-немецки:

— Вы, верно, прибыли из окрестностей Кобылина, что находится в польских краях?

— Да, да, конечно! — сразу же ответил он, причем на лице его появилось изумленное выражение.

— Тогда, значит, вы сильны в немецком, и не стоит мучить себя чужеземными выражениями.

— Господи Боже! — воскликнул он, хлопнув в ладоши. — Так, значит, я буду иметь

радость и честь узнать в вашем лице германского по происхождению господина?

— Да, я немец, — кивнул я, немного удивленный его способом выражаться на родном языке.

— Это меня обрадовало до глубины души! Могу я попросить вас взяться за разрешение вопроса, в какой земле и административном округе вы испытали удовольствие рождения своей достойной личности?

— Я саксонец.

— О, прекрасно, замечательно! Я знаю и люблю вашу родину, так как часто бывал там, путешествуя до Лейпцига, на ярмарку, чтобы уловить на тамошних улицах торговую конъюнктуру. Примите милостиво в расчет, что я с малых лет занимаюсь торговлей, и будьте добры сделать мне устное разъяснение, какого сорта дело выбрали вы в жизни. Будьте столь любезны!

— Мою профессию на польском языке определяют как uczony prywatny[31]. Никаких дел я не веду, а за границу поехал затем, чтобы проводить кое-какие исследования. При таком образе жизни может случиться, что у кого-то кончаются средства, как это теперь произошло со мной, так что я вынужден был отправиться на асиенду Арройо, чтобы поискать там работы и заработка.

Я сказал именно так, потому что не считал нужным сразу же говорить ему всю правду.

— Тогда у вас есть твердое намерение ехать на ту же самую асиенду, которая намечена конечным пунктом нашего плавания и где нас ангажировали на несколько лет работы и экономного существования. У вас есть твердый контракт? Вам объяснили, какого рода будет ваша профессиональная деятельность?

— Меня пригласили на место бухгалтера, однако окончательного согласия я еще не дал. Я решу только тогда, когда смогу познакомиться с местными условиями.

— Бухгалтер? Это — тонкая работа. Вы станете начальником, и я позволю себе, высокоуважаемый господин, предложить один… два… нет — целых три процента скидки со всех товаров, которые вы станете покупать у меня.

— Что? Вы хотите открыть лавку на асиенде?

— Да. Там, на старой родине, теперь такая маленькая прибыль, что надо каждый день все туже стягивать на поясе ремень; напротив, в Америке, которая здесь называется Мексикой и Сонорой, песо и доллары лежат прямо на улицах; нужны только глаза, которые могут их увидеть.

— Хм! И от кого вы это слышали?

— От агента, приехавшего нас нанимать, а он был человеком очень опытным, богатым знаниями и силой духа.

— Ах, так! Ну, конечно, агент должен быть знакомым с условиями; против этого ничего не скажешь. А он заключил с кем-нибудь из вас письменный контракт?

— Он подготовил для каждого бумагу с печатью и витиеватой подписью. Он привез нас в порт и разместил на корабле, ходящем по величайшему в мире морю. Мы шли по морю многие, очень многие недели, пока мы не вошли в гавань Сан-Франциско, где нас пересадили на это маленькое судно; здесь мы забрали вожака, а на сушу нас выгрузят в Лобосе, где мы начнем новую, лучшую жизнь, накапливая имущество и сложные проценты.

— Кем были ваши спутники на родине?

— Ремесленниками, мелкими арендаторами или владельцами крохотных полей с маленькими домами и садиками. Пройдет несколько лет, и каждый из них будет владеть асиендой с обширными плантациями и пастбищами. Так говорил агент, так он клялся; он дал мне книгу, в которой это напечатано черными буквами на белой бумаге. Люди устроили

собрание и объявили меня старшим; позднее это будет должность бургомистра асиенды Арройо. Если впоследствии у вас появится какое-нибудь желание или просьба, вы сможете спокойно обращаться ко мне, и я охотно буду в вашем распоряжении.

— Вы везете с собой семью?

— Только дочь. Моя жена, милая Ребекка, вот уже четыре года как умерла, покинула землю, так что теперь у меня осталась только Юдит, дитя от нашего брака и единственная дочь моей души. Вот она стоит смотрит на нас обоих. Она — девушка внешне красивая и милая характером. Внешность она унаследовала от матери, а силу духа — от отца. Она уже теперь стала наследницей моего состояния, а скоро будет такой богатой дамой, что все кавалеры поспешат протянуть руки, чтобы получить право называться женихом моего прекрасного ребенка. Она выберет самого изысканного и знатного из них, благородного родом и богатого способностями. Разве может сравниться с таким зятем Геркулес, бежавший за нею до самой Мексики, хотя он совсем другой веры, а владеет едва лишь десятой частью денег, которые я уже сегодня, если бы захотел, мог дать за мою душечку Юдит!

— Какой Геркулес? О ком вы говорите?

— О бродяге, который облокотился о бушприт [32] и не сводит с моей дочери глаз, а она и знать его больше не желает.

— Не хочет его больше знать? Значит, прежде она испытывала к нему другие чувства?

— К великой боли моего сердца — да. Она была в гостях у дочери брата моей матери, в городе Позен[33]; они купили билет на цирковое представление, где можно было полюбоваться на могучую силу некоего Геркулеса, поигрывавшего железными штангами и центнеровыми гирями. Этот Геркулес и моя дочка увидели друг друга и сразу же влюбились. Без моего ведома она пообещала ему свою руку, и вот теперь он хочет основать свой собственный цирк, чтобы стать самостоятельным и известным.

Когда я узнал об этом обстоятельстве, меня чуть не хватил удар, я говорил со своей девочкой и по-доброму и по-плохому, отговаривая ее от этой сделки, которая ничего не может принести, кроме пятисот процентов убытков. Мои просьбы и угрозы не приносили результата, потому что она с упорной непоколебимостью не хотела покинуть этого Геркулеса, пока не появился лейтенант-резервист с элегантной фигурой, красными крагами и сверкающими пуговицами. Перед его именем красовалось громадное «фон»[34], и когда он предложил моей дочери руку и сердце, Геркулес со своими надеждами обанкротился.

Но лейтенант все тянул с обручением, и мы наконец узнали, что он буквально по уши в долгах, дочка дала ему отставку и гордо отвернулась от него.

Вот тут-то и появился вербовщик переселенцев, и когда он расписал нам чудесную страну Мексику, где рудники полны золота и серебра, где кабальеро скачут на великолепных жеребцах под красными чепраками, где дамы лежат в гамаках и курят ароматные сигары, тогда Юдит, моя единственная дочь, перестала мечтать о чем-либо ином; она тоже захотела стать сеньорой в гамаке, и мне пришлось пойти навстречу ее желаниям, продать свой дом и свое дело, чтобы стать здесь влиятельным и могущественным человеком. Вы тоже едете на асиенду Арройо, поэтому сможете видеть, как будут возрастать мой вес и мое значение.

Но Геркулес, узнав о том, что мы отправляемся за море, тоже пошел к агенту и подписал контракт, чтобы не потерять мою несравненную дочь и, может быть, получить ее в конце концов в жены. Он собрал все свои сбережения, тайно вышел из цирковой труппы, и мы, когда прибыли на судно, пришли в неистовство, увидев этого человека среди путников, отправляющихся в страну, где текут не только мед и молоко, но — даже золото и серебро, чтобы наполнить карманы тех, которым удается открыть их в нужное время и в нужном месте.

Если вы хотите быть представленным моей дочери, то можете теперь пойти со мной, но сначала вы должны торжественно пообещать мне, что совершенно откажетесь от попыток завоевать ее сердце и ее любовь, ее руку и ее состояние.

Этот человек был круглым дураком, совершеннейшим болваном, слишком любящим отцом, доверяющим во всем своей дочери, чье кокетство и тщеславие можно было сравнить только с ее же бессовестностью. Тем не менее мне не хотелось обижать его отрицательным ответом, хотя никакого удовольствия от «разрешения представить себя» я тоже не испытывал. Как раз в это время ко мне приблизился мормон и поманил к себе, чтобы показать место, отведенное для меня на корабле.

Под главной палубой располагались крохотные каюты, каждая из которых предназначалась для двух человек. Слуга провел меня в предназначенное мне помещение, где я заметил, что буду в нем не один, поскольку второе место уже было занято.

— С кем я буду здесь жить? — спросил я.

— С крепким долговязым немцем, которого зовут Геркулес, — послышалось в ответ.

— Что это за парень?

— Очень спокойный человек. Вы не смогли бы найти лучшего соседа. Бедный парень, кажется, нацелился на прекрасную еврейку, потому что он, вечно стоя в отдалении, не сводит с нее глаз, хотя она совсем не обращает на него внимания.

Это сообщение меня удовлетворило. Бегать за этой девчонкой было бессмысленно, но он, кажется, был порядочным человеком. Кроме того, одет он был лучше и богаче других, кое-что накопил, несмотря на свою профессию, сбивающую к легкой жизни. Все это свидетельствовало в его пользу, и я считал, что мы поладим на короткое время перехода до Лобоса.

Иллюминаторы были открыты, а поэтому в каюте оказалось гораздо прохладнее, чем наверху, на палубе, где почти не было защиты от жара низвергающихся прямо на голову солнечных лучей; поэтому я вытянулся на простой койке и желал бы пролежать на ней до конца рейса. Через короткое время дверь распахнулась, и на пороге показался Геркулес. Он бросил подозрительный взгляд на меня и промолвил:

— Слуга только что сказал мне, что он разместил здесь вас, хотя я уже оплатил всю каюту. Я слышал, что вы немец, поэтому решился стерпеть; надеюсь, у меня не будет повода сожалеть о своем решении.

Это было сказано достаточно ясно, но у этого доброго человека были личные проблемы, что оправдывало его грубость, а поэтому я ответил ему с улыбкой, приветливым тоном:

— Я постараюсь поддерживать с вами хорошие отношения, потому что вы как сосед по каюте подходите мне гораздо больше, чем другие пассажиры.

— Почему это? Вы же меня совсем не знаете. К чему эта лесть? Я не люблю подобного обращения.

— Это не лесть, а сущая правда. Старый еврей все рассказал мне про вас. Вам не придется обижаться на меня.

— Если вы этого действительно хотите, то не ухаживайте за Юдит. Каждого, кто попытается это сделать, я уложу на землю вот этим кулаком!

— Не беспокойтесь! — улыбнулся я. — На такой тропинке мы никогда не встретимся. Но почему же тогда вы не пришибли лейтенанта?

— Я его пожалел. Мне ничего не стоило расплющить ему нос, но я знал, что неверность Юдит вызвана не самим лейтенантом, а его яркой формой. Давайте больше не говорить об этом, а старик пусть болтает, что хочет. Я знаю, что делаю, и больше ничего не хочу слышать о поведении Юдит и ее отце.

— Да и мне не доставляет ни малейшего удовольствия ими заниматься, но скажите мне, по

крайней мере, как зовут старика и каким родом деятельности он занимается?

— Больше всего он занимался мехами, а еще завел ломбард. Он сколотил себе небольшое состояние, и это лишило его разума.

— Он полагает, что за короткое время в Мексике станет Крезом[35]. Быть может, вы придерживаетесь такого же взгляда?

— Да мне такое и в ум не приходило! Я не такой легковерный, как Якоб Зильберберг — так зовут отца Юдит. Напротив, я скорее убежден, что агент был законченным негодяем, а бедные люди встретятся здесь с такими опасностями, о которых они и не подозревают. Поэтому я и поехал с ними. Я хочу стать защитником Юдит и уверен, что тогда она образумится.

Он опустился на свое место и замолчал. Попыток продолжить разговор я не предпринял. Позднее, когда шхуна шла под относительно сильным бризом, отчего жара стала терпимее, я вернулся на верхнюю палубу и расположился в укромном местечке, откуда мог без помех наблюдать за происходящим. Вскоре ко мне подошел Зильберберг, вновь заведший разговор о своей дочери, но я дал ему очень ясно понять, что меня эта тема нисколько не интересует, и тогда он отошел, не спросив даже, хочу ли я быть представленным его любимице.

Ненадолго подходил ко мне мормон, перекинувшийся со мной парой слов. Он ходил по палубе, от одного пассажира к другому, приветливо разговаривал с каждым, угощал сигарами, гладил по щекам детишек — в общем, делал все, чтобы завоевать доверие и расположение людей.

Дольше всего он задержался возле Юдит, с которой о чем-то оживленно беседовал, тогда как Геркулес в это время стоял возле люка, ведущего в каюты, и внимательно наблюдал за обоими. Брови его были сдвинуты, а губы плотно сжаты. Мне показалось, что в этот момент на горизонте показалось облачко, которое позднее закроет все небо и разразится громом и молнией.

О пассажирах на корабле заботились довольно хорошо. Помещения не были забиты битком, хватало питьевой воды и сытной пищи. Никто не жаловался, и каждый с безмятежной надеждой смотрел в будущее. Один я не доверял этой безмятежной обстановке и сомневался в радужных перспективах. Геркулеса я не принимал в расчет, потому что его недоверие было неосознанным, и он тоже не знал, в чем его обманывают. Возможно, я зря думал о мормоне плохо? Мне надо было перебраться через границу, к Виннету, а Лобос лежал как раз по дороге. Поездка мне ничего не стоила. Казалось бы, эта ситуация должна была меня устраивать. Лучше ли было добираться до Лобоса самому, не связываясь с мормоном и не заботясь об его поляках?

Такие мысли одолевали меня, я взвешивал и так, и сяк все эти обстоятельства и никак не мог отделаться от предчувствия, что переселенцев везут на погибель. После, когда я забрел на корму, ко мне обратился капитан:

— Позвольте вас поздравить, мастер[36]! Мелтон сказал мне, что вы собираетесь наняться бухгалтером. Хватайтесь за это место, потому что подобные предложения делают не часто.

— Значит, вам знакомы эти края, кэп?

— И еще как! Асьендеро — мой старый, так сказать, друг. Он богат и, вообще, весьма почтенный человек. Если он нанимает работника, то уж заботится о нем, как отец родной. В этом вы можете быть уверены.

— Стало быть, вы полагаете, что вашим нынешним пассажирам будет у него хорошо?

— Не полагаю — я уверен в этом.

Капитан производил приятное впечатление, я должен был бы ему поверить, однако я все же спросил:

— Но контракт! Действителен ли он?

— Контракт — пустяки! Вы сразу же увидите, как уважительно обходится сеньор Тимотео

со своими новыми работниками.

Он попросил переселенца, находящегося к нам поближе, показать свой контракт. Тот вытащил бумагу и подал ее мне. Документ был подписан им самим, агентом, а также представителем властей и состоял из одного-единственного параграфа. Содержание его было примерно следующим: завербованному обеспечивались проезд и хорошее обслуживание до самой асиенды, а тот обязывался работать по восемь часов в день в имении сеньора Тимотео Пручильо или его будущих наследников, получая в качестве вознаграждения по полтора песо в день плюс жизнь на всем готовом. Срок контракта истекал через шесть лет.

Я был изумлен. Контракт был не только правильно составлен, но и обеспечивал переселенцам хорошие условия проживания, так как при такой плате работник был в состоянии накопить за год около двух тысяч немецких марок. Теперь мне стало понятно, как агенту удалось заманить на заброшенную асиенду компанию в целых шестьдесят три человека. Я признал, что мое недоверие было необоснованным. Но Пручильо-то вел честную игру, а вот был ли искренен мормон? Но почему бы и нет? Какие у меня доказательства?

Может быть, мой житейский опыт приучил меня к излишней подозрительности и предусмотрительности? Разве не мог Мелтон оказать мне бескорыстную помощь, которая требовала ответной благодарности? Я был совсем сбит с толку и к вечеру пришел к решению оставить шхуну в Лобосе и продолжить дальнейший путь в одиночку, предоставив переселенцев своей судьбе. Но здесь случилось событие, сделавшее невозможным выполнение моего плана.

А случилось вот что. Я удивился, что после ужина всех переселенцев пригласили покинуть палубу и отправиться в свои каюты. Это распоряжение касалось и меня. Поскольку наступил вечер, жара спала и подул освежающий ветерок, люди бы охотно оставались еще некоторое время на палубе, но они, естественно, вынуждены были повиноваться. По недоумению, которым был встречен приказ, я понял, что распоряжение было неожиданным, так как до сих пор пассажиры могли в свое удовольствие оставаться на палубе весь вечер, а то и всю ночь. Я сразу же узнал об этом, когда, задержавшись наверху, уходил в трюм последним и был встречен своим соседом Геркулесом ворчливыми словами:

— Зачем это мастеру Гарри Мелтону понадобилось загнать нас вниз?! Вы не знаете, почему он это сделал?

— Нет.

— Черт его побери! Если весь день люди должны поджариваться на солнце или проводить время здесь, в душной дыре, то возможность провести вечер на свежем воздухе надо рассматривать как благо и даже как потребность. До сих пор мы этим всегда пользовались.

— В самом деле? Значит, подобное распоряжение сделано впервые?

— Да. И я убежден, что оно исходит от Мелтона.

— Почему вы так думаете?

— Во-первых, потому, что нас отослали вниз, как только он оказался на борту, а во-вторых, ну, вторая причина несколько туманна, и я бы предпочел промолчать.

— Вы не хотите говорить, потому что не доверяете мне?

— А вы ожидали другого? Вы только недавно появились здесь, стало быть, не можете требовать, чтобы я делился с вами своими мыслями.

Так как я очень хотел узнать, что он думает по этому поводу, то ответил:

— Значит, вы боитесь мормона и молчите только оттого, что полагаете, будто я передам ему ваши слова.

Я правильно догадался, потому что, как только я кончил, он набросился на меня:

— Что вам за дело! Бояться, мне? Хотел бы я видеть человека, способного внушить мне страх. А уж этого парня, который, правда, хорошо обходится с людьми и даже с первого часа

начал приударять за Юдит, я нисколько не боюсь, хотя он и плут.

Его слова позволили мне понять, что он не только не доверяет мормону, но еще и ревнует к нему. Значит, я мог надеяться, что в случае непредвиденных обстоятельств найду в нем союзника. Поэтому я мог быть с ним немного искреннее, чем следовало бы ожидать после столь короткого знакомства. И я ему прямо сказал:

— Почему же тогда вы позволяете мне думать, что вы его боитесь? Почему вы со мной не откровенны, хотя я говорю вам, что не считаю мормона честным человеком, несмотря на его бросающиеся в глаза усилия всем понравиться?

— Это правда? Вы так считаете? — быстро спросил он.

— Я же называю вам факты, а то, что я говорю, должно быть правдивым.

— Есть ли у вас другие причины, кроме его заигрываний с переселенцами? Вы поднялись на борт вместе с ним, стало быть, повстречались с ним раньше меня и знаете его лучше. Впрочем, вы же понимаете, что именно это и объясняет причину моего недоверия к вам.

— Я понимаю ваши чувства, но я не заслужил вашего недоверия, потому что очень недолго был знаком с мастером Мелтоном. Мы прожили две недели в одном отеле, не общаясь друг с другом. Только один раз мы разговорились подольше, когда он увидел, что я несчастный бедняк, и спросил меня, не захочу ли я стать бухгалтером на асиенде Арройо. Учитывая мое нынешнее положение, я согласился, и он сегодня привел меня на корабль.

— Значит, вы знаете его не лучше меня. Почему же тогда вы сказали, что он нечестный человек?

— Я вывожу это не из какого-то факта, доказывающего его подлость, а потому лишь, что меня предостерегает инстинкт. Мне кажется, что я его должен опасаться.

— Хм! И у меня точно такое же ощущение. Парень мне еще ничего не сделал дурного, наоборот, он по меньшей мере столь же дружески настроен по отношению ко мне, как и к прочим переселенцам, а я терпеть его не могу. Мне не нравится его физиономия. А еще — взгляды, которыми он втайне обменивается со стюардом[37].

— А они перемигиваются? Я что-то этого не заметил.

— Конечно, перемигиваются, и притом так, словно бы давно были знакомы, и в то же время делают вид, что они совершенно чужие люди.

Подобного наблюдения я не успел сделать. Глаза Геркулеса были зорче от ревности. Конечно, он мог и заблуждаться, поэтому я спросил:

— А вы не ошиблись? По отношению мормона коридорный слуга занимает такое низкое положение, что всякая конфиденциальность между ними, о чем можно было бы подозревать вследствие раскрытого вами обмена взглядами, почти полностью исключается. Может быть, однажды они и виделись, но это и все. Возможно, замеченные вами взгляды были чем-то вроде приветствия.

— Я тоже доверяю своей интуиции. Мои глаза никогда меня не обманывают. Если бы эти парни захотели поздороваться, то они могли бы это сделать открыто. А вот если они не желали, чтобы их перемигивание увидели, значит, у них было серьезное основание скрывать свое знакомство. Есть что-то в их поведении нехорошее, нечестное.

— Верно. Завтра я понаблюдаю за обоими повнимательнее.

— Займитесь этим! Они, безусловно, что-то скрывают. Правда, я не боюсь за нас и наше будущее, потому что контракты наши оформлены по всем правилам и гарантируют нам полную безопасность; но между Мелтоном и корабельным слугой существует какая-то связь, которая могла бы нам навредить. Хотел бы я знать, что за всем этим скрывается.

— Хм, я тоже!

— Возможно, не стоит доверять и капитану. Почему, как только мормон оказался на борту,

капитан отвел его на корму, чтобы переговорить с ним? Они не хотели, чтобы мы слышали, о чем они говорили.

— Я уверен, что капитан — честный человек; убежден, что я не ошибаюсь. Почему он должен обсуждать деловые и навигационные проблемы прямо перед нами? Но, если верно, что мормон в сговоре со стюардом, то мне это интересно, и я был бы очень доволен, если бы мне удалось раскрыть эту тайну.

— Вам это не удастся, потому что они поостерегутся открыть перед вами свои карты.

— А если мне удастся что-либо пронюхать тайком?

— Если они задумали подлость, их хорошенько вздуют!

— Ну, уж этого-то они не испугаются, потому что наверняка не раз в жизни получали взбучку. Охотнее всего я бы подслушал их прямо сейчас.

— Безумная идея! Вы что, знаете, где они будут совещаться? Причем мы ведь находимся на судне, а не в лесу, где можно бы было спрятаться в кустах, напрягая там свое зрение и слух.

— Возможно. Но что касается места, времени, это мне известно. Время: сегодня. Место: верхняя палуба. Если мормону надо тайно переговорить со стюардом, то он сделает это в темноте, когда, как он полагает, никто не заметит их переговоров. Расположился мормон рядом с капитаном, а тот скоро, пожалуй, отправится на отдых, в свою каюту. Переборки здесь тонкие, это известно. Если бы мормон позвал стюарда к себе, он стал бы бояться, что их услышит капитан. Значит, ему пришлось найти другое место.

— Какое же?

— Разве вы не видели, что на носу натянули маленькую палатку? Для чего бы это? И для кого? Только для мормона. Он заявил, что ему приятнее спать на палубе, чем в душной каюте.

— И там вы надеетесь подслушать обоих?

— По меньшей мере — очень надеюсь на это.

— Оставьте это, сударь! Такие дела плохо кончаются. Когда пудель сует нос в запретный для него горшок с молоком, ему достается кнут.

— Разумеется, но будьте добры заметить, что даже пуделю это время от времени удается, а уж я-то не чета дрессированной собачке. Вы заметили, что палатку соорудили из запасного грота[38]?

— Не знаю, как там называется этот парус, но я заметил, что из него не только устроили палатку, но еще и оставшуюся часть закатали в рулон. Возможно, это и есть самый большой парус.

— Как раз об этом я и подумал. Для палатки вполне достаточно половины грота. Другую половину скатали за палаткой. И за этим рулоном, или мотком, может прекрасно разместиться человек, и, если вы ничего не имеете против, я отправлюсь спать туда.

— Глупейшая затея! Да вас же обнаружат, как только вы кашлянете или чихнете.

— Я постараюсь удержаться и от того, и от другого.

— Кажется, вы слишком уверены. Но даже если вас не раскроют, то вы, возможно, все равно зря будете стараться. Вы еще не уверены, действительно ли для мормона разбита эта палатка, и даже если ваше предположение окажется верным, то неизвестно, придет ли туда стюард.

— Что же! Придется мне потерпеть, но я уверен, что мои усилия не пропадут даром. Есть у меня такое предчувствие, а я по опыту знаю, что предчувствия редко меня обманывают.

— Ну, тогда не мне вас отговаривать. Если ваша задумка окончится хорошей взбучкой, то ведь не моя спина ее вынесет.

Согласен, то, что атлет назвал «задумкой», было весьма спорным достижением ума, но у меня было какое-то ощущение — так сказать, в кончиках пальцев, — что я смогу выполнить

свой план.

Я вышел из каюты и хотел выскользнуть на палубу, но это оказалось нелегким делом. Каюты были отделены одна от другой и от узкого коридора тончайшей переборкой — не толще бумажного листа; значит, пассажиры кают легко могли меня услышать. Но это было мелочью. Гораздо опаснее была бы встреча с кем-либо из команды или с теми двумя, которых я хотел подслушать. Но я прошел, никого не встретив, до самого люка, откуда был выход на палубу.

Я остался на трапе и, только осторожно высунув голову, сумел, несмотря на то что было не так светло, осмотреть пространство, отделявшее меня от палатки. Оно было пусто.

На корме стоял капитан, отдавая какие-то приказания рулевому. Значит, он собирался отправиться спать. В капитанскую речь вклинивались реплики мормона; очевидно, он тоже находился у руля. На носу, у самого бушприта, о чем-то весело болтали матросы, которые меня не видели.

Я быстро выбрался из люка и пробежал к палатке, чтобы спрятаться под скатанной частью паруса. На это не потребовалось и минуты. Лежал я, правда, на голой палубе, но в общем-то устроился удобно и так прикрылся парусом, что никто меня не мог увидеть. Мое убежище было превосходным; теперь оставалось подождать, принесет ли оно мне ожидаемую пользу.

Случиться со мной ничто не могло. В самом худшем случае это стало бы простым испытанием выдержки. Если бы не удалась моя затея, то самым большим наказанием были бы насмешки Геркулеса.

Я улегся так, что мог просунуть голову снизу в палатку, и засунул туда руку. Я нащупал тонкую, но мягкую подстилку, расстеленную на палубе. Видеть я ничего не мог.

Через непродолжительное время я услышал, как капитан пожелал мормону спокойной ночи и отправился к себе в каюту. Мормон еще с четверть часа прохаживался туда-сюда, а потом зашел в палатку. Итак, первое предположение, а именно, что палатка предназначалась для него, подтвердилось; теперь надо было подождать, не оправдается ли и другое, то есть не придет ли в палатку коридорный слуга.

Прошел час, затем другой. Настала полночь. Болтовня матросов давно прекратилась. Стало так тихо, что я слышал, как обтекает судно вода. Раздался голос вахтенного, дававшего указания рулевому. Мне уже становилось скучно, и стало клонить в сон, но тут я услышал шум внутри палатки: это явно не переворачивался спящий, а возился бодрствующий человек. Потом я услышал чирканье спички, а затем засветился крохотный огонек. При тусклом свете я различил, что мормон сидит и раскуривает сигару. Стало быть, он ждал чего-то и еще не ложился спать. Если бы он не сидел спиной ко мне, то наверняка заметил бы мою голову.

Прошло еще немного времени, и я услышал, как он прошептал:

— Уэллер, это ты?

— Да, мастер, — раздался такой же тихий ответ по-английски.

— Тогда быстро входи, чтобы тебя никто не заметил! Я подвинусь.

Значит, стюарда звали Уэллером. Он выполнил требование Мелтона, сказав при этом:

— Не беспокойтесь, мастер! Кроме вахтенного матроса и рулевого, на палубе никого нет, а те двое нас не увидят и не услышат.

Наступила короткая пауза, во время которой один собеседник освобождал место, а другой усаживался поудобнее. Потом заговорил мормон:

— Можешь себе представить, как меня распирает любопытство. Я прибыл на судно в величайшем напряжении, не зная, найду ли тебя на борту.

— Что касается этого, мастер, то устроиться стюардом мне было совсем не трудно.

— Разве капитан тебя не узнал?

— Он обо мне понятия не имеет.

— И не знает, что мы с тобой знакомы?

— Боже упаси, чтобы я про это проболтался! К сожалению, деньги я получил и за обратный рейс и, стало быть, вынужден из Лобоса плыть назад, во Фриско[39].

— Тебе этого делать не придется; полагаю, что в Лобосе тебе нетрудно будет смыться.

— Я тоже так думаю, потому и не обременял себя вещами, чтобы в тот самый момент, когда смогу ступить на землю, исчезнуть, ничего не оставив на борту.

— Это хорошо, хотя и не очень-то важно. Ну, а как наше главное дело? Когда уехал твой старик?

— За три недели до меня; сейчас он, вне всякого сомнения, уже у цели. Он так часто бывал там, знает все лазейки и выходы, что просто не может ошибиться.

— Но будут ли повиноваться ему юма?

— Я совершенно убежден в этом. Если речь идет о такой добыче, любой краснокожий согласится.

— Это меня успокоило. Вопрос еще и в том, смогут ли они достаточно быстро оказаться под рукой.

— Конечно, мастер; они уже в пути. Но зачем такая спешка, мастер Мелтон? За нами же никто не гонится. Мы сможем не торопясь обстряпать дельце.

— Я тоже так думал, но теперь изменил свое мнение.

— Почему? Что-нибудь произошло?

— Да. У меня была одна встреча.

— Значит, вы кое-кого встретили. Но это же не могло изменить наших намерений.

— Очень даже могло.

— Тогда этот человек, о котором вы говорите, должен быть чрезвычайно важным для нас.

— Так оно и есть! Для меня это стало настоящим сюрпризом, когда я его встретил. Но если ты услышишь его имя, то будешь столь же изумлен, как это было со мной, когда я его узнал.

— Так скажите же мне, кто это такой!

— Ты бы уже должен был сам его узнать, потому что видел этого человека здесь, на борту.

— Тогда это может быть только тот человек, который должен стать бухгалтером. Верно?

— Разумеется! Ведь никто, кроме него, не поднимался вместе со мной. И неужели ты его не узнал, в самом деле не узнал? Ты уже видел его, да еще при таких обстоятельствах, что просто удивительно, как ты его еще не признал. Я был убежден, что ты его узнал, и оттого-то подмигивал тебе несколько раз, чтобы ты был осторожным и не больно-то часто мелькал перед его глазами, потому что и он может вспомнить о тебе.

— Видел я эти знаки, но не понял. Вообще я что-то никак не возьму в толк, что это вы так с этим человеком возитесь. Какой-то бродяга… Да он рад-радешенек стать писарем на удаленной от людей асиенде. Такой человек не может быть опасен для нас!

— И я бы так говорил, если бы этот, в высшей степени опасный для нас человек вообще имел намерение устроиться где-нибудь бухгалтером.

— Вы хотите сказать, что он задался целью оставить вас с носом? Тогда он либо величайший дурак, который когда-либо рождался, либо ловкий и весьма неглупый парень.

— Последнее, последнее! Вспомни-ка про Форт-Юинту и что ты там пережил!

— Это не очень-то приятное воспоминание. В те времена там играли, как нигде. Хорошие дела я обтяпывал, и у меня скопилась кругленькая сумма долларов, но я потерял все за один час. Счастье еще, что тогда там оказался ваш брат, он подарил мне пачку долларов и помог устроиться кельнером. С тех пор я его больше не видел. Вы же знаете, отчего он так внезапно оставил тот форт. Разумеется, говорят об этом с большой неохотой.

— Почему это? С любым человеком, а все мы принадлежим к роду людскому, может

случиться всякое. Он, впрочем, еще хорошо выпутался из той аферы.

— Верно. Он уже выиграл приличную сумму долларов, когда черт дернул того офицера предположить, что ваш брат передергивает. Вспыхнула ссора, и ваш брат должен был отдать весь выигрыш, но застрелил офицера и удрал. Двое солдат, услышавших крики и пытавшихся задержать его снаружи, тоже получили по пуле и опрокинулись, как чурбаны; ему удалось выскользнуть из форта, он поймал одну из пасшихся лошадей и умчался на ней прочь. Это было славное дельце — скрыться из крепости при подобных обстоятельствах.

— Скрыться? Да, из Юинты он ушел…

— Не только оттуда, но и позже он сбежал, — прервал его Уэллер. — Конечно, его взяли в хорошенький оборот. Но его бы никогда не схватили, если бы за ним не увязался Олд Шеттерхэнд. Что за глаза у этого охотника! Прошло целых четыре дня погони за вашим братом, и никто его не схватил и даже не видел, но тут принесло Олд Шеттерхэнда, и он услышал о происшедшем. Он хорошо знал убитого офицера, а поэтому вновь заседлал лошадь, чтобы опять отправиться в путь с намерением поймать вашего брата.

— Да, прошло целых четыре дня, и ни одному солдату и следопыту не удалось взять след. Но у этого мерзавца нос легавой; он напал на след и шел по нему за моим братом до Форт-Эдуарда, где передал его в руки коменданта. Беднягу должны были повесить, но накануне ночью он всех обманул и сбежал от солдата, который должен был его охранять и имел глупость позволить придушить себя. Ты же видел тогда Олд Шеттерхэнда в Форт-Юинте?

— Мельком. Он ведь пробыл всего полчаса, услышал о происшествии и снова ускакал, когда я стоял у дверей и слушал рассказ соседа о прибытии знаменитого охотника.

— Тогда не удивительно, что сегодня ты его не узнал.

— Сегодня? — с крайним изумлением спросил стюард. — Что вы этим хотите сказать? Может быть, тот так называемый бухгалтер и есть Олд Шеттерхэнд?

— Да, именно так оно и есть.

— Что за бред! Этот человек и — Олд Шеттерхэнд! Кто видел знаменитого охотника хотя бы раз, пусть даже мимоходом, тот точно знает, что у этого писаря не может быть ничего общего с Олд Шеттерхэндом!

— И тем не менее это он. Прошло время, сменилось место действия, да и костюм, который он теперь носит, не похож на его кожаные одежды, в которых ты его видел когда-то.

— Тем не менее это невозможно, совершенно невозможно! Человек с таким глупым лицом, которого я проводил в каюту Геркулеса, не может быть Олд Шеттерхэндом? Сэр, я поверю во все, что бы вы мне ни сказали, но в такое… Нет, никогда!

— У меня есть неопровержимые доказательства. Видел ты оружие этого человека?

— Нет. Кажется, у него два ружья; они находятся в полотняном чехле.

— Да, два ружья, а каждый знает, что Олд Шеттерхэнд постоянно возит с собой именно столько ружей — медвежебой и штуцер Генри, ружья, которым не сыщешь равных. Правда, в отеле я их не смог разглядеть, зато хозяин, подержавший их в руках, подробно описал мне оружие. Вестмен[40] появился там в облике жалкого бедняка, но тем не менее поил и кормил вместе с собой и хозяина, и всю его семью. Если бы он на самом деле был тот, за кого себя выдавал, он бы с великой радостью немедленно согласился на мое предложение, а он под каким-то смешным предлогом выпросил себе время на раздумье. Он никогда не видел меня прежде, но тем не менее очень внимательно за мной наблюдал. Я постарался ничем не выдать, что уловил его подозрительность. Сходство мое с братом бросилось ему в глаза. Он спустился со Сьерра-Верде. В тех диких и опасных краях обычных людей не встретишь, и меньше всего там можно наткнуться на чужака, одиночку, тем более, что с той стороны гор вспыхнул мятеж и каждый опасается за свою жизнь. Попасть туда сможет только смелый и опытный человек,

который привык полагаться на собственное оружие. Подумай-ка, ведь он пришел совершенно один, без всякого сопровождения!

Можно себе представить, с каким напряжением я слушал этот разговор. Мой инстинкт не только не обманул меня, но и, как я теперь понял, сослужил огромную службу мне самому, а быть может, и другим. Теперь-то я понял, почему мне показалось подозрительным лицо мормона — не просто своей дисгармонией. Причина состояла в том, как он сам сказал, что оно удивительно походило на лицо его брата, убийцы того офицера, с которым я находился в очень дружеских отношениях. Близость к убитому подтолкнула меня на поиски преступника, которого я, как это было только что сказано, преследовал до Форт-Эдуарда и там схватил. Теперь я знал, на что могу рассчитывать. Мое предчувствие еще раз оправдалось. Мормон был братом того шулера и убийцы, а то, каким образом он говорил о своем брате и относился к его преступлению, было достаточным доказательством его личных расхождений с законом.

Но с сожалением я осознал, что меня раскусили: странный хозяин гостиницы учудил, заведя книгу для записи приезжих, а я занес туда свое полное имя, что в первую очередь и побудило мормона задуматься о том, кто я такой. Сюда добавилась и болтливость хозяина, который рассказал о моем оружии, и многое другое, что теперь упомянул и перечислил Мелтон. Он вспомнил даже, что спал я не под крышей, а во дворе, потому что, будучи вестменом, привык к ночлегам под открытым небом. Он так хорошо изложил все эти факты, что стюард согласился с доводами мормона, а затем добавил:

— Итак, будем считать, что мы в самом деле имеем дело с Олд Шеттерхэндом. Зачем же он отправился вместе с нами на асиенду?

— Причин может быть много, и самых разных. Если он узнал во мне брата убийцы офицера, то он, возможно, подумал, что может найти его, находясь возле меня. Вот он и согласился с моим предложением. Потом ему как человеку опытному и знатоку местных обычаев была понятна цель, к которой стремятся пассажиры этого корабля. Судя по тому, что я слышал об этом человеке, он мог решиться присоединиться к этим людям, чтобы в случае необходимости дать им совет или помочь. При этом он поостерегся заключить контракт, потому что хочет оставаться хозяином положения. Значит, мы вынуждены считаться с ним, и даже весьма считаться, и, хотя я не думаю, что он может полностью сорвать наши планы, надо все-таки остерегаться его. Возможно, он поставит не одно препятствие у нас на пути, а это, естественно, замедлит осуществление наших замыслов.

— Тогда вы совершили большую ошибку, забрав его с собой. Вам совершенно не стоило с ним возиться, надо было просто оставить его сидеть в Гуаймасе.

— Я бы и сделал это, если бы хозяин гостиницы, дон Херонимо, не был таким болтливым и не рассказал ему о корабле, которого я жду. Я, правда, предупредил Олд Шеттерхэнда, что без меня он не попадет на борт, однако в душе был убежден, что капитан, честный и глупый парень, ничего не знающий о нашем предприятии, заберет его. И даже если бы он не ушел с нами, он сел бы на следующий корабль, шедший до Лобоса, а оттуда погнался бы за нами. Тогда бы мы ни на одно мгновение не чувствовали бы себя в безопасности.

— Но нас же много, мастер, а он один. Вы преувеличиваете, хотя он и Олд Шеттерхэнд. Одна пуля могла бы освободить нас от него.

— Если бы он подставил себя под пулю, то — конечно, однако это маловероятно. Самым умным было то, что я сделал. Если он известен как хитрый лис, то я покажу ему, что другие могут быть проворнее. Именно потому, что он хотел перехитрить меня, нужно его объегорить. Итак, я притворился и действовал так, словно на самом деле принимаю его за опустившегося, жалкого иностранца. Я предложил ему выгодное местечко, чтобы заманить его. Таким образом я могу наблюдать за ним и смогу обезвредить его, когда это мне захочется, то есть всадить ему

пулю в любой момент. И, разумеется, он получит пулю, потому что я буду мстить за своего брата, которого он преследовал и выгнал из родной страны как убийцу. Это должно быть отомщено и будет отомщено, а поскольку парень настолько глуп или настолько смел, что сам отдался в мои руки, то я уж не пройду мимо возможности выполнить то, что я считаю своим долгом, своим кровавым долгом.

Он высказал это таким мрачным и притом таким торжественно-решительным тоном, что я нисколько не сомневался в его непреклонной решимости сдержать свое обещание. Стюард медленно и задумчиво протянул:

— Будем надеяться, что так и произойдет! Но этот человек не так прост; он как бы состоит в союзе с сатаной. Чем глубже он окунается в опасность, тем быстрее он оттуда выныривает.

— На этот раз такого не произойдет. На корабле мы ничего с ним не сможем сделать, иначе это может вызвать подозрения, но как только мы попадем на асиенду — там уж мы с ним посчитаемся. Мне даже не надо будет поднимать на него руку: все возьмут на себя индейцы-юма.

— А если он от них улизнет? Как часто он оказывался в руках кровожадных краснокожих и всегда уходил или же поворачивал дело таким непостижимым образом, что они из лютых врагов превращались в его лучших друзей. Разве не бились они в смертельной схватке с Виннету? А теперь любой из них готов отдать свою жизнь за другого!

— То были другие люди, иные обстоятельства. Но теперь его горло обхвачено моими руками, и я сожму их, когда захочу. Клясться бессмысленно. Но погляди на звезды. Клянусь тебе: вот так же, как уверенно следуют они по своему пути, не в силах отклониться, так же точно этот человек идет навстречу своей смерти, потому что я так хочу…

Он прервал свою горячую речь, и причина этому была достаточно основательная: при последних словах палатка обрушилась на него. Пытаясь взглянуть на звезды, он оттянул назад верх парусины и сделал это неосторожно. Жерди, поддерживавшие ткань, не были закреплены, они просто стояли на палубе, а поэтому они поддались силе и свалились; тяжелый парус накрыл собой и мормона, и стюарда, и… меня.

Минута промедления, и меня бы обнаружили. Я ловко вывернулся из складок паруса и поспешил к люку. Немного спустившись по трапу, я остановился и стал смотреть, как выбираются те двое, не догадываясь о том, что их обрушившийся дом задел еще одного человека. Теперь уже нечего было и думать о подслушивании, и я быстро отыскал свою каюту. Геркулес спал, как медведь, а так как я постарался не шуметь, то он и не проснулся, не расслышав моего возвращения.

Это было мне на руку, потому что я просто не знал в этот момент, что ответить на его расспросы. Одно было ясно: правду от него я пока должен скрывать, иначе следует ожидать, что он может сильно навредить мне. Я улегся на койку — не для того, чтобы заснуть, а для того, чтобы обдумать услышанное. Когда я наконец закрыл глаза, в маленький иллюминатор уже пробивался рассвет.

Итак, на мою жизнь покушаются! Это звучало грозно, но я ничуть не беспокоился. Теперь я знал, каков расклад сил, и мог себя обезопасить во всех случаях. По-иному обстояло дело с переселенцами, которым грозила опасность, и я был убежден теперь, что она реальна. И опасность эта была тем серьезнее, чем меньше я знал о том, в чем она заключается, какого она рода, где и когда проявится.

В пути, то есть до самой асиенды, ничего произойти не должно. Об этом я знал. Мормон сказал, что до тех пор он ничего против меня предпринять не сможет, потому что иначе у остальных могут появиться подозрения; значит, и с пассажирами ничего не должно произойти. Что-то должно случиться на асиенде! Что же и как? Мормон упомянул об индейцах-юма,

которые должны отомстить мне. В любом случае переселенцам и от них грозила опасность. Нападение краснокожих? Это мне представлялось не слишком эффективным. Для чего нападать на польских работников? Они были настолько бедными, исключая еврея, что взять с них просто ничего нельзя. Значит, должны быть другие обстоятельства, предвидеть которые пока нельзя вследствие недостатка фактов. Но я надеялся достаточно увидеть и услышать в пути, чтобы найти верный след.

А надо ли мне идти с ними до конца? Собственно говоря, нет. Я мог бы сойти на берег в Лобосе и замести свои следы. Но в этом случае переселенцы были бы предоставлены своей злой судьбе, и если с ними случится беда, это ляжет тяжелым грузом на мою совесть. Стало быть, последнее обстоятельство предписывало мне остаться с ними, а кроме того, жила еще во мне неизбывная жажда деятельности, проявлявшаяся именно как стремление узнать планы мормона и разрушить их. Он сказал: «Олд Шеттерхэнд хотел перехитрить меня, значит, надо объегорить его самого». Ну, хорошо! Стало быть, хитрость против хитрости, сверххитрость против сверххитрости!

Когда я проснулся, атлет уже встал; он спросил меня:

— Я крепко спал и не слышал, когда вы вернулись. Может быть, вас застукали?

— Нет.

— Но вы что-нибудь узнали?

— Ничего особенного, — ответил я равнодушно.

— Это можно было предположить, — засмеялся он. — Я же вам предсказывал. Вас стоило бы хорошенько высмеять.

— Пожалуйста, но все же будьте добры помолчать, чтобы меня не осмеяли и другие.

— Вы считаете меня болтуном? — спросил он в обычной для себя капризной манере. — Никогда им не был и не хочу из-за вас им становиться. Ладно, я вас не выдам, и прежде всего — тем двум мошенникам, которых я терпеть не могу. У меня теперь такое чувство, что надо по меньшей мере хотя бы раз основательно поговорить с мормоном…

Глава вторая
ДЬЯВОЛЬСКАЯ ШУТКА

Лобос давно остался позади; мы миновали уже Сан-Мигель-де-Оркаситас, а теперь ехали по дороге в Урес, центр одноименного округа. Мы скакали, а женщины ехали в фургонах. О нас позаботились: ни один из переселенцев не должен был передвигаться пешком. Сеньор Тимотео Пручильо, наш асьендеро, послал нам навстречу индейцев с фургонами, а также верховых лошадей; они ожидали нас в Лобосе. Вся эта операция была так тщательно подготовлена, что ход ее можно было сравнить с работой часовщика, механически, но с изумительной точностью подгоняющего одно колесико к другому.

Фургоны представляли собой бесформенные сооружения, сходные с теми, в которых пересекали прерии пионеры Североамериканских Соединенных Штатов. Предназначенные для женщин и детей, они, кроме того, были забиты жалким скарбом переселенцев, а также различными товарами, купленными в Лобосе по заданию асьендеро. Верховые лошади оставляли желать лучшего, однако вполне годились для такой недолгой поездки. Проводник, старый, искушенный бакеро[41] или старший слуга, угрюмый и неприветливый, ни с кем не общался и оказывал уважение разве что мормону. Оба они постоянно находились во главе каравана. Я присоединился к циркачу и внешне мало беспокоился о других, хотя про себя подмечал малейшие детали, чтобы по возможности соответствовать той задаче, которую я себе поставил. Геркулес был очень хорошим наездником; видимо, он успел приобрести опыт в различных цирковых труппах.

Часто он хохотал над моей посадкой: я наклонялся вперед и казался очень неустойчивым в седле. Такая манера езды присуща опытным жителям прерий, которые в обычное время кажутся спящими вместе со своими лошадьми, но внезапное происшествие, появление всадника или дичи моментально преображают их. Атлет критиковал мою скверную позу, неустойчивость положения, дрожание моих рук, а когда эти наставления ничего не изменили, он почти с гневом сказал:

— Эй, приятель, да все обращения к вам улетают с ветром. Как бы я ни старался, хорошего наездника из вас не получится. Вы сидите на лошади словно мальчишка на своем деревянном скакуне. Это же просто позор!

Вежливости от него ждать было нечего, однако я успел уже заметить, что он больше не так равнодушен ко мне или даже не так отталкивающе сдержан, как это было в первые дни нашего знакомства. Часто, когда мой неожиданный взгляд встречался с его глазами, я замечал, что он смотрит на меня мягко и по-дружески; он быстро отводил глаза, как будто стыдился хотя бы на короткое время сменить свирепое выражение лица на приветливое.

Стюард Уэллер, само собой разумеется, как казалось, остался на борту, но я был убежден, что вскоре после нашей высадки он дезертировал, чтобы где-то еще послужить мормону.

А тот, правда, все еще уделял переселенцам столько внимания, сколько можно было ожидать от его мнимого положения, но со времени высадки чрезмерного дружелюбия, которое он всем выказывал на судне, не было и в помине. И чем дальше мы продвигались, чем дальше уходили от моря, чем, следовательно, увереннее он становился, тем резче он разговаривал с кем-нибудь из своих спутников.

В местах, где мы путешествовали, я еще ни разу не был и, следовательно, не очень точно представлял себе местоположение окружного центра Уреса, через который мы должны были пройти. Но я знал, что город находится на реке Соноре, в нескольких милях ниже по течению от Ариспе. Город расположился на левом берегу реки, посреди плодородной равнины и был

окружен великолепными садами. Мы очень радовались своему прибытию туда, потому что до сих пор вокруг простиралась пустынная местность, а в Уресе мы надеялись денек передохнуть. Я предполагал, что мы приближаемся к городу, потому что уже давно переправились через Рио-Долорес, приток Соноры, и с часу на час появлялось все больше признаков, указывавших на приближение крупного населенного пункта. Появилось много дорог, точнее — того, что там называлось «дорогой»; попадались отдельные люди, чаще всего верхом; то тут, то там в стороне от дороги выныривала асиенда или эстансиа[42].

При этом бросалось в глаза, что мормон заботился о том, как бы кто из нас не заговорил со встречными. Он то и дело выезжал вперед, навстречу местным жителям и занимал их разговором, пока мы все не проезжали мимо. Либо он хотел помешать встречным предупредить нас, либо вообще не желал, чтобы люди узнали, кто мы такие и куда направляемся. Его поведение позволяло безошибочно предположить, что на каждый вопрос проезжающих мимо путников он давал ложный ответ.

Ко всему прочему, он сменил маршрут движения на северо-восточный, что позволяло ему миновать город Урес. Я не намеревался обнаружить хотя бы тень недоверия к нему, но теперь поскакал вперед, чтобы вежливо осведомиться у него о местоположении города, а также о времени, когда мы его достигнем. Он ответил, бросив на меня сбоку насмешливый взгляд:

— А что вам надо в Уресе, мастер? Я разве когда-нибудь говорил, что мы туда попадем?

— Вы сказали, что асиенда Арройо расположена за Уресом; я думал, следовательно, что мы…

— Мало ли, что вы думали! — прервал он меня. — Да, асиенда лежит за Уресом, но не по прямой линии; она расположена в стороне. Вы, пожалуй, считаете, что мы должны были сделать крюк в сторону?

— И не задумывался над этим! Вообще вы должны согласиться, что вопрос я задал, чтобы просто уточнить путь движения.

Я отвернулся от него. На мои заданные по-испански вопросы он отвечал на английском, чтобы понять его мог один я. Весьма правдоподобно, что старый пеон[43] или бакеро, ехавший рядом с ним, ничего не знал про его тайные, истинные побуждения. И еще я предположил, что он хотел пройти мимо Уреса, чтобы там никто не узнал о караване переселенцев на асиенду Арройо. Он что-то замышлял, и это нечто должно было остаться в строжайшей тайне.

Вечером того же дня мы добрались до берега Рио-Соноры, причем гораздо выше города, как я предположил. Берег был отлогий, а река мелкой, так что мы со своими фургонами и лошадьми переправились без труда. На том берегу мы, собственно говоря, должны были задержаться, потому что время было позднее, а люди и животные после долгого перехода устали. Однако мормон объявил, что надо ехать дальше, и примерно через час мы достигнем места, более подходящего для лагеря.

Я не без основания усомнился в этом. Здесь, у воды, нашему отдыху могли помешать комары, но это была единственная причина, по которой надо было уезжать от реки, где имелось все необходимое и для людей, и для лошадей. Стало уже совсем темно, и у мормона наверняка должна была быть совершенно определенная цель: увести нас от реки туда, где нет ни капли воды, что я заключил по тому, что он перед выступлением приказал напоить животных. Естественно, мне и в голову не пришло проронить об этом хоть одно слово; я решился понаблюдать, чтобы узнать его намерения. Поскольку стало уже достаточно темно, я не смог как следует рассмотреть местность, по которой мы двигались. Леса или даже отдельных деревьев не было, как не заметил я и возделанных полей. Мы ехали то по траве, то по песку, в который довольно глубоко погружались копыта наших лошадей и колеса фургонов. Вскоре на темном небе зажглись одинокие звезды, и только с их помощью мне удалось определить, что

теперь мы движемся на юго-восток. Раньше, до города, мы свернули на северо-восток; сейчас направлялись на юго-восток; стало быть, теперь ясно, что Урес лежал прямо на нашем пути, причем на кратчайшем пути, и мормон приказал обогнуть его по причине, которую я, правда, еще не знал, но был уверен, что в недалеком будущем узнаю.

Мы ехали не час, а целых два и остановились посреди гладкой равнины, усеянной редкими кустами. Тут не было видно ни текучей, ни стоячей воды. Бросилось в глаза, что мы расположились на ночлег не возле кустов, а на значительном расстоянии от них. Ни один путешественник без веской причины не откажется от защиты или, по меньшей мере, от приятного соседства раскидистого куста. Фургоны были составлены рядом; тягловых лошадей распрягли, а верховых расседлали и передали нескольким индейцам-яки, которые должны были стеречь их ночью, выпасая на небольшой лужайке со скудной растительностью. При этом мне бросилось в глаза, что мормон послал индейцев с лошадьми и мулами не на ту сторону, где росли кусты, а на противоположную. Казалось, ему было важно, чтобы никто из нас не оказался поблизости от этого редкого кустарника. Поэтому я решился тайком сходить туда.

Люди очень устали и скоро завернулись в свои покрывала, собравшись спать. Я сделал то же самое, но не закрывал глаз. Луна еще не взошла. Звезды, которых сегодня высыпало немного, давали очень неверный свет, при котором можно было что-то с трудом разглядеть не дальше как в десяти шагах.

Я наблюдал за местом, где — несколько в стороне от нас — улегся Мелтон. Казалось, будто он спит; но приблизительно через три четверти часа я заметил какое-то движение. Он выкатился из своего одеяла и встал. Некоторое время он стоял и прислушивался, после чего я подумал, что он собирается удалиться; но это оказалось не так, потому что он тихо подошел ко мне, опустился за несколько шагов до меня на колени и неслышно пополз, а возле самой моей головы остановился — он, должно быть, слышал каждый мой вздох. Я дышал медленно, тихо и равномерно — как спящий глубоким сном человек. Это его удовлетворило. Он поднялся и пошел по направлению к кустам.

Его поведение, во-первых, доказывало, что он мне не верит и боится моей осторожности и бдительности, а во-вторых, что он замыслил нечто, о чем никто не должен знать. Я должен был проникнуть в его замысел, поэтому, когда он удалился достаточно далеко, так что уже не мог больше видеть и услышать меня, я поспешил к кустам, стараясь добраться до них раньше мормона.

Естественно, я не бежал за ним, а двигался по дуге, держась восточнее кустов, в то время как мормон приближался к ним с юга. Само собой разумеется, что шел я не по прямой; мне пришлось учесть, что он мог кому-то назначить свидание в зарослях. Пройдя сорок или пятьдесят шагов, я лег на землю и пополз, приблизившись еще на половину этого расстояния к кустам.

Движения мои были настолько быстрыми, что я, несмотря на кружной путь, прибыл раньше мормона и успел удобно устроиться, когда услышал его шаги. Он прошел так близко, что я смог отчетливо его рассмотреть, потом он остановился и щелкнул языком. Сейчас же из кустов в ответ послышался такой же звук. Потом я различил неясные очертания поднявшегося из кустов человека, который спросил по-английски:

— Брат Мелтон, это ты?

— Yes, — ответил он. — А ты?

— All right! Подходи же! Все в порядке.

— Ты один?

— Нет, здесь со мной вождь. Поэтому ты можешь понять, что я шел по верному пути. Все идет так, как нужно.

— Значит, твой мальчишка нашел тебя?

— Да. Пошли в кусты! Надо быть осторожными, потому что этот человек, Олд Шеттерхэнд, приехал с тобой, во что я все еще никак не хочу поверить.

— Это так; могу поклясться, что…

Дальше я ничего не услышал, потому что мормон подошел к собеседнику вплотную, и они вместе исчезли в кустах.

Что мне надо было делать? Подслушивать? Это было легко сказать, но выполнить было гораздо труднее, пожалуй, даже невозможно, в чем я скоро убедился. Негустой кустарник занимал слишком небольшую площадь, да к тому же на горизонте показался узкий серп молодой луны. Один к одному прижались десять, самое большее — двенадцать кустов, и я не знал, за которым из них искать людей. Теперь их было не меньше троих. Даже если бы я был одет в темное, меня должны были увидеть. Но на мне был светлый костюм, и подкрадываться к ним было бы просто глупо. Меня сразу бы заметили.

Поэтому я сделал единственное, что мог: я так далеко отполз, что смог подняться, а потом направился назад, в лагерь, где все уже спали и моего отсутствия никто не заметил. Я снова завернулся в одеяло и стал обдумывать то, что увидел и услышал.

Кто был тот человек, с которым говорил Мелтон? Ответ найти было нетрудно. Оба называли друг друга «брат»; значит, тот тоже был мормоном, и это казалось тем более правдоподобным, что он пользовался не привычным в этих местах испанским, а английским языком. Потом Мелтон спросил его, «нашел ли тебя твой мальчишка». Под «мальчишкой» подразумевался стюард нашего корабля Уэллер. Когда я подслушивал их разговор с мормоном в палатке, он говорил о том, что его отец давно подался к индейцам. А теперь в кустах скрывается индейский вождь! Сегодняшняя встреча была обговорена давным-давно. Молодой Уэллер после нашей высадки тоже сошел на берег и, естественно, смог передвигаться куда быстрее нас; он разыскал своего отца, чтобы сообщить ему, что эмигранты уже находятся в пути и ему следует прибыть в условленное место для обговоренной встречи. Ясно, что теперь старый Уэллер, Мелтон и индейский вождь о чем-то совещаются. Возможно, и молодой Уэллер с ними; весьма правдоподобно, что там, кроме вождя, собрались и другие индейцы. Значит, я поступил совершенно правильно, не подвергая себя опасности быть раскрытым, тем более, что чем больше было людей в кустах, тем больше была возможность столкнуться с ними.

Теперь я задался важным вопросом, к какому племени принадлежат эти индейцы. Кто знаком с мексиканскими условиями, и в частности — с обстановкой в штате Сонора, тот знает, какое множество племен населяет этот район. В Соноре и вдоль ее границ кочуют опата, пима, зобайпури, тараумара, кауэнча, папаго, юма, телепегуана, каита, кора, колатлан, яги, упангуайма и гуайма. И все это только самые значительные племена, о мелких я уж и не упоминаю.

Я не видел вождя и ничего о нем не слышал, а следовательно, не мог и догадываться, к какому племени он принадлежит. Но мне было бы очень полезно узнать об этом. Еще важнее было бы выяснить, с какой целью устроена эта встреча. Что речь идет о переселенцах, я мог бы, пожалуй, догадаться, но ни о чем другом я не мог додуматься, как ни напрягал свою проницательность, как ни прокручивал в уме каждый мельчайший факт, каждое наблюдение, чтобы подвергнуть их сравнению и соответствующему анализу.

Я впал в почти лихорадочное возбуждение. Мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не сдвинуться с места, прождав по крайней мере часа два, пока не вернулся мормон и не улегся отдыхать. Ко мне же сон не шел. Какая-то опасность нависла над нами, а я не мог определить, какого она рода и когда проявится. Это-то и не давало мне уснуть. Ну, конечно, эта опасность грозила прежде всего переселенцам — как я когда-то и предполагал,

а теперь оказалось, что она угрожает и мне и что я должен оставаться с теми, над кем она нависла, пока все не закончится. Я бы мог, как уже часто говорилось, просто покинуть караван, но тогда бы меня замучила совесть и я вынужден был бы признать себя трусом.

При этом я как очень осторожный человек спрашивал себя, в состоянии ли справиться с опасностью, о которой никому не мог сказать и которой вынужден был противостоять в одиночку. Смелости мне хватало, но вот как обстояло дело с ответственностью? Если меня обезвредят, то те, кому я хочу помочь, погибнут. Значит, прежде всего следует подумать о моей собственной безопасности. Потом я вынужден был подумать о том обстоятельстве, что мормон оставил в стороне город Урес, чтобы там не узнали о транспорте переселенцев, следующем по пути к асиенде Арройо. Если бы в городе об этом узнали, то наверняка стали бы в дальнейшем интересоваться судьбой тех, кого он перевозил. Следовательно, я подумал, что хорошо бы было сообщить о нас тамошним властям. Но кто же должен это сделать? Естественно, я. А когда? Сразу же, как только можно — значит, завтра утром. Но чтобы никто не смог об этом узнать заранее, и меньше всего мормон, я должен был покинуть караван таким образом, чтобы это не вызвало никаких подозрений. Как же это сделать? Исчезнуть тайно? Но это как раз и вызвало бы подозрение, которого я намеревался избежать. Когда я как следует задумался над этим, мне вспомнилась реплика Геркулеса, что никогда в жизни я не стану хорошим всадником. Вот что облегчит мне выполнение моего плана. Лошадь должна была меня понести.

Намерение выполнить этот план подействовало на меня столь успокоительно, что я наконец-то заснул и проснулся только тогда, когда другие давно встали и готовились к выступлению… Мормон усердно подгонял их, и я догадался о причине этой спешки. А именно, его следы так глубоко отпечатались на мягком песке, что их можно было с легкостью проследить до самых кустов. Так как он принимал меня за Олд Шеттерхэнда — кем я и был в действительности, — то он опасался того, чтобы я не заметил эти глубокие отпечатки и не пошел по ним. В таком случае я бы нашел и следы тех, с кем он встречался ночью. Желая воспрепятствовать этому, мормон торопился с выступлением.

А у меня была та же забота, потому что мои следы читались с такой же легкостью. Разумеется, он не мог их не заметить, однако подумал, что их оставил кто-то из его союзников, прокравшихся из кустов к нашей стоянке и не сообщивших об этом позднее, во время беседы.

Когда я седлал лошадь, то незаметно затолкнул пару песчинок между седлом и спиной, а потом плотно затянул подпругу. Забравшись на лошадь, я встал в стременах, стараясь как можно больше облегчить себя, так, чтобы животное не почувствовало пока никакой боли. Когда же, по прошествии нескольких секунд, я уселся как следует, лошадь сразу почувствовала песчинки и стала проявлять непослушание. Я старался изо всех сил, чтобы успокоить ее, но все было напрасным. Она пыталась сбросить меня, а я действовал при этом так, словно мне стоит большого труда удержаться в седле. Наконец животное так заупрямилось, что все, включая мормона, обратили на нее внимание.

— Что это со скотиной случилось? — спросил Геркулес, который снова оказался рядом со мной.

— Откуда я знаю? Она словно хочет меня сбросить. Вот и все.

— Так сделайте покороче повод да пришпорьте ее как следует, чтобы она вас зауважала. Не удивительно, что она не хочет с вами знаться. Если у лошади есть характер, если она себя уважает, то хочет быть под хорошим наездником. А вы… ого!.. эй!.. куда это вы?

Я последовал его совету и пришпорил лошадь. Она взвилась, прыгнула сначала вперед, потом назад, потом подскочила на четырех ногах сразу, скакнула вправо, потом влево, но не сбросила меня. Я, правда, высвободил ноги из стремян, сполз назад, потом распластался по хребту, пытаясь охватить руками шею лошади, и, разумеется, не упал. Все, кто меня видел,

помирали со смеху, и это громкое, звучное ржание совсем взбесило мою лошадку, так что она помчалась во всю прыть по равнине. Моя забота заключалась в том, чтобы этот бешеный карьер вел нас в южном направлении, а не в каком-либо другом, но вместе с тем выбор курса посторонним казался чисто случайным.

Обернувшись, я заметил, что кое-кто последовал за мной, но вскоре повернул к лагерю. Один Геркулес долго держался позади. Он старался помочь мне, но не мог. Через десять минут он исчез из виду, и я спешился, чтобы вымести песчинки, освободив бедное животное от мучений. Потом мы снова помчались, все дальше на юг, где я рассчитывал отыскать город.

Собственно говоря, туда меня влекли две причины. Во-первых, я хотел сообщить тамошней полиции о переселенцах, а потом было необходимо позаботиться о другом костюме. Нынешний был таким светлым и легким, что при испытаниях, навстречу которым я шел, быстро бы превратился в лохмотья; светлая ткань также делала меня слишком заметным, что стало очевидным накануне вечером. Костюм я купил в Гуаймасе, где не было ничего лучшего для человека моего сложения, и я хотел выдать себя перед мормоном за бедняка. Но раз уж тот раскусил меня, то почему бы мне теперь не отказаться от моей бродяжьей внешности.

Накануне я предположил, что мы перебрались через реку в нескольких милях вверх по течению от Уреса; теперь выяснилось, что я был прав. Не прошло и часа, как местность совершенно изменилась. Чем дальше я ехал, тем оживленнее становились окрестности, показались поместья. Лошадь выбралась на торную дорогу, а потом я поскакал среди садов и наконец въехал в город, который произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем я — на встречных обывателей: не раз я ловил на себе их далеко не уважительные взгляды.

У одного из горожан я осведомился, где находится Casa de Ayuntamiento [44], добрался до него, спешился, привязал лошадь, вошел в здание и спросил у бездельничавшего полицейского, где мне найти алькальда[45]. Служивый показал во двор, где я увидел дверь, вывеска на которой подсказала мне, что за нею находится канцелярия этого высшего окружного чиновника. Я постучал, услышал разрешение и вошел, почти сразу же склонившись в глубоком, даже очень глубоком поклоне, потому что оказался не перед мужчиной, а перед дамой.

Здесь я не увидел ничего из того, что мы, немцы, связываем с понятием «канцелярия». Четыре голых стены были побелены известкой. На плотно утрамбованном земляном полу возвышались четыре столба, раскрашенных в белые, красные и зеленые полосы, то есть в цвета национального флага, и к этим столбам были подвешены два гамака. В ближайшем ко мне лежала, покуривая сигарету, очень молодая дама, одетая в довольно пышное, хотя и не слишком свежее утреннее платье. Волосы ее были в беспорядке, и, по-видимому, в том же самом состоянии они находились как вчера, так и позавчера. Над нею, привязанный к цепочке, сидел попугай, встретивший меня злобным хрипом. Только позднее я заметил, что и второй, задний, гамак также занят. Итак, я низко поклонился и вежливо спросил, можно ли мне переговорить с окружным алькальдом. Дама изучила меня своим колючим взглядом, потом протянула мне руку, словно это должно было доставить мне удовольствие, и, не отвечая, повернула головку.

Зато попугай распушил свои перья, раскрыл свой кривой клюв и прокряхтел:

— Eres ratero!

Это приветствие переводится: «ты — мошенник!» Дама погладила птицу — вроде бы за этот остроумный выкрик, а я по-прежнему вежливо повторил свой вопрос.

— Eres ratero! — закричал попугай, тогда как дама упорно хранила молчание.

Я еще раз повторил вопрос.

— Eres ratero, eres ratero, ratero! — ругался пернатый клеветник, а дама только давала себе труд указывать рукой в сторону двери, давая мне таким остроумным способом понять, что она и ее попугай хотели бы освободиться от моего общества.

Мне пришлось открыть дверь, но я не вышел, а только выглянул и увидел того самого полицейского, который направил меня сюда. Он уставился в противоположную стену, и тогда я засунул пальцы в рот и свистнул так резко, как мог свистеть один я. Попугай стал вторить мне; дама взвизгнула, почти как попугай, а полицейский обернулся ко мне. Я поманил его, а когда он подошел, спросил:

— Это ли служебное помещение окружного алькальда?

— Да, сеньор, — ответил он.

— Тогда где же он?

— Ну, там, в канцелярии.

— Однако я его не вижу, а сеньора мне не отвечает!

— Тогда ничем не могу вам помочь.

При этих словах он повернулся и пошел прочь. Я снова обернулся к даме и еще один раз повторил мой вопрос, но на этот раз уже не столь вежливо. Тогда она выпрямилась, сверкнула своими темными глазами и ответила:

— Сейчас же вон отсюда, иначе я прикажу посадить вас в тюрьму! В каком виде вы осмелились к нам прийти! Ведь по вас сразу заметно, что вы не можете оплатить пошлину на государственную бумагу!

Попугай захлопал крыльями, вытянул в мою сторону клюв и закричал: «Eres ratero, eres ratero!» Однако я хладнокровно вытащил из кармана кошелек, вынул оттуда несколько золотых монет и, не говоря ни слова, стал пересыпать их из одной руки в другую. Попугай немедленно, полностью изменившимся голосом стал подражать перезвону золотых монет, а дама повернулась к другому гамаку, и голос ее зажурчал нежными переливами, напомнившими мне звуки флейты:

— Поднимись-ка, мой милый! Тут пришел кабальеро, которому надо немедленно с тобой поговорить. Я сверну ему сигарету.

Под полочкой, на которой сидел попугай, находился ящичек, в котором хранились табак и бумага для сигарет. Дама сунула одну бумажку, в рот, чтобы смочить ее слюной, положила на нее порцию табака и завернула все это своими изящными пальчиками в некое подобие гусеницы, потом подожгла один конец и протянула гусеницу мне с милой, покоряющей сердце улыбкой.

Хм! Слюна! А эти пальчики, пестрая окраска которых заставляла гадать — то ли они были в перчатках, то ли еще чем покрыты! Да и место, где хранился табак, находилось как раз под попугаем! Короче говоря, я хоть и взял сигарету с глубоким поклоном, но поостерегся поднести ее к губам.

Я обратил внимание, что тем временем в глубине комнаты наметилось какое-то движение. Второй гамак закачался, и из него освободилось — я намеренно употребил слово «освободилось» — длинное, ужасающе худое существо, направившееся ко мне медленными, неслышными шагами призрака, потом остановилось передо мной и спросило глухим голосом чревовещателя:

— Какой налог, сеньор, вы готовы заплатить?

— Он будет зависеть от ценности полученного мной ответа!

Дылда повернулся к своей молодой жене и произнес, скорчив омерзительную гримасу, которая должна была изображать приветливую улыбку:

— Ты слышишь, моя голубка? Он заплатит в зависимости от ценности моих слов. А так как все, что я говорю, весьма ценно для каждого человека, то прошу тебя, скрути ему еще одну сигарету.

Она с видимым удовольствием занялась исполнением этого желания, а когда я между

пальцами держал второго подожженного было ею, но уже угасшего табачного червя, ее благородный супруг предложил мне:

— Ну, а теперь сеньор, изложите мне спокойно и без утайки ваше дело! Считайте, что мы — ваши лучшие друзья!

И попугай при этом издал такие нежные и кроткие вздохи, что я пришел в блаженное расположение духа. Разумеется, я оказался перед двумя лучшими и благороднейшими из людей, а также — перед задушевнейшим из попугаев, а поэтому осведомился с полной откровенностью:

— Сеньор, может быть, вам известно имя Тимотео Пручильо?

— Нет. А тебе моя голубка?

— Впервые слышу, — ответила голубка.

— Я разыскиваю некую асиенду Арройо, которая расположена, кажется, недалеко от Уреса. Может быть, вы можете что-нибудь о ней сообщить?

— Нет. А ты, голубка?

— Нет, — эхом отозвалась голубка.

— Тимотео Пручильо выписал немецких переселенцев, которые должны работать у него на асиенде. Кто защитит этих людей, если он поступит с ними нечестно?

— Не я, сеньор.

— А кто же тогда? — спросил я.

— Германия с ее посольством и консульствами.

— А здесь есть консульство?

— Нет.

— Но если эти люди окажутся в нужде или даже в опасности, то должен же найтись кто-нибудь, кто о них позаботится.

— Боюсь, что таких людей здесь нет.

— Но, сеньор, получается, что бедные переселенцы оказались беззащитными, потому что в здешнем округе нет представителей их родной страны. Но можно ожидать, что если любой мексиканец, который поступит с ними бесчестно, будет привлечен к ответственности местными властями?

— Нет, сеньор. Меня совершенно не касается, что происходит с иностранцами.

— А если житель вашего округа убьет немца, что вы тогда сделаете, сеньор?

— Ничего, совершенно ничего. Мои подданные доставляют мне столько хлопот, что я не могу возиться с гражданами чужих государств. Нам некогда заниматься делами иностранцев. Ничего подобного они потребовать от нас не могут. Вы еще о чем-нибудь желали узнать, сеньор?

— Нет, после ваших ответов у меня больше не осталось неясностей.

— Тогда я вас отпущу, как только вы оцените полученные от меня сведения.

— Да, оцените по достоинству, — обворожительным голосом повторила сеньора, причем попугай аккомпанировал ей милейшими негромкими певучими звуками.

— Мне трудно оценить полученные сведения, — ответил я. — Поскольку вы все время отвечали только «нет», то ваши высказывания не имеют для меня никакой ценности.

— Что? Как? Не хотите ли вы этим сказать, что ничего не заплатите?

— Разумеется.

Он отступил на два шага, смерил меня гневным взглядом и пригрозил:

— Я могу вас заставить, сеньор!

— Нет! Ведь я тоже немец. У меня только иностранные деньги, а так как вам, по вашим же собственным словам, не пристало заниматься делами и взаимоотношениями иностранцев, а мои

деньги, безусловно, причисляются к иностранным делам, то я считаю невозможным согрешить против вашего отечественного самоуважения, предложив вам чужую валюту.

Сеньора отбросила свою сигарету и прикусила зубками губу. Попугай захлопал крыльями и раскрыл клюв. Сеньор отступил еще на несколько шагов и злобно зашипел:

— Значит, деньги у вас только чужие?

— Да. Единственные местные предметы, которые я могу вам предложить, — вот эти две сигареты, которые я кладу в ящик с табаком.

Я кинул сигареты в табак, при этом попугай клюнул меня в руку.

— Значит, вы ничего не хотите платить? Совсем ничего? — спросил сеньор.

— Нет.

Я взял свои ружья, которые поставил к стене, и собрался уходить.

— Скряга! Человек, не держащий своего слова! — изверг из себя дылда с рыком чревовещателя.

— Иностранишка, оборванец, бродяга! — заскрипела донья[46], рассвирепев.

— Eres ratero, eres ratero, ratero! — услышал я крики попугая, пока быстрым шагом пересекал двор, стараясь поскорее оказаться на улице. Но у выхода меня поджидал полицейский, который вытянул руку и потребовал:

— Подарок за данную вам справку! Жалованье у меня весьма скромное, а кормить надо жену и четверых детей!

— Ничем не могу вам помочь, — ответил я его собственными словами, отвязал лошадь, забрался в седло и уехал. Будь я в более хорошем настроении, он бы получил несколько монет.

Стало быть, напрасно я надеялся на помощь местных властей. В таких обстоятельствах самое лучшее заключалось в том, чтобы руководствоваться правилом «каждый человек — сам по себе». Хватит надеяться на чужих людей и чужую помощь!..

Отойдя достаточно далеко от здания муниципалитета, я зашел в какой-то «отель», вознамерившись что-нибудь съесть и выпить, напоить лошадь и дать ей корм, а также справиться об одежной лавке. Таковая оказалась поблизости, и там я получил, хотя и по завышенной цене, все, что я искал, а именно, добротный мексиканский костюм, который был сшит как на меня, но зато вызвал почти полное опустошение моего кошелька. Но это не могло меня обеспокоить, потому что я собирался жить в таких краях и в таких условиях, когда денежный запас не только не нужен, но и может оказаться опасным. В тех широтах тогда верное ружье в руках было куда нужнее полного кошелька в кармане. И вот я в добродушном расположении духа, со скатанным новым костюмом за спиной выехал из города, разочаровавшись в одной маленькой надежде, но зато обогатившись полезными знаниями местных условий.

В гостинице я порасспросил про асиенду Арройо и узнал, что она находится в целом дне езды к востоку, между лесистыми горами, и расположена на берегу ручья, возле устроенной здесь запруды. Мне так подробно описали местность и дорогу до асиенды, что я просто не мог заблудиться. Одновременно я лучше узнал обстановку и характер хозяина.

Сеньор Тимотео Пручильо был порядочным человеком и прежде принадлежал к богатейшим людям провинции, но часто повторявшиеся набеги индейцев причинили ему много зла, так что теперь он едва-едва мог считаться состоятельным. От многих крупных поместий у него осталось только одно, асиенда Дель-Арройо. Кроме того, ему еще принадлежал ртутный рудник, о состоянии которого никто не мог сказать ничего определенного; говорили только, что он расположен гораздо дальше асиенды и когда-то приносил хороший доход, но потом был заброшен вследствие отсутствия рабочих и нападений бродячих индейцев.

На обратном пути особых происшествий не было. Я был один и ехал по пустынной

местности. Переночевал я в одной долине, сжатой голыми скалами, но зато там было столько травы, что моя лошадка смогла сытно подзакусить. От Уреса и до самого места ночлега мне не встретилось ни одного человека, а ранним утром следующего дня случилось событие, в данных обстоятельствах очень важное, при котором пришлось, к сожалению, пролить кровь.

Я продвигался по длинной, узкой долине в горы. А те, холодные и безлесные, застыли перед более высоким хребтом, возле которого мне предстояло искать асиенду. Песчаниковые горы отличались такими странными, причудливыми формами, что я то и дело вспоминал о далеких Bad-lands[47]. Только изредка на глаза попадалось какое-нибудь изуродованное деревце или жалкий кустик, растущий из какой-либо трещины, где скопилось достаточно влаги для скудного ростка. Я вспомнил о пережитом в тех Bad-lands, о стычках с индейцами-сиу, с которыми я часто находился на тропе войны; я снова слышал их пронзительный боевой клич и голоса их ружей. Тут… — было ли это только воспоминанием, разыгравшимся в моей памяти, или реальностью? — раздался выстрел. Я придержал лошадь и прислушался. Выстрел действительно прозвучал, потому что теперь, за ближайшим изгибом ущелья, раздался второй, а потом и третий.

Я пустил своего коня шагом, но, когда добрался до поворота, принял меры предосторожности и не стал сразу заворачивать. Сначала я хотел узнать, с кем имею дело. Поэтому я спрыгнул на землю, оставил лошадь стоять, а сам пошел к ребристой скале, из-за которой надеялся взглянуть за поворот. Когда я, сняв шляпу, широкие поля которой легко могли меня выдать, высунул немного голову, то увидел, что с той стороны скалы долина расширялась. Внизу, на дне долины, стояли двое и смотрели на скалу. Один из стоявших был белым, другой индейцем. У обоих в руках были ружья. Они приложили их к плечу, прицелились куда-то вверх и нажали на спусковые крючки; один за другим послышались два выстрела.

В кого стреляли эти люди? Поблизости от них стояли три лошади. Значит, они приехали втроем. Где же был третий? Я высунулся еще дальше и увидел внизу, вплотную к ребру скалы, трех лежащих лошадей, казавшихся мертвыми, потому что они не двигались. А над ними, в каких-нибудь тридцати локтях, на площадке, куда мог забраться только хороший скалолаз, скорчились за уступом скалы трое, спасаясь от летящих в них пуль. Я разглядел эту троицу: за уступом скрывались женщина и двое детей. Возможно, правильнее было бы их назвать юношами, впрочем, черт их лиц я различить не мог. Вооружены они были только луками и время от времени посылали в нападавших то одну стрелу, то другую, но стрелы не долетали до цели.

Мужчины против мальчишек и безоружной женщины! Фу! Что это должны были быть за мужчины! Самые бесчестные люди! Я мгновенно решил помочь парнишкам, потому что мне было ясно, что речь идет об их жизни. Чтобы самому не подвергаться большой опасности, я должен был напасть врасплох и ошеломить атакующих в тот самый момент, когда они будут перезаряжать ружья. Я вернулся к лошади и сел в седло. Вытащив оба своих ружья из чехла, я закинул медвежебой за спину, а штуцер взял в руки и приготовил оба револьвера на поясе. После этого я стал ждать. Раздался выстрел, почти сразу же за ним другой, и тогда моя лошадь выскочила из-за скалы и помчалась на обоих стрелявших. Они заметили меня и застыли, не двигаясь, ошеломленные неожиданным появлением человека, который просто не мог оказаться в этом месте и в это время.

Белый был среднего роста и одет был в легкий костюм принятого в этих краях покроя. У него были очень резкие, чеканные черты лица — их нельзя было, пожалуй, забыть никогда. На поясе у него висели пистолет и нож, а в правой руке он держал только что разряженную одностволку.

Похоже был одет и краснокожий, но голова его оставалась непокрытой, а длинные волосы

были украшены орлиным пером вождя. Поверх пояса виднелась только рукоятка ножа; ружье у него тоже было одноствольным и тоже только что разряжено.

— Доброе утро, сеньоры! — приветствовал их я, остановив прямо перед ними свою лошадь и держа в правой руке штуцер. — На кого это вы здесь охотитесь? Видно, на какого-нибудь зверя?

Они не отвечали. Я притворился, словно только сейчас увидел мертвых лошадей, и продолжал:

— А-а! Вы стреляете по лошадям? А лошади-то оседланные! Значит, вы метите во всадников? Ну, и где же они?

Краснокожий потянулся к своему патронташу, чтобы заняться перезарядкой ружья. Белый сделал то же самое, ответив при этом:

— Что вы вмешиваетесь в наши дела? Убирайтесь отсюда! Нечего вам здесь делать!

— Нечего? В самом деле? Это — ваше мнение, и о нем еще можно поспорить. Кто встречает на своем пути мужчин, стреляющих в женщин и детей, тот, пожалуй, имеет право узнать причину такого поведения.

— Ну, и какой ответ он получит?

— Тот, который потребует, конечно, если он человек, способный заставить ответить.

— И вы, похоже, считаете себя именно таким мужчиной? — насмешливо спросил белый, тогда как краснокожий хладнокровно вытащил патрон, собираясь загнать его в ствол.

— Конечно, — ответил я.

— Не выставляйте себя на смех, а лучше смывайтесь поскорее отсюда, иначе наши пули вам покажут…

— Ваши пули, негодяи? — прервал я его, направив дуло своего ружья прямо ему в грудь. — Отведай прежде мою! Знаешь, сколько пуль сидит в штуцере Генри? Немедленно сложите оружие, иначе я продырявлю вам головы!

— Шту… цер… Ген… ри! — выдавил по слогам белый, уставившись на меня широко раскрытыми глазами и выпуская ружье из рук.

Как случилось, что простое сочетание слов «штуцер Генри» нагнало на него такой ужас? Индеец был далек от того, чтобы проникнуться тем же ужасом. Он хладнокровно взвесил ситуацию. Дуло моего ружья было нацелено не ему в грудь, а его белому товарищу, тем не менее он не отважился дозарядить свое ружье. Но было одно средство, чтобы быстро обезвредить меня. И краснокожий подумал, что сможет им воспользоваться. Молниеносным движением он выхватил из-за пояса у белого пистолет и направил его в меня. Но столь же быстро я перевел свое ружье, целя ему в руку, и, прежде чем он смог большим пальцем поднять курок пистолета, щелкнул мой выстрел, и пуля впилась ему в руку. Мгновение он стоял, словно окаменев и глядя на кровоточащую руку, из которой сразу выпал пистолет, потом он перевел взгляд на меня, крикнув при этом белому:

— Таве-шала!

После этих слов он, не глядя даже на лежащие у его ног ружье и пистолет, прыгнул к лошадям, вскочил на одну из них и умчался прочь.

— Таве-шала! — повторил белый, стоявший до этого мгновения неподвижно. Потом он прибавил по-английски: — Тысяча чертей! Где были мои глаза? Вождь прав!

В мгновение ока он подскочил к другой лошади, прыгнул в седло и умчался за краснокожим, также оставив лежать на земле свое ружье. Мне даже не пришло в голову удерживать ни одного, ни другого. Но что должны были означать два этих слова — «Таве-шала»? Они были произнесены на языке, которого я не знал.

Когда те двое умчались, со скалы раздался тройной крик восторга. Женщина и оба

мальчишки видели, что произошло; они поняли, что спасены, и выражали криком свою радость. Но кричали они и радовались слишком рано. Они не видели, что над ними, на самой верхушке скалы появилась голова. Владелец ее посмотрел вниз, потом показалось ружье, потом — рука, которая держала двустволку. Человек, находившийся наверху, явно собирался прицелиться и выстрелить в ликовавшую троицу. Люди эти оказались в смертельной опасности. Слова, которые они мне кричали, принадлежали языку мимбренхо, которым я достаточно бегло владел, благодаря урокам вождя апачей Виннету. Поэтому я закричал им:

— Те за арконда; нина акхлай то-зикис-та![48]

Они повиновались с молниеносной быстротой и так близко прижались к скальной стенке, что я уже больше не мог видеть их снизу. Человек наверху, кажется, тоже не видел их; но от своего намерения он не отказался; только на мгновение исчез и появился в другом месте, выступавшем подобно балкону несколько ниже; оттуда он, как мне показалось, все-таки увидел женщину с детьми и мог застрелить их. Надо было спасать эту троицу. А выход был только один: я должен был убить его. На такой высоте его мог настичь только тяжелый заряд. Штуцер для такого выстрела не годился. А если первая же моя пуля не попадет в него, то этот человек сможет осуществить свои намерения.

Моя лошадь вела себя беспокойно. Поэтому я выпрыгнул из седла, отбросил штуцер и взялся за медвежебой. Как раз тогда, когда я поднял его тяжелый ствол, человек навел на женщину и детей свое ружье. Времени на прицеливание у меня было мало — я почти сразу надавил на спуск. Раздался выстрел, повторенный стенками ущелья. Тяжелое старое ружье звучало в горах, как мортира. Человек лежал на вершине скалы. Я видел из-за большого расстояния только его голову и локоть, да и то не слишком отчетливо. Мне показалось, что после моего выстрела голова незнакомца дернулась в сторону, но он не откинулся назад, а рука все держала направленное вниз ружье. Я послал вторую пулю. Человек все еще не исчезал, но и не стрелял. Поэтому я быстро перезарядил ружье. Но здесь я увидел, что трое моих подзащитных снова выдвинулись вперед, а один из мальчишек закричал мне:

— Не стреляйте больше — он мертв. Сейчас мы к вам спустимся.

Случается, что после битвы трупы солдат находят точно в таком положении, в каком их застала пуля. Может, и эта внезапная неподвижность объясняется той же причиной? Я видел, как трое спускались вниз, пошел к ним навстречу и столкнулся с ними у подножия скалы. Женщина была еще молода; по индейским понятиям, она была очень красивой скво[49]. Мальчишкам, примерно, было одному пятнадцать, другому — семнадцать лет. Их изодранная одежда свидетельствовала о том, что они давно уже находятся в пути. Я протянул каждому из этой троицы руку и спросил, как это принято у индейцев, предпочтя обратиться скорее к ребенку, чем к женщине, у старшего:

— Своих врагов ты знаешь?

— Бледнолицего нет, а обоих краснокожих знаю. Старший был Вете-йа[50], вождь племени юма; другим был Гати-йа[51], его сын.

Они были очень молоды и, возможно, еще не получили имени, а я не хотел быть невежливым, спрашивая об их взаимоотношениях с врагами, поэтому осведомился следующим образом:

— Я не знаю ни Большого, ни Малого Рта и никогда о них не слышал. Какие основания были у этих краснокожих, чтобы убить вас?

— Много лун назад они напали на наше племя и хотели ограбить нас, хотя мы до того жили с их народом в мире. Мы заранее узнали о нападении и победили племя юма. При этом вождь был взят в плен. Налгу Мокаши[52], наш отец, предложил ему честный поединок и победил в

схватке. Но вместо того, чтобы убить врага, он позволил ему бежать. Это у нас считается большим позором, так как говорит о неуважении к врагу, о чем ты, пожалуй, не знаешь, потому что ты бледнолицый.

— Я знаю об этом, потому что мне очень хорошо известны обычаи и привычки краснокожих. Много лет и много зим я общался с храбрыми индейскими племенами, в том числе и с Сильным Бизоном, вашим отцом; с ним я раскурил трубку мира.

— Значит, ты не обычный бледнолицый, и твое имя должно быть очень известным, потому что наш отец — храбрый воин и возьмется за калюме[53] только в присутствии знаменитого человека.

— Вы узнаете мое имя. А теперь рассказывай дальше, как вы оказались здесь, как встретились с двумя юма и с белым человеком.

— Вот эта скво — наша шилла[54]. Когда она еще была девочкой, к нам прибыл вождь племени опата, заявив о своем желании взять ее в жены. Отец позволил ей следовать за ним. Мы очень тосковали по ней и захотели навестить ее. В продолжение двух лун мы жили у опата, а когда собрались уезжать, она поехала с нами, чтобы увидеться с отцом.

— Это было непредусмотрительно!

— Простите! Со всеми племенами мы живем в мире; отряд опата сопровождал нас большую часть пути, а когда мы с ними расстались, и они, и мы были убеждены, что о какой-либо опасности и думать нечего. Юма живут далеко отсюда, и мы не могли предполагать, что их вождь окажется в этих краях. Каждый порядочный охотник оставит в покое женщину и детей. Но Большой Рот узнал нас и обстрелял. Мы еще не стали воинами, поэтому нам еще не присвоили имен. С нами были только лук да стрелы, и защититься мы не могли. Поэтому мы быстро соскочили с лошадей и решили спрятаться в скалах. Мы успели скрыться за скалу, и если бы враги осмелились подобраться к нам, мы убили бы их стрелами. И тем не менее мы бы погибли, если бы ты не спас нас, потому что Большой Рот, когда увидел, что мы защищены скалой от пуль, послал своего сына забраться по склону еще выше нас и расстрелять нас оттуда!

— А белый тоже стрелял?

— Да, хотя мы его не знали и ничего плохого ему не сделали. Он отдал даже Маленькому Рту свое ружье, потому что оно было двуствольное, а значит, можно было скорее и легче убить нас. Этот белый заслуживает за свой поступок смерти, и он должен будет умереть, как только мы его встретим. Я хорошо рассмотрел его лицо.

При этих словах он вытянул свой нож и сделал им такое движение, словно протыкал кому-то сердце. Я видел, что мальчик говорил вполне серьезно. Тут я вспомнил о тех словах, которые вырвались у Большого Рта, когда моя пуля попала в его руку. Поэтому я спросил:

— Может быть, тебе знаком язык юма?

— Мы знаем очень много их слов.

— Тогда, может быть, ты сможешь сказать, что означают слова «таве-шала»?

— Это я очень хорошо знаю. Они означают: «Дробящая Рука». Такое имя носит один великий белый охотник, друг знаменитого вождя апачей Виннету. Бледнолицые называют его Олд Шеттерхэндом, и наш отец однажды сражался вместе с ним против команчей, а потом выкурил трубку мира и вечной дружбы. А где ты слышал эти слова?

— Их выкрикнул Большой Рот, после того как я всадил ему пулю в руку.

— Ты сделал это так, как обычно поступает Олд Шеттерхэнд. Он не убивает врага, а только обезвреживает его. Его пули никогда не проходят мимо цели. Он посылает их либо из медвежебоя, поднять который может только очень сильный мужчина, или из ружья с коротким стволом, куда он набивает столько пуль, что стрелять можно бесконечно…

Он прервался посреди фразы, внимательно осмотрел меня сверху вниз, а потом закричал,

повернувшись к сестре и брату:

— Уфф! Как слепы были мои глаза! Этот меткий стрелок попал в нашего врага с такого большого расстояния. Посмотрите на тяжелое ружье в его руках! Там, где он стоял прежде, лежит второе ружье, которым он раздробил руку Большого Рта. Вождь назвал его Таве-шала. Пусть мой юный брат и моя сестра отступят в почтении, потому что мы находимся перед великим белым воином, о котором наш отец, великий герой, говорил, что он ни с кем не может его сравнить!

Таков был индейский обычай восхвалять достоинства другого человека, часто их преувеличивая. Юноша, не смущаясь, говорил мне комплименты прямо в глаза. Все трое отступили назад и низко склонились передо мной; однако я протянул им руку и сказал:

— Да, я тот, кого называют Олд Шеттерхэндом. Вы оказались детьми моего храброго и знаменитого друга, и мое сердце радуется тому, что я пришел вовремя и спас вас от врагов. Правая рука вашего смертельного врага раздроблена, и он никогда больше не сможет держать в ней топор войны. Вы должны помнить тот день, когда он бежал от вас как последний трус. А теперь пошли к лошадям!

Они последовали за мной к тому месту, где осталась моя лошадь, а поблизости от нее находилась лошадь Маленького Рта. Там лежал и штуцер Генри, а рядом были брошены обе одностволки и пистолет. Я увидел, что моя пуля, прежде чем поразить руку краснокожего, прошла через приклад ружья, а это значительно уменьшило убойную силу; если бы она попала сразу в руку, рана была бы куда тяжелее. Оба ружья принадлежали индейцам. Белый только на короткое время отдал свою двустволку Маленькому Рту, взяв взамен его ружье. Оружие было, естественно, моей добычей. Я вручил каждому из юношей по ружью, а старшему подарил еще и пистолет. Разумеется, они пришли в восторг, потому что обычно индейский мальчишка не имеет права взяться за огнестрельное оружие, но подарок мой приняли сдержанно, потому что краснокожие умеют не только не обнаруживать чувства боли, но и не показывать проявления радости, не выдавая ее даже нечаянным жестом.

Лошадь Маленького Рта оказалась превосходным животным; я подарил ее молодой скво, которой не надо было менять мужское седло, потому что индейские женщины ездят на лошади так же, как и их сильная половина.

Затем мы подошли к трем застреленным лошадям, которые, как уже упоминалось, лежали у самого подножия скалы. Атакующие не рискнули подойти к этому клочку земли, потому что здесь их могли настичь стрелы индейских мальчишек. Поэтому на лошадях все осталось нетронутым. Это были подарки, полученные ребятами, а также приготовленные молодой женщиной для своего отца. Мы все собрали, включая сбрую.

Я захотел подняться на вершину скалы, чтобы взглянуть на Маленького Рта. Мальчишки упросили меня взять их с собой; скво осталась сторожить внизу, в долине. Мы легко отыскали уходящие вверх следы сына вождя. Добравшись до вершины, мы увидели страшно интересную картину. Мертвый лежал вытянувшись, на животе. Голова его свешивалась через край скалы; руки, до локтей, тоже свисали над пропастью, а кулаки так крепко сжимали двустволку, что она не падала вниз. Я наклонился, перехватил ружье и оттащил труп от края обрыва.

— Уфф, уфф! — закричали оба мальчишки, показывая на голову убитого. Обе мои пули попали в нее, что вообще-то было чистой случайностью, если учитывать высоту и дальность цели. Стрелок может только мечтать о подобном везении; однако позже у всех индейских костров мою удачу славили как пример высшего мастерства.

Труп мы оставили лежать наверху, а сами спустились по склону. У нас не было больше причин задерживаться в этом месте, тем более мы не собирались дожидаться возвращения беглецов, которые могли вернуться за сыном вождя.

Большой Рот, вероятно, предположил, что его наследник увидел меня сверху и, не теряя времени, укрылся в надежном месте. И где-нибудь он мог уже ждать сына. Когда же тот не придет, то отец может вернуться и обнаружить труп: тогда в его лице я бы нажил себе смертельного врага.

Разумеется, я охотно бы узнал, кто был белым спутником Большого Рта. Двустволка была собственностью этого человека. Я внимательно осмотрел ружье и обнаружил две заглавных буквы — «Р» и «У», вырезанные в нижней части приклада. Первая была, видимо, начальной буквой имени владельца, другая фамилии. Я сразу же подумал об Уэллере. Такую фамилию носил отец корабельного слуги. Этот человек позавчера вечером в обществе индейского вождя был у мормона Мелтона. Все совпадало! Уже не оставалось никакого сомнения в том, что этим вождем был Большой Рот, а белый, который первым обратился в бегство, был тогдашний незнакомец, называвший мормона «братом». Маленький Рот, во всяком случае, тоже присутствовал там. Меня не могло не удивить мое нынешнее столкновение с ними, потому что долина лежала по пути к асиенде Арройо, которой, конечно, касался заговор, подслушанный мною позавчера вечером.

Если я угадал, то в этом случае где-то поблизости находился целый отряд юма, который беглецы разыщут и приведут сюда. Значит, надо было немедленно выбираться из этой долины и поскорее отправляться на асиенду.

Последняя, собственно говоря, была расположена как раз в том направлении, куда устремились трое краснокожих; однако они решились на это отклонение от своего пути только потому, что надеялись найти там замену двум недостающим лошадям. Скво забралась на лошадь, захваченную мной и подаренную ей, я — на свою. Ребята вынуждены были идти пешком. Я бы охотно уступил им место в седле, если бы этот поступок был совместим с «достоинством Олд Шеттерхэнда». Да им и в голову бы не пришло принять подобное предложение. А лошади были уже перегружены, потому что, кроме нас самих, принуждены были везти на себе вышеупомянутые предметы.

Я поехал вперед; оставшаяся троица следовала за мной на некотором расстоянии. Не могу сказать, что мне было бы неприятно вести с ними беседу, но воин моего ранга не мог запросто болтать со скво и двумя ребятишками! Все племя мимбренхо-апачей, к которому принадлежали мои друзья, узнав об этом, воздело бы в изумлении руки.

Если бы в Уресе мне сказали, что оттуда до асиенды будет добрый день пути, я постарался бы не нагружать сердце. Полдень наступил и прошел, день уже начинал клониться к вечеру, когда я увидел перед собой те поросшие лесом горы, о которых мне говорили. Прохлада, царившая под кронами деревьев, подействовала на нас благостно после той палящей жары, в которой мы изнывали с самого утра. Путь, по которому я ехал, мне описали довольно точно, только он оказался гораздо длиннее, чем мне его описывали. За два часа до захода солнца мы добрались до маленького озерка, в которое вливался ручей. Тут я снова увидел, насколько выносливыми могут быть индейцы. Оба мальчишки ни разу не отстали от меня; по ним было абсолютно не заметно, что они утомлены долгим пешим маршем. Я бы охотно спешился у ручья и напился, если бы не постыдился их, не бросивших, казалось, ни одного взгляда на прохладную воду, не прислушавшихся к заманчивому журчанию.

Озерко располагалось в нижнем конце густо поросшей лесом долины, которая вверх по течению ручья значительно расширялась до таких размеров, что надо было от одного ее края до другого идти, пожалуй, с полчаса. Окаймленная с обеих сторон лесом, долина представляла собой один зеленый луг, на котором встречался цветущий кустарник. На лугу паслись многочисленные коровы и лошади, за которыми наблюдали конные и пешие пастухи, но с первого же взгляда было понятно, что такого количества сторожей здесь недостаточно. Пастухи

приблизились, по-приятельски поприветствовали нас, и от них я узнал, что Мелтон со своим караваном еще не прибыл. Это было не удивительно, потому что передвижение переселенцев должно было совершаться гораздо медленнее, хотя бы только из-за тяжелых фургонов.

Чуть дальше луг кончался, уступая место полям. Я увидел длинные ряды хлопка и сахарного тростника, между которыми размещались индиго, кофе, маис и пшеница, но все было в таком состоянии, что сразу же можно было определить нехватку здесь рабочих рук. Потом шел большой сад, где можно было отыскать любое плодовое дерево Европы и Америки, но он так одичал, что его запущенный вид огорчил бы любого настоящего садовода. А проехав мимо сада, мы наконец-то увидели перед собой здание асиенды.

В тех краях крупные асиенды и эстансии, вследствие небезопасной тамошней обстановки, очень часто напоминают военные крепости. Там, где имелись каменные карьеры, жилые здания окружали стенами, которые не смогли бы одолеть какие-либо враги. Если же подобающего материала нет, тогда устраивают плотный и прочный забор из кактусов или иных колючих растений, которым позволяют свободно разрастаться, и этого вполне хватает для указанной выше цели. Конечно, для опытного бандита такой забор никогда не явится непреодолимым препятствием.

Асиенда Арройо была расположена в горах; естественно, там было так много камней, что я, собственно говоря, воспользовался неверным выражением, когда сказал, что мы увидели перед собой здание асиенды. В действительности мы увидели лишь только плоскую крышу главного здания, тогда как все прочее было скрыто стеной, достигавшей высоты по меньшей мере пяти метров. Стена огораживала большой прямоугольник, стороны которого были ориентированы строго по сторонам света. Ручей протекал под северной стеной асиенды и выходил из-под южной. Как я увидел позднее, двухэтажное главное здание располагалось почти посередине, у самого ручья, через который был устроен мостик, выводивший к большим воротам в западной стене. Кроме этого дома, внутри ограды приютились еще и несколько маленьких хижин, в которых жили слуги, а часть из них ожидала прибывающих рабочих; рядом стояли — низкий, вытянутый в длину склад для хранения урожая и множество открытых навесов — четыре деревянных столбика да крыша над ними, под которые при угрозе нападения загоняли скот. Ворота были сколочены из очень крепкого дерева, а снаружи, кроме того, еще и обиты железным листом.

Мы подъезжали с юга, а потому вынуждены были обогнуть асиенду и проехать вдоль западной стены, пока не добрались до ворот. Обе створки у них были раскрыты настежь, так что мы беспрепятственно въехали во двор. Несмотря на множество зданий, его заполнявших, двор выглядел пустынным. Видимо, на асиенде жило не так уж много людей, мы не встретили ни одного человека.

Я спешился, отдав поводья маленькому индейцу, и направился к мостику, намереваясь пройти в господский дом. И как раз тогда, когда я переходил ручей, дверь дома отворилась, и в проеме показался человек, чье опухшее, в оспинах лицо не производило приятного впечатления. У меня нет предубеждений против рябых; конечно, их лица не блещут красотой, это верно, но ведь и хороший человек может заболеть оспой. Здесь, однако, оспины добавляли только последний штрих к общему неприятному впечатлению. Даже и без оспинок лицо это было бы отталкивающим. Человек оглядел меня сверху донизу и прикрикнул:

— Стой! Через мост может переходить только кабальеро. Что тебе там надо?

Несмотря на это предупреждение, я пошел дальше. Когда я уже оставил за собой мост и очутился прямо перед сердитым человеком, то ответил ему:

— Дома ли сеньор Тимотео Пручильо?

— Между прочим, его называют доном. Это ты должен хорошенько усвоить. Титулом

сеньора величают меня. Да, я — сеньор Адольфо, mayordomo[55] этой асиенды. Здесь мне все подчинено.

— Даже асьендеро?

Не зная, что ответить, он бросил на меня уничтожающий взгляд и сказал:

— Я — его правая рука, исток его мыслей и воплощение его желаний. Итак, он дон, я — сеньор. Понятно?

Признаюсь, что я почувствовал большое желание нагрубить, но, учитывая обстановку и мое природное добродушие, я вынужден был ответить очень вежливо на поставленный вопрос:

— Как вы прикажете, сеньор. Итак, будьте добры сообщить мне, дома ли дон Тимотео?

— Он дома!

— Значит, с ним можно поговорить?

— Нет; для таких людей — нет. Если у тебя есть какая-то просьба, то я именно тот человек, которому ты должен ее передать. Ну, скажи же мне наконец, чего ты хочешь?

— Я хочу попросить ночлег для себя самого и вот для этих троих индейцев, которые прибыли вместе со мной.

— Ночлег? А может быть, еще вам дать пить-есть? Этого еще не хватало! Там, снаружи, с той стороны границы асиенды, есть достаточно места для подобного сброда; немедленно убирайтесь отсюда, и не только с территории асиенды, но и вообще за наши границы! Я прикажу какому-либо пастуху следовать за вами и мгновенно пристрелить вас, как только вы пожелаете провести эту ночь внутри наших границ!

— Очень уж вы суровы, сеньор! Подумайте только, что через несколько минут наступит темнота, и тогда мы…

— Молчи! — прервал он меня. — Ты хоть и белый, но по тебе сразу видно, что ты за тип. А с тобой еще и краснокожие! Вы что ж, хотите переделать нашу асиенду в разбойничий притон?!

— Хорошо, я уйду, сеньор. Я и не знал, что похож на отъявленного мошенника. Правда, сеньор Мелтон, который обещал мне на этой асиенде место tenedor de libros, вряд ли согласится с мнением, что это приглашение так опасно для вас.

Я повернулся и медленно пошел через мост назад. Но тут он закричал мне в спину:

— Сеньор Мелтон! Tenedor de libros! Ради Бога, куда же вы идете? Оставайтесь! Возвращайтесь обратно!

А когда этот призыв не подействовал и я продолжал идти дальше, он побежал за мной, припрыгивая, схватил меня за руку, остановил и принялся уговаривать:

— Если вас послал сеньор Мелтон, то я не могу вас выгнать. Пожалуй, вы согласитесь, что ваш наряд не может пробудить доверия у порядочного человека, и если бы вы хоть раз погляделись в зеркало, то сами бы признали безоговорочно, что подобная физиономия вполне может принадлежать жулику, однако одежда не всегда говорит правду, да и случается порой, что человек с лицом мошенника ничего не украдет. Ну, а если к этому присовокупить то обстоятельство, что вы посланы сеньором Мелтоном, то еще может оказаться, что вас вовсе и не надо бояться. Так что оставайтесь, оставайтесь!

Что должен был я подумать про этого мажордома? Что он дурак? Что у него, как это принято выражаться, не все дома? Я бы с этим не согласился. Выражение его лица было таким хитрым, а взгляд его маленьких глаз таким коварным, что его никак нельзя было назвать идиотом. Тем не менее я не сделал ни одного замечания о том, что он называл меня на «ты» и что каждая его реплика должна была оскорблять меня, и спросил его столь же вежливо, как и прежде:

— Ваше приглашение распространяется и на моих спутников?

— На этот вопрос я еще не могу ответить, потому что прежде должен переговорить с доном

Тимотео.

— Думаю, что его это не касается, потому что, по вашим собственным словам, только вы один в состоянии решить этот несложный вопрос!

— Да, когда дело касается отказа, то это могу решить я сам. А вот теперь я позвал вас остаться, но вы захотели удержать при себе краснокожих, поэтому я должен сначала поговорить с доном Тимотео. Подождите здесь! Не пройдет и пяти минут, как я вернусь с ответом.

Так как, разговаривая с ним, я шел к дому, то теперь мы оба оказались перед самой дверью. Он хотел войти, а я должен был ожидать его снаружи! Я покачал головой и возразил ему:

— Я не принадлежу к представителям того слоя общества, которых можно оставлять за дверью. Я войду с вами, и при этом вы даже пропустите меня вперед.

При этих словах я прошел в дверь, а он, не говоря ни слова, последовал за мной. Когда чуть погодя я обернулся и взглянул на него, то заметил, что на его физиономии гнев боролся с возмущением. Он кивнул на одну из дверей и исчез за ней, а я остался возле нее. Через короткое время он вышел и движением руки подал мне знак, что я могу войти.

Вестибюль дома был широким, но с низким потолком. Двери, которые я увидел по обе стороны от входа, были сбиты из гладковыструганных досок; они были совсем не окрашены — такие двери мы подвешиваем в хлеву или на конюшне. Та же самая простота царила и в комнате, где я теперь оказался. Там были два очень маленьких окна, с грязными, полуслепыми стеклами. У одной из стен стоял покрытый лаком стол. Компанию ему составляли три грубых стула, сработанных, конечно, не краснодеревцем. В одном углу висел гамак. Три оштукатуренных стены были абсолютно голыми; на четвертой висело оружие. Куда менее скромной оказалась внешность человека, поднявшегося при моем появлении с одного из стульев, чтобы как следует рассмотреть меня своими темными глазами. Его лицо выражало удивление и любопытство. Одет он был так элегантно, что казалось, ему достаточно сесть на лошадь, чтобы вся публика, гуляющая по одному из известных проспектов Мехико-Сити, была у его ног.

Костюм его был сшит из темного бархата, отороченного золотыми шнурами и бахромой. Пояс был составлен из широких серебряных колец; к нему хозяин подвесил нож и два мексиканских пистолета с дорогими накладными рукоятками. Широкополая шляпа, лежавшая сейчас на столе, была изготовлена из тонких листьев Carludovica palmata[56], причем плетение было таким, что шляпа наверняка стоила не меньше пятисот марок, а колесики на шпорах асьендеро выделаны были из золотых двадцатидолларовых монет.

Перед таким элегантным созданием я выглядел жалким бродягой. Поэтому я вовсе не удивился, когда асьендеро, разгладив хорошо ухоженной рукой окладистую черную бороду, с удивлением сказал, как бы не мне, а самому себе:

— Мне сообщают о приезде tenedor de libros, а кто появляется? Человек, который…

— Который очень достойно может занять это место, дон Тимотео, — прервал его я.

Грубости надутого «сеньора Адольфо» там, за дверью, не могли задеть меня, но от владельца имения я бы не потерпел невежливости. Потому-то я и перебил его речь, подчеркнув важность своих слов. Он откинул в шутливом испуге голову, еще раз оглядел меня, а потом сказал с довольным смехом:

— О, это заметно. Кто вы, собственно говоря, и что собой представляете?

Он высказался довольно безразлично. Надо ли мне было показывать себя обиженным? Он выглядел не как денежный мешок, а скорее как жизнерадостный, хорошо устроенный кабальеро, привыкший мало времени тратить на разговоры с обычными людьми.

— Есть много такого, о чем вы понятия не имеете, дон Тимотео, — ответил я ему, рассмеявшись точно так же, как он в ответ на мои слова, — и можно стать значительным и

важным для вас человеком, так что у вас будут все причины поздравить себя с тем, что к вам пришли.

— Cielo![57] — теперь он расхохотался. — Разве что ко мне придут, чтобы объявить, что я провозглашен повелителем всей Мексики!

— Совсем наоборот. Я пришел сказать вам, что в ближайшее время вы, весьма вероятно, перестанете быть владельцем своей маленькой асиенды.

— Прекрасно! — захохотал он еще громче, снова усаживаясь и показывая рукой на второй стул. — Располагайтесь! По какой это причине несколько моих подданных захотят скинуть меня с трона?

— Об этом позже. Прежде всего прочтите вот это!

Я протянул ему мое удостоверение личности, выданное мне мексиканским консулом в Сан-Франциско. Прочтя его и возвратив мне, он согнал со своего лица веселое выражение.

— Естественно предположить, что вы законно владеете этим удостоверением? — спросил он.

— Разумеется! Если угодно, сравните приведенные там приметы с моей личностью!

— Я вижу, что они совпадают, сеньор. Но что привело вас ко мне? Почему вы доложились, как tenedor de libros?

— Потому что Мелтон обещал мне это место.

— Об этом я ничего не знаю. И потом я совсем не нуждаюсь в бухгалтере. Тех несколько капель чернил, что есть на асиенде, едва хватит на один росчерк моего собственного пера.

— Вообще-то я предполагал нечто подобное!

— И тем не менее вы приехали?

— Да, приехал, и у меня для этого были веские основания. И одно из них настолько важное, что я должен попросить вас сохранить в тайне все, о чем я вам расскажу.

— Это звучит весьма таинственно! Я чувствую, что мне грозит опасность!

— Разумеется, я убежден, что кое-что подобное намечается.

— Тогда скажите об этом, пожалуйста, поскорее.

— Сначала дайте мне слово, что все, о чем я вам расскажу, никому не станет известным.

— Я вам это твердо обещаю. Я буду молчать. Теперь говорите вы!

— Вы поручали Мелтону навербовать сюда немецких рабочих?

— Да.

— Кто завел об этом разговор? Я имею в виду — с самого начала? Вы сами или он?

— Он. Он указал мне на большие преимущества найма немецких переселенцев, а так как он в то же время предложил сам уладить это дело, то я передал ему все полномочия.

— Вы настолько хорошо его знали, что смогли доверить ему дела?

— Да. А почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что я хотел бы знать, считаете ли вы его честным человеком.

— Конечно, считаю. Он — абсолютно честный человек и уже оказал мне значительные услуги.

— Значит, вы знаете его уже довольно долгое время?

— Несколько лет. Его мне рекомендовали люди, каждое слово которых имеет большое значение для меня, и до сегодняшнего дня он пользовался полным моим доверием. Вы, кажется, судите о нем по-другому?

— Совершенно по-другому!

— Вероятно, он чем-нибудь вас обидел, раз вы питаете к нему предубеждение.

— Нет, напротив, он испытывал ко мне весьма дружественные чувства. Позвольте, я расскажу!

Он уселся на своем стуле поудобнее, приняв выражение величайшей сосредоточенности, и я рассказал ему обо всем, что пережил со времени прибытия в Гуаймас, обо всех своих наблюдениях и о выводах, сделанных мною из всего случившегося. Он выслушал меня, не говоря ни слова, не изменившись в лице, но, когда я закончил, на губах его появилась ироническая усмешка, и он спросил, недоверчиво поглядывая на меня со стороны:

— То, что вы мне рассказали, происходило на самом деле?

— Я не прибавил от себя ни слова!

— Из вашего удостоверения личности я узнал, что вы писали репортажи для какой-то газеты. Может быть, вам случалось в жизни и рассказы писать?

— Да.

Тогда он подскочил, хлопнул в ладоши и со смехом воскликнул:

— Да я же сразу об этом подумал! Иначе и быть не могло! Только писатель, или романсеро[58], видит повсюду вещи, существующие лишь в его воображении! Это Мелтон-то негодяй! Да он самый утонченный, достойнейший и даже самый набожный кабальеро из тех, кого я только знаю! Такое может утверждать только человек, витающий в таких сферах, о которых мы, простые смертные, и понятия не имеем. Сеньор, вы меня позабавили, вы меня очень и очень позабавили!

Он прошелся по комнате, потер с довольным видом руки и при этом засмеялся, как некто, оценивший очень изящную шутку. Я дождался паузы в его хохотке и с полным равнодушием заметил:

— Ничего не имею против того, что вы чувствуете себя так весело после моего рассказа; я только желаю, чтобы теперешнее ваше удовольствие не сменилось позже горчайшим разочарованием!

— Не надо заботиться обо мне, сеньор! Не надо никакого сочувствия к моему положению. Вы видите опаснейших слонов там, где летают одни безвредные мухи.

— А тот стюард? Уэллер?

— Его зовут Уэллером, он слуга на корабле. Вот и все!

— А его разговор с мормоном?

— Вы не так поняли. У вас безграничная фантазия!

— А его отец, разыскавший мормона в кустарнике?

— Он также существует только в вашем воображении. Вы же только предполагаете, что это был Уэллер-старший!

— А присутствие индейского вождя?

— Оно может быть объяснено каким-то очень простым обстоятельством или случайностью.

— А моя встреча с вождем племени юма и белым, оружие которого помечено инициалами «Р» и «У»?

— Это нисколько меня не касается, совсем не касается. Есть тысячи фамилий, которые начинаются с буквы «У». Почему же тот человек непременно должен был быть Уэллером! Зачем вам вообще надо было вмешиваться в эту стычку? Дело вас совершенно не касалось. Благодарите Бога, что вы вышли из переделки целым и невредимым! Какой-то escritor не тот человек, кому пристало сражаться с индейцами. Это вы должны оставить нам, жителям этих диких краев, которые знают краснокожих и умеют обращаться с оружием!

Я полагал, что асьендеро незнакомо имя Олд Шеттерхэнда, а поэтому не упоминал его в своем рассказе. Теперь, когда меня высмеяли в лицо, мне также не пришло в голову ссылаться на мои прежние заслуги, потому что можно было поставить десять против одного, что и тогда он не окажет мне доверия, физически он был очень красивый человек, но духовно — серая посредственность, которой мои вполне логичные заключения казались фантазиями. Я увидел,

что мне не удастся поколебать его веру в Мелтона, а правильность моих предположений может быть доказана не словами, а только событиями. Поэтому я отказался от попыток убедить его в своей правоте, повторив еще раз только лишь свою просьбу о сохранении этого разговора в тайне, на что он, снова со смехом, дал утвердительный ответ:

— Что до этого, то вам не следует беспокоиться, потому что я не имею желания выставлять себя в смешном виде. Сеньор Мелтон посчитал бы, что я сошел с ума, если бы повторил кому другому подобную глупость; он вынужден был бы предположить, что эдакая фантазия родилась в моей собственной голове. Значит, я буду обо всем молчать. А как обстоит дело с должностью бухгалтера? Мелтон в самом деле обещал ее вам?

— Да.

— Невероятно, просто невероятно! Он же знает столь же хорошо, как и я сам, что никакого бухгалтера мне не нужно.

— Он только намеревался завлечь меня сюда таким обещанием.

— Это еще зачем? Для чего вы здесь нужны?

— Я сам не знаю причины.

— Так вон оно что! У вас есть одни голословные утверждения, но нет никаких точных фактов. Я полагаю, что эта бухгалтерская должность тоже является плодом вашей фантазии.

— То есть вы, дон Тимотео, просто считаете меня сошедшим с ума!

— Ну, сумасшедшим я вас не считаю, но какое-то колесико крутится у вас в голове быстрее, чем нужно. Рекомендую вам обследоваться в какой-нибудь больнице; может быть, еще не поздно спасти весь механизм.

— Спасибо, дон Тимотео! Голова у одного работает быстрее, у другого медленнее, от этого могут возникать забавные ситуации, и кто-то может упрекнуть другого в излишней доле фантазии, а тот возразит упреком в умственной лени. От должности бухгалтера я отказываюсь. Вообще я не собирался претендовать на это место.

— Ваша уступчивость и деликатность меня радует, сеньор, потому что, раз уж вы заговорили об умственной лени, я признаюсь, что мы, возможно, не ужились бы друг с другом. Когда вы намерены уехать?

— Завтра утром, с вашего разрешения.

— Даю вам это разрешение уже сегодня, даже в этот самый момент.

— Это означает, что вы выставляете меня за ворота?

— Не только за ворота, но и за пределы моей асиенды.

— Дон Тимотео, это — жестокость, противоречащая всем местным обычаям!

— Мне очень жаль! Но в этом вы сами виноваты! Эта видимая жестокость на самом деле является только лишь необходимой мерой предосторожности, которая, может быть, покажет вам, что я все же не такой уж отсталый человек, за какого вы меня приняли. Вы предупредили меня о нападении индейцев, возникшем только в вашем воображении; оно бы произошло, и пожалуй, немедленно, если бы я оставил у себя вас и ваших спутников. Вы убили сына вождя индейцев-юма, и вождь, безусловно, преследует вас. Оставь я вас у себя, на мою голову свалилось бы все племя. Пожалуй, вы согласитесь с тем, что я должен от вас избавиться!

— Если вы полагаете, что действуете в соответствии со своими принципами, то я не стану возражать и вынужден буду удалиться.

— Кому принадлежит лошадь, на которой вы приехали?

— Мне ее дал в Лобосе Мелтон.

— Значит, она принадлежит мне, и вы должны будете оставить ее здесь. Раньше вы говорили, что ваши спутники только для того сюда приехали, чтобы купить при случае лошадей; я вынужден сказать им, что не смогу продать ни одной лошади. Я мог дать им

лошадей и без денег, которых у индейцев скорее всего нет, потому что мимбренхо известны как честные люди и вернули бы мне этих животных или же переслали бы плату за них; но я не могу оказывать им помощь, потому что в этом случае юма станут моими врагами.

— Ваша предусмотрительность заслуживает только похвалы, дон Тимотео. Я хочу только еще спросить, как мне идти, чтобы побыстрее покинуть границы вашего владения?

— Что касается этого, я дам вам проводника, а то вы, вследствие своих буйных фантазий, легко можете сбиться с пути. Вы увидите, как я о вас позабочусь!

— Возможно, и мне придется когда-нибудь о вас позаботиться. Не могу быть ни перед кем в долгу.

— В данном случае — ничего не надо. Я отказываюсь от вашей благодарности, потому что на самом деле не знаю, чем бедняк, не владеющий даже лошадью, может помочь мне, богатому асьендеро.

Он хлопнул в ладоши, после чего быстро возник мажордом, который вынужден был дожидаться за дверью, подслушивая нашу беседу. Когда одутловатый «сеньор Адольфо» получил задание выставить нас за пределы имения и присмотреть при этом за тем, чтобы я оставил свою лошадь, мне делать в комнате стало нечего, а он поспешил за мной. Когда мы вышли из дома, он прямо перед дверью, оскалив зубы в улыбке, сказал мне хамским тоном:

— Стало быть, с tenedor de libros ничего не вышло! Значит, ты и есть тот, за кого я тебя принял — бро…

— А ты величайший болван, который мне когда-либо встречался, — прервал я его, — а для дружеского hablar de tu[59] ты еще должен получить разрешение. Вот оно!

И я влепил ему пощечину по левой щеке, так что он качнулся вправо, а потом по правой щеке, еще более мощную, так что он прямо-таки рухнул налево. Возможно, я не сделал бы этого, но я заметил, что асьендеро открыл окно, чтобы полюбоваться моим уходом. Во всяком случае, он слышал слова своего мажордома и должен был не только услышать, но и увидеть мой ответ. «Сеньор Адольфо» быстро вскочил на ноги, выхватил нож, который в этих краях каждый носит за поясом, и с ревом бросился на меня:

— Босяк, на что ты решился! Ты за это поплатишься!

Его выпад я легко парировал, выбив у него из руки нож, схватил его обеими руками за пояс, приподнял и швырнул в ручей поблизости от моста. Вода сомкнулась над его головой. Но ручей был не настолько глубок, чтобы он мог утонуть. Вскоре он снова появился и, отфыркиваясь и пыхтя, полез на берег. Возможно, он еще раз бы напал на меня, причем снова оказался бы в воде, но в этот самый момент появился некто, кого я никак не ожидал встретить сейчас в этих местах.

Когда я бросил мажордома в воду, мне пришлось отвести свой взгляд и от ручья, и от «сеньора Адольфо». При этом я посмотрел в раскрытые ворота, через которые как раз въезжал во двор мормон Мелтон. Он увидел, что произошло, увидел и асьендеро, стоявшего возле открытого окна, понукнул лошадь и крикнул:

— Что здесь происходит? Я даже думаю — драка! Это вызвано какой-то ошибкой, которую я сейчас же должен исправить. Успокойтесь же!

Последние слова были обращены к мажордому; потом он повернулся ко мне:

— А мы так вас искали. И все понапрасну! Как вы сюда попали?

— Самым простым способом, — ответил я. — Вы знаете, что моя лошадь понесла; она примчала меня прямо сюда.

— Удивительно! Позже вы мне обязательно расскажете об этой диковинной поездке!

— Для этого уже нет времени; я вынужден уехать, так как меня отсюда вышвырнули.

— И поэтому вы решили доставить себе немного удовольствия и кинули слугу в воду!

— Разумеется. Такая уж у меня привычка, от которой я никак не могу отказаться!

— Я должен узнать, что случилось, и тогда все объяснится. Подождите, пока я не переговорю с доном Тимотео! Не уезжайте, я скоро вернусь!

Он слез с лошади и ушел в дом. Мокрый мажордом заковылял за ним, не дав мне удовольствия поймать хотя бы один свой взгляд.

Что мне надо было делать — ехать или оставаться? Я, конечно, почти решился покинуть асиенду, но одновременно меня разбирало любопытство узнать, удастся ли мормону оставить меня. Я был уверен, что мое изгнание было не в его интересах. Итак, я не торопился уехать, но пошел к своей лошади, чтобы отвязать от седла сверток, в котором находился мой новый костюм. Мои ружья висели на луке седла. Я снял и их. При этом я сообщил мальчишкам и скво:

— Вы видели, что приняли меня недружественно. Асьендеро не принимает нас, потому что боится мести юма. Значит, нам придется уйти и провести эту ночь в лесу.

— А кто этот всадник, который только что приехал и говорил с Олд Шеттерхэндом? — спросил старший из братьев.

— Друг Большого Рта, злой человек, которого нам всем надо опасаться.

Теперь лошадь скво должна была нести три индейских седла. Мы привязали их покрепче. Итак, мы все четверо стали пешеходами. Тут из дома вышел мормон и быстро направился к нам через мост.

— Сеньор, — сказал он, — я обо всем договорился. Вы остаетесь на асиенде.

— Как так?

— Дон Тимотео, которому до сих пор не надо было бухгалтера, при разговоре с вами совсем не подумал о том, что после прибытия такого большого количества работников ему не обойтись без посторонней помощи. Итак, пойдемте со мной внутрь! Он хочет взять вас на службу. Вы можете остаться здесь.

— Ах так! Значит, я могу остаться! Но это выражение не совсем точно. О том, что я могу, нет и речи; вопрос заключается в том, хочу ли я.

— Извольте! Но вы же, разумеется, хотите!

— Нет, я не хочу. Вы же видите, что мы готовы к отъезду.

— Не делайте ошибок! — с жаром стал он меня уговаривать. — В вашем положении следует согласиться с любым предложением. Здесь вам предлагают будущее, которое можно бы назвать блестящим…

— Пожалуйста, обойдемся без красивых фраз! Я знаю, как мне поступить.

— Надеюсь, вы убеждены, что я говорю честно. Оставайтесь, и с вами может остаться эта троица, о которой вы, кажется, очень заботитесь.

— Так вы считаете, что я, ради того чтобы обеспечить им кров на одну ночь, подпишу многолетний контракт? Неужели я выгляжу таким наивным?

— Вы говорите во гневе, и он ослепляет вас. Но подумайте о своих соотечественниках! Я уехал вперед, чтобы сообщить асьендеро об их прибытии; все они вас полюбили и беспокоятся за вашу жизнь. Вы станете тем центром, вокруг которого объединятся здесь переселенцы. Подумайте о том разочаровании, которое испытают эти добрые люди, когда узнают, что вы отказались от контракта и, не простившись с ними, уехали!

Таким образом он перебирал все причины, которые ему казались вескими, для того чтобы убедить меня остаться, но его старания, естественно, были напрасны. Когда он заметил, что я не дрогнул, тон его изменился, и в нем зазвучали гневные нотки:

— Ну, если вы хотите искать свое счастье по белу свету, причем пешком, ничего не имею против; но в любом случае вы крайне неблагодарны ко мне. Я договорился с вами и бесплатно доставил вас сюда, и вот теперь вижу плоды своей доброты — вы просто убегаете отсюда!

Я мог бы ему ответить совсем по-другому, но не стал этого делать, а холодно возразил:

— Вы хотите навязать мне это так называемое счастье!

— Нет. На мой взгляд, бегите хоть к черту на кулички! Но если вы не хотите остаться, я немного провожу вас.

— Зачем мне затруднять вас?

— Когда вы не захотели остаться, то слышали от асьендеро, что он не потерпит вас на своей земле. Он собирался дать указание нескольким слугам, чтобы они вышвырнули вас. Но раз уж я однажды о вас позаботился, то и теперь взял на себя задачу лично сопровождать вас, чтобы избавить от позора. Надеюсь, что по крайней мере против этого вы возражать не станете!

— Нисколько! Наоборот, я очень обрадован честью, которую вы мне окажете. Достаточно ли хорошо вы знакомы с местностью, чтобы определить пограничную линию, отделяющую асиенду от окружающих земель?

— Я отыщу границу даже в темноте.

— Весьма вероятно, что совсем стемнеет, когда мы доберемся до границы. День быстро идет к концу. Так давайте не медлить. Поехали!

Он направился к своей лошади, все еще стоявшей во дворе, и забрался в седло, все еще не замечая, что я его раскусил. Не без умысла спросил я его, знает ли он границу. Если бы это было так, то значит, он вообще настолько хорошо знает этот лес, что ему было бы совсем нетрудно даже в темноте отыскать место, подходящее для исполнения своего замысла.

А что же это был за замысел? Я уже давно предполагал о его существовании, и теперь мои догадки подтверждались.

Мормону было известно, кто я такой, и он боялся меня, потому что я мог помешать ему расправиться с переселенцами. Он взял меня с собой, чтобы я всегда был в поле его зрения, и при первом же удобном случае он мог меня уничтожить. Поскольку я не хотел остаться на асиенде, значит, действовать надо было быстро. По моим расчетам, его власть распространялась только до границ поместья. Выходит, именно сейчас должно было случиться то, что не могло произойти ни позже, ни дальше. Теперь он попытается лишить меня жизни, и я, когда мы отправились в путь, был убежден, что рядом со мной шаг за шагом следует смерть.

Ну, и не бессмысленным ли удальством была для меня поездка с этим человеком, грозящая мне смертью? Нет, мудрость побудила меня согласиться с тем, чтобы он сопровождал нас. Если бы я отказался, он последовал бы за нами тайно, чтобы из какого-нибудь давно облюбованного им места всадить в меня пулю, а так он оказался возле нас, и я получил возможность понаблюдать за ним, предугадать момент атаки и парировать его удар.

Покинув асиенду, мы снова направились вдоль ручья. С обеих сторон его виднелись обширные луга, и только изредка то тут, то там появлялся кустарник и деревья. Такая местность явно не подходила для убийства. Мормон явно не стал бы делать свидетелями своего злодеяния моих спутников. Значит, покушение он осуществит только после прощания с нами. Пока он находился рядом, я был совершенно спокоен за свою жизнь. Дальнейшее я представлял себе так: он притворится, что возвращается, а сам потихоньку заберется в какое-то тихое местечко, давно уже им облюбованное, спрячется там, подкараулит меня и выстрелит в упор. И кто же тогда сможет обвинить его в убийстве? Весьма правдоподобным покажется, что меня подкараулил вождь юма, чтобы отомстить за смерть своего сына.

Мелтон медленно ехал через долину, а я безмятежно шел рядом с ним, держась рукой за круп его лошади. В таком положении я находился чуть позади его и мог внимательно за ним наблюдать. Мы не говорили ни слова. За нами шли трое индейцев, причем старший брат вел в поводу лошадь.

Тем временем быстро темнело, и наконец нас окружил ночной мрак; луга остались позади,

и ручей теперь струился между кустами, среди которых все чаще стали попадаться деревья. Можно было предположить, что скоро мы окажемся в настоящем лесу, и я полагал, что решающего момента ждать долго не придется.

Произошло так, как я и думал. Через короткое время мы достигли лесной опушки. Ручей уходил вправо; перед нами, кажется, был клин леса; слева тянулась открытая луговая полоса. «Это здесь! — подумал я. — Он покажет нам лес, а сам сойдет с лошади, привяжет ее и, укрываясь за деревьями, поспешит вперед, пока не доберется до удобного местечка». Мормон остановился, как будто я был всеведущим, вытянул вперед руку и сказал:

— Земли асиенды доходят только до этого леса, значит, свою задачу — проводить вас до границы — я выполнил. Собственно говоря, больше мне ничего и не надо бы было добавлять, но так как однажды я взял вас с собой, то скажу вам, пожалуй, где вы сможете найти отличное место для ночлега. Если вы пройдете с четверть часа вдоль края леса, то наткнетесь на ручей; он здесь описывает небольшую петлю. Там вы найдете чистую воду для питья, высокую мягкую траву для постели возле отвесной скалы, которая защитит вас от холодного ночного воздуха. Мне безразлично, последуете вы моему совету или нет.

Добавив это, он равнодушно глянул на нас.

— Благодарю вас, я последую всем вашим советам, — ответил я.

— Тогда рекомендую вам идти не торопясь. Весенние воды прорыли здесь много канав, в которые легко можно упасть в темноте. А я поехал обратно. Вы сами оттолкнули от себя свое счастье, и я убежден, что оно навсегда покинуло вас.

— Мне не надо вашего счастья. Скоро вы узнаете, что я привык полагаться только на себя самого.

— Да я не только встречаться, но и слышать о вас не хочу. Катитесь к черту!

Он повернулся и сделал вид, будто собирается вернуться. А мы пошли дальше, причем я тихо сказал своим спутникам:

— Теперь этот человек направится в лес, чтобы обогнать нас. Он попытается меня застрелить. Но я опережу его и докажу, что с Олд Шеттерхэндом не стоит шутить. Мои братья могут идти не по краю леса, а чуть левее, чтобы он не мог узнать, что меня с вами нет. Они могут даже понести мои ружья, потому что сейчас они будут только мешать мне. Если вскоре я вас не окликну, вы можете идти до того места, которое указал этот человек, а там вы меня подождете.

Все трое, естественно, удивились моим словам, но взяли оружие, не говоря ни слова. Сверток с моей одеждой уже находился на лошади; руки у меня, стало быть, освободились, и я быстро пошел вперед, тогда как они свернули левее, медленно продолжив свой путь в прежнем направлении. При этом они вели себя естественно, даже шумно, так что их шаги были слышны в лесу, хотя я совершенно не предупреждал их об этом.

Я сказал, что пошел быстро, потому что мне и в голову не пришло обращать внимание на предупреждение мормона. Оно было высказано только для того, чтобы замедлить наше продвижение, и мормон смог бы обогнать нас, несмотря на темноту и деревья. Ни на секунду я не усомнился в том, не ошибаюсь ли я; наоборот, я был твердо убежден, что он готовит для меня ловушку.

Держась поближе к лесу, я шел минут десять вперед, стараясь отыскать место, подходящее для исполнения замысла мормона. Звезды стали заметно ярче; я мог видеть шагов на тридцать. И вот я увидел выступивший острый клин леса, с обратной стороны столь же резко уходивший назад. Клин этот образовали плотно стоявшие деревья, около которых рос густой кустарник. Если я не ошибся в намерениях мормона, то именно здесь он рассчитывал осуществить свой план. Тут можно было хорошенько спрятаться, а мы бы прошли так близко, что промахнуться

было просто невозможно. Окинув кусты взглядом, а потом еще и обыскав руками, я нашел место, где мог бы схорониться Мелтон. Это оказалось нетрудно; ему бы пришлось создать себе хороший обзор и возможность для точного прицеливания. Найдя подходящее место, я притаился поблизости, укрывшись за веткой, такой широкой и гибкой, что она не выдала бы меня ни малейшим шорохом, доведись мне сделать какое-нибудь резкое движение.

Да, собственно говоря, зачем мне тут надо было подстерегать своего врага? Все-таки это было опасно. Я бы мог предотвратить покушение проще, уйдя с той дороги, которую нам указал мормон. Тогда бы зря он меня подкарауливал в зарослях. Когда я задаю себе этот вопрос сегодня, то честно признаюсь, что верх над благоразумием взяло пустое тщеславие, заставлявшее меня предпочесть опасное действие спокойному бездействию. Я страстно хотел доказать Мелтону, что он недооценил мой ум. А то, что я при этом рискую жизнью, дошло до меня гораздо позже.

Я удобно улегся под раскидистой веткой и приложил ухо к земле. Придет он или нет? Я ожидал в сильном напряжении. И вот раздались шаги, шорох отодвигаемых им веток, я слышал, как спотыкаются его ноги о выступающие корни, как он натыкается на стволы, невидимые в лесной темноте. Он быстро приближался. Я уже слышал его громкое дыхание, видимо, он сильно запыхался. Теперь он огибал лесной клин, на углу его приостановился и, всматриваясь, вытянул голову.

— Черт возьми! — вполголоса выругался он по-английски. — Вот дьявольщина! Я так тяжело дышу, что ничего не могу расслышать. Может быть, этот подлец уже прошел? Нет, это невозможно! Я бежал как сумасшедший, а они идут медленно, боясь попасть в яму. Ха-ха-ха-ха!.. Но тише, кажется, они идут!

Он опустился на правое колено, уперся левым локтем в левое и вскинул ружье. Я видел его совершенно отчетливо, потому что он оказался на полянке, освещенной светом звезд. Я рассчитал, что мне нужно сдвинуться влево, чтобы приблизиться к нему. Мои движения вызвали легкий шум, но он даже не услышал этот шорох, потому что все его внимание было приковано к лесной опушке.

Скоро и я услышал, как идут индейцы.

— Черт возьми! — прошептал он. — Эти собаки держатся дальше, чем я думал. Теперь придется очень хорошо прицелиться.

Меня нисколько не удивило, что он говорит сам с собой. Я знал по себе: чем больше возбуждение, тем легче находит оно выход в словах.

Он поднял и опустил ружье, а потом снова прицелился. Теперь настала пора моих действий, потому что он мог принять одного из мальчишек за меня и выстрелить в него. Я полупривстал прямо за ним, схватил его за горло и опрокинул на спину. Он испуганно вскрикнул и выпустил из рук ружье. Голова его оказалась у меня между пяток, коленями я навалился ему на грудь и плечи и схватил его за руки, которыми он лихорадочно шарил по земле; кисти его рук слегка хрустнули — он вскрикнул от боли, я сжал их посильнее — последовал новый крик, погромче; беззащитный, он лежал подо мной, потому что в ходе короткой схватки я вывихнул ему суставы. Он успел, правда, выставить перед собой поджатые ноги, но выпрямиться ему было нельзя, так как я всей своей тяжестью навалился на него. Шевелить руками он мог, но его бессильно повисшие кисти были мне не опасны. Зато он дал волю своим голосовым связкам. Он орал, словно его посадили на кол — то ли от бешенства, то ли от страха, то ли от боли, он и сам, пожалуй, не знал — отчего; вероятнее всего — по всем названным причинам сразу.

Борясь с ним, я увидел, что индейцы подошли и спокойно стоят у края леса, не обращая никакого внимания на крики мормона. Они точно придерживались моих наставлений. Тогда я

крикнул им:

— Мои юные братья могли бы подойти сюда, а свою сестру пусть они оставят у опушки, вместе с лошадью!

Они быстро выполнили мое распоряжение и связали мормону руки и ноги, чтобы я — при необходимости — мог бы и один управиться с пленником. Потом мы вынесли его из леса, чтобы можно было видеть лицо. Он перестал кричать и лежал теперь совершенно спокойно.

— Ну, мастер Мелтон, — сказал я по-английски, потому что это был его родной язык, — прогнал ли я от себя свое счастье, надо ли мне считать себя пропащим бродягой?

— Проклятый негодяй! — выдавил он сквозь зубы.

— Разве произошло не так, как я вам обещал? — продолжал я. — Разве вы очень быстро не убедились в том, что я вполне могу на себя положиться? Еще час назад я слышал полет пули, которую вы собирались всадить в меня. Вы вообразили, что в состоянии обмануть меня, а между тем, несмотря на мнимую свою хитрость, вы так глупы, что ваши намерения отгадать бесконечно легко. Я раскусил вас еще в Гуаймасе.

— И я вас тоже! — проскрежетал он. — Вы ведь Олд Шеттерхэнд!

— Совершенно верно! Я понимал, что узнан вами, но не показывал этого. А вы вели себя, как школьник. Если вы хотели оставить в дураках Олд Шеттерхэнда, то должны были действовать хитрее. Что вы намерены сделать с эмигрантами?

— Ничего!

— Конечно, вы мне об этом не скажете. Я спросил не для того, чтобы получить ответ. Своим вопросом я только хотел дать вам понять, что эти люди находятся под моей защитой. Я не намерен говорить с вами о том, что я знаю и о чем думаю. Я хочу лишь предупредить вас, что любое насилие, которое они испытают, обратится против вас самого. То, что случилось с вами, пусть послужит вам хорошим уроком. Вы покушались на мою жизнь, а теперь я держу в своих руках вашу. Пусть это будет вам предупреждением! В следующий раз вы распрощаетесь с жизнью — это уж точно. Как я заранее увидел вашу еще не вылетевшую пулю, так я предвижу еще многое другое, тогда как вы смотрите не дальше завтрашнего утра, потому что преступление по природе своей близоруко.

Я отвернулся от Мелтона и кивнул мальчишкам, чтобы они отошли от него, потому что хотел им сказать кое-что, о чем он не должен был слышать. Скво — сама осторожность — осталась стоять возле мормона, которого не хотела выпускать из виду, хотя он и был связан.

— Мои юные краснокожие братья пусть внимательно выслушают, что я хочу им сказать, — начал я. — Нас четверо, а лошадь у нас только одна; нам нужны еще три лошади, и мы должны их украсть. Я — не вор, но в нашем положении надо обязательно уехать верхом, и ничего другого придумать я не могу. Когда я разговаривал с асьендеро, он отказался удовлетворить мою просьбу, потому что боялся индейцев-юма. Следовательно, мне придется взять то, в чем он мне отказал, и я теперь возвращаюсь на асиенду, чтобы увести с лугов три лошади. Тем временем мои братья должны охранять пленника. Правда, он сейчас для нас не опасен, да и в такой поздний час вряд ли кто забредет в такую даль, но я, на всякий случай, должен принять меры безопасности.

— Олд Шеттерхэнд может на нас положиться, — уверил меня старший брат. — Мы выполним его приказ, хотя чувствуем себя обиженными из-за того, что он возвращается один на асиенду.

— Почему это?

— Потому что тем самым белый брат показывает нам, что считает нас неопытными мальчишками, которым не под силу даже увести лошадь.

Я достаточно хорошо был знаком с обычаями и взглядами индейцев, чтобы понять: оба

молодых человека чувствуют себя обиженными. Стечение обстоятельств требовало от меня установления постоянных отношений с их племенем, и я решил, что надо бы проявить к ним доверие. Поэтому я ответил так:

— Я видел, как храбро вы защищались от бандитов, и считаю вас мужественными воинами. Не сомневаюсь, что у вас, кроме храбрости, есть и необходимая сноровка. Я хочу у вас спросить, хотите ли вы добыть лошадей?

— Конечно, хотим! — весело закричали они.

— Хорошо! Значит, мне не надо говорить, куда вы должны повернуть?

— Нет. По дороге мы видели лошадей. Нетрудно поймать по одной для нас.

— По одной? Но ведь нам нужно три!

— Но ведь у пленника тоже есть лошадь. Он расскажет нам, где привязал ее.

— Эту мы не возьмем. На Ней он ехал из Лобоса; она, стало быть, очень измучена, а на лугах можно найти совсем свежих лошадей. Я мог бы говорить еще и дальше, но лучше я сообщу вам все необходимое немного позже. Итак, вам надо отправляться немедленно; я подожду вас здесь.

В ту же секунду они исчезли, не сказав ни слова своей сестре. Я же лег в траву возле мормона, думая о том, как мальчишки справятся с заданием. Мелтон лежал неподвижно, как мертвый. Гордость не позволяла ему ни о чем-нибудь попросить, ни просто вымолвить хоть слово, но время от времени дыхание его становилось учащенней и тяжелей: поврежденные кисти рук причиняли ему боль.

Об индейских мальчишках я не беспокоился. То, что им предстояло сделать, было само по себе легким, и лишь какая-нибудь случайность могла осложнить дело или даже привести к провалу операции. В этом случае они вернутся, не выполнив задания; вот и все, чего можно было опасаться, ибо мне даже не приходило на ум, что они могут попасться. Прошло два часа, потом из травы, самое большее в четырех шагах от меня, вынырнула какая-то фигура. Я тут же вскочил, чтобы схватить пришельца, но мои вытянутые руки опустились, потому что я узнал старшего из краснокожих.

— Брат мой вернулся, — сказал я. — Почему же он пришел тайком?

— Чтобы Олд Шеттерхэнд увидел, что никто не сможет меня заметить, если я этого захочу.

— Твоя походка бесшумна, словно полет мотылька, ты будешь хорошим воином. А где же твой брат?

— Я пошел вперед, чтобы спросить тебя, должен ли видеть лошадей пленник?

Он разговаривал со мной очень тихо, а я ответил громко:

— Пусть приведет их. Вас никто не видел?

— Пастухи были глухи и слепы. У нас было даже время выбрать среди лошадей наиболее крепких и сильных.

Он свистнул, после чего сразу же послышался стук копыт приближающихся лошадей. Значит, мальчишки подвели животных совсем близко, а я этого и не заметил. Оба парнишки гордились, что им удалось это сделать. Когда я рассмотрел лошадей, насколько это было возможным в ночной темноте, то убедился, что это были прекрасные животные, и в то же время приметил, что один конь был под седлом. Я попросил старшего рассказать, как им удалось достать седло, и он ответил:

— У моего взрослого белого брата нет седла, поэтому мы отыскали лошадь пленника и сняли с нее седло. Потом мы отпустили ее, потому что пленник с поврежденными руками все равно не сможет ехать верхом.

Значит, они нашли лошадь мормона и позаботились о том, чтобы у меня была необходимая сбруя, а это доказывало, что теперь я могу ставить перед ними вполне серьезные задачи,

которые будут под силу подросткам такого возраста.

— Конокрад! — вдруг презрительно закричал мне мормон. — Теперь, стало быть, знаменитый Олд Шеттерхэнд ничем не отличается от обычного мошенника!

Не показывая своей обиды, я развязал его ноги и сказал в ответ:

— Ну, вот вы и свободны, гнусный убийца. Теперь убирайтесь отсюда и расскажите асьендеро, что мне пришлось забрать его лошадей. Может быть, он получит их назад или деньги за них. Если же этого не произойдет, то пусть он запишет эту небольшую потерю на свой собственный счет. Вам же я дам совет: побыстрее наложите на кисти лубки и крепко их забинтуйте, а то может так случиться, что вы больше никогда не воспользуетесь собственными руками. Ради вашего блага я хотел бы пожелать, чтобы мы никогда не встретились, так как я убежден, что такая встреча будет иметь печальные для вас последствия.

— Или же для тебя! Берегись меня и будь ты проклят, негодяй!

Бросив мне эти злые слова, он поспешил прочь. Если бы в этот раз я не пощадил негодяя и всадил ему пулю в сердце, то уберегся бы от многих несчастий. Но можно ли убивать людей словно хищных зверей! Оружия у него больше не было; я отобрал у него и ружье, и патроны. Прочее его имущество, разумеется, осталось при нем.

Прежде всего мы оседлали лошадей; потом поехали прочь, чтобы побыстрее убраться из мест, где можно было ожидать в скором времени неприятной встречи. Какое избрать направление — мне было безразлично, потому что я не собирался покидать эти края. Наши лошади медленно пробирались через заросли травы, а я стал расспрашивать индейцев:

— Если мои краснокожие братья поедут очень быстро, то через какое время они доберутся до своих воинов?

— За три дня, — ответил старший брат.

Младший же из ребят односложно отвечал только тогда, когда я обращался непосредственно к нему. Так заведено у индейцев: старший всегда на первом месте; во многих индейских диалектах даже есть специальные выражения для старших и младших братьев, для старших и младших сестер. Само слово «сын» отцом произносится иначе, чем матерью. Так, например, у индейцев-навахо выражение «мой старший брат» переводится «шинаи», а выражение «мой младший брат» — «зе цела», отец назовет сына «ши не», тогда как мать — «зе це», старшая сестра называется «ше ла», а младшая сестра — «эте».

— Сильный Бизон, твой отец, сейчас находится среди своего племени? — расспрашивал я дальше.

— Да. Он будет очень рад принять у себя Олд Шеттерхэнда.

— Мы поприветствуем друг друга, но в данный момент я не могу отправиться на его поиски. Я вынужден просить его приехать ко мне. Его храбрые сыновья могут ему рассказать то, что я говорю теперь. Через Большую воду прибыли с моей родины мужчины, женщины и дети. Они хотят работать на асиенде Арройо. Один белый, который был нашим пленником, хочет причинить им большое несчастье. К сожалению, я не смог разгадать его злодейские планы. Зовут этого человека Мелтон. Весьма вероятно, что он позовет на помощь вождя юма, который должен будет напасть на асиенду. Я пришел к асьендеро, чтобы предупредить его, но он меня высмеял. Я сделал то, что мог, и не стал бы больше беспокоиться о нем, если бы не должен был спасти своих белых братьев и сестер с их детьми. Один я этого сделать не могу, потому что мне не выдержать борьбы со всеми воинами юма. Поэтому я позволю себе просить помощи у храброго вождя мимбренхо, вашего отца. Надеюсь, что он не откажет мне в такой просьбе.

— Он сразу же поспешит сюда, потому что у него есть для этого две важные причины.

— Какие это? — спросил я, хотя уже знал его ответ.

— Он курил с Олд Шеттерхэндом трубку мира и покрыл бы свое имя позором, если бы немедленно не откликнулся на его призыв. Кроме того, мой взрослый белый брат знает, что произошло. Большой Рот, вождь юма, напал на нас, чтобы ограбить и убить. Ему это не удалось, потому что Олд Шеттерхэнд спас нас, но тем не менее вождь юма должен заплатить за это кровью. Следовательно, дружба и месть будут его провожатыми, по их следам должен будет следовать наш храбрый отец.

— Стало быть, ты думаешь, что он сможет добраться до этих мест через шесть дней?

— Да три дня мы будем добираться до наших, и столько же потребуется на обратный путь. Сколько воинов он должен привести с собой?

— Я не знаю, как сильны юма, но к нападению на такое поместье, как асиенда Арройо, должны готовиться не менее ста человек. Значит, нам нужно столько же ваших воинов. Я хотел бы посоветовать взять им с собой сушеного мяса, потому что пополнить запасы пищи охотой не удастся из-за нехватки времени.

— В каком месте они должны встретить Олд Шеттерхэнда?

— Я никогда не бывал в этих краях и пока не могу назвать конкретное место. Но мы найдем его, прежде чем расстанемся. У меня есть еще одно поручение. Мой юный брат знает, что я подарил свою жизнь Виннету, великому вождю апачей, а взамен получил его жизнь. Мы договорились с ним встретиться, но я не могу выполнить свое обещание, потому что отныне связан с асиендой Арройо. И вот я хочу попросить твоего отца, чтобы он послал к Виннету верного человека с известием, почему я не могу приехать на назначенное место встречи.

— Если Олд Шеттерхэнд скажет, где он назначил встречу, посланец обязательно найдет знаменитого вождя апачей. Мой младший брат и наша сестра тоже могли бы выслушать это описание, чтобы передать его нашему отцу.

— Они сделают это вдвоем? А ты?

Он немного помедлил с ответом, потом смущенно откашлялся и сказал:

— Мой младший брат с сестрой поедут разыскивать наше племя, а я хочу остаться здесь.

— С какой целью?

— Я решил разыскать вождя юма и больше не спускать с него глаз, чтобы сразу же сообщить нашим воинам, как только они появятся здесь, где его найти.

— Но то же самое могу сделать и я!

— Я согласен. Олд Шеттерхэнд — великий воин, а я пока лишь мальчишка, не имеющий своего имени, поэтому должен делать то, что прикажет мне Олд Шеттерхэнд. Если он меня отошлет, я уйду, но мое сердце тогда очень опечалится, потому что я хотел бы пойти по следу Большого Рта, пока не отомщу ему. Я хочу завоевать себе имя, которым меня будут называть, когда я вернусь к своему племени. Значит, мой взрослый брат разрешит мне остаться! Я, правда, не могу надеяться, что он удержит меня при себе, но если он будет достаточно добрым и позволит мне держаться в его тени, то я мог бы по крайней мере заботиться о его лошади всякий раз, когда она ему станет помехой.

О своем желании он говорил робко, хотя и настойчиво. Конечно, это было весьма необычное желание, но то, что он осмелился на такую просьбу, подняло его в моих глазах. Любой индеец, будь он даже опытным воином, подождал бы, предложу я ему остаться или нет, а этот мальчик был настолько смел, что сам высказал свое желание. Разумеется, я понимал, как сильно ему хочется, чтобы его желание осуществилось. Если он сможет остаться со мной, ему будут завидовать все индейцы племени мимбренхо. Он мне понравился; его отец был моим другом — вот две причины, почему мне не хотелось ему отказывать. А я к тому же смогу его великолепно использовать. Я хотел тайком обойти асиенду, попытаться узнать, что там делается, но чтобы при этом меня не заметили. Лошадь мне была нужна для быстрого переезда с

места на место в случае необходимости; в иных случаях она мне только мешала. Мне придется часами, а может быть, и сутками лежать в засаде поблизости от асиенды; там лошадь легко могла меня выдать. Что за преимущество дал бы мне мальчишка! Впрочем, он сам предложил последить за моей лошадью, если она будет мне в тягость. Тем не менее я ответил не сразу, и поэтому через некоторое время индеец произнес:

— Мой знаменитый белый брат сердится на меня. Я знаю, что любой вождь был бы горд, оказавшись рядом с ним; я же пока ничто, незаметный человечек; но я жажду получить имя и стать равным среди воинов, а рядом с Олд Шеттерхэндом можно быстрее всего обрести это имя. Если же мое предложение вызывает гнев, то пусть он прогонит меня, и я уйду!

Тут я протянул ему руку и ответил:

— Как может разгневать меня такой маленький человек! Ты мне понравился, и твой отец обрадуется, когда услышит, что я оставил тебя при себе. Значит, я согласен; ты и в самом деле можешь оказаться мне полезным. Нет такого человека, как бы мал он ни был, кто не сможет оказать большую помощь другому человеку, хотя бы и чисто случайно. Многое из того, что ты слышал обо мне и Виннету, могло быть осуществлено только при участии других людей, оставшихся неизвестными. О нас повсюду рассказывают, о них — нет. Может быть, осуществится твоя мечта — заслужить себе воинскими делами боевое имя. Мне кажется, ты можешь это сделать, оставшись вместе со мной.

Можно себе представить, как он обрадовался, когда услышал об исполнении своего желания. Он не сказал ни единого слова; только брат его издал счастливое «уфф!», а сестра от радости хлопнула в ладоши. Я же продолжал:

— Но достигнут ли твои брат и сестра своего племени, если тебя не будет с ними? Очень многое, если не все, зависит от того, чтобы с ними по дороге не случилось несчастья.

Но эти мои сомнения уверенно развеял младший брат:

— С нами ничего не случится, потому что теперь у меня есть ружье и я, стало быть, никого не боюсь. Я знаю, что от этого места до расположения нашего племени мы не можем встретить врагов.

Мы снова вышли к ручью и находились теперь в том месте, где мормон советовал нам расположиться на ночлег. Конечно, сейчас мы не собирались этого делать. Мы даже не остановились и поехали дальше. Так как я уже осмотрел южные окрестности асиенды, теперь мне не хотелось забираться далеко на север, но пока еще я не мог остановиться, потому что надо было отъехать достаточно далеко от поместья, чтобы запутать свои следы. Поэтому мы ехали до самой полуночи, пока не оказались на местности, как нельзя лучше подходившей для моих целей.

Взошла луна, и перед нами открылись широкие дали. Почва была каменистой, а значит, лошади не оставляли следов. У северного горизонта я заметил темную полоску. Когда мы к ней приблизились, полоса превратилась в лес. Недалеко от опушки высоко над окружающими деревьями возносилась мощная крона дуба.

— Уфф! — сказал старший брат. — Вот мы и опять в знакомых местах. В этом лесу растет большой Дуб жизни. Теперь мой младший брат точно знает, куда ему надо ехать. Сбиться с пути невозможно.

— Хорошо! — ответил я. — Здесь мы и расстанемся. А у этого Дуба жизни будут проходить наши свидания. Через шесть дней я опять буду здесь, поджидая прибытия вашего отца и его воинов.

Я все объяснил младшему брату. Особенно подробно я описал ему место, где меня должен был ожидать Виннету. Наконец я дал ему ружье, отобранное мною у мормона; он должен был передать его отцу в подарок. Маленький человечек уверил, что он с сестрой поедет, не отдыхая,

до следующего вечера. Он попытается преодолеть трехдневный путь за два дня.

Дети вождя поделили между собой запас сушеного мяса. Мне это было очень кстати, потому что я получил еду на двоих на два дня, и, стало быть, мне не надо было все это время заботиться о мясе. Тем более, что охотиться вблизи поместья было опасно. Я считался с тем обстоятельством, что выстрел может меня выдать. Когда брат с сестрой уехали, мы привязали на опушке наших лошадей и решили выспаться, пока не рассветет. Нам необходим был отдых, потому что мы не могли сказать, сможем ли найти на следующий вечер ночлег, а здесь мы были в безопасности от неожиданного вторжения и можно было обойтись без дежурства. Вообще-то говоря, мы потому и должны были дожидаться здесь наступления дня, чтобы хорошо ориентироваться, так как при езде ночью можно неожиданно столкнуться с врагом.

Утром, после пробуждения, нам предстояло выполнить две задачи. Во-первых, надо было разыскать юма, а это лучше всего было сделать днем. Во-вторых, я хотел прокрасться к асиенде, чтобы посмотреть на переселенцев и по возможности переговорить с Геркулесом. Но для этого мне, конечно, надо было ждать вечера.

Для достижения первой цели я решил отыскать место, где вождь юма напал на братьев с сестрой. Он, как уже сказано, скорее всего должен вернуться на то место, и я надеялся найти его следы, а по ним определить, куда он направился.

Конечно, мы поехали не прямо к асиенде, а выбрали окружной путь, на котором нам не нужно бы было избегать нежелательных встреч; там нам не попалось бы ни души. В долину мы попали около полудня. Чем ближе мы подъезжали к нашей цели, тем осторожнее становились. Трупы лошадей еще лежали там. Целая стая грифов терзала их, отрывая мясо от костей и ссорясь из-за каждого куска. Я остался внизу, зорко наблюдая за окрестностью и держа ружье готовым к стрельбе, а мальчишку послал на скалу, где моими пулями был сражен сын вождя. Вернувшись, мальчик рассказал, что труп оттащили в сторону и прикрыли высокой насыпью из камней. Следов на твердой каменистой почве он не заметил.

Естественно, я и не ожидал, что на скале останутся следы. На лошади нельзя было забраться наверх, а вождь непременно должен был приехать на лошади. Значит, он оставил животное внизу, потом поднялся к трупу своего сына, спустился назад и покинул долину на лошади. Пока не известно, был ли кто с ним. И вот я начал искать; мальчик мне помогал.

К сожалению, грунт был каменистым, так что на нем могло не остаться следов от копыт и обуви. Правда, все же кое-какие отметки остались, как-то: царапины на скалах, камешки, сдвинутые со своего прежнего положения. Но ведь эти знаки могли оставить и мы сами, когда были здесь накануне. Молодой индеец напрягал все свое внимание, чтобы отыскать хоть какой-то намек на пребывание врагов. Он был бы очень горд, если бы ему удалось отыскать хоть какие-то следы. Но его усилия были напрасными, а поэтому он наконец несмело признался:

— Они же были здесь; это ясно. А следов все-таки не видно. Мои глаза сегодня словно поражены слепотой. Пусть Олд Шеттерхэнд не думает, что так бывает всегда!

— Утешься тем, что глаза Олд Шеттерхэнда, которые куда опытнее твоих, тоже ничего не увидели, — ответил я. — Но ведь есть другие глаза, не телесные, а духовные, глаза души. И если первые поражены слепотой, нужно пошире раскрыть вторые.

— Глаза моей души видят столь же мало, как и настоящие глаза.

— Возможно, ты смотришь ими не в том направлении.

— Тогда, может быть, Олд Шеттерхэнд скажет мне, о чем я сейчас думаю.

— Конечно, о вожде индейцев-юма.

— Но я уже давно об этом думаю, однако никак не могу обнаружить его.

— Потому что ты исходишь из того, что знаешь сегодня, а ты попытайся начать с того, что ты знал вчера, тогда и придешь к успеху. Когда оба ваших врага бежали от меня, ты стоял на

выступе скалы, а значит, мог видеть все лучше меня. Они ускакали вверх по долине. Мы выбрали то же самое направление, но не видели ни самих беглецов, ни их следов. Куда же они делись?

— Вероятно, они должны были как можно быстрее покинуть долину.

— И я так думаю. Склоны долины крутые. Может ли всадник подняться по ним?

— Ни в коем случае. Значит, они свернули в боковую долину.

— Да. Я вижу, что мой юный брат правильно пользуется глазами души. Но, конечно, беглецы искали не первую попавшую боковую долину.

— Нет, в этой долине находились их люди.

— Верно! А может ли мой юный брат привести мне и другое обоснование того, что дело обстоит именно так?

— Нет, — ответил он после минуты напряженных раздумий.

— Я считаю, что юма хотят напасть на асиенду, а значит, они уже находятся в ее окрестностях. Сейчас они выжидают подходящий момент. Тогда они не будут показываться открыто, а где-нибудь спрячутся. Долина является частью пути, который ведет из Уреса к асиенде; в любой момент этой дорогой может кто-нибудь воспользоваться. Поэтому юма не могут расставить здесь свои посты. Вот то другое объяснение, о котором я думал. Вождь и его белый спутник оказались вчера в главной долине на разведке, и совсем случайно они встретили вас. Но где встречаешь разведчика, там найдешь и воина, пославшего этого шпиона. Когда я говорю «там», я не имею в виду близкое расстояние, потому что вождь повел бы воинов в погоню за нами, если бы они находились совсем рядом. Итак, мы предполагаем, что воины юма спрятались в одном из боковых ущелий этой основной долины, но, пожалуй, на порядочном удалении; нужно не меньше часа, чтобы добраться до них на лошади. Не хочет ли мой юный брат сказать, где должна быть эта боковая долина?

— Там должны быть деревья, за которыми можно укрыться, и трава, которой могли бы кормиться лошади.

— Весьма вероятно. А теперь мой брат мог бы вспомнить, что мы вчера проезжали мимо трех боковых долин. Как далеко лежит отсюда первая из них?

— Белые называют это время половиной часа.

— А другие?

— Вторая — еще в четверти часа пути, а третья лежит очень, очень далеко отсюда.

— Да, так далеко, что ее можно не принимать во внимание. Теперь пусть мой брат вспомнит о двух ответвлениях. Как они выглядят? Дают ли они основание предполагать, что являются началом долин, которые поднимаются в горы по меньшей мере на протяжении получаса конного пути?

— Нет, — ответил индеец, не раздумывая. Стало быть, у него была хорошая память на местность. — Первая боковая долина кажется узкой и короткой. Но устье второй долины было очень широким.

— Значит, вероятнее всего искать юма именно в этой второй долине, и эта вероятность повысится, если мы увидим, что долина поросла леском. Вот этим мы теперь и займемся.

После этих слов я уселся в седло. Мальчик тоже быстро запрыгнул на лошадь, сказав с юношеской важностью:

— Но мы должны быть очень осторожны, потому что за деревьями, которые мы хотим увидеть, могут скрываться юма!

— Я тоже подумал об этом! — рассмеялся я. — Меня бы очень обрадовало, если бы они оказались именно там, а не в другом месте.

— Но тогда они заметят, как мы подъезжаем!

— Ну, тут мы должны позаботиться о том, чтобы они нас не заметили.

Мои слова, точнее — то, как они были сказаны, заставили его возразить:

— Мой знаменитый белый брат может подумать, что мы сразу заметим деревья! Но в такой местности они видны уже издалека. Нам же надо обследовать долину, которая, скорее всего, образует не одну извилину. Если там находятся деревья, то мы сразу наткнемся на них, а если в лесу скрывается враг, то просто не будет времени избежать нежелательной встречи!

— Мой маленький брат говорит как старый, опытный следопыт. Не будет ли он настолько любезен, чтобы вообразить себе эти изгибы долины, за которыми, конечно, может скрываться опасность? Но для осторожного человека они являются отличным укрытием. Поворот, за которым притаился враг, мешает ему увидеть меня. Вообще говоря, если привести удачное сравнение, человеку, который хочет отыскать костер, совсем не надо подходить к огню и совать туда руку, чтобы, получив ожог, убедиться в наличии пламени. Достаточно заметить дым или отблески костра. Стало быть, мы скорее всего даже не заедем во вторую долину, в которой предполагаем присутствие врагов.

Он принял эти слова как должное, склонил голову и промолчал. Мы поехали вперед по вчерашней дороге; я — впереди, причем так направляя лошадь, что она шла все время по камням и не оставляла следов. Я вел себя осторожно, потому что в любой момент нам мог повстречаться индеец-юма или даже целый отряд этих краснокожих. Но, к счастью, этого не произошло. Примерно через полчаса мы прибыли к началу первой боковой долины, ведшей, точно так же, как и следующая, налево. Я свернул туда. Индеец какое-то мгновение помедлил, а потом последовал за мной, не сказав ни слова. Он не мог понять мои действия, но молчал, чтобы не выслушивать еще раз наставления. Если мы решили искать юма во второй долине, то зачем же свернули в первую? Именно такой вопрос задавал он себе. Ответ он получил уже через несколько минут.

Долина эта была точно такой, как мы ее представляли: узкой и неглубокой. Она круто поднималась к верховьям; не прошло и десяти минут, как мы ее всю проехали. Мы оказались снова на равнине. На запад, север и юг равнина шла до самого горизонта, а с востока ее замыкали горы. Равнина была голой, исключая одно место на северо-западе, где угадывалась темная полоска леса. Я указал рукой в этом направлении и спросил:

— Что находится там, за этой темной линией?

— Вы сами видите, что лес.

— Нет, потому что эта самая полоска и есть лес. Он окаймляет верховья той самой второй долины, которую мы ищем. Теперь мой юный брат узнает, почему я свернул не в ту долину, а в первую. Там нам бы грозила опасность; здесь же мы обнаружили лес, не дав возможность увидеть себя тем, кто в этом лесу прячется. Если юма действительно находятся там, то они ожидают пришельцев только из главной долины и расставили в этом направлении наблюдательные посты. Если мы хотим их выследить, то теперь можем без опаски ехать прямо к лесу — они нас не увидят. Теперь мой юный брат видит, что можно обнаружить костер, не обжигая руки в его пламени.

— Пусть Олд Шеттерхэнд не сердится на меня, — ответил он безропотно. — Я еще неопытный юноша и не подумал о том, что хочу стать мужчиной. Мы поедем по равнине?

— Да, потому что мне непременно надо знать, где мы находимся. Может быть, мой юный брат хочет остаться здесь и подождать меня?

— Я поеду, даже если там находится все племя юма, — объявил он, сверкая глазами. — Но если Олд Шеттерхэнд прикажет, я должен буду остаться здесь.

— Ты должен ехать со мной, потому что я надеюсь, ты не наделаешь ошибок. Ты же знаешь, как опасно приближаться днем к вражескому лагерю.

Я пустил лошадь сразу в галоп, потому что чем быстрее мы пересечем открытое пространство, тем меньше будет возможности нас увидеть. Подъехав к лесу, мы спешились и привязали лошадей. Теперь надо было обыскать опушку. Ничего подозрительного мы не обнаружили и завели лошадей в чащу, непроницаемую даже для самого зоркого глаза.

— Мой брат хочет стеречь лошадей или он пойдет со мной? — спросил я.

— Лучше пойдем вместе.

— Или он хочет действовать самостоятельно? Если мы разделимся, то через полчаса подойдем к цели.

— Если Олд Шеттерхэнд доверяет мне, то пусть он скажет, что мне надо делать. Он не увидит моих ошибок.

— Тогда пошли! Прежде всего нам надо отыскать, где кончается долина.

Мы углубились в лес и скоро достигли места, где склон долины круто уходил вниз. Мы стали спускаться, пока не добрались до травянистого дна долины; в траве струился маленький ручеек; крутые склоны поросли густым лесом.

— Теперь мы разделимся, — сказал я. — Я еще четверть часа пройду по долине; ты же поднимешься вверх; встретимся на этом же месте и сообщим друг другу, что мы увидели. Если мы ничего не обнаружим, то продолжим поиски, пока не найдем юма или не обойдем всю долину. Но остерегайся шуметь, а тем более стрелять!

Последнее указание я дал потому, что опасался, хватит ли у мальчишки самообладания и рассудительности, если он вдруг увидит вождя юма и захочет немедленно отомстить ему. Я прошел уговоренное расстояние и не увидел ничего выдающегося. Правда, в одном месте на дне долины, в траве, заметил какую-то царапину, которую принял за след, но черта эта могла быть оставлена как человеком, так и зверем, и осторожность не позволила мне пойти по этому следу.

Когда я вернулся в условленное место, мальчишки еще не было, но скоро он появился и сообщил:

— Я никого не видел, но в траве есть следы.

— И я их заметил.

— Мой нос «видит» лучше, чем глаза, и я уловил запах костра.

— Может быть, и запах жареного мяса?

— Нет. Я унюхал только дым. Костер был выше того места по склону, где я должен был поворачивать.

— Тогда пошли проверим!

Мы пошли, крадучись, под деревьями, зорко вглядываясь вперед, чтобы первыми заметить внезапно появившегося человека. Там, где юный мимбренхо вынужден был повернуть назад, он остановился, глубоко вдохнул и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул ему и прошел дальше; да, в воздухе ощущался запах дыма, и чем дальше мы продвигались, тем сильнее становился этот запах. Через какое-то время мальчик остановился, придержал меня и спросил шепотом:

— А не могут ли это быть белые?

— Вряд ли.

— Но так пахнет «хаба»[60].

— Индейцы также употребляют ее в пищу. Пошли дальше!

Вскоре и я определил запах варящейся фасоли, любимого блюда мексиканцев, но ее охотно едят и мексиканские индейцы. Но невозможно было поверить, что кто-то надумал варить фасоль в лесу. Фасоль как пища в боевом походе индейцев! Да ведь для нее нужны котел, горшки и другая посуда, а это служило верным доказательством того, что в данном набеге участвовали не одни индейцы.

Мы подошли так близко, что различали теперь не только запах дыма, но и увидели то, что предполагали найти. Собственно говоря, мы узнали даже больше, чем собирались узнать. Я предполагал встретить расположившуюся в лесу группу индейцев; здесь же находился настоящий хорошо оборудованный лагерь с палатками и прочими удобствами, к которым краснокожие прибегают только тогда, когда чувствуют себя в полной безопасности.

Мы насчитали около двадцати палаток; все были сделаны из прочной, грубой холстины, хотя и порванной, но старательно заштопанной. Посредине расположилась палатка вождя, выделявшаяся украшением из трех орлиных перьев. Перед нею были разведены шесть кострищ, над которыми висели железные котлы; в них-то и варилась фасоль. Большая низкая палатка, поставленная несколько в стороне, видно, служила кладовой. Краснокожие либо находились у себя в палатках, либо лежали перед ними, или сидели небольшими группами. Некоторые находились возле котлов, перемешивая варево, чтобы оно не подгорело.

— Вон, — прошептал мальчик, — вон они, во второй долине, точно так, как предполагал Олд Шеттерхэнд. Мне надо их пересчитать?

— Нет, это же невозможно, потому что многие сейчас находятся в палатках. Но лошадей сосчитай! Они, наверно, пасутся вверху по склону, потому что внизу, в направлении главной долины, мы их не видели.

— Мне можно идти?

— Да, но будь осторожен!

Я послал его одного, потому что ему доставило огромное удовольствие самостоятельное передвижение, а еще больше — доверие, каким пользуется только опытный воин. Когда через некоторое время он вернулся, то сжал и разжал руки, показывая мне числом пальцев сосчитанных им лошадей, а потом сказал:

— Я видел пять и пять раз по десять лошадей, а потом — еще три.

Ни один настоящий индеец не умеет считать до сотни так, как мы. У многих племен десять — самое большое число, а у некоторых — даже пять; отсюда и запутанный способ счета мальчишки-мимбренхо. Он насчитал сто три лошади. Так как некоторые из них были вьючными, то можно, значит, было остановиться круглым счетом на девяноста индейцах. Скво при них не было; в лагере собрались только воины и вооружены они были, как казалось, ружьями.

Несмотря на такое значительное количество людей, в лагере было необыкновенно спокойно; конечно, индейцы чувствовали себя в безопасности, тем не менее необходимыми предосторожностями они не пренебрегали. Теперь я увидел, как один из суетившихся у котлов мужчин вошел в палатку вождя. Видимо, он доложил, что еда готова, потому что сразу же вышел наружу, хлопнул несколько раз в ладоши и громко закричал:

— Мишьям, на… выходите, еда готова!

Находившиеся в палатках индейцы стали появляться с мисками, другие же поспешили в палатки за своей посудой; все торопились к кострам, чтобы наполнить миски. Только двое не сделали этого. Они чувствовали себя слишком важными особами, чтобы принять участие в общей еде. Это были Большой Рот и какой-то белый, вышедшие из палатки вождя и теперь стоявшие перед нею, наблюдая за разворачивавшейся перед их глазами сценой. Кто был этот белый, я не мог пока рассмотреть, потому что он стоял спиной ко мне; позднее, когда он повернулся, я узнал в нем… молодого Уэллера, бывшего корабельного стюарда.

Значит, мои предположения в целом подтвердились, и теперь вопрос состоял только в том, где же находился его отец. Во всяком случае — не здесь, не в лагере, иначе он вышел бы вместе с сыном.

Трапеза у этих девяти десятков человек заняла не больше трех минут, потом люди опять

стали бездельничать. Мы еще долго наблюдали за лагерем и не приметили ни одного признака, что сегодня что-то намечается. Позднее вождь с Уэллером снова вышли из палатки. Бледнолицый дал знак, и к нему подвели лошадь. Он, видимо, собрался куда-то ехать.

— Пошли! — шепнул я мимбренхо. — Нам пора.

— Куда мы поедем?

— Точно я еще не знаю, но, может быть, к асиенде.

Старым путем мы вернулись назад и, еще не добравшись доверху, увидели, как Уэллер поскакал в долину. Он был один. Мы шли ускоренным шагом к оставленным лошадям. Мы вывели их на открытое место, сели в седла и поехали назад к устью боковой долины, где остановились за скалой, чтобы осмотреться. Если Уэллер повернет по главной долине вниз, то ему придется проехать мимо нас; если же он не проедет, значит, он поскакал вверх, к асиенде.

Он не проехал, хотя мы ждали его с четверть часа, и тогда я решил тоже податься вверх, по его следам. У меня в голове крутились разные предположения. Прежде всего я спрашивал себя, покажется ли он на асиенде или будет скрываться. Последнее казалось мне более правдоподобным, так как он, безусловно, был послом между вождем и мормоном. Если это верно, то он встретится с Мелтоном в каком-нибудь уединенном месте. Знай я это место, было бы можно подслушать их и, может быть, выведать весь план. Но места встречи я не знал. А можно ли было догадаться о нем? Да, но действовать надо было быстро.

Итак, мы покинули устье первого бокового ущелья и быстро поскакали вверх по главной долине, миновали второе боковое ущелье и проследовали дальше. Я был убежден, что молодой Уэллер перед нами, но должен был удостовериться, не заблуждаюсь ли я. При этом надо было быть осторожным, а это значит, увидеть его, но не дать обнаружить себя.

По счастью, скальный грунт скоро кончился, пошла более мягкая почва, глушившая стук лошадиных копыт. На этой почве следы всадника виднелись весьма отчетливо; он, как я и предполагал, ехал медленно; значит, мы скоро должны были его настигнуть. И точно! Еще прежде чем мы добрались до третьей боковой долины, нам встретился поворот, который из осторожности мы миновали не сразу, а немного выждали перед ним. Оказалось, что Уэллер был совсем недалеко перед нами. Это был он, и теперь не было никакого сомнения в том, что он направлялся на асиенду. Мой мимбренхо до сих пор молча следовал за мной; теперь он не мог больше сдержать свое юношеское нетерпение и спросил:

— Почему мы следуем за этим бледнолицым? Могу я узнать это от Олд Шеттерхэнда?

— Да. Я еду за ним, потому что он — посланник Большого Рта.

— А к кому он направляется?

— Предполагаю, что к Мелтону, нашему вчерашнему пленнику. Вероятно, встретятся они тайком и будут говорить о нападении на асиенду, которое я хочу предотвратить. При этом я хотел бы узнать, что же они конкретно замышляют.

— Мой взрослый белый брат хочет их подслушать?

— Это было бы замечательно.

— Но мы же не знаем, где они будут говорить!

— Я надеюсь отыскать это место.

— Тогда мы должны все время не спускать с бледнолицего глаз. Но если он вдруг обернется, то может нас заметить.

— Я пойду за ним только тогда, когда станет темно и он не сможет меня увидеть, а потом мы приедем раньше, обогнав его на повороте.

— Тогда он может обнаружить наши следы.

— Он примет их за следы пастухов с асиенды. Может быть, на наши следы он наткнется только в темноте и не заметит их. Мы знаем путь, которым он едет, потому что только вчера

проехали по нему. Весьма вероятно, что он доедет только до озера, в которое впадает ручей. Если мы там его подождем, то наверняка можем встретить. И по времени все очень хорошо совпадет, потому что, пока мы доберемся до озера, как раз стемнеет.

— А какой объезд мы сделаем?

— Точно я еще не знаю, потому что местность мне незнакома. Мы свернем в третью боковую долину и увидим, куда она нас выведет.

— Я хорошо запомнил, куда ведет эта долина, потому что ехал по ней со своим младшим братом и сестрой. Мы только потому отклонились с этой дороги, что надеялись купить на асиенде лошадей.

— Ну, и куда же мы попадем, если поедем по этой боковой долине?

— Мы выедем на большую равнину, где только время от времени встречаются невысокие холмики.

— На открытую равнину? Значит, не будет препятствий для хорошей скачки?

— Нет. Если ехать отсюда прямо, то мы попадем в лес, в котором растет Дуб жизни, где мы хотели встретиться с нашими воинами. Если же ехать к асиенде, то надо держаться правее; это я точно знаю; но каков этот путь, я не могу сказать, потому что не ездил по нему.

— Это и не нужно, потому что того, что ты сообщил, вполне достаточно. Теперь я знаю, что мы доберемся до маленького озера в нужное время. Давай же поедем вперед!

Во время этого короткого разговора Уэллер скрылся из глаз; значит, мы могли ехать дальше. И мы тронулись сначала медленно, чтобы опять не оказаться слишком близко от него; но потом, когда мы свернули в третью боковую долину, погнали лошадей во всю прыть; выбравшись на равнину, мы поскакали по ней галопом, давая, правда, лошадям короткий отдых и разрешая тогда им идти медленным шагом, но это случалось только тогда, когда мы поняли, что, продвигаясь все время в бешеном аллюре, мы приедем к озеру слишком рано; а нам не хотелось, чтобы нас кто-либо увидел там днем.

И как раз в то время, когда солнце исчезало за западным горизонтом, мы увидели на востоке лес.

— Пожалуй, это те деревья, которые стоят около ручья, — предположил мой мимбренхо.

Я был того же мнения и направился, стало быть, к лесу. Когда мы добрались до него, уже стемнело. Мы спешились и дальше повели лошадей в поводу. Деревья стояли близко друг к другу; мы легко шли вперед, пока местность не стала понижаться и через непродолжительное время мы увидели слева от себя мерцание озера. Сюда должен был подъехать молодой Уэллер. Прежде всего надо было так спрятать наших лошадей, чтобы их нельзя было обнаружить, но где бы росла трава и была вода, необходимые нашим животным для утоления голода и жажды. Очень скоро мы подыскали такое место. Лошади остались под наблюдением мальчишки, который был мне совсем не нужен; ружья я тоже оставил ему, так как они бы могли только помешать мне. Я приказал мальчику, чтобы он никуда не уходил с этого места, а сам отправился на другой берег озера, по которому должен был проехать Уэллер. Лежа в траве, за одиноким кустом, я ожидал его прибытия, и оно, по моим расчетам, должно было произойти очень скоро.

Место, где я лежал, как и то, где остался с лошадьми мой юный друг, оказалось весьма удачным, потому что ни его, ни меня не потревожили пастухи, охранявшие стада и табуны асьендеро. Кроме тихого шороха листвы, вокруг царила глубокая тишина, так что малейший звук ночного леса доносился до меня.

Я ждал уже с полчаса, когда раздались легкие шаги человека, приближавшегося с левой стороны. Это было как раз то направление, откуда должен был подойти бывший стюард. Он шел по дорожке, петлявшей по берегу озера, и должен был миновать меня. Это не была проторенная

дорога, это не была даже тропинка, какие встречаются в населенной местности, это был просто поросший травой берег озера. Пожалуй, днем здесь можно было видеть ходящих по ней людей, но ночью незаметная дорожка полностью сливалась для глаза с травой, покрывающей дно долины. Трава была такой мягкой, что только мое опытное ухо могло услышать шаги Уэллера издалека.

Он продвигался пешком, а значит, должен был где-то в укромном месте оставить свою лошадь. Он двигался медленно, порой останавливался и прислушивался, словно кого-то очень опасался. Тем самым я получил возможность незаметно следовать за ним. Шел бы он побыстрее, я, пожалуй, скоро перестал бы слышать его шаги, а увидеть ничего было нельзя. Так вот так и крался я за ним, пригнувшись, останавливаясь, когда не слышал больше шагов, и продолжал движение, как только он возобновлял свой путь. Так мы оставили озеро за собой и оказались у впадавшего в него ручья.

Шагах в пятидесяти от устья, прямо у воды стояла высокая ольха с широкой кроной, поблизости от которой не росли кусты. Середину этой открытой площадки закрывала своей тенью ольха. Я остановился у последнего куста, потому что перестал слышать шум шагов; видимо, стюард остался стоять под ольхой. Несколько секунд я напряженно вслушивался, но ничего не услышал; и тогда я предположил, что именно под этим деревом он должен встретиться с мормоном. Это мне меньше всего могло понравиться, потому что я не мог незаметно пересечь открытую поляну перед ольхой. Под деревьями и в кустарнике было темно, а здесь, хотя луна еще и не взошла, света хватало, и мои передвижения непременно бы заметили, тем более что на мне остался старый светлый костюм. Новый находился в тюке за седлом. Но именно это обстоятельство навело меня на мысль, как достичь цели. Берега ручья были довольно крутыми, а значит, я мог воспользоваться руслом, чтобы подобраться к ольхе. Если бы я облачился в новый, дорогой костюм, то, пожалуй, идея вымочить его насквозь вряд ли бы показалась мне привлекательной.

Я опустошил свои карманы, снял пояс со всем, что на нем было навешано, спрятал эти вещи в кустах и вошел в воду.

Вблизи устья ручей был глубок, вода была мне по грудь. Чтобы погрузиться до подбородка, мне пришлось немного присесть. К тому же берег возвышался над водой куда больше, чем на локоть; значит, меня могли заметить только те, кто будет специально наблюдать за поверхностью ручья.

Я шел вперед, медленно, шаг за шагом, стараясь не плескаться. Чем дальше я продвигался, тем осторожнее становился, тем ниже приседал в воде. Время от времени я останавливался и прислушивался. И вот я услышал голоса. Два человека негромко беседовали между собой. Через какое-то время я добрался до дерева и мог теперь чувствовать себя в безопасности, потому что здесь, в тени, отбрасываемой кроной, меня вряд ли Кто сумел бы заметить.

Я вытянул руки, ощупал край берега, крепко уперся в него и медленно подтянулся вверх, так что моя голова слегка приподнялась над краем берега. Я увидел, что двое людей сидят под деревом, совсем недалеко от меня. Ими оказались бывший стюард и его отец. Мелтона с ними не было. Я напряг слух и разобрал, как отец говорил сыну:

— Асьендеро, конечно, не понравилось мое предложение.

— Может быть, ты мало ему пообещал? — спросил сын.

— Я не делал никаких предложений, потому что он сразу же сказал, что не намерен продавать свои владения. Но когда там окажутся индейцы, он заговорит по-другому. Даже если бы он захотел продать асиенду, моя цена оказалась бы настолько ничтожной, что ему просто нельзя было бы на нее согласиться. Не вижу оснований предлагать ему за поместье сейчас три четверти стоимости, если позже я получу весь хлам всего за четверть.

— Ну, пожалуй, так дешево не выйдет!

— Ты так думаешь? Асиенда находится в таком жалком состоянии, что необходимо вложить на ее обновление много денег, но их у владельца нет. Если он не захочет стать нищим, ему придется продать имение.

— А если он получит кредит?

— Я не думаю, что это у него получится. Ни одному мексиканскому финансисту не захочется сделать подобное вложение; к тому же у владельца нет спекулянтской жилки. Мы — совершенно другие люди. Рано или поздно мы должны будем уехать из Соединенных Штатов. Юта уже потеряна для нас, а наш прекрасный город у Соленого озера в недалеком будущем попадет в руки нечистых. Многоженство вдруг стало противоречить христианской морали и законам государства, жители которого считают себя «самыми нравственными». Но мы не откажемся от него, а значит, нам придется готовиться к исходу, не имеющему себе равных в истории. Чем окажется исход детей Израиля из Египта по сравнению с мощным народным потоком, который начнется, когда Святые Последнего Дня вместе со своими женами и детьми, вместе со всем своим скарбом покинут Штаты! Можно спросить, куда они пойдут? На север, в Канаду? Нет, потому что Канада принадлежит Англии, а набожные, но при этом грешные англичане также не переносят многоженства. На восток или на запад, то есть через океан? Тоже нет. Стало быть, на юг! Там лежит Мексика с обширными, только еще ждущими прихода новых хозяев просторами. В ее законах ничего нет о многоженстве; оно не запрещено, а значит, разрешено. Мексика, если она долгое время будет находиться в сильных руках, расширит свою территорию далеко на юг и превратится в великое государство, которому Соединенные Штаты уже не смогут диктовать свои условия. Вот где место для нас; здесь будут жить наши потомки, число которых сравнится с обилием песчинок в пустыне. Здесь нам предстоит со временем обосноваться, и для этого мы предпринимаем первые шаги, чтобы узнать, с какими условиями нам предстоит столкнуться. Нам нужна эта асиенда, потому что она является богатым поместьем и очень удобно расположена. Мы должны ее заполучить, а если владелец не хочет ее продавать, мы его заставим. Это лишь первый шаг, который мы делаем через границу; если он будет удачным, то скоро сюда прибудут другие братья, и их будет много.

Это была прямо-таки лекция, вдохновенно прочитанная отцом своему сыну, целый доклад о планах и намерениях мормонов! Оба Уэллера хотели вынудить асьендеро продать имение. Каким способом? Кажется, с помощью индейцев. Что они решили предпринять конкретно? Судя по разъяснениям старшего Уэллера, индейцы должны разорить имение. Необходимо сделать асьендеро банкротом. Значит, речь идет, вероятнее всего, о нападении, которое приведет к полному уничтожению прекрасного имения. У меня не было времени развивать свои мысли дальше, потому что Уэллер продолжал:

— Значит, начало сделано, а продолжение последует. План был так хорошо задуман и так прекрасно выполнялся, если бы не появился тут этот проклятый немец. Все, что можно было считать невероятным, этот человек в состоянии совершить, а тем самым разрушить все наши замыслы. Кто бы мог подумать, что это Олд Шеттер…

— А это действительно Олд Шеттерхэнд? — прервал его сын. — Надо ведь сначала доказать это. Вполне возможно, что мы ошибаемся.

— Ни о какой ошибке не может быть и речи. Доказательство он сам представил уже вчера. Подумай только, он дрался с Мелтоном!

— Черт возьми! Как мог Мелтон допустить такое! Он же должен был отказаться от единоборства с немцем, даже если тот действительно оказался Олд Шеттерхэндом. Что толкнуло его на такую непростительную неосторожность?

— Это не было неосторожностью. Я думаю, что на его месте я бы поступил точно так же.

Немец его раскусил. Он придумал штуку с лошадью, чтобы попасть в Урес. Ты знаешь, что произошло потом. Он освободил троих мимбренхо, когда мы напали на них, и пристрелил при этом сына Большого Рта. Потом он поскакал к асиенде, желая предупредить владельца, и рассказал ему о нападении юма, а Мелтона назвал мошенником.

— Да, это действительно могло провалить все наши планы. Дальше, дальше!

— По счастью, асьендеро высмеял его. Ты знаешь, что когда Мелтон берется расположить к себе какого-нибудь человека, то успех обеспечен. А этот столь же добрый, как и глупый дон Тимотео Пручильо проникся к нему таким доверием, которого никому не в силах поколебать. Он просто-напросто предложил немцу покинуть асиенду.

— И он это сделал?

— Да. Он собирался уже уезжать, когда появился Мелтон. Тот удержал немца на короткое время, сам быстро прошел к асьендеро и узнал от того слово в слово все, что сказал немец. Надо было немедленно действовать. Парень должен был исчезнуть. Мелтон проводил его немного, потом простился с ним, а сам поспешил тайком вперед, чтобы спрятаться в кустах и пристрелить немца. Когда Мелтон добрался до облюбованного им местечка, Олд Шеттерхэнд был уже там!

— Не может быть!

— Да, там-то и произошла драка, в которой Мелтону вывихнули руки. Теперь он надолго остался не у дел. Не скоро он сможет взяться за оружие.

— Вот это да! Просто не могу себе этого представить! А больше ничего с Мелтоном не случилось?

— Ничего. Немец позволил ему смыться, но на прощанье предостерег. Он сказал, что хотя он и покинет эти края, но твердо намерен сюда вернуться.

— А куда он поехал?

— Конечно, к мимбренхо. Он хочет, чтобы они помогли ему против юма.

— Черт бы его побрал! Если у него и в самом деле такой план и он приведет его в исполнение, то все наши прекрасные мечтания могут рухнуть.

— Пока еще нет. Вот только должны ли мы ждать, пока он вернется? Он считает себя умнейшим среди людей, но сразу превратится в величайшего глупца, когда поймет, что мы намерены делать. Я бы на его месте прикончил Мелтона. У него на это были все основания. Ну а теперь Мелтон, правда, не сможет лично принять участие в борьбе, зато сломанные руки не помешают ему всем руководить.

— О борьбе, пожалуй, говорить не стоит. Добропорядочным немцам, так основательно угодившим в нашу ловушку, просто не придет в голову защищаться, особенно когда они увидят, что за горло берут не их. А если те несколько пастухов, служащих асьендеро, вздумают шевельнуться, мы мигом охладим их пыл. Но давай-ка лучше поторопимся!

— Как раз об этом и я думаю; с этим будет полностью согласен и Мелтон. Мы не можем ждать так долго, как это было сначала намечено в нашем плане, а должны как можно скорее начать. Итак, сегодня же — нападение, завтра будут переговоры с асьендеро, а послезавтра мы едем в Урес подписывать договор. А потом пусть появляется этот германец со своими мимбренхо; он ничем не сможет нам повредить и будет поднят на смех.

— Верно. Значит, надо определить время. Могу я сообщить вождю какие-нибудь детали на этот счет?

— Нет, потому что все это надо решать вместе. Я переговорю с ним, и мы установим точное время атаки. Скажи ему, что завтра я приеду к нему. Я буду в лагере к сумеркам.

— Ты сможешь уехать из поместья так, чтобы этого не заметили?

— А почему же нет? Я могу поехать на охоту, да можно придумать и другой повод.

— А если ты не вернешься вечером?

— Тогда на следующее утро я скажу, что заблудился и был вынужден переночевать в лесу. Гораздо больше может удивить мое теперешнее отсутствие. Поэтому мне надо быстро вернуться. Ты еще хочешь мне что-нибудь сказать?

— Нет!

— И мне больше нечего добавить. Стало быть, мы на сегодня все закончили. Доброй ночи, малыш!

— Спокойной ночи, отец! Желаю Мелтону, чтобы он поскорее вылечил свои руки.

И они разошлись. Отец пошел вверх по ручью, к асиенде, а сын — вниз по течению, к озеру, а потом вдоль него до места, где спрятал свою лошадь, на которой он собирался вернуться к индейцам. Я же выбрался из ручья и, забрав спрятанные вещи, пошел по старому пути к маленькому индейцу, чтобы рассказать ему о подслушанном разговоре, а потом сообщить, что теперь мне надо пробраться в поместье.

Значит, они действительно задумали разбойничье нападение. Оно намечалось на более поздний срок, но по причине моего вмешательства негодяи вынуждены были перенести его. Надо было, выходит, предупредить моих земляков, хотя из услышанного я сделал вывод, что им непосредственная опасность не грозит.

Правда, последнее было для меня непонятно. Почему их не должны «хватать за горло», как выразился Уэллер-старший? Здесь была какая-то тайна, которую я, несмотря на усиленную работу ума, так и не смог разгадать.

Рассказав обо всем своему спутнику, я снова вернулся по ручью, избегая при этом малейшего шума, чтобы не быть замеченным пастухами. Было еще не так поздно, и у меня оставался шанс застать ворота асиенды незакрытыми. В этом случае я мог без затруднений встретиться с Геркулесом. С другими я ни о чем не хотел говорить. Геркулес же так основательно вник в мои планы, хотя я и не всем с ним делился, что теперь я вынужден был очень и очень доверять ему.

Увы! — ворота я нашел запертыми. За стенами поместья находились только пастухи, к которым я не мог обратиться; значит, мне придется пробраться внутрь. Тут был только один путь, и притом именно тот, которым я однажды уже воспользовался. Я имею в виду русло ручья, протекавшего под северной и южной стенами асиенды. Вода ничем не могла мне повредить; я и так уже до ниточки промок, а после дневной жары купанье мне было даже приятно.

И вот я добрался до того места южной стены, где ручей вытекал на волю, и погрузился в воду. Идти было довольно удобно; мне даже не пришлось подныривать под стену, я только немного нагнул голову.

С той стороны ограды было светло почти как днем. Горело много костров, возле которых суетились мои соотечественники, занятые приготовлением ужина. Над угольями костров висели и вялились куски мяса. Я видел, что закололи много коров и свиней, запасая продовольствие впрок.

Большой свет не благоприятствовал моим целям, однако он мог помочь мне найти Геркулеса. Он, как обычно, отделился от других и прогуливался в некотором отдалении, покуривая трубку. Но все же вокруг находились люди, и мне никак нельзя было подобраться к нему незамеченным; приходилось набраться терпения и ждать.

Переселенцы были в хорошем расположении духа. После ужина они даже принялись петь, и, разумеется, прежде всего именно ту песню, которая была необходимее всего; когда немец весел, он, известное дело, поет: «Я не знаю, отчего это мне так грустно». Еврей Якоб Зильберберг пел, как я видел, вместе со всеми. А вот его дочери прекрасной Юдит со всеми не было.

Геркулеса пение тоже не привлекало; он все дальше и дальше уходил от поющих, невольно приближаясь ко мне. Он казался возбужденным, что я заметил по его торопливым шагам и резким движениям. Может быть, он опять злился на Юдит? Асьендеро не было видно, Мелтона и Уэллера-старшего — тоже. Однако время от времени показывался надутый мажордом.

После довольно продолжительного времени мысли Геркулеса, казалось, приняли направление, благоприятное для меня, стоявшего по грудь в воде. Он медленно пошел к ручью и остановился возле воды, шагах в пятнадцати от меня. Теперь надо было дать себя заметить, да так, чтобы его изумление не выдало меня. Я вполголоса произнес его имя. Он насторожился и прислушался, очень удивляясь, что никого не видит. Я повторил его имя вновь, прибавив еще и собственное:

— Не пугайтесь! Я стою здесь, в воде, и зову вас. Мне необходимо поговорить с вами. Подойдите ближе!

Он выполнил мою просьбу, но очень медленно. Ему показалось странным разговаривать с человеком, стоящим в воде. Я распрямился, и отблеск костра попал на мое лицо; тогда он узнал меня и сказал, конечно, очень тихо:

— Вы здесь? Это на самом деле вы? Возможно ли такое! Вы стали водяным или просто ловите рыбу?

— Ни то, ни другое. Садитесь сюда, в траву! Если вы останетесь стоять, нас заметят.

Он присел и сказал:

— У вас есть все основания скрываться. Если вас увидят, то вам будет плохо из-за Мелтона.

— Почему это?

— Вы же напали на него сзади и ограбили! Вы отняли у него оружие и деньги. С большим трудом ему удалось унести ноги, но по дороге, в темноте, он упал с лошади и вывихнул обе руки.

— Ах… так!

— Да… так! А тут еще выясняется, что вы украли лошадей.

— Последнее, конечно, верно, хотя я сам, собственно говоря, не воровал лошадей. Я просто нанял конокрадов!

— Ну что вы за человек! Однако шутки в сторону! Где вы болтались и как случилось, что вы не смогли получить здесь место бухгалтера?

— Не получил, потому что не захотел, а скрываться мне еще придется некоторое время в окрестностях асиенды.

— Зачем? Ваше недоверие не рассеялось?

— Нет, и у него есть хорошее обоснование. Мои предположения стали реальностью. На асиенду собираются напасть индейцы…

— Сюда могут прийти краснокожие! Они очень удивятся, когда очутятся между моих кулаков.

— Не шутите с этим; я говорю вполне серьезно. Нет ли здесь некоего Уэллера?

— Есть, он прибыл сегодня к обеду.

— Что ему здесь надо?

— Поговаривают, он приехал сюда, чтобы купить асиенду. Но дон Тимотео не соглашается ее продавать.

— Они знают друг друга?

— Полагаю, вряд ли.

— А может быть, вы видели Мелтона вместе с Уэллером?

— Нет. Дело в том, что Мелтон не показывается. Он должен лежать в постели, потому что простыл. Черт бы побрал эту простуду!

— С чего это только простуду? Может, и больного в придачу?

— По-моему, черт может забрать обоих — и болезнь, и парня. А если он еще прихватит и вас, то я ничего против иметь не буду!

— Очень признателен! Что я вам сделал плохого, если вы так обо мне говорите?

— И вы еще спрашиваете! Я мог бы лопнуть от злости, а вы еще так спокойно спрашиваете, что вы мне сделали! Может быть, вам известно, где Юдит?

— Откуда? Да и как я могу это знать! Но почему вы спрашиваете? Разве она ушла?

— Ушла? Она здесь; она нашла очень подходящее для себя место!

— Говорите яснее! Где она прячется, что она делает и что происходит с нею?

— Где она прячется? — яростно проскрежетал он. — Сидит у Мелтона. Что она делает? Она ухаживает за ним. Что с ней происходит? С нею все кончено; она — совершенно погибший человек! Вы представляете себе эту девушку служанкой такого человека? Можете вы себе такое вообще представить?

— А почему бы нет? Или у нее нет склонности к уходу за больными?

— Не задавайте глупых вопросов! У этой девушки есть склонность ко всему, что только мыслимо, но больше всего — к тому, чтобы сводить с ума мужчин.

— Значит, вы тоже немножко сумасшедший?

— Вполне возможно! И боюсь, что в этом состоянии я сделаю нечто такое, чем занимаются не каждый день; например, откручу Мелтону голову.

— Это легко может стоить вам собственной головы!

— Не жалко. Я и так уже наполовину потерял ее. Итак, вы видите, что я должен быть очень зол на вас. Если бы вы оставили в покое Мелтона, он бы не заболел и не нуждался в сиделке!

— Разве я виноват, что у еврейки такое мягкое сердце? Почему она захотела стать сиделкой?

— Только для того, чтобы разозлить меня; это я знаю точно. А отец ее дал свое согласие, чтобы подлизаться к Мелтону. Я хотел бы, чтобы вы оказались правы насчет этого индейского нападения. Я очень хочу, чтобы явились краснокожие и перебили всю эту сволочь!

— Но ведь вместе с вами! Не так ли?.. Впрочем, в этом отношении вы можете не беспокоиться. Ваше желание будет выполнено: индейцы придут; впрочем, они уже здесь.

— Вы шутите?

— Нисколько. Я их видел и наблюдал за ними. У них сейчас находится наш бывший корабельный стюард.

— Черт возьми! Тогда вы все рассчитали верно!

— Конечно. Слушайте!

Я рассказал ему все, о чем слышал и что увидел, и ровно столько, сколько посчитал нужным. К своему удовлетворению я заметил, что его сомнения рассеялись. Он стал серьезно относиться к делу, сказав, когда я закончил:

— Клянусь своей душой, вы — странный человек. Сначала я считал, что вы наделены необыкновенно буйной фантазией, вследствие чего видите дракона там, где нет даже мухи. Но теперь я изменил свое суждение, потому что увидел: вы мыслите логически верно и столь же правильно действуете. Моя сила сосредоточена в моих кулаках, и я охотно послужу вам ими, насколько смогу.

— Хорошо, мне они понадобятся. Думать за вас буду я, но когда наступит время действовать, я рассчитываю на вас!

— Конечно, я в вашем полном распоряжении. Что я должен делать сейчас?

— Пока что ничего.

— Ничего? Но ведь я должен сообщить товарищам, что их ожидает?

— Вот этого не стоит делать. Все, о чем я вам рассказал, должно остаться в тайне. Если это станет известно, то мормон так изменит свои планы, что все достигнутые мною успехи обратятся в ничто. Теперь он полагает, что я уехал, и чувствует себя уверенно. Вы можете сделать только одно, а именно, наблюдать за всем, что здесь происходит, даже за самым малым. Обо всем, что, на ваш взгляд, может иметь отношение к нашему делу, сообщайте мне.

— Но когда и где? Вы же хотите оставаться невидимым!

— Приходите по вечерам к ручью и прогуливайтесь здесь; если мне надо будет переговорить с вами, я приду сюда.

— А если вы придете после полуночи? Мы спим вон в тех домах для прислуги; это что-то вроде общежития; туда вы не сможете попасть, не отдавив кому-нибудь ноги, а значит, кого-то разбудите. Таким образом, мне лучше всего спать на открытом воздухе; конечно, я еще не знаю места своего ночлега, но постараюсь, чтобы вы смогли легко меня найти.

— Отлично! Когда придет время, вы будете должны все рассказать своим, но не раньше. А пока — молчите, вам нужно быть очень осторожным.

— Так будьте и вы осторожными и больше не крадите лошадей! Иначе это может кое-кого навести на мысль, что вы все еще находитесь в здешних местах. Вообще-то, я всякое воровство, в том числе и конокрадство, считаю в высшей степени аморальным поступком.

При этом он тихо рассмеялся. Я ответил столь же шутливо:

— Тогда, как мне ни больно, но я вынужден вам сказать, что вы еще более аморальны, чем я. Вы ведь тоже крадете.

— Я никогда этим не занимался.

— Хочу вам сообщить, что сегодня вечером вы украдете кусок мяса.

— А-а, понял! Для кого?

— Для меня и мальчишки-индейца. Вы же видите, что мне нельзя заняться охотой, потому что стрельба тут же выдаст мое местопребывание, но есть-то я должен. Это, впрочем, не только в моих, но и в ваших интересах. Сегодня здесь была большая бойня; на вертелах вялится мясо. Если вы…

— «…понятливый парень, то украдете кое-что для меня», — прервал он мои слова. — Вы это хотели сказать, не так ли?

— Разумеется. Я должен следить за индейцами и постоянно находиться возле них. Стало быть, провизия мне очень нужна. Можете ли вы незаметно унести столько мяса, сколько хватит на несколько дней двум умеренным в еде людям?

Он встал и медленно удалился походкой прогуливающегося человека, направляясь в самое темное место двора, где висело мясо. Хотя я наблюдал за ним, но не мог рассмотреть, что он делает; вернувшись, он положил на берег ручья передо мной несколько крупных кусков прекрасного мяса, а потом, ни слова не говоря, снова ушел и скрылся за ближайшим углом. Однако вскоре он опять появился; на этот раз он принес с собой несколько плиток шоколада.

Говорить нам было особенно не о чем, а поэтому я простился с ним и выбрался за ограду. Теперь мне приходилось нести около двадцати фунтов съестного; этого бы хватило нам на четыре дня; значит, мы могли все время отдать наблюдению. Мне надо было еще до наступления дня снова оказаться возле индейского лагеря. Мы не стали терять время на озере, а отправились по уже проделанному пути, возвращаясь в уже знакомую боковую долину.

Когда мы до нее добрались, начало светать. Сначала мы подыскали хорошее место для своих лошадей; оно должно было быть больше вчерашнего, чтобы животным хватило корма. Мы нашли в лесу местечко, лучше которого ничего не могло быть, и привязали там лошадей. Мимбренхо остался с ними; он должен был спать, тогда как я отправился на наш вчерашний наблюдательный пункт и оставался там до полудня, не заметив ничего особенного, когда вдруг в

лагере появился Уэллер-младший.

Теперь и мне надо было выспаться немного, и я отправился в наше убежище, чтобы дать нужные указания моему юному спутнику. Он отправился наблюдать, а я улегся отдыхать и через несколько мгновений погрузился в глубокий сон, что было не удивительно после всего пережитого. Ради удобства я снял пояс и вынул все из карманов.

Разбудил меня громкий продолжительный крик. Я вскочил и прислушался. Крик раздался в другой раз; я узнал его: это был торжествующий зов индейского воина. И сразу же после него послышался третий крик, но уже совершенно иного рода: это была мольба о помощи настигнутого сильным врагом человека; он донесся как раз оттуда, где должен был находиться мой мимбренхо. Значит, ему угрожала опасность. Дорога была каждая секунда, нет — даже половина или четверть секунды; у меня не было времени даже нагнуться за оружием — я сломя голову помчался к нашему наблюдательному пункту. Прибежав туда, я никого не увидел, но чуть ниже по склону, в траве и кустах, были заметны следы борьбы. Неосторожный мальчишка не остался в засаде; он решил подобраться поближе к индейскому лагерю; его заметили, незаметно подкрались и внезапно напали. Я должен был освободить его, потому что в плену у юма ему грозила верная смерть. Поэтому я спрыгнул с небольшого уступа на крутом склоне, но зацепился шпорой за торчащий корень, потерял равновесие и упал. Не успел я подняться, как в окружающих кустах зашелестело, и пять или шесть, если не больше, краснокожих навалились на меня. Я попытался встать, но нога окончательно запуталась в корнях, и это меня погубило. Если бы я освободил зацепившуюся шпору, то оставалась бы еще надежда пробиться; теперь же это стало невозможно. Конечно, я защищался, сколько мог, главным образом кулаками, оказавшимися моим единственным оружием, но их превосходство было слишком явным, я вынужден был сдаться, и меня связали.

Набежало еще много краснокожих. Один из них посмотрел на меня и, восторженно ухмыльнувшись, сказал: «Таве-шала!» На языке юма и тонка это означало: Олд Шеттерхэнд.

— «Таве-шала, Таве-шала!» — передавалось из уст в уста, от индейца к индейцу, пока все разом не стали выкрикивать мое имя, и эхо повторило его, отразившись от склонов долины. Восторг индейцев был безграничным. Они кричали и орали, размахивали над моей головой всевозможным оружием, они танцевали вокруг меня, хотя им и мешали кусты. Я спокойно глядел на их безумства, поскольку ничего иного мне не оставалось, ибо я не мог даже пошевелиться. Все обитатели лагеря сбежались ко мне; они отталкивали друг друга, чтобы посмотреть на меня; не было только двоих: вождя и молодого Уэллера. Первый был слишком горд, чтобы теперь, когда я оказался в его власти, бежать поглазеть на меня, а Уэллер вынужден был удовлетвориться таким же сдержанным поведением, хотя он, пожалуй, куда охотнее торжествовал бы и бесился вместе со всеми. Мне немного освободили ноги, так что я мог делать маленькие шажки, и повели к лагерю, где я увидел перед палаткой вождя сидящих Большого Рта и Уэллера. Я застрелил сына вождя; следовательно, мне была уготована изысканная казнь, но сейчас меня это не беспокоило — я думал только о мальчишке-мимбренхо, которого хотел освободить, и очень обрадовался, не увидев его в лагере. Видимо, он все же сбежал. Счастье еще, что я перед сном снял с себя все, даже жилет с часами. В кармане брюк остались только мелочи, с потерей которых я мог легко примириться, и кошелек со всем моим достоянием. Но казна моя сводилась к небольшому количеству песо, так что и эта потеря не могла нарушить мое душевное равновесие. Что же касалось опасности, нависшей над моей жизнью, то она была так велика, насколько только это было возможно, но с нею, как я точно знал, мне придется столкнуться не сразу. Традиция индейцев обрекать на мучения своих врагов, конечно, ужасна для последних, но краснокожие очень редко осуществляют пытки на месте поимки пленников, а чаще всего уезжают с ними к родным кострам, чтобы устроить представление оставшимся в

лагере соплеменникам, которых пленник, если он был храбрым воином, мог не раз обращать в бегство. Таким образом, расправа надо мной откладывалась на неопределенное время.

Для меня, убийцы Маленького Рта, была предусмотрена страшная и медленная смерть; само собой разумелось, что все племя соберется смотреть на мою казнь; по этим причинам, а может быть, и еще почему-то, чего я не мог пока понять, я решил, что пока мне за свою жизнь опасаться нечего. Также я был уверен, что жестоко обращаться со мною не будут, опасаясь, смогу ли я перенести тяготы далекого пути после мучений. Значит, мне нечего было бояться и за свое здоровье.

Когда меня поставили перед вождем, на его лице можно было прочитать выражение смертельной ненависти и злобного желания отомстить. Он плюнул в меня и, ни слова не говоря, принялся сверлить колючим взглядом. Зато Уэллер-младший заговорил с насмешкой в голосе:

— Добро пожаловать, сэр! Очень рад снова вас увидеть. За то время, пока я не имел удовольствия вас обслуживать, вы оказались Олд Шеттерхэндом и приложили много усилий, чтобы нам помешать. Теперь вы успокоитесь, и мне очень интересно знать, как на этот раз вы сохраните верность своей репутации и как вам удастся избегнуть мучительной смерти.

Мне и в голову не пришло отвечать этому человеку, хотя я бы охотно это сделал, учитывая его насмешливый тон, сказав, что еще не намерен прощаться с жизнью. Да так оно и было. Я попадал в плен к северным сиу и южным команчам, к индейцам-воронам и индейцам-змеям[61] и всегда счастливо избегал петли; жалких юма нельзя было и сравнить с названными племенами, наоборот, они стояли на гораздо более низкой ступени развития и организации, так что у меня явно оставались шансы на спасение. Я куда больше боялся Гарри Мелтона, мормона. Если ему придет в голову взять меня у индейцев, а они согласятся на это, то я погиб. Хотя я был убежден, что вождь ни за что не пойдет на мою выдачу. Молодой Уэллер был для меня не больше, чем нуль. Его речь, обращенная ко мне, была одновременно и высокомерной и смешной; должно быть, это почувствовал и вождь, потому что он оборвал Уэллера совсем непочтительным тоном:

— Тихо! Твоя речь словно стебель, на котором нет зерен, словно вода, в которой нет рыб. Тебя-то пленник, пожалуй, совсем не испугается. Я знаю, что удержать его мы сможем только с полным напряжением всех своих сил. Он не должен уйти от нас, а через много дней повиснет на столбе пыток, потому что он убил моего сына.

Уэллер обращался ко мне по-английски, и я очень удивился тому, что Большой Рот его понял, а в ответе пользовался смесью английских, испанских и индейских слов. На этом наречии принято говорить с краснокожими на Рио-Гранде и Рио-Пекос. Потом он обратился к своим людям, обступившим нас широким полукругом;

— Это Олд Шеттерхэнд подкрался к нам так близко?

— Нет, — ответил один из индейцев.

— Нет? А кто же тогда?

— Краснокожий мальчишка, еще совсем малыш, у него, пожалуй, даже нет имени.

— Как он выглядел?

Тот же воин описал ему моего маленького спутника.

— Уфф! — воскликнул вождь. — Это же один из мальчишек мимбренхо, которые выскользнули из моих рук, потому что их защитил Олд Шеттерхэнд. Он тоже пойдет к столбу пыток. Где он? Тащите его сюда!

— Мы не можем привести его, потому что нам не удалось поймать мальчишку, — смущенно ответил воин.

— Как? — в гневном изумлении спросил Большой Рот. — Посмотрите, сколько здесь взрослых мужчин, вы называете себя воинами, а какой-то ребенок, не имеющий еще даже

имени, удрал от вас? Не могу в это поверить!

Краснокожий воин опустил глаза и ничего не ответил; остальные смущенно стояли рядом, а вождь тем временем продолжал:

— Значит, это правда! Старые женщины станут над вами смеяться, а дети будут показывать на вас пальцами. Подумайте, как будут издеваться над нами другие племена, когда услышат, что столько воинов-юма оказались не в состоянии поймать жалкого мальчишку-мимбренхо. Он находился при Олд Шеттерхэнде; именно этого парня я упустил там, внизу, в долине; значит, и его брат находится где-то поблизости, и его сестра, скво вождя племени опата. Быстро найдите их! Обшарьте весь лес! Я требую, чтобы вы их ко мне привели! Со мной пусть останутся трое-четверо воинов, не больше.

Он сам выбрал тех, кто должен был остаться; другие же удалились выполнять его приказ. Уэллер, конечно, тоже остался. Я было подумал, что теперь-то вождь учинит мне допрос, но все пошло по-другому. Он приказал связать меня еще крепче и привязать к колу палатки; всем своим видом он показывал, что я уже не достоин его внимания, но я-то видел, что он тайком, но очень внимательно наблюдает за мной.

Теперь для меня настало время напряженного ожидания. Сто шансов против одного, что моего мимбренхо поймают. Здесь собралось слишком много искушенных следопытов, чтобы я мог надеяться на то, что неопытный мальчик перехитрит всех. Если его схватят, то они найдут и мое драгоценное оружие, и другое мое имущество — все попадет в их руки.

Громкие крики, которые я слышал, свидетельствовали, что след мальчишки найден. Они доносились издалека — верный знак того, что его преследовали. Потом прошло довольно много времени, гораздо больше часа; и вот вернулся большой отряд краснокожих. Как я обрадовался, не обнаружив среди них мимбренхо! Вождь гневно закричал на них:

— Вы не привели мальчишку? Вы ослепли и не можете больше разглядеть след человека?

— Воины юма не ослепли, — ответил один из них. — Мы отыскали следы мальчишки.

— Но не его самого! Иначе бы вы его привели!

— Скоро ты его увидишь. След мальчишки идет через лес на опушку, а оттуда через открытую равнину.

— В каком направлении?

— К югу.

— Прошло совсем немного времени, и он не мог далеко уйти; значит, вы должны были его увидеть, когда он бежал от вас по равнине?

— Мальчишка невелик ростом; значит, его трудно разглядеть в траве даже на небольшом расстоянии. Но след его был отчетливым, и мы его быстро поймаем. Для этого не надо много воинов, а потому мы вернулись.

Вождь ничего больше не добавил и, сохранив позу ждущего человека, отвернулся от своих воинов. Он был заметно разозлен, но видел, что его гневные слова ничего не могут изменить и повлиять на результат погони. Во мне же зародилась надежда на спасение мальчика, он вел себя очень умно — я бы, верно, не мог ничего сделать лучше. Он оставил наших лошадей и все мои вещи, а сам убежал прямо на опушку, вверх по склону, а потом помчался по открытой равнине. Тем самым он отвлек преследователей от нашего убежища. Лошади еще не были найдены, как и мои вещи. И здесь он был достаточно умным, повернув на юг, потому что тем самым он, во-первых, отвлек внимание врагов от северного направления, так нам нужного, а во-вторых, как он видел, там было достаточно скалистых участков, на которых невозможно было различить его следы.

Время шло, и стало темно. Индейцы разожгли костер и начали готовить ужин. Вождь все сидел на том же самом месте и молчал. В душе у него, наверно, все кипело. Уэллер ушел, желая,

видно, развеять скуку и погулять по лесу. Когда он вернулся, вождь спросил его далеко не дружеским тоном:

— Где ты так долго был? Разве ты не знаешь, что пора ждать приезда твоего отца и готовиться к нему?

Уэллер молча удалился, а некоторое время спустя возвратились воины-юма, участвовавшие в преследовании. Оказалось, что мои надежды были не напрасными; мимбренхо они не привели. Когда вождь увидел это, он вскочил, схватил переднего воина за руку, встряхнул его и закричал:

— Вы тоже вернулись одни? Вы напоминаете мне вонючих червяков, жрущих грязь и роющих землю, не видя, что находится на ее поверхности! Я отошлю вас домой; там вы можете натянуть юбки и заняться починкой палаток, словно старые скво, которым ничего больше не остается делать!

Это было страшное оскорбление. Высказав его, вождь превысил свои полномочия. А именно, индейский вождь не обладает никакой другой властью, кроме той, которую ему добровольно передает племя; оно в любой момент может отобрать у него полномочия. Если вождь не соответствует своему посту или преступает закон, он может быть немедленно заменен и с тех пор становится равным с другими членами племени. Индеец, которому вождь бросил в лицо гневные слова, вырвался и ответил укоризненно:

— Кто дал Большому Рту право хватать меня и так на меня орать? Если я действовал неверно, то старейшины племени могут собраться на суд надо мной и вынести свой приговор, которому я должен буду подчиниться. Если же кто-либо оскорбляет меня, пусть он возьмет свой нож и выйдет на бой со мной. Большой Рот должен подумать над тем, что он, оскорбляя меня, задел и всех воинов, бывших рядом со мной!

Среди тех, кто пришел позже с этим воином, послышалось одобрительное гудение. Вождь понял, что зашел слишком далеко, и умиротворяюще ответил:

— Мой брат может считать, что он слышал не мои слова — это говорил мой гнев.

— Мужчина должен уметь сдерживать свой гнев, однако я готов согласиться, что здесь ничего не было сказано. Если бы Большой Рот сам пошел с нами искать мальчика, он бы его тоже не поймал.

— Но ведь ноги ребенка короче ног взрослого мужчины. Вы непременно должны были его догнать!

— Мы бежали, пока нам хватило дыхания, но даже не увидели его, потому что он получил слишком большое преимущество в расстоянии. Потом, на скалах, его следы пропали, потому что земля стала такой твердой, что на ней не оставалось отпечатков его ног.

— Вы видели только его следы или были еще и другие?

— Только его.

— Значит, брата и сестры с ним уже не было. Только Олд Шеттерхэнд остался рядом с ним, он-то и должен нам обо всем рассказать.

После таких слов он подошел и в первый раз обратился непосредственно ко мне:

— Каким образом вы с мальчиком, которого мы ищем, попали сюда? Вы шли пешком или приехали верхом?

— Почему ты меня спрашиваешь? — ответил я. — Ты хочешь быть не только воином, но еще и вождем, а спрашиваешь мое мнение о том, что разом поймет даже разум ребенка. Спроси свою проницательность, если только таковая есть у тебя!

— Ты не хочешь отвечать, собака? — набросился он на меня.

— Бреши сколько угодно! От меня ты ничего не узнаешь.

Выражение «бреши» так разозлило его, что он выхватил из-за пояса нож; однако он тут же

засунул его обратно, пнул меня ногой и сказал:

— Так молчи же! Скоро ты так завоешь и закричишь, что будет слышно за горами.

— Конечно, не из-за такого труса, как ты. Ведь ты позорно бежал от меня, бросив от страха ружье!

— Замолчи, иначе я вмиг заколю тебя! — закричал он, снова вытаскивая нож.

— Коли! Меня-то ты вынудишь замолчать, а свой позор — не смоешь. Твое ружье находится в руках мальчишек-мимбренхо, которых ты сделал своими смертельными врагами. Как будут мимбренхо хохотать над тобой, когда узнают, что ты, вождь юма, от ужаса бросил свое ружье и ускакал быстрее ветра!

Я намеренно злил его, чтобы вынудить говорить, потому что больше не хотел ждать, а мне хотелось узнать свою судьбу: теперь меня убьют или позже. Вождь пришел в ярость и снова замахнулся для удара; многоголосый призыв его воинов вынудил его опомниться. Рука его упала, и он ответил, издевательски рассмеявшись:

— Я тебя раскусил. Ты хочешь разозлить меня, чтобы в припадке гнева я убил тебя, но я раскусил твой замысел. Сейчас ты не пострадаешь; мы быстро донесем тебя здоровым до наших вигвамов. Ты должен остаться тучным и жирным, ты должен быть сильным, чтобы выдержать вдвое дольше предназначенные тебе мучения. Поднесите этой собаке жратвы столько, сколько он сможет запихнуть в свою глотку!

Я достиг своей цели; теперь я узнал, что меня не только пощадят, но даже, так сказать, станут откармливать. Это должно было меня утешить, если бы вопрос о еде сильно меня беспокоил. Но отданный вождем приказ был выполнен немедленно. Как раз в это время в котлах сварилась еда, приготовленная из перемолотой фасоли, и старый замызганный индеец стал кормить меня, точно маленького ребенка, поскольку сам я не мог пустить в ход руки. Он подсел со своей миской ко мне, запустил в разваренное месиво свои ручищи и приготовился заталкивать это варево мне в рот. Я замотал головой, защищаясь от такого угощения. Увидев это, вождь сказал:

— Этот пес считает себя слишком благородным, чтобы отведать пищу краснокожих воинов. Развяжи ему руки и дай кусок мяса; это ему больше понравится. Я пообещал, что он не будет голодать. Тем громче сможет он потом выть и орать.

Старик пошел в складскую палатку и принес оттуда большой кусок телятины, который я, после того как мне развязали руки, съел с гораздо большим аппетитом, чем ранее предложенное мне варево из фасоли. После того, как я поел, мне снова связали руки.

Когда индейцы поели, из лесу вышел Уэллер-младший. Он привел с собою отца. Тот, поприветствовав вождя, подошел ко мне, подмигнул со злобной фамильярностью и сказал:

— Добрый вечер, сэр! Как ваше драгоценное здоровье, мастер Шеттерхэнд?

Я отвернулся и ничего не ответил.

— А, вы, кажется, очень гордый парень! Я для вас слишком прост, и вы не снизойдете до того, чтобы ответить на мое вежливое приветствие. Ну, вы станете обходительнее! Я познакомлю вас со своим сыном, замечательным пареньком. Он — знаменитый актер. Когда он выдавал себя за стюарда, вы, пожалуй, и не подозревали, что у него на уме. Не так ли?

Я и на этот раз не ответил, а он продолжал:

— Я был несказанно обрадован, когда по моем прибытии сюда он рассказал мне, какую добычу захватили мои краснокожие друзья. Вы вмешались в чужие дела, которые вас совершенно не касались, а теперь не можете помочь самому себе. Так всегда происходит, когда без особой на то надобности становятся адвокатами посторонних людей. Вы проиграете процесс, и на вас лягут все расходы, которые вы оплатите своей жизнью. Будьте здоровы!

Он отвернулся от меня и направился к вождю, сидевшему в отдалении, чтобы никто из

соплеменников не смог подслушать намеченный разговор. Сын Уэллера последовал за отцом, и вскоре вся троица о чем-то вполголоса повела важную, судя по выражению их лиц, беседу. Окончив ее, они поднялись со своих мест; Большой Рот созвал своих воинов, чтобы рассказать им о результатах проведенного совещания, а оба Уэллера нарочно встали поблизости от меня, так что мне пришлось слышать обо всем, что они говорили. Старший первым обратился к младшему:

— Значит, я теперь возвращаюсь, а ты остаешься у индейцев, выступающих следом за мной. Отсюда до асиенды Арройо недалеко, вы успеете совершить нападение как раз перед рассветом.

— А как же ты откроешь ворота? — сказал сын, причем так, что я сразу понял: говорят они только для того, чтобы я слышал.

— А что такое? Я поехал на охоту, заблудился, поздно вернулся и разбудил мажордома, чтобы он открыл мне.

— Он живет в главном здании и не услышит стук в ворота.

— Значит, услышат немецкие переселенцы, и кто-нибудь из них откроет мне. Скорее всего вы найдете ворота открытыми.

— А если нет, то как попасть внутрь?

— По ручью, который протекает под обеими стенами. Ты, разумеется, не должен появляться, потому что иначе сразу узнают, что ты сговорился с краснокожими. Ты появишься только тогда, когда они покинут асиенду.

Оба перекинулись еще несколькими незначащими фразами, потом отец повернулся ко мне и сказал:

— Вы удивлены, вероятно, почему мы позволили вам все это слышать, сэр? Во-первых, потому, что вы действовали против нас и теперь должны убедиться, что все ваши происки были напрасными; мы добьемся своего.

— А во-вторых, — продолжил сын, — чтобы уверить вас в том, что вам не стоит питать никаких надежд на спасение — вы погибли.

— Да, это так, — подтвердил отец. — Если бы у вас был хоть малейший шанс выпутаться из этого положения, то мы поостереглись бы сделать вас свидетелем нашего разговора. Готовьтесь-ка к смерти, и притом к самой ужасной, которая только может быть! Конец Олд Шеттерхэнду. Вас перенесут к пастбищам юма, а там привяжут к столбу и поджарят или сделают еще что-либо похуже. Но прежде ваш друг Мелтон нанесет свой визит, чтобы высказать свою благодарность за вашу любовь к нему. Его визит станет настоящим праздником, потому что во время него вам слегка поломают руки, что вы недавно устроили Мелтону. Так будьте же здоровы! Вы нас больше не увидите, поскольку скоро отправитесь к юма, и мы вас, к сожалению, тоже.

Так-то! Теперь я знал все, что они собирались мне сказать. Я бы охотно узнал еще больше и добился бы этой цели, если бы не вознамерился не только отвечать им, но и не задавать никаких вопросов. Стало быть, они посчитали необходимым немедленно провести нападение на асиенду, запланированное первоначально на более поздний срок. Можно представить себе мое положение! Я знал о том, что должно произойти, но не мог предупредить своих соотечественников! Геркулес ждал моего сообщения, а я не мог ничего ему передать. Если бы это было возможно, то я, хотя и находился среди врагов, попытался бы разорвать путы, меня связывающие, и пробиться с помощью кулаков; но мои ремни невозможно было разорвать, они уже врезались в мышцы, хотя я и не пытался еще напрячься. Однако я решился: не щадить свою жизнь, если только по пути представится хоть какая-то возможность убежать от юма.

Разумеется, эту надежду у меня сразу же отняли. Когда Уэллер-старший ушел, индейцы

свернули лагерь и двинулись по долине в направлении асиенды. Меня привязали к лошади, да так крепко, что было бы просто чудом, если бы мне удалось освободить хотя бы один-единственный палец. К тому же я принужден был ехать между двух краснокожих, к лошадям которых моя кобылка была привязана справа и слева. Всего несколько минут жила во мне надежда погнать свою лошадь так, чтобы она вынесла меня, хотя и связанного, из индейского отряда, но теперь я вынужден был оставить и эту мысль как невыполнимую.

Все же я надеялся попытаться спастись у асиенды, но для этого нужно было, чтобы наш караван оказался достаточно близко возле нее, чтобы мой крик мог предупредить обитателей поместья. И я решился кричать, хотя это могло стоить мне жизни. Но вождь словно отгадал мои мысли, хотя, может быть, он прибег к обычной мере предосторожности, но в тот момент, когда до асиенды оставалось еще четверть часа конной езды, пять человек вместе со мной должны были остановиться, тогда как остальные продолжали свое движение к поместью. Мы еще не добрались до леса, и нас окружало чистое поле. Окажись мы в лесу, то можно было бы попытаться скрыться, хотя и привязанным к лошади; но в данных условиях о бегстве не могло быть и речи. Тем не менее пятеро моих сторожей несли свою вахту весьма искусно: они вбили в землю колышки и крест-накрест привязали меня к ним. Вьючные лошади остались при нас; их освободили от ноши, чтобы они смогли попастись.

Никто не обмолвился ни словом. Как я больше ни напрягал мозг, чтобы придумать еще какой-нибудь путь к спасению — придумать ничего не мог. Время шло, постепенно становилось светлее, уже занимался день. И тут я услышал отдаленные звуки. Хотя раздавались они далеко от меня, я узнал их; это был атакующий клич индейцев. Даже если бы теперь я смог бежать, то было бы уже поздно: я не смог бы спасти ни одного человека.

Чувства, охватившие меня, невозможно описать. Я пришел в такую ярость, что должен был собрать все свое самообладание, чтобы казаться спокойным. Мои сторожа пересмеивались с дьявольскими ухмылками. Я готов был удавить их, несмотря на то что чувство ненависти к кому-либо мне не свойственно. Я прислушивался почти в таком же напряжении, как и мои сторожа. Рев повторился. В нем можно было уже различить нотки не яростные, а победные. Краснокожие не встретили сопротивления; налет имел успех.

Мы прождали час, потом другой, но никакого посланца к нам не отправляли. Видимо, никто не хотел уходить во время грабежа асиенды. Наконец, через три часа примчался воин-юма. Переполненный радости, он сообщил, что все удалось как нельзя лучше, и вся пятерка вместе со мной должна выступать на соединение с основным отрядом индейцев. Вьючные лошади были снова нагружены, и мы поехали дальше. В лесу мы увидели молодого Уэллера, который оставался здесь, чтобы никто не мог его заметить на асиенде. Однако он находился так близко от поместья, что мог все слышать. Он не привязывал своей лошади и лежал в траве, но, увидев наше приближение, вскочил и крикнул мне:

— Ну, что вы скажете, мастер? Теперь можете приводить в движение небо и землю — это уже ничего не сможет изменить. Асиенда наша, а вы едете навстречу своему последнему часу.

Я не хотел отвечать ему ни словом, но не смог удержаться и, минуя его, гневно бросил:

— Мошенник! Как только я стану свободным, сразу же разыщу тебя, можешь мне поверить!

— Сделай это, сделай! — рассмеялся он мне вслед. — Это ведь не только честь, это же настоящее наслаждение — быть убитым Олд Шеттерхэндом. Так приходите же как можно скорее! Буду страстно вас ждать.

Хотя этот человек беззаботно смеялся, я же, несмотря на то беспомощное положение, в котором оказался, уже видел его перед дулом собственного ружья и слышал короткий, резкий щелчок.

Долина начала опускаться к тому самому ручью, возле которого мы видели пасущиеся стада асьендеро. Животные все еще были здесь, но теперь около них стояли краснокожие пастухи. Белые бакеро лежали убитыми в траве: ни один из них не ушел живым. Почему их не пощадили, а всем переселенцам подарили жизнь, мне стало ясно гораздо позже.

Мы остановились в кустарнике перед асиендой. Там прямо на земле лежали связанные немцы, за жизнь которых я так боялся, а рядом с ними — асьендеро; узнав меня, владелец поместья крикнул:

— Это вы, сеньор? Зачем вы вернулись сюда?

— Чтобы спасти вас, но я, к сожалению, сам попал в руки убийц. Теперь вы видите, что я был прав?

— Правы, да не совсем. Нападение действительно произошло, но сеньор Мелтон оказался невиновным, как вы сами можете убедиться.

Он кивнул головой в сторону. Там лежали Мелтон и Уэллер-старший, также на земле, как и остальные, и также связанные по рукам и ногам. Это был, конечно, обман, цель которого сводилась к тому, чтобы показать непричастность обоих злодеев к набегу индейцев. Я хотел сказать об этом асьендеро, но мои сторожа уже увели лошадь, к которой я был привязан, на такое расстояние, что я не мог больше разговаривать с Тимотео Пручильо.

Перед моими глазами разыгрывалась очень оживленная сцена. Ворота асиенды были широко раскрыты; индейцы сновали туда и сюда, вынося из поместья все, что не было прибито. При этом они выли от восторга, словно дикие звери. Унесенное добро индейцы складывали не у самых ворот и не возле стены, а где-то подальше, что дало мне повод для опасений, которые позднее, к сожалению, оправдались. А именно, асиенда должна была превратиться в пепел, и надо было отнести добычу настолько далеко, чтобы на нее не попали искры.

Но для чего же сжигать дом? Какую особую цель преследовал при этом мормон, бывший вдохновителем всего этого нападения? Это стало мне ясно позже. В этом был прямо-таки дьявольский расчет.

Еще меня поразило, что среди пленников находились только асьендеро с женой; я не заметил ни одного человека из увиденных мною во время краткого пребывания на асиенде, прежде всего — напыщенного мажордома «сеньора Адольфо». Все они наверняка были убиты, и, видимо, по той же самой причине, которую я пока еще не знал.

Грабеж продолжался почти до обеда; потом пригнали скот. Стада собирали к северо-западу от асиенды на обширной площади, где столпилось много индейцев. Потом стали собирать тела убитых пастухов. Их снесли в дом, чтобы сжечь вместе с ним. Вскоре вверх поплыли клубы дыма, сначала от главного здания, потом и от маленьких домишек во дворе. Я услышал, как в ужасе закричал асьендеро, а его жена вторила ему громкими причитаниями.

Но ему еще предстояло пережить худшее. Тридцать или сорок воинов юма вскочили на лошадей и погнали их в различных направлениях.

«Зачем?» — спрашивал я себя и не находил ответа. Примерно через полчаса я увидел, как на востоке поднимается столб дыма; потом черный дым я заметил на юге, вскоре после этого — на севере; на западе, безусловно, происходило то же самое — просто я не мог этого видеть, потому что не удавалось повернуть туда голову.

Вне всякого сомнения, краснокожие подожгли лес! Высохшие травы и тростники стали как бы трутом, над которым с устрашающей скоростью пронесся всепожирающий огонь, чтобы впиться жаркими языками в сухие ветви, а потом приняться и за зеленые вершины. Асьендеро попеременно просил, жаловался, ругался — ничто ему не помогало. Сорок краснокожих разжигали огонь все дальше и дальше, чтобы он не угас во влажной зелени, и вернулись только тогда, когда пламя стало настолько сильным, что человеческие руки уже не могли его затушить,

и теперь было ясно, что все усиливающееся пламя быстро опалит даже зеленые деревья, а потом они тоже загорятся.

Жар все усиливался и уже прогнал индейцев от поместья. Привезенные, а также добытые на асиенде вьючные седла были надеты на лошадей, а потом на животных навалили добычу. Сделав это, тронулись в путь. Впереди ехал вождь, за ним я с пятью стражниками, потом — еще несколько индейцев, а за ними переселенцы с асьендеро и его женой; все белые были связаны, колонну с обеих сторон конвоировали краснокожие. В хвосте ее гнали награбленных животных: лошадей, коров, овец и свиней. Колонна двигалась в северо-западном направлении, сначала вдоль ручья, а потом, когда он сделал петлю направо, то по открывшейся прогалине, где индейцы случайно задержались в том месте, в котором мормон хотел меня пристрелить, но сам попал в ловушку и был обезврежен.

Теперь я от всего сердца жалел, что действительно не сделал его безвредным, то есть не всадил ему пулю в голову. Он, как я узнал после, находился рядом с асьендеро и старшим Уэллером; они были связаны — так же, как и все другие. Они должны были изображать пленников.

Мои стражники отвели меня в сторону и крепко привязали к одиноко стоящему дереву, откуда я мог наблюдать, как разбивали лагерь, а потом — всю лагерную возню. Меня не присоединили к остальным пленным, потому что мне не доверяли. Собственно говоря, я мог гордиться тем, что краснокожие одного меня считали способным устроить им злую шутку, и, конечно, признавал, что все мои помыслы и стремления были направлены на достижение свободы и, насколько это возможно, на конфискацию награбленного.

Не надо думать, что я слишком в это верил. Самым трудным было освобождение. Если оно удастся, то я рассчитывал на помощь мимбренхо, с которыми я намерен был встретиться у большого Дуба жизни.

Краснокожие забили корову, свинью и несколько овец, мясо которых поджарили. Индейцы наелись до отвала, но и пленники не остались голодными. Я получил столько, что даже не смог все съесть, причем мне опять развязали руки, чтобы сразу после еды снова связать их. Если мне во время обеда всегда будут развязывать руки, то можно будет подумать о своем освобождении в этот момент, хотя пытаться освободиться таким образом будет трудно и крайне опасно для жизни. Я должен буду, как только мне развяжут руки, на глазах у всех снять ремни с ног. Если я не смогу сделать это очень быстро, то индейцы снова схватят меня, а потом мне уже никогда больше, не будут развязывать руки. И даже если мне удастся освободиться от пут, бегство мое должно совершаться на глазах у множества краснокожих, и столько же их будет передо мной, как и позади меня, и им ничего не будет стоить, снова поймать меня. Да, если бы я был не связан! Но крепко наложенные ремни препятствовали кровообращению: от этого руки и ноги теряли чувствительность. Можно было предвидеть, что конечности будут мне повиноваться с трудом, особенно ноги. Руками я скорее начну двигать, так как могу их разработать, если после каждой трапезы при новом связывании буду держать их так, чтобы ремни не слишком сильно перетягивали мышцы. Мне это удалось. Я смог теперь двигать суставами, но руки еще слабо шевелились для того, чтобы скинуть путы. Я не торопился, потому что неловкое снятие ремней грозило содранной кожей, даже ранами.

Я находился в довольно безвыходном и совершенно беспомощном положении, но все жил надеждой, потому что знал: до поры до времени меня пощадят, а значит, у меня было в запасе несколько дней, и за этот срок мог открыться путь к спасению.

Наступил вечер; ужинать не хотелось, потому что не прошла еще обеденная сытость. Меня на время оставили в покое, а сторожа напали на счастливую мысль; они завернули меня в одеяло и перевязали его ремнями, так что теперь я лежал в траве, закутанный словно младенец.

Таким образом меня лишили возможности даже слегка пошевелить рукой, однако спал я так хорошо, как только возможно в данных обстоятельствах.

Пожалуй, я крепко проспал бы до самого утра, если бы меня не разбудило какое-то осторожное прикосновение. Кто-то тихо потянул меня за волосы, и я сразу же открыл глаза. Вокруг все еще было темно, а под деревьями, где я лежал, мрак настолько сгустился, что хоть глаз выколи. Несмотря на это, я различил одного из моих стражей, сидевшего у моих ног — не дальше, чем в двух шагах от меня, а другие сторожа лежали вокруг и спали. Он покуривал сигару, доставшуюся ему, несомненно, при разделе запасов асьендеро.

Кто же прикоснулся ко мне? Конечно же, не юма, потому что зачем было сторожу будить меня именно таким способом? Ну, а если бы все-таки это сделал он, то сразу бы сказал мне, что ему надо. Но сторож молчал. Я сразу же подумал о своем маленьком мимбренхо, но поостерегся что-нибудь сказать; я только поднял и опустил голову — один-единственный раз, чтобы показать: я, мол, проснулся. Тот, кто будил меня, находился сзади, и я не мог его видеть; видимо, он лежал в траве, а она, как я заметил, была весьма высокой; для худощавого мальчишки это было достаточное прикрытие, так что даже близко сидевший сторож не мог его заметить. Тем не менее я назвал бы его появление среди индейцев поразительной смелостью.

Когда я пошевелил головой, позади меня послышался легкий шорох, словно кто-то крадучись полз в траве, соблюдая чрезвычайную осторожность; шорох слышался все ближе, пока наконец рядом с моей не выросла детская голова; мальчик приблизил свой рот к самому моему уху и едва слышно прошептал:

— Это я, мимбренхо. Что прикажет мне Олд Шеттерхэнд?

Значит, это был в самом деле он! Другой человек на моем месте, пожалуй, испытал бы иные чувства; я же внутренне обрадовался, что мальчишка проявил не только смелость, но и сообразительность и достаточно хитрости, то есть те самые качества, которые понадобятся ему, если позднее он пожелает стать великим воином. Он очень хотел заслужить себе имя; он верно рассчитал, что рядом со мной добьется этого раньше, чем где-либо в другом месте; ну, если уж он обладает необходимыми качествами в достаточной мере, то его желание очень скоро осуществится.

Прежде чем ответить ему, я несколько мгновений прислушивался, не заметил ли его часовой, не проснулся ли кто из спящих; ничего подобного я не обнаружил и тогда, повернув к нему свое лицо, очень тихо прошептал:

— Лошади у тебя?

— Да, — ответил он едва слышно.

— А где мои вещи?

— Я все спрятал.

— Ты хорошо их укрыл?

— В стороне от асиенды, в скалах, где не видно следов.

— Ты поступил умно. Как ты добрался сюда?

— Я увидел, что Олд Шеттерхэнд попал в плен, потому что хотел спасти меня. Я предположил, что меня будут искать, и при этом наткнутся на лошадей. Я хотел увести врагов от них, а потому помчался прочь, вверх из долины, а потом по равнине, пока не добрался до скал, где юма должны были потерять мои следы. В моем племени известна быстрота моих ног; ни один юма не смог бы меня догнать; они были далеко позади меня, так что я их не видел, да и они не могли меня заметить. Когда моих следов не стало видно, я сделал крюк, чтобы обойти их, и снова вернулся в долину, где перед этим лежал в засаде. Я видел, как юма вернулись с пустыми руками, и продолжал наблюдать за ними. Когда я увидел, что они выступили в поход, я забрал лошадей и поехал за юма, чтобы спасти Олд Шеттерхэнда. Я охотно отдал бы для этого

свою жизнь, потому что его схватили из-за меня.

— Ты многое уже сделал, и я вижу, что ты осторожен и достаточно умен, чтобы действовать самостоятельно. Думаю, что с твоей помощью я скоро стану свободным.

— Скоро? А почему не сейчас же? Со мною не только мой, но и твой нож, я моментально перережу твои путы.

— Этого ты не сделаешь, так как сразу же и ты сам можешь попасть в плен. Ты же должен оставаться свободным.

— Но Олд Шеттерхэнд видит, что все кругом спят и только один страж бодрствует! Однако похоже, что он ослеп, так как не замечает меня.

— А теперь ты подумай, что произойдет, прежде чем мне удастся встать с земли. Ты должен будешь сначала разрезать ремни, которыми на ночь опутали мои тело, а это займет добрый час, потому что мы должны быть осторожными и действовать очень медленно. Потом я должен выпутаться из одеяла, что может быть выполнено за половину указанного времени. Если и это удастся, то придется еще освобождать от ремней руки и ноги. Нечего и думать о прыжке в сторону.

— Но мы постараемся управиться за два часа.

— Мы-то могли бы управиться, но пусть мой юный брат пересчитает моих стражников. Их пятеро; значит, они будут сменять друг друга. И каждый, принимая вахту от своего предшественника, будет осматривать меня, чтобы убедиться, крепко ли я связан. Мне не доверяют. Пойми, что в эту ночь я просто не смогу освободиться.

— Олд Шеттерхэнд прав; придется мне прийти на следующую ночь.

— Ты найдешь меня точно в таком же положении, как и сегодня, и точно так же вынужден будешь уйти ни с чем.

— Но когда же тогда это должно произойти? Я не могу долго оставлять тебя в их руках! Если они тебя убьют, я больше никогда не смогу появиться у родных вигвамов, потому что все мои соплеменники будут показывать на меня и плевать в мою сторону, так как из-за моего легкомыслия Олд Шеттерхэнд попал в плен и погиб.

— Сейчас они меня не убьют, потому что хотят поставить к столбу пыток, а это возможно только после возвращения отряда домой.

— Это хорошо. На сердце у меня сразу полегчало! Но как же мне освободить тебя, если я своим приближением подвергаю тебя опасности?

— Освобожусь я сам. Но так как мои ноги уже онемели от ремней и не смогут далеко увести меня, я хочу, чтобы в тот самый момент, когда я совершу побег, ты был поблизости вместе с моим конем.

— Я буду следовать за юма, и как только они станут разбивать лагерь, постараюсь подобраться поближе к нему.

— Но только действуй очень осторожно! Я должен всегда знать, где ты находишься. Оставайся всегда позади сторожей. Мне надо будет возможно точнее знать, где искать тебя.

— Как мне сообщить тебе об этом, если я не смогу далее переговорить с тобой?

— Умеешь ли ты подражать голосу какой-нибудь лесной птицы?

— Колдун нашего племени умеет подражать голосам всех зверей, а я был его учеником. Какую птицу ты имеешь в виду?

— Мы должны выбрать голос живого существа, которое подает голос как ночью, так и днем, потому что я не могу сказать, когда осуществится мой побег — в темноте или при свете солнца. Ты должен будешь подавать мне сигналы утром, в обед и вечером. Твой сигнал подскажет мне, на каком расстоянии ты находишься.

— Очень редки звери, голоса которых раздаются во все время суток. Может быть, нам

выбрать два существа: одно — ведущее дневной образ жизни, другое — ночной.

— Пусть будет так, если это тебя устраивает. Но мексиканская травяная лягушка живет и в лесах, и на лугах, а голос ее можно услышать и утром, и в полдень, и вечером, и даже ночью. Она была бы самым подходящим существом, помогающим нашей связи.

— Пусть свершится так, как задумал Олд Шеттерхэнд! Я могу так хорошо подражать голосу этой большой лягушки, что подделку не заметит даже музыкант с тонким слухом.

— Это мне нравится. Послушай теперь, что я тебе скажу! Хорошо, что я забрал с асиенды столько мяса; ты теперь ни в чем не нуждаешься и сможешь все свое время тратить на свое задание. Не знаю, когда мы отсюда выступим и где мы встанем лагерем. Но когда бы мы ни ушли, куда бы ни направились, следуй постоянно за нами, только на безопасном расстоянии; каждый раз, как мы будем останавливаться, находи себе укрытие как можно ближе к нам, но и не забывай о своей безопасности. Потом ты дождешься, когда в нашем лагере все стихнет, и закричишь трижды лягушкой, но не подряд, а с небольшими промежутками, которые могут составлять по четверти часа. При первом сигнале я еще могу сомневаться, откуда исходит твой голос, но при втором и тем более при третьем я уж наверняка определю направление. После третьего крика ты должен быть готов, чтобы мгновенно ускакать на лошадях вместе со мной.

— Я буду очень внимателен и увижу тебя. Когда ты сбежишь от сторожей, я, как только увижу, сразу же выйду из укрытия.

— Отлично! Моя лошадь должна быть оседлана, чтобы мне не пришлось терять ни мгновения, и мы оставим преследователей далеко за собой. И оружие должно быть готово, особенно штуцер Генри, то ружье, что поменьше, из которого я могу сделать столько выстрелов, сколько захочу, не перезаряжая его. Оно же с тобой?

— Да, со мной.

— Может быть, ты попробовал стрелять из него?

— Нет. Как мог бы я на такое отважиться! Все вещи, которые принадлежат Олд Шеттерхэнду, неприкосновенны для меня.

— Стало быть, штуцер в хорошем состоянии. Держи его наготове; ты должен передать мне его еще прежде, чем я вскочу в седло, чтобы я мог пулями удержать преследователей на почтительном расстоянии, если только они осмелятся приблизиться к нам. Теперь ты знаешь все, и мы можем расстаться.

— Мои глаза будут широко открытыми, чтобы не сделать ошибки!

— Этого я и жду. А теперь дай-ка мне мой нож, который, как ты сказал, находится у тебя!

— Как я могу тебе его дать, если твои руки не могут ничего взять? Засунуть его под одеяло, в которое ты завернут?

— Это не получится, потому что я слишком плотно укутан и обвязан веревками, а когда завтра утром меня снова развяжут, нож легко обнаружат. Воткни его в землю как раз возле моего правого локтя, так чтобы ручка только слегка выступала наружу. Трава густая, и его не увидят.

— Но сможешь ли ты вытащить и спрятать его? Ведь ты же связан.

— Да, смогу. Ну а теперь исчезни! Мы слишком разболтались, смена караула может произойти в любую минуту.

— Хорошо, я выполню твой приказ. Но прежде облегчи мою совесть. Я совершил грубую и непростительную ошибку, а ты был достаточно великодушен и не сказал мне ни слова упрека. Простишь ли ты меня?

— Но ты великолепно проявил себя потом. Ты был слишком смелым, когда так близко подобрался к юма, ведь они могли тебя заметить, но твоей храбрости я обязан надеждой на свое спасение. Мы квиты; я на тебя не сержусь.

— В таком случае от всего сердца благодарю тебя. Моя жизнь принадлежит тебе, и в каждый свой день я с гордостью буду думать о том, что Олд Шеттерхэнд сказал мне, что он простил меня.

Он воткнул в землю возле меня нож, а потом отполз так тихо, что даже я этого не услышал, хотя напряженно вслушивался. Через некоторое время издалека раздался глухой крик травяной лягушки, который должен был мне сообщить, что маленький мимбренхо благополучно скрылся.

Теперь я поверил, что мое бегство тоже удастся. Эта убежденность освободила меня ото всех забот, и я опять заснул, да таким спокойным сном, как будто уже был на свободе. Утром, когда стало светло, шум лагерной жизни разбудил меня. Мои сторожа сняли с меня одеяло, так как днем эта мера предосторожности показалась им излишней. Я вел себя так, словно еще борюсь со сном, и откатился в сторону, причем незаметно для посторонних глаз слегка прикрыл головку рукоятки ножа, торчавшую из земли под самым моим локтем. Если бы я теперь перевернулся, то легко бы мог вытащить нож.

Как я уже сказал, мои руки теперь были связаны не так прочно, как раньше; я мог шевелить пальцами. Через некоторое время я опять перевернулся и лежал теперь на животе. Мои пальцы шарили по земле в поисках ножа. Я искал минут десять, прежде чем почувствовал в траве выступающую из земли самое большее на два дюйма рукоятку ножа. Еще больше времени прошло, пока я вытаскивал нож, я ведь не мог ни двинуть рукой, ни приподняться, а следовательно, не мог взять и потянуть нож вверх. Когда мне это удалось, снова потребовалось длительное время, прежде чем я сумел неловкими кончиками пальцев протолкнуть нож под жилет и так его спрятать, чтобы он не выпячивался вперед и вообще не был заметен.

Как раз тогда, когда я с этим управился — к счастью, не раньше — меня перевернули лицом вверх и развязали руки, чтобы дать поесть. Завтрак вообще был обильным, потому что, как я увидел позднее, после него намечалось выступление отряда. Стада собрали вместе и погнали дальше. Не занятые в этом краснокожие воины еще некоторое время оставались на месте, потому что им ничего не стоило догнать медленно идущее стадо. Часа через два шествие разделилось. Меньший отряд остался позади охранять остальных пленных; их, как я узнал позже, освободили только через два дня. Сделали это для того, чтобы у асьендеро не нашлось времени послать за помощью и догнать юма, прежде чем они окажутся в безопасности.

Больший отряд, руководимый самим вождем, медленно продвигался за высланным вперед стадом. Я, вновь привязанный к лошади, находился в этом отряде, окруженный пятью новыми стражниками. Их, стало быть, заменили, надеясь, что новые сторожа будут бдительнее. Когда наш отряд двинулся в путь, сзади до меня донесся голос мормона:

— Farewell[62], мастер! Поздравьте от меня черта, когда через несколько дней он скажет вам в аду: «Доброе утро!»

Задуманный им дьявольский удар по асиенде удался, и мормон был исполнен уверенности, что навсегда избавился от меня…

Глава третья
ВИННЕТУ

Наш отряд выбрал хорошо мне знакомое направление — к лесу, в котором растет Дуб жизни. Это пробудило во мне надежду, потому что если мы направимся к лесу, то весьма вероятно, что встретимся с вызванными мною на помощь индейцами-мимбренхо, с которыми я намеревался соединиться как раз возле упомянутого Дуба. Однако, немного поразмыслив, я пришел к выводу, что для меня же будет лучше, если эта встреча не состоится, ибо она очень опасна для моей жизни. *Я* вынужден был признать, что юма, когда на них нападут, скорее убьют меня, чем отдадут в руки мимбренхо.

Как бы там ни получилось с этой встречей, принесла бы она мне счастье или беду, но скоро я понял, что она не состоится, потому что у самого леса юма повернули направо, тогда как мальчишка-мимбренхо и его сестра, мои посланники, поскакали налево. Они огибали лес с запада, тогда как мы направились к его восточной опушке, а поскольку лес был сильно вытянут в длину, я мог с большой уверенностью предположить, что два этих пути сильно расходятся, так что на встречу рассчитывать было бы трудно.

Наступил вечер, а мы все еще не достигли края леса. Пришлось для ночлега разбить лагерь на самой опушке. В былые времена медленное движение каравана из-за еле бредущего стада раздражало бы меня, но теперь оно мне даже нравилось, так как тем самым мне предоставлялась для подготовки побега дополнительная отсрочка.

Естественно, я ожидал сигнала мальчишки-мимбренхо, но он прозвучал только тогда, когда мы уже поели и меня снова запеленали в одеяло. Стало быть, бежать сегодня я не мог, но меня здорово успокаивало то обстоятельство, что помощник находится рядом и готов исполнять мои распоряжения. На слух я определил, что он рискнул подойти очень близко; это удалось ему только потому, что лес хорошо скрывал все его передвижения.

Утром мы снова отправились в путь. Вождю, кажется, наскучила эта тягомотина со стадом; он решился скакать вперед, а на месте будущего ночлега подождать отставших. С собой он взял половину своих воинов и, конечно, прихватил меня вместе со сторожами. Это перевернуло все мои планы. Мимбренхо мог лишь медленно передвигаться за стадом, но не за отрядом всадников; значит, на место стоянки он подоспеет после нас, последним, и можно было предусмотреть, что к тому времени я опять буду закутан в это надоевшее одеяло. Я стану тогда беспомощнее ребенка и не смогу даже думать о побеге.

Как я предполагал, так и случилось! К полудню лес кончился, и мы скакали то по траве, то по голой земле, пока не остановились на несколько часов, чтобы отдохнуть и перекусить. Мне освободили руки. Значит, я мог бы вытащить нож и перерезать веревки на ногах, а потом убежать. Но далеко ли я бы ушел! А если вскочить на лошадь? Тоже не получится. Они паслись на свободе, разойдясь по полянке. Ближайшая из них была так далеко, что мне вряд ли бы удалось ее схватить; к тому же позади оставались хорошо вооруженные краснокожие, а у меня был только нож, кроме того, я не был уверен, что поймаю самую быструю лошадь. Нет, пришлось отказаться от попытки, которая могла привести лишь к моей гибели.

После обеда мы продолжили путь по точно такой же местности, а потом остановились на обширной травянистой лужайке. Так как провизии с собой индейцы взяли достаточно, то опять принялись за еду; потом меня завернули в одеяло. Все происходило так же, как и вчера, лишь мимбренхо не осмелился подойти близко к лагерю по открытой равнине.

Только стемнело, пригнали стадо. Вскоре после этого я услышал троекратное кваканье травяной лягушки, причем на удалении не больше трехсот шагов. Так близко парень мог

находиться лишь в темноте; поутру, еще прежде, чем займется день, ему придется где-либо спрятаться, чтобы его не заметили. Бедняга жертвовал своим сном, но мне от этого было не легче.

Ничего не изменилось ни на следующий, ни на четвертый день пути. Если случался подходящий момент, то рядом не было мимбренхо, а когда он подавал знак, возможность для побега исчезала. Зато пятый день должен был стать для меня более счастливым.

С самого утра мы ехали по скалистым холмам, узким долинам и мрачным ущельям. Здесь разделиться было нельзя, потому что пришлось удвоить число погонщиков. У меня возникла уверенность, что сегодня все решится. На обеденном отдыхе меня еще никогда не пеленали в одеяло, а лесная местность позволяла моему помощнику держаться так близко, как я того желал.

Незадолго до того момента, как солнце достигло зенита, мы оказались в сыром, извилистом ущелье, из которого мы внезапно вышли на зеленый луг, окаймленный кустарником. Скот невозможно было удержать; животные вырвались из теснины на зеленую лужайку и в течение нескольких мгновений рассыпались во всю ее ширь, так что всадникам стоило большого труда снова собрать стадо.

Вождь тут же отдал моим сторожам приказ отвязать меня от лошади и положить на землю. Сами они уселись рядом со мной. Так мы образовали центр походного лагеря, оказавшийся так близко к выходу из ущелья, что я мог бы добежать до него за какие-нибудь пять минут.

Судя по распоряжениям, которые отдавал вождь, я понял, что дальше он двигаться сегодня не желает. Похищенный скот так был изнурен четырехдневным маршем, что ему надо было дать отдохнуть по меньшей мере до утра, иначе он бы не вынес дальнейшего пути. В связи с длительным отдыхом были разбиты палатки, чего не случалось в предыдущие дни. Пока выполнялась эта работа и шли другие приготовления, вождь приблизился ко мне и уселся напротив. Как раз в то время, когда он занял место, раздалось кваканье травяной лягушки, на что ни один из индейцев не обратил внимания.

Большой Рот закинул одну ногу на другую, скрестил руки на груди и остановил свой колючий взгляд на моем лице. По нему было видно, что теперь он хочет говорить, тогда как до сих пор он не удостаивал меня своим вниманием. Пятеро сторожей смотрели в землю; они не глядели ни на него, ни на меня; это было почтительное ожидание момента, когда их предводитель, хотя бы на словах, померится силами с Олд Шеттерхэндом. Упрямое молчание только усугубило бы мое положение, поскольку неуместная в моем положении гордость обернулась бы глупостью и, наконец, потому, что мой характер не позволял выносить нападки этого человека, хотя бы и словесные, я решил противостоять ему. Начал он с прямо-таки неостроумного вопроса:

— Ты бледнолицый?

— Да, — ответил я. — Или твои глаза так плохо видят, что принимают меня за индейца?

Он продолжал, игнорируя мой вопрос:

— И ты называешь себя Олд Шеттерхэнд?

— Не я так себя назвал — это имя мне дали знаменитые бледнолицые и краснокожие воины и вожди.

— Зря они это сделали. Твое имя ложно. Твои руки связаны; они не могут раздавить даже червя, даже жука — куда уж им до человека. Вот, посмотри, как я тебя боюсь!

Сказав эти слова, он плюнул в меня. Я равнодушно ответил:

— Пусть мое имя ложно, но твое-то, по всей вероятности, полностью правдиво. Ты зовешься «Большой Рот», и он у тебя в самом деле громадный: другого такого и не найдешь. Но я на твоем месте не гордился бы этим. Плевать в связанного по рукам и ногам пленника — не геройство, потому что обиженный не может отомстить. Прояви лучше подлинное мужество:

развяжи меня и сразись со мной! Тогда и станет ясно, кто кого побьет — ты меня или я тебя!

— Молчи, — загремел он. — Ты подобен лягушке, которая кричит позади тебя. Ее кваканье достойно только презрения.

Как раз в это время раздался второй крик лягушки. Слова вождя дали мне возможность открыто посмотреть в сторону выхода из ущелья, не опасаясь вызвать подозрение у моих сторожей. Крик прозвучал так близко, что мне показалось, будто мой маленький мимбренхо притаился за ближайшей выступающей скалой. Я еще выше поднял голову, чтобы показать ему, что я гляжу в его сторону, и в самом деле увидел маленькую смуглую детскую ручку, которая на один только миг высунулась из-за края скалы и тут же скрылась опять. Кто не знал о спрятавшемся за скалой, не мог, конечно, заметить эту руку.

Теперь для меня стало ясно, что бежать надо сейчас. Я должен быть свободен в течение ближайшей четверти часа, самое большее — получаса, иначе мне конец. Именно в этой ситуации я дал ответ вождю, который показался бы смешным в любое другое время:

— А я не презираю это кваканье, наоборот, я радуюсь ему. Знаешь ли ты голоса животных?

— Да, я знаю все голоса.

— Я имел в виду другое, а именно, понимаешь ли ты язык зверей?

— Ни один человек не понимает их!

— Однако я понимаю. Может быть, поведать тебе, о чем рассказал мне голос лягушки?

— Ну-ка скажи! — ответил он с издевательской усмешкой.

— Лягушка сказала, что ты скоро потеряешь человека, а вследствие этого ты должен будешь вернуться назад по пути, который ты совершил сегодня.

— Великий Дух помутил твой разум!

— Нет, скорее он просветил мой разум. Я слышу выстрелы, стук копыт и гневные крики твоих воинов. Ты будешь бороться с двумя людьми, большим и маленьким, и не сможешь их победить. Позор падет на ваше племя, и те, над которыми вы сегодня насмехаетесь, завтра будут высмеивать вас!

Вождь уже открыл рот для гневного ответа, но опомнился, приложил руку к груди, потом опустил ее и посмотрел мне в лицо очень серьезно и задумчиво. Потом он сказал:

— Правильно ли я тебя понял? Олд Шеттерхэнд никогда не говорит как безумец. Его слова всегда имеют смысл, даже если он не всегда понятен. О чем хотел ты сказать? О каком позоре ты говорил?

— Подумай и догадаешься. А если ты не найдешь решения, подожди, пока оно само собой не мелькнет в твоей голове.

Он задумался так крепко, что даже закатил глаза, а потом воскликнул:

— Я догадался! Позор здесь, а потом возвращение? Ты полагаешь, что сможешь убежать, и думаешь, что мы тебя будем преследовать до долины на той стороне асиенды, где тебя все еще ждет юный негодяй-мимбренхо. Ты думаешь, что мы вступим в схватку с тобой и с ним, но не сможем вас победить. Теперь я вполне серьезно считаю, что Великий Дух помутил твой разум. Ты страстно желаешь свободы, мечтаешь о ней, ты говоришь о ней, даже не осознавая смысла своих слов. Твой рассудок болен и…

Внезапно он прервал свою речь; видно, ему пришла в голову мысль, которую он уже раньше высказывал, а именно: Олд Шеттерхэнд не может говорить бессмысленные вещи. Он подошел ко мне, проверил мои путы на крепость. Найдя, что они в полном порядке, он снова уселся на свое место и сказал с улыбкой явного превосходства:

— Теперь я понял, в чем дело: Олд Шеттерхэнд хотел разозлить меня, чтобы потом рассмеяться надо мной, словно над малым ребенком, но ему это не удастся. Он хочет лишить нас уверенности, чтобы мы наделали массу ошибок. Да, он сделал это с умыслом, но здесь он

просчитался!

— Уфф, уфф! — закричали стражники в знак того, что они одобряют слова вождя. Он же, повернувшись ко мне, продолжал:

— Олд Шеттерхэнд убил моего сына, Маленького Рта, и должен поэтому умереть. Но он проявил себя мужественным человеком, и я слышал, что он считает себя другом краснокожих, поэтому я, естественно, оказывая ему одолжение, разрешу ему самому выбрать, какой смертью он желает умереть. Хочет ли он быть застреленным?

Я знал, что он издевается надо мной, как вскоре и оказалось, и ответил:

— Нет.

Тогда он спросил по очереди, хочу ли я быть заколотым, сожженным, отравленным или задушенным, и я каждый раз отвечал категорическим отказом.

— Олд Шеттерхэнд говорит одно «нет», но он должен же сказать мне, какой смертью хочет закончить свою жизнь!

— Я хотел бы, чтобы мне было девять раз по десять или десять раз по десять лет; в этом возрасте я хотел бы спокойно уснуть, чтобы пробудиться уже с той стороны жизни, — сказал я.

— Это смерть трусов, но Олд Шеттерхэнд достоин другой кончины. Такой человек должен попробовать всякую смерть, один способ за другим, глазом при этом не моргнув, и мы предоставим ему такую возможность. Сначала мы ему перебьем руки и ноги; он так же сломал руки моего друга Мелтона.

Он вызывающе посмотрел на меня, стараясь понять, какое впечатление произвело на меня его заявление.

— Это хорошо! — ответил я, со смехом кивая ему.

— Потом мы надрежем ему мышцы рук и ног и вырвем ему ногти на всех пальцах!

— О, я буду очень рад этому!

— Затем мы с него, с живого, снимем скальп!

— Очень мудрое решение, потому что я бы ничего не почувствовал, если бы вы меня убили до этого.

— Да, но мы постоянно будем лечить его старые раны, поддерживать жизнь в его измученном теле, чтобы он выдержал новые мучения.

— Это мне очень по душе, потому что иначе я бы, пожалуй, недостаточно прочувствовал новые мучения.

— Напрасно смеешься! У тебя быстро пройдет желание шутить, потому что мы тебе отсечем кисти!

— Неужели обе?

— Обе. Потом мы отрежем у тебя веки, чтобы ты не мог спать.

— Ну, а дальше что?

— Мы засунем твои ступни в костер, и они будут медленно поджариваться на огне. Потом мы повесим тебя за ноги; будем бросать в тебя ножи; мы…

— Остановись! — прервал я вождя и громко рассмеялся, чтобы как следует его разозлить. — Самое интересное, что вы ничего не сможете со мной сделать, абсолютно ничего. Даже если бы у вас была тысяча воинов, их оказалось бы слишком мало для того, чтобы причинить страдание Олд Шеттерхэнду. Для этого нужны люди совсем другого сорта. Ты недавно сравнил меня с лягушкой, которую мы только что слышали; я мог бы сравнить вас с другими животными, куда более противными, но я не стану этого делать. Хочу только сказать вам, что вы должны бояться меня куда больше, чем я вас.

В этот момент мальчишка-мимбренхо подал третий знак. Разгневанный вождь, увидев, что я не шучу, а говорю вполне серьезно и с полной убежденностью, ответил:

— Ты слышишь, как она там квакает? Вот и ты так же заквакаешь. Скоро ты увидишь, кто кого должен бояться. Отныне я буду строже обходиться с тобой, чтобы освобождение больше не казалось тебе таким легким делом. Ты скоро погибнешь, и это так же реально, как голос лягушки, который ты слышал!

— Ты заблуждаешься. Вы мне ничего не сможете сделать, и это так же реально, как слышанное мною кваканье лягушки!

— Ладно, придется применить власть. Отныне ты будешь постоянно связан, как только тебя снимут с лошади. Тогда посмотрим, сможешь ли ты убежать. А пока развяжите ему руки и дайте мяса: пусть наестся досыта; потом я сам закутаю его в одеяло. С нынешнего вечера я лично буду за ним следить, чтобы у этой собаки не осталось и проблеска надежды!

Он совершенно вышел из себя от того, что я оставался совершенно спокойным и показывал свое превосходство, несмотря на то, что находился в плену. Собственно говоря, я, с тех пор как заговорил о своем побеге, вел рискованную игру, но был при этом твердо убежден, что я не должен проиграть партию, а обязательно выиграю ее.

Один из сторожей принес мне мясо, другие развязали мне руки. Приближался решающий миг. Несмотря на это, я был внутренне и внешне полностью спокоен. Да так и должно было быть. Кто проявляет колебание, кто дрожит в такой момент, тот вряд ли сможет выполнить свой план.

Мою порцию постного мяса разрезали на длинные тонкие полоски, которые мне легко было бы прожевать и без помощи ножа, что я и делал медленно и обстоятельно, как будто мне не о чем было заботиться, кроме как о собственном желудке; при этом я сел, сложив руки и ноги так, что мог одним движением перерезать все переплетения ремней. Два движения потребовали бы, пожалуй, уже слишком много времени, хотя и в этом случае счет шел только на секунды. Жизнь моя зависела от какой-то доли мгновения.

Вождь следил за мной с мрачным лицом. Мое напоказ выставленное удобство злило его, и он уже, конечно, замышлял покрепче стянуть меня ремнями.

— Ешь быстрее! — приказал он мне. — У меня нет времени ожидать одного тебя.

Чтобы выиграть время, нужное для того, чтобы моментально вытащить нож, я изобразил на лице испуг, выронил из рук мясо и низко склонился, чтобы поднять его, пользуясь при этом левой рукой. Я мог при этом с большой долей уверенности предполагать, что общее внимание будет направлено на мою левую руку, которой я стараюсь достать кусок мяса; правой же рукой незаметно залез под жилет, отвечая тем временем вождю:

— Быстрее? Хорошо, пусть так и будет. Смотри!

При этих словах острое лезвие ножа уже коснулось ремней на ногах; резкое движение — и я подпрыгнул, ударив вождю ногой в плечо, перепрыгнул через него и изо всех сил помчался к ущелью. Должен сказать, что когда после прыжка через голову вождя я коснулся земли, то чуть не упал; но я должен был быстро двигаться дальше — и побежал, потому что если ты хочешь что-то сделать, то надо это делать хорошо. Пока я мчался большими скачками по траве, за спиной у меня воцарилась глубочайшая тишина, вызванная ошеломлением и ужасом; индейцы словно окаменели и потеряли дар речи, когда увидели, как осуществляется то, что считали невозможным; но потом, когда я был уже шагах в ста от них, наваждение прошло, и раздался такой ужасный вопль, словно раскрыли свои пасти тысяча чертей. Я, естественно, не оборачивался и мчался сломя голову вперед; все мои силы надо было употребить теперь на то, чтобы добраться до лошади. В моем состоянии я не смог бы выдержать такого темпа дольше двух минут.

И тут я увидел, как из-за скалы выглядывает мой мимбренхо. Свое ружье он держал в правой руке, а левой протягивал мне мой штуцер. Он не стоял на месте, а кинулся мне

навстречу. Но еще прежде, чем мы сошлись, я крикнул ему:

— Лошади здесь, за скалой?

— Нет, за первым поворотом.

— Сколько шагов?

— Сто раз по пять.

О Боже! Я просто был не в состоянии пробежать еще пятьсот шагов на своих отвыкших от движения ногах; значит, меня должна спасти кровь, пролитая индейская кровь! Это была одна из ситуаций, в которых я готов охотно щадить людей, но просто не в состоянии этого сделать. На бегу я вырвал штуцер из мальчишечьих рук, ощупал затвор — все было в порядке — и сразу почувствовал себя так уверенно, что мигом остановился и повернулся к преследователям. Я вполне резонно предположил, что они не успели взять с собой оружия, и мое предположение вскоре оправдалось. Они приближались, размахивая руками и крича — кучка одичавших людей во главе с вождем и моими стражниками.

— Назад, я буду стрелять! — предупредил я их.

Я все еще непрочно стоял на своих ослабевших ногах, но тем не менее был уверен в верности своей руки и вскинул ружье. Юма не обратили внимания на мое предупреждение и приблизились на расстояние до сотни шагов; я сделал два выстрела; девяносто шагов — еще два; восемьдесят, семьдесят, шестьдесят — и каждый раз по два выстрела; я выпустил десять пуль, каждая из которых попала в бедро какого-нибудь из преследователей; раненые тут же падали. Другие воины, пораженные ужасным зрелищем, растерялись.

— Назад! — крикнул я во второй раз. — Или я перестреляю вас всех!

Еще две пули попали в цель! Храбрый мимбренхо стоял бок о бок со мной и тоже стрелял; я только выводил людей из строя; его же пули несли смерть. Преследователи в страхе остановились; они не осмеливались бежать дальше. Многие отступили назад, помчались за своими допотопными ружьишками. Но один высокий индеец, ослепнув от ярости, продолжал бежать вперед, прямо на меня — это был вождь. Он ревел от ярости, словно дикий зверь, и размахивал ножом, единственным оружием, оставшимся у него, причем держал он его левой рукой, так как правую, как уже было сказано, я ему повредил. Разумеется, кидаться на меня в таком состоянии было чистым безумием, неосторожностью, которую я мог объяснить только возбуждением, в котором он находился, что, конечно, не оправдывало, но по крайней мере объясняло его действия. Было совершенно ясно, что его жизнь принадлежала мне, но мне она была не нужна. Я уже и так вывел из строя его правую руку, надо было сохранить ему левую, поэтому я решил нанести ему удар в голову. Он приближался, высоко подняв нож для удара; в тот самый момент, когда его клинок стал приближаться ко мне, я отпрыгнул в сторону и взмахнул штуцером; его удар пришелся по воздуху, тогда как приклад моего ружья сбил вождя с ног, да так, что он остался лежать на земле.

Воины-юма, увидев это, закричали на разные голоса, ибо они решили, что я только затем сбил вождя с ног, чтобы вернее отобрать у него жизнь. Те из них, кто побежал за ружьем, уже вернулись. Другие, видневшиеся подальше, мчались за лошадьми. Выходит, дольше стоять на месте мы не могли. Мы поспешили ко входу в ущелье, а забежав в него, устремились еще дальше, к своим лошадям. Мальчишка, конечно, был быстрее меня. Когда я оставил за собой три сотни шагов из тех пятисот, что мне надо было преодолеть, он уже исчез за поворотом ущелья, но вскоре появился вновь, сидя на своей лошади и ведя в поводу мою верховую. Он подъехал ко мне и остановился. Я тут же взлетел в седло, и тут появились первые вооруженные ружьями юма. Но в спешке они стреляли неточно и промахивались. Мы же развернули лошадей и помчались по пути, проделанному нами до полудня.

Итак, я вырвался на свободу. Предположение, что юма меня снова схватят, казалось мне

совершенно невероятным, однако теперь мне надо было думать не о себе, а о других. Асьендеро был разорен: по меньшей мере, ему стоило бы вернуть свои стада. А это могло произойти только в том случае, если бы мимбренхо, которых я ожидал, отобрали скот у юма. К сожалению, я не знал, и мальчик ничего определенного не мог мне сказать, где стояли в последнее время вигвамы этого племени. На отдых мы остановились после четырех дней пути; видимо, день отдыха выбран был как раз в середине дороги; значит, можно было предположить, что юма надо еще, по крайней мере, четыре дня, чтобы добраться до родных мест. Мимбренхо, конечно, не смогли бы достичь их за такое короткое время. А были ли какие-нибудь средства задержать юма в дороге? Да, и одно из них проверенное, бывшее буквально под руками. И это средство было ничем другим… точнее уж говорить не кем другим, как мною самим. Я должен был увлечь юма любыми способами за собой так далеко, насколько это мне удастся.

Можно было предположить, что они приложат все силы, лишь бы снова поймать меня, хотя бы только из-за того, чтобы отомстить за смерть Маленького Рта. Другая причина их рвения была в том, что они сгорают от стыда, что упустили меня, как мальчишки-несмышленыши. Я был в полной их власти, они издевались надо мной и приставили ко мне пятерых стражников, хотя я и так был окружен сотней воинов. Я даже открыто сказал их вождю, что хочу бежать, и исполнил свое намерение не ночью, под защитой темноты, а при свете дня. При этом мною были искалечены на всю жизнь двенадцать воинов-юма, а еще двое были застрелены мальчиком-мимбренхо. Какой позор, и не только для находившихся возле пленника воинов, но и для всего племени! Позор, который можно было отчасти смыть только моей повторной поимкой и последующей расправой!

Учитывая все эти соображения, я предполагал, что индейцы будут меня рьяно преследовать, и притом большим отрядом. Но если меня не могла удержать сотня воинов, то сколько же их понадобится для новой поимки? Разумеется, больше! А такого количества воинов у юма не было; напротив, их стало на четырнадцать человек меньше. За двенадцатью ранеными нужен был уход; вряд ли они были в состоянии продолжать путь, потому что пуля в бедре опасна для жизни. А где взять людей, чтобы сохранять и гнать стада?

Взвесив все эти соображения, я пришел к выводу, что Большой Рот, как только очнется от удара, оставит стада на месте, так как травы здесь для них было достаточно. Тут же останутся и раненые, а при них — такое количество воинов, какое нужно для охраны животных и ухода за людьми. Все остальные должны пуститься в погоню за мной и попытаться как можно быстрее схватить меня, чтобы восстановить честь племени. Стало быть, весьма правдоподобно, что за нами погонится сорок, а может быть, и пятьдесят человек, и рвение их будет тем больше, что они захотят отомстить мне и индейцу не только за прошлые обиды, но и за то, свидетелями чего они стали сегодня.

Я бы мог легко уйти от них, свернув вправо или влево, но это было бы ошибкой. Потеряв мой след, они тут же вернулись бы к стадам, продолжив путь к дому, и животные были бы потеряны для асьендеро. Но так как я захотел задержать здесь стада, то должен был направить преследователей по моему следу.

А чтобы достичь этого, я все время должен был придерживаться дороги на асиенду, потому что юма считают само собой разумеющимся, что я поеду именно по ней. Торопиться мне тоже не следовало, потому что чем ближе преследователи ко мне подбирались, тем большим становилось их желание нас поймать и тем меньше могла им прийти в голову мысль о возвращении или по крайней мере об отсылке части преследователей назад. А если бы я встретил у Дуба жизни ждущих меня мимбренхо, что не казалось невероятным, то мог бы с их помощью взять в плен весь отряд, а потом вернуться на старое место, отобрать награбленные стада и возвратить их владельцу, бедному дону Тимотео Пручильо. Лишившись своего скота, он

превратился в жалкого бедняка — в этом не было никакого сомнения. Дома его были обращены в пепел, леса и сады сожжены; у него, правда, оставались луга, но без пасущегося на них скота они бы не принесли хозяину и пфеннига[63]. К тому же я слышал, что он давно уже не так богат, как прежде.

Всеми этими мыслями я поделился со своим спутником, пока мы лихо мчались по выбранному пути. Мальчик ничего мне не возражал, не имея для этого никаких причин и даже не допуская мысли, что я могу оказаться неправым. Он принял мои рассуждения с полным пониманием, как взрослый, а потом серьезно спросил:

— Значит, Олд Шеттерхэнд полагает, что за нами будут гнаться пятьдесят юма?

— По меньшей мере, от сорока до пятидесяти, — кивнул я.

— Но они не смогут отправиться в погоню. Вождь лежит без сознания, и воины должны подождать, пока он очнется и сможет отдавать приказания.

— Верно, но несколько человек пойдут по нашему следу немедленно. Когда они догонят нас, то подождут остальных. Я буду говорить с ними.

— Говорить? — спросил он удивленно. — Я не ослышался? Олд Шеттерхэнд действительно хочет говорить с этими ищейками, готовыми разорвать его на клочки? В какой же опасности ты тогда окажешься!

— Но я не вижу здесь риска. Тебе грозила значительно большая опасность, когда ты последовал за мной после сожжения асиенды.

— Для меня не могло быть никакой опасности, потому что я должен был искупить свою ошибку. Если бы это было нужно, я пошел бы на смерть.

— Верю, потому что теперь я узнал тебя получше. Своей свободой я обязан только тебе и буду всегда тебе за это благодарен.

— Олд Шеттерхэнд — знаменитый воин; он освободился бы и без меня!

— Ну, может быть, потому что я не только не был ранен, но и не потерял силы. Но сам бы я освободился не так быстро и легко. Не показалось ли тебе чересчур долгим время ожидания за все эти дни?

— Ни одно ожидание не покажется долгим, когда ты терпелив и хочешь стать настоящим воином, который, кроме мужества, должен прежде всего отличаться именно терпением.

— Но ты же не мог спать, потому что днем ты должен был следовать за нами, а ночью в любое мгновение ожидал моего побега!

— Воин должен быть выносливым. Впрочем, время выспаться у меня было, так как я старался отдохнуть сразу же после вашего выступления, а сам пускался за вами через несколько часов. Стада шли так медленно, что я успевал очень быстро настичь вас.

— А о чем ты думал, когда напрасно ждал меня?

— Ни о чем я не думал, потому что знал, что Олд Шеттерхэнд придет, когда пробьет его час.

— Своими ответами ты доказываешь, что когда-нибудь станешь не только храбрым воином, но и обстоятельным, осторожным советником на собрании вождей и старейшин. Ты желал получить имя. Когда я сяду с твоими соплеменниками в первый раз у племенного костра, то скажу им, что ты доказал, что достоин носить боевое имя.

— Уфф, уфф! — выкрикнул он, причем его глаза засверкали. Он так обрадовался, что гордо выпрямился в седле.

— Да, я предложу им дать тебе имя.

— Ты хочешь это сделать? Моя благодарность будет так велика, как сама земля; исчезнет она только с моей смертью!

— Да, я предполагаю сделать такое предложение.

— Тогда они меня спросят, какое имя показал мне великий Маниту[64] и какое «лекарство» я нашел. А я не смогу дать им ответа!

Когда юный индеец подрастает и приобретает ценные навыки, познания, необходимые для воина, он прежде всего должен найти себе имя. И вот он удаляется от племени, соблюдает пост и размышляет обо всем, о чем положено думать воину и знаменитому человеку. Одиночество, строгий пост, размышление о великих делах вдохновляют юношу. Возбуждение переходит в сверхъестественную чувствительность, вследствие чего он впадает в сон или начинает грезить. И вот первый предмет, о котором он подумает или увидит в своих галлюцинациях, становится его «лекарством», его талисманом на всю жизнь. Тогда он берет оружие и уходит и не возвращается назад, прежде чем не похитит, добудет или найдет этот предмет. Вещь эта, будь она велика или мала, будь она самой диковинной формы, зашивается в шкуру и тщательно оберегается. Воин берет талисман с собой в походы и вешает на копье, втыкаемое в землю перед входом в его палатку. Этот талисман станет самым дорогим, самым святым для воина; за обладание им он отчаянно борется изо всех своих сил. Поэтому самой большой честью считается обладание амулетом одного или нескольких врагов. Столь же велик позор потерять свое «лекарство» — в битве ли, по другой какой причине. Смертельным оскорблением для индейца будут брошенные ему в лицо слова: «Человек, не имеющий «лекарства». Оскорбленный такими словами успокоится не раньше, чем отнимет талисман у врага; добыча становится его собственным «лекарством», и тогда поруганная честь воина снова восстанавливается.

Обычно молодой человек, как только он отыщет предмет, который видел во сне, то есть свое «лекарство», принимает то же самое имя, отчего так часто сталкиваешься с такими странными именами, как, например, Мертвый Паук, Разорванный Лист, Длинная Нить… Эти люди во время поисков талисмана прежде всего подумали о мертвом пауке, разорванном листке, длинной нитке и теперь носили эти предметы с собой в качестве «лекарства». Но случается, что молодой человек, если он отличился каким-нибудь особенным поступком, получает почетное имя, напоминающее о свершенном; такое имя ценится гораздо выше, чем случайно найденное имя. Поэтому я так ответил на последние слова моего юного спутника:

— Ты ничего не должен отвечать, потому что, если они тебя спросят, ответ дам я.

— Ты? — спросил он, и щеки его стали красными.

— Да, я, потому что у меня есть для тебя имя.

Он опустил голову, чтобы справиться с волнением. Конечно, он охотно бы спросил у меня, что это за имя, но тогда бы он нарушил все правила вежливости и скромности. Поэтому я продолжал, желая удовлетворить его любопытство:

— А ты не догадываешься, о каком имени я думаю?

— Нет.

— Тогда скажи мне, в каком деле ты впервые отличился?

— Первым моим поступком была передача в руки врага Олд Шеттерхэнда, — ответил он, вздохнув.

— За этот поступок ты расквитался, а значит, искупил свой грех. Это была всего лишь твоя ошибка, несоблюдение предписанных мною правил предосторожности. А первым твоим настоящим делом было мое освобождение. Что, ты думаешь, скажут воины твоего племени об этом деле?

— Кто освободит Олд Шеттерхэнда, тот станет счастливейшим и знаменитейшим среди воинов и ему никогда не понадобится «лекарство».

— Ну что ж, ты участвовал в моем освобождении, да к тому же убил двоих юма; стало быть, у костра старейшин твоего племени я предложу назвать тебя Юма-шетар, и я убежден, что

это предложение будет принято.

— Конечно, будет принято! — выкрикнул мальчик, не сдерживая радости. Это же будет большой честью для всего племени мимбренхо, если Олд Шеттерхэнд сделает такое предложение. О Маниту, Маниту! Ведь я же знал, что рядом с Олд Шеттерхэндом получу имя гораздо скорее, и притом — имя лучшее, чем в любом другом месте! Наши воины будут мне завидовать; женщины станут рассказывать обо мне, и, когда я буду проходить мимо, их дочери станут тайно наблюдать за мной через щели в палатках. Но первым меня поздравит отец, Сильный Бизон, он прижмет меня к сердцу, а мой младший брат обязательно поцелует меня. О, если бы и он, у которого тоже еще нет имени, мог, как и я, остаться с тобой! Я думаю, он заслужил бы столь же почетное имя!

— Вполне возможно. Впрочем, это упущение можно исправить, потому что я убежден, что скоро снова увижу твоего брата. Если он похож на тебя не только внешне, но и внутренне, то не успокоится до тех пор, пока не добьется от твоего отца согласия на участие в походе против юма.

— Я тоже так думаю. Мой отец, великий вождь мимбренхо, очень строг; он мало считается с обычными желаниями своих детей, но на такую просьбу он обязательно обратит внимание и, ясное дело, не откажется ее выполнить. Было бы просто здорово, если бы племя смогло отпраздновать получение имени братом одновременно с моим!

За разговором мы не только миновали извилистое ущелье, но и оставили за собой несколько долин. На каждом повороте мы оглядывались, проверяя, не покажутся ли преследователи, но я так их и не заметил. Тем не менее я был убежден, что они находятся недалеко от нас, и решился проверить это, как только позволит местность.

Мы доехали до маленького пятачка прерии, достигавшего в ширину примерно четверти часа конной езды. Проехав его, мы оказались в зарослях кустарника, хорошо нас прикрывавшего. Здесь я остановил лошадь и спешился.

— Олд Шеттерхэнд уже хочет устроить привал? — спросил мальчик.

— Нет, мы задержимся лишь на очень короткое время; я хочу переговорить с юма.

Вероятно, мое намерение показалось ему весьма необычным, но он промолчал. Я же развернул пакет с новым костюмом, чтобы переодеться. Мое старое платье с самого начала немного стоило, а во время плена оно так порвалось, запачкалось, словом, превратилось в лохмотья, и я стал похожим на пугало. Как же изменился мой вид, когда я надел новый костюм! Я не был щеголем, но эти южные индейцы обращают куда большее внимание на внешний вид, чем их северные собратья, да ведь и мексиканцы одеваются более броско и ярко, чем небрежные в одежде, скучные янки. Индейцы сиу или кроу никогда не обделят вниманием белого охотника, даже если он одет в лохмотья, однако у пимо или яки плохо одетый человек вряд ли вызовет к себе большое уважение. И все-таки очень часто, как известно, многое зависит именно от первого впечатления. Если бы я появился на асиенде не в старом костюме, то, вероятнее всего, Тимотео Пручильо мог бы мне поверить, и мне не надо было бы закатывать пощечину его славному мажордому и швырять его в ручей. Очевидно, даже в этих отдаленных краях красивая одежда человека поднимает его авторитет.

Переодевшись, я стал выглядеть словно богатый мексиканский помещик, кабальеро, отправившийся в путь с визитом к даме своего сердца.

— Уфф! — удивленно вскрикнул мимбренхо, когда я появился из-за куста, за которым, как за ширмой, переодевался. — Я тебя узнал с трудом, — и он покраснел от смущения. — Но именно так мы, мальчишки, и представляли себе Олд Шеттерхэнда, когда нам рассказывали о нем и о Виннету.

Невольно обрадовавшись моему преображению, он смутится еще больше; я постарался

ободрить его, дав ему в руки медвежебой, и при этом сказал:

— Мой юный краснокожий брат может оставаться здесь и держать ружье, которое мне пока не нужно. Как только появятся юма, я поеду навстречу, чтобы поговорить с ними. Если их окажется так много, что они осмелятся на меня напасть, то мы, чтобы сдержать их, будем защищаться в нашем убежище.

Стоя возле крайних кустов, я внимательно наблюдал за дорогой, по которой мы только что приехали. Как я предполагал, так и произошло. Короткое время спустя я заметил вдали трех всадников, рысью передвигавшихся по прерии. Я поскакал им навстречу, приняв позу человека, совершенно беззаботно едущего своей дорогой. При этом я наклонился вперед, показывая всем своим видом, что очень устал и нисколько не обращаю внимания на открывшуюся передо мной прогалину.

Увидев меня, они насторожились; но поскольку за мной ни одного всадника больше не появилось, они решились ехать дальше. Уж одного-единственного всадника они явно не боялись. Я же вел себя так, будто все еще их не замечаю, однако удерживал штуцер поперек седла, чтобы одним движением привести его в боевую готовность. При этом я был убежден, что они меня не узнают, по меньшей мере — разглядят не сразу, потому что еще не видели меня в новой одежде, столь изменяющей мой вид, а кроме того, я так надвинул на подбородок кончик пестрой мексиканской гаргантильи[65], защищающего от солнца шейного платка, и нахлобучил до самых глаз широкополое сомбреро, что на всем лице остался видным один лишь нос.

Теперь они настолько приблизились ко мне, что я мог не только видеть их, но и слышать топот копыт. И вот я выпрямился, как будто только сейчас их заметил, и придержал свою лошадь, которую они видели впервые. Индейцы остановили своих животных шагах в десяти-двенадцати от меня; это оказались трое из пяти моих сторожей. Один из них обратился ко мне на обычном смешанном наречии:

— Откуда едешь?

— С асиенды Арройо, — ответил я, слегка изменив голос, что мне было нетрудно, так как платок наполовину прикрывал мой рот.

— И куда направляешься?

— К Большому Рту, вождю храброго племени юма.

— А как выглядит теперь асиенда?

— Она разрушена, просто полностью уничтожена.

— Кем?

— Индейцами-юма.

— И ты едешь к ним? Чего же ты ищешь у них?

— Хочу договориться с ними о стадах, которые они угнали.

— И о чем будут переговоры?

— Я послан асьендеро, который готов откупить свой скот, и вождь юма может через меня назначить ему цену.

— Твои труды напрасны, потому что вождь не продаст стада.

— Откуда вы это знаете?

— Мы принадлежим к его воинам.

— Тогда вы, конечно, должны знать, что он захочет сделать, а что — нет; но я все-таки хочу поговорить с ним, потому что обязан выяснить все до конца.

— Похоже, ты не знаешь, как это опасно. Воины-юма выкопали топор войны с белыми людьми.

— Я слышал об этом, но ничуть не беспокоюсь, потому что роль посла гарантирует мне неприкосновенность. Где разбили лагерь воины-юма, нападавшие на асиенду?

— Об этом ты не должен знать, потому что не надо ездить так далеко. Если ты подождешь тут или медленно поедешь по нашим следам, то очень скоро увидишь вождя во главе пятидесяти его воинов.

— Благодарю тебя. И всего тебе наилучшего!

Я сделал вид, словно собирался ехать дальше, хотя знал, что они хотели бы задать мне еще много вопросов. Как раз эти-то вопросы и были мне интересны, потому что по ним я надеялся догадаться о том, что хотел узнать.

— Стой! Подожди-ка! — раздался требовательный голос. — Ты, значит, говорил с асьендеро?

— Разумеется! Как иначе я мог бы стать его полномочным представителем!

— И он находится на дороге в Урес вместе с неким бледнолицым по фамилии Мелтон?

— Бледнолицего по фамилии Мелтон я не видел.

— А может быть, ты встретил еще одного белого по фамилии Уэллер или его сына?

— Нет, таких я не встречал.

— Так, может быть, ты не видел и отряда наших воинов, которыми два дня назад эти бледнолицые были взяты в плен?

— Нет. Я видел только асьендеро и говорил лишь с ним.

— Где?

— На развалинах его дома. Я приехал на асиенду, чтобы отдать долг. На эти деньги он и хочет выкупить скот. Он попросил меня догнать юма и обговорить сделку.

— А у кого сейчас деньги — у тебя или у него?

— У него, разумеется.

Они до сих пор еще не узнали меня и озадаченно переглядывались. Говоривший со мной индеец задумчиво произнес, вовсе не обращая на меня внимания:

— Что-то должно было произойти! Асьендеро еще здесь, а других бледнолицых почему-то с ним нет! И наших воинов не видно, хотя они должны возвращаться к нам! Он хочет выкупить скот, и у него есть деньги! Тогда все может пойти по-другому! А где же находятся чужеземные бледнолицые, которых вместе с женами и детьми ожидали наши братья, чтобы увести их в горы?

Другие недоуменно качали головами, а говоривший снова повернулся ко мне:

— А не встречал ли ты недалеко отсюда двух всадников?

— Да. Белого с юным индейцем.

— Как был одет белый?

— В какую-то рваную одежду.

— А какое оружие у него было?

— Я видел два ружья.

— Все сходится. Собака-мимбренхо привез ему ружья!

Это он сказал как бы про себя. Потом он стал расспрашивать меня дальше:

— Они ехали очень быстро?

— Нет, — ответил я, потуже натягивая повод, чтобы отъехать на несколько шагов. — Они вообще отдыхали.

— Где?

— Да вон там, за кустами.

— Уфф! Тогда мы должны быстро возвращаться, потому что длинное ружье бледнолицего достанет досюда — ведь это медвежебой. А короткое ружье его стреляет без передышки. Поехали с нами! Мы вернемся назад, где ты сможешь увидеть вождя и переговорить с ним.

— Мне не к спеху. Подождите немного! Мне бы хотелось кое-что от вас получить.

— Что?

— Ваше оружие и ваших лошадей.

— Зачем? — спросил он, удивленно разглядывая меня.

— Затем! — ответил я, сдвигая левой рукой платок с лица, а правой наводя на них штуцер. — Вы сами сказали, как я могу метко стрелять из этого ружья. Кто из вас сдвинется с места, немедленно получит пулю. А там, в зарослях, стоит мимбренхо с моим медвежебоем, пули которого могут долететь досюда и даже дальше.

Они застыли на месте, но не вследствие моего приказа, а от ужаса, уставившись в мое не закрытое платком лицо.

— Уфф! — выдавил из себя говоривший. — Это же Олд Шеттерхэнд!

— Олд Шеттерхэнд, Олд Шеттерхэнд! — растерянно пробормотали остальные.

— Да, Олд Шеттерхэнд, — кивнул я, все еще направляя дуло ружья на них. — Не оборачиваться, иначе стреляю! Вы хотели поймать меня, а теперь сами оказались в ловушке. Но я отпущу вас на свободу и даже разрешу вернуться к вашему вождю. Отдайте ружья!

Они держали свое допотопное оружие в руках, выставив стволы вперед, как это обычно делают индейцы при встрече с чужими, однако ружья не были заряжены. Они не осмелились пустить оружие в ход, но повиновались приказу не сразу.

— Быстрее, иначе буду стрелять! Мне некогда ждать! — приказал я им. — Раз… два…

Я не сказал еще «три», как они выпустили ружья из рук.

— Слезайте с лошадей и отойдите в сторону!

Они повиновались из страха перед моим ружьем.

— А теперь бегом назад! Кто оглянется, пока он будет в поле моего зрения, получит пулю!

Они мигом пустились прочь. Смешно было глядеть, как они перетрусили. Когда я был у них в плену, лежал закутанным в одеяло, они насмехались и издевались надо мной; теперь же они бежали как зайцы.

Мне совсем не надо было ждать, пока они скроются, потому что я был убежден, что они не обернутся. Я спешился, чтобы подобрать их ружья и успокоить индейских лошадей, которые без хозяев стали проявлять беспокойство. Тут я увидел, как из кустов галопом летит мой мимбренхо, чтобы помочь мне.

— Уфф, уфф! — закричал он еще издалека. — Олд Шеттерхэнд — великий колдун; ему все удается, даже трудные дела!

— Но это было нетрудно сделать, — возразил я.

— Обезоружить без боя троих врагов да еще отобрать при этом у них лошадей? И это пара пустяков! Кто бы об этом подумал! Когда ты сказал, что хочешь с ними вести переговоры, я очень беспокоился за тебя!

— Но у меня же был союзник!

— Да, был, потому что я стоял с твоим медвежебоем, однако держать его я не смог, а вынужден был положить на развилку сучьев; я был готов стрелять сразу же, если бы они осмелились защищаться.

— Это было очень смело с твоей стороны, хотя вряд ли бы это понадобилось. Но я-то имел в виду другого союзника — неожиданность, которая весьма помогла мне. Однако сейчас нам пора уезжать, потому что в любой момент могут появиться их товарищи.

Мы привязали три ружья к лукам седел отобранных лошадей; мимбренхо взял одну из них за повод, я — двух других, и мы поехали прочь, сначала медленно через кустарник, а потом, когда выбрались на свободное пространство, пустили лошадей в галоп. Но такая скорость необходима была нам только до тех пор, пока мы не отъехали на достаточно большое расстояние, где почувствовали себя в безопасности. Когда кусты, в которых мы скрывались,

стали темной полоской на горизонте, мы остановились, причем я сделал это с расчетом. Нам ведь надо было заманить преследователей за собой, а значит, время от времени мы должны были им показываться, чтобы они не упустили нас из виду.

Когда мы спокойно сидели в седлах, я заметил, что мимбренхо украдкой бросает на меня вопросительные взгляды, и догадался о его желании узнать, о чем это я говорил с тремя воинами-юма. Я рассказал ему. Будучи ребенком, он не мог требовать от меня такого доверия, тем более он был горд, оттого что я передал ему содержание разговора. Когда я закончил, он задумчиво посмотрел, а потом сказал:

— Находясь рядом с Олд Шеттерхэндом, час от часу все больше набираешься опыта. То узнаешь о воинских хитростях, то услышишь, как надо вести себя, чтобы выведать от кого-то такие вещи, какие он никому говорить не должен. Теперь мы знаем почти все!

— О, еще далеко не все! Главное еще остается сокрытым от нас.

— Олд Шеттерхэнд сообщит мне, как обстоят дела?

— Охотно. Прежде всего мы знаем, что нас преследует пятьдесят человек под руководством вождя. Что из этого следует?

— Что до возвращения этой полусотни ни стада, ни раненые не сдвинутся с места, а останутся все на прежнем месте.

— Верно! Еще нам известно, что Мелтон и оба Уэллера свободны, что асьендеро также выпущен из плена, что даже белые чужеземные переселенцы отпущены.

— Разве этого недостаточно?

— Нет.

— Но ведь ты, собственно, только хотел спасти их! Теперь они свободны.

— Свободны, но где они находятся? Братья юма, а значит, какие-то другие юма, должны увести их в горы. Это мне кажется подозрительным. Какие горы имелись в виду? Что они должны там делать? Они же оставили родину и приехали сюда, чтобы работать на асиенде Арройо. Зачем же их отправили в незнакомые горы, да еще вместе с враждебными индейцами?

— Этого я не могу сказать, — ответил мальчишка со смешной прямотой.

— Не печалься особенно, потому что и я этого не знаю, но не успокоюсь, пока не выясню все до конца. Дальше: асьендеро собирался с Мелтоном в Урес. Что им там нужно? В других обстоятельствах я посчитал бы такое путешествие крайне непродуманным начинанием; однако Мелтон договорился с индейцами, уговорил их напасть на асиенду, ограбить ее и превратить в пепел. Теперь же с разоренным вконец владельцем он скачет в Урес, а тем временем наемные рабочие асьендеро, тоже потерявшие все свое скудное добро, уходят с индейцами в горы. Асьендеро нужен там, где находятся переселенцы; почему же они разделились?

— Ты рассчитываешь узнать об этом?

— Да. Как только мы спасем стада, я сразу же отправлюсь в Урес. И, наконец, где же теперь находятся юма, которых отрядили для охраны плененных белых? Если пленники действительно свободны, то стражники могли бы вернуться к своему вождю. Им же можно было ехать быстро, тогда как мы продвигались вперед медленно; значит, они могли бы уже быть здесь.

— Возможно, еще сегодня мы встретим их!

— Да, это вполне вероятно, и поэтому мы должны быть осторожными, чтобы не попасть им в руки. А ну-ка, оглянись! Обнаружил ли ты наших преследователей?

— Да, вижу, они остановились возле кустарника. Ты думаешь, они нас тоже заметили?

— Да. Они должны видеть нас так же хорошо, как и мы их. Смотри! Они поскакали к нам галопом. Придется нам продолжить свой путь, так как теперь они взяли след, и им в голову не придет поворачивать назад.

Мы пустились вскачь по слабо всхолмленной равнине, потом проехали по каким-то долинам между невысоких гор и снова выбрались на равнину. Там находился лес, в котором мы останавливались на пути от асиенды; добраться до него мы должны были к вечеру. Конечно, мы ехали по совсем другой дороге, чем раньше, на ней были заметны следы стада. Этот след стада был настолько широк, что его можно было с полным правом назвать проезжей дорогой.

Время шло; солнце все ниже опускалось по западной стороне неба. Оно почти достигло горизонта, стало быть, мы находились теперь уже недалеко от леса. Тут мальчик показал вытянутой рукой вперед и крикнул:

— Смотри, вон едут юма, которые сопровождали пленных бледнолицых; нам нельзя допустить, чтобы нас увидели!

Он был прав; по меньшей мере — относительно появления всадников. Они плотно сбились в кучу, и на большом расстоянии нельзя было разглядеть, сколько же индейцев ее составляют. Конечно, с большой долей вероятности можно было предположить, что мы повстречались со следующими за своим вождем воинами-юма; поэтому мы свернули направо и пустили своих лошадей вскачь. Я предположил, что встречные нас не заметили.

Но это оказалось не так, потому что, как только мы свернули в новом направлении, я несколько раз оборачивался и увидел, что один-единственный всадник, казавшийся, конечно, всего лишь маленькой точкой, отделился от отряда и поскакал к нам. Я не учел освещения от низко опустившегося солнца. Его яркие лучи светили тем всадникам в спину, а нас они освещали спереди; поэтому индейцы нас и заметили. Однако меня успокоило то обстоятельство, что кучка всадников продолжала свой путь, а к нам был выслан только один человек, которому, судя по всему, не удастся нас настигнуть.

Отряд теперь двигался медленнее, облегчая уехавшему возможность возвращения. Всадники ехали с запада на восток, а мы сказали с юга на север, и притом галопом. Стало быть, направления наших перемещений образовывали прямой угол или две стороны правильного четырехугольника, по диагонали которого и двигался одинокий всадник. Выходит, ему надо было проделать куда более длинный путь, и оттого было просто удивительно, как быстро он приближался к нам. Я вначале просто не верил, что он при нашей скорости сможет нас настичь, однако его фигура вскоре стала отчетливой, и он довольно быстро приближался, так что я вынужден был признать свою ошибку. Если вначале он казался только маленькой точкой, то очень быстро вырос до размеров тыквы; потом стали видны детали. Его лошадь вначале была с маленькую собачку, потом — с овчарку, дога; она становилась все больше и больше, приближалась все ближе и ближе, хотя мы своей скорости не уменьшили. Мой спутник много раз выкрикивал удивленное «уфф», да и я был столь же поражен невероятным проворством этого скакуна.

В других странах, на севере и в тропиках, я не только видел породистых скакунов, но и сам ездил на них; здесь же, в Северной Америке, мне были известны только два коня, способные на такой бег, который скорее можно уже было назвать полетом — это были вороные, на которых так часто пересекали прерию Виннету и я.

Виннету! Я невольно придержал лошадь и приставил ко лбу ладонь, чтобы лучше видеть против солнца. Лошадь одинокого всадника была вороной масти; ноги ее работали так, что их даже не было видно. Вокруг тела всадника сверкало светло-красное сияние; темный шлейф клубился за ним, а потом я заметил светлые искорки, мерцавшие на стволе его ружья. Сердце мое забилось от радости. Красное сияние шло от накидки-сантильи, которую Виннету носил вместо шарфа; темный шлейф представлял собой его длинные черные волосы, которые он никогда не стриг и не прикрывал головным убором; искорки же отбрасывали блестящие шляпки гвоздей, которыми было оббито ложе его знаменитого Серебряного ружья, наводящего ужас на

врагов.

Я был одет по-мексикански и сидел, если сравнивать с его благородным скакуном, на жалкой кляче; стало быть, он меня не узнал. Но он знаком был с голосом моего ружья, как и я ни с чем не мог спутать звонкий голос его Серебряного ружья, так что не раз мы в дикой чаще находили друг друга с помощью своего оружия. Он был еще достаточно далеко, и я не мог разглядеть его лицо; тогда я взял свой медвежебой и выстрелил. Успех был поразительным. Всадник посреди ventre a terre[66] рванул своего скакуна назад, так что он взвился на дыбы и почти опрокинулся; потом он погнал коня дальше, встал в стременах и торжествующим голосом закричал:

— Чарли! Чарли!

Мое немецкое имя Карл он всегда произносил на английский манер.

— Виннету, н’чо, н’чо![67] — ответил я, направляя к нему свою лошадь.

Он подъезжал, похожий на полубога. С гордо поднятой головой, он красовался на летящем вороном, опустив на колени разукрашенный приклад своего Серебряного ружья. Его благородное загорелое лицо с почти римскими чертами сияло от радости, глаза его блестели. Я соскочил с лошади. Он даже не дал себе труда придержать бег своего коня; осторожно уронив ружье на землю, он легко выскользнул из седла, когда вороной проносил его мимо меня, и попал прямо в мои широко расставленные руки, все снова и снова прижимая меня к себе и раз за разом целуя.

Да, мы были друзья — в полном значении этого слова, а ведь когда-то считались смертельными врагами! Его жизнь принадлежала мне, а моя ему; и этим все сказано. Мы так давно не виделись; и вот теперь он стоял передо мной в хорошо известной мне полуиндейской одежде, так шедшей к нему. Когда время объятий прошло, мы все продолжали пожимать и трясти друг другу руки. Тем временем его жеребец пробежался по дуге и, подобно верной собаке, вернулся к хозяину. Конь услышал мой голос, радостно заржал, приложился мордой к моему плечу, а потом ткнулся губами мне в щеку.

— Смотри, он еще помнит тебя и тоже целует! — засмеялся Виннету. — Олд Шеттерхэнд известен как друг всех людей и животных, а поэтому они не забывают его.

При этом взгляд его упал на мою лошадь, и обычно такое серьезное лицо его осветилось улыбкой.

— Бедняга Чарли! — сказал он. — Где это ты был, что на твою долю досталась эта кляча. Но уже сегодня ты сядешь на достойного тебя коня.

— Как это? — быстро спросил я. — С тобой Хататитла?

Хататитла, «Молния» — было имя того жеребца, на котором скакал я, тогда как Виннету назвал своего Ильчи, «Ветер».

— Я ухаживал за ним, — ответил он. — Конь еще молод; как прежде, у него огневой нрав, и я взял его с собой, потому что ожидал тебя.

— Великолепно! На таких конях мы победим всех врагов. Но как это ты попал в Сонору, раз мы договорились встретиться выше по реке?

— Мне пришлось поехать к некоторым племенам пимо, чтобы разрешить их споры; при том я подумал о своем храбром брате Налгу Мокаши[68], вожде мимбренхо, которого я очень долго не видел. Я стал его разыскивать, а когда меня приняли у его костра, то вернулся его младший сын со скво, но без старшего брата. Он сообщил, что произошло, и сказал, что ты просишь помощи у мимбренхо против их врагов юма. Мы сразу же собрали сотню и еще пол сотни воинов, взяли с собой на много дней сушеного мяса и выступили в поход через три часа после того, как пришло известие от тебя. Доволен ли Олд Шеттерхэнд моими действиями?

— Замечательно! Я благодарен моему брату Виннету! Но с вами ли вождь, мой друг?

— Как же мог он остаться, если зовет Олд Шеттерхэнд, с которым он раскурил трубку дружбы, а сейчас спас от смерти троих его детей! Он взял с собой и младшего сына, который не пожелал оставаться в вигваме, потому что его старший брат находится рядом с тобой. Нам надо многое сказать друг другу, но ты садись в седло, чтобы поскорее поприветствовать Сильного Бизона и его воинов!

Охотнее всего я теперь сказал бы ему самое необходимое и порасспросил его о главном; но это было бы против его обыкновения. Итак, мы опять оказались в седле. А мимбренхо тем временем уже проехали то место, где я свернул к северу. Виннету выстрелил из своего Серебряного ружья, и его резкий звук долетел до них. Индейцы увидели, как мирно мы встретились, и остановились. Мы поехали к ним, а маленький мимбренхо, не осмелившийся вставить ни одного слова при нашем разговоре, поехал за нами; он смотрел на Виннету, знаменитого вождя апачей, восхищенными, я бы даже сказал, полными преданности глазами.

Издалека было трудно пересчитать мимбренхо; теперь, когда мы к ним приблизились, я увидел, что их и впрямь около полутора сотен. Все они были хорошо вооружены. Перед ними гарцевал Налгу Мокаши, Сильный Бизон, мой верный, хотя и суровый, старинный друг. Они раскрасили свои лица желтыми и темно-красными полосами, цветами войны, что доказывало, насколько серьезно они восприняли мою просьбу о помощи.

Вождь, высокорослый, костистый, сидел на коренастой буланой лошадке. Исполненный ожидания, он смотрел на нас; он не узнал меня на расстоянии, потому что еще не видел в мексиканском наряде. Но когда мы подъехали достаточно близко, то я, несмотря на краску, покрывавшую его лицо, увидел, что черты его выражают радостное изумление.

— Уфф, уфф! — закричал он. — Да это же Олд Шеттерхэнд, наш дорогой друг, которого я не видел столько лун! Мы прибыли, чтобы противостоять вместе с ним собакам-юма!

Индейцы привыкли владеть своими чувствами, но радость мимбренхо была так велика, что они разразились громкими криками. Сильный Бизон соскочил с лошади, чтобы поприветствовать меня. Он ожидал от меня того же. По индейским обычаям, мы должны были здесь же спешиться, чтобы прямо на месте раскурить трубку мира, но я остался сидеть на своей лошади и только протянул ему руку, затем обратился к нему как можно сердечнее:

— Я от всей души рад приветствовать Сильного Бизона и его храбрых воинов, которым мог бы с охотой рассказать о многом и о многом расспросить, но мы должны немедленно оставить это место, потому что здесь с минуты на минуту должны появиться юма. Таким образом, отряд должен повернуться и поехать назад.

— Эти собаки идут по твоим следам? Мы подождем их здесь и лишим всех жизни!

— Если мы останемся здесь, то они, как только нас увидят, мигом удерут. Поэтому вождь мимбренхо должен послушать моего совета. Если мы быстро поедем в лес, мимо которого ваш отряд только что проехал, то там мы сможем спокойно выждать, не опасаясь, что они нас увидят. Они, правда, заметят следы моих краснокожих братьев, но они не сумеют их как следует прочесть, потому что мы сумеем их скрыть.

Прежде чем он смог ответить на мои слова, я получил поддержку от одного, очень мне дорогого существа. За спинами всадников раздалось громкое ржание. Именно там один индеец держал за повод коня, приведенного моим другом Виннету для меня. Он услышал мой голос, в тот же миг узнал его и теперь стремился вырваться и подбежать ко мне.

— Хататитла! — закричал я. — Отпустите коня!

Это требование выполнили. Умное верное животное подскочило ко мне, обнюхало меня, пофыркивая, а когда я погладил его гибкую, лоснящуюся шею, конь несколько раз ткнулся в меня мордой, а потом остановился рядом со мной.

— Уфф, уфф! — закричали индейцы, столь же тронутые преданностью животного, как и я. Да, это была моя Молния, вынесшая меня из многих опасных схваток, и своим умом и несравненной быстротой не раз спасавшая мне жизнь. Конь выглядел таким же свежим, а его большие разумные глаза поблескивали так же живо, как и прежде. На нем было все то же индейское седло, в котором я ездил в свое время. Я вскочил в седло и еще не успел удобно усесться, еще не вдел ноги в стремена, а животное уже пустилось вскачь. Конь радостно пробежался, описывая полные круги и гарцуя и поднимаясь на дыбы. Ненадолго я дал коню полную волю, но, когда я сжал его шенкелями, он сразу же стал послушным и остановился перед Виннету и Сильным Бизоном, который к тому времени тоже оказался на своей лошади.

— Мой брат Олд Шеттерхэнд видит, что он не забыт даже своим жеребцом, — проговорил Виннету. — Как же часто должны были вспоминать о нем люди, с которыми он общался! Я расскажу ему, что случилось во время его отсутствия на Диком Западе. Но нам придется подождать, пока мы не усядемся у мирного костра в нашем лагере. Теперь же нам не стоит медлить, чтобы юма не могли нас увидеть. Каково расстояние между Олд Шеттерхэндом и ними?

— Возможно, такое маленькое, что они могут каждое мгновение показаться на горизонте.

Любой другой прежде всего спросил бы о численности врага, но храброму Виннету это даже в голову не пришло. Он размотал лассо, привязал его к своей накидке-сантилье, чтобы волочить за собой, а потом дал воинам знак сделать со своими покрывалами то же самое. Волоча эти покрывала или что-нибудь им подобное, можно было затереть следы, ну, конечно, не так, чтобы они исчезли полностью. Тот, кто пойдет по этому пути позже, заметит, пожалуй, что перед ним здесь проследовали люди, занимавшиеся из предосторожности уничтожением своих следов, но самое главное, что он уже будет не в состоянии определить их число. Юма должны будут увидеть наши следы, но не смогут ответить на вопрос, сколько нас было.

Мы продвигались дальше легким галопом. Я ехал между Виннету и Сильным Бизоном. — Последний и взглядом не удостоил своего старшего сына, хотя в данных обстоятельствах он должен был понимать, что на долю мальчишки выпало много испытаний. Такова уж натура индейца. Конечно, вождь мимбренхо любил своего сына ничуть не меньше, чем любой из белых отцов, но если бы он выдал свою заботу о сыне хотя бы одним словом, хотя бы одним вопросом, то это было бы расценено как признак слабости, как отсутствие мужественности.

Скоро в стороне от нас показался долгожданный лес. Мы держались так, что лес оставался от нас справа. Нам надо было укрыться от глаз юма и спокойно поджидать их в нашем убежище. Деревья обеспечивали нам свою защиту, и мы, обогнув выступающий клин леса, остановились за ним.

И здесь снова проявилось то могучее влияние, которое Виннету, сам того не сознавая, оказывал на всех, с кем он общался. Сильный Бизон и многие его люди внешне выглядели куда солиднее Виннету, и тем не менее, когда мы остановились, все посмотрели на апача, ожидая, какие распоряжения он отдаст. Его считали предводителем краснокожих, хотя об этом никогда не было сказано ни слова, а сам Виннету даже не принадлежал к их племени. И все это совсем не задевало самолюбия Сильного Бизона, не обижало его. Точно таким же воздействие Виннету было повсюду, даже у враждебных племен или среди белых, которые вообще вроде бы не намерены были подчиняться краснокожему.

А он не привык ничего предпринимать, во всяком случае — ничего важного, не посоветовавшись со мной. Конечно, кто хотел понять наши отношения, должен был наблюдать за поведением Виннету очень внимательно. Обычно разговоров между нами не было; для достижения полного согласия достаточно было обмена взглядами. Если этого оказывалось мало, в ход пускались движения рук, прищелкивание языком, кивки и покачивания головой и прочее.

Мы так внутренне сжились друг с другом, что один уже заранее предугадывал мысли другого.

Когда мы оставались одни, то могли проходить часы, а мы не обменивались ни словом. Даже внезапно обрушившаяся на нас опасность часто не вынуждала нас говорить; все наше общение сводилось к нескольким жестам. Однако если кто-то находился рядом с нами, мы вынуждены были становиться менее молчаливыми, так как приходилось говорить, чтобы нас поняли другие. Да, если мы предпринимали что-то для нас само собой разумеющееся, для окружающих это было непонятно или даже противоречило их мнению, так что Виннету без большой охоты пускался в подробные разъяснения, однако давал их не в пространных речах, а в форме вопросов и ответов. Такой, пусть даже очень короткий разговор обычно содержал какое-нибудь пояснение слушателям, которое они почтительно и молча принимали от знаменитого вождя апачей.

И когда теперь глаза всех, даже вождя, вопрошающе уставились на него, он обратился ко мне:

— Олд Шеттерхэнд считает это место подходящим?

Я кивнул головой и спрыгнул с лошади.

— Двоих часовых будет достаточно?

— Хватит и одного человека, пока не стемнеет.

— В таком случае воины-мимбренхо могут расседлать лошадей и пустить их попастись. Но Олд Шеттерхэнд и Виннету не станут разнуздывать своих жеребцов.

Он спешился и перебросил поводья через спину своего коня, то же самое я сделал со своим. Я видел, что его поведение вызвало всеобщее удивление. Мимбренхо считали, что здесь, в укрытии, мы должны находиться на лошадях, поджидая юма, чтобы потом сразу же обрушиться на них. Даже вождь был такого же мнения, потому что он спросил Виннету:

— Почему мой брат хочет отпустить лошадей на волю? Мы же должны, как только заметим юма, быстро оказаться в полной готовности к выступлению!

У губ Виннету наметилась хорошо мне знакомая складка, появлявшаяся у него как знак превосходства, но ответил он очень дружественно:

— Мой брат полагает, что юма появятся?

— Да, ведь Олд Шеттерхэнд сказал же об этом.

— Да, пожалуй, они появятся, но сюда не доберутся. Увидев наши следы, они сразу же повернут, но это будет обманный маневр. Скрывшись на востоке, они совершат обход, объедут лес и постараются напасть на нас с тыла — с запада. Значит, ждать нам их здесь придется долго, и лошади могут отдохнуть.

— Олд Шеттерхэнд такого же мнения? — спросил меня Сильный Бизон.

— Да, — ответил я. — Мой брат Виннету угадал мои мысли.

— Ну, а если враги все же поедут прямо сюда?

— Тогда бы им грозила верная гибель, поэтому они поостерегутся делать это.

Он недоверчиво смотрел на меня, а я продолжал:

— Ты полагаешь, что юма не заметили то место, где я встретился с вами?

— Они не слепые, значит, могли и видеть, но они не узнают, кто мы и сколько нас.

— Ты ошибаешься. По моим следам они поймут, что я добровольно направился к вам, а стало быть, вы должны быть моими друзьями. Они знают, что со мной твой сын, и легко могут догадаться, кто вы такие.

— Но как же они смогут определить нашу численность?

— В самом деле, они не смогут точно подсчитать воинов в отряде, но им, если они пораскинут мозгами, вполне по силам догадаться. Когда я подъехал к вам, твои воины держались друг подле друга и вытоптали копытами лошадей довольно большую площадку.

— Но мы же скрыли следы!

— Остался след от нашего топтанья на этой площадке, и он занимает тем большее место, чем больше там было людей. Если юма об этом не догадаются, то достойны будут только лишь носить одежду старых женщин, и я убежден, что ты поймешь это быстрее их.

Он почувствовал себя немного пристыженным, а поэтому ответил почти не задумываясь:

— Я давно знал это, а спрашивал лишь для того, чтобы ваши ответы смогли услышать мои воины. Но почему Виннету объявил, что твой конь и его должны оставаться под седлом?

— Он мне ничего не объяснил, и все же я знаю ответ на твой вопрос, потому что мысли апача перекликаются с моими. Он сказал, что юма попытаются застать нас врасплох, для видимости повернув назад, а на самом деле сделав обход. Он хотел бы наблюдать за юма и убедиться, что его предположение правильно, а я буду сопровождать его. Именно поэтому наши кони, самые быстрые в отряде, должны оставаться оседланными.

— Уфф! Оба моих брата правы; все может произойти так, как вы говорите.

Во время этого разговора Виннету уселся на землю, а я подсел к нему; Сильный Бизон занял место рядом с нами. Его люди отпустили лошадей и расположились кружком возле нас, наблюдая при этом, чтобы животные не выходили далеко за выступ леса, иначе их могли увидеть приближающиеся юма. Один из воинов отправился на самый край лесного выступа, чтобы там, скрывшись за кустами, высматривать появление врага.

Если бы среди мимбренхо не было меня и Виннету, то все бы они разошлись по наблюдательным постам. Они, правда, не давали заметить своего беспокойства, но по ним было видно, что внутренне мимбренхо были не так беспечны, как делали вид. Виннету, напротив, казалось, больше не думал про юма; они могли появиться в любую минуту, и апач хотел наблюдать за ними, однако он вытащил трубку мира, что означало начало церемонии приветствия, требующей обстоятельности и большой затраты времени. И я не очень удивился тому, что мимбренхо с удивлением посмотрели на него. Он же, словно не замечая этого, снял с пояса искусно вышитый кисет с табаком, набил украшенный перьями колибри калюме и проговорил, обращаясь ко мне:

— Мы должны поскорее исчезнуть, а поэтому не можем сразу же поприветствовать моего белого брата; но немного времени у нас есть, и он мог бы раскурить с нами трубку в знак дружбы и мира.

Когда он стал было поджигать табак, прибежал, запыхавшись, часовой и торопливо заговорил, словно мы оказались в крайне опасном положении:

— Юма подъезжают; я видел их! Они едут так быстро, что вот-вот будут здесь!

Окружавшие нас воины вскочили; вождь их тоже было собрался подняться, но Виннету строго одернул говорившего:

— Как мимбренхо посмел помешать Виннету, который собирался раскурить трубку мира! Что важнее — священный дым калюме или появление нескольких собак-юма, которые сейчас же испугаются и от страха повернут назад?

Часовой стоял как громом пораженный, низко опустив голову. А Виннету добавил:

— Мимбренхо может вернуться на свое место и наблюдать за врагами; позднее, когда мы поприветствуем Олд Шеттерхэнда, он сообщит мне, что они исчезли!

Часового как ветром сдуло, а его товарищам ничего не оставалось делать иного, кроме как снова усесться, хотя скрыть свое возбуждение им было вовсе нелегко. Вождь, пожалуй, радовался в глубине души, что не вскочил вместе со всеми и не скомпрометировал себя в наших глазах.

Так уж был уверен Виннету в удаче! Однако все-таки оставалась возможность, что юма, не задумавшись, продолжат свой путь; конечно, в таком случае они не застанут нас врасплох, но

они могут нарушить церемонию, свертывание которой считается плохой приметой и почти что позором для воинов.

Раскуривание трубки мира так часто описывалось, что я, пожалуй, могу не делать этого здесь; но я должен упомянуть, что прошло немало времени, прежде чем повторно наполненный и зажженный калюме не совершил полное путешествие через множество рук, из губ в губы. Виннету, Сильному Бизону и мне пришлось, стоя, обратиться к окружающим с речами. Мы делали по шесть затяжек из трубки, выпуская дым то к небу, то в землю, то по четырем сторонам света; простым воинам дозволено было затянуться только дважды, выпуская дым в лицо своим соседям слева и справа.

Лишь двое мимбренхо не смогли принять участие в церемонии: это были сыновья вождя. Они не входили в число воинов, у них не было даже имени, и они стояли вдали от сидевших по кругу взрослых членов племени. Принятие в ряды воинов, как уже говорилось, ограничено рядом условий, от выполнения которых позволено отказаться только в очень редких случаях. Столь же обстоятельный церемониал совершается в тех случаях, когда молодой воин в первый раз должен выкурить трубку мира. Собственно говоря, он сам должен достать для этого священную глину из Красных карьеров; живущие в южных районах племена, конечно, могут не выполнять это условие, однако у них придуманы другие задачи, выполнить которые вряд ли легче.

Человек, принимающий на себя риск обойти эти требования, должен носить великое имя и быть очень уважаемым в своем племени: он подвергается опасности потерять жизнь или, по меньшей мере, быть навсегда изгнанным. Тем не менее я решил рискнуть и полагал, что вряд ли меня ждет неудача.

Речь шла о старшем сыне вождя, проявившем недюжинную храбрость. Он был убежден, что при мне быстрее, чем где-либо, сможет получить имя, и, пожалуй, он не ошибся.

Когда Виннету принял трубку у индейца, последним сделавшего затяжку, и хотел повесить кисет назад на пояс, я взял у него из рук и то и другое, сказав:

— Мой краснокожий брат позволит мне взять его калюме. Тут есть некто, не сделавший ни затяжки из трубки, хотя он достоин получить ее в руки одним из первых.

Конечно, мои слова вызвали удивление, но не слишком большое, потому что мимбренхо подумали, что я имел в виду часового, который сейчас находился на острие лесного клина, а значит, не мог сделать затяжку из трубки мира. Им только показалось странным, что я упомянул о нем как об одном из самых достойных воинов. Может быть, предполагали индейцы, я думал не только о нем?

Я же набил трубку, встал, вышел из круга воинов, взял мальчика за руку и повел его на мое место в кругу» [a] потом, поворачиваясь во все стороны, сказал:

— Вот здесь стоит Олд Шеттерхэнд. Мои краснокожие братья могут слушать и видеть все, что он говорит и делает. И пусть тот, кто с ним не согласится, выйдет с ним на бой не на жизнь, а на смерть!

Наступила глубокая, напряженная тишина. Взгляды всех присутствующих были прикованы ко мне и мальчику. Рука маленького индейца дрожала в моей; он догадывался, что приближается важный момент.

— Мой юный брат должен смело и не задумываясь исполнять все, что я ему скажу!

Эти слова я прошептал ему прямо в ухо, а он, также шепотом, ответил:

— Я буду исполнять все, что мне скажет Олд Шеттерхэнд!

Я зажег трубку, сделал первую затяжку, выпустил дым в небо и сказал:

— Это облако священного дыма летит к Маниту, великому, доброму духу, знающему про все мысли и дела старейших воинов и совсем незрелых юношей. Вот здесь сидит Налгу

Мокаши, знаменитый вождь воинов-мимбренхо; я его называю своим другом и братом, а моя жизнь стала его собственностью. А рядом со мной стоит его сын, по годам еще мальчик, но по делам уже опытный воин. Я приглашаю его последовать моему примеру и послать священный дым калюме великому Маниту.

При последних словах я передал мальчику трубку. Он сейчас же поднес ее ко рту, глубоко затянулся, а потом выпустил дым в меня. С моей стороны это было дерзостью, с его — рискованным поступком, за который, конечно, не он, а я должен нести ответ. Результата ждать долго не пришлось. Такого еще никогда не случалось; мальчишка без имени курит трубку мира! Индейцы встали, поднялся громкий шум. Вождь тоже вскочил и, вытаращив глаза, уставился на меня. Только Виннету по-прежнему спокойно оставался на месте. Его медного цвета лицо, подобное маске, не выражало ни признаков одобрения, ни следов осуждения. Я знаком восстановил молчание, снова взял в руки трубку, сделал уже упомянутые пять затяжек и отдал назад мальчику, который, решившись на все, быстро вдохнул столько же раз священный дым. Тут уже раздались вопли, гневные выкрики слышались со всех сторон. То, что я сделал, посчитали преступлением против священных обычаев племени. Глаза всех воинов с гневом смотрели на меня; в воздух поднимались кулаки, вытаскивали ножи, а среди услышанных мною выкриков особенно часто повторялся один: «Мальчишка, у которого еще нет имени!»

Вождь также был против меня, хотя речь шла о его собственном сыне. Он взял мальчишку за плечо, оттолкнул его от меня и крикнул:

— На что осмелился Олд Шеттерхэнд! Если бы это был кто другой, я убил бы его на месте! Давать калюме мальчишке, не имеющему даже имени, да за это полагается смерть. Племя будет судить тебя, хотя ты и назван моим другом и братом. У меня нет такой власти, чтобы защитить тебя.

Как только он начал говорить, его люди успокоились. Они захотели выслушать, что скажет вождь. Теперь по рядам воинов прошел одобрительный ропот. Мальчик сейчас стоял возле отца, но, несмотря на угрожающие позы воинов, он с доверием смотрел на меня. Я как раз собирался дать ответ, но тут поднялся Виннету, махнул рукой, окинул своим властным взглядом лица воинов, одного за другим, и сказал звонким голосом, разносившимся очень далеко, даже тогда, когда он его не напрягал:

— Это у Сильного Бизона нет власти, чтобы защитить Олд Шеттерхэнда? А кто говорил, что нужна эта власть? Если бы необходима была защита, то Виннету бился бы за своего белого брата; но кто же осмелится сказать, что Олд Шеттерхэнд не сможет себе помочь сам? То, что он сделал, можно назвать редким, необычным поступком, но он сможет ответить за свои действия. Тот, кто не имеет имени, отлучается от трубки мира. Но точно ли у этого мальчика нет имени? Спросите Олд Шеттерхэнда! Он знает об этом лучше, чем воины-мимбренхо!

Его проницательность вела его по верному пути; мне бы и не пришло в голову протягивать мальчику трубку мира, если бы я уже не подготовил для него имя.

— Вождь апачей прав! — крикнул я громко. — Чью трубку мы раскурили? Его! Кто же имеет право упрекать меня? Только он сам! Он это сделал? Нет, потому что он знает меня и понимает, что Олд Шеттерхэнд никогда ничего не делает не подумав. Разве тот, кого вы называете ребенком, принадлежит к чужому или даже враждебному племени? Нет, он же ваш кровный брат! Значит, вы должны были бы гордиться, что Олд Шеттерхэнд разделил калюме с сыном вождя. Вместо этого вы пришли в ярость. Скажу вам, что вы меня очень удивили!

— Но у него нет имени! — закричали отовсюду, обращаясь ко мне.

— Кто это утверждает?

— Все, и я тоже! — ответил мне Сильный Бизон. — Это же мой сын, стало быть, я знаю, есть ли у него имя.

— Хотя я и не отец ему, но знаю это лучше. Как долго его с вами не было? Что произошло в это время? Какие дела он совершил? Ты об этом знаешь? Молчишь. Так скажи же мне здесь, перед этими воинами, имеет ли Олд Шеттерхэнд право давать кому-нибудь имя?

— Олд Шеттерхэнд имеет такое право.

— Чувствовал бы ты себя оскорбленным, получив от меня имя?

— Нет. Любой из воинов-мимбренхо охотно и с гордостью сменил бы свое нынешнее имя, чтобы получить новое от Олд Шеттерхэнда.

Тогда я снова взял мальчика за руку и громко крикнул:

— Вы слышали слова своего вождя; слушайте же теперь, что скажу вам я! Здесь стоит Олд Шеттерхэнд, а возле него — его юный друг и брат Юма-шетар. Он рисковал своей жизнью ради меня; я теперь отдам свою за него. Подойдите ближе! У него добытое у врагов оружие. Юма-шетар будет великим воином своего племени.

Юма-шетар переводится как «убивающий воинов-юма». Глаза моего юного друга сверкнули и увлажнились. Виннету подошел к нему, положил ему руку на плечо и сказал:

— Это гордое имя, Юма-шетар. Олд Шеттерхэнд дал его тебе, значит, ты его заслужил. Виннету радуется, что может назвать тебя Юма-шетаром; он — твой друг и охотно раскурит с тобой калюме. Дай мне его!

Он взял у мальчика трубку, закурил ее точно так же, как сделал перед тем я. Вождь стоял молча. Я видел, как дрогнули его губы. Лица мимбренхо совершенно изменились. Виннету пожал Юма-шетару руку, я взял мальчика за другую и сказал:

— Воины-мимбренхо видят здесь трех братьев, которые верны друг другу: Виннету, Юма-шетара и Олд Шеттерхэнда. «Убийца юма» подвергался вместе со мной смертельной опасности; он следовал за вражеским караваном, чтобы спасти меня, когда юма взяли меня в плен и я должен был умереть на столбе пыток. В час моего освобождения он был рядом со мной и убил двух вражеских воинов, которые пытались снова схватить меня. Он сопровождал меня до этого места, где мы сейчас находимся. Я видел его мужество в бою, его хитрость и осторожность при преследовании врагов. Многие опытные воины не смогли бы сделать того, что совершил он. Поэтому он — это я, а я — это он, и Виннету, вождь апачей, верный друг как мне, так и ему. Кто обижает его, тот оскорбляет нас обоих; если хочет, он может выйти вперед. Или можете выйти все вместе! Мы готовы постоять перед вами за его честь!

Тут уж старый вождь не смог больше удержаться. Он издал крик восхищения, выхватил из-за пояса нож и закричал:

— Юма-шетаром зовется храбрый воин — это мой сын; вы слышите это? Юма-шетар! Олд Шеттерхэнд, великий бледнолицый, дал ему это имя, а Виннету, знаменитый вождь апачей, считает его своим другом и братом. У кого из нас есть такое же славное имя? Кто смеет еще гневаться на то, что Олд Шеттерхэнд курил вместе с Юма-шетаром трубку мира? Кто? Пусть подойдет сюда, ко мне, и вытащит свой нож! Я вырежу его сердце из тела и брошу его вонючее мясо коршунам на съедение!

Несколько секунд длилось глубокое молчание; потом все разразились криками «Юма-шетар!», совершенно забыв о воинах-юма, находившихся где-то неподалеку. Они подошли ближе, чтобы пожать руку своему новому и самому юному товарищу. Их прежнее возмущение сменилось полным одобрением! Старый вождь взял меня за обе руки и хотел уже произнести благодарственную речь, но Виннету прервал его:

— Лучше, если мой брат выскажет позже, что чувствует его сердце; теперь для этого больше нет времени. День идет к концу, и становится темно. Вон стоит наш дозорный, он хочет что-то нам сказать. Пришло время идти наблюдать за врагами.

И в самом деле часовой уже не прятался в кустах, он вышел на свободное пространство

перед зарослями. Исходя из этого, можно было заключить, что ему больше нечего стало наблюдать, однако, получив недавно строгий нагоняй, он не осмеливался по своей воле покинуть пост. Только когда Виннету призывно махнул ему рукой, он подошел и сообщил:

— Юма появились и повернули почти сразу назад в том же направлении, откуда они пришли.

— Как близко они подходили?

— Двое разведчиков подходили близко и остановились на том месте, где мы встретили Олд Шеттерхэнда. Они подождали, пока не подойдут все юма, и они долго изучали вытоптанную площадку. Враги проехали еще немного, разглядывая наши следы; потом они медленно проехали назад.

Виннету кивнул ему, а потом повернулся к вождю:

— Сильный Бизон слышит, что я был прав. Юма отступили, но только для того, чтобы ввести нас в заблуждение. Воины-мимбренхо могут оставаться здесь, пока мы с Олд Шеттерхэндом не вернемся.

Мы оба вскочили в седла и ускакали, пока окончательно не стемнело и можно было, хотя и с большим трудом, различать следы копыт на земле. Итак, вперед, во тьму ночи, чтобы наблюдать за врагом, которого мы не могли видеть и о котором мы знали или предполагали только то, что его больше нет в том направлении, куда он удалился.

Как часто раньше я отправлялся в подобное же отчаянное предприятие, в заведомую пустоту, и всегда мы, ведомые изумительным инстинктом вождя апачей, прибывали в самое время! Я радовался тому, что сегодня его ошеломляющая проницательность еще один раз, после такого долгого перерыва, может восхитить меня.

Юма отступили на восток, но нам и в голову не пришло искать их там, потому что я, как и Виннету, был убежден, что они очень быстро опять изменят направление своего движения. Представьте себе лес длиной примерно в два часа конной езды и шириной примерно в полчаса. На южной его окраине, ближе к восточной оконечности, располагался кустарник, за которым мы оставили мимбренхо. Значит, надо было ожидать, что юма, переходя с восточного направления на западное, обогнут лес по его длинной северной стороне, потом свернут на юг и попытаются пройти по южной окраине, чтобы ударить с запада нам в спину. Мы хотели незаметно догнать их, поехать следом и наблюдать за ними. Поэтому мы сразу направились к юго-восточному углу леса, потом повернули на север и поскакали через лес, пока не добрались до северо-восточной оконечности. Там мы остановились.

До тех пор мы не разговаривали между собой; длинных речей и долгих объяснений вообще между нами не бывало. Теперь я отрывисто спросил:

— Ты дальше или я?

— Как захочет Олд Шеттерхэнд, — ответил апач.

— Тогда Виннету может поехать дальше; у него более острый слух, чем у меня.

— Слух Молнии поможет уху моего друга. Каким сигналом мы будем обмениваться?

— Только не обычным нашим сигналом, криком орла, потому что в темноте орлы не летают.

— Тогда Олд Шеттерхэнд мог бы подражать рыку пумы, которую без труда можно встретить в здешних краях по ночам!

Сказав это, он отъехал, причем так тихо, что даже не был слышен шаг его жеребца. Мы расстались, потому что не знали, будут ли юма держаться близко к лесу или же нет; поэтому кто-то из нас двоих должен был отъехать от леса подальше. Конечно, граница леса не была прямолинейной, она делала многочисленные изгибы, которым отряд юма наверняка не станет следовать. Используя свой опыт, мы должны были рассчитать предполагаемую линию их

продвижения. Если мы расположимся слишком близко или слишком далеко, то юма пройдут мимо нас, а мы их не заметим. И все же об этих трудностях мы не обронили ни единого слова, точно так же я даже не спросил, надо ли нам разделяться. Виннету понимал это как само собой разумеющееся, а потом каждый из нас вынужден был положиться, так сказать, «на кончик собственного носа».

Я медленно проехал еще немного, как я думал — далеко от леса, и оставил седло, чтобы улечься в траве. Конь мой тут же стал щипать траву.

— Хататитла, итешкуш![69] — приказал я вороному.

Конь тут же вытянулся в траве, прекратив ее жевать. Теперь шум вырываемой травы не мешал мне слушать. Я лежал возле самого коня, чтобы всегда держать его в поле зрения. Виннету сказал, что тонкость слуха Молнии поможет мне, и я знал, конечно, что в этом отношении могу положиться на своего вороного.

Умное животное лежало, повернув морду к востоку, откуда я ожидал юма. Время от времени конь вскидывал голову, медленно и осторожно внюхиваясь в ночные запахи. Прошло, видимо, с четверть часа, как вдруг тихое размеренное дыхание вороного сменилось более сильным сопением; он насторожил уши и весь напрягся. Я приложил ухо к земле, но ничего не услышал.

Конь зафыркал еще громче, но совсем не боязливо, как он непременно сделал бы при приближении хищника. Это приближались люди. Я положил руку на конские ноздри и нажал на них; при этом я был уверен, что животное не издаст больше ни одного звука, а если я вынужден буду стрелять, то не пошевельнется, и все это — благодаря индейской системе дрессировки, которой занимался с конем Виннету.

Хотя уже совсем стемнело, но видеть можно было на несколько шагов, и оставалось только пожелать, чтобы курс, которого придерживались подъезжавшие, не прошел как раз через мое убежище. И тут мои опасения по этому поводу почти оправдались. Я услышал глухой шум многих конских копыт; этот шум все приближался и приближался; люди, как казалось, ехали прямо на меня. Потом я увидел темную массу всадников и лошадей; я уже не мог встать и отодвинуться в сторону, потому что меня сразу бы заметили. Я тесно придвинулся к своему коню и прижал его ноздри к самой земле.

И вот юма, к счастью, проехали все же не так близко, как я сначала подумал. Первый всадник проследовал от меня шагах в тридцати; за ним двигались остальные, но не просто в затылок один другому, а продвигаясь по несколько человек в ряд. Я, разумеется, не видел лиц, да и фигуры-то различал смутно, но общее число всадников совпадало: это были именно юма.

Замыкали отряд двое, которые ехали несколько левее остальных, а потому миновали меня шагов на пятнадцать ближе. Тело моей лошади вместе с моим собственным образовывали выделяющуюся на невысокой траве массу, которую можно было заметить с такого близкого расстояния. Так оно и случилось… индейцы придержали своих лошадей и посмотрели в моем направлении. Они должны были что-то увидеть, но что? Если я останусь спокойно лежать, то они, разумеется, подъедут ближе. Я должен испугать их и прогнать. Лучшим способом для этого был обговоренный с Виннету сигнал. Конечно, они могут и в самом деле принять меня за кугуара[70] и выстрелить! Но я надеялся на то, что они не будут стрелять, потому что звук выстрела легко может быть услышан их врагами.

Один из всадников направил свою лошадь прямо на меня. Я полупривстал, изображая зверя, голосу которого я хотел подражать, и рыкнул коротко и злобно, словно собирающаяся защищаться пума. Послышался испуганный вскрик всадника, и он погнал свою лошадь назад; когда же я повторил рык, то оба быстро поспешили за своими товарищами. Сомнительная хитрость, слава Богу, удалась! Но как легко рычание пумы могло привлечь внимание всех юма!

Едва они удалились и я только что успел сесть на вороного, как подскакал Виннету.

— Где? — отрывисто спросил он.

— Впереди, они недалеко.

— Почему мой брат два раза рычал? Достаточно было бы и одного.

— Потому что юма увидели меня лежащим, и я вынужден был их испугать.

— Уфф! Тогда Олд Шеттерхэнду очень повезло.

Долгое время мы не говорили ни слова, а молча ехали за краснокожими. Нас было двое, а их так много. Хотя мы держались к юма так близко, что могли бы даже кое-кого узнать, они были не в состоянии нас увидеть. Шума конских копыт они, во всяком случае, не слышали.

Так мы продвигались два часа вдоль северного края леса; потом мы повернули к югу, вдоль западной опушки. Виннету высказал мою собственную мысль, словно подслушал ее:

— Они не знают, где находятся мимбренхо, а поэтому скоро остановятся и вышлют шпионов.

— Мой брат прав. Тогда мы быстро поскачем вперед, чтобы перехватить лазутчиков.

Вскоре мы добрались до юго-восточного угла леса; юма остановились, мы, естественно, сделали то же самое, только сначала проехали немного вперед, дабы избежать случайной встречи.

— Олд Шеттерхэнд мог бы подержать мою лошадь, — сказал тогда Виннету. — Я должен посмотреть, как юма ставят лагерь.

Он спрыгнул на землю и скрылся; я же остался, держась шагах в четырехстах от краснокожих. Я ничего не мог ни услышать, ни увидеть, потому что они опасались разжечь костер. Они, конечно, и не догадывались, что мимбренхо, которых они так опасались, находились от них на расстоянии добрых двух часов пути…

Глава четвертая
ВОЗМЕЗДИЕ

Виннету скоро вернулся назад; тем не менее он очень хорошо изучил место лагерной стоянки и заметил при этом, как послали двух лазутчиков.

— Ясное дело, мы их поймаем? — спросил я, но он не отвечал, считая само собой разумеющимся, что людей этих необходимо задержать.

Итак, мы, чтобы не быть услышанными, проехали еще немного по лесу, а потом свернули к южной его опушке, вдоль которой должны были пойти разведчики. Примерно через полчаса мы снова свернули в лес и спешились там. Привязав коней, мы прошли немного назад и залегли в подходящем месте. Судя по всему, двое краснокожих должны были пройти именно здесь.

Если бы такое действительно случилось, они бы не смогли уйти от нас, потому что мы должны были их увидеть заранее, так как тем временем стало светлее. Взошла луна, хотя мы ее и не видели, потому что она была скрыта кронами деревьев.

Подождать нам пришлось минут десять, прежде чем справа послышались шаги. Те, кого мы ждали, приближались, и притом они держались так близко к краю леса, что мы отчетливо видели их фигуры, хотя и не могли разобрать лиц. Они шли друг за другом. Фигура первого показалась мне знакомой; он был повыше своего шедшего позади товарища и шире его в плечах.

— Я беру первого, ты — второго, — шепнул я Виннету.

Индейцы приблизились и медленно проследовали мимо, осторожно вглядываясь перед собой. Мы выскочили в тот момент, когда они уже прошли нас. Я сделал два-три быстрых скачка, опередил замыкающего, свалив его мимоходом, чтобы облегчить задачу Виннету, а потом обеими руками вцепился в горло переднего индейца и опрокинул его на землю. Я быстро поставил свое колено ему на грудь, а когда приблизил лицо к распростертому лазутчику, то сразу его узнал. Это был Большой Рот, вождь юма, собственной персоной. Правую руку он нес на перевязи, и даже если бы я не схватил его крепко за шею, он не смог бы успешно обороняться одной левой рукой.

Всего один взгляд бросил я на Виннету, но этого было достаточно, чтобы увидеть, как кстати пришелся мой удар по второму индейцу. Виннету сидел у него на спине, связывая пленнику руки его же собственным лассо. Краснокожий был слегка оглушен и поэтому нисколько не сопротивлялся. Потом Виннету поспешил ко мне и, пока я держал вождя, снял у него с бедра лассо и связал его так же прочно, как только что перед тем проделал это со вторым разведчиком. При этом он, конечно, увидел лицо пленника и совершенно вопреки своему обыкновению изумленно воскликнул:

— Уфф! Видел ли мой белый брат, кого мы тут поймали?

— Да, — ответил я, только теперь освобождая горло Большого Рта. — Нам достался хороший улов.

Пленник смог теперь вздохнуть. Хлебнув побольше воздуха, он заскрежетал, буквально пожирая меня глазами:

— Олд Шеттерхэнд! Только злой дух мог привести тебя сюда.

— Не злой дух, а воин, которого ты видишь сейчас рядом со мной, — ответил я, указывая на апача. — Взгляни на него! Ты его узнаешь?

Как раз в этот момент луна вышла из-за верхушек деревьев и озарила своим светом нашу группу, причем особенно ярко — моего краснокожего друга.

— Неужели это Виннету? Уфф, уфф! Вождь апачей! — выдавил из себя юма.

— Да, ты видишь Виннету, — продолжал я. — Теперь ты, пожалуй, понимаешь, что не

сможешь на этот раз освободиться. Кто окажется в плену у Виннету, получает свободу только тогда, когда знаменитый апач сам добровольно отпускает свою добычу.

— Ошибаешься, — ответил с угрозой в голосе юма. — Через несколько минут я снова буду свободен.

— Как это?

— Меня освободят мои воины. Мы прошли вперед, а они идут за нами по пятам. Вы погибли. Однако если вы немедленно нас развяжете, я милостиво разрешу вам убежать.

— Это самые глупые слова, которые ты когда-либо произносил, — рассмеялся я.

— Я сказал правду, — стоял он на своем.

— Если бы ты говорил с неопытными людьми, твоя хитрость, может быть, имела бы успех; но перед тобой оказались Виннету и я; пытаться запугать нас таким нелепым способом — просто смешно. А что, есть у твоих воинов лошади или нет?

— У некоторых есть; тебе же это известно. Тем скорее они будут здесь.

— У вас есть лошади, но вы не едете на них и тем не менее опережаете всадников? Не считает же Большой Рот нас детьми! То, что вы идете пешком, а не едете верхом, сказало бы нам все, даже если бы мы сами не знали правду. Но мы знаем, что юма разбили лагерь и что вы двое отправились искать меня и мимбренхо. Вы — шпионы, а ваши воины не пошли за вами. Я думаю, что многие уже улеглись спать.

— Ты меня оскорбляешь! Как можешь ты считать вождя шпионом?

— Если ты взялся нас выслеживать, то почему бы и не назвать? Тебе так важно было заполучить меня, что ты сам бросился на поиски.

— Нет, ты не прав, ты заблуждаешься. Развяжите нас, а если вы этого не сделаете, то через несколько мгновений сюда явятся мои воины. Они, конечно, освободят нас, и тогда я не смогу помешать им убить вас.

— Мы вас не боимся, — возразил Виннету. — Точно так же, как мы захватили вас, мы возьмем в плен и всех ваших воинов.

— Они будут защищаться и уничтожат вас, — пригрозил Большой Рот.

— Твои речи пусты, как и твой мешочек с порохом, в котором не осталось больше ни зернышка. Я говорю тебе, я, Виннету, что ты сам отдашь своим воинам приказ не сопротивляться нам!

— Я этого никогда не сделаю.

— Никогда? Ты сделаешь это, едва настанет день. Я знаю это так же точно, как и то, что мне нужно сейчас сказать еще моему брату Олд Шеттерхэнду, можно не хранить в тайне. Ты тоже можешь это послушать.

И, повернувшись ко мне, он продолжал:

— Кто должен отправиться с двумя пленниками к нашим друзьям? Одному из нас придется остаться здесь, чтобы наблюдать за юма и провести тщательную разведку окрестностей лагеря.

— Виннету сам может это решить, — ответил я.

— Тогда я останусь, а ты поедешь. Вернувшись, ты найдешь меня здесь. Пленников мы посадим на моего коня, крепко их привяжем и будем все время присматривать за ними, чтобы не сбежали.

Я привел коней. Оба пленника вынуждены были покориться. Им даже не пришла в голову мысль о том, чтобы позвать на помощь, потому что мы были настолько далеко от лагеря, что даже самый громкий крик не был бы там услышан.

Большому Рту пришлось забраться на жеребца Виннету, к которому его и привязали. Другой индеец устроился за его спиной и был прикручен к своему вождю. Потом мы связали им ноги под животом коня, причем таким образом, что правая нога вождя была прикручена к левой

ноге простого воина, а левая нога вождя соответственно — к правой его спутника. Таким вот образом мы побеспокоились о том, чтобы даже при самом счастливом для них и непредвиденном обороте дела пленники не смогли развязаться. И даже если бы им удалось каким-то образом высвободить руки, их ноги остались бы связанными, и пленники не смогли бы соскочить с коня. Я взял вороного моего друга за повод, сам вскочил в седло и уехал, естественно — в восточном направлении, так как именно в той стороне находились мимбренхо.

Так как я не хотел терять времени, то поскакал галопом, и сделать это мне было тем легче, что луна хорошо освещала дорогу, по которой мне надо было проехать. Пленные долго молчали, но потом вождь все же не мог удержаться от важного вопроса, который вертелся у него на языке:

— Кто эти люди, к которым скачет Олд Шеттерхэнд?

— Мои друзья, — ответил я коротко.

— Ну, это мне и без вас известно. Я хотел узнать, бледнолицые они или краснокожие?

— Такие же индейцы, как и вы.

— Из какого племени?

— Мимбренхо.

— Уфф! — испуганно вскрикнул он. — Их привел Виннету?

— Нет. Он у них находится на правах гостя.

— Кто же тогда вождь этих краснокожих?

Вообще-то я бы не стал отвечать на его вопросы, но в данном случае у меня была причина так поступить, потому что я знал, что Большой Рот враждует с Сильным Бизоном. Одно его имя отнимет у юма надежду, которая в нем еще, возможно, теплилась. Поэтому я ответил с готовностью:

— Налгу Мокаши.

— Уфф! Сильный Бизон! Довелось же мне попасться именно в его руки!

— Ты испугался? Разве ты не знаешь, что воин не может бояться какой-либо опасности, какого-либо человека?

— Я не испугался! — гордо заверил он меня. — Сильный Бизон известен как мой злейший враг. И много с ним воинов?

— Гораздо больше, чем у тебя.

— Я знаю, что он потребует моей смерти. Ты станешь меня защищать?

— Я? Такой вопрос задаст разве что глупец. Ты хотел видеть меня умирающим у столба пыток, а теперь спрашиваешь, буду ли я тебя защищать! Если бы я не освободился сам, ты ни в коем случае не отпустил бы меня.

— Нет. Но я с тобой хорошо обходился. Ты не голодал, не испытывал жажды, пока находился в полной моей власти. Разве ты не обязан поблагодарить меня за это?

— Никто не может сказать, что Олд Шеттерхэнд когда-либо был неблагодарным!

— Тогда я рассчитываю на твою благодарность.

— Что ж! Ты ее получишь. Я готов сделать для тебя то же, что ты делал для меня.

— Как ты это понимаешь?

— Сильный Бизон потребует твоей смерти; он повезет тебя к вигвамам мимбренхо, где ты должен будешь умереть у столба пыток.

— Ты согласишься на это?

— Да, но я позабочусь о том, чтобы по дороге с тобой хорошо обходились и ты не испытывал ни голода, ни жажды.

Он почувствовал иронию в этих словах и замолчал. Но я знал, что его молчание продлится недолго. Мексиканские индейцы сильно уступают в гордости и отваге своим краснокожим

собратьям из Соединенных Штатов. Апач, команч или даже дакота посчитал бы себя обесчещенным, если бы вообще начал со мной разговор. Он без лишних слов внешне примирился бы с судьбой, но настойчиво выискивал бы любую возможность освобождения. Ну а уж если бы он таковой не нашел, то пошел бы на самую мучительную смерть, не унижаясь и не показывая даже ни одним жестом своего желания стать свободным. Южные индейцы не настолько стоичны; да, они принимают вид полностью равнодушных или, по крайней мере, стремятся напустить на себя безразличие, но когда дело заходит слишком далеко, то их притворное равнодушие и бесчувственность разом исчезают.

Вождь юма знал, что у Сильного Бизона он не найдет пощады; он раздумывал о спасении и наконец сказал то, что я давно от него ожидал, а именно, что он может спастись только с моей помощью. А следствием этого была его новая попытка вступить в разговор, предпринятая им через несколько минут:

— Мне казалось, что Олд Шеттерхэнд всегда был другом краснокожих…

— Я друг и краснокожих, и бледнолицых, но я враг любого негодяя, вне зависимости от того, светлая или темная кожа на его лице.

— Значит, ты меня считаешь плохим человеком, способным на любой дурной поступок?

— Да.

— А если я исправлюсь к лучшему?

— Это невозможно, потому что у тебя для этого просто нет времени. Кто скоро умрет у столба пыток, тот уже не успеет стать лучше.

— Так дай же мне время!

— Почему и зачем? Мне в высшей степени безразлично, станешь ты лучше или нет. Даже если бы ты и нашел время исправиться, меня бы это оставило равнодушным.

— Тогда меня осудят несправедливо. Значит, то, что я слышал о вас, христианах, не соответствует истине.

— Кто это тебе сказал?

— Да ведь Христос приносил великие жертвы и все делал для того, чтобы из злого человека сделать доброго, не получая от этого никакой пользы.

— Разумеется, это верно; но хочу тебе сказать откровенно, что я в таком случае являюсь плохим христианином. Поэтому тебе просто не повезло. Если я что-то делаю для человека или чем-то для него жертвую, то должен извлечь из этого пользу. Когда я это говорю и об этом думаю, мне приходит в голову мысль, что, может быть, стоит найти какое-то основание, чтобы согласиться с твоими доводами.

— Будь откровенным! Поделись со мной своим основанием!

— Я готов по возможности изменить судьбу, которая тебя ожидает; вероятно, я даже скажу слово за твое освобождение, но за это ты должен быть со мной откровенен.

— О чем ты хочешь узнать?

— Я задам тебе вопрос о Мелтоне и Уэллере; от твоей искренности зависит твоя судьба.

— Так спрашивай же скорее! Я готов все тебе рассказать.

— Не сейчас, позднее, когда мы приедем на место.

Как я сказал, так и случилось. Два быстрых, как ветер, коня несли нас вперед. Мы приближались к месту, где расположились лагерем мимбренхо, поэтому я придержал коней и поехал дальше шагом. Вскоре из мрака появились очертания нескольких индейцев, наставивших на нас свои ружья; кто-то из них приказал остановиться.

— Это едет Олд Шеттерхэнд, — крикнул я им. Тогда они опустили оружие и позволили нам проехать.

Мимбренхо не разжигали костра, схоронившись в лесной тени. Услышав мой голос и мое

имя, некоторые из них подошли ближе, чтобы отвести меня на место, где располагался вождь, ибо иначе я бы его не нашел. А он подумал, увидев двух приближающихся коней, что мы приехали вместе с Виннету; но когда я остановился перед ним и спрыгнул с лошади, вождь увидел двоих чужаков на другой лошади и спросил:

— Ты вернулся без вождя апачей? Где же он и кто такие те двое краснокожих, которых ты привез с собой? Почему они неподвижно сидят в седле и не спускаются на землю?

— Они не могут этого сделать. Здесь, в тени деревьев, темно, и ты не можешь видеть, что они привязаны к коню.

— Привязаны? Так, значит, это пленные собаки-юма?

— Ты угадал.

— Это хорошо! Они никогда больше не увидят свободу, и я надеюсь, что самый паршивый из этих псов, Большой Рот, попадет в наши руки так же, как они. Снимите их и привяжите к дереву!

Отдав такой приказ, он хотел отвернуться от пленных, но в этот момент я предупредил его:

— Ты упомянул вождя юма. Посмотри-ка повнимательнее на пленных!

Он подошел к коню Виннету и, посмотрев в лицо переднему всаднику, внезапно отступил на шаг назад и воскликнул:

— Уфф! Верно ли я увидел или меня обманула тень, в которой я нахожусь? Это тот паршивец, чьим именем я только что осквернил свой язык?

— Да, это он.

— Большой Рот! Большой Рот! — пронеслось по толпе мимбренхо. Индейцы толкались, чтобы увидеть вражеского вождя, с их губ срывались обидные словечки и проклятия, которые можно было слышать, но нельзя было передать. Пленников, несмотря на путы, стащили бы с коня, если бы я не воспрепятствовал этому произволу.

— Отойдите назад! — приказал я воинам. — Пленники принадлежат мне; я их поймал, а не вы.

— Но ты принадлежишь нашему отряду, — вмешался Сильный Бизон, — а поэтому пленный вождь в такой же степени наш, как и твой. Но сейчас я ему ничего не сделаю. Снимите его с коня, привяжите вместе с его сотоварищем к дереву и хорошенько их стерегите, чтобы у пленных не осталось никакой надежды на бегство.

— Нет, — возразил я. — Снимите обоих и привяжите каждого к отдельной лошади! Мы сейчас же должны выступать на лагерь юма, разбитый за лесом. Возле лагеря остался наблюдать Виннету.

— Мы нападем на них?

— Вероятнее всего — нет. Думаю, что сражения не будет. У меня не было времени посоветоваться с Виннету, но он разделяет мое мнение, что мы возьмем в плен юма, не пролив и капли своей крови.

— Тем лучше, потому что тогда все они умрут у столба пыток, и в вигвамах мимбренхо будет большой праздник. Воины, вы слышали, что Олд Шеттерхэнд приказал выступать!

Не прошло и двух минут, как все уже сидели верхом, и мы галопом поскакали по только что проделанному мной пути. Я уже больше не беспокоился о пленниках, потому что знал: они находятся под более чем надежным присмотром. Возглавив вместе с Сильным Бизоном отряд, я рассказал вождю, что произошло с нами.

— Мой брат Олд Шеттерхэнд находился в большой опасности, — сказал он, когда я окончил рассказ. — Воины мимбренхо знают, что пума даже ночью не нападает на всадников; их бы ты не смог обмануть. Но от собак-юма ты ускользнул, потому что их черепа набиты гнилой травой. Значит, ты, так же как и Виннету, полагаешь, что нам не придется сражаться?

— Да, я думаю, что они сдадутся без боя.

— Юма — трусливые жабы, но число их немалое, и я убежден, что они станут защищаться.

— Защищается тот, на кого нападают, а мы вовсе не станем на них нападать.

— И тем не менее они сдадутся?

— Да, я уверен.

— Тогда они достойны быть осмеянными. Я стар и многое пережил, чего не знают другие, но никогда я еще не видал, чтобы кто-нибудь сдавался по собственной воле.

— Ты услышишь обо всем попозже, когда мы поговорим с Виннету. Теперь же давай поспешим к нему!

Мы быстро пронеслись через лес и добрались до того места, где я расстался с Виннету. Он поджидал нас, весь залитый лунным светом, выпрямившись, чтобы мы издали могли узнать его. Мы спешились. Лошадей привязали к деревьям на опушке, а пленных оставили под надежным присмотром. Краснокожие расположились в тени, и вскоре воцарилась такая тишина, что, пожалуй, только опытнейшему разведчику юма удалось бы нас раскрыть.

Виннету, Сильный Бизон и я уселись вместе, чтобы обсудить наши действия. Никто другой не осмеливался приблизиться настолько, чтобы расслышать наш негромкий разговор. Индейский воин далеко не так дисциплинирован, как европейский солдат, но к вождю он проявляет глубочайшее уважение, нисколько не меньшее, чем почтение, испытываемое подчиненными к генералу.

Сильный Бизон был много старше и Виннету, и меня, но одновременно гораздо нетерпеливее. Едва мы заняли свои места, как он уже начал:

— Собаки-юма перебежали нам дорогу; скорее давайте их разобьем и не позволим им вернуться в их пещеры.

Виннету ответил ему не сразу, я тоже молчал. Старик жаждал крови, но для меня смерть стольких людей была бы ужасной. Я решился содействовать полюбовному соглашению между мимбренхо и юма, но не мог объявить об этом вождю дружественного мне племени, иначе он бы, пожалуй, не согласился и решил бы действовать по своему усмотрению. Насколько я знал Виннету, можно было быть уверенным, что он разделит мои взгляды, по меньшей мере в том, что кровопролития следует по возможности избегать. Так как мы медлили с ответом, Сильный Бизон продолжал:

— Слышали ли братья мои слова? Почему они не говорят? Олд Шеттерхэнд не хочет сражаться. Что же тогда должно произойти? Может ли Виннету поведать мне об этом?

— Я могу раскрыть тебе наши планы, — ответил апач.

— Мое ухо открыто для твоих слов. Я жажду их услышать.

— Юма сдадутся, не вступая в бой с нами.

— В это я не могу поверить. Если они так сделают, то будут величайшими трусами, чего я никак не могу предположить, несмотря на все мое презрение к ним.

— А разве не бывает так, что храбрый человек бывает вынужден сдаться без боя? Хороший воин не только смел, но и осторожен, осмотрителен, умен. Кто может сказать про Виннету, что он когда-либо был малодушен или даже труслив? И тем не менее случалось, что он сдавался своим противникам без боя. Если бы он сражался, то был бы убит, не причинив своим врагам никакого вреда. Однако он сдался в плен, потом сбежал и смог отомстить своим врагам. Так что же было лучше — слепая храбрость или расчетливая осторожность?

— Последнее, — вынужден был согласиться мимбренхо.

— А разве не так же поступал Олд Шеттерхэнд? Когда юма его поймали, он мог бы долго защищаться от них, но его наверняка сразила бы какая-либо стрела. Но он действовал не так, а позволил схватить и связать себя. Посмотри на него! Разве он не свободен? Разве теперь он не

пленил вражеского вождя? Разве он трусливо вел себя? Нет, всего лишь умно! Так поведут себя и юма, когда увидят, что сопротивление бесполезно.

— Но сможет ли Виннету внушить им все это?

— Да, если ему помогут воины-мимбренхо.

— Тогда он должен поделиться с нами своими мыслями.

— Мы окружаем юма. Пока Олд Шеттерхэнда не было, я хорошо изучил место, где расположен лагерь. Юма очень устали; они спят на окраине леса, прямо на траве; они положились на своих разведчиков и даже не выставили часовых. Только возле пасущихся лошадей остались двое сторожей, которые следят за тем, чтобы животные далеко не уходили. Разве трудно окружить спящих?

— Со стороны леса это легко: в лесу темно, там можно подкрасться, оставаясь незамеченными. Но на опушке леса светло, потому что светит луна. Нас увидят люди, сторожащие лошадей, и поднимут шум.

— Да, луна-то светит, но Сильный Бизон не замечает главного. Юма не откроют нашего приближения. Мы оставим лошадей и подкрадемся так близко, как только возможно. Если мы поползем, то нас никто не увидит.

— Уфф! Если Виннету в этом уверен, то я не могу не согласиться с ним. Но что же должно произойти, когда мы их окружим?

— Мы потребуем от них, чтобы они сложили оружие.

— И мой брат верит, что они это сделают?

Сильный Бизон задал этот вопрос с иронической улыбкой, но Виннету ответил, как всегда, спокойно:

— Не только верю, но твердо убежден, что они так сделают.

— Тогда я скажу вождю апачей, что произойдет. Юма, правда, увидят, что они окружены, но они будут прорываться из окружения, что им удастся легко.

— Тогда пусть Сильный Бизон скажет, почему это им будет сопутствовать легкий успех! Смогут ли они укрыться в лесу?

— Нет, потому что там, под защитой деревьев, спрячутся наши воины, и каждый из них сможет убить с десяток врагов, прежде чем одиннадцатый дойдет до него. Значит, они побегут в другую сторону.

— Но ведь там тоже будут наши воины!

— Ну и что! Конечно, они перебьют нескольких юма, но другие смогут уйти. Даже лучший бегун не сможет перегнать конника.

— Уфф! Так Сильный Бизон полагает, что юма будут на лошадях?

— Да. Как только они увидят, что окружены, то бросятся к лошадям и прорвутся на них на равнину.

— Но у них же не будет лошадей, — отрезал Виннету со свойственной ему уверенностью.

Тогда Сильному Бизону стало кое-что ясно. Он выдохнул с легким присвистом и спросил:

— Виннету хочет угнать у них лошадей? Это будет трудно, очень трудно.

— Да это же сможет даже ребенок. Если у юма не будет лошадей, то они не смогут прорваться. Правда, они попытаются, но за каждую попытку заплатят кровью.

— А если они не будут прорываться, но и не сдадутся. Что тогда намерен делать Виннету?

— Призвать их сложить оружие. Большой Рот прикажет своим людям сдаться.

— Только если ты вынудишь его отдать приказ, угрожая ему смертью.

— Можно попытаться.

— Это не удастся, хотя он и трус. Он знает, что на месте мы его не убьем, а заберем с собой, чтобы заставить умирать у столба пыток. Он подумает, что сможет по пути сбежать.

— Может быть, мой краснокожий брат прочел его мысли? А если он так не думает? Большой Рот позволит нам перестрелять всех его воинов, чтобы самому в одиночку быть увезенным нами? А может быть, ему больше понравится быть окруженным в плену своими людьми? Если они будут вместе, то организовать побег, возможно, будет легче, чем в одиночку.

— Но тогда и следить за ними будут строже. Если бы бегство казалось ему возможным, то он бы для видимости согласился выполнить наши требования.

— Значит, надо так устроить, чтобы у него возникла уверенность, и я знаю человека, который очень легко его в этом убедит — это Олд Шеттерхэнд.

— Олд Шеттерхэнд, мой белый брат! Как это ему удастся убедить Большого Рта, что он убежит, если вместе со всеми своими воинами сдастся, и что он погибнет, если откажется это сделать?

— Спроси его сам! Пока я тут с тобой говорил, он все обдумал. Он знает, что Большой Рот хочет его обмануть, а поэтому придется обмануть самого вождя.

Было просто достойно удивления, как точно мог угадать мои мысли Виннету. Я не сделал ему ни малейшего намека, да и не мог он знать, о чем я по пути разговаривал с Большим Ртом, и все-таки Виннету уверенно говорил о моих мыслях, словно они были его собственными.

— Виннету прав? — спросил меня мимбренхо.

— Да, — ответил я. — Большой Рот призовет своих людей сдастся.

— И ты в состоянии его уговорить?

— Да, встречной хитростью, потому что он намерен перехитрить меня. Поэтому я пообещаю вождю тайно освободить его вместе с его людьми.

— Он тебе не поверит.

— Он должен будет поверить, потому что знает, что Олд Шеттерхэнд никогда не нарушает своих обещаний.

— Но в этом случае тебе придется нарушить их и ты, таким образом, прослывешь лжецом! Или же ты захочешь сдержать свое обещание и позволишь ему убежать вместе со своими людьми против нашей воли?

— Видимо, так.

— И я в этой затее должен участвовать! Ты хочешь стать из моего брата и друга врагом?

— Нет, потому что я не позволю юма и их вождю убежать.

— Но ты же только что утверждал обратное! Я не знал, что в твоем рту находятся два языка. Какому из них я должен верить?

— У меня только один язык, и ты должен верить ему.

— Но он говорит то одно, то другое!

— Он говорит правду, только правду. То, что я тебе говорю, это верно, но то, что я обещаю Большому Рту, тоже верно. Главное в том, что он сам себя перехитрит. Я пообещаю ему свободу, а выполнение этого обещания будет обусловлено определенными обстоятельствами. Он для видимости согласится на это условие, но не выполнит его; тогда я откажусь от своего слова, и мне не придется его держать.

— А ты точно знаешь, что он не выполнит своего обещания?

— Уверен.

— Что же это за обещание?

— Рассказать мне правду о нападении на асиенду Арройо. Он пообещает мне все рассказать, но наверняка не выполнит обещания. Конечно, он притворится. Он угостит меня сказкой, в которой все будет выдумкой. Впрочем, сейчас нет надобности говорить об этом. Достаточно, что я знаю о том, что произойдет и что я буду делать. Мой друг Виннету хорошо понял мои мысли, точно так же, как и я увидел, что его план единственно верен. Давайте не

будем терять времени! Полночь уже прошла, а еще до того, как начнется утро, юма должны быть окружены.

— Вы сказали, значит, так и должно произойти, и я подчиняюсь. Виннету и Олд Шеттерхэнд всегда знают, что им делать, и я не стану им противоречить, хотя и не могу понять всего. Хуг!

«Хуг!» — это слово означало согласие. Если оно сказано, то вопрос считается решенным и более не подвергается пересмотру.

Теперь надо было предпринять необходимые меры предосторожности. Пятеро сторожей должны были остаться здесь с пленными и не сводить с них глаз. Они получили приказ: в случае необходимости скорее убить пленников, чем позволить им уйти. Шестьдесят краснокожих должны были пробраться в кусты за лагерем юма и не пропустить ни одного вражеского воина. Остальные должны были выйти на открытую равнину, чтобы окружить с этой стороны, как можно плотнее, лагерь юма. В лесу командовать должен был Виннету, тогда как в прерии руководство взял на себя Сильный Бизон. Все прочие обязанности передали мне. Вроде бы дел у меня было не слишком много, и тем не менее они могли оказаться чрезвычайно важными, так как любой непредвиденный случай мог все испортить.

Прежде всего надо было провести незаметно вокруг лагеря шестьдесят человек. Это была задача Виннету, ставшего во главе этих людей. Перед уходом он обратился ко мне:

— Мой брат может сопровождать меня, потому что охотнее всего я пойду к лошадям с ним. Никто, кроме него, не справится лучше всего с часовыми.

Это мне понравилось, и я присоединился к своему другу. Конечно, обезвредить двух находившихся при лошадях юма не составляло никакого труда, однако сделать это надо было очень осторожно, потому что малейший подозрительный шум мог выдать нас, а тем самым сделать невозможным выполнение всего плана.

Мы прошли по самому краю леса, пока не оказались точно в вершине лесного клина; там мы прошли под деревья и с величайшей осторожностью направились дальше. Теперь мы находились на западной опушке леса и скоро приблизились к месту, расположенному прямо напротив лагеря юма. Дальше мы пошли еще медленнее, потому что Виннету расставлял через короткие промежутки посты. Когда последний из мимбренхо занял свое место, шестьдесят воинов образовали цепь в лесу, которая полудугой охватила лагерь, и каждый постовой располагался так, чтобы ему удобно было наблюдать за лагерем, а его бы враги не могли заметить. Они уже были подробно проинструктированы, как им себя вести.

Теперь я остался вдвоем с Виннету на опушке леса и мог спокойно наблюдать за лагерем противника. С этой стороны луну заслоняли деревья, а поэтому было несколько темнее, чем там, где мы стояли лагерем, однако все-таки можно было разглядеть каждого спящего краснокожего. Некоторых усталость скосила прямо там, где они оставили лошадей, другие, а таких было большинство, лежали рядышком, один возле другого, положив рядом с собой свое оружие. Справа от спящих паслись лошади, и двое индейцев ходили вокруг табуна, возвращая забредших подальше лошадей. Виннету показал на сторожей и шепнул:

— Жизнь мы им оставим. Пусть мой брат возьмет на себя одного, а я — другого.

Когда он хотел ускользнуть, я удержал его и спросил:

— Может быть, Виннету заметил, что на этом посту время от времени меняются сторожа?

— Да, это я сразу заметил.

— Тогда нас слишком рано раскроют. Мы должны подождать.

— Олд Шеттерхэнд прав. Пусть сначала замкнется кольцо вокруг лагеря, тогда нам нечего бояться разоблачения. Мой белый брат может вернуться и сказать Сильному Бизону, что теперь он должен выдвинуться со своими воинами.

— Хорошо! Я пойду вместе с ним. Так как я знаю, где оканчивается твоя линия, то смогу сказать ему, где он должен расположить своих людей.

— А потом ты вернешься ко мне?

— Конечно. И где я тебя найду?

— Я буду ждать тебя на этом же месте.

На обратном пути я прошел мимо всех наших постовых и убедился, что все они на своих местах. Здесь юма было невозможно пройти.

Когда я прибыл к Сильному Бизону, тот отдал приказ выступать. Каждый из индейцев взял за повод свою лошадь; образовалась длинная шеренга, во главе которой находились мы с вождем. Вначале мы шли возле леса; потом мы описали широкий полукруг вокруг лагеря юма. Время от времени мы оставляли на посту одного из воинов, естественно, вместе с лошадью, пока последний из мимбренхо не занял своего места.

Наши посты были настолько далеки от лагеря, что оттуда нас нельзя было достать пулей. Каждый индеец сначала привязал свою лошадь к колышку, а потом пробирался на двести шагов вперед, чтобы там залечь и ожидать наступления дня. Лошади были взяты для того, чтобы моментально догнать врага, если ему в каком-то месте удастся прорыв. Ну, а лошади тех шестидесяти человек, что стояли в лесу, сторожила та пятерка, которая наблюдала за пленными. Они должны были присматривать и за лошадьми, что было нетрудно, потому что верховые животные были стреножены.

Выдвижение на двести шагов замкнуло цепь. Оба звена внешнего полукруга сомкнулись с постами скрывшихся в лесу людей. Когда наш маневр закончился, лошади юма все еще оставались внутри круга, и надо было вывести их оттуда в надежное укрытие.

Я упал на землю и осторожно пополз к тому месту, где мы договорились о встрече с Виннету. Он увидел меня и, не дожидаясь моего приближения, пополз мне навстречу.

— Часовые сменились всего несколько минут назад, — сообщил он мне. — Они сразу же улеглись и быстро заснули.

— Тогда мы можем приступать к захвату сторожей. Куда нам отнести этих двоих?

— В лес, к нашим людям, которые за ними присмотрят.

— Этого я бы не хотел делать. Все свое внимание воины должны уделять лагерю. Если же они станут отвлекаться еще и на пленников, то легко может произойти нечто непредвиденное. Отдай этих людей мне! Я отведу их к вождю, там они не смогут нам помешать, тогда как здесь, если мы передадим их своим людям, может случиться, что они позовут на помощь и выдадут нас.

— Мой белый брат прав. Он может взять вон того, который пошел с белой лошадью.

Один из часовых отправился было за сивой лошадкой, отошедшей слишком далеко в сторону; теперь он медленно возвращался. Я прикинул, где он скоро окажется, и пополз, прижимаясь к самой земле, к угаданному мною месту, а добравшись туда, замер между двумя лошадьми. Часовой подошел, постоял, потом, повернувшись спиной ко мне, стал смотреть в небо. Не знаю, о Чем он размышлял, может быть даже, об астрономии, одно мне ведомо: это созерцание не пошло ему на пользу.

Я прополз под лошадью к стоящему человеку, неслышно поднялся, схватил его левой рукой за горло, а сжатой в кулак правой ударил его в висок; он рухнул на землю, и я потащил его прочь.

При этом я оглянулся на другого часового; его тоже не было видно — значит, Виннету уже справился с ним. Апач подобно мне прокрался под лошадью и повалил юма. Мы оттащили оглушенных пленников к ближайшему посту мимбренхо и передали нашим союзникам, строго-настрого наказав немедленно заткнуть им рот, если юма вздумают поднять шум. Теперь надо

было заняться лошадьми. Это было нетрудно, потому что они уже съели всю траву на той площадке, где им разрешали пастись, и теперь жадно озирались в поисках нового корма. Мы, все еще передвигаясь ползком, отогнали двух лошадей за линию наших постов, где животные сразу же накинулись на свежую траву. Когда это увидели остальные лошади, то все они постепенно перешли на новый выпас, отойдя даже еще дальше, так далеко, что некоторые из них достигли привязанных к колышкам наших лошадей, где и остановились, потому что наши животные не могли уйти. В общем, все лошади собрались вместе.

Задумка, стало быть, удалась. Апач вернулся на свой пост. Теперь, когда лошади юма были угнаны, и враги были окружены, ничто не мешало их пробуждению. Наши были готовы к бою, если таковой непременно должен был состояться. Мне же предстояло теперь заняться транспортировкой взятых в плен часовых. Оглушенные, они постепенно приходили в себя. Их сторожа были достаточно хорошими воинами, но они и не подумали связывать пленников, а сидели возле них с обнаженными ножами, вынуждая юма лежать спокойно и не шуметь. Понадобилась моя помощь, чтобы скрутить им руки за спиной и связать. Для этого пригодились их собственные лассо, оказавшиеся у юма при себе. Под страхом немедленной смерти я запретил пленникам переговариваться и вынудил их следовать за мной. Они пошли без сопротивления, да и боялись наставленного на них мною револьвера.

Естественно, мы двигались по полуокружности, образованной нашими постами, а потом направились на южную опушку леса, где находились под строгой охраной вождь юма и его спутник. Видимо, он немало удивился и очень огорчился, когда увидел, что еще двое его людей попали в плен, но не сказал ни слова. Мне только хотелось показать ему, что мы окружили его соплеменников и им не удастся вырваться из кольца. Для этого я развязал ему ноги, чтобы он мог идти, зато руки, несмотря на поврежденную правую, были скручены еще крепче, кроме того, один из ремней я прикрепил к своему поясу, предварительно обвязав вокруг тела, и при этом сказал вождю юма:

— Большой Рот, наверное, испытывает тоску по своему лагерю, поэтому он может пойти со мной: я покажу ему этот лагерь.

Он с почти радостным изумлением посмотрел на меня, так как подумал было в первый момент, что его недавнее обращение к моим христианским чувствам приносит уже плоды. Но тут же он вспомнил о предосторожностях, предпринятых мною только что, и ответил, нахмурив брови:

— Куда ты меня тащишь?.. Ведь не к нашему же лагерю!

— Ну не к самому лагерю, так в его окрестности, но я надеюсь выполнить твое желание еще до обеда.

— Почему это нельзя сделать теперь?

— Потому что в данный момент твои воины встретили бы меня с оружием в руках, а у меня нет желания предоставлять им возможность прострелить в моем теле несколько дырок.

— Ничего они тебе не сделают; наоборот, они станут благодарить тебя за то, что ты возвратил меня моим соплеменникам.

— Очень был бы рад принять эту благодарность, и именно поэтому я подожду до завтрашнего утра. Сейчас, несмотря на лунное сияние, недостаточно светло, чтобы мои глаза могли насладиться твоим восторгом.

— Мне кажется, что твоя душа темнее ночи. Твои слова звучат по-дружески, но в них сокрыто коварство, которое я пока не могу раскрыть!

— Не может обвинять в коварстве тот, кто сам готов унизить другого. Пойдем-ка со мной, и ты увидишь, что я хочу тебе показать!

Ему ничего другого и не оставалось — только следовать за мной, но он пошел, пожалуй, не

по принуждению, а подгоняемый любопытством. Я провел его туда, где на краю леса стоял первый постовой, а оттуда — по всей линии постов, пригрозив ему:

— Запомни, что я тебе скажу! Ты не должен произносить ни звука, пока я тебе этого не разрешу; даже если ты громко вздохнешь, я тут же всажу тебе в сердце клинок моего ножа. На-ка, пощупай ею кончик!

Я вытащил нож и кольнул его кончиком грудь вождя так, что на теле образовалась маленькая ранка. Большой Рот не на шутку испугался и попросил приглушенным голосом:

— Не надо меня колоть! Я буду вести себя тихо — ты не услышишь от меня ни звука!

— Надеюсь на это, тем более что молчание будет в твоих интересах, потому что иначе я немедленно приведу свою угрозу в исполнение. А теперь пошли дальше; держись поближе ко мне и запоминай все, что увидишь и услышишь!

Вождь увидел лежащих на земле первых часовых, а мы уже прошли ко второму посту. Так как в лесу было темно и постовой мог меня не узнать и принять за врага, то я, не доходя до него несколько шагов, негромко сказал:

— Это я, Олд Шеттерхэнд. Ничего не случилось?

— Нет, они еще спят.

Так мы шли с Большим Ртом от одного поста к другому, обмениваясь с каждым часовым несколькими словами, и вождь юма узнал совершенно точно, что его люди окружены. У последнего поста я наткнулся на Виннету. Когда он увидел вождя юма, то сразу же угадал мои намерения и сказал:

— Ты пришел убедиться, что ни один из твоих юма не сможет выскользнуть? Они хуже собак, потому что те хотя бы сторожат, а твои люди спят. Быть вождем столь негодных воинов — сущий позор. А пробуждение будет для них ужасным, потому что они, если только не сдадутся, будут истреблены все до последнего человека.

По лицу вождя юма я заметил, что он хочет кое-что сказать, возможно, это была просьба, но он вспомнил мое предупреждение и промолчал. Мы пошли дальше, выйдя из леса на открытое место, опять продвигаясь от поста к посту, пока не обошли этот большой полукруг. При этом мы наткнулись на Сильного Бизона, распоряжавшегося здесь. Он был менее проницателен, чем Виннету, и не догадался, зачем я взял с собой Большого Рта. Поэтому он почти враждебно спросил меня:

— Зачем Олд Шеттерхэнд таскает с собой этого пса? Ты хочешь предоставить ему возможность бежать? Оставь его на попечение пяти сторожей! У тебя всего два глаза и только две руки, а у них и того и другого — по десять.

— Да, но мои два глаза так же хороши, как их десять, а руки мои, как ты знаешь, сделают больше. Что ты злишься! Разве ты не сказал сам, что Олд Шеттерхэнд всегда знает, что делает?

— Но если ты пришел, чтобы убедиться, не спим ли мы на посту, то совершенно бесполезно было брать с собой пленного!

— Я пришел сюда не для проверки, а совсем по другой причине. Как ты думаешь, удастся ли хотя бы одному из этих юма пройти через наше оцепление?

— Что же ты спрашиваешь, когда сам точно так же, как я, должен знать, что это невозможно. Если они попробуют это сделать, мы перестреляем их.

— Вот это я и хотел знать. Если тебя навестит чувство сострадания, подави его! Чем больше ваши пули прочистят ряды юма, тем меньше нам их придется ловить.

— Сочувствие! — рассмеялся он полунасмешливо-полурассерженно. — А разве эта собака проявила сочувствие к моим детям? Если бы ты не появился и не стал их спасителем, он бы убил их. Как это тебе пришло в голову говорить со мной о сочувствии? Пока мимбренхо жив, ни один юма не найдет у него сострадания!

Он отвернулся, но при этом плюнул вождю юма в лицо и отошел. Я видел, какое впечатление произвело на юма поведение свирепого вождя, и посчитал своевременным разрешить Большому Рту говорить. Поэтому я сказал:

— Теперь ты можешь разговаривать. Теперь ты знаешь, что у мимбренхо больше воинов, чем у юма. Я показал тебе, как расположены силы ваших врагов. Все их оружие готово к бою. Твои люди окружены, и многие из них будут убиты первым же залпом, остальные же могут спастись только в том случае, если они сдадутся.

— Они пробьются, несмотря ни на что!

— Через ячейки такой мелкой сетки! Да ты сам в это не веришь!

— Я убежден в этом. Когда они разгонят своих лошадей в галоп и внезапно обрушатся на посты мимбренхо, некоторые, пожалуй, будут убиты вашими пулями, но большинство уйдет.

— На своих лошадях? А где же у них лошади?

— Там, — ответил он, показывая место, где увидел в свете луны табун.

— Да, там пасутся лошади. Только где же лагерь? Разве ты по дороге не обратил внимания, что ваши лошади хитростью уведены от лагеря?

— Уфф! — удивленно вскрикнул он, только теперь заметив, что лошади находятся далеко от лагеря.

— Посмотри-ка туда и убедись, что наши воины лежат между юма и их лошадьми! Ничего не вышло из твоей надежды на то, что окруженные все же смогут прорвать наше кольцо.

Он молча уставился в землю, а я боялся каким-нибудь ненужным замечанием ослабить впечатление, произведенное на вождя моими словами. Прошло не так уж много времени, тогда он поднял голову и сказал:

— Если мимбренхо в самом деле станут стрелять, то это будет убийством, потому что мои воины совсем не подозревают об опасности.

— А разве ты не нападал на селения мимбренхо, не уничтожал их? Они тоже ничего не знали о вашем грабительском походе. Разве ты не хотел убить обоих сыновей и дочь Сильного Бизона? Они же не знали о том, что ты находишься в долине; они были застигнуты врасплох. Разве ты не напал на асиенду Арройо, разве не ограбил ее, не превратил в пепел, позволив при этом убить многих ее обитателей? Они тоже ничего не ведали о вашем приближении, они были застигнуты врасплох. Поэтому то, что юма не знают о ловушке не может служить основанием для твоей просьбы о пощаде.

Он молчал. Да что он мог мне возразить! Но я добавил еще, чтобы совершенно убедить его:

— То, что вы сделали, не считая ограбления, это обыкновенное убийство, но если мы предадим вас смерти, это будет расценено не как убийство, а как справедливая расплата, как наказание за ваши поступки. Можешь ли ты возразить мне хоть что-нибудь на это?

Он ничего не сказал, тогда и я замолчал. Луна теперь находилась в зените и заливала лагерь юма серебряным светом. С того места, где мы стояли, отчетливо различались фигуры спящих. Вождь испуганно поводил вокруг боязливо бегающими глазами. Он напряженно думал, как найти выход, отыскать возможность спастись самому и спасти своих людей; я не мешал его размышлениям, потому что они должны были привести его туда, куда я и хотел. И вот я увидел, как он внезапно вскинул голову.

— Уфф! Что же теперь делать! — выкрикнул он.

Я проследил за направлением его взгляда, обращенного в сторону лагеря, и увидел, что там встал один из воинов-юма и осмотрелся вокруг. Он не заметил лошадей в том месте, где они должны были пастись, а увидел их много дальше. Он наверняка заметил также и наших лошадей. Хотя они стояли отдельно, образуя правильный полукруг, ему это не показалось подозрительным — нет, он посчитал их также за скакунов своего племени и никого не

разбудил, а вышел из лагеря, направляясь туда, где в этот момент оказался большой табун. Он посчитал, что оба часовых находятся при табуне, и хотел упрекнуть их за небрежность.

— Он погибнет! — вырвалось у вождя. — Сейчас раздастся выстрел, и воин упадет!

— Нет, — возразил я вождю. — Его не убьют.

— Так ты думаешь, что ему дадут вырваться наружу, через кольцо оцепления?

— Его возьмут в плен, точно так же, как я захватил тебя самого.

— Но он будет защищаться и поднимет шум!

— Ничего у него не выйдет. Ты же знаешь, где стоит Виннету. Юма, если он будет идти в том же направлении, что и прежде, то пройдет близко от него, и апач схватит его так же, как я поступил с тобой. Смотри!

Все случилось так, как я предсказывал. Юма беззаботно шел вперед. Потом мы увидели, как за ним с быстротой молнии вынырнул апач; столь же мгновенно оба исчезли. Их скрывала трава, где мы не могли их видеть. Но короткое время спустя Виннету снова поднялся, он схватил пленника и исчез с ним за деревьями.

— Он… он его одолел! — выдавил из себя Большой Рот.

— И притом в полной тишине, так что твои люди ничего и не заметили! Ты видишь, как у нас все отлажено. И тем не менее я был бы рад, если бы твой воин успел поднять шум.

— Почему?

— Потому что тогда мы бы все уже могли решить. Зачем нам долгое ожидание? Я бы дал сигнал к атаке.

И тут я поднес два пальца ко рту, словно хотел свистнуть. Тогда вождь юма быстро, так быстро, как только мог, заговорил:

— Стой! Не делай этою! Подожди еще немного!

— С чего это? Вам ведь не избежать своей судьбы.

— А вдруг? Ты сам говорил об этом, когда мы ехали к мимбренхо.

— Что-то не припомню.

Конечно, я сказал это только для того, чтобы вождь еще больше разволновался. Он же с настоятельной просьбой в голосе продолжал:

— Ты не мог этого забыть, ты должен был помнить об этом!

— И что же я тогда сказал?

— Ты потребовал от меня быть правдивым!

— Правдивым? Ах, вот что! Но когда я, наконец, доберусь до правды, это не сможет никого спасти, потому что ты не хочешь выполнить то, что я тебе предложил.

— А что это такое?

— Призвать своих воинов сложить оружие и сдаться.

Он пристыженно посмотрел в землю. Я умышленно загонял его в тупик, добавив:

— Тебе же говорили достаточно ясно, что на рассвете ты должен быть готов к этому, но ты нас высмеял. Утро еще не занялось, а ты уже изменил свое мнение. Поэтому я могу рассчитывать и на другие перемены — я тебе не верю. Я полагаю, что за твоими словами скрывается какая-то хитрость, и дам сигнал: пусть начнется бой.

— Подожди, хоть немного еще подожди, послушай, что я скажу тебе!

— Говори, но только быстрее! У меня нет желания бесполезно тратить с тобой время.

— Есть ли гарантия, что вы пощадите моих воинов, когда они сложат оружие, и смогут ли они снова получить свободу?

— Скажу прямо: такая возможность есть.

— А мне тоже сохранят жизнь и выпустят на свободу?

— Это гораздо труднее. Твои люди менее виновны, чем ты. Твои злодеяния так велики, что

для твоего спасения должно произойти нечто чрезвычайное. К тому же Сильный Бизон не помилует тебя ни в коем случае, ни при каких условиях. К нему ты можешь просто не обращаться.

— А к тебе и Виннету?

— Ну, это надо подумать. Возможно, что-то получится.

— Возможно, всегда — только возможно! Кончай скорее, перестань меня томить! Если ты произносишь слово «возможно», то должен и думать об этой возможности!

— Это, конечно, верно. Я хотел бы знать всю правду, всю подноготную о твоих связях с теми бледнолицыми, которых зовут Мелтоном и Уэллером, о том, почему по их желанию ты совершил нападение на асиенду Арройо, о том, какие намерения у них относительно белых переселенцев. Готов ли ты все это мне рассказать?

— А ты готов спасти меня за мои откровения?

— Если это будет в моих силах, то да.

— Тогда я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Хорошо! Стало быть, я стану задавать тебе вопросы, на которые ты будешь отвечать в строгом соответствии с истиной, а потом…

— Не сейчас, не сейчас! — живо прервал он меня. — Теперь для этого нет времени. Если проснется еще кто-нибудь из моих воинов, то вряд ли он поведет себя так же спокойно. Если он поднимет шум, то проснутся остальные, а тогда ваши воины начнут в них стрелять.

— Пожалуй, это верно!

— А если мимбренхо увидят кровь, то будет намного труднее, чем сейчас, спасти нас, если это вообще окажется возможным!

— В этом я тоже убежден, — хладнокровно заметил я.

— Поэтому торопись! Прежде всего постарайся предотвратить кровопролитие! Потом я тебе все расскажу. Клянусь тебе!

— Твоей клятве я поверю только в том случае, если ты подтвердишь ее трубкой мира.

— Но у нас на это нет времени! Трубку мира мы можем раскурить позже!

— Вполне возможно, но сейчас я могу лишь с большим трудом тебе поверить. Подумай, как тяжело мне будет добиться твоего освобождения, когда Сильный Бизон станет противиться этому изо всех сил!

— А ему и знать не надо, что ты ночью развяжешь нам путы.

— Хм! Может быть, так я и сделаю, потому что, будучи христианином, чувствую глубокое отвращение к смерти даже самого злостного своего врага.

— Тогда поспеши, не заставляй меня больше ждать! Не надо больше слов! Поторопись.

Он оказался куда более торопливым, чем я это предполагал; пришлось несколько сдержать его порыв:

— Но прежде я должен совершенно определенно знать, на что мне можно рассчитывать. Ты хочешь, чтобы я тайно выпустил тебя и твоих людей, а за это обещаешь, что они сдадутся потом добровольно? Правильно ли я тебя понял?

— Ну, ясное дело!

— Ты еще должен рассказать мне возможно подробнее всю правду о тех двух бледнолицых, чтобы я смог разобраться во всех их планах?

— Да, клянусь тебе в этом! Однако я хочу, чтобы и ты сдержал свое слово! Ты в самом деле освободишь нас?

— Я всегда держу слово.

— Тогда мы договорились, и теперь ты можешь прямо приступить к действиям, чтобы предотвратить убийство моих воинов.

— Я сделаю это, но только при том условии, если у тебя нет тайных мыслей.

— Моя душа свободна от всяких коварных мыслей. Спаси же нас!

— Тогда иди к Сильному Бизону и Виннету, скажи им, что ты хочешь отправить к своим воинам посыльного с приказом.

— Ты думаешь, что я должен отправить к ним посланца? Ему воины вряд ли поверят, я должен сам пойти к ним!

— Сам? На это я не могу пойти.

— Ты должен согласиться, если серьезно намерен спасти меня и моих людей!

— Я должен? Заметь себе, что Олд Шеттерхэнд никогда не бывает должен! Я обещал тайно освободить тебя, но не говорил, что позволю тебе отправиться к твоим воинам.

— Тогда ты не сможешь нас освободить, потому что мои воины будут слушать только меня и ни за что не поверят словам посланца.

— Ну, не я же, а ты сам виноват в том, что твои воины не будут слушаться переданного им приказа вождя. Ты должен был внушить им больше уважения и почтительности к себе, больше послушания!

У него, разумеется, не было каких-нибудь скрытых мыслей, когда он настаивал на том, чтобы самому отправиться к соплеменникам. Теперь он увидел, что я неумолим, и пошел на уступки:

— Как можешь ты требовать, чтобы мои воины подчинились какому-то мимбренхо!

— А разве ты единственный юма, которого мы взяли в плен? Воин, которого мы захватили вместе с тобой, ехал с нами вместе и видел весь наш отряд. Двое часовых, плененных мною, прошагали вдоль всей внешней стороны наших постов и знают, стало быть, почти так же хорошо, как ты, что юма погибнут, если только вынудят нас взяться за оружие. Если я пошлю эту троицу в ваш лагерь, а ты передашь с ними свой приказ, то им несомненно поверят. Если же нет, то я свое дело сделал и не несу никакой вины за то, что так много юма пойдут на смерть.

— Хорошо, я согласен; веди меня к троим сторожам!

— Подожди еще немного!

Я прошел с ним до ближайшего поста и передал свое указание немедленно разыскать Сильного Бизона и Виннету и сообщить им: Большой Рот готов призвать своих воинов сдаться. А сам я направился на другой край леса, где находились пленные.

Вождь, естественно в моем присутствии, должен был передать им свой приказ, а пока он объяснял им все причины, я следил, чтобы в его словах не промелькнуло какого-нибудь тайного умысла. Тихо, чтобы его не могли услышать воины-мимбренхо, вождь рассказал пленникам о моем обещании тайно освободить всех, лишь бы избежать кровопролития, а потом подчеркнул:

— И вы все знаете, что Олд Шеттерхэнд всегда выполняет свои обещания. Он еще никогда не нарушал своего слова!

— Да, я держу свое слово и выполню все обещания, — заверил их я.

Потом троим пленникам развязали ноги, чтобы они могли свободно передвигаться, однако руки пока оставались связанными; двое из пяти часовых пошли с ними, тогда как я с тремя юма и их вождем вернулся на территорию, охраняемую нашими постами.

Там я увидел стоящих рядом Виннету и Сильного Бизона и пошел к ним. Последнему было трудно поверить в правдивость послания, которое я ему отправил. Он поспешно пошел мне навстречу, спрашивая:

— Верно ли, что собаки-юма собираются выдать нам своих людей вместе с их оружием?

— Да.

— Тогда либо ты совершил чудо, либо за всем этим скрывается обман, который ты не смог разглядеть и раскрыть! Олд Шеттерхэнд должен быть осторожным!

Тут своим спокойным, уверенным голосом вмешался Виннету:

— Не родился еще тот юма, которому бы удалось обмануть Олд Шеттерхэнда. Большой Рот, разумеется, останется у нас. Трое других юма должны вроде бы передать приказ в лагерь?

— Да, — ответил я.

— Они точно знают, что им надо передать?

— Я отдал разные распоряжения.

— Что это еще? — быстро спросил стоявший рядом Большой Рот, предполагая какой-то подвох.

— Да кое-что очень простое, о чем мы только потому не говорили, что это подразумевалось само собой. Ты так торопился, что согласился со мной, когда я потребовал, чтобы твои воины моментально подчинились тебе.

— Какой срок ты им определил?

— Да, собственно говоря, никакого. Повиновение должно быть мгновенным и безусловным. Если оно требует еще какого-то срока, то это уже не повиновение. В мои намерения не входит оставаться здесь надолго, пока твои люди соизволят сообщить мне, что они согласны проявить послушание. Я предоставлю им полчаса сроку.

— Дай хотя бы час!

— Нет, полчаса. Это и так слишком много для осуществления наших планов. Как только пройдет полчаса, а юма еще не согласятся с нашими условиями, тогда, без малейшего промедления, заговорят ружья. От этого я не отступлюсь и думаю, что ты со мной согласишься.

— Что поделаешь — вынужден. Но ты говорил о различных распоряжениях. Каковы же другие?

— Они касаются сдачи оружия. Как только юма подчинятся твоему приказу, я укажу место поблизости от вашего лагеря, окруженное нашими людьми. Туда станут приходить юма… поодиночке… разумеется, и сдавать свое оружие, а потом сейчас же будут возвращаться к себе в лагерь. Думаю, ты не посчитаешь такое распоряжение несправедливым.

— Я с ним согласен.

— Ну, ладно! Но я предупреждаю тебя, что каждый юма, у которого мы найдем какое-либо оружие или то, что может сойти за оружие, будет считаться предателем и будет расстрелян!

— Это жестоко, очень жестоко! Ну, а как будет с лошадьми и личными вещами моих воинов?

— Лошади, естественно, принадлежат нам; они — наша законная добыча. Позднее мы будем по своему усмотрению в зависимости от поведения юма, возвращать кому-то из вас лошадь или нет. Все боеприпасы — порох, свинец, пули или даже патроны — относятся к оружию, а значит, должны быть сданы вместе с ним. Все прочее, что у вас имеется, мы тщательно обыщем. Я не думаю, чтобы мы захотели что-то взять из ваших личных вещей, но все, что вы награбили на асиенде, мы отберем и вернем асьендеро, законному владельцу. У тебя есть еще вопросы?

— Нет, мне все ясно.

— Тогда трое посланцев могут отправляться в лагерь, а ты садись-ка здесь и никуда не уходи до тех пор, пока тебе не даст на это разрешение один из нас троих — Виннету, Сильный Бизон или я!

Юма удалились, чтобы исполнить поручение, скорее неприятное, чем тяжелое. Большой Рот присел на корточки, по моему знаку справа и слева от него выросли два часовых, не спускавшие с пленного вождя глаз.

Я посмотрел на часы, потому что был твердо намерен по прошествии получаса дать несколько предупредительных выстрелов, если мы не получим ответа, а чуть позже начать и

настоящую стрельбу.

Посланцы, как мы видели, достигли лагеря и разбудили спящих. Сначала возникла короткая ссора, но потом юма тесно столпились вокруг посланцев, и через недолгое время из этой группы раздался многоголосый гневный крик. Посланцы передали приказ вождя; это произвело действие, какого и можно было ожидать, а именно — необычайное возбуждение, ставшее для нас весьма примечательным зрелищем. Пройди оно, не увлекая юма к необузданной вражде, и успех нашего предприятия был бы обеспечен.

Я вместе с Виннету и вождем мимбренхо немного отошел от Большого Рта, чтобы он не мог слышать, о чем мы говорим. Когда во вражеском лагере поднялся неистовый шум, Сильный Бизон сказал:

— Сейчас они бросятся на нас. Это чувствуется по их крикам. Но мы их достойно встретим.

— Это — временное явление. Когда они узнают, что полностью окружены, то придут в себя, — ответил я.

— В такое я поверю с большим трудом. Олд Шеттерхэнд должен все обдумать; он ничего не должен забывать.

— А что же я мог бы позабыть?

— То, что юма до сих пор чувствовали себя уверенно. Они заснули с мыслью, что на рассвете нападут на нас и уничтожат. Теперь, когда они еще не совсем стряхнули с себя сон, им дали понять, что они окружены и должны сдаться. Почти наверняка спросонок, придя в сильное возбуждение, они схватятся за оружие.

— Они моментально опомнятся, потому что я им отправил послание, которое быстро их успокоит и вселит надежду.

— На что им надеяться, когда все они должны умереть? Может быть, ты дал им немного надежды на освобождение?

— Конечно.

— Им всем и даже их вождю?

— Вождю тоже, но на особых условиях.

— Ты с ума сошел! Моего согласия на это ты никогда не получишь!

— А я в нем не нуждаюсь.

— Как это? Разве ты один здесь распоряжаешься? Разве у Виннету и у меня нет своего мнения?

Он опять рассердился, что с ним происходило часто. Я спокойно ответил ему:

— Да, и вы тоже решаете, но я пообещал на этот раз не прислушиваться к вашему мнению. Кроме этого, я еще много чего наобещал.

— А что конкретно?

— Тайно освободить Большого Рта и всех его людей, перерезав их путы.

— Что? И ты такое мог обещать? — с яростью набросился он на меня. — Как мог ты осмелиться на такой поступок! Как мог ты без нашего согласия…

Дальше он не смог продолжить, потому что Виннету так крепко схватил вождя за руку, что от боли у него отнялся дар речи, а Виннету принялся поучать его:

— Что это мой краснокожий брат раскричался, словно старая женщина, у которой болят зубы? Или он хочет, чтобы Большой Рот услышал, о чем мы здесь говорим? Разве когда-либо Олд Шеттерхэнд действовал легкомысленно? Если он все взвесил и дал обдуманное обещание, то он его выполнит, а если это была игра, то можно и не сдержать свое слово.

— Но ведь Олд Шеттерхэнд имеет привычку выполнять свои обещания!

— Если выполняются условия, при которых обещания эти были даны.

— Ах вот что! Условия! — буркнул все еще не успокоившийся вождь. А потом он злобно

крикнул мне: — Оставь свои условия себе — я ничего не хочу о них знать!

С этими словами он отвернулся от нас и, отойдя на значительное расстояние, бросился в траву. По лицу Виннету скользнула улыбка, но он ничего не сказал. Я подумал, что должен кое-что разъяснить ему, и заметил:

— Я дал обещание, потому что совершенно точно знал…

— Довольно! — прервал он меня. — Все, что делает Олд Шеттерхэнд, правильно, ему не надо оправдываться передо мной. Я знаю, что он обманет юма, потому что тот, в свою очередь, хотел провести его. Сильный Бизон, бесспорно, очень храбрый воин, но ему не хватает проницательности, а мысль его достает лишь на дальность броска его томагавка. Его гнев быстро возникает, но столь же быстро и испаряется. У него доброе сердце; он попросит у Олд Шеттерхэнда прощения.

Когда Виннету говорил, всякая обида исчезала. Он наблюдал теперь за лагерем, в котором волнение быстро утихало. Юма о чем-то спокойно говорили меж собой, стараясь хорошенько разглядеть наше расположение. Полчаса еще не истекли, а один из посланных вернулся и сообщил:

— Три старейшины юма хотели бы поговорить с Олд Шетгерхэндом, Виннету и Сильным Бизоном. Могут ли они прийти?

— Да, но без оружия.

— А смогут ли они, даже в том случае, если соглашение не будет достигнуто и они предпочтут биться, смогут ли они вернуться в лагерь? Не попадут ли они в ловушку?

— Они же будут посланниками; они смогут уйти, откуда пришли.

Юма побежал к лагерю, чтобы поскорее передать это известие, и вскоре мы увидели, как оттуда вышли трое старейших воинов. Они скинули покрывала и даже верхнюю одежду, чтобы нам было ясно видно: никакою припрятанного оружия они с собой не несут. Сильный Бизон, обрадованный таким поворотом событий, снова присоединился к нам.

Трое воинов прошли мимо своего вождя, не бросив на него даже взгляда, что ни в коем случае не означало презрения к нему. Теперь они шли, как представители своих соплеменников, а поэтому в данный момент для них вождь просто не существовал. Трое воинов остановились и слегка поклонились, приветствуя нас, потом один, вероятно, старейший из воинов, обратился ко мне:

— Большой Рот, вождь юма, находится в плену, и он приказал нам также сдаться. Олд Шеттерхэнд обсудил с ним условия этой сдачи. Насколько хватает памяти у наших старейших воинов, ничего подобного раньше не происходило; поэтому юма собрались, чтобы в отсутствие вождя принять решение, и послали нас к тебе, желая убедиться, нельзя ли изменить полученный нами приказ. Если ты вместе с обоими знаменитыми твоими краснокожими братьями дашь нам разрешение посмотреть на тех воинов, которые нас окружили, какие позиции они занимают и какое у них оружие…

— Ни один командир не покажет врагу то, что вы желаете увидеть, — оборвал я их. — Да к тому же пройдет то время, которое я вам выделил, значит, у меня есть полное право открыть огонь. Но я уважаю ваше стремление все изучить получше и знаю, что спасения для вас нет, поэтому пусть ваше желание исполнится. Виннету, великий вождь апачей, возьмет вас под свое покровительство, чтобы с вами не произошло ничего плохого. Идите же, но возвращайтесь не позже чем через четверть часа; тогда вы сообщите мне свое решение. Но это станет последней отсрочкой, какую я вам могу предоставить.

Они повернулись, чтобы следовать за Виннету, ставшим их проводником. Они прошли вдоль всей линии наших постов, в том числе и по лесу. Когда они возвратились, предрассветный сумрак уже начал борьбу с лунным светом. На лицах троих юма также виднелись следы

внутренней борьбы, которую они хотели бы скрыть, но не могли этого сделать — это была борьба между своей гордостью и сознанием неизбежности происходящего. Некоторое время они молчали, потупив взоры, потом тот, кто уже говорил раньше, сказал:

— Олд Шеттерхэнд находился в наших руках, однако с ним ничего не случилось. Неужели теперь он решится расправиться с юма?

— За то, что со мной ничего не случилось, мне вас благодарить нечего. Да и что стоят слова! Пусть старейшие воины-юма скажут мне, что они решили!

— Мы согласились, что Большой Рот, наш вождь, принял единственно верное решение. Стволы ваших ружей нацелены на нас со всех сторон, а наши лошади, на которых мы могли бы вырваться из окружения, уведены вами, пока мы спали.

— Так вы сдаетесь?

— Мы считаем себя твоими пленниками.

Он особенно подчеркнул слово «твоими», что было сделано не без причины. Он хотел быть моим пленником, потому что я обещал их отпустить.

— Теперь вы должны сдать оружие, но по одному. Никто не должен выходить из лагеря, пока сдающий оружие воин не вернется.

— Можем ли мы, по крайней мере, оставить свои амулеты?

— Великий дух позволил, чтобы вы попали в наши руки. Его лик отвернулся от вас, и теперь ваши амулеты ничего не стоят, но я не хочу так сильно унижать и обижать вас. Вы можете сохранить свои калюме и «лекарства».

Безусловно, это было большим облегчением для самолюбивых воинов. Если даже случайная потеря «лекарства» считается тяжело восполнимой потерей, то передача индейцем победоносному врагу «лекарства», да к тому же еще и калюме, является несмываемым позором.

Старейшие воины собрались возвращаться в лагерь. Но едва они прошли десять или пятнадцать шагов, тот, кто вел со мной переговоры, остановился, обернулся и посмотрел на меня. В его взгляде читался явный призыв подойти к нему, потому что он хотел еще что-то сказать мне. Я предполагал, о чем он заговорит, и подошел к нему.

— Пусть Олд Шеттерхэнд простит, что я задерживаю его, — сказал он. — Я знаю, что оба других вождя не смогут меня услышать.

— Говори, но будь краток!

— Правда ли, что Олд Шеттерхэнд собирался тайно освободить нас?

— Да, если ваш вождь выполнит свое обещание.

— Какое?

— Он не разрешил мне говорить вам об этом.

— А если он не выполнит это обещание?

— Тогда я буду считать, что не давал своего.

— Тогда мы ему скажем, что он не сдержал своего слова. Хуг!

После этого скрепляющего обещание слова он собрался было идти, но еще раз остановился и спросил:

— Куда вы нас отведете?

— Это мы еще не решили.

— Какие мучения выпадут на нашу долю по пути?

— Никаких. Вы ведь меня тоже не мучили. Вы не будете испытывать ни жажды, ни голода. Вы меня ведь тоже хорошо кормили и давали вволю пить.

— Сможем ли мы ехать верхом под вашей охраной или должны будем идти?

— Нет, потому что у вас я был связан по рукам и ногам. Для еды руки мне развязывали. Ты видишь, что все оплачивается и за все следует наказание. Кто делает добро, тот и пожинает

доброе. Ну, а теперь довольно; пора кончать разговоры.

Пока старейшие воины возвращались, были отобраны тридцать мимбренхо, которые должны были принимать оружие от юма. Хорошо вооруженные мимбренхо выстроились шагах в пятидесяти от лагеря, и едва это произошло, как говоривший со мной ветеран первым подошел, чтобы выполнить условия договора. Я находился рядом и, чтобы дело шло быстрее, подозвал еще нескольких мимбренхо для проверки карманов пленников. Увидев это, Виннету и еще несколько воинов приблизились ко мне, чтобы поскорее выполнить процедуру пленения; они связали старика и уложили в траву. Так же и каждый следующий из подходивших юма был сначала разоружен, потом у него проверяли содержимое его карманов, и наконец Виннету связывал его.

Разоружение шло очень быстро. Не уступали в скорости и те, кто связывал пленников. У самих юма было достаточно ремней и лассо. Но тяжелее всего приходилось мне, занявшемуся проверкой карманов. Было просто нелегко отличить, являлся ли тот или другой предмет законной собственностью теперешнего владельца или же он был похищен на асиенде, можно ли было расценить его как «лекарство», которое я обещал оставлять хозяину. Сильный Бизон не особенно интересовался разоружением и обыском, он появлялся то там, то здесь, то подходил ко мне, то к Виннету, стараясь по возможности устроить так, чтобы с его ненавистными врагами обращались как можно строже.

Утро почти уже прошло, когда мы управились с юма. Вражеские воины лежали связанными друг подле друга, словно мешки на картофельном поле. Отобранное оружие, образовавшее довольно высокую кучу, нужно было разделить еще до полудня. А из вещей, которые я определил как собственность асьендеро, тоже образовалась солидная груда. Они были переданы на хранение одному уважаемому воину-мимбренхо.

Потом впервые за этот день мы поели. Насытились все, потому что мы объединили в одно продовольственные запасы двух отрядов. Поскольку ночью мы не спали, то было решено выспаться во время послеполуденной жары.

К вечеру мы собирались выступить. Куда — это подразумевалось само собой, а именно к тому месту, где расположились воины-юма, оставшиеся с ранеными и угнанным скотом. Люди должны быть взяты в плен, а животные возвращены асьендеро.

При разделе оружия начались довольно оживленные споры. Каждому хотелось получить добычу получше. Каждый хотел взять ружье, но ни в коем случае не лук со стрелами, а так как ружья юма немногого стоили, то часто возникали перебранки, участников которых приходилось успокаивать властным словом.

Круг, образованный нашими воинами, конечно, давно распался. Мы расположились на опушке леса, в тени, и кому нечего было делать, тот спал, набираясь сил для долгого марша, который должен был закончиться не раньше, чем мы достигнем цели. Пленных было слишком много, и пришлось приставить к ним десяток охранников; меньшего количества было бы недостаточно. Каждый час их меняли. За каждой сменой попеременно следили Виннету, Сильный Бизон или я.

Мне досталась первая смена, а после меня дежурил Виннету. Когда вождь мимбренхо разбудил меня, я почувствовал себя чуть ли не еще более усталым, чем прежде, и принужден был постоянно двигаться, чтобы снова не уснуть. Десять часовых, заступивших на пост, расхаживали туда-сюда и так внимательно следили за пленными, что тем просто невозможно было совершить любое подозрительное движение. Большому Рту, поскольку он был вождем, выделили место чуть в сторонке, где он лежал неподвижно и казался спящим, но когда я проходил мимо него во второй раз, он открыл глаза и позвал меня. Я подошел к нему и спросил, чего он хочет. Он повернул ко мне очень удивленное лицо и ответил:

— Чего я хочу? Неужели Олд Шеттерхэнд не понимает, что у меня только одно желание — свобода!

— Этому я верю. Когда я был твоим пленником, у меня постоянно было такое же желание.

— Ты ее добился. Когда же теперь я получу свободу? Сегодня?

— Как это сегодня? — спросил я удивленно. — Ты, кажется, еще спишь и видишь сон!

— Я не сплю. Кроме тебя, нас стерегут только десять воинов. Разве тебе кто-нибудь запретит разрезать мои путы? Сделай это, и я запрыгну на ближайшую лошадь и галопом умчусь прочь, я исчезну, прежде чем кому-либо придет в голову пуститься в погоню за мной.

Это было такое страстное желание свободы, что другой бы свидетель этой сцены, менее выдержанный, от удивления или от гнева вышел бы из себя, но мне оно показалось таким комичным, что я разразился громким смехом, так что все часовые повернулись ко мне, а многие из спящих проснулись.

— Что ты ржешь? — грубо спросил вождь. — Ты думаешь, что я шучу?

— Конечно, я мог бы предположить такое. Теперь, среди белого дня, когда все могут видеть, что это сделал я, мне надо тебя освобождать?

— Чем это тебе повредит? Ни один человек не посмеет тебя за это упрекнуть. Ты же мне обещал это!

— Я обещал освободить тебя и твоих воинов, а не одного тебя. Ты можешь получить свободу только вместе с ними.

— Так сделай же это как можно быстрее! Ты обязан сдержать свое обещание.

— Сдержу, когда ты выполнишь свое. Ты, конечно, полагаешь, что придумал очень умную штуку, но я выпущу тебя на свободу не раньше, чем ты ответишь на мой вопрос.

— А я буду отвечать на него только свободным человеком!

Я уже хотел снова рассмеяться, но вдруг снова стал совершенно серьезным, потому что Сильный Бизон, лежавший поблизости и принятый мною за спящего, вскочил в этот самый момент и сердито закричал на меня, скорчив отчаянно злую мину:

— У Олд Шеттерхэнда найдется время, чтобы ответить мне на один вопрос?

— Да, — кивнул я.

— Тогда пусть он подойдет ко мне, чтобы его выслушать!

Я подошел к нему. Он отвел меня подальше, чтобы нас никто не мог слышать, потом остановился, гневно посмотрел на меня и спросил:

— Олд Шеттерхэнд говорил с Большим Ртом. Я, правда, не понял слов, но я догадался, что это были за слова.

— Если это действительно так, то мне просто непонятно, почему ты не остался лежать на своем месте. Ведь тебе, как и всем остальным, необходим сон.

— Как я могу спать, если я вижу и слышу, что среди нас поселилась измена!

— Измена? Не хочет ли мой краснокожий брат сказать мне, кого он подозревает в этом?

— Тебя, тебя самого я считаю предателем.

— Меня подозревать в измене? Если Сильный Бизон считает изменником Олд Шеттерхэнда, которого нельзя упрекнуть даже в малейшем отступничестве, то причиной этому может быть только то, что Великий дух отнял у вождя мимбренхо память и помутил ум. Я очень тебе сочувствую, а поскольку считаю тебя своим другом, то очень сожалею, что придется лишить тебя наших советов на такой срок, пока в твоей голове не наступит просветление.

Сказав эти слова, я оставил вождя одного и пошел дальше. Но он последовал за мной, схватил меня за руку и рассерженно крикнул:

— Что ты сказал? Ты хочешь похитить мой разум и уничтожить мой дух? Ты полагаешь, что раз твоя сила так велика, а твое умение настолько превышает наше, то ты можешь не только

побеждать врагов, но и обижать друзей? Вынь свой нож! Я хочу с тобой сразиться! Подобное оскорбление смывается только кровью!

Не только слова, но и его искаженное лицо свидетельствовали о том, что старый вождь по-настоящему вышел из себя. Он выхватил из-за пояса свой нож и встал в боевую позицию. Я же спокойно ответил:

— Конечно, подобное оскорбление тебе следует искупить, только я должен сказать, что ты не можешь считать себя обиженным, потому что оскорблен был я. Это ты назвал меня изменником. Может ли быть большее оскорбление для воина? Если бы такие слова мне бросил чужак, я бы сразу же убил его; но это сделал друг, значит, я должен предположить, что он внезапно сошел с ума. Если ты чувствуешь себя оскорбленным, то я здесь ни при чем, потому что ты сам дал мне повод так о тебе подумать.

— Но я прав! Ты хочешь освободить Большого Рта!

— Да, но я поставил ему одно условие, которого он не выполнит, а стало быть, я знаю, что мне не придется его освобождать.

— А что же ты с ним разговаривал! Разве не должно было мне показаться подозрительным, что ты подошел к нему и вел с ним переговоры, думая, что я сплю?

Тогда я положил ему на плечо свою тяжелую руку, так что он присел на добрых полфута, и сказал серьезно:

— А кто же это приставил вождя мимбренхо шпионить за мной? Когда Олд Шеттерхэнд заступил на пост, другие могут спокойно спать. Это ты должен себе зарубить на носу. Я прощаю тебе твои слова об измене, потому что знаю, что ты осознаешь свою вину. Пусть тем дело и кончится.

Я снова хотел идти, и опять он задержал меня, закричав:

— Нет, ты мне не заткнешь рот! Ты будешь сражаться со мной! Возьми свой нож, иначе я просто-напросто заколю тебя!

Само собой разумеется, что индейцы, отличающиеся гораздо более чутким сном, чем белые, были разбужены криком старика. Проснулся и Виннету, он подошел к нам и спросил:

— Почему это мой краснокожий брат вызывает на бой Олд Шеттерхэнда?

— Потому что он меня оскорбил. Он сказал, что мой разум помутился.

— Почему он это сказал?

— Потому что я назвал его изменником.

— Какие для этого были основания у вождя мимбренхо?

— Олд Шеттерхэнд стоял возле Большого Рта и разговаривал с ним.

— Разве он обсуждал с ним изменнические действия?

— Да. Олд Шеттерхэнд сам сказал, что хочет его тайком развязать.

— И это была единственная причина? Скажу тебе, что мой брат Олд Шеттерхэнд всегда знает, что надо делать, и если бы все краснокожие, белые и черные люди на Земле оказались изменниками, он один бы остался неподкупным и честным!

— Так ты считаешь, но я знаю другое. То, что я сказал, верно. А он еще оскорбил меня, значит, ему придется со мной сразиться!

Мне доставило своеобразное удовольствие видеть, как Виннету оглядел старика снизу доверху, а потом услышать его слова:

— Мой краснокожий брат хочет стать посмешищем?

Это еще больше разозлило Сильного Бизона, теперь он буквально рычал:

— Ты тоже хочешь меня разъярить? Посмотри-ка на мои мускулистые руки и плечи? Ты полагаешь, что я уступлю?

— Да! Если Олд Шеттерхэнд захочет, то он воткнет свой клинок тебе в сердце первым же

ударом, только он этого не захочет.

— Захочет, он должен захотеть, я требую, чтобы он сразился со мной, а если он не решится, то я назову его трусом и немедленно заколю его!

Брови Виннету сошлись, лицо его закаменело и приняло хорошо знакомое мне выражение, которое подсказало мне, что душа апача замкнулась. Он приподнял одно плечо чуть выше — также отлично известное мне движение, и объявил:

— Ну, что ж, если Сильный Бизон решил осрамиться, то Олд Шеттерхэнд может с ним выйти на поединок. Какие условия ставит мой краснокожий брат?

— Борьба не на жизнь, а на смерть.

— Какое он назначит время?

— Сейчас же!

— По каким правилам вы будете сражаться?

— Без всяких правил. Я буду колоть, как мне понравится.

— Что произойдет, если один из соперников потеряет нож? Может ли другой прикончить своего врага?

— Если он сможет это сделать, пусть колет, но потерявший нож может защищаться кулаками, он может бить соперника или даже задушить его.

— Ну, тогда я уже знаю, кто — если этого захочет соперник — отправится сегодня в вечные охотничьи угодья[71]. Мои братья позволят мне быть судьей. Я готов, и они могут начинать свою смертельную схватку.

Глаза старого ворчуна засверкали жаждой битвы. Он знал меня, но в этот момент не думал ни о нашей дружбе, ни о том, что пережил вместе со мной. Когда он гневался, разум покидал его душу, когда же гнев испарялся, он становился любезнейшим человеком, настолько приветливым, насколько таковым может быть индеец. Конечно, его гневные вспышки сыграли с ним злую шутку, и он надолго потерял свой авторитет и свое влияние на соплеменников, хотя когда-то считался достойным вождем и ужасно сильным человеком. Поэтому я, когда называл его «стариком», вовсе не имел в виду слабосилие и дряхлость. Ему было лет под шестьдесят, но вождь отличался богатырским сложением и исполинской силой, к тому же он сохранил подвижность, хорошую реакцию, что немногим удается в его возрасте. Стало быть, он был для меня равным соперником, а в данный момент даже намного превосходил меня, потому что крайне серьезно воспринимал поединок, в то время как в мои планы, разумеется, не входило ни ранение, ни тем более убийство. Он владел оружием, которого я был лишен.

Охотнее всего я бы вообще отказался от поединка, но я знал, что в таком случае мне бы грозила смертельная опасность; охваченный гневом, он мог бы наброситься на меня с ножом в руках, а это вынудило бы меня сражаться по-настоящему. Поэтому-то я выказал свою готовность, заняв оборонительную позицию и вытащив нож, но взял его не в правую, а в левую руку. Сделал я это для того, чтобы правая рука была свободной. Вождь, однако, этого обстоятельства не заметил.

Мимбренхо видели и слышали, что происходит, поэтому они подошли ближе. Пленные юма подойти не смогли, но они попытались занять, несмотря на мешающие им путы, такое положение, чтобы можно было видеть поединок. На всех лицах было заметно величайшее напряжение, если не считать обоих сыновей вождя. Они не хотели этого показать, но я-то видел, что они очень взволнованы. Если победителем буду я, то погибнет их отец, если же он убьет меня, то не будет их спасителя и благодетеля.

Мы стояли в пяти шагах друг от друга, каждый с ножом в руках, каждый напряженно следил за действиями противника. Прежде чем дать знак к началу поединка, Виннету спросил:

— Не хочет ли мой краснокожий брат, вождь мимбренхо, выказать пожелание на случай

своей смерти?

— Я не умру! — мрачно ухмыльнулся вождь. — Дай только знак, и сразу же мой нож проткнет сердце Олд Шеттерхэнда!

— Не собирается ли белый брат дать мне какое-нибудь поручение? — спросил апач меня.

— Да. Если Сильный Бизон меня заколет, скажи ему, что я спас его сыновей, а одному из них дал имя. Может быть, тогда он будет иначе относиться к друзьям, которых он должен был бы благодарить.

Я подумал, что это напоминание вернет старику разум, но ошибся, потому что он вспылил:

— Изменник никогда не сможет рассчитывать на благодарность. Я хочу увидеть кровь!

Значит, поединок неизбежен, и если раньше я решил вести его как можно осторожнее, то теперь я почувствовал волнение в своей крови и вознамерился проучить вождя мимбренхо. Тогда я кивнул Виннету, и тот поднял руку, а потом громко сказал:

— Пусть никто из зрителей не сходит со своего места, пока я не разрешу! Поединок может начаться. Хуг!

Он также вынул свой нож, чтобы уложить каждого, кто посмел бы помешать поединку, но разгоряченные зрители об этом, пожалуй, и не думали.

Кто начнет первым? Теперь этот вопрос занимал всех. Я твердо решил, что первым с места не сдвинусь, но обезврежу вождя при первой же его атаке. Я надеялся, что мне это удастся. Медлить я не мог, потому что чем дольше я буду стоять перед ножом противника, тем большей окажется опасность быть пораженным этим оружием.

Сильный Бизон стоял прямо и спокойно, словно колонна. Неужели и он не хотел нападать первым? Его лицо было непроницаемым, но наверняка внутри у него все кипело. Живой огонь в его глазах показал мне, что он только для видимости застыл в неподвижности, чтобы притупить мою бдительность, а потом внезапно броситься на меня. Я не заблуждался, потому что внезапно между его веками вспыхнул огонек, а я выпустил нож из рук, убежденный, что теперь-то он прыгнет на меня. И действительно он уже приподнял ногу, но потом неожиданно опять опустил ее на землю и крикнул:

— Вы видели, что Олд Шеттерхэнд боится? Нож выпал из его руки, потому что страх парализовал его.

Не отвечая ему, я нагнулся, притворившись, что хочу поднять нож, но я знал, что он, будучи опытным и искусным воином, непременно использует для атаки мою оплошность. И он мгновенно сделал решающий прыжок — решающий, потому что им было определено его поражение. А именно, так как я нагнулся, то и он, чтобы ударить в меня ножом, вынужден был наклониться, нацелив удар в ту точку, которая находилась на моей согнутой спине, то есть примерно в полутора локтях от земли.

Но тут я молниеносно отступил в сторону и сразу же выпрямился. Таким образом я оказался вытянувшимся во весь рост рядом с согнувшимся вождем, пытавшимся пронзить ножом пустое место, где всего мгновение назад находилось мое тело. Стало быть, теперь я мог использовать всю свою силу, и тогда я ударил сжатой в кулак правой рукой снизу в его затылок, так что он не упал, а просто-таки рухнул на землю, словно мешок. Резким рывком я выхватил из его руки нож; другим рывком я перевернул вождя на спину, уперся коленом ему в грудь и приставил нож к его горлу. Но я не докончил этого движения, потому что меня остановил его взгляд. Глаза его были широко открыты и остекленело уставились прямо вверх. Рот тоже был открыт. Темное обветренное лицо, казалось, внезапно окаменело. Ноги и руки не шевелились. Я встал и обратился к Виннету:

— Вождь апачей видит, что Сильный Бизон лежит на земле, а нож его в моих руках. Пусть вождь апачей решит, кто же стал победителем!

Апач подошел и опустился на колени, чтобы осмотреть вождя мимбренхо. Когда он снова поднялся, его лицо стало более чем серьезным, а его голос слегка задрожал, когда он объявлял:

— Вождь апачей сказал, что Сильный Бизон еще сегодня отправится в вечные охотничьи угодья, и он оказался прав. Кулак Олд Шеттерхэнда сравним со скалой; он поражает, как молния, даже если мой бледнолицый брат не хочет убивать.

Это было правдой, потому что я на самом деле не хотел убивать Сильного Бизона. Сильный человек, пожалуй, довольно легко может оглушить другого ударом своего кулака, хотя потом кисть и будет болеть несколько часов, но убить, по-настоящему убить — это может случиться только тогда, когда удар приходится в особо чувствительное место, в жизненно важный орган. Зрители стояли молча, в том числе и оба сына поверженного, перед которым я также опустился на колени, чтобы проверить, не ошибся ли Виннету.

Выпученные глаза мимбренхо были глазами мертвеца; его раскрывшийся рот свидетельствовал о параличе; сердце его слабо пульсировало. Значит, он еще жил. Я попытался свести его веки; тогда он шевельнул губами, издав несколько несвязных звуков. Глаза его тоже ожили, они будто кого-то искали, а потом остановились на моем лице. При этом взору вернулось выражение, и это было выражение ужаса. Губы то смыкались, то открывались, пытаясь выговорить слова, но это моему противнику никак не удавалось, а все его тело содрогалось, и это свидетельствовало, что временно парализованный напрягает все свои силы, чтобы превозмочь оцепенение. Тогда я встал и сказал напряженно ожидавшим индейцам:

— Он не умер — он жив. Душа еще находится в его теле, но будет ли это тело повиноваться ему, как и прежде, я сказать не могу. Чтобы судить о том, надо переждать некоторое время.

Но тут распростертый на земле вождь издал долгий пронзительный крик, подскочил, словно подкинутый пружиной, замахал руками и закричал:

— Я жив, жив, жив! Я могу говорить, я могу двигаться! Я не умер, не умер!

Тут Виннету взял у меня из рук его нож, протянул ему и спросил:

— Признает ли Сильный Бизон себя побежденным? Олд Шеттерхэнд мог бы его заколоть, но он этого не сделал.

Тогда мимбренхо медленно поднял руку, с трудом протянул ее мне и ответил, причем на лице его отразился сильнейший страх:

— У бледнолицего в кулаке спряталась смерть. Это было ужасно: сохранить жизнь и все же быть мертвым. Я хотел бы стать мертвым, по-настоящему мертвым. Олд Шеттерхэнд может вонзить мне мой нож в сердце, но так, чтобы я потом ничего не мог ни видеть, ни слышать!

Он стоял передо мной в позе человека, ожидающего смертельный удар. Я взял его за руку, отвел к тому месту, где стояли его сыновья, и сказал младшему из них:

— Твой старший брат получил от меня имя; тебе я даю столь же ценный подарок — я возвращаю живым твоего отца. Прими его, но скажи ему, чтобы он всегда верил Олд Шеттерхэнду!

Старик испытующе посмотрел на меня, потом закрыл глаза и произнес:

— Это, пожалуй, хуже смерти! Ты доверяешь мою жизнь ребенку! Старые женщины будут показывать на меня пальцами, а своими беззубыми ртами будут шамкать, что я был побежден тобой и теперь принадлежу ребенку, у которого даже нет имени. Моя жизнь наполнится позором!

— Нисколько! Быть побежденным в единоборстве — не позор, а твой младший сын очень скоро получит столь же славное имя, как и его старший брат. Честь твоя осталась при тебе. Спроси Виннету, спроси старейшин своего племени, они подтвердят это!

Чтобы уклониться от дальнейших возражений, я удалился. Естественно, мое поведение стало для него таким же ударом, как и тот, что он получил в затылок. Он прошел к своему месту

и там, опечаленный, опустился на корточки. Остальные мимбренхо также разошлись по своим местам, но прерванный сон пришел к ним не скоро. Когда через положенное время меня сменил Виннету, он спросил:

— Мой брат Шеттерхэнд уже наносил когда-нибудь такой удар, который не только оглушает, но и отнимает у души власть над телом?

— Нет, такого не случалось.

— Смотреть на это было ужасно! И такой паралич мог длиться долго?

— Да, конечно. Вероятно, недели, месяцы, а, может быть, и годы.

— Тогда мой белый брат никогда больше не должен бить по затылку, лучше уж сразу убивать врагов! Сильный Бизон никогда не вызовет тебя на поединок. Я догадываюсь, о чем ты говорил с Большим Ртом. Он уже сегодня хотел получить свободу?

— Да.

— Но он же тебе не сказал того, что ты хотел знать?

— Нет.

— Он и не скажет, лишь постарается обмануть тебя. Если он уже сегодня потребовал освобождения, то это просто дерзость, какой нет и у стервятников. За это он заслуживает смерти у столба пыток. А ты какую судьбу ему предрекаешь?

— Ту же самую, какую определил мой брат Виннету.

— Ты это знаешь, потому что тебе известны все мои мысли. Олд Шеттерхэнд и Виннету не жаждут крови, но они не могут спасти Большого Рта. Если мы решим дать ему свободу, то на нас падет вина за все его будущие преступления. Большой Рот — смертельный враг мимбренхо. Они могли бы взять его с собой, чтобы судить по своим законам и обычаям.

Значит, опять наши мнения совпали, причем каждый из нас догадался о пожеланиях другого. В сущности, мы думали и действовали, как близнецы-братья.

Столь неожиданно навязанный мне поединок был не в состоянии нарушить мой душевный покой; я заснул так крепко, что даже не сам проснулся: меня должны были разбудить. Мы выступили в назначенное время.

Под вечер мы достигли тесного ущелья, выходившего к лагерю, где сторожа-юма охраняли стада. Было вполне возможно, что они поставили в ущелье дозорного; стало быть, нам пришлось быть осторожными и послать вперед разведчика, причем ему пришлось слезать с лошади, потому что цокот копыт далеко разносился бы среди скал. Вследствие важности этого поста, а также потому, что я уже знал это ущелье, роль лазутчика мне пришлось взять на себя. Когда мой юный друг, Убийца юма, узнал про это, он подошел ко мне и полным трогательного почтения тоном спросил:

— Простит ли меня Олд Шеттерхэнд, если я обращусь к нему с одной просьбой?

— Говори!

— Олд Шеттерхэнд собирается отправиться на разведку. Я тоже хорошо изучил эту местность. Могу ли я пойти с ним?

— Конечно, мне нужен спутник, чтобы потом оставить его на страже, но ты уже достаточно сделал и получил имя. Путь к великим деяниям теперь открыт для тебя, потому что ты уже стал воином. Моей помощи тебе больше не потребуется, и я бы предпочел открыть другому человеку путь к признанию. Пошли-ка сюда своего младшего брата! Пусть он сопровождает меня!

Маленькому Убийце юма, конечно, милее было бы, если бы я согласился с его просьбой, в которой я ему отказал из-за его брата, тем не менее он вынудил себя на бодрый ответ:

— Сердце моего белого брата полно доброты и великодушия. Мой младший брат будет достоин твоего доверия и скорее умрет, чем совершит ошибку.

Отряд должен был остановиться, потому что кто-нибудь из юма, которых мы хотели захватить врасплох, мог оказаться в ущелье. Как только мы углубимся в узкий проход, то можем просто-напросто натолкнуться, например, на часового. Пленникам доверять мы не могли. Ведь они могли бы, оказавшись поблизости от своих товарищей, попытаться предупредить их громкими криками. Значит, пришлось остановиться и спешиться, тогда как я пошел пешком с мальчишкой-индейцем.

Он шел за мной и не говорил ни слова. Время от времени я оборачивался назад и оставался доволен выражением его лица. Он полностью осознавал как важность нашей миссии, так и оказанное ему предпочтение, поэтому его еще по-юношески мягкие черты приняли счастливое и достойное выражение.

Разница между мной, опытным воином, и им, неизвестным мальчишкой, не позволяла ему решиться идти рядом со мной, однако я с удовольствием заметил, что временами он совершенно бессознательно делал несколько шагов, догоняя меня, но, опомнившись, быстро отставал. Что-то у него было на сердце; он хотел мне о чем-то сказать, но никак не мог отважиться начать разговор. Тогда я несколько замедлил шаг и сказал:

— Мой юный брат может идти рядом со мной!

Он немедленно повиновался, потому что вежливая медлительность оказалась бы здесь неповиновением.

— Мой маленький брат желает начать со мной разговор? — продолжил я. — Он может со мной говорить!

Он благодарно посмотрел на меня своими умными глазами, но ничего не сказал. Значит, ему нечего было мне сообщить, а вопроса он еще пока не мог высказать, так как ему позволено было говорить вообще, а не задавать вопросы.

— Я знаю, что у моего краснокожего брата вертится на языке, — говорил я дальше. — Сказать?

— Олд Шеттерхэнд может говорить, если пожелает!

— Ты хочешь спросить о своем отце, Сильном Бизоне. Я прав?

— Олд Шеттерхэнд верно угадал.

— Ты, конечно, хотел бы спросить, почему его жизнь я доверил тебе?

— Хотел, но не осмеливался спросить.

— Я прочитал этот вопрос на твоем лице. Ты можешь говорить со мной прямо, как со своим товарищем.

— Если Олд Шеттерхэнд позволит мне сказать правду, то я скажу, что мой отец должен умереть!

— Почему ты так думаешь?

— Это видно по нему, и мой старший брат того же мнения. Он убьет себя, потому что не вынесет двойного позора.

— Разве можно считать позором поражение от меня? Я же победил Виннету, прежде чем он стал моим братом. Ну, спроси его, стыдится ли он этого. Поговори на эту тему со своим отцом. Его гордость мешает ему поделиться со мной своими мыслями, но ты его сын, которого он может послушать… Ты сказал о двойном позоре. Видимо, под этим ты понимаешь дарение его тебе?

— Да.

— А ты действительно считаешь это позором?

— И очень большим! Почему ты это сделал?

— Я поступил так, чтобы уберечь его от позора. Если бы я даровал ему жизнь, то он воспринял бы это как унижение. А то, что ты называешь позором, таковым не является,

напротив, он избежал его.

— Я всего лишь мальчик и еще ничего не знаю об этом, но если так говорит Олд Шеттерхэнд, это должно быть правдой.

— Это верно. Повторяю: поражение твоего отца от моих рук нельзя считать позором. Все краснокожие воины знают, как тяжело меня победить. Но он в гневном ослеплении посягнул на мою жизнь: он бы меня не пощадил, а обязательно заколол. Значит, было бы настоящим позором, если бы именно я пощадил его. Теперь его жизнь стала твоей собственностью, а так как ты еще ребенок, он может принять ее от тебя в подарок, не краснея. Теперь ты меня понимаешь?

Он подумал немножко, а потом ответил:

— Из-за истории с отцом у меня было тяжело на сердце, но теперь стало гораздо легче. Слова Олд Шеттерхэнда мудрые и умные, они очень понятны. Ни один воин не вел бы себя так, как он. Мой отец может жить теперь не стыдясь, так я ему и скажу. Но за то, что мой белый брат вручил жизнь отца в мои руки, моя жизнь должна принадлежать Олд Шеттерхэнду. Если он прикажет, я сейчас же готов пойти на смерть!

— Я не хочу, чтобы ты умирал. Ты должен жить, чтобы стать не только храбрым воином, но и хорошим человеком. А я не могу сделать тебя хорошим человеком: к этому ты должен стремиться сам. Я хочу, чтобы ты был добрым и никогда не поступал несправедливо. Я могу тебе помочь стать храбрым воином. Я позабочусь о том, чтобы ты всегда находился поблизости от меня, пока я остаюсь в этих краях.

Тогда он схватил один палец моей руки — всю руку он не решился взять, — прижал его к своей груди и сказал таким тоном, что чувствовалось: слова идут из переполненного благодарностью сердца:

— Я уже говорил моему большому белому брату, что моя жизнь принадлежит ему, теперь я хотел бы, чтобы у меня было много жизней, и тогда все они стали бы принадлежать Олд Шеттерхэнду!

— Знаю, знаю! Ты — благородный мальчик, и ты выбрал путь, на котором расцветают все добродетели. Срывай их заблаговременно, потому что чем длиннее будет этот путь, тем реже они станут попадаться, тем больше окружат их колючки, жалящие руку!

У маленького человека захватило дух. Мои слова проникли ему в сердце и нашли там благодатную почву. Его шумное глубокое дыхание было очевидным признаком волнения и искренности чувств.

Солнце быстро клонилось к закату. В ущелье стало довольно темно. Значит, мы должны были торопиться. Лучше было бы идти неслышно, чему мальчишка уже обучился. Индейцы с ранней юности посвящаются в это искусство, а такой способ передвижения можно действительно считать искусством.

Оказалось, что врагов в ущелье не было. При последних проблесках дня мы достигли выхода из теснины. Это позволило нам кое-как сориентироваться.

Когда я был пленником юма, мы стояли лагерем недалеко от ущелья. Тем временем угнанный скот подъел всю траву поблизости, и пастухи были вынуждены перебраться подальше. Коровы и лошади казались нам издали меньше собачонок, а индейцы, наблюдавшие за ними, выглядели трехлетними детьми.

Только один из них был значительно крупнее, потому что был гораздо ближе: он шел к нам, точнее — к выходу из ущелья. Желая выяснить, насколько сообразителен мальчик, я спросил его:

— Ты видишь приближающегося к нам юма. Дойдет ли он до самого ущелья или повернет с полдороги?

— Он подойдет сюда и останется поджидать здесь воинов, погнавшихся за тобой.

— Не лишнее ли это?

— Нет. Когда они подъедут, он должен сказать им, где теперь находятся его товарищи, потому что они достаточно далеко отошли отсюда.

— Однако воины нашли бы своих товарищей и без подсказки, потому что пастухи наверняка разожгут костер.

— Они будут осторожными и не решатся зажечь костер. Они ведь не знают, удастся ли юма поймать тебя, а Олд Шеттерхэнд очень опасен для своих врагов.

— Хм! Почему же этот человек идет только сейчас? Почему он не мог прийти на свой пост засветло?

— Потому что те, кого он ожидает, днем увидели бы стада, а значит, никакого подсказчика им не понадобилось бы.

— Совершенно верно. Ты, вообще, во всем правильно разобрался. Но одних знаний недостаточно, необходимо уметь действовать.

— Пусть Олд Шеттерхэнд скажет мне, что надо делать! Я выполню все распоряжения.

— Я хотел бы взять в плен этого юма.

И без того темное лицо мальчишки почти почернело от волнения, вызванного моими словами, однако он ответил:

— Если Олд Шеттерхэнд только протянет свою руку, юма не сможет уйти от него.

— Разве у тебя нет своих рук?

Сверкающими глазами он посмотрел на меня, но сдержал себя и ответил подчеркнуто скромно:

— Это всего-навсего руки мальчика, который не смеет действовать в присутствии великого воина.

— Я разрешаю тебе действовать. Ты должен показать своему отцу, что был рядом со мной.

— Тогда я его подстрелю.

— Нельзя. Его товарищи услышат выстрел. К тому же я сказал, что хочу взять его в плен.

— Пусть Олд Шеттерхэнд отдаст любое приказание: я все выполню.

— Ты и сам должен бы знать, что надо сделать. Если ты будешь следовать только моим советам, то действия будут не совсем твоими. Соображай быстрее, пока не стало слишком поздно!

Он взглянул на теперешнее местонахождение юма, оценивая расстояние, а потом внимательно осмотрелся. Лицо его при этом стало сосредоточенным и сообразительным.

— Я знаю, что делать, — сказал он потом. — Мы стоим у выхода из ущелья, а прямо над нами возвышается скала. Юма не останется снаружи, он войдет в ущелье.

— Я считаю, что твое предположение весьма правдоподобно.

— Я выбрал для себя укрытие, там и спрячусь, пока он не подошел. Потом я проскользну позади юма и ударю его по голове прикладом своего ружья. Он упадет, и тогда я свяжу его своим лассо.

— Если укрытие хорошее, то и весь план неплох. Где оно находится?

— Сразу за нами.

Мы стояли, как я уже сказал, за скалой, прикрывавшей выход из ущелья. В нескольких шагах позади находился уступ шириной локтя в два и чуть повыше человеческого роста. Если забраться на уступ и распластаться на нем, то проходящий мимо скалы юма не сможет заметить лежащего наверху человека. Поэтому я спросил:

— А ты сможешь забраться? Камень же совершенно отвесный и гладкий.

— Пустяки! — бросил он презрительно. — Я мог бы забраться и повыше.

— Но когда ты спрыгнешь вниз, он может услышать!

— Я не буду прыгать, а тихо соскользну вниз.

— Тогда быстрее вверх! Еще есть время.

— А куда спрячется Олд Шеттерхэнд?

— Это — мое дело. Не рассчитывай на меня: я не смогу помочь тебе. Если ты не будешь действовать умно, быстро и решительно, он тебя убьет.

На это мальчишка гордо ответил:

— Юма еще никогда не убивали ни одного мимбренхо, так будет и в дальнейшем. Я возьму его в плен и поставлю к столбу пыток.

Он хорошо лазил и быстро, как белка, забрался на упомянутый уступ, прижавшись к скале так, что его нельзя было увидеть снизу.

Теперь самое время было и мне подумать о том, куда бы спрятаться, потому что юма до нас не дошел самое большее трехсот шагов. Я немного отступил назад, за выступ той же скалы, возле которой мы стояли. Несмотря на мое присутствие, маленький герой рисковал жизнью. Если юма заметил его и готов к схватке, то я не смог бы достаточно быстро оказать помощь, а стрелять мне было нельзя, ибо этот выстрел был бы услышан оставшимися снаружи пастухами. Поэтому я ожидал наступления событий в большом напряжении, поскольку я подвиг мальчика на опасное дело и чувствовал себя ответственным за его жизнь. Конечно, я от всего сердца желал маленькому мимбренхо удачи. Он отвез мое послание своему отцу и своевременно привел помощь. За одно это я охотно отблагодарил бы его, как и брата, достойным боевым именем.

Действия мимбренхо облегчались тем, что стало еще темнее, особенно здесь, в ущелье. Появилось еще одно обстоятельство, которое до того мы, как чисто случайное, не приняли во внимание. Юма, подойдя к выходу из ущелья, остановился на том же углу, где незадолго до этого мы устроили свой наблюдательный пункт, и совсем не собирался заходить в теснину. Он занял свой пост, начав медленно прохаживаться то в одну, то в другую сторону. При этом он не раз подходил к скале, на которой лежал мимбренхо, но не настолько близко, чтобы тот мог дотянуться прикладом до головы часового.

Я успокоил себя, что маленький мимбренхо подождет, пока юма подойдет к нему достаточно близко, и вооружился терпением. Время текло очень медленно. Стало так темно, что я не видел дальше, чем на двадцать шагов. Напрягая слух, я улавливал каждый звук и уже собирался поближе подкрасться к скале, чтобы в случае чего оказаться поближе к месту схватки, когда до меня донесся шум, напоминавший удар палкой по тыкве. Видимо, юма неосторожно приблизился к скале, где лежал мальчик. Я застыл на месте и слушал дальше. Донесся хриплый стон, потом снова повторился уже слышанный мною звук. Юма, должно быть, получил второй удар прикладом. Теперь я больше не заботился о мальчике и только ждал, что он предпримет. Очень скоро я услышал шаги, а потом мимбренхо вполголоса произнес мое имя. Когда он подошел ко мне совсем близко, я вышел к нему и спросил:

— Ну, как мой юный брат выполнил свою задачу? Удачно?

— Да. Юма ходил под моей скалой туда-сюда; а когда он подошел, я нанес удар, и он упал. Часовой застонал и захотел подняться, но я спрыгнул сверху и нанес ему второй удар, после чего он затих и остался лежать неподвижно. Тогда я связал его своим лассо. Не знаю, жив ли он или я убил его.

— Сейчас выясним. Пошли, посмотрим!

Мы подошли к уступу, где я сразу увидел лежащего юма. Он уже пришел в себя. Удары оглушили его только на несколько мгновений, за которые его и связал мальчишка. На помощь он не звал, потому что ему было неизвестно, сколько врагов на него напало. Тем более что он

слишком удалился от своих товарищей, и они вряд ли бы услышали его крики. Все, что при нем было, стало, естественно, добычей пленившего его, но она оказалась невелика. Карманы пленника были совершенно пусты, а вооружен он был только ножом да луком с колчаном, в котором остались три или четыре плохоньких стрелы. Я пожелал бы моему маленькому герою более богатой добычи, потому что индейцы считают, что чем больше добыча, тем значительнее подвиг.

Наша рекогносцировка прошла удачно и дала благоприятный результат. Теперь нам надо было возвращаться, взяв с собой пленника, потому что нельзя же было оставлять его здесь. Я был уверен, что часового придут сменять, и прежде чем это произойдет, мы должны были снова быть здесь и успеть схватить сменщика, иначе он, не найдя постового, поднимет шум. Поэтому я спросил пленного:

— Слушай, ты меня знаешь?

— Олд Шеттерхэнд! — ответил он с испугом. — Да, я тебя знаю!

— Если тебе дорога жизнь, то не говори громко и отвечай на мои вопросы только правду! С того времени, как я убежал от вас, сюда приходили новые юма?

— Нет, никого не было.

— Не случилось ли за это время чего-нибудь важного?

— Нет.

— Когда тебя будут менять?

— Через два срока, которые бледнолицые называют часом.

— Сейчас ты пойдешь с нами. Мы освободим твои ноги, чтобы ты смог идти. Если ты только попытаешься убежать, я заколю тебя на месте!

Я развязал ему путы на ногах, а руки прикрутил к телу. Таким образом, он для нас не представлял опасности. Несмотря на темноту, мы возвращались куда более быстрым шагом, чем двигались по пути сюда, потому что тогда мы вынуждены были идти медленно, опасаясь неожиданной встречи с пастухами.

Когда я рассказал Виннету, на каком отдалении мы видели юма, он сказал:

— Значит, легче будет напасть на них, только пленных нам с собой брать не надо, потому что они могут криками выдать нас. Что думает мой брат Шеттерхэнд о том, скольких мимбренхо достаточно для нападения на врагов, притом что ни один из них не должен уйти от нас?

— Половины наших воинов более, чем достаточно, но лучше взять побольше, так как всегда надо рассчитывать на неожиданность.

— А другой половины хватит, чтобы охранять здесь пленных?

— Я думаю, что да.

— Кто будет им приказывать?

— Сильный Бизон, потому что Виннету и я должны участвовать в нападении. Нам даже необходимо обойти пастухов, чтобы узнать про их расположение. Это придется нам сделать вдвоем, потому что это тяжело, так как они не разожгли костра.

— Я предпочел бы держать Сильного Бизона возле себя, потому что я больше не доверяю ему так, как прежде, а поэтому за ним нужно присматривать. После поединка с моим братом Шеттерхэндом он стал другим человеком. Глаза его смотрят только к себе в душу, не обращая больше внимания на происходящее вокруг.

— Это не мешает передать ему присмотр за пленниками. Он не будет заботиться о них, да это и не нужно, но следить за ними он будет. Поединок вызван как раз его ненавистью к юма. Он считал, что я хотел отпустить их на свободу, или, по крайней мере, одного вождя. Он хочет всех их поставить умирать у столба пыток и, конечно, не совершит ошибки, вследствие которой

хотя бы один из пленников сможет убежать. Я поговорю с ним.

Сильный Бизон не слышал моего разговора с Виннету, потому что находился далеко от нас. Я пошел к нему, забрав с собой и его младшего сына вместе с пленником.

— Почему вождь мимбренхо не сидит рядом с Виннету? — спросил я его. — У Виннету есть для него важное сообщение.

— Что он еще может дать мне, кроме моей славы, которую я потерял! — мрачно ответил он.

— Разве слава твоих сыновей не так же важна для тебя, как и твоя собственная?

— Ты говоришь об Убийце юма?

— Нет, о твоем младшем сыне.

— Но у него еще нет ни имени, ни славы; о нем я не думал.

— Ты заблуждаешься. Он будет знаменитым воином. Он доказал уже это.

— Тем, что пошел с тобой посмотреть, нет ли в ущелье юма — какое ж тут геройство? Каждый мальчишка племени мимбренхо умеет выслеживать врага.

— Но сбить врага с ног и взять его в плен — каждый ли ваш мальчишка может выполнить такое? А твой сын это сделал. Вот здесь, перед тобой, стоит юма, взятый им в плен.

— Наверное, ты сам пленил его, а потом подарил моему мальчику, как уже вручил ему прежде мою жизнь.

— Нет. Он это сделал сам. Я ушел, а он подстерег юма, свалил его с ног и связал своим лассо. Когда я вернулся, все уже было кончено, так что мне больше нечего было делать.

Тут лицо у старика оживилось. Он встал, положил своему второму сыну руку на голову и проговорил:

— Ты — мой младший сын, но тебе нечего завидовать своему старшему брату ни из-за имени, ни из-за храбрости, потому что Олд Шеттерхэнд с нами и он поможет тебе получить славное имя. Пленник принадлежит тебе, и когда он будет стоять у столба пыток, ты пошлешь в него смертельную стрелу.

— Позаботься о том, чтобы все они дошли до столба пыток, — напомнил я вождю. — Мы передаем пленников под твой надзор и в помощь оставим тебе половину твоих воинов.

— А другой половиной вы хотите пленить остальных юма? А я должен оставаться здесь? Почему вы не хотите взять меня с собой?

— Потому что один из нас троих, ты, Виннету или я, должен остаться здесь, а мы знаем, что ты будешь хорошо их охранять. Пленные принадлежат тебе, значит, ты и должен ими заниматься.

— Мой белый брат прав: пока я здесь, ни одной собаке не удастся уйти от нас. Вы можете идти без опаски.

— Что мы и сделаем. Будь готов следовать за нами, как только мы пришлем к тебе посланца!

Затем были выбраны воины, которые будут нас сопровождать. Потом мы сели на коней и поскакали к выходу из ущелья, где спешились и передали лошадей нескольким сторожам. Мы торопились не пропустить смены часовых, поэтому пустили лошадей в галоп, так как, не найдя никого на посту, юма бы подняли шум. Прихода смены можно было ожидать в любой момент. А так как подходящий караульный мог услышать стук лошадиных копыт, то мы с Виннету пошли ему навстречу. Направление я знал. В нескольких десятках метров от ущелья мы остановились и стали ждать. Не прошло и двух минут, как мы услышали шаги. Мы разошлись: я отступил налево, Виннету — направо, а когда юма проходил между нами, мы крепко схватили его с двух сторон и потащили к ущелью, где возле своих лошадей мы оставили стражу.

Потом я решил вместе с Виннету обойти стоянку юма. Они все еще не разжигали огня, тем

не менее через каких-нибудь полчаса мы нашли их и вернулись, чтобы позвать своих людей и дать им указания. Враги сделали нашу задачу легкой. Они сидели вместе, примерно в середине выпаса, и лишь четверо из них были несколько подальше, не позволяя животным расходиться. Если бы нам удалось безо всякого шума захватить этих четверых, мы легко окружили бы всех остальных, так что те вынуждены были бы сдаться, не оказав никакого сопротивления. В противоположном случае мы вынуждены были бы стрелять.

К счастью, этого не потребовалось. На четверку мы напали внезапно и связали без труда. Одному из них я сообщил обо всем, что произошло, а когда мы окружили сидящих, я послал его предупредить своих товарищей, что они окружены, а также сказать, что, если они через десять минут не сдадутся, мы будем стрелять. Они были настолько умны или настолько трусливы, что не потребовалось и времени на раздумье: они сразу же сдались.

Теперь мы разожгли костры и подвели лошадей. Потом послали гонца к Сильному Бизону, чтобы он двигался к нам с остальными мимбренхо и пленниками. После этого в лагере началась большая суета. Хотя мы считали украденный скот собственностью асьендеро, однако забили несколько голов, чтобы у нас было мясо. Можно было считать это небольшой платой за то, что остальной скот мы непременно собирались возвратить хозяину. Мы с Виннету решили в то же утро выступить со стадами в направлении асиенды. Когда об этом сообщили вождю мимбренхо, он спросил:

— А какова будет судьба пленных?

— Они принадлежат тебе. Делай с ними все, что хочешь, — ответил Виннету.

— Тогда я сейчас же отправлю их к пастбищам моего племени, где мы устроим над ними суд.

— Для этого тебе нужны люди, а я же не могу один с Олд Шеттерхэндом гнать стада на асиенду!

— Я дам вам пятьдесят человек, которые вам помогут.

Мы ожидали этого и, разумеется, мгновенно согласились. Мне теперь надо было переговорить с Большим Ртом, чтобы получить самые необходимые сведения о мормоне и его планах. Конечно, я был убежден, что он не скажет мне правду, однако все же надеялся, что кое-что попытаюсь выведать. Мне даже не надо было думать о том, как начать с вождем разговор, не надо было давать ему понять, как мне необходимы эти сведения. Я не раз замечал, что как только я оказывался поблизости, он, увидев меня, сразу же сам обращался ко мне. Поэтому, притворившись, что иду проверить, крепко ли связаны пленники, я подошел и к вождю. Когда я прикоснулся к его ремням, он спросил меня рассерженно, но все же достаточно тихо, чтобы слышать его мог лишь один я:

— Зачем ты напал на моих воинов?

— Потому что они наши враги.

— Но зачем ты это сделал, раз должен будешь сдержать свое обещание и снова освободить их?

— Но я же должен был отнять у них угнанный из поместья скот, так как я хочу вернуть стада асьендеро.

— Дону Тимотео Пручильо?

— Конечно.

— Но он же теперь вовсе не асьендеро! — рассмеялся он.

— А кто же тогда владеет поместьем?

— Бледнолицый, которого вы зовете Мелтоном.

— Мелтон? Но как же он успел стать асьендеро?

— Он купил у дона Тимотео асиенду. Может быть, ты хочешь ему вернуть скот?

— Это не мое дело! Я верну стада дону Тимотео Пручильо!

— Ты не найдешь его. Он уехал из Мексики.

— Откуда ты об этом знаешь?

— От Мелтона, который вместе с Уэллером заставил его так поступить.

— Значит, Мелтон теперь в качестве законного владельца находится на асиенде?

— Нет.

— Где же он тогда?

— Сейчас он на… в…

Он запнулся. Хотя он уже собирался дать мне ответ, но опомнился, и когда я повторил вопрос, он огрызнулся:

— Я этого не знаю.

— Но ведь ты только что хотел мне об этом сказать! Тогда скажи мне, что случилось с белыми переселенцами?

— Они должны… они… они находятся…

Он снова запнулся.

— Ну, говори же! — потребовал я от него.

— Но я не знаю, где они!

— Нет, я слышу по твоему голосу, что ты знаешь!

— Я не могу знать об этом. Все люди, о которых ты говоришь, были моими пленниками. Тебе известно, что я их отпустил. Как могу я знать, что с ними случилось и где они находятся!

— Ты должен это знать, потому что ты посвящен в планы Мелтона. Ведь это он потребовал от тебя напасть на асиенду.

— Что ты такое говоришь? Кто это так налгал тебе?

— Это не ложь, а самая настоящая правда. Когда Мелтон с переселенцами находились на пути к асиенде, ты вместе с Уэллером разыскал его, и вы обо всем договорились.

— Но это неправда!

— Не ври! Я сам это видел.

— Твои глаза тебя обманули.

— Мои глаза никогда меня не обманывают. Ложь не принесет тебе никакой пользы. Я должен непременно узнать, что случилось с переселенцами после вашего нападения на асиенду, которую вы сожгли.

— А я не могу тебе об этом сказать, потому что сам ничего не знаю.

— Знаешь. Ты обещал мне сообщить эти сведения.

— А ты обещал освободить нас, но вместо того, чтобы выполнить свое обещание, ты взял в плен новых моих братьев.

— Я выполню свое обещание, если ты сдержишь свое.

— Я сдержал его и сказал тебе все, что знал сам.

— Это — неправда, и ты напрасно об этом споришь! Таким образом, мы были квиты, если бы каждый из нас сдержал свое слово. Но теперь мы тоже расквитались, потому что никто из нас двоих не выполнил своего обещания. Сегодня я в последний раз ночую с вами. Рано утром я расстанусь с Сильным Бизоном, который поведет вас к своим пастбищам, где всех вас ждет смерть у столба пыток.

Я притворился, что хочу уходить. Это помогло. В голове Большого Рта пронесся целый рой мыслей. Утром я ухожу от мимбренхо! Он-то надеялся, что я его освобожу! А я проведу возле него только один вечер! От Сильного Бизона ему нечего было ждать милости.

— Подожди-ка! — крикнул он, когда я уже сделал несколько шагов.

— Ну? — спросил я, подходя к нему снова.

— А ты действительно освободишь нас, если я тебе все скажу?

— Да. Но ты же ничего не знаешь!

— Я все знаю. Только Мелтон приказал мне молчать.

— Тогда открой наконец рот. Что произошло с переселенцами?

— Сдержи сначала свое слово! Ты помнишь, что я сказал тебе, когда ты взял нас в плен? Я буду отвечать на твои вопросы только свободным человеком.

— А я, со своей стороны, сказал тебе, что отпущу тебя на свободу не раньше, чем ты ответишь на мои вопросы.

— Я остаюсь при своем решении, и, значит, ты должен передумать.

— И я не изменю своего решения, и все останется так, как я сказал: Сильный Бизон завтра утром уведет вас.

Я снова собрался уходить. На этот раз он отпустил меня подальше, но потом крикнул вслед:

— Пусть Олд Шеттерхэнд подойдет еще раз!

Я подошел к нему и решительно заявил:

— Скажу тебе свое последнее слово: сначала ты все мне расскажешь, и только потом я отпущу тебя на свободу. Это мое последнее слово. А теперь решайся быстрее! Ты хочешь говорить?

— Да, но я надеюсь, что после этого ты выполнишь свое обещание.

— Что я сказал, то и будет. Итак, Мелтон хотел, чтобы вы напали на асиенду?

— Нет.

— Были ли в сговоре с Мелтоном те двое бледнолицых, которые называют себя Уэллерами?

— Нет.

— Но Мелтон купил асиенду?

— Да.

— Какие планы были у него относительно переселенцев?

Он немного помедлил, как будто собираясь найти уловку или набираясь мужества высказать еще один раз уже произнесенную ложь, и только тогда, когда я повторил свой вопрос, он ответил:

— Он хочет их продать.

— Продать? Что? Продать людей! Но это же невозможно!

— Возможно! Ты должен знать это даже лучше меня, потому что ты бледнолицый, а покупают и продают людей одни бледнолицые. Или ты станешь отрицать, что чернокожие тоже относятся к людям? Разве их не продают в рабство?

— Здесь речь идет не о черных. Я говорю о бледнолицых, которых нельзя купить, как рабов.

— И все же их продают! Я слышал, что в морских портах есть такие капитаны, которые так плохо относятся к людям, что никто не идет к ним в матросы. Когда такому жестокому капитану нужны люди, он крадет их или покупает.

— А-а! Хм! Не хочешь ли ты сказать, что белые переселенцы были проданы именно такому капитану?

— Именно так оно и есть.

— Кем же они были проданы?

— Мелтоном. Переселенцы принадлежали ему, значит, он мог с ними сделать все, что ему придет в голову. Он вызвал их из родной страны, заплатив там за них очень много денег.

— Это были не его деньги, а средства асьендеро.

— Так он же купил асиенду, а вместе с ней и белых. Теперь он захотел вернуть эти деньги,

а так как эти люди не могли их ему предоставить, он просто-напросто продал их капитану какого-то судна.

— Откуда ты все это знаешь?

— От него самого. Прежде чем я выпустил его на свободу, он сказал мне, что хочет продать белых людей.

— Где же находится этот капитан.

— В Лобосе. Вот теперь я сказал тебе все, что знаю. Твое пожелание я выполнил, а теперь требую, чтобы ты сдержал свое слово.

— Ты и в самом деле требуешь этого? Так. Ты умный, даже очень умный человек, но ты не учел, что могут найтись люди поумнее тебя.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— Тот, кто желает ввести в заблуждение кого-то поумнее себя, должен быть очень осторожным и тщательно обдумывать каждое слово. Это ты должен запомнить! Кто этого не сделает, того легко разоблачат и он обманет не другого, а самого себя. История, которую ты мне рассказал, лжива от начала до конца. Капитан судна существует только в твоем воображении. Вообще-то ты должен знать, что ни один капитан не возьмет в матросы ни женщин, ни детей.

— Значит, ты мне не веришь? Тогда мне жаль, что я тебе все рассказал. Все это — чистая правда, которую я слышал от самого Мелтона. Значит, я выполнил свое обещание, и теперь ты должен сдержать свое слово!

— Разумеется. Я дал слово освободить тебя, если ты мне скажешь правду, но теперь я должен сдержать свое обещание, свое слово, хотя ясно, что ты меня обманул.

— Как? Ты не хочешь мне помочь, не хочешь освободить меня?

— Нет.

Если бы он мог, то подскочил бы от гнева, а теперь, несмотря на сдерживающие движения ремни, он все же с трудом сел и прошипел:

— Ты назвал меня лжецом, но ты сам стал позорнейшим обманщиком, который только существует где-либо! Будь мои руки свободны, я бы удушил тебя!

— Охотно верю, что ты по меньшей мере сделал бы такую попытку, но не потому, что я говорю ложь, а потому, что я не так глуп, чтобы верить твоим выдумкам. Такой парень, как ты, не сможет обмануть меня!

— Да ты сам обманщик, ты…

— Молчи! — оборвал я его. — Мне с тобой больше говорить не о чем. Одно только еще хочу тебе сказать: ты все-таки не промолчал, конечно, не по своей воле. Теперь я все же кое-что знаю, а ты завтра отправишься с Сильным Бизоном.

— Ты ничего не знаешь, совсем ничего, и даже никогда ничего не узнаешь! — мрачно усмехнулся вождь.

Я отошел в сторонку и там остановился, потому что, пока я говорил с Большим Ртом, за кустом, возле которого было устроено его ложе, я заметил какое-то движение. Там кто-то прятался; я догадывался, кто это был; посмотрев туда, где сидел Сильный Бизон, я не увидел вождя мимбренхо. Присмотревшись к кусту, я заметил какую-то фигуру, прячущуюся за ним. В тот же момент я убедился в том, что есть еще более зоркие глаза, чем мои, потому что, опустившись на землю возле Виннету, сидевшего несколько поодаль, я услышал слова, сорвавшиеся с его насмешливо улыбающихся губ:

— Мой белый брат говорил с Большим Ртом. Видел ли он куст, за которым лежал этот вождь юма?

— Да.

— И того, кто за ним прятался?

— Да.

— Сильный Бизон все еще полон недоверия, но теперь он убедился, что был не прав.

Таким проницательным был мой брат Виннету. Он видел только, что я говорил с вождем юма, но не слышал ни единого слова из нашей беседы, и тем не менее он в точности знал все, что произошло между мною и Большим Ртом. Мы так хорошо знали и любили друг друга, что каждый мог читать в душе друга.

Как раз в это время Сильный Бизон стал переходить от одной группки своих людей к другой. Он попытался пройти мимо нас, но Виннету окликнул его:

— Мой краснокожий брат мог бы присесть к нам. Мы хотим поговорить с ним.

— Я готов беседовать с вами, — ответил мимбренхо на наше приглашение.

— Мой белый брат Шеттерхэнд, — продолжал Виннету, — получил от Большого Рта такие сведения, которые мы сейчас же должны обсудить.

И эти слова говорили о том, какой сильной логикой обладает апач. Тоном дружеской иронии он задал вопрос:

— Сильного Бизона не было видно на его месте. Он, вероятно, ходил и высматривал, не найдется ли где какой-нибудь куст?

— Я не понимаю вождя апачей, — ответил мимбренхо в явном замешательстве.

— Куст, за которым можно было бы спрятаться и подслушивать, о чем говорит Олд Шеттерхэнд с Большим Ртом?

— Уфф! Так Виннету меня видел?

— Я видел, как Сильный Бизон подполз и уполз. Теперь он будет знать, что зря оскорбил моего белого брата. Олд Шеттерхэнд не может быть предателем, он честный человек. Кто неправедно поступает по отношению к другому человеку, а потом осознает это, но молчит, тот не может быть настоящим мужчиной!

Скрытый вызов, прозвучавший в последних словах, усилил смущение мимбренхо. Некоторое время он боролся со своим самолюбием, но потом дружеские чувства одержали верх, и он признался:

— Да, я тяжело обидел моего доброго брата Олд Шеттерхэнда. Я назвал его изменником. Это тяжелейшее оскорбление, какое можно нанести обычному воину. Но как же назвать его, если оно направлено против Олд Шеттерхэнда! Он не может меня простить.

— Я прощаю тебя, — успокоил его я. — У тебя вспыльчивая натура, но доброе сердце. Если ты признал свою неправоту, у меня больше не будет к тебе претензий.

— Да, признаю и скажу это громко при всех, кто слышал это оскорбление. Никогда больше я не стану в тебе сомневаться!

— Надеюсь на это ради нашей дружбы, я верю тебе. Оставим это и больше не будем вспоминать!

— Да, забудем эту историю, такое больше никогда не повторится. Ты оправдан, хотя многое из того, о чем вы говорили с юма, я просто не понял.

— В этом я убежден. Понятым я мог быть только тем человеком, который исповедует мои собственные убеждения, а такая личность одна на свете: это я сам.

— Ты не поверил в рассказ о капитане судна?

— Нет.

— Значит, белые переселенцы не были проданы?

— Нет, по меньшей мере — не в том смысле, как это представил юма. Не проданы, а обмануты, они были постыдно обмануты Мелтоном и обоими Уэллерами.

Так как Виннету только догадывался, но не знал ничего конкретного о моем разговоре, я передал апачу его содержание. Он внимательно выслушал мой рассказ, потом ненадолго

задумался и наконец сказал:

— Кто вызвал чужих бледнолицых, асьендеро или Мелтон?

— Первый из них.

— Значит, именно он за них заплатил?

— Да.

— Ты считаешь, что он обошелся с ними честно?

— Я убежден в этом. Он был сам обманут.

— Мелтон купил у него асиенду?

— Теперь я могу в это поверить. Но прежде Мелтон организовал нападение на имение, которое затем разграбили и сожгли, после чего скупил землю по дешевке.

— А переселенцев он тоже купил?

— Я думаю, что да, потому что в контрактах переселенцев была одна фраза, в которой говорилось, что нанятые работники продолжают выполнять свои обязанности и в том случае, если поместье переходит к наследникам асьендеро. Вот это-то как раз и волнует меня больше всего. Если Мелтон станет их хозяином, то их благополучию придет конец.

— Одного только я не могу понять. Он позволил разгромить асиенду, чтобы она потеряла всякую ценность, а потом ее все-таки купил. Значит, имение, несмотря на его опустошение, имеет какую-то цену, по меньшей мере для Мелтона, а не для асьендеро.

— Это, безусловно, верно, но и мне здесь ничего не ясно. После того как поместье сожжено и все там уничтожено, владелец асиенды не сможет заниматься ни земледелием, ни скотоводством. Значит, Мелтон предусматривает какое-то другое использование этой земли, именно этим он хочет заставить заниматься переселенцев. Я убежден, что он уже обдумал свой коварный план, когда уговорил асьендеро пригласить чужеземных рабочих. В любом случае речь идет о каком-то мошенничестве, от которого я должен защитить чужестранцев, детей моей родины.

— Олд Шеттерхэнд — мой брат, следовательно, и они — мои братья. Виннету готов предложить им свои услуги.

— Благодарю тебя! Ты можешь заменить многих воинов. Промедление в этом деле опасно. Мы могли бы приступить к помощи переселенцам уже сейчас, но нам надо как можно скорее вернуть стада асьендеро. На это у нас уйдет свыше четырех дней.

— Нет, мы поскачем одни. Что будет делать Сильный Бизон? Он будет нас сопровождать?

— Я поехал бы с вами, — ответил вождь, — но мои братья увидят, что будет лучше, если я останусь с пленными юма. Моих воинов придется разделить на два отряда. Пленных необходимо увести к нашим вигвамам, но надо и скот доставить на асиенду. Пятидесяти моих воинов хватит для выполнения последнего задания, а в предводители им я дам опытного воина. Когда они пригонят скот на асиенду и окажется, что мои воины вам понадобятся, они будут подчиняться вам, словно мне самому. С другими воинами я уведу юма. Чем дальше пленные уйдут от асиенды, тем меньше надо будет о них заботиться, тем меньше надо будет бояться, что они убегут и кинутся за ворованным скотом и нападут на вас, подвергнув опасности ваши жизни.

Все сказанное было в высшей степени разумно. Вождь был прав. Кроме того, я не очень-то хотел иметь в числе спутников вспыльчивого старика. Я был убежден, что с Виннету куда легче и скорее доберусь до цели, чем с этим весьма вспыльчивым человеком. Поэтому я сразу же дал согласие, что одобрил и апач:

— Мой краснокожий брат правильно рассуждает. Может быть, пятьдесят воинов нам понадобятся и после того, как мы перегоним скот владельцу. Поскольку мы с Олд Шеттерхэндом поедем вперед, то нам, возможно, придется переслать им какое-то сообщение.

Для этого нам потребуется еще один воин, который будет сопровождать нас двоих и сможет стать посланцем.

А я еще добавил:

— Я бы очень попросил Сильного Бизона оставить нам обоих своих сыновей. Ребята смелы и умны, они доказали мне, что могут выполнить роль посланца. Это устраивает моего друга Виннету?

— У Олд Шеттерхэнда всегда разумные предложения, — ответил апач.

Вождь также выразил свое согласие. Он был горд тем, что его сыновья, несмотря на свою молодость, удостоились такого отличия, и обещал найти для них двух самых быстрых и самых выносливых среди своих лошадей. Нам, конечно, это понравилось, так как если бы мальчишек посадили на клячей, то они не смогли бы выдерживать шаг наших вороных.

После того как были обсуждены еще кое-какие детали, мы легли спать, чтобы проснуться пораньше. Едва засерело утро, как мы набрали провианта, потому что не знали, найдем ли съестное на ограбленной асиенде, и сели на коней. Мимбренхо простились с нами очень сердечно. Их вождю мы должны были пообещать, что разыщем его после выполнения своей задачи. Если же его помощь понадобится раньше, то мы обратимся за нею именно к нему, а не к другому вождю. Только пленные юма мрачно смотрели на наш отъезд. Их предводитель, Большой Рот, крикнул нам вслед:

— Вот уезжают предатели и трижды лжецы. Если бы у меня не были связаны руки, я бы тут же расправился с ними.

Да, он находился в плену, и мы надеялись, что он никогда не получит свободу. Тем не менее очень скоро мы опять должны были встретить этого опасного человека!..

Глава пятая
PLAYER[72]

В дороге наши скакуны проявили все свои достоинства. Мы беспокоились о переселенцах, а поэтому изрядно подгоняли своих вороных, полагая, что позднее, после нашего прибытия на асиенду, они смогут отдохнуть. В результате уже к вечеру следующего дня мы достигли границ асиенды. Кони ребят роняли пену и выглядели усталыми, тогда как наши жеребцы были такими сухими и свежими, словно мы только начали далекий путь.

Мы поехали вдоль ручья и вскоре увидели перед собой стены асиенды, окружавшие теперь огромное пепелище. У входа нас никто не задержал, тем не менее я помедлил, перед тем как въехать во двор. Виннету сразу же понял меня и сказал:

— Пусть мой брат Шеттерхэнд поищет переселенцев сначала один. Ведь именно краснокожие люди напали на асиенду. Если кто-либо здесь спрятался и увидел нас, то он может принять наш отряд за вернувшихся юма и убежать, так что мы не сможем получить никаких сведений.

Итак, я один заехал во двор. Я увидел закопченные до черноты остатки стен, обыскал их, но не нашел ни единой живой души. Тогда я попытался разыскать кого-нибудь за стенами этих развалин. Направившись к юго-западному углу усадьбы, я сразу увидел человека, причем белого, медленно шедшего мне навстречу. На нем был длинный черный сюртук, придававший его владельцу вид духовного лица. Когда он увидел меня, то остановился, как громом пораженный.

— Buenos dias![73] — приветствовал я его. — Вы жили на этой асиенде, сеньор?

— Да, — ответил он, сверля меня своими колючими глазками.

— Кто ее хозяин?

— Сеньор Мелтон.

— Ах, вот как! Он-то мне и нужен. Мелтон — мой знакомый.

— Мне очень жаль, что вы его не встретили. Он поехал в Урес вместе с сеньором Тимотео Пручильо, прежним хозяином, чтобы оформить покупку по всем правилам.

— А с ним были его друзья?

— Оба сеньора Уэллера? Нет. Они поехали вверх, на Фуэнте-де-ла-Рока[74].

— А немецкие рабочие?

— Они вместе с обоими сеньорами тоже направились вверх, где их ожидают индейцы юма. Они, должно быть, его большие друзья, потому что все время спрашивали про сеньора Мелтона. Могу ли я узнать, кто…

Вдруг он прервал фразу. Он продолжал свой путь, а я ехал возле него. Мы только что повернули за угол. Он увидел троих индейцев, остановился и замолчал, испуганно уставившись на апача, а потом крикнул по-английски, тогда как до сих пор мы пользовались только испанским языком:

— Это же Виннету! Тысяча чертей! Сам сатана привел его сюда!

При последних словах он повернулся и побежал, перепрыгнув с разбега через широкий ручей, и помчался, как затравленный зверь, по покрытой пеплом лесной гари, среди обгоревших остатков деревьев и кустов. Виннету тоже видел и слышал его. Он тронул коня, проехал мимо меня, ни слова не говоря, и помчался за беглецом. Конечно, он знал этого человека, и, похоже, в его худших проявлениях, потому что теперь, в создавшихся условиях, считал целесообразным нагнать на беглеца страху.

Но это оказалось нелегко. Бесчисленные обгорелые головни толщиной в руку, почти сливающиеся по цвету со слоем пепла, нельзя было различить при быстрой скачке, а это очень легко могло привести к падению коня, который мог переломать ноги. Виннету понял это после того, как его вороной несколько раз споткнулся. Он остановил коня, спрыгнул на землю и продолжил погоню.

Если бы я знал, что встреченный человек — враг и его надо схватить, я бы с легкостью всадил ему пулю в голень, чтобы он не смог далеко убежать, но момент был упущен, и я вынужден был оставить эту мысль. Тем более, что Виннету в случае необходимости мог сделать то же самое не хуже меня. Он был великолепный бегун: враги никогда не могли нас догнать. Но здесь он оказался в невыгодном положении: ему мешали ружье и все его снаряжение, тогда как у беглеца ничего на себе не было, и он, подгоняемый страхом, развил такую скорость, какой в иных обстоятельствах никогда бы не достиг. Виннету не смог так быстро, как хотелось, догнать беглеца. Но я знал, что при длительном беге он настигнет преследуемого, потому что апач был гораздо выносливее беглеца.

Бежавшие устремились на высотку, поднимавшуюся за строениями асиенды и полностью выгоревшую. Беглец достиг вершины на целую минуту раньше апача и исчез на той стороне холма. Когда Виннету добрался до вершины, он, как я видел, вначале тоже собирался спуститься вниз, но потом, одумавшись, остановился, оценил расстояние до беглеца взглядом, а затем вскинул ружье. Он хотел было стрелять, но внезапно опустил ружье и решил отказаться от выстрела. Виннету повернулся и начал спускаться. Дойдя до ожидавшего его коня, он снова сел в седло и перебрался через ручей.

— Виннету лучше даст ему побегать, — сказал он. — В соседней долине есть еще не сгоревший лес; он добрался бы до него раньше меня и скрылся бы там.

— Тем не менее мой брат догнал бы его, в этом нет никаких сомнений, — ответил я.

— Да, я поймал бы его, но это отняло бы много времени, может быть, больше, чем целый день, так как я пошел бы по его следам, а их чтение — трудное дело. Поимка беглеца не стоит такой потери времени.

— Мой брат хотел стрелять. Почему он этого не сделал?

— Потому что я хотел лишь ранить его, но расстояние было таким большим, что на точный выстрел было трудно рассчитывать. Конечно, я бы в него попал, но мог сделать и смертельный выстрел, а убивать я его все же не хотел, хотя он и порядочный негодяй.

— Виннету знает этого человека?

— Да. Мой брат Шеттерхэнд, пожалуй, его никогда не видел, но имя-то этого человека он слышал. Он принадлежит к тем бледнолицым, которых называют мормонами, причисляющими себя к святым будущего дня, но в прошлом он вел непорядочную жизнь и сейчас придерживается прежних дурных привычек. На его совести есть и убийства, но ни одного из моих братьев он не умертвил, поэтому я вынужден был оставить ему жизнь.

— И все-таки ты его преследовал! Значит, ты хотел его поймать.

— Да, как только я его увидел, я об этом подумал. Если он находится здесь, на асиенде, то, конечно, стал сообщником Мелтона. Этот беглец знает все тайны и все планы своего компаньона, и нам, может быть, удалось бы вынудить его рассказать об этом.

— Если бы я об этом знал, он бы не ушел: я мог схватить его, пока разговаривал с ним, да мог и остановить пулей. Но кто же этот опасный человек, способный даже на убийство.

— Его настоящего имени я не знаю; обычно его зовут Плейером.

— Плейер! О! О нем я, конечно, слышал больше, чем достаточно. Ты знаешь, что у Мелтона есть брат, который слывет шулером. В Форт-Юинте он убил одного офицера и двух солдат, после чего я гнался за ним до Форт-Эдуарда. Я взял его в плен и передал военным

властям, но потом ему удалось уйти. Плейер очень хорошо знаком с братом Мелтона. Они много лет обделывали вместе свои делишки, и ходили слухи, что это были не только воровство и грабеж. Мне хорошо известны два или три случая, когда я считал этого Плейера виновным в убийстве. Значит, этот мошенник находится здесь! Разумеется, он вступил в сделку с Мелтоном, которого узнал через его брата, и чертовски жалко, что ему удалось бежать.

— Поедем за ним? Олд Шеттерхэнд так же хорошо разбирается в следах, как и я. Он не сможет уйти от нас.

— В этом я убежден, но Виннету совершенно верно сказал, что на этой охоте мы только потеряем ценное время. Плейер принял меня за хорошего знакомого Мелтона, а поэтому сообщил мне кое-что, в чем теперь наверняка раскаивается. Я должен поделиться этими сведениями с моим краснокожим братом.

Я рассказал ему обо всем, что услышал. Когда я закончил, он повторил в раздумье:

— Оба Уэллера вместе с переселенцами отправились вверх, к Фуэнте-де-ла-Рока, а Мелтон с асьендеро поскакали в Урес. Что надо соотечественникам Олд Шеттерхэнда у этого источника?

— Если бы я об этом знал! Виннету известно это место?

— Как-то по пути из Чиуауа в Сонору я два дня охотился там, наверху, а ночи проводил возле источника. Эта местность мне хорошо знакома. Ради охоты переселенцев не стали бы гнать наверх, а земледелием в тех диких краях вообще не занимаются. Белых чужеземцев оставили бы здесь, на асиенде, если бы их хотели использовать для работы на полях.

— Тогда дело становится загадочным, и решение мы можем найти только в том случае, если встретимся у источника с индейцами юма, союзниками Мелтона, товарищи которых по заданию мормона устроили здесь этот погром.

— Что это еще за юма? Не Большой же Рот с той оравой, которую мы пленили!

— Нет, здесь идет речь о другом отряде, но вполне вероятно, очень дружном с нашими знакомыми. Я даже предполагаю, что Большой Рот знает о том, что они находятся возле источника, знает также о том, что готовится новое преступление.

— Олд Шеттерхэнд высказал то, о чем Виннету думал. Твои соплеменники снова оказались в опасности, и я готов немедленно отправиться к источнику.

— Конечно, я бы сразу отправился туда, но мой брат слышал, что Мелтон уехал с доном Тимотео в Урес, чтобы правильно оформить покупку. Если нам удастся воспрепятствовать этому, мы отнимем у Мелтона поместье и землю, где он хочет осуществить свои планы.

— Значит, мой брат предпочитает Урес? Но тогда он бросит своих соотечественников на произвол судьбы!

— Нет. Мелтон виновник всего, что случилось, а главное — того, что еще случится. Оба Уэллера подчиняются ему, во всяком случае — они лишь исполнители, а Мелтон руководит всем. Мы не только могли бы аннулировать покупку, но и засадить Мелтона в тюрьму. Тогда он станет для нас безопасным, а Уэллеры с юма напрасно прождут его у источника.

— Значит, мой белый брат намерен ехать из Уреса не сюда, а прямо к источнику?

— Да.

— Тогда что делал здесь Плейер? Не поджидал ли он Мелтона?

— Вряд ли! Плейер был оставлен здесь на всякий случай. Конечно, я не знаю, куда он пошел. Дело, кажется, задумано с размахом и осуществляется с большой осмотрительностью. Речь идет о поселении мормонов в этих местах. То, что оно выполняется таким шулерским способом, зависит, видимо, от самого Мелтона, а не обусловлено приказом из Солт-Лейк-Сити. Мелтону дано задание: пустить здесь корни, и он выполняет его соответственно своей натуре. Уэллеры и Плейер помогают ему; первые — активно, последний — скорее пассивно: он остался

здесь в качестве сторожа, заботясь о том, чтобы никто не проехал наверх.

— Мой брат, как всегда, угадал самую суть. Должно случиться какое-то преступление, которое задумали бледнолицые, но осуществлять будут юма. Так бывает всегда. Краснокожих уничтожают, обвиняя их в преступлениях, вину за которые несут только лишь белые. Здесь же мы столкнулись не с обычными бледнолицыми, а с людьми, которые внешне притворяются такими набожными, что даже называют себя святыми последнего дня!

К сожалению, вождь апачей был прав! Если мормоны не только терпят в своих рядах таких людей, как Мелтон, Уэллеры и Плейер, но даже доверили им приобрести земельные владения, значит, их секта подобна ложному плоду, который не будет созревать на ветке, а сгниет внизу, на земле.

— Как долго скакать отсюда вверх, к Фуэнте-де-ла-Рока? — спросил я.

— Для наших быстроногих вороных потребуется два дня, а если ехать из Уреса — три.

— Значит, если направиться через асиенду, а не прямым путем из Уреса, то объезд будет небольшим?

— Самое большее — несколько часов пути.

— Тогда мы могли бы снова вернуться сюда, правда, не исключено, что и Мелтон сделает то же самое. Пожалуй, мы могли бы встретиться по пути, в том случае, если он уже закончит дела в Уресе и должен будет покинуть город. Думаю, что нам не стоит медлить. Мы не должны терять время.

— Мой брат мог бы подумать о том, что коням нужен отдых, так как мы провели в пути целый день и еще половину следующего, а ведь обычно эту дорогу преодолевают за четыре дня. Возможно, наши кони еще выдержат путь до Уреса, но лошади мимбренхо так устали, что новый переход они могут просто не вынести.

— Да я и не собираюсь их принуждать. Мы отправимся туда вдвоем, а парни останутся здесь, где их присутствие принесет нам пользу.

— Мой брат считает, что они должны шпионить за Плейером?

— Да. Он обязательно вернется, хотя и будет очень осторожным. Меня он не узнал, а значит, не догадался, что мы приехали сюда с какой-то враждебной целью. Он посчитает встречу с нами случайностью и не поскачет сразу же к источнику, чтобы рассказать о ней сообщникам. Конечно, тебя он боится, а значит, вернется украдкой, чтобы посмотреть, здесь ли ты или уже ускакал. Если он нас больше не увидит, то сразу же почувствует себя увереннее, и оба мимбренхо смогли бы за ним наблюдать, чтобы узнать, что он делает здесь, на опустошенной асиенде.

— Может произойти и так, как сказал мой брат. Они могут наблюдать за ним, не спуская глаз, но осторожно и незаметно, чтобы он не заметил их. Когда мы вернемся из Уреса, они могли бы нам сообщить, где он скрывается, а мы схватим его и заставим рассказать все, что мы хотели бы знать.

Стало быть, Виннету был согласен со мной. Мальчишкам мимбренхо мы не должны были говорить о своем решении, но, принимая во внимание их юность, дали им необходимые указания. Мы оба, Виннету и я, дали нашим коням напиться из ручья, а потом, даже не отдохнув, отправились в Урес.

Дорога мне была известна: я уже однажды здесь проезжал. Пока было светло, мы скакали так быстро, как только могли, а когда стало темно, мы дали коням отдохнуть часа три или четыре, пока не взошла луна, и тогда мы снова тронулись в путь. Благодаря выносливости наших коней мы достигли своей цели к полудню следующего дня; однако других нагрузок мы им не могли дать, потому что вороные были так изнурены, что по окраине городка они шли спотыкаясь, а мы, сильно проголодавшись, спешились перед первой же встретившейся нам

таверной. Как жалко она ни выглядела, но мы смогли получить там вино и тортилью[75] для себя, кукурузное зерно и воду для коней. Об оплате счета мне не надо было беспокоиться. Правда, кошелек у меня был пустой, но у Виннету всегда были при себе если не деньги, так золотой песок или самородки, так что в его обществе, пожалуй, нельзя было попасть в затруднительное положение.

Но куда же теперь идти, чтобы найти Мелтона и асьендеро? Излишний вопрос! Кто в пустыне умеет отыскать нужного человека, тому нетрудно и в городе с девятитысячным населением найти двух людей, которые, будучи чужестранцами, наверняка обратили на себя внимание местных жителей. Мне и в голову не пришло долго спрашивать да искать. Позаботившись о лошадях и проглотив лепешку-тортилью, мы с Виннету направились прямо к моему приятелю чиновнику, у которого я уже бывал во время своего предыдущего посещения города.

Полицейский, в тот раз наставлявший меня, снова слонялся без дела перед присутственным зданием, а когда мы вошли в помещение, то снова увидели возлежащую в гамаке сеньору. За нею, как и тогда, отдыхал тоже в гамаке ее супруг, но сегодня рядом с ним был подвешен третий гамак, в котором, к моей радости, сидел собственной персоной асьендеро, куривший тонкую сигару и безмятежно покачивающийся. Он, казалось, чувствовал себя очень уютно в обществе курящей дамы. Когда он увидел, что мы вошли, то вместо приветствия закричал, обращаясь ко мне:

— Per Dios![76] Этот немец! Что вам здесь надо? Я полагал, что вы находитесь в плену у индейцев! Но я вижу, что вас освободили?

— Вы тоже были в плену, — ответил я, — но я тоже вижу вас на свободе. Благодаря каким обстоятельствам это произошло?

— Если бы не сеньор Мелтон, я и сегодня бы пребывал в неволе, а может быть, был бы уже мертв. Угрозами о будущих наказаниях он нагнал на краснокожих такой страх, что они нас отпустили. За вас тоже кто-нибудь вступился?

— Да, но это был мой нож.

— Как это понимать?

— А понимать это надо так, что я сам себя освободил. Заступник, вроде Мелтона, мне не нужен, да я и не мог бы благодарить его за освобождение. Вообще говоря, вы сильно заблуждаетесь, считая, что чем-то ему обязаны. Я предостерегал вас в свое время, и мое тогдашнее мнение оказалось полностью справедливым.

— Наверное, сеньор, вы хотели сказать полностью несправедливым. Со мной Мелтон обошелся как честный человек, а после того, что он для меня сделал, я прямо заявляю, что вы до сих пор его оговариваете, хотя я вам однажды за это уже сделал выговор!

— Хотя вы этого типа назвали честным человеком, но он величайший негодяй. Вы действительно считаете честным поступком то, что он подговорил индейцев напасть на поместье и сжечь его?

— Я не верю, что все это сделал Мелтон. Однажды вы уже произносили при мне свои обвинения, а так как мое тогдашнее к ним отношение, кажется, не возымело на вас действия, я теперь убедительнейшим образом докажу вам, как несправедливы вы были к почтенному человеку. Мало того, что вы без приглашения ворвались в поместье — вы стали вмешиваться в мои дела и давать мне советы, которых я совершенно не просил от вас. Скажу вам только одно, чего вы, конечно, еще не знаете, а именно: Мелтон купил у меня асиенду.

— Но я об этом уже знаю!

— Ах, так? Вам уже сообщили? И тем не менее вы осмеливаетесь подозревать этого сеньора! И вы не считаете, что он совершил благородный поступок, купив поместье?

— Благородный? Почему же это?

— Вследствие причиненного краснокожими ущерба имение обесценилось. Необходимы огромные деньги и очень много времени, чтобы опять привести его в прежнее состояние. Я сразу стал бедняком, и ни один человек в мире не дал бы мне за асиенду ни сентаво[77]. А доброе сердце этого господина было тронуто моим бедственным положением, и он, когда мы снова стали свободными, предложил купить у меня поместье.

— Понятно! И вы были очень обрадованы таким исключительным добросердечием?

— Бросьте шутить! С его стороны это был действительно благородный поступок, так как он заплатил мне сумму, какую не сможет вернуть с асиенды в течение десяти лет! Я бы сказал, что для этого потребуется двадцать, нет — тридцать лет! Так долго он будет вкладывать в поместье свои трудовые деньги, не получая ни одного сентаво прибыли.

— А можно ли мне спросить, сколько он дал?

— Две тысячи песо! С такими деньгами я могу начать новое дело, тогда как на разоренной асиенде я бы умер с голоду!

— Покупка уже оформлена по закону и не может быть больше расторгнута?

— Нет. Да я был бы глупейшим человеком, если бы таил в себе такие мысли.

— Он заплатил две тысячи песо?

— Да, сразу же после того, как мы обговорили цену.

— Так, значит, это произошло не здесь, в Уресе, после оформления сделки, а раньше?

— Да, раньше, сразу же после нашего освобождения. И притом в звонкой золотой монете. И вот это самое обстоятельство — то, что он заплатил, хотя имение еще по закону не принадлежало ему, является блестящим доказательством его доброго сердца и его честности.

— Хм! Я предпочел бы ему лично сообщить свое мнение о его добром сердце и его честности. Надеюсь, он еще здесь?

— Нет, вчера он уже уехал.

— И вы знаете куда?

— Разумеется, на асиенду. Значит, вы должны отправиться именно туда, если хотите лично ему засвидетельствовать свои извинения за плохие о нем отзывы.

— И вы уверены, что он находится на асиенде?

— Да. А куда же ему еще ехать? Он решил немедленно начать восстанавливать поместье.

— Для этого в имении отсутствует самая малость: там абсолютно ничего нет, все разрушено. Значит, весьма правдоподобно, что именно из города он должен был доставить туда все необходимое?

— А что там нужно?

— Прежде всего — рабочие.

— Они у него есть. Ваши соотечественники, которых я выписал из Германии; они же находятся там.

— А инструменты? Ваши же, похоже, все сгорели. А к этому еще нужны семена, большие запасы провизии, потому что сейчас там ничего не осталось, каменщики, плотники и прочие мастеровые: надо ведь строить новые здания. Да нужно еще много чего. И все это он прихватил с собой?

— Я о таких вещах его не спрашивал, так как это меня не беспокоит, потому что асиенда мне не принадлежит. Я только знаю, что он уехал.

— И сразу после оформления сделки?

— Сразу же. Он не желал терять ни часа.

— Он уехал один?

— Конечно! Я вообще не понимаю, какое вы имеете право задавать столько вопросов? И

для чего это вам все знать, а мне отвечать? Разумеется, вы сюда приехали за другим, и я вынужден попросить, чтобы вы оставили меня в покое!

Он отвернулся от меня, что должно было означать его полное нежелание иметь со мной дальше какое-нибудь дело. Естественно, я не удержался и ответил:

— К сожалению, я не могу оставить вас в покое. Я оказался здесь именно для того, чтобы разыскать вас и переговорить с вами об этом деле.

В этот момент вмешалась рассерженная дама:

— Это же невежливо, бесцеремонно! Вы слышали, что дон Тимотео больше не хочет ни знать вас, ни слушать, значит, вам следует удалиться.

— Вы заблуждаетесь, сеньора. Дон Тимотео выслушал меня. Если вам стало скучно, то вы можете покинуть помещение.

— Мне покинуть помещение? Что вы себе позволяете! По вашему разговору, да и по всему вашему поведению видно, что вы немец, варвар. Дон Тимотео — наш гость, и мы заботимся о том, чтобы он чувствовал себя у нас, как дома. Я здесь хозяйка и приказываю вам немедленно покинуть это помещение!

— Тогда, пожалуйста, скажите-ка мне любезно, что это за помещение.

— Об этом можно прочесть на двери, и я полагаю, что вы это сделали. Или вы не умеете читать? Этому бы я не удивилась.

— Тогда я позволю вам разъяснить, что я, очень даже может быть, могу читать лучше, чем все находящиеся в этой комнате. Сейчас я нахожусь в служебном помещении вашего супруга. Вам здесь делать нечего, как, пожалуй, и мне, но я пришел сюда к нему на прием. И если кто из нас двоих имеет основания попросить другого удалиться, то такое право принадлежит именно мне.

Я видел, что она в ответ на такое замечание готова была возмутиться, но ей удалось овладеть собой, и, выразив ко мне величайшее презрение, она обратилась через плечо к своему супругу:

— Выгони сейчас же этого человека вон, немедленно!

Тогда правитель Уреса выполз из своего гамака, подошел ко мне, встал в надменную позу, призванную внушить мне уважение, и сказал, указывая при этом на дверь:

— Сеньор, не хотите ли вы немедленно выйти? Или мне надо посадить вас в тюрьму за неповиновение?

Прежде чем я успел ответить, Виннету быстро шагнул вперед, схватил чиновника под руки, приподнял его, отнес к гамаку, бережно положив туда, и сказал:

— Мой белый брат может лежать здесь и спокойно подождать, пока мы не закончим говорить. А его белая жена должна молчать, когда говорят мужчины. Место скво среди ее детей, а не в совете взрослых мужчин. Мы пришли говорить с асьендеро, и он должен нас выслушать, желает он того или нет. Если кто хочет выдворить нас отсюда, пусть попробует. Вот здесь стоит мой белый брат Олд Шеттерхэнд, а я — Виннету, вождь апачей, имя которого известно и в Уресе!

Конечно, его знали здесь, потому что едва он произнес последние слова, как дама, несмотря на оскорбление, нанесенное апачем ей и ее мужу, воскликнула совсем другим тоном, чем прежде, в разговоре со мной:

— Виннету! Вождь апачей! Знаменитый индеец! Известный всем краснокожий! Возможно ли, правда ли, что перед нами именно он?

Апач был слишком горд, чтобы отвечать на ее слова; он словно их и не расслышал; поэтому за него ответил я:

— Да, сеньора, это он. А теперь вы, несмотря на некоторые странности нашего поведения,

которые вам в самом деле могут не нравиться, разрешите остаться здесь и довести начатое дело до конца. Если же вы против этого, то рискуете быть вынесенной Виннету и посаженной прямо на мостовую, как только что он усадил вашего супруга в гамак.

Здесь она всплеснула руками и восхищенно воскликнула:

— Оказаться в руках Виннету! О, что за приключение! Весь город будет говорить об этом и помрет от зависти! Я согласна на это!

— А я вам, сеньора, не советую. Есть разница, носят ли вас на руках или вышвыривают на улицу. Лучше молча приглядитесь к моему краснокожему другу, чтобы потом расписывать его своим подружкам! Это самый полезный совет, какой я вам могу дать. Но если только вы снова заговорите, то сразу же лишитесь возможности находиться рядом с ним.

Она раскурила новую сигару и опять улеглась в свой гамак с таким видом, словно оказалась в цирке, где вот-вот публике будет показано величайшее чудо в мире. Ее достопочтенный супруг теперь, когда он узнал, кто его так энергично переместил, казался ничуть не обиженным, а с видимым удовлетворением разглядывал индейского вождя. Что касается асьендеро, то ему, как, впрочем, и супружеской паре, имя Олд Шеттерхэнда ничего не говорило, но о Виннету они слышали так часто и много, что одно имя заворожило их. Теперь асьендеро даже не думал о том, чтобы требовать нашего ухода.

Было совсем не удивительно, что мой спутник так был хорошо известен даже здесь, в Уресе. Апачи проживали и в более южных местах, особенно с той стороны сьерры[78], в Чиуауа, где они заходили даже до Коауилы, а так как Виннету привык время от времени посещать эти племена своей народности, то слава о его подвигах докатилась и до этих мест, разойдясь не только среди краснокожих, но и среди белых. Да, нимб, окружавший его имя, в представлении белых был даже еще ярче, чем у индейцев, и я часто наблюдал, что охотнее всего рассказы о моем друге выслушивало дамское общество. Он был не только крайне интересный человек, но и красивый мужчина. Истории о его первой и единственной любви, ходившие повсюду, способны были открыть для него сердце любой сеньоры или сеньориты[79].

Очень довольный успехом, которого Виннету достиг своим внезапным вмешательством, я обратился к асьендеро:

— Вы посчитали мои вопросы крайне бесполезными, дон Тимотео, но для меня они были исключительно важны, а сейчас станут и для вас чрезвычайно любопытными. Индейцы юма разграбили вашу асиенду и отобрали у вас все. Они, как я думаю, даже обыскали ваши карманы и присвоили все их содержимое?

— Конечно. Краснокожие полностью опустошили их.

— Они также вывернули карманы Мелтона?

— Да.

— А как же тогда он выплатил вам две тысячи песо в полновесных звонких золотых монетах?

Лицо моего собеседника выразило недоумение, и он ответил медленно, как человек, попавший в затруднительное положение:

— Да… откуда он… взял… так много денег?

— Задайте вопрос иначе: почему индейцы не отобрали у него эти деньги?

— Черт возьми! Об этом я и не подумал! Вы считаете, что деньги оставались при нем?

— Да, или у одного из Уэллеров. Две тысячи песо в звонкой монете нельзя укрыть от зоркого индейского глаза. Если Большой Рот отказался от золотых монет, то для этого должна была существовать очень серьезная причина. Может быть, вы сможете догадаться, какая?

— Нет.

— А ведь она одна-единственная. Чужому или врагу краснокожий такого богатства не

оставит, значит, Мелтон был хорошим знакомым, другом, союзником Большого Рта.

— Я в это не верю.

— Я знал, что краснокожие собираются напасть на вашу асиенду и предупреждал вас об этом, но вы мне не поверили, а я оказался прав. Точно так же и теперь я говорю правду, хотя и неприятную, но вы опять мне не верите.

— Мелтон так великодушно обошелся со мной. Я просто не могу предположить, что он стал союзником краснокожих. Если я не ошибаюсь, то тогда вы даже утверждали, что именно он подстрекал индейцев к нападению.

— Я не совсем точно помню, что я вам тогда говорил, но если тогда я и не назвал его зачинщиком, то теперь я сделаю это.

— И все же вы заблуждаетесь. Мелтон — мой друг! Он доказал это, купив у меня имение!

— Да, доказал, но не свою дружбу к вам, а свою измену, доказал, что он иуда и мошенник. Сколько стоила ваша асиенда до нападения?

— Этого я не могу сказать, мне больно вспоминать об этой страшной потере.

— А, вообще, вы продавали когда-нибудь собственность?

— Нет, не приходилось.

— Ну, тогда все яснее ясного. Мормон был уполномочен поселиться в этой местности, пустить здесь корни и приобрести землю. Ваша усадьба понравилась ему, но для него она оказалась слишком дорогой. Чтобы сделать ее дешевле, он приказал сжечь поместье. Договор, который он заключил с Большим Ртом, гласил: все награбленное принадлежит индейцам, а опустошенную землю он купил за бесценок. Нападение удалось, добыча была очень ценной, стало быть, индейцы должны были оставить Мелтону деньги. Неужели вы этого до сих пор не понимаете?

— Нет, потому что подобная подлость была бы чудовищной. Затем, не кажется ли вам, что опустошенная земля, потерявшая всякую цену, никому не нужна.

— Он отстроит поместье заново!

— Но это будет стоить дороже, чем стоила асиенда раньше, не считая даже долгих лет, которые он вынужден будет ждать, прежде чем вложенные им деньги принесут прибыль.

— Естественно, я рассуждал так же, но здесь есть одно обстоятельство, которого я пока не мог вам раскрыть, но, разумеется, открою. Вы считаете, что Мелтон вернулся на асиенду, однако этого не произошло, потому что мы только что приехали оттуда и должны были бы повстречать его по дороге. Но он оставил там одного человека.

— Вы хотите сказать двоих — обоих сеньоров Уэллеров?

— Нет. Те тоже уехали, зато остался другой. Может быть, вы когда-нибудь слышали про одного янки, мормона, которого зовут Плейером?

— Впервые слышу такое странное имя.

— Мы встретили там этого человека. Он сказал нам, что Мелтон вместе с вами поехал в Урес, чтобы оформить покупку по всем правилам. Раз он знал об этом, то, значит, ему об этом сказал Мелтон. Он говорил с Плейером, и, пожалуй, — втайне от вас. Вы не должны были ничего знать о присутствии этого Плейера.

— Хм! Конечно, это было бы поразительно!

— Когда вы с Мелтоном уезжали с асиенды, оставались ли там оба Уэллера с переселенцами?

— Да. Я, разумеется, передал ему немцев. С их помощью он собирался заново обустроить имение, распахать новые поля, посеять травы на лугах и пастбищах, посадить вновь деревья. Уэллеры были наняты как надсмотрщики.

— Но их там больше нет; сразу же после вашего отъезда они уехали к Фуэнте-де-ла-Рока.

— К Фуэнте-де-ла-Рока? — спросил он удивленно.

— Да, Уэллеры вместе с переселенцами. А там, наверху, их поджидает орава индейцев юма!

— Возможно ли это? Откуда вы это знаете? — спросил он, выпрыгивая из гамака.

— От Плейера, который принял меня за друга Мелтона и все рассказал.

— К Фуэнте-де-ла-Рока, к Фуэнте-де-ла-Рока! — повторял асьендеро, проявляя все признаки возбуждения и расхаживая по комнате. — Следует подумать хорошенько, надо и в самом деле поразмыслить, если только это правда, если вы не солгали, сеньор.

— Я сказал правду. Плейер поверил мне эту тайну по недоразумению. Позднее он узнал Виннету и убежал. У него нечистая совесть. Здесь находится начало нити, по которой я намерен пойти. Ваша асиенда, даже в разоренном состоянии, по каким-то причинам представляет собой большую ценность для Мелтона. Поэтому я и приехал в Урес, чтобы разыскать Мелтона и вас. Вот вас я нашел, а он уехал, однако не на асиенду, а, разумеется, к Фуэнте-де-ла-Рока, чтобы там соединиться с Уэллерами.

Во время моего сообщения асьендеро продолжал ходить по комнате. Теперь он внезапно повернулся на каблуках и выкрикнул, остановившись передо мной:

— Сеньор, я догадался. Если он действительно поехал туда, то я догадался, о чем вы хотели бы знать. Я понял, почему асиенда, несмотря на ее уничтожение, имеет для него ценность!

— Ну? — спросил я, сгорая от нетерпения.

— На землях имения находится ртутный рудник. Он, правда, не разрабатывается, потому что мне никак не удавалось заполучить рабочих, которые боятся нападения индейцев, облюбовавших эту местность.

— Я слышал и про это…

Дальше я не стал ничего говорить, потому что у меня в голове пронеслась ужасная мысль, которая не казалась такой уж чудовищной, если знать, на что может быть способен Мелтон. Мне вдруг все стало ясно, но вместе с тем росла тревога о судьбе своих соотечественников-переселенцев, за которых только теперь я по-настоящему начал опасаться. Как я мучился, как искал, не находя ответа, а каким легким оказалась разгадка! В мыслях моих и намека не было на старый, заброшенный рудник. И теперь я тревожно спросил:

— Где расположен этот рудник?

— В горах юма, в пяти днях пути отсюда.

— А Фуэнте-де-ла-Рока расположен как раз по дороге?

— Разумеется, разумеется! Это-то и ввело меня в заблуждение.

— А, наконец-то вы стали заблуждаться? Теперь я понял, в чем дело. Мелтону была нужна не только территория асиенды, но и рудник, причем прежде всего рудник. Если привезти туда рабочих и начать добычу ртути, то там можно получить миллионы. А вы были настолько глупы, что продали ему асиенду, рудник да к тому же еще и шестьдесят трех рабочих за жалкие две тысячи песо. Ну, будете ли вы продолжать свои утверждения, что он честный человек, кабальеро!

— Подлец он, негодяй, вор и обманщик, грабитель, дьявол! — в ярости закричал Тимотео Пручильо. — А я — самый большой осел, который только может быть на земле!

— Если не самый большой, то все же очень большой, дон Тимотео. Я же вас предупреждал!

— Да, вы это делали, вы были правы! — размахивая руками, восклицал он. — Если бы я вам поверил!

— Тогда бы мы сидели на вашей асиенде, а нападение юма мы бы отразили с большими потерями для них.

— Да, это бы мы сделали! Мы бы не пустили их на асиенду! А теперь они отобрали у меня

имение и стада, и у меня нет ничего, совсем ничего!

— Ну что вы! Две-то тысячи песо у вас есть!

— Не смейтесь, сеньор!

— Я не смеюсь. У вас есть две тысячи песо, а еще ваши стада со всем тем, что юма у вас награбили.

— Сеньор, вы шутите, и притом жестоко!

— Это не шутка, я говорю серьезно. Я не только убежал от юма, но вместе с моим братом Виннету и с воинами-мимбренхо, которых он привел с собой, взял своих врагов в плен. Юма вынуждены были все мне отдать, а теперь их везут к хижинам племени мимбренхо, где они получат по заслугам. А пятьдесят мимбренхо гонят на асиенду ваши стада. Мы поскакали вперед, чтобы предупредить вас. Конечно, мы не подозревали о том, что вы продадите асиенду.

От удивления он окаменел, но это было радостное изумление.

— Юма в плену!.. Наказание!.. Пятьдесят мимбренхо… на асиенду… с моим скотом!..

Он давился обрывками фраз. Потом внезапно схватил мою руку, пытаясь тащить меня к двери, и попросил:

— Пойдемте, пойдемте! Быстрей! Быстрей! Нам надо на асиенду, и немедленно, немедленно!

— Вы говорите «мы»? Значит, вы и меня берете с собой? Что же мне там искать?

— Не говорите так, сеньор, не надо! Я, конечно, знаю, что у вас есть для этого все причины. Я презирал вас, обижал, оскорблял. Я был поражен слепотой. Но теперь я… О! — прервался он, обращаясь к чиновнику. — Мне в голову пришла одна мысль. Я снова получил свои стада. Нельзя ли будет получить назад также и асиенду, и работников вместе с рудником? Сделка окончательна?

— Да, — ответил чиновник.

— Ну, а если произошла, может быть, ошибка, незаметнейшая ошибка, которой суждено стать тем игольным ушком, через которое я смогу проползти назад в свои владения?

— Нет. Вы же сами просили меня быть чрезвычайно внимательным и предупреждали, чтобы я не наделал ошибок. Вы ведь заботились о том, как бы вам не пришлось возвращать назад две тысячи песо.

— Вы сохраните эти деньги у себя и к тому же получите асиенду! — утешил я его. — Он будет вынужден отдать вам имение, а те две тысячи вы сохраните как возмещение за убытки, причиненные вам разрушением и продажей поместья.

— А это возможно?

— Еще многое, очень многое можно сделать. Я даже утверждаю, что купчую можно сделать недействительной. Теперь мы должны попытаться доказать, что Мелтон нанял индейцев, для того чтобы они напали на асиенду и уничтожили ее.

— А вы сможете получить и доказательства, сеньор?

— Весьма вероятно. По меньшей мере, я на это надеюсь.

— О, если бы я с самого начала доверял вам! Вы говорите так дельно, так уверенно. Вам все кажется возможным, что я полагаю невозможным!

Тогда вмешался апач, который до сих пор хранил молчание:

— Для моего белого брата нет ничего невозможного, когда он хочет что-то сделать. Он был пленен и приговорен к столбу пыток — теперь он свободен и взял в плен своих мучителей.

— Не я взял их в плен, а Виннету, — отбивался я.

— Нет, это был он! — утверждал Виннету.

— Ты привел ко мне мимбренхо, без которых ничего нельзя было бы сделать.

— А мимбренхо не пришли бы, если бы Олд Шеттерхэнд не отправил к ним гонца!

— Виннету, это должен был быть Виннету! Ему надо приписать этот подвиг! — вскрикнула дама, восхищавшаяся апачем. Его прекрасные строгие черты, его могучая бронзовая фигура произвели на нее огромное впечатление.

— Пусть случится так, как он хочет: я возвращу свою собственность! — сказал асьендеро, думавший больше об имуществе, чем о благодарности кому-то.

— Нет, я хотела бы послушать, как это случилось, как юма были взяты в плен! — сказала сеньора. — Пусть Виннету будет так добр и расскажет об этом. Я приглашаю его присесть в гамак рядом со мной.

Она показала на подвешенный возле нее гамак, в котором прежде возлежал асьендеро. Теперь гамак оказался свободным, потому что дон Тимотео давно вылез из него и стоял посреди комнаты.

— Виннету — не женщина, — ответил вождь. — Он не лежит на веревках и не говорит о своих поступках.

Тогда она обратилась ко мне и потребовала все рассказать, и я выполнил ее волю, сообщив вкратце о происшедшем, особенно подчеркивая участие в событиях апача. Когда я закончил, она пришла в полный восторг, воскликнув:

— Я словно прочла об этом в каком-то романе! Да, где появляется Виннету, вождь апачей, там совершаются подвиги. Будь я мужчиной, я постоянно бы хотела быть рядом с ним.

— И Виннету был бы женщиной, если бы позволил такое! — ответил апач, повернулся и вышел. Подобная похвала от неприятного человека была ему противна.

— Что это с ним? — спросила сеньора. — У него всегда плохое настроение?

— Нет, но когда его кусают, он в ответ проделывает то же, — объяснил я со смехом. — Любезность, подобная вашей, может его только оттолкнуть. Если хотят ему угодить, то молчат и не смотрят на него.

— Я постараюсь так и вести себя, если вы согласитесь оказать мне услугу. Когда вы уезжаете?

— Завтра.

— А где вы остановились?

— Да мы пока еще не решили.

— Вы легко найдете для себя подходящий дом, но я приглашаю Виннету быть нашим гостем и предоставляю в его распоряжение две самых лучших наших комнаты. Что вы об этом думаете?

Ей нужен был апач, а я мог останавливаться там, где мне понравится. Это позабавило меня, и поэтому я весело ответил:

— Я считаю ваше предложение весьма оригинальным, сеньора.

— Не правда ли? Бедный дикарь постоянно находится в лесу и на открытом воздухе. Я же хочу предложить ему один раз в жизни переночевать в цивилизованной квартире, но за это надеюсь видеть его весь вечер в своем салоне.

— Попытайтесь объяснить ему это сами.

— А вы не хотите это сделать для меня?

— Охотно, сеньора, если удастся. Только это не выйдет. Вы же понимаете, что подобные предложения нельзя передавать через посредников. Слетевшее с ваших прекрасных губ, приглашение будет трудно не принять. Вы, разумеется, собираетесь пригласить на ужин других дам?

— Конечно! Мне захочется всем представить знаменитого Виннету! Да это же заставит моих подруг всю жизнь завидовать мне.

Выходит, речь шла о представлении, и я заранее веселился, воображая себе ответ апача.

Впрочем, возражения сейчас же посыпались с двух сторон. Чиновник, который, пожалуй, слишком хорошо понял, какое впечатление произвел на его супругу прекрасный индеец, и, ощутив приступ ревности, подошел к ней вплотную, чтобы прошептать ей на ухо несколько, правда, тихих, но веских замечаний. Но она, не дав супругу высказаться, просто оттолкнула его назад. Второе возражение выдвинул асьендеро, сказавший мне:

— Вы хотите здесь оставаться до завтра? Но это же невозможно! Вы должны еще сегодня ехать со мной на асиенду и помочь мне возвратить мое имущество!

Так как это было высказано весьма требовательно, словно выполнение его желания понималась как само собой разумеющееся, словно он имел право распоряжаться мною, я отвечал ему по-своему:

— Я должен? А кто это утверждает? Я никому ничего не должен.

— Я не хотел вас обидеть, но принимая во внимание вашу честь, учитывая мои пожелания, мне кажется, что вы не должны терять ни секунды, чтобы закончить то, что вы начали.

— Мою честь здесь не стоит затрагивать, я всегда думаю о том, чтобы ее не запятнать, и не посчитаю обесчещенным свое имя, если теперь перестану заботиться о вашей асиенде. Вот вы говорите о внимании к вам. Что или кто обяжет меня обращать на вас внимание? Я приехал к вам и предупредил вас, но вы меня прогнали. Я даже вынужден был силой поставить на место вашего наглого мажордома, а вы видели все это из окна и не сделали ему ни одного замечания. Я просил вас не сообщать Мелтону, что предупредил вас о его кознях, а когда он приехал, вы взяли и передали ему наш разговор слово в слово. Эта ваша болтливость едва не стоила мне жизни, потому что Мелтон поехал вместе с нами, чтобы меня подкараулить и уничтожить; но так как я догадался об этом и перехитрил его, то не я попал в его ловушку, а он оказался в моих руках.

— Почему вы упрекаете меня в этом? — спросил он. — Теперь уж ничего нельзя изменить.

— Конечно, прошлое мы не сможем изменить, но на то, что только еще должно произойти, мои замечания по поводу вашего поведения безусловно могут повлиять. Я даже надеюсь, что мои справедливые упреки подействуют и что вы сами изменитесь.

— Сеньор, вы становитесь невежливым!

— Нет, всего лишь откровенным, и причем для вашего же блага. Когда вы меня вышвырнули, я оставался все же поблизости от вашего имения. Вы запретили мне переступать его границы, поэтому я не мог делать необходимые наблюдения и был вынужден отправиться подслушивать индейцев. При этом я попал в их руки. Следовательно, из-за вас я попал в плен. Вы полагаете, что я должен благодарить вас за это? Вообще-то вы были наказаны за это, потому что мое пленение помогло юма удачно провести нападение на асиенду. Тем не менее, несмотря на пребывание в плену я не забыл о ваших убытках и, как только освободился, сейчас же подумал о том, чтобы вернуть вам вашу собственность. Я уже рассказал вам, что это мне удалось. Ваше имущество спасено, а стада находятся на пути к своему хозяину. Из моего сообщения вы знаете, сколько сил мы на это потратили, и какой опасности подвергались мы, Виннету и я, чтобы захватить юма и их добычу. Скажите-ка, решились бы вы на такое и смогли бы довести начатое до конца?

— С огромным трудом, сеньор.

— Превосходно! И после того, как вы обо всем этом узнали, вы требуете от меня дальнейшей помощи. Даже не просите, а требуете! Вы уже слышали о том, что мы для вас сделали, но вы поблагодарили нас хоть единым словом? Я был вами оскорблен, изгнан, попал из-за вас в рабство, рисковал для вас жизнью и, пожалуй, еще вынужден буду рисковать, а вы не сказали мне даже одного доброго слова, тогда как я сердечно поблагодарил бы любого за глоток воды! Именно об этом я думал, когда говорил о том, что вы должны сами измениться. Меня

только что назвали немецким варваром и даже спросили, умею ли я читать, но я убедился, что никому из присутствующих здесь не ведома простая истина: тот, кто рисковал своей жизнью за другого, имеет священное право на благодарность. А я для вас сделал еще больше! Можно было бы долго говорить, но кратко я так бы изложил суть дела: смотрите теперь сами, как вы будете действовать дальше! У меня нет никакого желания получать вместо благодарности одни лишь напоминания о моем долге и чести!

Я уже вознамерился уходить, но тут он схватил меня за руку и попросил:

— Останьтесь, сеньор, останьтесь! То, что я из-за забывчивости упустил, будет восполнено!

— Тогда вы не постигли себя настолько хорошо, насколько я узнал вас за короткое время. Это была не забывчивость, это — нечто другое. Вы считали себя настолько выше немецкого варвара, выше даже такого человека, как Виннету, что вам в голову не пришла мысль о просьбе, а вам казалось нужным требовать да приказывать. Соблаговолите как-нибудь приехать в Германию, и вы убедитесь, что там каждый мальчишка знает больше, чем вы сможете узнать за всю свою жизнь! А господа, которые здесь так удобно покачиваются в своих гамаках, должны понять, что даже мизинец Виннету содержит больше силы, сноровки и благородства, чем это можно найти во всем вашем Уресе. Ко мне относились свысока не только сегодня, но и раньше. Теперь вы выглядите униженно, но при этом даете понять, что я не имею ни права, ни основания вас обвинять! Я пришел сюда ходатайствовать в защиту переселенцев, но меня не поняли. Вы заключили подлую сделку и тем самым передали в руки негодяя честных людей вместе с их детьми. Скажите же мне, что я, собственно говоря, после всего случившегося могу здесь делать?

В комнате наступило длительное молчание. Но тут апач просунул голову в дверь и спросил:

— Мой брат готов? Виннету не намерен больше ждать.

Асьендеро мгновенно оказался возле него, взял индейца за руку и попросил:

— Войдите-ка сюда еще раз, сеньор! Прошу вас об этом. Вы же знаете, что без вашего совета я ничего не смогу сделать.

Апач вошел в комнату, строго посмотрел на него и сказал:

— Бледнолицый поблагодарил моего брата Шеттерхэнда?

Казалось, он уже знает все о нашем разговоре. Одним коротким вопросом он высказал тот же упрек, который я пытался выразить в своей длинной речи.

— У меня еще не было подходящей возможности. Мы еще не закончили беседу, — раздалось в ответ. — Вы останетесь в городе до завтра?

Виннету кивнул. А ведь я с ним этого не обговаривал. Но само собой разумелось, что и в данном случае наши мысли были одинаковыми.

— Но ведь уходит дорогое время, за которое может случиться много важного! — напомнил асьендеро.

— Самым важным мы считаем восстановление сил наших коней, — возразил Виннету. — А вообще-то о каких обязанностях говорит бледнолицый? Ни Олд Шеттерхэнд, ни Виннету не стали бы возражать против того, чтобы его планы исполнились еще сегодня. Он может это сделать, но сам по себе!

— Я же сказал вам, что не справлюсь без вашей помощи.

— Тогда бледнолицый прежде всего должен обратиться с просьбой к Олд Шеттерхэнду. Я буду делать то же, что и он.

Хотя просить асьендеро не нравилось, однако пришлось и это сделать. Он даже оказался способен поблагодарить меня за былое, но не по велению своего сердца, а в расчете получить выгоду от такого поступка. Человек не виноват в том, что у него нет души. Я не хотел бы

бросать дона Тимотео на произвол судьбы, даже если бы участь моих соотечественников не требовала от меня преследовать Мелтона по пятам. Поэтому я отозвался на его просьбу:

— Хорошо, в будущем мы займемся и вашими делами. Однако скажите-ка нам, что теперь, по вашему мнению, должно произойти?

— Я как раз подумал, что мы должны немедленно ехать, чтобы догнать Мелтона и арестовать его.

— Наши кони так устали, что просто упадут под нами, к тому же, вы должны подумать о том, что мы находимся в пути ничуть не меньше наших четвероногих друзей. За два с половиной дня мы проделали шесть дневных переходов, и я никогда не поверю, что вы, сеньор, после такой тяжелой нагрузки способны на парфорсную[80] скачку к источнику и в горы, принадлежащие юма. Нам очень нужен отдых, потому что мы не боги, мы — простые люди и, следовательно, вынуждены где-то переночевать. Если вы так торопитесь, то можете ехать вперед, прихватив с собой нескольких полицейских!

Тут сеньора всплеснула руками и воскликнула:

— О, это великолепная мысль! Отправиться вперед и взять с собой полицейских! Что ты скажешь на это, муженек?

— Если тебе эта мысль нравится, то она, разумеется, отличная, — ответил ее супруг.

— И очень даже отличная! Разве у тебя нет ayudo[81], умеющего улаживать все твои дела и выполнять служебные обязанности? Так ты мог бы хоть раз предпринять небольшое путешествие.

Он, пожалуй, уже долго не был так счастлив: хоть на какое-то время не чувствовать на себе повода, за который тянули ее прекрасные ручки. Маленькое путешествие! И притом одному, без нее! Что за потеха! Лицо его буквально засияло от удовольствия, однако он на всякий случай осторожно осведомился:

— И куда же мы хотим поехать, душа моя?

Слово «мы» он выделил голосом. Но она сняла груз сомнения с его сердца, ответив:

— Я останусь дома.

Если прежде лицо его сияло, то теперь оно прямо-таки источало блаженство, когда он спросил:

— А куда я должен отправиться?

— Я даю тебе возможность добиться такой же славы, которая сопровождает самого Виннету. Так как дон Тимотео хотел бы получить сопровождающих его полицейских, то ты сам можешь поехать с ними, взяв с собой нескольких полицейских чинов.

Лицо его вдруг перестало излучать удовольствие, оно поскучнело и ужасно вытянулось. Упавшим голосом он произнес:

— Я… я сам должен ехать в горы да к тому же верхом?

— Конечно, потому что у тебя не хватит сил прошагать пешком такое расстояние!

— А тебе не кажется, что подобная поездка весьма утомительна, а может быть даже и опасной?

— Настоящего кабальеро не должны страшить никакие опасности! Итак?!

Она одарила супруга повелительным взглядом, на что бедняга только и смог ответить:

— Да, если ты так считаешь, я поеду, сердце мое!

— Конечно, я так считаю! В одну минуту ты получишь все: белье, лошадь, сигары, мыло, два пистолета, перчатки, деньги — их-то я тебе дам вволю, — шоколад, ружье и подушку, чтобы ты, если будешь вынужден улечься спать на скверной кровати, не испытывал неудобств и не видел плохих снов. Вот как я о тебе беспокоюсь. Позаботься и ты о том, чтобы мои ожидания исполнились. Возвращайся покрытый славой. Такому ученому законнику, как ты, это будет

совсем нетрудно. Вы тоже так считаете, сеньор?

При этом лицо сеньоры обратилось в мою сторону, почему мне пришлось отвечать:

— Полностью согласен с вами, сеньора, правда, не знаю, поможет ли вашему супругу ученость в подобной поездке.

— Ты слышал? — обратилась она к супругу. — Сеньор согласен со мной. Когда вы отправляетесь, дон Тимотео?

— Через час, — ответил асьендеро, который охотнее выступил бы со мной и Виннету, чем с этим подкаблучником, однако вынужден был согласиться со смехотворным планом госпожи.

«Ученый законник» скорчил такую мину, что одновременно захотелось и плакать, и смеяться. Веселая поездочка оборачивалась опасным или, по меньшей мере, изнурительным путешествием. Подушка, которую он вынужден был взять с собой, вряд ли была в состоянии смягчить свалившуюся на его бедную голову беду. Он хотел было посмотреть на меня, чтобы убедиться, не испытываю ли я к нему хоть какое-то сочувствие, потом он все-таки одарил меня умоляющим взглядом, надеясь, что я пойму его и сделаю попытку отговорить сеньору от ее каприза, забавного для нее, но в высшей степени фатального для чиновника. Но все было напрасно. В некоторых случаях я бываю исключительно упрямым. Наше дело не могло никому причинить вреда; пусть властелин Уреса отправится разок в горы за славой, а вернется назад с ободранными ногами да одеревеневшей от езды на лошади спиной. Мое первое пребывание в этой канцелярии кончилось очень неприятно, и я полагал, не испытывая укоров совести, что могу позволить себе маленькое удовольствие — видеть чиновника посрамленным. Поэтому я нисколько не проникся к нему сочувствием, а, наоборот, я сказал асьендеро:

— Весьма вероятно, что вы схватите Мелтона еще до того, как мы вас догоним. Но мы необходимы как свидетели. Где мы с вами встретимся?

— Мы будем ждать вас возле Фуэнте-де-ла-Рока, — ответил он.

— Какой дорогой вы отправитесь туда?

— Через асиенду.

Это мне не понравилось. Он мог столкнуться с нашими мальчишками мимбренхо или даже с Плейером, что испортило бы все дело. Но я и не подумал отговаривать его, потому что знал: от него гораздо проще и надежнее добиться всего, если действуешь от противного. Поэтому я высказал свое согласие:

— Очень хорошо, дон Тимотео! Тем самым вы избавите нас от довольно неприятного дела. Плейер, о котором я вам рассказывал, наверняка шатается еще где-нибудь в окрестностях асиенды. Конечно, его надо бы задержать, а так как он парень очень дерзкий и умеет прекрасно обращаться как с ружьем, так и с ножом, то арест его связан с опасностью для жизни. Он будет защищаться весьма отчаянно, а так как мне известно, что он легко может управиться с тремя здоровыми мужчинами, то я очень рад, что вы избрали именно этот путь. Вы приедете раньше, поймаете Плейера, а когда появимся мы, работа будет уже закончена. Только не дайте себя подстрелить из засады! Все свои убийства он совершил исподтишка.

Мои слова подействовали, потому что краска сошла с лица дона Тимотео, а физиономия чиновника стала просто пепельно-серой.

Однако сеньора крикнула своему подчиненному начальнику или начальствующему подчиненному:

— Ты слышал? Вот это достойное для тебя задание. Надеюсь, что ты поймаешь опасного преступника и не передоверишь это дело никому другому! За этот геройский поступок ты сможешь выкуривать на целых две сигары больше, чем теперь.

Лицо ее супруга приняло такое выражение, словно это его должны вот-вот схватить и арестовать. Сеньора этого не заметила и бросила на меня сочувствующий взгляд, продолжив

свою речь:

— Кажется, вы тоже не такой уж герой, каким хотите казаться, сеньор, иначе бы вы так не радовались, что Плейер будет уже пойман, когда вы приедете.

— Конечно, этому я бы обрадовался, да и никому другому не пришло бы на ум огорчиться поимкой негодяя. Этот человек и в самом деле очень опасен. Каждая пуля, которую он посылает, дырявит кожу.

— И вы, похоже, не поклонник таких подарков?

— Нет, потому что если они попадают точно по назначению, то человеку приходит конец.

— Тогда я посоветую вам быть очень осторожным, чтобы сохранить в целости свою дорогую кожу. А вот мой муж знает, что мир принадлежит храбрым и счастье благоприятствует смелым. Душа моя будет витать вокруг него и защищать от опасностей. Не так ли, мой любимый?

— Да, — кивнул супруг, и выражение его лица стало таким, словно ему вместо изюма предложили разгрызть горошинки перца. — Только не забудь положить мне подушку и на седло, чтобы мне было мягче сидеть.

Сеньора выскользнула из гамака и прошла мимо, не удостоив меня даже взглядом. Я был в ее глазах жалким трусом, боявшимся получить лишнюю дырку в теле. Но перед Виннету она остановилась, одарив его очаровательной улыбкой, и спросила:

— Сеньор Виннету, вы, значит, действительно намерены остаться на ночь в Уресе?

Описывать лицо посмотревшего на нее апача я не берусь. На нем одновременно выразились и удивление и жалость, когда она осмелилась обратиться непосредственно к вождю апачей. Я понял его взгляд и ответил за него:

— Да, мы останемся здесь до утра.

— А почему это отвечаете вы? Я же обращаюсь к Виннету! — сказала она, удостоив меня презрительным взглядом. — Он слышал, что я его уважаю, и, видимо позволит услышать его чудесный голос.

Она повторила свой вопрос, и он вместо ответа утвердительно кивнул.

— Тогда я позволю себе пригласить вас быть моим гостем, — продолжала она. — Если вы соблаговолите принять это предложение, то очень осчастливите меня.

— Что ж, я согласен принести моей белой сестре немного радости, — ответил он. — Я принимаю приглашение.

— А могу ли я пригласить еще несколько дам, которые будут рады познакомиться с великим вождем?

— Виннету известно, что бледнолицые ловят медведей и сажают их в клетки, чтобы удобнее было рассматривать, но он же не медведь.

— Значит, праздника не будет? — спросила она с разочарованным лицом.

— Нет, — сказал Виннету, повернулся и вышел из комнаты; я последовал за ним, и мы удалились, не сказав на прощание ни единого слова. В городе нам делать было больше нечего.

Мы закупили кое-какие мелочи, взяли коней и вышли за город, на волю, где нам было ночевать куда приятнее, чем под крышами городских домов. Там, где мы остановились, проточной воды и травы для животных было в достатке. Мы приготовились как следует выспаться, но еще прежде чем наши глаза закрылись, мы увидели, как мимо проехали знакомые нам герои.

Значит, дама, несмотря на то, что мы не остались, настояла на выполнении своего плана. Маленький отряд состоял из пяти человек: асьендеро, «ученого законника» и трех полицейских. Четверо всадников были облачены в форму, что вызвало улыбку даже у серьезного Виннету, однако ни шутки, ни насмешливого слова я от него не услышал. Лошади у них были хорошие.

Асьендеро и трое полицейских держались в седле довольно сносно, а тот, кого супруга назвала «ученым законником», являл собой более печальное зрелище. Одну подушку он подложил под себя, другую пристроил позади. Обе сверкали в лучах вечернего солнца; видимо, они были обшиты тонким белым полотном. Тот, кто отправляется в дикие горы с подобным снаряжением, может много чего совершить, но только не героические деяния! «Счастливого пути, мой полководец!» — подумал я и закрыл глаза, твердо убежденный, что пятеро всадников не смогут добиться большой славы на своем пути.

Мы проспали, никем не обеспокоенные, весь вечер и всю ночь и выспались куда лучше, чем в городе, в тесных кроватях. Коней мы не привязывали, потому что полностью были уверены в их преданности. Оба животных были верны и чутки, словно собаки; они не отходили от нас и даже бы прервали наш сон, если бы кто-то оказался поблизости. Солнце только еще вставало, когда мы оказались в седле. Мы были бодрыми, кони тоже полностью отдохнули и с радостным ржанием вырвались на свежий утренний простор.

Мы скакали, естественно, к асиенде, и в первые часы нашего пути мы следовали за нашими пятью героями по еще заметным с вечера отпечаткам копыт их лошадей. Потом наши предшественники свернули куда-то вправо.

— Мой брат Шеттерхэнд верно угадал их действия, — сказал Виннету. — Они не поедут на асиенду, потому что испугались Плейера. Белая женщина со своим никогда не умолкающим ртом немного достойного сможет рассказать о своем муже. Нам же эти люди доставят большие неприятности.

— Возможно! — ответил я. — Но вряд ли они будут большими, а я предпочел бы взять на себя малюсенькую неприятность, если смогу при этом сказать, что корыстный и неблагодарный асьендеро вместе со смешным чиновником скачут навстречу своему наказанию.

— Что это, не стал ли мой брат мстительным?

— Нет, однако я очень зол на обоих и убедил себя, что хороший урок им не повредит. Тогда они лучше смогут оценить сделанное нами, а значит, научатся правильно судить о происходящем.

Мы ехали вперед, и ничего примечательного не происходило, а незадолго до рассвета мы добрались до границы поместья. Огонь не дошел до того места, где мы остановились: там остался кустарник, очень подходивший для укрытия, его-то мы и назначили местом встречи с двумя нашими мимбренхо. Мальчишки уже нас поджидали и были при лошадях. Когда они нас услышали, то вышли из зарослей.

— Вы оба здесь? — сказал я. — Это означает, что вам не надо стеречь Плейера. Он лежит где-нибудь связанным или улизнул?

— Он скрылся, но потом вернулся и лег спать недалеко отсюда, у ручья, — ответил Убийца юма.

— Вы не догадываетесь, как далеко он уходил?

— Мы знаем об этом, потому что все рассчитали. Когда Олд Шеттерхэнд и Виннету уехали, я оставил охранять лошадей брата, а сам пошел по следу бледнолицего, которого зовут Плейер. Оба моих знаменитых брата знают, что слезы ведут через высотку в лес. Там стояла лошадь бледнолицего, и он сразу же вскочил на нее и поскорее поскакал прочь. Следы показывают, что лошадь шла рысью. Я прошел по следам, пока лес не кончился, и увидел, что по открытому месту Плейер пустил лошадь галопом.

— А какова там местность?

— Слегка холмистая и поросшая травой.

— След выглядел как оставленный беглецом, старавшимся как можно быстрее скрыться?

— Нет, он извивался между холмами. Если бы всадник мчался напрямик, след бы пересекал

холмы.

— Значит, желание побыстрее от нас скрыться было не единственным поводом гнать лошадь галопом — была еще этому какая-то причина. Если бы его гнал только страх, то путь его был бы подобен полету пули, которая ведь не отклоняется ни направо, ни налево. Но если кто-то спешит, не имея за собой преследователя, значит, впереди него есть цель, которую он стремится как можно быстрее достичь. Вероятно, его ожидали люди, которым он хотел сообщить о встрече с нами.

— Да. Я не пошел по следу через открытую местность, потому что иначе всадник, возвращаясь, заметил бы мои собственные следы. Я отправился к моему брату, чтобы укрыть лошадей, а потом мы вернулись к тому месту, где следы Плейера выходили из леса. Там мы залегли, поодаль друг от друга, чтобы лучше просматривать местность.

Это было сделано настолько осмотрительно, что я сам бы не смог лучше придумать.

— И мои юные братья увидели его опять? — спросил я.

— Да, вчера, когда солнце как раз достигло высшей точки.

— Значит, в среду в полдень, а мы отсюда уехали в понедельник. Следовательно, место, куда он ездил, удалено отсюда на сутки пути верхом. В каком направлении?

— На восток.

— Стало быть, к источнику. Мы, пожалуй, узнаем, поставлен ли там только один пост или же их несколько. Мне кажется, что они выстроили целую цепочку дозоров, чтобы в случае, если произойдет что-нибудь важное, известие об этом можно было бы передать дальше.

— Там, должно быть, собралось много индейцев, потому что Плейер уехал на белой лошади, а вернулся на черной.

— На белой? Но ты же ее не видел?

— Нет, но в лесу, там, где она была привязана, я увидел на ветке белый волос из лошадиного хвоста. А когда Плейер возвращался, он сидел на вороном, который был оседлан не бледнолицым, а индейским воином.

— Хм! Значит, пост, куда он отправился, собрал нескольких краснокожих. Он оставил уставшую лошадь и взамен получил свежую, чтобы вернуться побыстрее. А привезенное им сообщение было передано дальше на такой же отдохнувшей лошади. Можно сделать вывод, что там есть запасные свежие лошади, а значит, собралось много всадников. Хорошо, что мы об этом узнали, хотя мы, пожалуй, заставим его дать нам ответ. Итак, мои братья знают, где он теперь находится?

— Да. Мы видели, где он улегся, а так как он очень устал, то крепко уснул и еще не проснулся.

— Так ведите же нас поскорее к этому месту, чтобы мы застали спящего врасплох!

Мы привязали своих лошадей и пошли за братьями, в направлении ограды асиенды. Уже смеркалось, и скоро мы увидели негодяя, лежащего на берегу ручья. Он был переодет священником. Место он выбрал очень искусно, потому что каждый звук, каждый шорох был бы здесь услышан, с какой бы стороны они ни доносились. Под голову он подложил одеяло, а возле него лежало ружье, которого при первой встрече с ним я не заметил. Спал он крепко. Мы неслышно приблизились и так расселись возле него, что образовали четырехугольник, внутри которого лежал спящий. Ружье его я, конечно, забрал и положил так далеко в сторону, что дотянуться до него он не смог бы. Время у нас было, потому что лошади должны были отдохнуть. Мы не стали будить спящего, а ждали, заранее радуясь его удивлению при пробуждении. Его длинный сюртук был расстегнут, и под ним я разглядел пояс с ножом-«боуи»[82]. Из-за пояса торчали рукоятки двух крупнокалиберных револьверов.

Двигаясь очень медленно и очень осторожно, я сумел вытащить нож и один из револьверов,

тогда как другой был засунут слишком глубоко, и, когда я шевельнул его, спящий проснулся. Быстро, без тени сонливости, как это и пристало настоящему вестмену, он сел и обеими руками потянулся к поясу, из-за которого я моментально выдернул и второй револьвер. Но Плейеру изменило присутствие духа, какое проявил бы в его положении, например, Виннету. Он вытаращил на нас глаза и широко открыл рот, пытаясь что-то сказать, но не смог произнести ни звука.

— Good morning, мастер Плейер![83] — приветствовал я его. — Вы хорошо выспались, и это вам, пожалуй, пошло на пользу после такого долгого пути, который вы проделали с самого понедельника.

— Что… вы знаете… о моей… поездке? — все же сумел он из себя выдавить.

— Ну, не будьте же таким глупцом! Такие люди, как мы, всегда быстро разузнают, где вы были! Вы ездили в горы, к краснокожим, чтобы сообщить им, кого вы здесь видели, и сменять своего сивку на вороного.

— В самом деле, так и было! Что вам здесь надо, сэр? Почему вы скитаетесь много дней в этих диких местах, где ни человеку, ни зверю нечего искать?

— О том же самом я хотел бы спросить у вас, да раздумал, потому что это совершенно излишне. Но позвольте представиться. Или я вам уже называл свое имя в понедельник?

— Можете этого не делать, потому что тот, кто видит Виннету, уверен, что рядом появится Олд Шеттерхэнд. Это я сообразил моментально.

— Не верю я этому! Если бы вы это знали, то не уехали бы. Вы же, разумеется, слышали, какой я близкий друг Мелтона и Уэллеров, а так как вы с этими джентльменами очень тесно связаны, то ваше бегство, собственно говоря, можно назвать бессмысленным. Послание индейцам также передавать было излишне. Мы могли бы это сделать куда лучше вас, потому что тоже направляемся вверх.

— В Альмаден-Альто? — вырвалось у него.

Так назывался ртутный рудник, названный в честь известного испанского рудника Альмаден. Альмаден-Альто переводится как Верхний Альмаден, потому что рудник расположен высоко в горах.

— Да, в Альмаден-Альто, — ответил я, — но сначала мы поедем к Фуэнте-де-ла-Рока, чтобы нанести визит моему другу Мелтону. У него, как вы знаете, повреждены руки. Кто-то очень грубо поступил с ним и выкрутил суставы рук, и вот я, как добрый друг, должен еще раз справиться о его самочувствии. Известно же, что дружба всегда налагает и обязанности!

Конечно, он очень хорошо был осведомлен о случившемся. И таким образом, разумелось само собой, что мои слова он воспринял как насмешку, чем они на самом деле и были. Его положение нельзя было назвать приятным, что было заметно по выражению его лица. Но если он даже знал, что от Виннету ему ничего хорошего ждать не стоит, то никакого повода для личной мести он ему все-таки не подавал, да и мне он, собственно говоря, пока ничего не сделал. Поэтому Плейер по крайней мере за свою жизнь и здоровье был спокоен и считал необходимым не показывать нам свой страх, спросив удивленным тоном:

— Что мне за дело до ваших отношений с Мелтоном? О том, что вы его друг, я мог подумать еще в понедельник, потому что вы спрашивали о нем и были осведомлены о моем пребывании здесь. Но то, что вы от меня хотите, это уже мою персону задевает! Вы тайно прокрались сюда, окружили меня, отняли оружие. Зачем? Я всегда считал Олд Шеттерхэнда порядочным человеком!

— Да я действительно таков, поэтому так близко и сошелся с Мелтоном и обоими Уэллерами. Они, верно, порассказали вам обо мне много хорошего?

— Они вообще про вас не рассказывали. Я слышал от них, что вы попали в плен к юма и

должны были умереть у столба пыток, а я, к своему изумлению, вижу, что вы снова оказались на свободе.

— Примите мою благодарность за ваше дружеское отношение, сэр! Но если вы так хорошо ко мне относитесь, то почему тогда вы отобрали мое оружие?

— А это мы сделали для вашего же блага, мастер Плейер. Если мимбренхо появятся до того, как мы выступим, вы, известный на весь Запад храбрец, можете попытаться пустить свое оружие в ход, чего делать ни в коем случае не стоит. Это бы настроило индейцев против вас, а поэтому мы, заботясь о вашей безопасности, решили вас разоружить.

Плейер от возмущения не знал, что сказать, и промолчал. Я же продолжал:

— Мы еще больше позаботимся о вашем здоровье, слегка связав вас, чтобы вы случайно не могли разозлить мимбренхо, а при этом еще изучив содержание ваших карманов, потому что в них может оказаться что-либо привлекательное для краснокожих.

— Вы, сэр, говорите серьезно? — взорвался он. — Что я вам сделал? Почему вы сначала напали на меня, а теперь собираетесь обыскать и связать?

— Вы нам не смогли еще причинить вреда. Я в первый раз имею часть вас видеть. Что вы могли мне сделать! Но если желаете знать правду, то я вам честно скажу, чего я хочу. Вы были там, наверху, в Альмаден-Альто?

— Нет, наверху я не был.

— А я вам скажу, что вы точно были наверху, а так как добровольно признаться не желаете, то я найду средство открыть вам рот. Если вы полагаете, что меня можно обмануть, то получите такую порку, что вся спина распухнет. Вяжите его!

Выкрикнув это приказание обоим мимбренхо, я схватил Плейера одной рукой за горло, а другой — за пояс, придавил его к земле и держал. Он кричал все, что приходило ему на ум, он колотил руками по земле, он брыкался ногами, но… всего несколько секунд; а затем его связали.

— Что вы задумали? Что я вам сделал? — кричал он. — Перед вами не обычный человек! Я мормон, я принадлежу к святым последнего дня. Теперь вы знаете, кто я и какого требую отношения.

— Да, теперь мы знаем это! — ответил я. — Вы брат Мелтона по вере, и с вами надо обходиться точно так же, как и с ним!

— О Боже! — завопил он. — Не собираетесь ли вы сломать и мне руки?

Сначала я собирался отколотить его, хотя для зрителей это было бы слишком неприятно. Но так как он сам навел меня на другую, лучшую, мысль, то я взял его связанные руки в свои. Страх оказаться со сломанными руками подействовал куда лучше, чем дюжина батогов по спине. Едва я схватил его руки и посильнее надавил на них, как он в ужасе завопил:

— Нет, стой, не надо ломать мои руки, не надо! Я все скажу!

— Хорошо, я хочу быть снисходительным и подожду еще. Но отвечайте на мои вопросы только правду! Если вы солжете, сейчас же затрещат ваши кости! Итак, вы были наверху, в Альмаден-Альто и у Фуэнте-де-ла-Рока?

— Да.

— Вы настолько хорошо познакомились с местностью, что смогли бы стать проводником?

— Я знаю эти места давно. Я часто бывал там, еще до появления Мелтона и Уэллеров.

— Значит, именно вы были настоящим разведчиком, которого выслали вперед?

— Верно, это был я. Именно я навел Мелтона на асиенду и рудник.

— Немецких эмигрантов отправили в Альмаден-Альто для того, чтобы они работали под землей?

— Да.

— Это было решено еще до того, как их завербовали на родине?

— Вы совершенно правы.

— Наверху есть юма?

— В Альмадене и возле источника. А по дороге в горы, на расстоянии дневного переезда, расставлены посты, по пять человек в каждом.

— Что делают юма в Альмадене?

— Они должны заботиться о продовольствии и перевозках, а за это будут получать деньги из рудничной прибыли.

— Сколько там человек?

— В альмаденском лагере находится триста индейцев, двадцать расположились возле источника, и еще столько же человек расставлены на постах.

— Когда туда прибудут эмигранты?

— Да они уже должны быть там.

— Скольких из них направят под землю?

— Всех.

— Как, и детей тоже?

— И детей.

— Боже! Тогда нам не стоит терять времени. Я хотел бы о многом еще порасспросить, но успею сделать это по дороге. Отдыхать нам не придется, мы должны выехать немедленно. Готов ли к этому мой брат Виннету?

— Виннету будет делать все, что посчитает нужным его брат Шеттерхэнд, — ответил апач.

— Все, что я считаю необходимым, ты узнал здесь и еще узнаешь в пути. У нас нет времени долго советоваться. Слушай, что должно произойти прежде всего!

Я отошел в сторонку, чтобы мои слова не мог слышать Плейер, и сказал младшему сыну Сильного Бизона:

— Мой маленький краснокожий брат слышал, что отвечал Плейер на мои вопросы. Пусть он садится на свою лошадь и как можно скорее примется за исполнение того, что я ему поручу. Прежде всего нам надо убрать посты юма, расставленные на дороге, а потом — избавиться от тех двадцати человек, которые расположились возле источника. Для этого достаточно тридцати воинов мимбренхо. Пусть мой брат скачет к тем, кто гонит стада, и приведет за собой тридцать воинов, которые должны поскорее догонять нас. Девятнадцать человек могут остаться при скоте, а одного надо послать к Сильному Бизону, чтобы попросить у него сотню воинов, которые должны будут как можно скорее направиться в Альмаден. А теперь — гони!

Храбрый мальчишка уже сидел на лошади, а две минуты спустя он скрылся из глаз. Еще через полчаса отправились в путь и мы втроем, поставив в середину привязанного к лошади Плейера. Итак, трое против трехсот врагов. Но надо же было спасать от ужасной доли соотечественников. Здесь не должно было ни преступно медлить, ни боязливо взвешивать неблагоприятное для нас соотношение сил.

Глава шестая
НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТИ

Итак, мы находились на пути к старому ртутному руднику Альмаден-Альто и должны были проехать через Фуэнте-де-ла-Рока, то есть Скалистый источник. Так как Виннету его хорошо знал, то мне не надо было тревожиться, не направил ли нас Плейер по ложному пути. Заблудиться мы не могли. Но в отношении расположенных по дороге постов нам приходилось положиться на его сведения. Правда, на каждом из них находилось всего по пяти человек, а столь небольшого количества воинов нам нечего было опасаться, если бы только мы знали места, где были размещены посты. Если Плейер назвал их неверно, нас могли легко заметить. Значит, надо было нагнать на мошенника такой страх, чтобы он не отважился даже попытку сделать, чтобы обмануть нас.

Источник, у которого неотлучно находились двадцать юма, был удален на два суточных перехода, а перед ним еще были расставлены четыре поста по пять человек в каждом. Так как от Уреса до Альмадена было пять дней пути, а нам от асиенды оставалось всего четыре, то посты, собственно говоря, расставлены были через две трети суточного перехода. Если бы мы ехали так, как обычно привыкли передвигаться, то уже сегодня к вечеру могли наткнуться на первый пост, но это не входило в мои планы. Первую пятерку индейцев я хотел застать врасплох в ночной темноте, а стало быть, нам пришлось бы либо ехать быстро, но потом где-нибудь отдохнуть, либо двигаться таким медленным аллюром, чтобы добраться до поста в вечерних сумерках. Я имел все причины предпочесть первое.

Что же касается мимбренхо, на помощь которых я очень надеялся, то было легко просчитать, когда они могут соединиться с нами. Если наш гонец поторопится, в чем нельзя было сомневаться, а тридцать человек немедленно подчинятся его приказу, на что я в любом случае тоже мог рассчитывать, то они сумели бы добраться до асиенды за три дня. Затем доехать до места, в котором мы должны будем их ожидать, им потребуется ровно столько же времени, сколько потратили мы сами на дорогу туда от асиенды.

Мы не знали, знаком ли им путь, однако вынуждены были положиться на их находчивость. Тем не менее, прежде всего для того, чтобы не задерживать их ненужными поисками, мы оставили отчетливый след, который сохранится и через несколько дней, а кроме того, позаботились о различных знаках, которые бы они могли заметить, поняв по ним, что находятся на верном пути. Знаки эти мы составляли из камней, которые раскладывали на дороге так, чтобы они бросались в глаза. Мы также надламывали ветки, укрепляя их на особенно заметных деревьях другого вида: скажем, дубовая ветка на елке или сосновая на буке являются для индейца, да, пожалуй, и для соображающего белого, если тот держит глаза открытыми, верным свидетельством того, что здесь кто-то прошел и оставил метку.

Плейер ехал между мною и Виннету, а юный индеец — за нами. Когда я оборачивался, то видел, что мальчишка не спускает глаз с пленника, чтобы тому, несмотря на все наши предосторожности, не удалось каким-нибудь способом освободиться от пут.

Местность, по которой мы проезжали, постепенно повышалась к высокой сьерре, и чем выше мы поднимались, тем гуще становился лес. От недостатка воды мы не должны были страдать, хотя тут и там попадались бесплодные скалистые площадки, но выше они должны были исчезнуть.

Я в этих краях еще никогда не бывал. Знаком ли был проделанный нами сегодня путь Виннету, я не знал, а он ничего об этом не говорил. Однако Плейер должен был считать, что дорога нам известна, так как мы о ней не расспрашивали. Да это было и ни к чему, поскольку

мы отчетливо различали оставленный накануне след. Видел ли его сам Плейер? В этом я сомневался, потому что на большом расстоянии он был почти неприметен, и нужны были такие зоркие глаза, как у Виннету, чтобы его углядеть.

В обеденное время мы сделали короткую остановку возле ручейка, чтобы напоить лошадей. Потом мы снова пустились в путь, пока далеко за полдень не задержались у оконечности лесного клина, откуда открывался широкий обзор на три стороны. Плейера мы сняли с лошади и опустили на траву. Мы сели поесть, и пленник получил свою долю. По дороге мы не обменялись с ним ни словом. Теперь можно было предположить, что мы оказались недалеко от первого поста. Надо было узнать в точности, где он располагается, и я первым нарушил молчание, сказав:

— Когда вы, мастер, вчера проезжали здесь, то, верно, не подумали, что уже сегодня опять окажетесь в том же месте, но уже в качестве пленника?

— Я? Проезжал здесь? — ответил он. — Если вы так считаете, то глубоко заблуждаетесь.

— Бросьте свои увертки! Я не только знаю, что вы здесь были, но вижу по вашим следам, что именно на этом месте вы поворачивали, чтобы посмотреть назад. Ну-ка припомните! Ваши глаза не настолько остры, чтобы читать следы; но мои-то хорошо видят, что здесь вы поворачивали лошадь.

— Неправда! — настаивал он. — Я еще никогда не бывал на этом месте.

— Хм! Вы, кажется, забыли, что с вами случится, если вам вдруг придет в голову обмануть нас! Если кто-то считает меня олухом, то глубоко ошибается. Заметьте это! Вы хитрая лиса и одурачили уже многих людей, но с нами ваши фокусы не пройдут. Извольте же сознаться, что вы вчера здесь побывали да еще и останавливались.

Он не знал, запираться дальше или нет, а поэтому молчал.

— Мне что, снова открыть вам рот, как я уже проделал это сегодня? Хочу вам помочь уяснить ваше положение: в наши планы не входит причинять вам какое-либо зло, если вы будете разумны и поможете нам, но если вы станете нас обманывать, то я рассчитаюсь с вами так, как мы привыкли это делать с упрямцами. О себе я ничего не хочу говорить, но разве Виннету похож на человека, который позволит себя обмануть? Мы знаем, что находимся недалеко от первого поста. Мы бы нашли его и без вашей помощи. Нам достаточно просто идти по вашим следам, но если вы нам укажете место, мы благодаря этому выиграем время.

— Я не могу так поступить — это было бы изменой, — ответил он.

— Не играйте в честного и совестливого человека! У кого столько грехов на совести, как у вас, тому не стоит выдавать себя за ангела. Впрочем, я ведь ничего плохого от вас не требую. Я предлагаю вам совершить добрый поступок. Решайтесь быстрее — у нас нет времени! Поможете нам — хорошо, нет — тогда уж не пеняйте потом. Итак, вы соизволите нам сказать, где находится пост?

Задав вопрос, я схватил его руки и сжал их так, что хрустнули кости.

— Прекратите! — закричал он. — Я скажу вам все!

— Ну, хорошо! Только говорите правду! Пока у нас нет причин лишать вас жизни, уверяю вас, что в наши планы не входит ничего подобного, но если вы своей ложью причиняете нам вред, то подтолкнете нас к неприятным для вас действиям, о которых мы сейчас и не помышляем, а платой вам станут нож или пуля!.. Где находится первый пост?

— Недалеко отсюда, — ответил он, остекленело уставившись на мои руки, которые сильно сжимали его кисти.

— И как долго нам скакать до него?

— Да с добрых полчаса.

— Опишите местность! Но одна-единственная неверная примета будет стоить вам жизни!

— Отсюда надо ехать по лугу, который вы видите перед собой. Потом снова начнется лес, который тянется вверх по склону. На противоположном склоне высотки есть небольшой водоем — возле него и располагается пост.

— Лес там очень густой?

— Да. Но там есть нечто вроде просеки, ведущей наверх и к водоему.

— А можно ли с высоты обозреть местность, по которой мы поедем?

— Нет. Обзор будут заслонять высокие деревья.

— Все ли пятеро индейцев находятся у водоема?

— Конечно, но так как они должны добывать себе мясо охотой, то очень даже возможно, что один из них находится на обращенном к нам склоне. Тогда он может заметить, как мы подъезжаем.

— Чем они вооружены?

— Стрелами и копьями.

— Как зовут их вождя, я хочу сказать, вождя тех индейцев, которые собрались в Альмадене?

— Не знаю, кто ими распоряжается, туда должен был подъехать Большой Рот, с которым Мелтон заключил договор.

— Этого достаточно. Других сведений о Мелтоне мне пока не надо. Вы уже были однажды в Уресе и знаете дорогу, которая ведет оттуда в Альмаден-Альто?

— Да.

— Может быть, она проходит мимо водоема, у которого поставлены часовые?

— Да, это так, именно у водоема дорога из Уреса соединяется с дорогой, идущей от асиенды.

Свои вопросы я задавал не без умысла, думая при этом об асьендеро, чиновнике и трех полицейских, которые, как теперь оказалось, должны были проехать мимо постов и, вполне вероятно — попасть в руки краснокожих. Виннету тоже считал, что так может случиться, потому что, услышав ответ Плейера, он встал и сказал:

— Мы должны ехать, чтобы спасти белых людей, недостаточно опытных и наблюдательных, чтобы заметить опасность, которая может встретиться им на пути.

— Так мой краснокожий брат полагает, что…

Фразу я не докончил, но бросил выразительный взгляд на Плейера. Виннету понял меня и ответил:

— Этот бледнолицый не обманул нас, он сказал правду из страха перед кулаком Олд Шеттерхэнда.

— Но теперь еще день. Если мы тронемся в путь немедленно, то нас могут увидеть, когда мы поедем по открытой прерии!

— Виннету не так неосторожен, чтобы его могли обнаружить юма. Он не поедет прямо, по следу пленного, он сделает крюк к югу. Именно оттуда приедут пятеро белых из Уреса, и мы должны разглядеть их след, тогда как вечером мы ничего не сможем увидеть.

Он был прав, как всегда. Мы опять привязали Плейера к его лошади и покинули место отдыха, свернув с прежней дороги на юг. Ровная, поросшая травой лужайка, по которой мы должны были проехать, вытянулась в этом направлении на большом расстоянии.

Водоем, как мы уже слышали, располагался в получасе езды, к востоку от нас. Мы проехали почти столько же на юг, и тут оказалось, что расчет апача верен, потому что мы выбрались на широкий след, уходивший на северо-восток. Виннету соскочил на землю, внимательно осмотрел отпечатки, а потом сказал:

— Здесь проехали пятеро всадников. Это все неопытные белые, потому что ехали они не

один за другим, а рядом. Вождь апачей думает, что тут были люди из Уреса.

— Сколько времени назад они проехали? — спросил я.

— Пожалуй, сутки назад. Если бледнолицые оставляют такие отчетливые следы, по которым можно сосчитать всю группу, то их ждет плен или гибель. Мы нашли эти следы, а теперь скоро увидим и их самих.

Он снова вскочил в седло, а потом мы поехали по следам пятерки белых, находясь в совершеннейшем убеждении, что увидим этих беспечных людей уже пленниками индейского поста.

Сделанный нами объезд представлял собой обращенный вершиной на юг острый угол. Стало быть, в лес, за которым находился водоем, мы въехали не точно с запада, а с юго-юго-запада и с большой долей вероятности могли предполагать, что нас не заметили. Опушка поросла густым подлеском, в который мы и спрятались, отыскав укрытие для наших лошадей. Мы привязали их, вытащили Плейера из седла и прикрутили его руки и ноги к двум деревьям. Потом Виннету сказал юному мимбренхо:

— Олд Шеттерхэнд и Виннету пойдут к водоему, а мой маленький краснокожий брат останется здесь, пока мы не вернемся или не передадим какое-либо сообщение о себе. Если белый пленник попытается бежать или хотя бы произнести хоть одно громкое слово, пусть мой брат проткнет ему сердце ножом. Если же произойдет что-нибудь неожиданное, то мой брат, несмотря на свою юность, уже настолько умен и решителен, что сам догадается, что ему делать. Хуг!

По мальчишке было видно, как гордился он похвалой вождя апачей. Он вытащил свой нож и, не сказав апачу ни слова в ответ, уселся возле пленника. Мы с Виннету углубились в лес, который рос по очень крутому склону. Вскоре вождь остановился и спросил, естественно очень тихо, как он это привык делать, если предполагал, что поблизости находится враг.

— Что думает мой брат о численности юма, собравшихся возле водоема?

— Их, вероятно, трое, — ответил я после недолгого раздумья.

— Олд Шеттерхэнд прав. Нас против этих троих двое, и мы легко и быстро освободим пятерых белых.

Никакого чуда в столь точном определении числа краснокожих на первом посту не было. Ведь там уже побывал Плейер, сообщивший о том, что он видел нас на асиенде, после чего, разумеется, один из пяти ускакал с известием к Фуэнте-де-ла-Рока. Значит, после отъезда Плейера здесь осталось четверо. Потом к посту подъехали пятеро белых из Уреса и были взяты в плен. Естественно, к источнику индейцы отправили нового гонца, значит, здесь остались только трое. Пятеро пленных экскурсантов захватили с собой много провизии, и съестное у них, разумеется, отняли; очевидно, что троим юма, охраняющим пленников, ходить на охоту теперь уже не надо. Значит, мой ответ подразумевался сам собой и не мог свидетельствовать о какой-то исключительной проницательности. А справиться с тремя противниками нам было нетрудно.

Мы так тихо ступали под густыми кронами деревьев, что наши шаги не были слышны и на расстоянии трех или четырех локтей. Вскоре мы добрались до высотки, довольно круто обрывавшейся вниз. Виннету уверенно заскользил по склону, словно уже не раз проходил этим путем. Потом он повернулся ко мне вполоборота и предостерегающе поднял указательный палец, давая тем самым понять, что теперь нужна еще большая предосторожность, бросился в мох и пополз дальше. Его действия, а также запах влаги, подсказали мне, что мы находимся совсем близко от водоема.

Я продвинулся немного вперед, улегся возле Виннету и смог теперь, под нижними ветвями, достававшими чуть не до земли, разглядеть маленькую полянку, центр которой был занят лужицей стоячей воды. В любом случае там действительно был источник, но настолько хилый,

что вода не вытекала из лужицы, а просачивалась через пористую почву назад, под землю. Площадка с трех сторон была закрыта деревьями и кустами, а четвертая оставалась открытой: именно с этой стороны шла дорога от асиенды Арройо к Фуэнте-де-ла-Рока. Мы лежали на краю зарослей, за которыми тянулась узкая полоса земли, поросшая тростниками и камышом, где и располагался водоем. С другой стороны лужицы, но не у самой воды, а чуть поодаль, под деревьями, сидели трое индейцев. Поблизости от них, привязанные к деревьям, стояли белые из Уреса. Обстановку мы нашли именно такой, какую и ожидали увидеть.

Краснокожие говорили с белыми на той смеси наречий, которой привыкли пользоваться жители этих краев. Нам надо было перебраться на другую сторону водоема не только для того, чтобы услышать содержание разговора, но прежде всего — для освобождения белых. Крадучись, мы обогнули поляну и подобрались настолько близко к часовым, что смогли разобрать каждое слово.

Как и следовало ожидать, среди этих краснокожих не только не оказалось вождя, но не было даже сколько-нибудь известного воина. Ни у кого из индейцев не было ружей. Лошади, включая скакунов пленников, были привязаны вблизи от сидевших и жевали листья и молоденькие побеги. Двое из индейцев уселись на заново обтянутых подушках чиновника и с видимым удовольствием наслаждались деликатесами, которыми снабдила своего муженька супруга. Он же сам выглядел необыкновенно смешно, так как его парадная форма совсем не подходила к тем обстоятельствам, в которых он оказался. На его лице отчетливо читался страх, что совершенно не соответствовало тем задачам, которые он должен был решать по приказанию сеньоры. Мне даже показалось, что я вижу на его лбу капли пота. Полицейские, его подчиненные, находились точно в таком же самом положении, да и асьендеро не производил впечатления героя, который шутя расправился бы со своими врагами. Индейцы очистили карманы пленников и, естественно, отняли все, включая оружие. Награбленное лежало кучкой и позднее должно было быть поделено поровну между всеми.

Со стороны краснокожих беседу вел тот, кто, кажется, знал больше испанских слов, чем его товарищи. Он говорил так, словно его задачей было нагнать на белых еще больше страха. Как раз в тот момент когда я так пристроился за кустом, что мог спокойно слушать, до меня донеслось:

— По вашему облику мы видим, что вы очень храбрые воины, но очень удачно вышло, что вы не защищались, потому что, если бы такое случилось, мы бы немедленно вас убили. Ну, а теперь вы сможете прожить еще несколько дней, потому что мы будем снимать с вас кожу полосками, чтобы наделать из них ремней.

— Кожа… полоски… ремни! — вскрикнул чиновник. — О, мой добрый, наидобрейший Боже! Но это же убийство, это же мучения, это же величайшая пытка, которая только может существовать?

— А разве ты не самый первый правитель в городе, который зовется Уресом?

— Да, я как раз такой человек; я же вам уже об этом сказал, дражайший сеньор.

— Так знай же, что у нас есть такой обычай: чем значительнее человек, тем сильнее его пытают, и он должен умереть в мучениях. Кто эти трое мужчин, ехавших вместе с тобой?

— Полицейские, мои подчиненные.

— Тогда у них будет меньше мучений и легкая смерть. Сначала мы снимем с них скальп, а потом выколем им глаза.

Троица полицейских закричала от ужаса истошными голосами. Краснокожий издевательски усмехнулся и продолжал, обращаясь к асьендеро:

— А ты и есть дон Тимотео, очень богатый человек? Тебе мы оторвем руки. Вы наши враги, значит, должны будете умереть в муках.

— Я заплачу выкуп, если только вы выпустите меня на свободу!

— Краснокожим воинам не нужны деньги. Им принадлежит вся страна: все, что у вас есть, вы награбили у нас. Вы не можете ничего нам дарить, потому что мы сами все отберем у вас, а вы должны будете умереть.

— Я тоже заплачу выкуп! — крикнул знаток законов. — Я дам вам сто пиастров!

Индеец рассмеялся.

— Двести пиастров!

— В Уресе ты был богатым человеком, а предлагаешь так мало!

— Тогда я дам триста, нет — четыреста пиастров, дражайший сеньор!

— Ты слышал, что денег мы не хотим, потому что ни в чем не нуждаемся. Вы должны будете умереть. Я отослал гонца, и еще сегодня сюда прибудет знаменитый воин Быстрая Рыба. Он определит, какой смертью вы умрете.

При этой угрозе асьендеро пришла в голову одна мысль, которую он сейчас же высказал, чтобы запугать краснокожего:

— Если вы нам причините хоть самое маленькое зло, то заплатите собственной жизнью. У нас есть могущественные друзья, которые отомстят за нас!

— Мы презираем ваших друзей. Нет ни одного белого, которого испугался бы воин племени юма.

— Ну, один-то есть, и вы все его боитесь. Этого человека зовут Олд Шеттерхэндом!

Краснокожий сделал презрительное движение рукой и ответил:

— Ваш Олд Шеттерхэнд — просто белая собака, которую мы сейчас же прибьем, если она появится у нас. Только он побоится прийти к нам, потому что в этих краях он никогда не был.

— Ты ошибаешься. Он был на моей асиенде, а потом я говорил с ним в Уресе. Он собирался к источнику, а потом в Альмаден, чтобы освободить там иноземных рабочих.

Теперь краснокожий насторожился. Казалось, он хотел пронзить асьендеро взглядом, но потом сказал неуверенно:

— Ты лжешь, ты просто хочешь нас запугать, но юма не знает страха.

— Я не лгу. Сеньор, подтвердите мои слова!

Последняя фраза была адресована чиновнику, который с надеждой схватился за ниточку, на которой болталась его жизнь, и заверил:

— Да, это так. Дон Тимотео сказал правду, уверяю вас, можете ему поверить, дражайший сеньор. Олд Шеттерхэнд посетил и меня, а с ним еще был Виннету, вождь апачей.

Мне было крайне неприятно, что эти люди говорят про нас. Они могли наделать нам много вреда, если бы нас здесь еще не было. Тем не менее было очень интересно посмотреть, как подействует на индейцев упоминание наших имен.

— Уфф, уфф! — вырвалось у краснокожего, причем он высоко подпрыгнул. — Виннету посетил вас? И при нем находился Олд Шеттерхэнд?

— Да. Олд Шеттерхэнд был у меня даже дважды, дражайший сеньор. Оба этих знаменитых человека побывали на асиенде Арройо, а затем приехали в Урес, чтобы встретиться с нами.

При этих словах беседовавший с белыми индеец вытянул руку в сторону обоих своих товарищей и крикнул:

— Мои краснокожие братья слышали, что было сказано? Олд Шеттерхэнд находится вместе с Виннету, а бледнолицый, которого зовут Плейером, сообщил нам, что видел Виннету на асиенде. Значит, все сходится, и дела обстоят именно так, как говорят белые. Виннету вместе с Олд Шеттерхэндом находятся на пути сюда. Мы должны покинуть это место, прихватив с собой пленников, а затем спрятаться, уничтожив все следы. Один из вас направится навстречу Быстрой Рыбе. Оба названных воина опаснее, чем сотня других. Плейер рассказал нам, что

Большой Рот пленил Олд Шеттерхэнда и увез с собой. Если он снова оказался на асиенде, значит, бледнолицый освободился и воспылал жаждой мести подобно дикому бизону, побеждающему даже горного медведя. Значит, мы находимся в величайшей опасности и…

Он не закончил фразу, потому что произошло событие, к которому он был меньше всего подготовлен. При его заключительных словах из кустов молниеносно вынырнул Виннету и бросился к говорившему; он положил руку на плечо юма и сказал своим спокойным, но грозным голосом:

— Выходит, юма лгал, когда говорил, что воины его племени не знают страха! Он намеревался прибить Олд Шеттерхэнда словно собаку, а теперь, услышав, что белый воин находится поблизости, хочет спрятаться, потому что юма знает, что Олд Шеттерхэнд и Виннету стоят больше, чем сотня других воинов. Я уверяю вас, что ни один юма не побьет Олд Шеттерхэнда, потому что вы не успеете еще и руки поднять, как он вас размажет по земле!

Это был один из тех самых моментов, когда апач так просто и в то же самое время так убедительно показывал свое превосходство. В руках у него не было оружия. Его Серебряное ружье было перекинуто за спину, а нож покоился за поясом, но апач столь гордо стоял перед врагами, с таким вызовом смотрел индейцу в лицо, с такой силой пригибал его плечо, что у того перестал повиноваться язык. Оба других юма тоже вскочили с земли и стояли, застыв в оцепенении. Ножи были при них, копья и луки со стрелами лежали в сторонке, но этого оружия нам нечего было опасаться. Тут главный юма опомнился, отступил на шаг и спросил:

— Чужой краснокожий воин! Кто… кто… кто…

Он хотел, конечно, спросить, что это за чужой индеец и как он здесь появился, но вопросы были ни к чему, потому что до сих пор он не смог пересилить свой страх, однако ответом на этот невысказанный вопрос прозвучал торжествующий крик асьендеро:

— Виннету! Да это же Виннету! Слава богу, мы спасены!

— Вин… Винне… Виннету? — сказал, запинаясь, юма. — Этот апач?! Уфф! Воины, возьмите свое оружие и защищайтесь, потому что…

Он схватился за нож, но оба других индейца оказались не столь проворными. Теперь, когда они услышали знаменитое имя, страх сковал им руки. Виннету столкнул ногой их копья и стрелы в воду и повелительно приказал:

— Молчи, юма, и не двигайся! Вон там стоит Олд Шеттерхэнд! Может, ты хочешь попытаться и ударить его палкой?

Прежняя угроза казалась мне всего лишь смешной, но Виннету она всерьез разозлила, так что он повторил ее во второй раз. В то время как он выговаривал последние слова, указывая в мою сторону, я вышел из-за кустов, держа в каждой руке по револьверу, наведенных на индейцев.

— Это… и есть… Олд Шеттерхэнд? — спросил юма, направив на меня не просто испуганный, а прямо-таки осоловелый взгляд.

Этот воин был оценен мною как более способный оказать сопротивление, чем его товарищи. Следовательно, его надо было обезвредить раньше других, поэтому я быстро подошел к нему и ответил:

— Да, это и есть Олд Шеттерхэнд, что ты сейчас и узнаешь!

Крепко сжав в правой руке револьвер, я ударил им индейца по голове, так что тот упал и больше не двигался. Тогда я громким голосом крикнул его товарищам:

— Бросьте ножи, иначе я немедленно пошлю в вас по пуле!

Они немедленно повиновались, а я стал приказывать дальше:

— Лечь на землю и не двигаться!

И это они проделали быстро и без какого-либо намека на неповиновение. После этого были

освобождены пятеро пленников, скручивавшие их руки и ноги ремни пригодились, для того чтобы связать троих краснокожих. Оставалось удивляться, как быстро белые кинулись исполнять мой последний приказ. Ученый законник с заячьим сердцем бросился, естественно, на оглушенного индейца, поскольку его-то теперь нечего было бояться, и, опутывая с рвением палача краснокожему руки и ноги ремнями, кричал:

— Да, его надо скрутить, связать и убить словно бешеную собаку, этого негодяя и мошенника! Я отвезу его в Урес, чтобы там видели, как я вышел победителем в рыцарском поединке с самым диким чудовищем в этих горах. Я вернусь домой героем. Кто может противостоять мне?

Собственно говоря, подобное хвастовство было просто смешным, но меня разозлило, что он подумал прежде всего о своей славе, а не о своих спасителях. Поэтому я, не слишком-то заботясь о вежливости, остановил его:

— Замолчи, хвастун! Кто же это поверг юма — я или вы? Сделайте одолжение, вспомните и про меня!

Тогда он встал передо мной и ответил то ли с обидой, то ли с упреком в голосе:

— А как же — это был я, сеньор… ну, вы же знаете, что это сделал я, тогда как ваши поступки были обусловлены только чувством долга, что я с радостью признаю, но благодарить вас — это я считаю ненужным. Не правда ли, дон Тимотео?

— Сущая правда, сущая правда! — кивнул асьендеро. — Мы в достаточной степени чувствуем себя мужчинами, и нам не нужно никого, кто только и знает, что все время вмешивается в наши дела!

Да, это было сильно сказано! — У меня просто руки зачесались. Чего бы я только не сделал для этого «дона»! Я принужден был собрать поистине все свое самообладание, чтобы только удержаться от резкого ответа, но у меня был адвокат, который чувствовал подлость не хуже меня, а в данном случае проявил куда меньше терпения. Едва были произнесены приведенные выше слова, а я не успел даже обернуться, как послышались два удара. Оглянувшись, я увидел, что «ученый законник» и асьендеро лежат на земле. Виннету опрокинул их ударами приклада своего ружья и собирался проделать то же самое с полицейскими, пришедшими в ужас от такой молниеносной расправы и не успевшими даже подумать о бегстве или обороне.

— Стой! Не трогай этих! — крикнул я, успев вцепиться в ружье. — Они тут ни при чем.

Он опустил приклад и ответил, по своему обыкновению, решительно, сверкая глазами:

— Хорошо, я не буду их трогать, раз этого хочет мой брат. Пусть они будут помилованы, но только тогда, когда они снова привяжут себя к деревьям, иначе я размозжу им головы!

И в тот же миг Виннету оказался между полицейскими и кучкой, в которой среди прочих других вещей лежало их оружие. Я еще никогда не видел апача в таком гневе. То ли так подействовало его сердитое лицо, то ли что другое из тех необычных событий, разыгравшихся в течение последних десяти минут, но только один полицейский выступил вперед, протянул мне свои руки и сказал:

— Да, свяжите нас, сеньор, мы не станем сопротивляться! Я знаю, что вы нам ничего не сделаете, и это делается только для того, чтобы показать обоим неблагодарным сеньорам, с кем они имеют дело. Надеюсь, они не умерли, но я полагаю, что мы лучше всего докажем свою благодарность, подчинившись вашим требованиям.

— Хорошо! Из-за вашего начальника я вынужден связать вас, а то он еще может приказать освободить его. Итак, пойдемте сюда к деревьям, но скоро вы снова станете свободными!

По соседству с индейскими лошадьми нужды в ремнях никогда не испытаешь. Трое полицейских были вынуждены поехать в горы за своим ни к чему не годным начальником. Его неспособность к борьбе с индейцами отдала полицейских в руки краснокожих, от которых мы

их только что спасли. Они бы охотно поблагодарили нас, но не осмелились этого сделать, видя поведение своего командира, на которого они были разозлены. Конечно, они допустили удар прикладом, считая, что чиновник его заслужил, и позволили бы сделать с собой все, что нам угодно. Виннету бы совершенно не обеспокоился, если бы асьендеро и чиновник оказались мертвыми. Но те, к счастью, только потеряли сознание. Пока я тащил их к деревьям, чтобы там привязать в прежнем положении, он ушел, ни слова не сказав. Ну, я-то, конечно, знал, что он пошел за мимбренхо и конями. Вскоре он вернулся с мальчишкой и нашими верховыми животными. Естественно, они привезли с собой и Плейера. Мне ничего не надо было рассказывать мимбренхо, потому что апач уже сообщил ему о случившемся.

Наши кони были привязаны, а потом мальчуган получил задание стеречь пленников. Он должен был оставаться с ними, в то время как я пошел вдвоем с Виннету. Куда и зачем — это разумелось само собой, так что на это ни ему, ни мне не стоило даже терять слов. Речь шла о необходимости перехватить тех двух юма, которых выслали отсюда к источнику с сообщением. В скором времени надо было ожидать их возвращения, и следовало перехватить их до того, как они доберутся в лагерь у водоема. Если бы мы стали ожидать их у первого поста, то они, заметив нас первыми, могли бы, как только что мы сами, легко укрыться от нас и даже оказаться опасными.

Естественно, мы не пошли густым лесом, а направились прямо по дороге, по которой должны были прибыть юма. Ружья мы оставили, потому что они только могли помешать нам при захвате индейцев.

Мы шли по узкой полоске редколесья, пересекавшей лес на этом склоне высотки и выходившей на равнину. Возле опушки леса мы решили спрятаться под деревьями. Вечерело, видно было уже плохо, и нам приходилось полагаться больше на слух.

Виннету, который, не останови я его, уложил бы и полицейских, еще не обменялся со мной ни словом. Теперь наконец он спросил, когда мы уселись и стали ждать:

— Не злится ли на меня мой брат Шеттерхэнд за то, что я приложился прикладом своего ружья к головам бледнолицых?

— Нет, — ответил я. — Вождь апачей поступил весьма справедливо.

— Такими могут быть только белые. Краснокожий воин, даже если до тех пор он был моим злейшим врагом, подарил бы мне свою жизнь, освободи я его из плена. Все, чем владеет он, стало бы моей собственностью. Однако бледнолицые всегда говорят красиво, но совершают злые поступки. Что будем делать с неблагодарными?

— А как считает Виннету?

Так как он ничего не сказал, я тоже замолчал. Стало темно, и мы внимательно вслушивались в ночь. Гонцы были посланы отсюда с большим промежутком по времени, тем не менее надо было ожидать, что возвращаться они будут вместе. Это предположение оправдалось, потому что наконец-то мы услышали стук копыт двух лошадей. Мы оставили свое укрытие и подошли к дороге. Индейцы были уже очень близко, но в сгустившейся темноте мы не могли еще их разглядеть, только на слух мы определили, что едут они рядом.

— Виннету может взять на себя того, кто едет с этой стороны, — прошептал я. — А мне достанется другой.

Я пересек дорожку, чтобы быть ближе к своему противнику. Они подъехали. Нас они не видели и направлялись мимо, но их лошади уже нас почувствовали, они фыркнули и отказались идти дальше.

Если бы на месте гонцов были мы с Виннету, у нас бы тут же родилось подозрение, мы бы мгновенно развернули животных и, отъехав назад, тайно подползли бы снова, чтобы осмотреть местность. Но то ли индейцы были неопытными и неосторожными людьми, то ли чувствовали

они себя слишком уверенно в столь уединенных местах, считая невозможным появление здесь враждебного человеческого существа и веря, пожалуй, что испуг лошадей вызван присутствием какого-нибудь хищного зверя. Они заговорили громче, пытаясь тем самым отогнать хищника. В этот самый момент я зашел сзади лошади того индейца, который держался ближе ко мне, разбежался и вспрыгнул ей на спину, ухватив левой рукой индейца за горло, а правой вырвал у него из рук повод. Он не успел даже вскрикнуть, как, впрочем, и его спутник, потому что с тем Виннету поступил так же, как и я. Парни настолько испугались, что и не думали о сопротивлении, по меньшей мере в тот момент, когда они осознали свое положение, было слишком поздно, потому что мы вышвырнули их из седел, прочно усевшись там сами, положив пленников перед собой и крепко держа каждого за горло. Пришпорив лошадей, мы поскакали вверх по склону.

Мимбренхо оказался настолько сообразителен, что разжег костер, так что нам не надо было искать лагерь. Не выпуская пленников из своих рук, мы соскочили с лошадей, а наш маленький друг поспешил связать их. Теперь у нас троих было одиннадцать пленников: пять юма, Плейер, ученый законник, асьендеро и трое полицейских — а мы еще хотели обезвредить по крайней мере тех двадцать юма, которые расположились у источника. Не переоценили ли мы собственные силы? Может быть, да, а может быть — и нет. Что бы ни делать, все зависит от того, как начнешь, но, кроме этого обстоятельства, каждый человек имеет право немножко полагаться на удачу и везение.

Наконец, только что схваченные юма смогли перевести дух, что они использовали, вопреки индейским обычаям, для того, чтобы дать волю своим чувствам. Мексиканские краснокожие, как уже было сказано, не могут сравниться ни в одном отношении с благородными индейцами, живущими на севере. Сиу или индеец-змея не проронили бы ни слова: они зорко бы осмотрелись, уяснили свое положение и начали бы задумываться о своем освобождении. Юма же, едва переведя дух, стали оскорблять нас, требуя немедленного освобождения.

В других обстоятельствах они, разумеется, не получили бы ни слова в ответ, но теперь я, по причине, которую скоро назову, очень хотел знать их имена, а также имя по меньшей мере одного из той троицы юма, которых мы взяли в плен еще днем. Поэтому я ответил краснокожему, говорившему последним:

— Ты, кажется, думаешь, что рот служит только для разговора, но умный человек знает, что рот необходим и для того, чтобы помолчать.

Виннету удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал, потому что он понял, что по какой-то неизвестной ему причине я решил удостоить юма ответом. Последний же гневно возразил мне:

— Мы — воины юма, мы живем в мире с белыми. Как осмелились вы посягнуть на нашу свободу и жизнь!

— Каждый может объявить себя воином, но так ли это на самом деле? Каково славное имя, носимое тобой?

— Не смейся! Моего имени действительно боятся все враги. Меня зовут Черным Коршуном.

— А как зовут четырех твоих товарищей?

Он назвал их имена и добавил:

— Они столь же знамениты, как и я сам, и ты еще будешь сожалеть, что поднял на них руку.

— Твой рот шире твоих дел. Я никогда не слышал подобных имен, и если бы вы в самом деле были такими прославленными людьми, как ты хочешь меня уверить, то не попали бы так глупо в наши руки.

— Было темно, и мы не могли вас увидеть, а так как мы живем в мире со всеми краснокожими и белыми, то совершенно не думали о том, что наткнемся на врагов. Я требую, чтобы вы нас немедленно освободили.

— Я прошу тебя немножко придержать свой язык. Ты утверждаешь, что юма живут в мире со всеми людьми. А как же тогда случилось, что Большой Рот напал на асиенду Арройо и уничтожил ее? В самом ли деле вы живете в мире со всеми краснокожими? Мне известно, что вы враждуете с мимбренхо. Так умерь свой пыл! Ты говоришь с людьми, которым и в подметки не годишься. Посмотри-ка на этого знаменитого воина рядом со мной! Это Виннету, вождь апачей, а меня самого зовут Олд Шеттерхэндом.

После этих слов я отвернулся. Нашими именами я, если говорить вульгарно, заткнул ему рот. Больше он не произнес ни слова. Наш мимбренхо хотел оттащить этого оратора со своим спутником туда, где уже лежали трое юма. Но я, наметив новый план действий, дал мальчишке знак не делать этого.

Одного юма мы заставили молчать, теперь я занялся другими. Асьендеро и чиновник отдохнули от полученных ударов, и теперь знаток законов возмущенно обратился ко мне:

— Как это случилось, сеньор, что вы позволили меня ударить и снова связать! Вы будете отвечать за это перед законом в нашем славном городе.

— Перестаньте болтать вздор! — ответил ему я. — Ученый законник должен кое-что соображать в своем деле. Я вас не бил, а вы находитесь в точно таком же положении, в котором я вас здесь обнаружил. О какой же нашей ответственности может идти речь!

— Но я освободился от пут, а потом вы снова приказали нас связать. Это неслыханное лишение свободы, за которое положено наказывать тюремным заключением! Повторяю, что за это вы ответите в Уресе!

— Ваш прекрасный Урес больше никогда не будет иметь удовольствия видеть меня в своих стенах — в этом я убежден. Точно так же я уверен, что и вы никогда не увидите этого города, потому что жить вам осталось немного, и весь остаток жизни пройдет для вас здесь, возле дерева, к которому вы привязаны.

— Да вы с ума сошли! Вы не хотите меня вновь освободить?

— Нет. Один раз я был настолько глуп, что сделал это, но вместо благодарности услышал лишь оскорбления, так что во второй раз мне и в голову не придет совершать подобную глупость. Я думаю, что для меня лучший выход оставить вас в прежнем положении: рано утром мы уедем, а вас оставим висеть на деревьях.

— Вы хотите нас запугать, нагнать на нас страху! Но это же невозможно, чтобы так поступил человек, да еще белый, христианин!

— А ваши действия были как раз благодарностью человека, белого, тем более христианина?

Естественно, я ожидал только просьбы, доброго слова, но сказать такое им пока и в голову не пришло, а ученый законник даже крикнул мне:

— Да делайте что хотите, сеньор! Вы все равно не достигнете своей цели, тем более не уйдете от наказания. Если вы даже оставите нас висеть, то найдутся люди, которые отвяжут нас, как только вы уедете.

— Что же это за люди?

— Индейцы, лежащие здесь.

— Но они же сами в плену и тоже связаны. Вообще-то говоря, мы их расстреляем, прежде чем покинуть это место.

— Расстреляете? Но вы же шутите! Тогда мы сможем умереть с голоду!

— Разумеется!

— Сеньор, да в вас нет ничего человеческого, вы — изверг!

Тут уж я больше не мог удержаться, подошел совсем близко к нему и сказал ему прямо в лицо:

— А вы самый большой болван, который только встречался мне в жизни!

Теперь-то он наконец осознал, что вел себя в корне неправильно. Ему ничего не оставалось другого, как замолчать, а я присоединился к Виннету и мимбренхо, чтобы поесть. Провизии у нас было предостаточно. Плейера, асьендеро и чиновника мы покормили привязанными, тогда как троих полицейских я развязал, так что они могли поесть сами. Когда они справились с трапезой, мы их, правда, снова связали, но только для видимости, позаботившись о том, чтобы они могли хорошо выспаться. Мы посидели еще немножко вместе, определяя, кто кого будет сменять на дежурстве, и тогда Виннету сказал мне:

— Мой брат превозмог свою гордость и говорил с этим недостойным человеком. Почему же он не ответил юма молчанием?

— Потому что благоразумие ценится выше гордости. Я хотел узнать имена юма.

— Для чего нужны моему брату эти имена?

— Я хотел выяснить, какое послание направил сюда из Фуэнте-де-ла-Рока Быстрая Рыба. Виннету слышал, что там он командует двадцатью воинами юма. Оба посла были у него. Он узнал, что мы были на асиенде, а здесь захвачены в плен пятеро белых. Для нас очень важно узнать, что же он хочет делать. Если гонцы не скажут об этом добровольно, то мы можем вырвать нужное нам силой. Но мы можем и применить хитрость.

Он испытующе посмотрел на меня своими светлыми глазами, однако на этот раз он не смог отгадать мои мысли. Поэтому я продолжал:

— Вождь апачей понимает язык юма. Меня бы очень обрадовало, если бы он мог так хорошо говорить на нем, чтобы его можно было принять за настоящего юма.

— Виннету говорит на этом языке совсем как юма.

— Это очень хорошо. Я не хочу помещать обоих гонцов вместе с тремя остальными юма: они не должны между собой общаться и разговаривать. Вождь апачей слышал их имена. Одного гонца зовут Черным Коршуном, а того из троих, кто больше всего подходит для выполнения моего плана, потому что он наименее умный, называют Темным Облаком. Мы дадим костру погаснуть, чтобы стало совсем темно. Потом Виннету подберется к Черному Коршуну, выдаст себя за Темное Облако и…

— Уфф! — прервал меня неожиданно апач. — Теперь я понял моего брата. Я стану Темным Облаком и мне удастся освободиться от пут?

— Да, именно так я себе это представляю.

— Превосходно придумано! Я, конечно, захочу освободить своих краснокожих братьев, чтобы они смогли убежать. Когда я притворюсь, словно хочу развязать путы у Черного Коршуна, он мне сообщит, о чем говорил Быстрая Рыба у источника.

— Да, он, разумеется, об этом скажет, если только Виннету удастся его обмануть.

— Я обману его. Он примет меня за Темное Облако, тем более что я не смогу говорить громко и стану шептать. Когда люди говорят шепотом, все голоса похожи.

Обдумывая этот план, мы перестали подбрасывать ветки в костер. Виннету вытянулся возле меня и через несколько минут, казалось, заснул глубоким сном. Мимбренхо сторожил первым, он уселся так, что Темное Облако оказался у него за спиной. Казалось более правдоподобным, что пленник освободится в смену мальчишки, а не в мою и не в часы бодрствования Виннету, тем более, что мимбренхо повернулся к пленному спиной. Маленький мимбренхо начал свою часть общего замысла очень удачно. Он притворился усталым, вытянул ноги, уперся локтем в землю, подпер голову рукой и — после неоднократных попыток остаться бодрствующим — прикрыл глаза.

Я смотрел только через узкую щелочку, но видел, что краснокожие внимательно наблюдают за нашим часовым, обмениваясь выразительными взглядами. Еще я заметил, что полицейские, раскусившие мое поведение, шепчутся со своим начальником и с асьендеро. Вероятнее всего, они дали им единственно хороший совет, который был возможен в данном положении. Пламя становилось все меньше и меньше. Я заметил, как юма напрягают изо всех сил свои мускулы и стараются повернуться, чтобы растянуть свои путы. Потом огонь погас, и стало так темно, что ничего нельзя было увидеть на расстоянии вытянутой руки.

Могло показаться, что наш план слишком рискованный. Юма, правда, были связаны, но не прикручены к деревьям. Теперь, в темноте, они могли откатиться в сторону, а потом развязать кого-нибудь из своих, пустив в ход зубы. Но я такого не боялся, потому что, во-первых, темнота не будет долгой, а во-вторых, Виннету, оказавшись возле Черного Коршуна, сейчас же заметит, если краснокожие займутся своим освобождением.

Он толкнул меня рукой, давая понять, что исчезает, и пополз с такой легкостью, что даже я, лежавший рядом с ним, ничего не заметил. Он все снял с себя и скользил к тому месту, где лежали Черный Коршун и его спутник. Подобравшись к Коршуну, он слегка тронул его рукой и прошептал:

— Тише! Пусть Черный Коршун не пугается и не шумит!

Краснокожий был, вероятно, испуган неожиданным прикосновением, потому что прошло какое-то время, пока он приходил в себя. Потом он так же тихо спросил:

— Кто это?

— Темное Облако.

Теперь должно было решиться, удался обман или нет. Виннету напряженно ждал ответа. И вот Черный Коршун прошептал:

— Я почувствовал руку моего брата. Значит, она свободна?

— Обе моих руки свободны. Темное Облако был связан некрепко, и ему удалось развязаться.

— Тогда Темное Облако должен поскорее освободить и меня! Злобные псы заснули. Мы нападем на них и всех перебьем!

Виннету ощупал путы юма и сказал:

— Не лучше ли не предавать их смерти? Быстрая Рыба обрадуется, когда увидит столько живых пленников.

— Темное Облако не умен. Таких людей, как Олд Шеттерхэнд и Виннету, надо убивать, если хочешь чувствовать себя в безопасности. Кто оставляет им жизнь, тот подвергает себя риску быть убитым. Быстрая Рыба не смог поехать вместе с нами. Он приедет утром с пятью воинами, чтобы забрать белых пленников. Но почему это Темное Облако так долго возится? Это же так легко — развязать узел!

— Узел развязан, но не тот, о котором думает Черный Коршун, а совсем другой.

После этих слов Виннету пришел назад к нам, чтобы сообщить мне об удаче нашей задумки. Так как все обошлось хорошо, мимбренхо расшевелил золу, под которой тлело несколько угольков, всколыхнулся небольшой язычок пламени, в огонь подложили новое топливо, и вскоре костер пылал так же ярко, как и прежде.

Виннету снова лег рядом со мной. Мы притворились спящими. Нам доставляло удовольствие видеть, какими глазами Черный Коршун уставился на Темное Облако; он разглядел, что его недавний собеседник связан. Это его удивило, но очень скоро его озабоченное лицо разгладилось, потому что Черный Коршун, казалось, нашел решение загадки: вероятно, вздремнувший мимбренхо очнулся и зашевелился, это услышал Темное Облако и быстро вернулся на свое место, до поры до времени слегка набросив на себя путы, чтобы подождать,

пока все в лагере успокоятся.

Вскоре я уснул. Мимбренхо дежурил первую часть ночи, Виннету — вторую, а я третью. Проснулся я при двойном освещении: пылал костер, а над нами стояла полная луна. Прежде всего я направил свой взгляд на Черного Коршуна. Он притворялся спящим, но не спал, все еще поджидая Темное Облако. Я сел таким же образом, как до меня сидел мимбренхо, повернувшись спиной к Облаку, но улавливая с тихим удовольствием те злобные взгляды, которые бросал время от времени Коршун на своего товарища, поведение которого он никак не мог себе объяснить.

Ночь прошла, наступил день, и я разбудил Виннету и мальчугана. Черный Коршун больше не мог совладать со своим гневом. Лицо его покраснело, глаза метали молнии в соплеменника, не сдвинувшегося с места в течение всей ночи и отказавшегося ему помочь. Виннету тоже заметил это, подошел к пленнику и сказал, растянув рот в насмешливой полуулыбке:

— Черный Коршун думает, что он великий воин, но он еще даже не научился скрывать свои мысли. Я читаю по его лицу, что он гневается на Темное Облако.

— Вождь апачей видит вещи, которых на самом деле нет!

— Что Виннету увидит, то уже существует. Почему это Темное Облако не убил сторожа? Трое караулили, и притом повернувшись к Темному Облаку спиной. Темное Облако мог ударить сзади или заколоть сторожа, а потом освободить остальных юма.

— Виннету говорит странные вещи!

— Черный Коршун, пожалуй, очень хорошо меня понимает. Ведь Темное Облако подползал к нему, чтобы разрезать ремни, но почему-то оставил это занятие и снова улегся спать. Хороший сон лучше свободы!

Тогда у разозленного юма вырвалось:

— Темное Облако — не воин и даже не мужчина, это — старая женщина, которая убежит от любой лягушки или жабы!

Оскорбленный услышал эти слова и сейчас же выпрямился, насколько это позволили ему связанные ноги и руки, и обратился к своим товарищам:

— Что сказал Черный Коршун? Он назвал меня старой женщиной? Да он же сам известен в нашем племени как трусливая баба. Если бы он был мужчиной, то не позволил бы поймать себя вчера вечером!

— Но и тебя же самого взяли в плен! — возразил ему на это Черный Коршун. — Почему же ты дал себя пленить? И вовсе не вечером, а еще при свете дня! Что за глупость — сначала освободиться от пут, а потом, испугавшись, снова наложить их на себя!

Тут между двумя юма пошел обмен резкими выражениями. Они бы наверняка убили друг друга, если бы не были связаны. Виннету положил конец этой ссоре, честно объяснив все происшедшее ночью Черному Коршуну.

— Ты… это был ты?! — вырвалось у смущенного Коршуна. — Но это же невозможно! Я же узнал Облако по голосу!

— Ты не только слепой, но и наполовину глухой, потому что слышал мой голос. Ты сказал мне все, что я хотел знать, а потом я от тебя ушел.

— Нет, вы только подумайте! — крикнул Темное Облако. — Он принял вождя апачей за меня и разболтал ему все наши тайны. Пусть падет позор на его голову! Он должен быть изгнан из племени!

— Но и ты, Темное Облако, точно так же, как и он, больше не будете принадлежать к племени юма, потому что вы все попробуете вкус наших пуль, прежде чем мы уедем отсюда, а потом солнце заглянет в ваши раскроенные черепа и увидит, что там никогда не было мозгов!

Угроза испугала юма так, что они замолчали, но зато теперь заговорил другой, а именно

ученый законник. Полицейские уже доложили своему начальнику о том, что мы задумали. Он узнал, что мы хотим убить юма и уехать, не развязав ни его самого, ни его спутников. Теперь, когда он услышал последние слова Виннету, он подумал, что пришло время отъезда, то есть расправы над индейцами, и в страхе обратился ко мне умоляющим голосом:

— Сеньор Шеттерхэнд, правда ли, что вы хотите расстрелять краснокожих?

— Да, я не буду скрывать это от вас, — ответил я. — В ближайшие четверть часа. А потом мы уедем.

— А как же мы? Перед этим вы же освободите нас!

— Нет. Я уже говорил вам, что нас это не интересует.

— Но подумайте, что тем самым вы совершаете убийство, дражайший сеньор!

— Как же тогда поступить с вами? Вообще-то я попробую простить вас, после этого уважительного обращения «дражайший сеньор». Я отказываюсь от этого титула, которым вы прежде величали уже воина юма. Кажется, вы можете быть вежливым только тогда, когда начинаете дрожать за свою шкуру.

— Нет, нет! Я могу быть вежливым и заранее благодарен вам за наше освобождение. Вы не должны больше услышать от нас ни одного несправедливого слова, если развяжете нас. Я понял, что мы были неблагодарными, что без вас мы бы погибли. Асьендеро тоже пришел к такому выводу, не правда ли, дон Тимотео?

— Да, сеньор Шеттерхэнд, — послышался робкий голос. — За эту последнюю ночь я так много передумал и теперь знаю, что все случившееся со мной никогда бы не произошло, если бы только я послушался ваших советов.

Они оба смиренно просили. Ночь, которую они провели привязанными к дереву, сделала их послушными. Это было как раз то, к чему я стремился, и тогда-то я спросил несколько более дружественным тоном:

— Но что же вы будете делать, если я развяжу вас? Вернетесь в Урес и начнете преследовать меня, как вы мне угрожали?

— Нет, нет, что вы! — ответил асьендеро. — Я приехал сюда, чтобы поймать Мелтона и потребовать от него возвращения всего, что он у меня отнял. Этой цели я не смогу добиться в Уресе. Если вы будете так добры и снова нас развяжете, то мы поедем с вами в Альмаден-Альто, чтобы наказать там обманщика.

— Да, мы поедем с вами, — согласился законник. — Мы посчитаемся с негодяем и совершим подвиг, победив в сражении юма!

— Тогда уж я лучше оставлю вас повисеть на деревьях, потому что твердо убежден в одном: мы куда легче и гораздо быстрее достигнем цели, если вас рядом с нами не будет. Вы же снова наделаете глупостей.

— Нет, нет! Мы обещаем во всем вас слушаться и ничего не делать, не испросив предварительно вашего согласия.

— Если вы твердо намерены выполнять это обещание, я позволю согласиться, но предварительно вы подпишете несколько строчек, которые я занесу на всякий случай в свою записную книжку. В них говорится, что у вас нет ни малейшего повода преследовать меня и Виннету, которым вы как своим спасителям чрезвычайно благодарны.

— Вы получите эти подписи. Что еще?

— Вы должны обратиться к Виннету. До сих пор вы только меня просили о своем освобождении, но его право голоса в этом деле такое же, как у меня.

Они кивнули головой, но апач им не ответил, а пренебрежительно бросил, адресуясь ко мне:

— Бледнолицые похожи на блох, никому не приносящих пользы и никого не щадящих,

даже того, на ком они сидят. Если Олд Шеттерхэнд захочет таскать с собой паразитов, это его дело. Вождь апачей ничего против не имеет.

После этого я развязал ремни. Пленники действительно испугались, что их бросят связанными. Это выявилось только теперь, когда они схватили мои руки, чтобы поблагодарить. Я посчитал ненужным отталкивать их от себя, потому что их изъявления благодарности были прерваны с другой стороны — с той, о которой я меньше всего думал. А именно, точно на том же месте, где вчера мы с Виннету достигли водоема, кусты раздвинулись, и кого же мы увидели? Молодого мимбренхо, которого я посылал с сообщением к тем пятидесяти воинам, которые шли вместе со стадами. Поскольку он так быстро вернулся, то должно было что-то случиться, и притом наверняка нехорошее. Он протянул своему брату руку, а потом, повернувшись ко мне и Виннету, сообщил:

— Оба моих взрослых брата оставили такие ясные следы, что я мог легко пройти по ним. К сожалению, вчера стало уже темно, прежде чем я успел добраться до этого места, и я должен был, чтобы не потерять следы, дожидаться утра у самого поста.

— Мой юный брат, — ответил я, — вскоре после того, как он нас оставил, должен был снова повернуться и ехать за нами. Я послал его навстречу его братьям. Почему же он не выполнил поручения?

— Он его выполнил. Как бы мог он осмелиться действовать вопреки приказаниям Олд Шеттерхэнда и Виннету? Я встретился с моими братьями и привел их сюда.

— Но это же невозможно! Стада, которые движутся так медленно, должны были достигнуть асиенды, по моим расчетам, самое раннее завтра.

— Наши воины смогли прибыть раньше, потому что они вынуждены были оставить стада. На них напали юма.

— Что? Кажется, что вся округа кишит толпами юма. Мы захватили Большого Рта с его людьми, но там, в Альмаден-Альто, стоят три сотни юма, и вот оказывается, что есть еще третий отряд юма, который нападает на стада! Просто удивительно!

— Олд Шеттерхэнд еще больше удивится, когда узнает, что в этом отряде оказался Большой Рот.

— Большой Рот? — спросил я почти испуганно. — Но он же находится в руках твоего отца и должен быть перевезен вместе с другими пленными к вигвамам мимбренхо!

— Так оно и было, но ему, видно, удалось освободиться. Потом он во главе большого отряда воинов юма напал на стада.

— Погонщики, конечно, сопротивлялись?

— Очень немного. Их было всего пятьдесят, а Большой Рот собрал несколько сот воинов. Нескольких мимбренхо убили, многих ранили. Они увидели, что сопротивление бесполезно, и решили укрыться в асиенде, где, как они знали, находятся Олд Шеттерхэнд и Виннету. Поэтому они пришли гораздо раньше, чем предполагал мой большой белый брат.

— Почему же они побежали в этом направлении, а не к северу, где находится твой отец?

— Ну, во-первых, дорогу туда им перегородил Большой Рот; затем, во-вторых, они должны были предположить, что встреча с моим отцом маловероятна, так как к асиенде они были ближе, чем к отцу. Они также верили, что понадобятся Олд Шеттерхэнду и Виннету. Я повстречался с ними в лесу, где растет большой Дуб жизни, и быстро поворотил коня, стараясь привести их как можно быстрее к моим знаменитым братьям. Они ждут внизу, на опушке, где следы, по которым мы шли, уходят дальше в лес. Я рассчитал, что первый пост юма находится здесь, и пробрался разведать, как тут обстоят дела.

— И ничего не известно, каким образом Большой Рот вернул себе свободу?

— Нет.

— Значит, у твоего отца и его воинов дела плохи. Кто знает, какой опасности он подвергался, а может быть, еще и сейчас подвергается. Вы были достаточно сообразительны, чтобы послать нескольких людей и узнать о происшедшем?

— Да, двое воинов отправились разыскивать моего отца, а еще двое поскакали к нашим пастбищам, чтобы как можно скорее привести оттуда двести новых воинов в Альмаден-Альто. Мы не могли сделать больше.

— Нет. В сложившихся обстоятельствах, да еще в спешке, вы сделали вполне достаточно. Приведи своих воинов! Они пришли по моему вызову, хотя, конечно, причина их быстрого появления печальна для нас.

Ни один из наших пленников не слышал ни слова из этого разговора, так как мы находились достаточно далеко от них. Я посмотрел на Виннету, он — на меня. В присутствии мальчика я не хотел высказывать ни одного упрека, но теперь, когда сына вождя не было, лицо Виннету стало очень серьезным, такого я вообще у него, пожалуй, еще не видел, и апач сказал:

— Пожалуй, Сильный Бизон заслуживает того, чтобы его изгнали из рядов вождей! Считает ли Олд Шеттерхэнд, что все услышанное — правда?

— Вообще-то нет, но ведь наш друг помог. В какой гнев приводила его одна мысль, что я хочу отпустить Большого Рта! А теперь тот убежал от него самого!

— Мой брат должен к этому добавить, что все юма были связаны и не имели оружия.

— А стерегло их свыше сотни воинов мимбренхо! И все же самый предприимчивый из юма и самый опасный для нас враг бежал!

— Да, может быть, еще и не один!

— Пожалуй, это даже весьма вероятно, что он сумел освободить всех своих людей. Так как он следовал за стадами, имея большой численный перевес, то можно предположить, что на мимбренхо напал значительный отряд юма, конечно, совершенно случайно, который и освободил пленных.

— Но ведь Сильный Бизон должен был защищаться до последнего!

— И он предпочел бы скорее умереть, чем позволить Большому Рту уйти! Скоро нам придется свидеться с очень опасным противником. Он может угадать, куда мы хотим поехать, и либо будет нас преследовать, не тратя времени, либо с того места, где он захватил стада, отправится прямым путем в Альмаден. Так как нас так мало, то мы должны опередить его. Каждому из нас придется сражаться за десятерых, и то, чего мы не сможем добиться силой, мы должны получить тщательно обдуманной хитростью.

В это время подъехали мимбренхо. Я насчитал сорок воинов. Некоторые из них были ранены. Так как четырех из отряда отправили гонцами, то потери убитыми при столкновении с отрядом Большого Рта составили шесть человек. Они сдержанно приветствовали нас, выглядели угрюмыми и ожидали от нас упреков, но мы сдержались, так как упреки нам ничем уже не могли помочь.

Мы попросили рассказать, как проходило сражение. Несмотря на значительное превосходство нападающих, они могли защищаться гораздо дольше, но мудро посчитали, что мне будут гораздо нужнее их здоровые руки и ноги, чем геройская смерть. Они не заслужили ни одного упрека — вся вина ложилась только на их вождя. Правда, мы не знали, при каких обстоятельствах сбежал Большой Рот, но ведь было же совершенно ясно, что он никак не должен был уйти.

Охотнее всего я поехал бы сейчас к источнику, но вначале нам предстояло дождаться Быструю Рыбу и схватить его. Конечно, мы могли бы выступить и попытаться поймать вождя в пути, но в этом случае он мог издалека заметить наш отряд и уклониться от встречи с нами. Тогда я послал Убийцу юма вниз, к тому месту, где накануне мы с Виннету схватили обоих

гонцов. Оттуда мальчишка мог наблюдать за уходящей на восток тропой и, увидев всадников, сейчас же сообщить нам.

Отряд должен был состоять из шести человек. Так как я не хотел ни ранить, ни убивать ни их, ни лошадей, то неожиданное прибытие сорока мимбренхо было для меня исключительно благоприятным. Я мог встретить Быструю Рыбу с его воинами настолько превосходящими силами, что у того пропало бы всякое желание к сопротивлению.

Было уже, пожалуй, часов девять утра, когда прибежал Убийца юма, чтобы сообщить о замеченных им шести всадниках. Я немедленно отправился вниз по склону с пятнадцатью мимбренхо и спрятался в засаде. Мы видели, как шестеро индейцев приближаются рысью. Когда они добрались до подножия высотки, кони пошли медленнее, что заметно облегчало выполнение нашей задачи. Мы бросились на всадников из кустов, вытащили их из седел и отняли оружие, прежде чем юма осознали, что с ними произошло. Потом мы их оттащили к водоему. Свободное от кустов и деревьев пространство на берегу небольшой лужицы уже едва вмещало такое количество народа.

Юма, взятые в плен раньше, подняли жалобный вой, когда мы привели с собой шестерых их соплеменников. Быстрая Рыба был еще молод, наверное, он совершил нечто выдающееся, раз ему был доверен такой важный пост. Он меня не знал, но, когда заметил Виннету, лицо его исказила гримаса ужаса, и он закричал:

— Вождь апачей! Но мне же сказали, что он находится внизу, на асиенде Арройо!

Виннету вежливо, но иронически ответил:

— Может быть, Быстрая Рыба подумал, что вождь апачей стал пахарем или скотоводом и навсегда устроился на асиенде? Я слышал, что Рыбе сообщили о моем пребывании в этих местах, и он захотел меня увидеть, а так как он слывет знаменитым воином, я посчитал своим долгом сократить его путь и отправился навстречу, чтобы поскорее поприветствовать его. При случае он может познакомиться с моим братом Олд Шеттерхэндом, который стоит вот здесь, возле меня.

Юма отступил назад, разглядывая меня широко раскрытыми глазами, еле произнося слова:

— Это… Олд… Шет… тер… хэнд? Разве он не находится в плену у Большого Рта, нашего верховного вождя?

— Как видишь, я уже на свободе, — ответил я. — Большой Рот носит свое имя по праву: его рот действительно велик, из него выскальзывают звучные слова, но удержать Олд Шеттерхэнда он не смог, несмотря на все усилия его воинов. Я ушел от него, а потом взял в плен его самого.

Разумеется, я не посчитал нужным сообщать ему, что тем временем Большой Рот бежал. Должно быть, мои слова его испугали, и он спросил:

— Вождь в плену? И где же он находится?

— В руках Сильного Бизона, вашего смертельного врага, который его и всех пойманных нами воинов юма везет во владения племени мимбренхо, где они умрут у столба пыток. Ну, а мы поскакали в горы, чтобы познакомиться с Быстрой Рыбой. Я хотел ему представиться, но так как он был настолько любезен, что приехал к нам сам, то мы можем оказать ему знаки нашего внимания уже здесь и дадим ему почетную свиту до самого Фуэнте-де-ла-Рока.

Да, теперь отряд мог выступить к Скалистому источнику, так как здесь нам уже нечего было делать, да и вообще надо было спешить. Чем раньше нам удастся освободить немецких иммигрантов, тем меньше они будут страдать. Конечно, я очень сомневался, что мне удастся выполнить такую задачу с теми немногими мимбренхо, которые находились в моем распоряжении. Нам нужно было ликвидировать еще три поста, по пять человек в каждом, да к тому же оставались юма, находившиеся возле источника. Но даже если бы это нам удалось, то пришлось бы охранять большее количество пленных, чем насчитывалось воинов в нашем

отряде, а предстояла еще встреча с Мелтоном, обоими Уэллерами и тремя сотнями юма, стоявшими лагерем в Альмаден-Альто. Эта задача была не под силу нашему маленькому отряду, но со мною был Виннету, который, как уже было сказано, и в самом деле стоил сотни воинов, и я положился на свою удачу, считая достижение поставленной перед собой цели возможным, особенно если вовремя появятся вызванные на помощь мимбренхо.

Нас было очень мало, и мы должны были прибегнуть к помощи военных уловок, хитрости, прежде всего — хитрости, и я обратил свое внимание на Плейера, характерной чертой натуры которого можно было, пожалуй, считать предательство своих товарищей. Если мы проявим к нему снисхождение, надо ожидать, что он приложит все силы, чтобы отплатить нам за свое будущее освобождение. Так как я, конечно, не мог оставить его среди пленных юма, потому что они бы, разумеется, отговорили Плейера от сотрудничества со мной, я устроил так, чтобы при нашем выступлении сразу же отделить его от основного отряда, оставив его под присмотром Убийцы юма.

Собственно говоря, были только четыре человека, на которых я полностью мог положиться: сам я, Виннету и оба сына Сильного Бизона. От других мимбренхо, правда, можно было ожидать, что они будут исполнять свой долг сообразно своим силам, но как раз в их силы я и не верил. Я сомневался в том, что они полностью доросли до задач, которые мы должны были решить, и рассматривал всех воинов-мимбренхо если и не совсем как статистов, то все же как людей не очень самостоятельных, привыкших к безусловному повиновению. Среди них были и старые воины, но, казалось, им не хватает инициативы, энергии, которую я обнаружил у гораздо более молодых мимбренхо. Что же касается асьендеро, чиновника и его полицейских, то я был убежден, что их присутствие скорее будет для нас обузой.

Конечно, нам не пришло в голову спрашивать дорогу у юма. Они вообще не должны были знать, что нам известно. Виннету знал и источник, и местность вокруг, поэтому он смог выбрать кратчайший путь туда. О моих мыслях он мог догадаться по взглядам, которые я время от времени бросал вперед, потому что, оказавшись рядом со мной, он сказал:

— Пусть мой брат не беспокоится, мимо источника мы не проедем. Я найду его так же точно, как привыкли находить цель мои пули.

— В этом я твердо убежден. Однако меня мучает один вопрос: в подходящее ли время мы туда прибудем, потому что наш сегодняшний марш мы слишком поздно начали.

— И в этом отношении Олд Шеттерхэнд может быть спокоен. Мы прибудем туда, правда, ночью, но это гораздо лучше, чем появиться у источника днем, когда нас могли бы увидеть. В темноте наше приближение останется незамеченным, и мы нападем на юма неожиданно, так что ни один из них не уйдет от нас и не сможет сообщить о нашем появлении.

Дорога была очень удобной. Часами она вела по широкому льяно[84], поросшему невысокой травой. То на севере, то на юге, совсем у горизонта стали появляться темные полосы — это означало, что льяно окаймлено лесом. В почве было достаточно влаги, чтобы выросла трава, но нам не попалось по пути ни одного озерка или даже маленького ручейка.

В самые жаркие часы дня мы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть и попастись, а потом отправились дальше. Хотя этого не было заметно на глаз, но льяно постепенно поднималось, пока не уперлось в опушку лиственного леса, приютившегося у подножия покатых высоток. Мы поехали между ними. Высотки постепенно становились горками, поросшими густым хвойным лесом. Долины, по которым мы передвигались, были прорыты мелкими ручьями. Вследствие крутизны склонов прилегающих высоток, долины превратились в настоящие ущелья, в которых уже стемнело, тогда как вершины горок еще были освещены красными отсветами заката.

Теперь мы вынуждены были двигаться медленнее, чем до сих пор. Виннету в качестве

проводника ехал во главе нашего отряда. Наступила полная темнота, но вел он нас очень уверенно. Сумрак досаждал нам только тем, что теперь нам приходилось вдвое больше внимания уделять пленным.

Прошло, пожалуй, часа три со времени наступления сумерек, когда Виннету остановился у ручейка, струившегося в широкой и очень удобной долине. Я замыкал отряд и теперь поскакал вперед, так как решил, что мы, вероятно, находимся поблизости от источника в скалах. Когда я подъехал к апачу, тот сказал:

— Мой брат, конечно, заметил, что эта долина уходит на север, тогда как источник, как и Альмаден, лежат восточнее. Но в некотором удалении от этого места вправо, то есть на восток, отходит боковая лощина: там-то и рождается ручей, возле которого я остановился, там он появляется среди скал, а поэтому место, где вода появляется среди камней, называется Фуэнте-де-ла-Рока. Все враги должны собраться именно в этом месте, потому что не стоит ожидать, что они будут бродить вокруг в такой темноте.

Пленников мы должны оставить здесь. Если мы поведем их дальше с собой, то им может прийти в голову мысль выдать нас криками и призывами о помощи. Что теперь решит мой брат? Что должно произойти? Должны ли сразу пойти столько воинов мимбренхо, сколько надо для подавления врага, или Олд Шеттерхэнд предпочтет, чтобы я сначала пробрался туда один и определил, как нам лучше произвести нападение?

— Последнее предложение я считаю хорошим. Мой брат Виннету должен сначала пойти на разведку. Как далеко находится источник от этого места?

— Я буду там через четверть часа, значит, ровно через час я вернусь.

Он спрыгнул с коня, передал мне свое Серебряное ружье и исчез в темноте. Мы, естественно, тоже спешились, сняли пленников с лошадей и уложили их в ряд, на землю, чтобы легче было наблюдать за ними. Когда я присел, ко мне приблизился ученый законник и сказал:

— Я заметил, что апач исчез. Куда он пошел, сеньор?

— К источнику.

— Что ему там надо?

— Он подкрадется к юма, чтобы выяснить, как нам лучше на них напасть.

— А это их не вспугнет? Если бы мы сразу туда поехали, то застали бы их врасплох, а теперь я боюсь, что они заметят Виннету и скроются от нас.

— Ваши опасения излишни. Они с такой же вероятностью заметят его, как полночь может увидеть середину дня.

— А кто, собственно говоря, решил, что он должен поехать вперед?

— Он и, разумеется, я.

— Это, сеньор, я нахожу странным. Он — индеец, который в счет не идет, а вы, правда, белый, но чужой в этих краях. Я же, напротив, представитель здешней власти и должен, поскольку речь идет о поимке краснокожих преступников, потребовать, чтобы ничего здесь не предпринималось без моего ведома и моего одобрения. Следовательно, вы прежде всего должны были узнать мое мнение.

— Вы так думаете? Тогда мы совсем не подходим друг другу, так как я привык действовать, не задавая вопросов.

— Так будьте любезны изменить свои привычки! Я очень прошу вас помнить о моем достоинстве и не только советоваться со мной, но и спрашивать разрешения, прежде чем вы примете какое-то решение, которое по закону должно исходить от меня, а не от какого-то постороннего лица.

— Хм! Странно вы заговорили, сеньор. Ваша должность и полномочия, хотя вы и находитесь в форме, не имеют ко мне никакого отношения. Что же касается вашего

достоинства, то я и следа его не заметил, когда вы пленником висели на дереве и прощались с жизнью. Вы нуждаетесь в нашей помощи, а не мы в ваших приказах. Самое умное, что вы сможете сделать, это молчать. Вот вам мой ответ!

— Он ни в коей мере не может меня удовлетворить, сеньор! Если вы воображаете, что стали нашим командиром, то…

— Перестаньте пререкаться, — прервал я его строгим голосом. — Здесь вместе с Виннету командую я. Если это вам не нравится, поворачивайте лошадей и отправляйтесь, куда вам только захочется, например, туда, откуда приехали! Вы полагаете, что не можете удовлетвориться моим ответом? Если вы немедленно не замолчите, я прикажу вас связать. Потом, когда мы с вами расстанемся, вы можете отдавать свои приказы кому вам будет угодно!

Это подействовало. Блюститель законов пошел к асьендеро и уселся возле него. Громко возмутиться он не посмел, но я слышал, как он что-то недовольно бормочет под нос. Это удовольствие я мог ему позволить.

Не так уж и много времени прошло, как Виннету отправился на разведку. Не истекло еще и трех четвертей часа, как он вернулся и сообщил:

— У источника сидят четырнадцать юма, а их первоначально было двадцать. Пятерых вместе с Быстрой Рыбой мы поймали, значит, собрались все.

— Схватить их будет легко или трудно?

— Легко. Они считают себя в полной безопасности и отложили свое оружие в сторону. Лошади пасутся в стороне от источника, у самой воды.

— Тогда мы могли бы пройти мимо них вверх по течению. Учуют ли они нас?

— Нет, потому что воздух в долине неподвижен, а мы пройдем по другому берегу. Я проведу вас таким путем, что мы окружим их, а они этого и не заметят.

Мы отобрали двадцать пять мимбренхо. Им пришлось взять с собой ружья, потому что сбивать юма с ног они должны были прикладами. Остальные остались с младшим сыном вождя и нашими великолепными белыми спутниками из Уреса, чтобы охранять пленных.

Мы выстроились гуськом и отправились вверх по течению ручья. Вскоре мы проникли в уходящую направо боковую долину и вынуждены были продвигаться с величайшей осторожностью. Каждый положил правую руку на плечо идущего впереди себя, а левой раздвигал кусты, мимо которых мы проходили. Наконец, впереди мелькнуло пламя костра. Было слышно, как за ручьем переступали по траве лошади.

Мы шли не прямо на огонь. Виннету вел нас в обход. Когда мы достигли источника, то увидели, что место для засады было выбрано очень удачно. Скала расщепилась на несколько блоков, из-под которых и вырывался наружу источник. Костер горел перед блоками, но индейцы сидели в небольшой пещерке, кроме троих, занятых у костра приготовлением пищи. Значит, главная задача состояла в том, чтобы обезвредить только эту троицу. Остальных одиннадцать человек мы легко могли поймать, как в ловушку, в пещере, если только перекроем им выход. Их оружие лежало в куче перед скалами.

Я приказал окружить индейцев у костра, решив их взять в плен. Нам надо было сделать всего несколько шагов. Когда юма услышали шум, они были уже окружены, и мы с Виннету ударами прикладов свалили троих краснокожих.

Другие испуганно вскочили, чтобы выбежать из пещеры и схватить свое оружие, но тут же поняли, что этого сделать уже нельзя, потому что из нашего кольца было невозможно вырваться, и на врагов смотрели свыше двадцати готовых к стрельбе стволов. Короткие переговоры, которые мы провели с юма, не нуждаются в более подробном освещении; они вынуждены были сдаться, и мы их быстро связали их же ремнями.

Здесь, у источника, находился, как мы знали, а теперь увидели своими глазами, главный

пост из тех пяти, которые располагались между асиендой и Альмаден-Альто. В пещере мы нашли несколько кожаных мешков, наполненных провизией, а также всем тем, что необходимо индейцам для более или менее длительного пребывания на одном месте. Само укрытие у скал было хорошо в любом отношении, только не годилось для обороны. Для чего, собственно говоря, нужны были эти посты, приходилось только догадываться. Скорее всего они могли пригодиться в будущем. А именно, через них планировалось переправлять руду, добытую в Альмаден-Альто, на асиенду, а потом в Урес. Оттуда же на рудник должно было доставляться все необходимое, а посты обеспечивали бы безопасность перевозок.

Когда мы захватили источник, Виннету вернулся, чтобы привести всех остальных. Не прошло и часа, как они соединились с нами. Разумеется, при этом происходили разные сцены, то неприятные для нас, то смешные, но они не имели большого значения, а потому лучше уклониться от их описания. Мы спали очень крепко, исключая, естественно, сторожей, и выступили на следующее утро в путь.

Теперь мы оказались в затруднительном положении. Никто из нас не был в Альмадене, а воинов юма мы не хотели спрашивать. Мы, правда, могли их принудить быть нашими проводниками, но при этом опасались, что они могли нас обмануть. Наверняка асьендеро знал дорогу в свое имение. Но и ему мы не могли полностью доверять. Как только мы будем обязаны ему хоть малостью, следует ожидать, что у него и ученого законника взыграют прежние амбиции. Лучше уж, считал я, положиться на Плейера, который шпионил в горах, в Альмадене, и, конечно, прекрасно изучил всю округу. Он знал ее, возможно, даже лучше, чем асьендеро, и в итоге оказалось, что я был совершенно прав: Плейер помог осуществить мои планы.

В начале пути никакую разведку нам вести не стоило: было ясно, что наш путь от источника шел вверх по долине. А вот куда повернуть, когда долина кончится, это должен был решить Виннету, который опять ехал впереди. Однако в дальнейшем нам нужны были точные сведения, которые я надеялся получить от Плейера.

Я понимал, что Плейер будет охотно давать пояснения только в том случае, если его хорошенько припугнуть. Я обучил этому Убийцу юма, который неотлучно находился возле пленника, а в первые четверть часа пути, вроде бы случайно, присоединился к ним. Молодой индеец, правда, говорил на смешанном диалекте, но при этом употреблял меньше индейских выражений, чем другие, так что Плейер очень хорошо мог понять, о чем мы говорили между собой. Когда мы проехали некоторое время молча, Убийца юма спросил меня:

— Позволит ли мой знаменитый белый брат, чтобы я кое-что сообщил ему, хотя я еще такой молодой воин?

— Мой краснокожий брат может, не стесняясь, говорить все, что он пожелает, — ответил я.

— Воины мимбренхо, мои братья, выступили отрядом в несколько сот человек под руководством своих смелых вождей. Они встретятся с нами у Альмадена. Как считает Олд Шеттерхэнд, они уже будут там, когда мы подъедем к руднику?

Как мы предварительно договорились, молодой индеец умышленно сообщал неверные сведения о том, что нас будут ждать союзники. Плейер должен был знать, что у нас достаточно средств, чтобы осуществить все планы.

— Нет, — возразил я. — Их там еще нет.

— Но они же выступили одновременно с нами, а путь им предстоял не такой длинный, как нам!

— Убийца юма должен понять, что они до нашего прихода ничего не смогут предпринять. Но если они покажутся тем тремстам юма, которые находятся наверху, у Альмадена, то мгновенно начнется сражение, которое под силу провести только под руководством Виннету или моим. Без этого воины мимбренхо погубят все дело.

— Погубят? Но ведь сотня мимбренхо с легкостью побеждает три сотни юма. Или Олд Шеттерхэнд сомневается в этом?

— Нет, сомневаться в этом не приходится. Во-первых, твои братья вдвое превосходят врагов числом, а во-вторых, все они вооружены огнестрельным оружием, которого у воинов-юма почти нет. Значит, юма обязательно потерпят поражение.

— Тогда я полагаю, что нашим воинам следует дать указание немедленно напасть на юма, даже если нас вместе с моими братьями там не окажется.

— Мой юный брат должен всегда помнить о той цели, которую я преследую: я хочу взять в плен Мелтона и обоих Уэллеров. Это мне непременно удастся, если мимбренхо будут поступать в соответствии с нашим уговором. Если же ваши воины начнут действовать раньше, то весьма вероятно, что трое негодяев, которых я хочу взять в плен, сбегут.

— Но мимбренхо им помешают.

— Да, подобное можно предположить, но такое ли это верное дело, как думает мой юный брат? Трое белых поостерегутся принять участие в схватке, подвергая свою жизнь опасности. Скорее всего они постараются скрыться в безопасном месте и оттуда наблюдать за исходом сражения. Если схватка примет неблагоприятный для них оборот, они смоются и мы останемся с носом.

А разве это не может произойти и в том случае, когда на месте сражения окажутся Олд Шеттерхэнд и Виннету?

— Нет, потому что мы будем достаточно сообразительными и еще до сражения захватим троих бледнолицых. Они не догадываются о нашем приближении, а стало быть, не прячутся и попадут нам прямо в руки. Поэтому я дал приказ мимбренхо: пока мы с ними не встретимся, держаться в некотором удалении от Альмадена, чтобы там не могли их заметить. После нашего прибытия мы сразу же приступим к осуществлению нашего плана.

На этом мы закончили беседу. Оставалось ждать, произведет ли она желанное действие на Плейера. Он мрачно уставился перед собой и казался крайне задумчивым. Я и не подумал заговорить с ним. Он должен был сам начать разговор. И через короткое время он не выдержал и обратился ко мне по-английски:

— Мастер, не скажете ли вы мне, понимает ли английский Убийца юма?

— Видимо, он знает всего несколько слов, не больше, — ответил я.

— Тогда позвольте мне сказать вам, что я слышал все, о чем вы говорили. Почему это вы так враждебно настроены по отношению к нам?

— И вы еще можете об этом спрашивать? Мастер Плейер, не обижайтесь на меня, если я найду глупым такой вопрос.

— Разве я вам что-либо сделал плохого?

— Нет, но вашим коллегам я хочу предъявить счет. Расплачиваться я буду пулями.

— А я? Что вы намерены сделать со мной?

— Пока еще не знаю. Сначала я должен понять, сколь велико ваше участие в расправе над моими соотечественниками.

— А если такое участие будет доказано?

— Вас могут просто пристрелить.

— Черт возьми! Кто это вас поставил судьей надо мной?

— Я сам. Но совершенно необязательно, чтобы я принимал решение, которое будет вам стоить жизни. Вы провинились перед переселенцами, и я выдам вас им, причем убежден, что они не очень-то будут с вами церемониться. Или вы надеетесь на их снисхождение?

— Если я попаду им в руки, то, ясное дело, погибну. Но кто вас заставляет отдавать меня им в руки?

— Никто, это просто мое решение, моя добрая воля. Я могу выдать вас, но могу и позволить бежать, если мне это понравится.

— Конечно, меня устраивает второй вариант — свобода.

— Освободить вас? Что это вам пришло в голову!

При этом я энергично взмахнул рукой, что должно было означать, чтобы Плейер и не думал об этом. Он прикусил нижнюю губу, а через некоторое время продолжил:

— Мастер, я так часто и так много слышал про вас, и больше всего мне рассказывали о человечности, с какой вы относитесь даже к злейшему врагу. Как случилось, что как раз теперь вы не проявляете своей обычной доброты и так жестоки по отношению ко мне?

— Ба! Да я же хотел быть к вам снисходительным, но вы, кажется, имеете превратное представление о человечности. Человечен тот, кто со своими ближними обращается гуманно, и я это, конечно, делаю. Это значит: с добрыми людьми я обхожусь хорошо, а со злыми — плохо.

— Значит, меня вы считаете плохим человеком?

— Разумеется!

— Тут вы заблуждаетесь, мастер! Действительно, я поступаю порой легкомысленно, но по натуре не зол. Я хотел быстро разбогатеть, почему и присоединился к предприятию Мелтона. Когда я решился на этот опрометчивый шаг, то не знал, что ваши соотечественники должны проводить всю свою жизнь под землей. Я говорю чистую правду. Разве это не основание для снисхождения?

Я знаком показал ему, что поверил его оправданиям, и ответил:

— Хм! Конечно, это легкомыслие — присоединяться к предприятию, не зная даже, к какой цели оно направлено. Мне будет очень трудно простить вам подобную неосторожность.

— Простите меня, мастер, ради Бога! Клянусь, я знал только, что немцы должны работать на руднике, но я понятия не имел, что их должны навсегда закопать там.

— Но когда вы об этом узнали, то, конечно, согласились?

— Нет, я противился изо всех сил, но, к сожалению, ничего не мог изменить. Но я дал себе слово облегчить их положение, насколько это будет в моих силах.

— Ах, так! Ну, если это правда, то вы не такой уж плохой человек, каким я вас считал. Понимаете ли вы, что такое — быть на всю жизнь запертым в шахте?

— Конечно, я могу себе это представить.

— А особенно — на ртутном руднике! Страшный яд оказывает ужасное действие на организм. Я просто не представляю, как будут выглядеть мои бедные соотечественники через несколько лет, если они только вообще не умрут! И у них будет поистине ужасная смерть.

— Не сваливайте все на меня, мастер! Этот чертов план возник в голове Мелтона.

— Вы совершенно правы: план действительно дьявольский. Его создателей постигнет наказание, сообразное размеру преступления. Я передам их индейцам-мимбренхо, и те привяжут преступников к столбу пыток. Негодяи будут умирать несколько дней. В этом вы можете мне поверить!

— Они это заслужили, но я не из их компании!

— Слишком поздно. Ваше участие в этом деле простить нельзя.

— Мне кажется, можно, мастер, можно, если только вы захотите; я бы на вашем месте сделал меня своим союзником.

— Благодарю за подобного союзника!

— В самом деле? Вы считаете, что я не смогу быть вам полезным?

— Хотел бы я знать, каким это образом вы сможете мне помогать! Обстоятельства складываются так, что никакой помощи мне не надо. Мой план прост и легко осуществим. Мы приезжаем в Альмаден, расстреливаем юма, берем в плен белых негодяев, а потом с помощью

наших друзей — мимбренхо устраиваем спектакль у столба пыток. Так как вы многое обо мне знаете, то, пожалуй, поверите, что все это я сделаю и без вашей помощи.

— Охотно соглашусь, что вы именно тот человек, который и без меня дойдет до цели, но вы при этом натолкнетесь на трудности, которых легко могли бы избежать, если бы приняли мою помощь.

— Что же это могут быть за трудности?

— Вы знаете дорогу до Альмадена?

— А мне и не надо ее знать. Ее прекрасно изучил асьендеро, который нам ее покажет.

— А известны вам места, в которых расположены три поста юма, которых вы хотели захватить в плен?

— Мы найдем их.

— Да, такой следопыт, как вы, сумеет их найти, но лишь после долгих поисков. При этом будет потеряно драгоценное время. К тому же вы должны еще и позаботиться о том, чтобы ни один индеец не ушел от вас, потому что, если это случится, беглец поспешит в Альмаден и сообщит там о вашем прибытии. И я сильно сомневаюсь, что все дальнейшее пройдет для вас так гладко, как вы это сейчас себе представляете. Кроме того, вы же хотите еще до сражения с юма схватить Мелтона и обоих Уэллеров. И вы считаете, что это все просто осуществить?

— Разумеется. Я не собираюсь говорить о прежнем своем опыте. Но даже то, что произошло в последние дни, могло бы вам подсказать, что мы справимся с этим без больших усилий и совершенно не подвергаясь опасности.

— Конечно, вы не подвергнетесь опасности, потому что вы мастер в таких делах, особенно в разведке или неожиданном нападении. Вы ведь и меня схватили подобным образом. Тем большего труда будет стоить вам пленение этих троих, потому что вы не знаете, где они живут и где они прячутся.

— Но мы же сможем это быстро установить.

— Возможно, но, пожалуй, уже тогда, когда будет слишком поздно, и те, которых вы хотите поймать, скроются.

— Вы говорите загадками, мастер Плейер. Сначала сказали о жилье, потом об укрытии. Как это связано между собой? Нельзя же укрытие считать квартирой!

— В обычных условиях — нет, но здесь — да. У этой троицы есть вполне удобное в данных условиях убежище, которое укрыто от посторонних глаз, что даже вашего знаменитого чутья не хватит, чтобы раскрыть это жилище.

— Но они же оставят следы, которые смогут нам помочь.

— Вряд ли, потому что местность такая каменистая, что на земле не видно никаких отпечатков.

— Тогда мы устроим засаду. Мелтон временами же будет покидать свое жилище, которое вы назвали укрытием, вот мы его и поймаем.

— Конечно, он будет оставлять убежище, но только ночью, потому что он предупрежден. Мое сообщение о том, что я видел на асиенде Виннету, передавали от одного поста к другому, и оно, наверняка, дошло до Мелтона. Правда, нет оснований предполагать, что он знает о нашем предприятии больше, чем я вам второпях рассказал, но этого вполне достаточно, чтобы он проникся подозрением и стал расследовать дальше. Когда там, в долине, я говорил с вами, то не догадывался, что вы и есть Олд Шеттерхэнд, однако мы знали, что Виннету неразлучен с Олд Шеттерхэндом, и он, весьма вероятно, попытается вас освободить. Если ему это удастся, то скорее всего вы сразу же отправитесь в Альмаден. Значит, во всех случаях Мелтон и Уэллеры будут вести себя так, как им подскажет осторожность. Они выходят из убежища по ночам. А путь до рудника им проделывать все равно когда — ночью ли, днем ли.

— Так! И вы знаете место, где они скрываются?

— Да, это так.

— А вы не думаете, что я смогу заставить вас выдать мне расположение этого места? Я поставлю вас перед выбором — информация или смерть!

— Но это вам не поможет. Если бы вы хоть раз вознамерились обходиться со мною так, как с Мелтоном, то смерть стала бы для меня неизбежной. Я буду говорить только тогда, когда получу надежду быть помилованным.

Я был убежден, что сломлю его сопротивление, и мне стоило только покрепче сжать его руки, как он выдал бы мне тайну. Однако постоянное повторение одного и того же средства запугивания было мне противно, а я хотел узнать от Плейера не только о местопребывании Мелтона. Поэтому я посчитал за лучшее выказать свое расположение к нему и сказал:

— Ну, предположим, что мы сохраним вам жизнь, тогда на чью же совесть падет ответственность за все, что вы совершите в дальнейшем? Да на нашу. Вот если вы умрете, то ничего плохого больше уж сделать не сможете.

— Будьте спокойны, если вы сохраните мне жизнь, я уж сумею ею распорядиться иначе. Я был, как уже говорил, не злым, а только лишь легкомысленным и был бы всю оставшуюся жизнь весьма вам признателен, если бы вы только однажды изволили проявить снисхождение. По меньшей мере — попытайтесь!

— Хм! Попытка — хорошее дело, особенно если она удачна. Я мог бы, конечно, попытаться вывести вас на честную дорогу.

— Сделайте это, мастер, сделайте! Даю вам слово, что ваша попытка удастся.

— Тогда расскажите мне сначала о том, как вы себе представляете такую попытку!

— Сначала развяжите меня, а потом…

— Стоп! — прервал я его. — Не может быть и речи о том, чтобы я освободил вас. В любом случае вы пока останетесь связанным.

— Но как же я смогу помочь вам, если не смогу шевельнуться!

— Теперь единственно возможное движение для вас — езда верхом, а ехать вам можно и связанным. Если услуги, которые вы нам предлагаете, потребуют от вас движений, которым будут мешать путы, мы освободим вас от них. Самое важное, что вы можете сразу сделать сейчас, так это указать нам дорогу, по которой надо ехать.

— Это я сделаю, — пробормотал он, очень недовольный тем, что я отказал ему в исполнении первого же его пожелания.

— И притом верно указать, — добавил я, выделяя последние слова. — Если вы захотите обмануть нас, выиграв, может быть, время, то мы сейчас же заметим это и тут же посильнее стянем ваши ремни. Итак, когда мы доберемся до следующего поста юма?

— Еще до наступления вечера.

— В какой местности он расположен?

— Он устроен на краю леса. А перед тем мы должны проехать по широкой равнине.

— Значит, с поста можно хорошо видеть эту равнину?

— Да. Если вы хотите остаться незамеченными, то придется объехать равнину.

— Это зависит от ее протяженности и ширины. Как только мы доберемся до этой равнины, вы нас предупредите. А пока скажите-ка мне, почему вы все-таки остались на асиенде, а не отправились в Альмаден?

— У меня было задание ожидать там реторты, которые должны были привезти из Уреса.

— А потом через цепочку постов их должны были доставить в Альмаден?

— Совершенно верно.

— Если вам нужны реторты, то я предполагаю, что в Альмадене ртуть находится в форме

сернистого соединения, то есть киновари?

— Да, это так, но местами встречается и самородная ртуть.

— Значит, в ретортах киноварь должна разлагаться на серу и чистую ртуть. С помощью каких же добавок это будет осуществляться? Я полагаю, вы используете известь?

— Да, там должны использовать известь.

— А есть она там, наверху?

— В изобилии. Горы и скалы состоят большей частью из известняка; в породе есть многочисленные пещеры.

При слове «пещеры» мне пришла в голову одна мысль. Для нас было очень трудно охранять пленников на открытом месте. Но если бы оказалось возможным поместить их в пещеру, то с помощью всего нескольких человек мы могли бы спокойно охранять многочисленных краснокожих. Поэтому я спросил у Плейера:

— Может быть, вам известна какая-нибудь пещера, расположенная недалеко от шахты?

— Да, есть подходящая.

— Она большая?

— В ней может разместиться более ста человек.

— Сколько у пещеры выходов?

— Только один. Но задней стенки у нее нет; кажется, она очень далеко уходит в известняковую скалу, но вдаль пещера не распространяется, потому что она ограничена пропастью, ширину которой измерить невозможно.

— Эта пропасть глубокая?

— Очень. Когда бросаешь сверху камень, не слышно, как он падает на дно. Справа находится еще пещера поменьше, но она вся залита водой. Я пробовал эту воду: ее можно пить, но она очень холодная.

— Ваши друзья, конечно, знают и об этой пещере?

— Ничего они не знают! Я не сказал им о ней, потому что…

Он прервался. Казалось, что он сказал больше, чем хотел.

— Продолжайте! Потому что…?

— У меня были для этого основания, — закончил он свою мысль. — Подобное место мне нужно было для себя самого.

— Для чего?

Он ответил не сразу. Так как он задумался, я предположил, что он не хочет говорить правду и придумывает отговорку. Немного спустя он объяснил:

— Я хочу действительно доказать вам, что меня нельзя считать негодяем. Я подумал о немецких рабочих. Возможно, мне удалось бы освободить одного-двух из них. Поэтому мне нужно было подобрать убежище, чтобы спрятать их, и вот эта пещера показалась мне весьма подходящей. Поэтому я ничего о ней не сказал.

— Конечно, это говорит о вашем добром сердце. Когда же вы ее открыли?

— Уже около года назад, когда я впервые был в горах.

— Вы были посланы Мелтоном и, разумеется, после своего возвращения обо всем сообщили ему?

— Да.

— Но тогда вы еще ничего не знали о немецких рабочих?

— Нет.

— И как раз ради них утаили от него, что обнаружили эту пещеру! Вы видите, что к вашим заверениям приходится относиться осторожно. Вы умолчали про пещеру по какой-то совершенно иной причине, но я не буду лезть к вам в душу и требовать правды, так как мне

ваша тайна совершенно безразлична. Но пусть это будет последней попыткой выдать мне черное за белое! Не такой я человек, которого можно легко обмануть, и в следующий раз я сделаю для себя в отношении вас серьезные выводы.

Настоящую причину сокрытия пещеры я, как мне показалось, понял. Пожалуй, у Плейера появилась мысль обокрасть своих компаньонов и спрятать в пещере похищенные ртуть или киноварь, пока не представится возможность незаметно увезти их. А то, что он отказался мне об этом сообщить, вовсе не свидетельствовало о том, что он был нечестен относительно взятых им на себя обязательств. Поэтому мои последние слова обеспокоили его, и он решился, чтобы рассеять мое недоверие, сообщить мне одно весьма ценное обстоятельство, о котором я не подозревал.

— Я не выдаю ни черное за белое, ни наоборот, — сказал он. — Я сознаю, что у вас есть все основания не доверять мне, но вам же ничего не будет стоить узнать о вещах, никоим образом не связанных с вашими планами.

— Я знаю об этом, потому-то и не пытаюсь узнать правду о пещере. Я только полагаю, что вы не должны обманывать меня в делах, имеющих ко мне отношение. Вы же знаете, что от вашего поведения зависит ваша жизнь.

— Я и не собирался вас обманывать. Мне дорога моя жизнь, я хочу сохранить ее и за нее охотно вам послужу. Я хочу дать вам убедительное доказательство моей честности, открыв вам одну тайну, знание которой вам впоследствии пригодится.

— Что же это?

— Там, наверху, в Альмадене, нет ни деревьев, ни травы. Таким образом, пропитание там не добудешь. Так как Мелтон вообще позаботился обо всем еще до того, как асиенда стала принадлежать ему, то он закупил и провиант, который отправили из Уреса в Альмаден на пяти подводах.

— Мне, конечно, очень важно услышать об этом. Кто показывает путь этому транспорту? Потому что я предполагаю, что возницы не знают дороги в Альмаден.

— Мелтон послал им навстречу несколько индейцев.

— Вы видели этих людей с их повозками и мулами?

— Нет, потому что они избрали путь, на котором не могли встретить меня. Дорога, идущая через асиенду, которой и вы до сих пор пользовались, для колесного транспорта не всюду пригодна. Поэтому повозки должны были проследовать по другой дороге, расположенной южнее и более длинной, но в конце концов она встречается с нашей.

— И вы знаете то место, где обе дороги пересекаются?

— Конечно, знаю, потому что именно я должен был найти более удобный путь. Послезавтра мы будем проходить мимо этого места.

— Как вы считаете, успеют ли подводы пройти к тому времени место пересечения дорог?

— Я в этом сомневаюсь. Если я точно подсчитал время и с путниками ничего плохого в дороге не случится, то весьма вероятно, что они достигнут этого места только завтра к вечеру.

— Значит, мы встретим их и сможем запастись провизией?

— Не только провизией. На повозках везут много необходимых вещей, нужных для жизни в Альмадене.

— Если это все правда, то я соглашусь, что своим сообщением вы оказали мне услугу, достойную благодарности, хотя мы и без нее наткнулись бы на повозки. Но из ваших слов я сделал и другой вывод, столь же важный для нас, хотя и значительно более неприятный. В окрестностях Альмадена не растут ни деревья, ни травы. И как далеко простирается эта бесплодная земля?

— Почти на день езды верхом во все стороны от рудника.

— Но там, где есть вода, всегда растет хоть немного травы, а вы раньше говорили об источнике!

— Вода находится в пещере. Да, в Альмадене хватает воды, но вся она находится под землей. А на поверхности торчат одни лишь голые известняковые скалы.

— И тем не менее там в лагере находятся триста индейцев! Разве у них нет лошадей?

— Они не взяли с собой животных. Животных они вынуждены были оставить ниже, под присмотром нескольких сторожей.

— Значит, и мы вынуждены будем сделать это, что крайне неудобно. Может быть, вы можете сказать, где спрятаны лошади юма?

— Об этом напрямую мне не говорили, но так как я обследовал всю округу, то могу догадаться, где их искать. Юма пришли с севера, из этого следует, что они оставили лошадей к северу от Альмадена, причем сделали они это на самой границе соприкосновения плодородных и неплодородных земель. А там есть одно-единственное место, где можно на долгое время оставить три сотни лошадей под присмотром нескольких сторожей. Это место я знаю очень хорошо. Мы, конечно, не будем его проезжать, потому что едем с запада и, достигнув скалистой пустыни, окажемся от него на удалении целого дня пути. Может быть, вы намерены забрать у юма лошадей? В этом случае я готов провести вас к пасущимся животным, и это станет еще одним доказательством того, что я говорю вам только правду.

— Я подумаю, — коротко ответил я, прерывая долгую беседу. Мне, конечно, хотелось еще о многом его порасспросить, но я мог это сделать и позже, так как я не хотел оставлять у Плейера убеждения в том, как мало я знаком с обстановкой, где нам предстояло действовать, а для достижения наших целей я должен был знать ее отлично.

Прежде чем расстаться с пленным, чтобы занять место рядом с Виннету, я слегка ослабил ремни, стягивавшие руки Плейера. Для него, хотя я и не сказал ни единого слова, этот жест должен был означать, что его правдивый рассказ произвел на меня благоприятное впечатление.

Относительно сегодняшней дороги я полагал возможным пропустить все его замечания, поскольку он не сказал мне ничего существенного. Когда было уже далеко за полдень, мы вскарабкались по крутому склону и добрались до какого-то плато, замыкавшегося с севера и юга высокими горами. Восточный конец плато мы увидеть не смогли. Тогда Плейер подозвал меня к себе и сообщил:

— Вот на другом конце этой равнины, на опушке леса, располагается пост.

— И долго до него надо ехать?

— Если будем ехать с такой же скоростью, как до сих пор, то расстояние до поста мы преодолеем за два часа.

— До поста надо ехать по прямой?

— Да.

— Тогда я хочу предоставить вам возможность еще очевиднее доказать мне, что я могу на вас положиться.

— Сделайте это, мастер! Я сделаю все, что вы от меня хотите.

— Я поеду вперед, чтобы задержать индейцев, а вы должны будете сопровождать меня до того места, в котором я их обязан встретить.

— С большой охотой я поеду с вами! Но ведь они же увидят, как вы подъезжаете!

— Почему это? Ах, вы подумали, что я поеду напрямик? Ну, такое мне не пришло в голову, потому что в этом случае они, конечно, заметят меня. Мы отправимся кружным путем, пока не доберемся до края леса, а потом по опушке подъедем к посту. Но предупреждаю вас, что малейшая попытка выдать меня немедленно закончится для вас плохо: пулей в голове или ударом ножа!

— Только не нужно все время мне угрожать! Вам нечего больше опасаться. Я решился спасти свою жизнь тем, что буду верно служить вам, и был бы полным дураком, если бы мне взбрело в голову лицемерить и ставить свое существование под угрозу.

Взяв с собой Убийцу юма и его брата, я выбрал еще шесть или семь мимбренхо, с которыми я намеревался провести операцию. После этого я попросил Виннету некоторое время ехать дальше с прежней скоростью, а мы галопом поскакали на юг. Могли ли мы сделать объезд с севера? Конечно, могли, но тогда позже, когда нам бы надо было незаметно подкрадываться к врагу, повернув, стало быть, к югу, солнце стало бы светить нам в глаза. Теперь же оно будет у нас за спиной, а следовательно, не ослепит нас. В подобных условиях всегда надо многое обдумать, многое учесть, о чем профан и понятия не имеет.

Итак, мы проскакали порядочное расстояние на юг, а потом снова свернули к востоку. Через час мы заметили вдали лес и взяли курс на него. При этом я спросил Плейера:

— Мы достаточно далеко отклонились от нашего прежнего пути, так что теперь юма нас уже не смогут увидеть?

— Да. Посмотрите туда, на поросшую деревьями вершинку, выступающую из-за леса! Она служит мне ориентиром. Я точно знаю, где мы находимся. Вы собирались незаметно подкрадываться к посту. Где вы хотите оставить лошадей?

— Мы оставим их в надежном месте. Неясно только, как долго мы еще сможем оставаться в седле, не замеченные врагами.

— Когда мы настолько приблизимся к юма, что они могут заметить нас, я вам скажу.

Вскоре мы подъехали к лесу и повернули на север. При этом мы заметили следы одинокого всадника, и такие свежие, что проехал он, как я предположил, чуть ли не перед нами. И точно: когда мы обогнули заросли кустарника, то увидели этого всадника.

Это был индеец с привязанной за спиной добычей. Ехал он очень медленно, но при этом как-то странно наклонил голову в сторону, что позволило мне предположить: все свое внимание индеец обращает назад. Наверняка он должен был нас увидеть, но держался непринужденно, выжидая, как мы себя поведем. Пожалуй, он не предполагал, что мы враги. Моих индейцев он, видимо, принимал за воинов племени юма, а нас, двоих белых, за союзников Мелтона. Он не остановился подождать нас, но это не было, пожалуй, вызвано каким-то подозрением, а просто-напросто вытекало из привычного для краснокожих образа действий. Я не мог ему позволить ехать дальше, однако стоило позаботиться о том, чтобы он слишком рано не обнаружил, что за ним едут не юма, а враждебный мимбренхо. Поэтому мои спутники вынуждены были продолжать движение медленным шагом, а я один поскакал к всаднику.

Он приостановился, обернулся, схватился за свой лук и прицелился. При этой угрозе я не осадил своего жеребца, а лишь поднял руку и выкрикнул два очень хорошо ему знакомых имени: Мелтона и Большого Рта. Первый, по моим представлениям, был его теперешним работодателем, а второй — его верховным вождем. Он, должно быть, принял меня за их друга или, по крайней мере, хорошего знакомого и опустил лук со стрелой. Я приветствовал его по-индейски, осадив коня на полном скаку в трех шагах от него, а потом спросил:

— У моего брата была удачная охота? Четверо воинов-юма, к которым он направляется, верно, голодны.

— Охота была успешной, как может видеть по добыче мой белый брат, — ответил он. — Скажет ли мне мой брат, откуда он приехал?

— С асиенды Арройо. Приветствую тебя от имени Быстрой Рыбы, который вместе со своими воинами находится у источника в скалах. Полный ли состав воинов находится у поста, к которому ты принадлежишь?

— Да, все на месте.

— А как дела наверху, в Альмадене? Там ли еще три сотни твоих собратьев?

— Мы ничего не слышали о том, чтобы там произошли какие-либо изменения. Если мой белый брат едет с асиенды, то ему известно, что там находится один бледнолицый по имени Плейер, который видел Виннету, вождя апачей. Действительно ли там был апач?

— Да, он видел его.

— Он снова уехал, чтобы освободить Олд Шеттерхэнда, которого захватил в плен Большой Рот?

— Олд Шеттерхэнд освободился без его помощи.

— Уфф! И оба этих воина теперь вместе?

— Да, по всей вероятности.

— Уфф, уфф! Тогда надо ожидать, что они приедут и к нам. Об этом следует немедленно сообщить в Альмаден.

— Этого делать не надо, так как я сам везу послание в Альмаден.

— Это хорошо. Но поедет ли мой белый брат так быстро, как надо, потому что весть о…

Внезапно он замолчал и уставился широко раскрытыми глазами на моих спутников, которые теперь настолько приблизились, что он смог различить их лица. Потом он продолжал, нащупывая рукой свой нож:

— Что я вижу! Я сражался с мимбренхо и при этом видел Сильного Бизона и его сыновей. Если я внезапно не ослеп, то это именно они сопровождают моего белого брата. Что я должен об этом подумать?

— Ты погибнешь, если сделаешь хоть один шаг с этого места! — ответил я, быстро направив на него свой штуцер. — Я — Олд Шеттерхэнд, и я запрещаю тебе двигаться с места!

Я увидел, как лицо его, несмотря на темный цвет кожи, побледнело. От испуга он выпустил поводья из левой руки, а правую сейчас же отдернул от ножа и пролепетал:

— Олд… Шет… тер… хэнд!.. А… это… его… вол… шеб… ное… ру… жье!

Он только взглянул на мой знаменитый штуцер, о котором ходило столько невероятных историй среди индейцев, и сразу же поверил моим словам.

— Да, это мое волшебное ружье, из ствола которого ты немедленно получишь десяток пуль в свою голову, если не станешь исполнять все то, что я тебе прикажу!

Все еще в замешательстве, не отвечая на мою угрозу, он тихо пробормотал:

— Олд Шеттерхэнд здесь! А где же Виннету?

— И он скоро появится, да еще приведет с собой воинов мимбренхо. А ну, прыгай из седла!

Тем временем подъехали мои спутники и окружили его. Он все еще не пришел в себя. Как во сне он слез с лошади и молча смотрел, как отвязывают от седла запасные ремни, и как этими самыми ремнями связывают его. Здесь Плейер заметил, что мы уже достаточно близко подобрались к посту и теперь надо было бы соблюдать осторожность. Мы все спешились. Двоих мимбренхо мы оставили охранять наших лошадей и пленного юма, тогда как другие продолжили путь пешком.

Конечно, шли мы не по открытой местности, а под деревьями. Прошло минут десять, и Плейер сказал:

— Ну вот, мастер, еще немного, и мы подойдем к небольшому пруду, у которого и должны находиться юма.

— Хорошо! Хочу показать, что мое доверие к вам возросло. Собственно говоря, я бы мог вас здесь и оставить, потому что вам может прийти в голову мысль подать какой-нибудь сигнал юма. Но я возьму вас с собой, однако предупреждаю: если нам не удастся захватить внезапно пост и вы будете тому виной, то с вами все кончено!

— Не беспокойтесь! Мне не придет в голову мчаться, широко раскрыв глаза, навстречу

своей погибели.

Теперь мы продвигались вперед медленно и очень осторожно. Я подал Убийце юма только одному ему понятный знак, чтобы он не спускал глаз с Плейера, так как в момент, когда мы бросимся на юма, тот может попытаться удрать от нас. Вскоре мы увидели, как между деревьями блеснуло зеркало пруда. Возле него в ленивых позах развалились четверо краснокожих. Мы заметили только двух лошадей, а остальные бродили где-то поблизости.

Перебегая от дерева к дереву, мы еще больше приблизились к воде, а потом набросились на ошеломленных и не оказавших никакого сопротивления часовых. Плейер стоял со связанными руками поодаль, и лицо его приняло такое выражение, словно он от души радовался удачному нападению на своих недавних союзников.

Когда все было закончено, один из мимбренхо ушел, чтобы привести своих товарищей с лошадьми, а потом мы увидели, как по открытой равнине с запада приближается весь наш отряд. Он остановился возле пруда, где мы решили заночевать.

На следующее утро мы въехали в широкую, уходящую на восток долину, к которой примыкала с юга ложбина. В том месте, где они соединялись, трава на обширной площади была вытоптана или съедена, и мы увидели следы от колес и два до черноты выжженных кострища.

— Разве я вам не говорил? — сказал Плейер. — Здесь прошли повозки с провиантом, а значит, мой расчет оказался верным. Они останавливались здесь вчера вечером. В этом месте соединяются две дороги. Я пересчитал колеи и убедился, что перед нами проехало в самом деле пять фургонов. Конечно, мы не могли определить, сколько юма сопровождало караван, так как затоптанные следы прочитать было совершенно невозможно.

Теперь нам надо было идти по колеям. На мягком грунте они видны были отчетливо, и вскоре мы увидели следы шести сопровождавших повозки всадников.

— Значит, Мелтон послал шестерых проводников, — сказал я Плейеру, — собственно говоря, я не могу понять, зачем он это сделал. Шестеро проводников, конечно, излишни, а в качестве охраны для защиты фургонов это слишком мало.

— Возможно, — ответил он. — Но краснокожих-то было всего пятеро.

— Кто же тогда шестой?

— Или сам купец, у которого были в Уресе закуплены товары, или его представитель. Мелтон заплатил лишь половину цены, вторую же он собирался выплатить только после успешной доставки груза на место. Значит, в караване должен находиться человек, уполномоченный получить деньги.

— Свежесть колеи показывает, что повозки находятся совсем недалеко от нас. Нам стоит поторопиться, чтобы догнать их в такой местности, где мы легко сможем захватить краснокожих сопровождающих, не упустив ни одного из них. Где можно будет найти такое место?

Он ненадолго задумался, что-то соображая, а потом ответил:

— Если вы запасетесь терпением и подождете до полудня, то мы выедем в такие места, где вы сможете легко осуществить задуманное. До этого дорога все время идет между тесно сошедшихся горных склонов, где вы не разбежитесь и не сможете воспрепятствовать побегу кого-нибудь из индейцев.

Конечно, мы теряли время, такое для нас дорогое, но если мы захватим повозки, то сможем тогда двигаться не быстрее, чем мулы, тянущие свой груз, и потратим, весьма вероятно, еще целый день. Значит, с потерей нескольких часов можно не считаться.

Виннету, желая посмотреть, насколько далеко от нас движутся повозки, поскакал вперед. Мы настигли его через три четверти часа, когда он остановился и поджидал нас. Он видел фургоны, а также шесть сопровождающих — пять краснокожих и одного белого. Правившие

повозками слуги сидели на них спереди.

Мы держались на таком расстоянии, что могли догнать караван не больше, чем за пять минут. К полудню, как и предсказывал Плейер, мы приехали в довольно широкую долину, которая через какое-то время снова становилась узкой. Мы увидели, что фургоны следуют один за другим. Впереди ехали пятеро краснокожих всадников, а белый в одиночку замыкал караван. Так как я уже снял предыдущий пост, то пленением проводников решил заняться Виннету, для чего он взял с собой десяток мимбренхо. Оставив нас, он поскакал со своими людьми вперед, пронесся справа и слева от повозок и, обогнув краснокожих, остановился. Мы увидели, что они приготовились защищаться, но оружие их, пики и томагавки, явно не могло противостоять ружьям наших мимбренхо, не говоря уж о Серебряном ружье Виннету. Раздались выстрелы. Караван остановился. Слуги — то ли от испуга, то ли от ярости — заорали, а белый сразу же развернул свою лошадь, надеясь удрать. Но тут он увидел нас, закрывавших ему путь к отступлению, и галопом помчался влево.

Нам он был не нужен. Уйти далеко он не мог и должен был остановиться ради спасения своей жизни. Что ему, неопытному, одинокому человеку, делать в этих горах? Мой конь был самым быстрым, и я помчался за беглецом. Оглянувшись, он заметил это и погнал свое животное с еще большей скоростью. Но это ему не помогло, вскоре я настиг его, подогнал своего вороного к его лошади, вырвал у него из рук поводья, а потом, остановив наших лошадей, спросил:

— Куда это вы направились, сеньор? Какие могут быть основания для такой спешки?

Это был еще довольно юный худощавый мужчина, профессию которого можно было определить по лицу. Вооруженный до зубов, он тем не менее протянул ко мне обе руки и умоляюще протянул:

— Не убивайте, сеньор, не убивайте! Я же ничего вам не сделал! Я даже не защищался — так пощадите же мою жизнь!

— Не надо бояться, сеньор! У нас нет намерений подвесить вас за воротник — это грозит только пяти вашим индейцам.

— А мне ничего не будет? — спросил он, глубоко вздохнув и смахнув со лба капельки холодного пота.

— Нет, милый юноша, вам ничего не будет. Ваша драгоценная жизнь, наоборот, очень дорога нам, с вашей головы ни волоска не упадет. Возвращайтесь же без опаски к своим фургонам!

Тем не менее он очень недоверчиво и с сомнением посмотрел на меня и сказал:

— Кто же вы такой?

— Очень известный в этих местах человек. Пока что больше я вам ничего не скажу. Но ваши юма — негодяи, которых мы должны взять в плен. Итак, поехали!

— Хорошо, я вам поверю и вернусь, так как я предполагаю, что… о, Боже! Что я вижу! Вон они лежат все пятеро на траве… расстреляны, умерли, убиты!

К сожалению, это оказалось правдой, краснокожие были мертвы. Я бы их пощадил, но мимбренхо не сделали им снисхождения.

— Их расстреляли, потому что они схватились за оружие, — объяснил я юноше. — Если бы они сдались, кровь бы не пролилась.

— Тогда я настойчиво прошу вас, сеньор, подтвердить, что я и не думал браться за оружие!

— Да, это я подтвержу сотней клятв. Вы же действительно проявили такое миролюбие, отказавшись от всякого сопротивления. Как вас, собственно говоря, зовут-то?

— Называйте меня дон Эндимио де Саледо и Коральба!

— Для краткости я буду вас называть сеньор Эндимио. Прошу вас еще сказать мне, чем вы

занимаетесь?

— Я купец.

— Вот как! А что же вы делаете у этих фургонов? Нанялись старшим кучером?

— Вовсе нет, сеньор! Как вы могли подумать, что дон Эндимио де Саледо и Коральба может унизить себя до того, чтобы стать кучером! Я представляю здесь в качестве специального уполномоченного сеньора Манфредо, купца, поставившего товары, находящиеся в этих фургонах.

— Прекрасно! Я еще раз предлагаю вам вернуться к повозкам!

— Охотно… но я вижу, что половина сопровождающих вас индейцев связаны. Это снова пробуждает во мне опасения за свою жизнь!

— Свободные всадники принадлежат к племени мимбренхо, а связанные — это воины-юма.

— Я тоже буду считаться пленником?

— Нет. Вам, как я уже сказал, бояться нечего.

И вот мы вернулись к повозкам, где нас уже ждали. Их совершенно не надо было окружать, потому что нам нечего было бояться, что пятеро слуг убегут. Впрочем, они оказались куда храбрее досточтимого дона Эндимио. Они стояли плотной кучкой с оружием в руках, готовые защищаться, как только мы нападем на них.

— Оставьте-ка в покое свои пушки, сеньоры! — крикнул я им. — И подойдите ко мне, чтобы услышать, что мы вас считаем своими друзьями.

Плейер предположил, что эти люди являются владельцами фургонов, но оказалось, что они только слуги, а повозки принадлежат купцу. Они были настоящие пеоны: могучие, полудикие парни, однако глаза их светились добродушием. Я объяснил им, как мог короче, чем мы заняты, назвав при этом не однажды имя Виннету, и каждый раз они вскидывали глаза на апача. Когда я окончил, старший из них, с широким шрамом на лице, сказал:

— Не надо было никаких извинений и объяснений, сеньор. Если здесь Виннету, то ваши намерения честны, потому что вождь апачей не может быть замешан ни во что плохое. Моя старая душа радуется, что наконец-то смогла увидеть великого вождя. Не хватает еще только одного — чтобы и Шеттерхэнд здесь оказался, потому что обычно он бывает вместе с Виннету.

— Он перед вами! Вот он сидит на моем жеребце.

— Это вы и есть тот самый Олд Шеттерхэнд? Я счастлив увидеть столь знаменитого человека. Сеньор, мы верим каждому слову, которое вы нам сказали, и теперь мы просим вашего совета, что же мы должны делать.

— Охотно дам вам совет. Но прежде скажите мне, как это случилось, что я пользуюсь в этих местах такой популярностью? Что Виннету знают здесь, мне уже известно, но я-то никогда не был тут.

— Да это и не надо, потому что я бывал по ту сторону границы, в Соединенных Штатах. Несколько лет я прожил в Техасе и доезжал даже до Канзаса. Так что вы не должны удивляться, что я о вас знаю, сеньор.

— Что вы делали по ту сторону границы?

— За все брался, да только ничего из этого не вышло, так я и остался бедняком и вот теперь, на склоне лет, вынужден работать слугой-перевозчиком. Но по ту сторону границы я так привык к приключениям, что по крайней мере выбрал себе место, где можно совершать необычные, а то и просто опасные поездки, и четверо моих товарищей придерживаются такого же образа мыслей. Мы буквально обрадовались возможности съездить в горы. И не зря сделали это: кажется, происшествиям теперь не будет конца!

— Конечно, основания для подобной радости у вас есть, так как ваш шеф навязал вам

хорошего представителя.

При этих словах я кивнул на Эндимио, который еще робко держался в некотором отдалении.

— О, — рассмеялся старик, — этот убежит, даже если услышит жужжание мухи! Но давайте лучше поговорим о нашем деле! Наш груз затребован и наполовину оплачен. Нам надо доставить его в Альмаден и получить вторую половину денег. Но вас не устраивает такой вариант, сеньор.

— Почему же, я только хочу, чтобы вы передали груз адресату в моем присутствии.

— Это дельное предложение! Я согласен!

— Еще я хотел бы узнать, что за груз вы перевозите. Весьма вероятно, что мне придется кое-что из этого груза позаимствовать.

— Берите, да только тогда Мелтон не станет платить за его перевозку.

— Он заплатит, это я вам гарантирую.

— Тогда, по мне, берите хоть все, включая повозки и мулов! Если Олд Шеттерхэнд ручается, мы спокойны.

— Я сердечно благодарен вам за это доверие, но должен прямо сказать, что я небогатый человек, а теперь так со мной и вовсе нет столько денег, чтобы даже оплатить сотню крошечных сигар.

— Да это ничего, совсем ничего! Груз мы предоставляем в ваше полное распоряжение. Как вы порешите, так и будет. Если вы испытываете недостаток в сигарах и табаке, что в этих горах вполне может случиться, то берите их. У нас этого добра хватает, мы можем снабдить им вас на долгие годы.

— Стойте! — выкрикнул вдруг асьендеро. — Я протестую против того, чтобы кто-нибудь покушался на груз.

— А кто вы такой? — спросил старый пеон, удивленно разглядывая нового собеседника.

— Я дон Тимотео Пручильо, владелец асиенды Арройо.

— Но вы же ее продали, как я слышал!

— Меня обвели вокруг пальца. Я хочу потребовать возмещения убытков и конфискую эти фургоны со всем их содержимым.

— Это вряд ли получится, потому что, как вы слышали, решает здесь все Олд Шеттерхэнд.

— Эти вещи его не касаются. Он не имеет никакого отношения к грузу.

— А уж у вас-то еще меньше прав протягивать свои руки к этому грузу. Его заказал Мелтон, и мы передадим ему этот груз. Если вы с ним договоритесь в частном порядке, меня это не касается. Улаживайте свои дела с ним, а не с нами!

Тогда выступил вперед храбрый законник, он надменно поглядел на пеона и спросил важным чиновничьим голосом:

— Как вас зовут?

— Меня зовут Старым Педрильо.

— Вы меня знаете?

— Да.

— Значит, вы понимаете, что должны повиноваться мне!

— Вам я и в Уресе не повиновался, потому что я подчиняюсь закону, а не какому-либо чиновнику. А здесь, в горах, вы вообще для меня ничего не значите.

— Человек, не заставляй меня наказывать тебя!

— А вы не заставляйте меня смеяться над вами! Здесь есть только двое, которым мы будем повиноваться, но не потому, что они нам прикажут, а потому, что мы их уважаем. Эти двое — Олд Шеттерхэнд и Виннету. А на всякую мелочь, которая важничает и надувается, мы просто не

обращаем внимания.

— Человек, — разгневался на пеона чиновник, — не забывай, что ты только слуга, всего лишь слуга! А рядом стоит полномочный представитель твоего хозяина, который, пожалуй, знает, на какой стороне искать силу и закон!

При этих словах он показал на Эндемио. Когда тот увидел обращенные к себе взоры всех присутствующих, то смутился и сказал:

— Я доверенное лицо сеньора Манфредо, это верно, но я доверил исполнение своего поручения Педрильо…

Громкий крик Плейера прервал его слова. Плейер указывал туда, где долина снова суживалась. Там появился всадник, который приостановился на какое-то время, но, увидев фургоны, повернулся, махнул нам рукой и поскакал к нам.

— Уэллер, это скачет Уэллер! — закричал Плейер.

— Уэллер? Обманщик? Негодяй? — спросил асьендеро. — Я должен поймать его, и притом немедленно!

Он поскакал навстречу всаднику, в котором и я узнал теперь молодого Уэллера. Подобная спешка могла иметь плохие последствия, но я надеялся, что асьендеро не сразу назовет мое имя, и укрылся за фургоном, чтобы не быть слишком рано замеченным Уэллером.

Всадники встретились на расстоянии в сотню шагов от нас, и мы расслышали слова, которыми они обменивались между собой. Разъяренный асьендеро кричал на молодого Уэллера:

— Ах, как хорошо, что вы сюда приехали, вор, грабитель и убийца! Я требую вернуть мне мою асиенду, и не только вернуть, но и привести ее в прежний вид.

— Вы здесь, дон Тимотео? — спросил удивленно молодой человек, совершенно не обращая внимания на поток оскорбительных слов. — А я-то думал, что вы остались в Уресе! Что вы делаете на дороге в Альмаден?

— Что я делаю? Хочу вернуть назад награбленное, все, что вы у меня отняли!

— Я вас не понимаю! Как можете вы говорить такие слова мне, своему другу!

— Молчи, мерзавец, и никогда больше не называй себя моим другом! Я поехал, чтобы отомстить тебе. Посмотри туда: вон там стоят все те, кто приехал со мною! Видишь ли ты важного чиновника из Уреса?

Уэллер, качая головой, посмотрел в направлении фургонов и ответил:

— Я его не знаю.

— И его полицейских?

— Нет. А что здесь делать полиции?

— Схватить тебя и арестовать, как мы уже это сделали с твоими сообщниками.

— Сообщники? Кто же они?

— Юма. Только не притворяйся, будто ты не видишь, что они связаны!

— Связаны? Действительно, они связаны! И даже Быстрая Рыба! А рядом с ними это что за краснокожие?

— Это индейцы мимбренхо, вместе с которыми мы выступили против вас. А вон там, за последним фургоном, стоит Виннету, вождь апачей!

— Этот болтун все испортит! — недовольно прошептал мне Виннету. — Мой брат должен побыстрее вскочить на своего скакуна!

— Виннету здесь? — спросил Уэллер. — Не может быть! Я его что-то не вижу.

— О, не только он здесь, но и еще кое-кто, кого ты наверняка испугаешься. Здесь находится Олд Шеттерхэнд, который сбежал от ваших юма.

— Олд Шеттерхэнд? Черт возьми! Хорошо, что ты сказал мне об этом, дурак!

Потом мы услышали крик, стук копыт помчавшейся галопом лошади и высунулись из-за

повозки. Асьендеро лежал на земле, сраженный Уэллером, который мчался назад по дороге, по которой он только что приехал. Я вскочил на своего вороного и погнался за беглецом. Виннету одновременно проделал то же самое. Он летел за мной по пятам, а впереди беглец кричал истошным голосом:

— Олд Шеттерхэнд, Виннету и мимбренхо! Олд Шеттерхэнд, Виннету и мимбренхо!

Почему он это делал? Только из страха? Но ведь во время своего разговора с асьендеро он не выглядел таким испуганным! Выкрикивая наши имена, он исчез в ущелье, а когда мы тоже въехали туда, он все еще кричал.

Мы быстро приближались к нему. Дорога шла вверх по поднимающемуся дну долины. Справа и слева стоял лес. Уэллер обернулся и увидел нас самое большее в трехстах шагах позади себя. Он понял, что проиграл, если будет продолжать эту гонку. Тогда он остановил лошадь, спрыгнул на землю и поспешил налево, в лес. Я сразу же выскочил тоже из седла, успев заметить, что и апач спрыгнул вниз.

— Виннету, догоняй его! — крикнул я вождю апачей, а сам помчался между деревьями вверх по склону.

Это было сделано с хорошим расчетом. Если бы мы оба устремились за беглецом, то за шумом своего дыхания мы бы не услышали его шаги. Значит, надо было забежать вперед его, а потом прислушаться. Это я и хотел сделать, тогда как Виннету гнал Уэллера на меня.

Мы находились у подножия левого склона долины, довольно густо поросшего лесом и относительно круто уходившего вверх. Я полагал, что Уэллер будет взбираться по прямой, и отметил для себя могучий бук, стоявший именно в этом направлении, то есть если бы его избрал Уэллер, то дерево оказалось бы на его пути. Я отставал от беглеца намного, а значит, должен был проделать до бука куда более значительный путь.

Отставание я должен был преодолеть за счет удвоенной скорости. Я не думал, что когда-нибудь в жизни мне придется с такой скоростью бежать от дерева к дереву, от камня к камню. Когда я добрался до бука, дыхания мне уже не хватало, голова кружилась. За могучим стволом я бросился на землю и попытался перевести дух. Усилием воли я восстановил дыхание. Потом я услышал шаги. Два человека двигались по-разному: один из шагавших перемещался тихо и осторожно, не спеша приближаясь к буку, другой же ломился через кусты и деревья напрямик и с шумом. Первым был Уэллер, вторым — Виннету. Значит, я опередил беглеца — это доказывало, что человек, если попадает в сложную ситуацию, может превзойти свои обычные силы.

И вот Уэллер приблизился: я его уже видел! Он не догадывался, что один из двоих преследователей, уже оказался впереди него. Он шел не прямо к буку, а несколько правее его. И в тот момент, когда он проходил ближе всего от меня, я бросился к нему, схватил за волосы, потому что шляпа, зацепившись за какой-то сук, слетела с головы, и рванул его вниз. Он громко закричал.

— Мой брат крепко его держит? — крикнул мне Виннету, услышав этот крик.

— Да, — ответил я, надавливая коленом Уэллеру на грудь, что должно было затруднить ему дыхание.

— Я иду. Только держи его крепче!

И без призыва апача я так крепко придавил бывшего корабельного стюарда, что он не мог даже шевельнуться. Тут как раз подоспел Виннету. Увидев пленника, он сказал:

— Моему брату пришла в голову хорошая мысль — опередить беглеца. Я знал, что Олд Шеттерхэнд великолепно бегает, но я бы никогда не поверил, что он может бежать так быстро. Почему же ты не оглушил этого негодяя ударом кулака?

— Потому что этого не потребовалось. Парень оказался в моих руках покорным, словно

ребенок, и его не стоило погружать в бессознательное состояние.

У Уэллера оставалось в руках ружье, но, когда я его схватил, ружье упало на землю, а Виннету теперь взял его в руки. Я приподнял парня, поставил его на ноги и сказал:

— Ну, а теперь — шагай вперед! И если ты вздумаешь брыкаться, мы научим тебя послушанию!

Я не стал бы его связывать, даже если бы при мне оказались ремни, которых ни у меня, ни у Виннету не было. Этот парень мог обойтись и без такого средства. Я ухватил его за воротник и потащил перед собой. Когда мы спустились вниз, наши кони стояли еще там, где мы с них спрыгнули, причем вороной Виннету держался за моим. Лошадь Уэллера убежала вперед, и ее вел к нам кто-то из мимбренхо, последовавших в погоню вслед за нами. Велика же была радость асьендеро, когда мы привезли пленника. Он торжествующе выкрикнул:

— Вы его поймали! Вы привезли его! Но это же великолепно! Ну, теперь он ответит мне за то, что он сбил меня с ног!

Он собрался уже нанести пленнику удар, но я оттолкнул его и сказал:

— Бросьте-ка задираться, сеньор! Вы совершили глупость, поскакав Уэллеру навстречу. Тем самым он обратил на нас внимание и чуть было не сбежал от нас. Вам бы извиниться перед нами и вести себя как можно тише.

— Вы, кажется, находите удовольствие в том, чтобы все время осуждать других людей! Вы…

Он, видимо, собирался сказать что-то грубое, но я резко оборвал его:

— Замолчите, иначе…

Разозлившись, я уже действительно поднял руку. Но он сразу же в испуге отскочил назад и ретировался за фургон, где к нему подсел его любимый законник, и они, видимо, стали обмениваться жалобами. Непризнанные гении всегда чем-нибудь недовольны.

Тем временем Виннету привязал Уэллера к дышлу повозки. Пленника окружили мимбренхо и осыпали его оскорблениями. Я отогнал их, потому что мне надо было поговорить с пленником, и этот разговор не должны были слышать другие. Остался только Виннету, пожелавший присутствовать при моей попытке что-либо выудить из пленника.

У Уэллера было мрачное, замкнутое лицо, глаза он уставил в землю. Я, разумеется, не ожидал, что он сразу же мне про все расскажет, но верил, что все-таки смогу вырвать из него скудные сведения, по которым можно бы было сделать хоть какие-нибудь выводы об обстановке во вражеском лагере.

— Вы всего несколько минут в наших руках, сеньор Уэллер, — сказал я, — а значит, еще не успели задуматься о своем положении. Хочу вам сразу сказать, что оно очень для вас незавидное. Речь идет о вашей жизни и смерти. Решение будет зависеть от вашего поведения. Скажите же мне, почему вы были столь неосторожны, что оставили Альмаден и поскакали прямо к нам в руки!

Прошла целая вечность, прежде чем он стал отвечать. Видимо, он обдумывал, стоит ли вообще говорить, а если уж придется отвечать, то насколько далеко он мог зайти в своих признаниях. Наконец, обдумав все, он ответил:

— Я получил на это приказ сеньора Мелтона.

— Значит, ваша поездка имела какую-то цель?

— И даже двойную! Мы ждали повозки, возле которых мы теперь находимся. Так как они опаздывали, то я должен был посмотреть, в чем причина промедления.

— Это была одна цель. А другая?

Он уже раскрыл было рот для ответа, но потом снова закрыл его. Возможно, он посчитал, что уже сказал больше, чем достаточно. Наконец все же он ответил:

— Ну, это вас совершенно не может интересовать.

— О, уверяю вас, что меня в высшей степени интересует все, что вас касается. Я же по опыту знаю, что вы проявляете повышенный интерес к моей персоне. При таком взаимном внимании я просто считаю своей обязанностью узнавать как можно больше, чем вы занимаетесь и где находятся ваши друзья. Как идут дела в Альмадене? Рабочих уже спустили под землю?

— Да, — невольно вырвалось у него.

— Они уже работают?

— Нет еще.

— Понимаю, сначала их надо покорить и приучить к насыщенному ртутью шахтному воздуху. А голод и жажда сделают рабочих послушными.

Он молчал и ничем мне не возражал, поэтому я должен был предположить, что догадался правильно, а поэтому уверенно продолжал:

— А как вам нравится ваше жилище наверху? Оно старательно укрыто? Так как я намерен возвратить вас туда, то в ваших же интересах описать мне поподробнее его местоположение.

Теперь он ответил быстро, почти мгновенно:

— Этого я ни за что не сделаю.

— Ну, это мы еще посмотрим. Вы уехали из Альмадена один?

— Да, — ответил он столь же быстро.

— Но я припоминаю, что видел, как вы подали тайный знак кому-то, когда помчались от нас.

— Это я проделал только для того, чтобы обмануть вас. Возможно, обратил внимание на какой-то шум.

— Может быть. Но почему же вы так громко кричали во время своего бегства?

— От… страха.

— Подобное признание вы сделали с большим трудом, и, пожалуй, только для того, чтобы скрыть правду. Был ли позади вас еще кто-то, для кого вы и выкрикивали наши имена? Меня бы очень удивило, если бы вы отправились в такую поездку в одиночку. Ведь в подобных случаях очень легко попасть в положение, когда потребуется помощь спутника. Вы жили в лагере со своим отцом и сеньором Мелтоном?

— Не задавайте лишних вопросов! Вы же знаете, что я не буду на них отвечать.

— Если от этого будет зависеть ваша жизнь, то вы станете разговорчивее?

— И в этом случае вы не получите ответа. Я и не подумаю предавать собственного отца. Что же до моей жизни, то она, видимо, в вашей власти, но я знаю, что вы не убийца, а кроме того, я убежден, что доживу до преклонных лет.

— Как вы хотите! Не буду больше вас утруждать, а жилище вашего отца мы найдем в любом случае и без вашего участия.

Однако то обстоятельство, что он подал какой-то знак, а потом громко выкрикивал наши имена, заставило меня задуматься. Его следы еще хорошо сохранились. Мимбренхо, ловившие его лошадь, должны были их видеть, но когда я о них справился, они объяснили, что видели только одинарный, а не двойной след. Это меня немного успокоило, по крайней мере, на время.

У меня вообще-то были ведь и другие дела. Много вопросов возникало в связи с фургонами и их грузом. Я должен был все разузнать и обо всем решить, а потому посчитал за лучшее пока что не давать каких-либо распоряжений. Мы присоединились к каравану, а позднее могли действовать, смотря по обстоятельствам. Но уже теперь было ясно, все пять возниц являются нашей надежной поддержкой.

С момента нашего выступления следы Уэллера указывали для меня путь. Я ехал во главе каравана, чтобы читать их, но сначала это было невозможно, потому что при погоне мы

затоптали их. Когда же мы миновали место, где остановилась лошадь Уэллера и мы его ловили, следы стали весьма ясными. И тогда я, к своему изумлению, увидел тройной след. Оказывается, навстречу нам ехали два всадника, а возвращался назад лишь один. Конечно, я сейчас же обратил на это внимание Виннету, и он мгновенно согласился со мной: у Уэллера был спутник. По какой-то причине Уэллер несколько опередил его, и когда заметил нас, приблизился к каравану. Спутнику же он подал какой-то знак: мол, я увидел повозки, а позднее своим криком Уэллер вынудил этого спутника поспешно бежать, чтобы сообщить о нашем прибытии в эти края.

Когда мы все обменялись мнениями, выяснилось, что в то время, как мы все следили за Уэллером и асьендеро, один из полицейских увидел второго всадника, тоже белого, появившегося в том же самом месте, но потом быстро исчезнувшего. То, что разиня-полицейский только теперь сказал нам об этом, вряд ли можно было простить, потому что второй всадник должен был быть либо отцом Уэллера, либо самим Мелтоном. Преследование этого всадника я посчитал ненужным. Такую погоню могли провести только я да Виннету, а если мы далеко уедем, то все оставшееся общество весьма странного состава могло бы перессориться и разбежаться.

Мы были вынуждены остаться возле повозок и ехать очень медленно за ними. Наверняка спутник Уэллера далеко опередил нас, и, конечно, его сообщение о нашем прибытии подняло на ноги весь Альмаден. Теперь нам уже нечего было рассчитывать застать врагов врасплох. Наоборот, я теперь начал уже обдумывать, как они поступят. Пожалуй, они не будут ждать нашего приближения, а выступят навстречу и устроят засаду, чтобы в подходящем и удобном для них месте напасть на нас и уничтожить.

Больше всего меня беспокоило то, что неизвестный знал наши имена, потому что их громко кричал молодой Уэллер. Значит, он действительно прилежно потрудился, чтобы юма были готовы к нашей встрече. Само собой разумеется, что я основательно обругал асьендеро, потому что он был виновен во всем, но не хотел этого понимать.

И снова дорога побежала под нашими ногами или, скорее, под конскими копытами. Я опасался отпускать одного Виннету вперед и поехал вместе с ним. Могло ведь случиться и так, что неизвестный всадник прервет свое бегство и постарается еще понаблюдать за нами. В таком случае ему будет необходимо спрятаться с лошадью в лесу, а значит, надо было очень внимательно присматриваться к его следам.

Однако вскоре мы убедились, что он ускакал. За нами двоими ехал Убийца юма со своим братом, а между ними находился Плейер. Его я намерен был держать поблизости от себя, так как он, в сущности, был нашим проводником. Уэллера окружали мимбренхо.

Дорога уходила в гору. По обе ее стороны сначала раскинулся лес, потом деревья остались только с левой стороны, но вскоре они кончились. Теперь вокруг простиралась травянистая равнина, так что следы можно было читать столь же легко, как крупные буквы на страницах букваря.

Теперь было совершенно ясно видно, что двое всадников ехали нам навстречу, но только один из них скакал перед нами. Через лес он двигался быстрым шагом, а выехав на равнину, пустил лошадь в галоп. Но перед этим он, как уже было сказано, сошел с лошади. Зачем? Чтобы выяснить это, мы оба, то есть Виннету и я, спешились и занялись осмотром местности. Носки его обуви были направлены в сторону лошади, а каблуки то сильнее, то слабее вдавливались в землю. Я вопрошающе посмотрел на Виннету, он утвердительно кивнул, потому что понял: мое мнение совпадает с его собственным. Именно на этом месте всадник подтягивал подпругу, чтобы поуверенней чувствовать себя в седле при скачке. Затем, апач указал в сторону, где трава была так примята, словно на ней лежали два предмета, тонких с одной стороны и широких — с

другой.

— Уфф! — сказал он при этом. — Это не удивляет моего брата Шеттерхэнда?

— Интересно. У человека было два ружья, которые он при затягивании подпруги отложил в сторону, чтобы освободить себе руки.

— Я знаю только одного человека, который ездит с двумя ружьями, и этот человек — ты. Одно ружье — собственность улизнувшего от нас всадника, другое ему не принадлежит.

— Вероятнее всего, это так. Зачем бы ему из Альмадена тащить с собой два ружья? Значит, второе он добыл по дороге. Видимо, взял его у кого-то. Кто это был, мы, возможно, скоро узнаем. Поехали дальше!

Мы продолжали свой путь, но вскоре следы, по которым мы ехали, разделились: двойной след, шедший нам навстречу, уходил на север, тогда как след всадника-одиночки сохранял прежнее восточное направление. Мы снова остановились.

— Так какое же из этих направлений ведет к Альмадену? — спросил я Плейера.

— Направление на восток, — ответил он.

— Но вы же видите, что молодой Уэллер со своим спутником подъехали сюда с севера.

— Они отклонились от прямой дороги. У них была какая-то причина сделать этот объезд.

— Догадываюсь, что эта причина связана с появлением второго ружья. Поехали дальше! Я отправлюсь по двойному следу, и мой юный брат, Убийца юма, может поехать со мной.

Виннету ни в коем случае не мог обидеться, что я не пригласил его ехать со мной. Он посчитал это необходимым, чтобы мы не уезжали вместе, а каждый шел по отдельному следу. А Убийца юма был горд тем, что снова стал моим спутником.

Мы помчались галопом по траве, чтобы как можно скорее выяснить, зачем отклонялись от пути двое всадников. Уже через десяток минут я увидел, что вскоре мы выясним причину этого. Чтобы еще раз проверить проницательность юного мимбренхо, я сказал:

— Через несколько минут мы сможем повернуть. Знает ли мой брат, почему я так считаю?

Он внимательнее рассмотрел след, по которому мы ехали, а затем ответил:

— Я не вижу ничего нового, что помогло бы мне ответить на этот вопрос.

— Моему брату стоит смотреть не в землю, а на небо!

При этом я указал на шесть или восемь точек, которые можно было видеть впереди. Они то взмывали вверх, то планировали вниз, то носились по кругу.

— Уфф, это же стервятники! — выкрикнул мальчишка. — Они держатся над одним местом, значит, там лежит падаль.

— Нет, не падаль. На нее стервятники сразу бы падали вниз камнем. Но они этого не делают, а продолжают кружить в воздухе, значит, то существо, которое они высмотрели себе в качестве добычи, еще живо.

Приблизившись, мы увидели новых стервятников, природных санитаров. Они уселись на земле по кругу, в центре которого лежало человеческое тело. Подъехав поближе, мы увидели, что это мужчина.

— Человек! — удивился мимбренхо. — Убитый, труп!

— Нет, не труп! Если бы человек был мертв, стервятники давно бы уже занялись им. Он должен был еще совсем недавно шевелиться.

Птицы улетели прежде, чем мы добрались до самого места. Подъехав к несчастному, мы остановились и спрыгнули на землю.

— Боже милостивый! — вырвалось у меня, как только я взглянул на лежавшего. — Возможно ли! Это один из тех, кого мы собирались спасти, — продолжал я, опускаясь на колени и осматривая несчастного.

Это был Геркулес. Но как он выглядел! Костюм его был весь изодран, вероятно, в схватке.

Он получил удар по голове, которая распухла и была вся кровавого цвета. Я не смог определить, повреждена ли кость черепа. К счастью, других ран я не заметил. Когда я стал осматривать голову, то мои прикосновения причинили Геркулесу боль, потому что он громко застонал и приподнялся с земли. Но как только я отнял руки от раны, он снова упал на землю и затих.

— Нам надо вернуться, — сказал я. — Здесь нам больше делать нечего. Прежде всего следует добраться до воды.

— А если он по дороге умрет?

— Что ж! Утешением нам может послужить сознание того, что здесь он также бы умер. Я возьму его к себе в седло.

— Вы сможете поднять такого большого, тяжелого мужчину!

— Это надо сделать, потому что иначе перевезти его не на чем.

Конечно, для того чтобы положить Голиафа поперек седла, потребовалось немало усилий как наших, так и раненого. Он взвыл от боли, но сразу же снова потерял сознание. Положив его на коня, я отправился назад, но не тем же самым путем, которым мы сюда приехали, потому что он оказался бы кружным, ибо наш караван тем временем значительно переместился, а другой дорогой. Отряд двигался к востоку, мы же скакали на север, значит, теперь мы должны были ехать по диагонали — на юго-восток.

Мой вороной нес тяжелый груз, но он был достаточно сильным, чтобы, несмотря на такую ношу, перейти в галоп. Я вынужден был мчаться галопом, потому что этот аллюр самый постоянный, а значит, меньше всего досаждает раненому. Тот затих и лежал передо мной словно мертвый. Когда мы добрались до нашего отряда, не только силы моего жеребца, но и мои были почти на исходе.

Конечно, привезенный нами несчастный привлек всеобщее внимание. Послышались крики и восклицания, люди толкались, чтобы увидеть раненого. Виннету, как обычно, оставался спокойным. Он отогнал любопытных, помог мне снять Геркулеса и занялся изучением раны. Помогать ему при этом было излишне, потому что апач разбирался в ранениях как никто другой.

— Кость не раздроблена, — заявил он через некоторое время. — Человек этот останется жить, если только справится с лихорадкой. Дайте мне воды!

Возчики держали для своих мулов под повозками полные ведра воды, так что требование Виннету было немедленно выполнено. У индейца была такая нежная рука, что раненый под ее прикосновением ни разу не застонал. После того как его ополоснули холодной водой и перевязали, ему устроили место в одном из фургонов. Потом отряд снова двинулся в путь.

Если кто-либо ожидал, что Виннету, после того как мы снова поехали рядом, станет расспрашивать меня о Геркулесе, то он ошибся. Апач задумчиво смотрел перед собой. Мне было знакомо такое выражение его лица. Он пытался найти верный след без моей помощи. Через какое-то время он поднял голову; удовлетворенный взгляд, который он на меня бросил, показал мне, что он о чем-то догадался. Поэтому я спросил его:

— Мой краснокожий брат не стал ни о чем меня спрашивать и сам обо всем догадался?

— Я думаю, что раненый из тех бледнолицых, которых обманул Мелтон.

— Конечно. Это был единственный человек, которому я доверял и рассказал о своих планах.

— Он будет также единственным, кому удастся избегнуть общей судьбы несчастных переселенцев. Олд Шеттерхэнд, конечно, знает, кто его ранил?

— Конечно. Это были Уэллер и его спутник, нам пока еще неизвестный. Раненому принадлежало второе ружье, которое было у этого незнакомца.

— Тогда раненый, как только придет в себя, сможет нам рассказать, кто же был этот второй

всадник.

— А это скоро произойдет?

— Трудно сказать. У бледнолицего могучее здоровье, и у него очень крепкая голова — любой другой череп был бы размозжен. Кости-то целы, но кто знает, в каком состоянии находится под ними мозг? Я бы очень хотел, чтобы он пришел в себя и смог заговорить, потому что он был в Альмадене и смог бы нам рассказать, что там произошло.

— Это благодаря моему предостережению он стал таким осторожным, иначе ему бы была суждена та же участь, что и всем остальным. Он бежал, а Уэллер со своим спутником преследовали его. Это мне ясно.

— Да, это так. Но есть еще кое-что. Не думает ли мой брат, что у обоих бледнолицых была только эта причина, для того чтобы покинуть Альмаден?

— Нет, вряд ли. Если бы причина была только одна, то они бы сразу вернулись, после того как они напали на беглеца, но они же поскакали дальше. Вероятно, они с большим нетерпением ожидали фургоны, а когда те не пришли в обусловленный срок, они поскакали навстречу.

— И я так думаю. Не хочет ли мой брат поговорить с Уэллером? Может быть, стоит послушать, что он расскажет про раненого.

Такому приглашению я с большой охотой последовал, потому что мне и самому не терпелось услышать, что скажет наш пленник. Я подождал, пока наши мулы не отдохнут возле быстрого ручья. Геркулес все еще не приходил в себя. Пока Виннету приводил его в себя, я подошел к Уэллеру, который лежал связанным на земле, и спросил:

— Вы, пожалуй, знакомы с тем беднягой, которого так жестоко избили?

— Конечно, я его узнал, — ответил он мне, не задумываясь. — Вы же знаете, что на корабле я имел честь обслуживать вас и его.

— Благодарить нам вас за это не приходится, и было бы лучше, как для нас, так и для вас, чтобы вы о нас не заботились. Теперь Геркулес, возможно, заплатит за ваше внимание жизнью! Это ведь вы нанесли ему прикладом удар по голове, который мог лишить моего соотечественника жизни.

— Я? Что за идея! Мастер, вы хотите быть проницательным человеком, а на самом деле глубоко заблуждаетесь! Как это вы додумались, что именно я захотел его убить?

— Это сделали вы или тот всадник, что ехал вместе с вами. Словом, кто-либо из вас двоих.

— Я слышу утверждение, но где же доказательство? А если на него напал кто-то другой, а я гораздо позже проезжал мимо?

— Рассказывайте такое несмышленому ребенку — не мне! Ведь его ружье осталось у вашего отца!

Мне было ясно, что его спутником был либо отец, либо Мелтон, и я полагал, что вернее придерживаться первой версии. Я был скрыт от него кустом, и он решился на быстрый и необдуманный вопрос:

— Значит, вы все же его узнали? Только из-за меня! Солгав, я ничего не выигрываю. Да, это был мой отец. И вы знаете, почему я это говорю! Дам вам один хороший совет: поворачивайте назад и никогда больше не суйте нос в дела Альмадена. Ваше любопытство дорого вам обойдется.

— Поживем — увидим!

— Смотрите, будет поздно! Я вам сейчас это говорю. Вы не знаете, как обстоят дела, а значит, не представляете себе, что вас ожидает в Альмадене.

— Очень вас прошу рассказать мне об этом!

— И не подумаю! Только хочу предупредить: ваша жизнь зависит от того, как вы будете со мной обходиться. Вас заставят отпустить меня на свободу, а тогда уж я буду решать, как с вами

поступить.

— Ах, так вы считаете, что я стану вашим пленником?

— Да, если только раньше вас не застрелят.

— Ну, а если вы ошибаетесь и я предложу другой сценарий? С тремя сотнями юма, которые собрались к Альмадену, мы охотно встретимся.

— Три… сотни..? Как, вы знаете..?

— Да, мы очень точно знаем, что ожидает нас в Альмадене и что вы так мудро хотели от нас утаить. Скажу вам, что не моя жизнь подвергается опасности, а ваша висит на волоске. Вы оказываетесь в заблуждении, когда…

Я прервал свою речь, потому что в этот самый момент из фургона, в котором находился Геркулес, раздался очень громкий, я бы сказал, дикий крик. Я поспешил туда. Раненый сидел, выпрямившись под натянутым тентом, выпучив налитые кровью глаза, и кричал:

— Отдайте ее, отдайте! Юдит, Юдит, пошли со мной — он же тебя обманывает!

Он сжал кулаки и так сильно заскрежетал зубами, что звук этот был слышен в пятнадцати шагах. Он, правда, очнулся, но еще не совсем и грезил о своей возлюбленной.

Я поймал его кулаки, осторожно, но крепко сжал их своими руками и очень добродушно заговорил с ним. Он прислушался. Глаза его постепенно принимали осмысленное выражение, а потом он жалобно сказал:

— Он ее обманывает, обманывает! Она не замечает его подлость, она зарится на его деньги.

Продолжая с ним говорить все в том же добром тоне, я заметил, что он успокаивается, но ожидаемого действия мои слова не оказали.

— Кто это говорит? — разгневанно произнес он. — Я вас узнал. Вы хотите напомнить мне, что меня предупреждали, а я не обратил на это внимания. Вот я и получил по заслугам. Мелтон отнял у меня Юдит, а Уэллер…

Он запнулся. Только что произнесенная фамилия пробудила в нем новые ассоциации.

— Уэллер! — закричал он. — Где они? Где оба Уэллера? Старший крепко держал меня, а молодой ударил. Где же, где они? Я хочу задушить их своими руками!

Сознание разом вернулось к нему. Он посмотрел на меня, а затем взглянул на фургоны. И вот его взгляд устремился в том направлении, где лежал молодой Уэллер. Раненый узнал своего врага и с быстротой разъяренного человека выскочил из фургона. Я хотел его удержать, но моих сил не хватило. Виннету, помогая мне, тоже ухватился за Геркулеса, но наша попытка остановить его оказалась тщетной: за какое-то мгновение его сила многократно возросла, и атлет с легкостью отшвырнул нас. При этом он взревел:

— Вон, вон он лежит, убийца, сначала разбудивший, а потом ударивший меня. Я убью его!

Он прыгнул на Уэллера, громко закричавшего от ужаса, упал на него и вцепился в горло своего врага. Мы попытались оторвать Геркулеса, но наши усилия закончились ничем! В своем теперешнем возбуждении он, как говорится, и с десятком лошадей бы управился. Он держал горло Уэллера как в железных тисках, издавая при этом звуки, которые нельзя было сравнить даже со звериным рыком, не то что с человеческим голосом. Мы дергали его и тащили, но он даже этого не замечал. Лицо Уэллера все больше краснело — он задыхался. Тогда мы собрали все свои силы и приподняли Геркулеса, но при этом также и Уэллера, шею которого атлет сжимал все сильнее. Мы попытались разжать его пальцы, но напрасно.

Наконец мне пришло в голову, что оторвать Геркулеса от Уэллера поможет боль. И вот я нанес легкий удар атлету по голове, и сейчас же он выпустил противника и обеими руками схватился за ту часть черепа, которой я коснулся. Он стоял и кричал от боли, потом крик перешел в стон, затем он медленно опустился на колени, потом растянулся на земле, закрыл глаза и затих. За чрезмерным возбуждением последовал столь же сильный упадок сил. Когда я

повнимательнее посмотрел на лежащего, то мне бросилось в глаза его жалкое состояние, которое нельзя было объяснить одним ранением.

Естественно, мы осмотрели и Уэллера. Он был мертв, задушен руками того, которого совсем недавно считал убитым. Как быстро и каким ужасным образом сбылись мои слова, сказанные совсем с другими намерениями: «Не моя жизнь находится в опасности, а ваша висит на волоске».

Мы удивлялись, что такое случилось, но к мертвецу сострадания не чувствовали. Скоро его зарыли в землю, а затем мы продолжили свой путь, предварительно снова уложив Геркулеса в фургон.

Об оставшейся части пути я упомяну лишь вкратце, заметив, что после снятия оставшихся постов мы попали в края, где перестала попадаться растительность. И того, что я считал вероятным, не произошло: наши враги не выступили нам навстречу, желая устроить нам засаду. Они ждали нас в Альмадене, полагая, будто в условиях незнакомой нам местности им легче, чем где бы то ни было, удастся с нами расправиться.

Плейер пока не подводил нас, поступал честно, во что я прежде отказывался поверить. Когда мы, по его указаниям, нашли последний пост и захватили его, Плейер сказал мне и Виннету:

— Теперь я вам советую дальше двигаться пешком, а лошадей здесь оставить, потому что в Альмадене воды вы еще, может быть, и найдете, но уж корма — ни за что. Вы должны отыскать подходящее место, где лошади будут находиться в безопасности.

— Известно ли вам такое на этом склоне?

— Да, я знаю одно удобное местечко.

— Но оно должно быть расположено так, чтобы можно было с легкостью отбить вражеское нападение!

— В том месте, о котором я думаю, о нападении врагов нечего и говорить. Оно так укрыто в лесу, что найти вас там будет просто-таки невозможно.

— Но тогда это место нам совсем не подходит, или вы считаете, что мы должны оставить здесь лошадей и мулов, а повозки взять с собой? Как можем мы провести тяжелые и громоздкие повозки туда, где все заросло лесом?

— Тут вы, конечно, правы, мастер.

— А если мы сможем это проделать, то надо учитывать то, что враги увидят наши следы и обнаружат нас. Следы от повозок сохраняются очень долго. Лес, который должен служить нам защитой, станет прикрытием и для нападающих. Значит, место, которое вы посчитали столь подходящим для нас, может, напротив, стать настоящей ловушкой.

— Как же нам найти подходящее для вас укрытие?

— Оно должно располагаться на открытой местности, чтобы приближение врагов можно было заметить легко и заблаговременно, но при этом там должно быть достаточно деревьев, чтобы можно было под ними спрятаться и быть невидимыми издали.

— Значит, достаточно воды, много травы, деревья или кусты, да еще открытая местность вокруг. Такое место нелегко найти. И все же, — добавил он, немного подумав, — одно похожее я знаю, но до него порядочное расстояние.

— Это будет только хорошо. Нас ожидают в Альмадене со стороны дороги. И у нас будет дополнительное преимущество, если мы окажемся в стороне от врага.

— Проехать нам придется еще три часа по меньшей мере, так что приедем мы только под вечер.

— Но в этом ничего страшного нет, потому что сегодня мы все равно ничего не сможем предпринять. Вообще-то вы не должны думать, что мы так вот сразу, всем отрядом направимся

к руднику. У нас с Виннету принято вначале проводить разведку.

— Но вы же потратите слишком много времени!

— Лучше потерять время, чтобы обеспечить свою безопасность, а не двигаться очертя голову навстречу своей гибели.

— Но есть риск, что разведчик может погибнуть или его возьмут в плен, чего никогда не случится с многочисленным отрядом.

— А вы разве не знаете, что бывают такие ситуации, когда одиночка подвергается меньшей опасности, чем многочисленный отряд? Впрочем, мы ведь пошлем не дураков. Я думаю, что в разведку пойдет Виннету.

— Нет, не я, а мой брат Шеттерхэнд, — вмешался апач. — Виннету должен оставаться с больным бледнолицым, если мы его хотим спасти.

Он взялся за исцеление Геркулеса и не хотел покидать своего пациента. Эти человечность и верность долгу побудили меня согласиться с ним, хотя я придерживался убеждения, что Виннету провел бы разведку куда лучше меня.

Мы свернули в сторону с прежнего направления и к вечеру добрались до леска, окруженного со всех сторон прерией. В поперечнике лес достигал, верно, двух тысяч шагов, а значит, места для нас там было достаточно. Нередко деревья стояли так далеко друг от друга, что между ними могли проехать фургоны. Следовательно, их можно было спрятать в лесу. Воды здесь тоже хватало. В последние два часа мы шли за повозками, стараясь как можно лучше затоптать следы, чтобы враг не знал, куда мы направляемся.

Пока мы устраивались в лесу, наступила ночь. Костров мы решили не зажигать. В фургонах было достаточно продуктов, для приготовления которых не нужен огонь. Я еще ужинал, когда ко мне подошел Виннету, находившийся возле Геркулеса, и сказал:

— Мой брат должен пойти со мной к больному. Тот пришел в сознание и хочет поговорить с моим братом. Он спрашивал меня, и я ему рассказал обо всем, что он хотел знать.

Геркулес лежал в мягкой траве возле фургона, в котором его перевозили, голову ему положили на попону. Когда я подсел к нему, он протянул мне руку и сказал очень медленно, тихим от болезни голосом:

— Я слышал от индейца, который за мной ухаживал, что вы здесь и что вам я обязан жизнью. Дайте мне вашу руку! Как я обрадовался, услышав, что вы здесь! Вы же были в плену! Как вы освободились?

Я рассказал ему обо всем случившемся, вплоть до того момента, когда мы нашли его бездыханным. Он ничего не знал, что с ним произошло после того момента, как Уэллер ударил его по голове. Когда я закончил рассказ, он очень удивленно спросил:

— Неужели то, что вы рассказали, правда? Я придушил Уэллера?

— Да. В горячечном бреду вы говорили, что он вас пришиб. Это правда?

— Да. А за то, что я сделал в бреду, мне не надо отвечать.

— Что вы должны были пережить! Вы мне об этом расскажете позже — теперь вы слишком слабы для этого.

— О, нет, мне уже лучше. Голова, правда, еще причиняет боль, но вы же знаете, что у меня слоновья натура. Когда я говорю медленно и тихо, это меня не утомляет. Дайте же мне рассказать обо всем. Если вы прибыли спасать моих спутников, то должны как можно скорее узнать, что произошло в горах.

— Я, конечно, очень хочу об этом услышать. Вы были захвачены Большим Ртом, а потом выпущены на свободу. Мелтон и Уэллеры тоже стали свободными, так же, как и асьендеро. Что же произошло потом?

— Вы совершенно справедливо предупреждали нас: за нами охотились. Мелтон купил у

асьендеро его имение, ну а мы, таким образом, стали его работниками.

— Да, я припоминаю один абзац в контракте, где указывалось, что все права асьендеро переходят к его возможному преемнику. Это было, как я теперь понимаю, продумано заранее. Но вас-то наняли работать на асиенде, в земледелии и скотоводстве, значит, вы могли не спускаться в шахту.

— Вы считаете, что последнее произошло по нашей воле? Мы ничего не знали о ртутных рудниках. Мелтон обманул нас, сказав, что всего в неполном дневном переходе от асиенды расположена маленькая, принадлежащая ему эстансиа, где мы пока должны работать. Уэллеры должны были отвести нас туда, тогда как сам Мелтон поскакал с асьендеро в Урес, чтобы оформить покупку по всем правилам. Мы дали свое согласие, потому что на асиенде нас никто не спас бы от голода, и мы отправились с Уэллерами. Но после целого дня пути вместо эстансии мы обнаружили лагерь индейцев — триста человек и четыре сотни лошадей. На лишних лошадях мы должны были ехать, а остальные были вьючными и предназначались для перевозки разных грузов. Нас привязали к лошадям, и мы отправились в путь, так и ехали день за днем, до самого Альмадена. Там есть проклятущая дыра, входное отверстие шахты, в которую нам пришлось спуститься.

— Вы даже не пробовали сопротивляться?

— О себе я говорить не буду, потому что я если бы туда спустился, то теперь находился бы под землей, а не здесь, с вами; но другие, дети, женщины и старики — что они могли сделать? Несколько человек против трехсот дикарей! Нам стали угрожать смертью, если мы не согласимся. Женщины и дети не могли и думать о том, чтобы как-нибудь защищаться. Ну, а мужчины, чтобы уберечь их от жестокого обращения, вынуждены были покориться судьбе.

— Что же произошло потом с теми, кто оказался в шахте?

— Откуда я знаю? Я же не пошел с ними вниз.

— Ах, так! Вы не попали со своими спутниками в шахту! Как это вам удалось?

— Очень просто. Когда с меня сняли ремни и подтолкнули ко входу, я прорвал цепь сторожей, опрокинув нескольких индейцев, а у одного даже вырвал ружье, которое он держал в руках. В меня не стреляли, потому что хотели захватить живым, это и помогло мне спастись. Краснокожие пустились за мной в погоню. Я сильный парень, но бегун плохой, однако страх придал мне силы, и я припустил во всю мочь. Тем не менее быстрые индейцы поймали бы меня, если бы я не провалился под землю. Они потеряли меня из виду, и я смог остаться в своем укрытии.

— Невероятно! Если они бежали за вами, то должны же были добраться до того места, где вы провалились?

— Да, но я же бежал не по прямой, я все время менял направление, и они иногда теряли меня из вида. И вот я добежал до края скалы, завернул за нее, стараясь укрыться от их глаз, потом еще раз повернул, и вот тут земля подо мной провалилась, и я упал в яму.

— Я узнал, что тамошние скалы сложены из известняка, а в этой породе всегда много естественных пустот.

— Нет, это была не обычная выемка, а штольня, круто уходившая вниз.

— Вы ее успели осмотреть?

— Этого я сделать не смог, потому что было темно, а огня у меня не было. Я прошел недалеко по этой штольне, потому что посчитал дальнейший спуск опасным. Потом я стал карабкаться вверх, осторожно шаг за шагом нащупывая путь ногой. И хорошо, что я был таким предусмотрительным, потому что иначе я бы упал вниз, так как очень скоро оказался на краю пропасти.

При этих словах мне вспомнилось упоминание Плейера о пещере, круто обрывавшейся в

пропасть. И я спросил:

— Можете ли вы подробно описать мне место, в котором вы провалились под землю?

— Я мог бы описать вам весь Альмаден.

— Это сослужит нам хорошую службу. Значит, вы имели возможность осмотреться на местности, хотя старались, чтобы вас не увидели?

— Я решился на это ради Юдит. Она была единственной из нас, кого не связывали по дороге, а потом ее не принуждали сойти в шахту. Как раз тогда, когда меня развязывали, чтобы отправить вниз, она высмеяла меня и сказала, что я буду внизу копать ртуть, а она станет наверху подругой хозяина рудника. Это придало мне отваги, гнев удесятерил мои силы, и я прорвался через толпу индейцев, а потом бросился разыскивать Юдит.

— Как же вы выбрались из той глубокой норы?

— Накладывая камни один на другой.

— Ну, и вы нашли Юдит?

— Мне не удалось обнаружить место ее пребывания, потому что я мог выходить только по ночам, но однажды я ее встретил. Сначала она испугалась, а потом стала приветливой. Она пообещала, что покажет мне свое жилище, но сначала она должна была убедиться, что Мелтон крепко заснул, чтобы тот не мог меня обнаружить.

— И вы ей поверили?

— Да, но когда она ушла, меня одолели сомнения, и я покинул место, где должен был ее ожидать, а сам спрятался поблизости. Она не пришла, зато появились Мелтон и оба Уэллера, а с ними несколько индейцев. Они явно рассчитывали меня схватить.

— Значит, эта красотка предала вас. Как может такой человек, как вы, еще любить подобное создание! И долго ли вы пользовались своим укрытием?

— Два дня назад меня выгнал оттуда голод, и я, естественно, пошел той же дорогой, какой нас привезли в Альмаден. Если бы мне удалось добраться до населенных мест, я бы привел помощь моим бедным спутникам. Но вот я встретил здесь вас, и мои надежды окрепли.

— Чем же вы питались?

— Той скудной растительностью, которая там произрастает. Немного воды я нашел в своем укрытии: я слизывал капли со стен.

— Ужасно! А дичь вы подстрелить не могли?

— У меня не было патронов. Когда я, словно жвачное животное, съел всю траву в округе, мне нужно было уходить.

— Вас не задержали?

— Нет.

— Значит, индейцы не охраняют окрестности?

— До сих пор этого не было, но я видел и слышал, как они все время искали меня. Я шел целый день по выжженной пустыне, прежде чем мне снова стали попадаться трава и деревья. Вот тогда-то я и повстречал одинокого индейца, который, конечно, направлялся в Альмаден, но ко мне он не стал приближаться, потому что у него были только лук да стрелы, а в моих руках он увидел ружье. Разумеется, он сообщил в Альмадене, что видел меня, и оба Уэллера быстро поскакали за мной в погоню. Ну, а что произошло дальше, вы уже знаете.

— Да, знаю, ну, а чего пока не знаю, вы мне еще расскажете. Или вы чувствуете себя слишком слабым?

Говорил Геркулес, конечно, очень медленно, с паузами, но поспешил меня заверить:

— Если я буду говорить тихо, то смогу еще долго выдержать. Череп у меня, видимо, крепкий, как у бизона, и скоро я справлюсь с последствиями ранения.

— Да, Уэллеры не знали о крепости вашего черепа и посчитали вас мертвым. А теперь я

прошу вас поточнее вспомнить, как выглядит Альмаден и ваше укрытие там, чтобы обо всем этом в деталях рассказать мне.

— Мы ехали туда по пустынной всхолмленной земле. Ширина этой пустыни составляет целый день конной езды. За ней местность начинает довольно быстро понижаться, образуя обширную впадину почти идеально круглую, которая, кажется, раньше была занята озером. Посредине ее расположен большой скалистый выступ, который сегодня и называется Альмаденом. Он выглядит словно гигантская скальная плита. Забраться на него можно с двух сторон. Наверху, на скальном плато, почти посредине его, стоит дом, сложенный из плитняка — только крыша да четыре стены. В этом доме находится вход в шахту.

— Откуда можно забраться на верх этого массива?

— С севера и с юга. Восточная сторона почти отвесная, а по западной проложен короткий подземный ход: там находится и мое укрытие.

— Как мне его лучше всего найти?

— Почти в середине западной стены расположен крупный обломок скалы, который, кажется, когда-то скатился сверху. Слева этот обломок вплотную прилегает к стене массива, а справа образовался широкий зазор, весь заполненный осыпавшейся галькой. С левой стороны, то есть к северу от скального обломка, горная порода так вымыта текучими водами, словно раньше сверху здесь бежал ручей. Промоина переходит с правой стороны скалы на левую. Вот около нее я тогда и бежал от преследователей, как вдруг внезапно провалился под землю. Вы не сможете сбиться с пути.

— Значит, я должен левее скального обломка подниматься вверх по промытому водой руслу?

— Да. Вы его заметите уже издалека. За третьим поворотом я провалился. Отверстие в штольню открыто не полностью. Перед тем как уйти, я забросал его камнями, насколько мог, но глаз Олд Шеттерхэнда сразу же увидит это место.

— А подземный ход, или штольня, где вы были, обложен камнем?

— Да, в том месте, где я провалился — это я смог увидеть, потому что сверху через отверстие падал свет. Есть ли кладка дальше, я сказать не могу.

— Ладно, об этом я узнал достаточно. Хотелось бы теперь спросить вот еще о чем. Ваша любимая Юдит свободна, как вы мне говорили. А где же находится ее отец, бывший ломбардщик?

— Послан работать в шахту, как и все остальные мои спутники.

— И Юдит ни словом не вступилась за своего отца?

— Нет.

— Тогда не обижайтесь на меня, но ваша пассия — какое-то коварное создание, несмотря на свою красивую внешность. Если бы она попала ко мне в руки, я бы, пожалуй, не слишком нежно с ней обращался.

Тогда Геркулес, раненный не только в голову, но и в сердце, быстро и озабоченно спросил:

— Но вы же не станете этого делать?

— Что же, скажу вам прямо, что если бы это была не девица, а юный шалопай, то он заслуживал бы хорошей порки.

— Ради Бога, не говорите так! Насколько я вас понял, вы сделаете все возможное и невозможное, чтобы она вместе с Мелтоном попала к вам в руки. Но я буду поистине несчастлив, если после этого вы прикажете высечь ее! Подумайте о том, что она ведь моя невеста!

— Она же постыднейшим образом предала вас и бросила! «Несчастье», о котором вы упомянули, скорее всего не повредит ей, а, наоборот, послужит ей наукой в противовес

постоянному безудержному восхвалению ее достоинств. Но ваше сердце получило еще больший удар, чем ваша голова; вы больны вдвойне и достойны тройного сожаления, но я хочу успокоить вас обещанием, что не позволю, по крайней мере, отшлепать вашего ангела.

— Вы просто не представляете себе, как могут любить женщины!

— Послушайте-ка, дорогой мой друг и несчастливый любовник! Человек, на голове которого красуется такая шишка, должен думать о липком пластыре или содовом шипучем порошке, а не о женской любви. И я позволяю говорить своему сердцу: я счастлив, что у меня была мать, которая в каждую минуту своей жизни доказывала, что подлинная, настоящая любовь женщины олицетворяется в материнской любви, являющейся великолепным отражением Божьей любви. Может быть, когда-нибудь я узнаю любовь другой женщины, но, конечно, эта женщина не будет иметь ни малейшего сходства с вашей Юдит. Я пожелаю вашему сердцу такого же основательного выздоровления, какого вы можете ожидать для своей бедной головы от эскулапа Виннету.

Меня просто приводила в бешенство бесхарактерность человека с таким сильным телом. Я оставил его в покое и подошел к Плейеру, чтобы узнать, правильно ли я догадался о размещении его пещеры. Он заметил, что я говорил с Геркулесом, и, когда я к нему подошел, спросил:

— Весьма вероятно, что этот человек рассказывал вам про Альмаден. Меня удивляет, что он смог оттуда выбраться. Как это ему удалось?

Я посчитал необязательным рассказывать ему всю правду, а потому отделался отговоркой:

— А вы считаете, что оттуда очень сложно убежать?

— Практически невозможно, если при этом человек находится в шахте.

— Разве у рудника только один вход? Разве снизу на поверхность не выходит штольня?

— Нет. Рудник очень старый. Кажется, его заложили еще первые испанские завоеватели. Если в те далекие времена и была штольня, то она давно обрушилась.

Когда я попросил Плейера дать описание Альмаден-Альто, он рассказал мне все в точности так, как об этом только что говорил Геркулес, но после еще добавил:

— Да зачем вам это описание! Я слышал, что вы отправляетесь в разведку — так возьмите меня с собой в проводники, и я покажу вам все лучше, чем мог бы рассказать.

— Во-первых, мне жаль лишать вас отдыха, а, во-вторых, мне не надо никакого проводника!

— Вам не нужен проводник? Но ведь ваш поход весьма опасен, а вы еще никогда не бывали в этом месте. Как легко вы можете попасть в руки своих врагов!

— Обо мне не заботьтесь! Я не раз удачно пробирался по опаснейшим тропам, а вот если вы вместе со мной попадете в руки Мелтона, то на собственном опыте убедитесь, как трудно вырваться из Альмадена. Что мне нужно было узнать, я узнал. Если вы хотите к этому что-то добавить, то прошу вас описать мне положение пещеры.

— Что ж, я расскажу вам о пещере. Вы придете в Альмаден с запада. Перед вами будет круто вверх уходить скальная стена. Почти у подножия ее, примерно посередине, находится крупный обломок скалы, скатившийся сверху и оставшийся лежать на том же самом месте. С правой стороны этого обломка, между ним и скальной стеной, когда-то была пустота, но теперь эта выемка почти вся заполнена галькой. Поднимитесь по этой осыпи и удалите верхний ряд камней, перед вами как раз и откроется вход в пещеру.

— И она совсем пустая?

— Совсем, если не считать воды, залившей боковую пещеру. Может быть, эта пещера окажется вам полезной. Вы хотели знать только это? Больше ничего?

— Только это.

— Я думал, что вы очень хотите узнать, где живет Мелтон.

— Конечно, но я надеюсь, что сам найду его жилище.

— И не мечтайте! Это место так искусно скрыто, что даже самый зоркий глаз не сможет его обнаружить. Я бы сказал, что его дом скорее похож на укрытие, место временного проживания, поскольку позже Мелтон намерен построить настоящий дом. Это убежище расположено подобно ласточкиному гнезду, но не на внешнем обрыве горного массива, а на внутреннем, так что снизу до него добраться невозможно.

— Я о нем знаю! — прервал я Плейера. — Оно расположено с восточной стороны массива.

— Как? Вы уже знаете? — спросил он удивленно. — Кто же рассказал вам об этом?

— Вы. Ведь сами вы только что сказали, что оно расположено на скале, а снизу до него невозможно добраться — об остальном очень легко догадаться. Если это убежище недостижимо снизу, то оно должно располагаться на той стороне массива, по которой невозможно забраться. Но как с севера, так и с юга можно попасть на плато, значит, обе эти стороны исключаются. На западе расположена ваша пещера, тайну которой вы не смогли бы сохранить, если бы прямо над ней располагалось убежище Мелтона, потому что он увидел бы, как вы входите в нее или выходите. Значит, остается только восточная сторона — там он и должен жить.

— Конечно, это так. Мастер, теперь я верю, что если вам назвать только одну букву «а», вы изобретете целый алфавит!

— Все не так уж плохо, но раньше не раз крайняя нужда заставляла меня хорошенько задуматься, и расчеты, поначалу такие сложные, а также логические выводы со временем стали для меня легче легкого. Как и всегда, нужда становится лучшим учителем.

— Ну, что ж, посмотрите, действительно ли она такая хорошая учительница. В таком случае вы, может быть, сами сумеете определить, как лучше пробраться к убежищу Мелтона, и мне совсем не надо ни о чем намекать вам?

— Пожалуй, это так. Мне достаточно только прийти туда и посмотреть на плато.

— Это вам ничего не даст. Вы ничего не разглядите.

— Разве? Например, можно узнать, открытая котловина у плато или закрытая. Кроме того, можно установить, какова там, наверху, почва, или же плато слагают одни голые камни.

— Плато покрыто щебнем, вынутым из шахты и разбросанным повсюду! Ну, и такое простое наблюдение не поможет вам определить, каким путем добираются до убежища Мелтона!

— Это можно называть «определять», «делать вывод» или «догадываться» — как хотите… Но дорогу к его жилищу я знаю.

— Значит, о ней вам все же кто-то рассказал!

— Я говорил об этой дороге только с вами и знаю только то немногое, что вы мне сказали.

— Вы просто заражаете меня любопытством. Не хотите ли сказать мне, о чем вы догадались?

— Почему же не сказать? Ведь для вас-то это не тайна, что надо немножко спуститься в шахту, чтобы попасть потом в жилище, о котором мы говорим.

— Бог ты мой, да он действительно знает это, знает! — воскликнул Плейер так громко, что все стали обращать на нас внимание. — Но как же это возможно, если только вы не пользовались другим источником, кроме моих рассказов?

— Но это по меньшей мере так же легко, как и моя чуть более ранняя догадка. Вы же сказали, что снизу добраться до жилища нельзя, значит, вход надо искать наверху. Так как убежище увидеть нельзя, то оно расположено не на самом верху, вблизи края скалы, потому что тогда его можно было бы раскрыть, стоит только посмотреть вниз. Значит, укрытие надо искать ниже. Из всего сказанного следует, что дорога не может вывести прямо на плато, она должна находиться где-то под поверхностью земли. Если путь в убежище расположен слишком глубоко,

то должен существовать вход, куда надо спускаться, но там же нет никакой дыры, никакого открытого или скрытого отверстия, кроме шахты. Следовательно, можно наверняка предположить, что тайный проход начинается внизу, в шахте. У вас есть какие-либо сведения относительно того, как расставлены индейцы?

— Нет. Но я могу показать вам место, где, судя по всему, они держат лошадей.

— Этому еще не пришло время. Старший Уэллер сообщит о нашем появлении, значит, индейцы соберутся в большинстве своем на западной стороне Альмадена и пошлют нам навстречу разведчиков. Охраняется ли дом, под которым находится вход в шахту?

— Да. Там постоянно дежурят двое индейцев, чтобы помешать побегу рабочих, хотя это практически невозможно.

Я хотел бы еще порасспросить и асьендеро. Ведь он, как бывший владелец Альмадена, должен был знать местность. Но я, с одной стороны, вообще не хотел иметь дел с этим неблагодарным субъектом, а, во-вторых, я предполагал, что он может дать мне неверные сведения и тем самым введет меня в заблуждение.

Виннету я ни о чем не стал рассказывать. Если один из нас что-то предпринимал, то другой знал, что задача эта будет, насколько возможно, выполнена. Можно было, конечно, обменяться мнениями, посоветоваться, но мы думали почти одинаково, так что этого не требовалось. Апач только спросил меня, когда я отправляюсь на разведку.

— Еще до наступления дня, — ответил я. — Мне придется идти в обход. Юма ожидают нас с запада, поэтому мы придем с юга, где никто нас не заметит. Несмотря на такой крюк, я надеюсь, что мы доберемся к вечеру.

— Мой брат Шеттерхэнд говорит «мы». Он поедет не один?

— Нет. Мне нужен один сопровождающий, который присмотрит за лошадьми и за оружием, если я вынужден буду спускаться в шахту.

— За лошадьми? Мой брат хочет ехать верхом, хотя там нет травы?

— В наших фургонах есть достаточно риса и кукурузы. Мы возьмем с собой такое количество крупы, которого бы нам хватило на короткое время.

— А кто же будет сопровождающим?

— Младший брат Убийцы юма. Дорога нам предстоит нелегкая, но я убежден, что он будет стараться, чтобы оказаться достойным моего доверия.

— Виннету уверен, что белый брат хорошо продумал свои планы. Юный мимбренхо должен как можно скорее получить имя, подобно своему старшему брату, который благодаря Олд Шеттерхэнду так быстро стал известным воином.

Действительно, и это входило в мои намерения. Вообще говоря, было очень рискованно брать с собой в такую опасную поездку неопытного мальчишку, но я питал к нему не меньшее доверие, чем к любому более старшему воину мимбренхо.

Все, в чем мы нуждались, то есть запас еды для нас и корм для лошадей, было вскоре готово. Еще до наступления дня мы собирались выехать. Как же я удивился, когда к нам подошел Виннету и сказал:

— Может так случиться, что мои братья должны будут уходить от погони, но лошадь юного мимбренхо не может сравниться в скорости с жеребцом Олд Шеттерхэнда. Значит, мимбренхо должен ехать на моем коне — тот наверняка принесет юношу назад.

Чтобы апач доверил своего знаменитого жеребца другому, да к тому же еще мальчишке — это было чудом, а одновременно верным знаком того, что он необычайно расположен к маленькому мимбренхо. Тот посчитал невозможным отклонить столь великодушное предложение, и вот мы помчались, оба на хороших конях, наслаждаясь утренней свежестью, держа направление на юг.

Часть вторая

Глава первая
ПОД ЗЕМЛЕЙ

Груз у наших лошадей был тяжелый, потому что мы предусмотрительно запаслись на три-четыре дня всем необходимым, что могло потребоваться в пути. Мы взяли с собой не только провизию для себя и корм для лошадей, но и самые разные вещи, которые, как предполагалось, будут нам полезны. К таковым относились, например, пакет свечей и связка факелов. И то, и другое мы обнаружили в фургоне в изрядном количестве; так как свечи и факелы применяются для освещения под землей, то Мелтон заказывал их у одного купца в Уресе. В повозке также находились и три больших бочки с керосином. Как и раньше, во многих других отношениях, так и теперь было видно, что Мелтон уже все подготовил для своего «мероприятия» еще прежде, чем заключил договор с асьендеро. Так же он подробно обо всем договорился с юма и передал им для транспортировки все, что немедленно было использовано.

Геркулес даже рассказал мне, что триста индейцев-юма перевозили этот груз на четырех сотнях лошадей, то есть животных было на сотню больше, чем потребовалось для перевозки самих людей. Допустим, что шестьдесят из этих лошадей были необходимы для немцев, но и тогда оставалось еще сорок вьючных лошадей, тяжело нагруженных вещами, которые надо было немедленно переправить в горы.

Разумеется, я рассказал еще до нашего отъезда о своих намерениях Виннету, чтобы он знал, где нас искать, если что-нибудь случится и мы не вернемся через четыре дня. Вполне естественно, что он прежде всего должен был узнать, что я хочу исследовать пещеру Плейера и открытый Геркулесом ход. Это было началом нити, по которой он должен был пойти, если ему придется нас искать.

Так как вчера мы отклонились от нашего пути, то сегодня я вынужден был прежде всего отправиться с маленьким мимбренхо назад, по последнему отрезку вчерашнего пути, с удовлетворением убедившись при этом, что отпечатки копыт лошадей и колес больше уже не видны. Когда же мы добрались до места, где появились следы, то с полным основанием предположили, что в течение дня они исчезнут. Это замечание удовлетворило меня на тот случай, если Мелтон вышлет нам навстречу шпионов. Я мог быть уверен, что его люди не смогут найти место нашего лагеря.

После того как мы часа четыре ехали в южном направлении, мы повернули на восток и вскоре заметили, что растительность исчезает. Началась пустыня. Там, где виднелись последние островки травы, мы остановились, чтобы дать лошадям хотя бы часок отдыха и предоставить им возможность пощипать чахлую травку. Потом мы отправились дальше.

Мы скакали по настоящей пустыне. Земная поверхность образовывала пологие волнообразные валы, между которыми находились мелкие углубления, и повсюду видны были только скалы, только камни, только галька или песок. Не попадалось ни кустика, ни травинки. И эта голая земля поглощала лучи палящего солнца, пока не пропитывалась ими. Обжигающий, раскаленный воздух стелился по земле слоем в четыре — пять футов высотой, сравнимым со сверкающим озером. Дышалось с трудом, пот заливал мне лицо, но это надо было выдержать. Мы продолжали скакать, не останавливаясь, все дальше и дальше, потому что должны были еще до наступления вечера добраться до Альмадена, если не хотели терять целый день.

Мы почти не разговаривали между собой. Мимбренхо не мог позволить себе начать со мной беседу, а меня утомительная однообразность езды не располагала к разговорам. Так в молчании и шло время, пока я не сказал себе, что теперь Альмаден должен лежать к северу от нас. И мы повернули в этом направлении, зорко озираясь вокруг и одновременно внимательно

разглядывая землю — а вдруг на ней появится какой-нибудь след.

Когда солнце почти коснулось горизонта, вдали перед нами появилась невысокая, но резко вырисовывавшаяся на фоне вечернего неба скала, которая постепенно вырастала по мере нашего приближения к ней.

— Вот это и должен быть Альмаден, — сказал я. — Теперь нужно соблюдать предельную осторожность.

— Разве наш великий брат Олд Шеттерхэнд не хочет спешиться? — почтительно спросил мальчик.

Да, он был прав. Всадника можно увидеть с гораздо большего расстояния, чем пешехода. Правда, я все равно скоро бы слез с лошади, но то, что он сделал это замечание, обрадовало меня, потому что показывало, что юноша обладает сметкой. Дальше мы пошли пешком, ведя лошадей в поводу за собой.

Холмистая местность кончилась, и мы пошли по гладкой равнине, словно кольцом окружавшей Альмаден. Хотя видно было очень далеко, но мы не заметили ни одного человека, что было по меньшей мере странно.

Но вот местность внезапно стала понижаться. Мы стояли на краю котловины, посреди которой возвышался Альмаден, или скорее — мы стояли на берегу высохшего озера, в центре которого поднимался скалистый остров, который теперь был назван Альмаденом.

Я все же немного ошибся, так как однообразность местности сильно затрудняла расчеты. Мы подъехали к Альмадену не с юга, а с юго-запада, что правда, было опаснее, потому что я предполагал, что индейцы находятся с запада. Правда, вышло даже для меня лучше, потому что я увидел место, которое в другом случае должен был бы искать, а именно, тот скальный обломок, о котором рассказывали Плейер и Геркулес.

Огромный скальный бастион, поднимавшийся посреди бывшего озера, образовывал почти правильный куб, грани которого были ориентированны почти точно по странам света. Так как мы подъезжали с юго-западного угла, то мы сразу увидели и южную, и западную стороны. Южная стена уходила, правда, вертикально вверх, но в нее врезалась глубокая ложбина, в которой с первого взгляда угадывался путь наверх. А это все совпадало с тем, что мне рассказывал Плейер, а именно: на плато можно подняться как с северной, так и с южной стороны.

Западная стена была отвесной, вертикаль нарушалась только в самом низу, посредине, так как именно там лежал свалившийся сверху скальный обломок. Мы отчетливо увидели осыпь перед зазором, образовавшимся между блоком и скальной стеной. Галька заполняла и весь зазор.

Чтобы добраться до этого обломка скалы, нам надо было десять или пятнадцать минут ходьбы, но мы не могли на это отважиться, хотя ни одного человека не было видно. Наверху, на плато, безусловно, находились люди, и если хотя бы один из них стоял у южного края, он обязательно бы увидел нас, как только бы мы решились приблизиться к Альмадену.

Прежде всего надо было установить, где находятся индейцы. Этим я и хотел заняться, оставив мимбренхо сторожить коней. Я отправился по краю бывшего озера на запад. Укрыться мне было негде, и приходилось все время быть настороже: можно было предположить, что, как только я увижу человека, он в ту же секунду заметит меня.

Я прошел уже довольно большое расстояние, когда заметил на северо-западе легкое полупрозрачное облачко, медленно поднимавшееся вверх, расползавшееся и вскоре совсем исчезнувшее. Это был дым, и притом дым от индейского костра, который поддерживали очень небольшим количеством дров, отчего и не валили черные клубы. Я прошел еще некоторое время в прежнем направлении, но потом вынужден был согнуться и передвигаться даже на

четвереньках.

Вскоре я увидел пять или шесть шатров, возле которых сновали люди. Отважившись приблизиться еще больше, я должен был совсем лечь и передвигаться ползком, иначе бы меня заметили. Теперь меня отделяло от палаток совсем немного, я мог даже различить рисунки, которыми они были украшены.

Каждый индеец украшает свою палатку, по меньшей мере — полотняную летнюю палатку, своим родовым знаком или картинкой, изображающей какое-нибудь значительное событие из его жизни. По одной из этих палаток извивалась нарисованная красной краской большая змея, на другой была изображена лошадь, на третьей — можно было увидеть волка. Между палатками ходили индейцы, кое-где обитатели лагеря расположились группами прямо на земле. Перед палаткой со змеей были воткнуты в землю два копья, вероятно, это была палатка вождя.

Понаблюдав за лагерем еще какое-то время, я посчитал, что видел достаточно, потому что теперь я знал, где находятся юма и каких опасных мест мне следует избегать. Я уже хотел поворачивать обратно, когда из упомянутой палатки вышли трое: двое мужчин и одна женщина. Ее-то я узнал сразу — это была красавица еврейка Юдит. Одним из мужчин был Мелтон, другим — индеец, видимо, хозяин палатки. Они еще немного поговорили между собой, потом индеец исчез в палатке, а Мелтон с Юдит удалились по направлению к руднику, при этом она держалась за его руку. Если бы бедный Геркулес увидел такую интимную близость, он бы пришел в бешенство.

Это было хорошо, что сразу же после своего прибытия в Альмаден я увидел Мелтона, но это обстоятельство представляло для меня немалую опасность: парочка прошла так близко, что, увидев меня, они сразу бы узнали, кто к ним пожаловал. Я лежал в рыхлом песке и так быстро, как только было возможно, вырыл руками окопчик, который мог дать мне хоть небольшую защиту, чтобы скрыть от случайного взгляда.

Страха я не чувствовал вовсе. Если бы Мелтон меня и увидел — что ж, еще ничего не было бы потеряно — я знал, что мне делать в этом случае. Чем я себя подстраховывал, так это бичом, с помощью которого я мог избавиться от краснокожих. Однако было бы лучше, если бы этого не произошло. Мелтон и Юдит прошли мимо, даже не взглянув в ту сторону, где я лежал. Они мило болтали между собой, смеялись, чувствовалось, что они явно в очень хорошем настроении, куда лучшем, чем то, в котором находился отец девушки, пребывавший глубоко в недрах поднимавшейся передо мной скалы. А парочка направилась на северную сторону скального массива, скрывшись от меня за его западным краем.

Теперь я мог отправляться назад. Я сделал это так же, как и пришел: сначала пополз по-пластунски, потом поднялся на четвереньки, наконец, когда меня уже больше не могли увидеть, выпрямился во весь рост. Солнце тем временем скрылось, и наступили такие короткие для тех краев сумерки. Когда я добрался до наших коней, то следовало еще лишь немного подождать. С одной стороны, надо было дожидаться темноты, чтобы нас не увидели, но вместе с тем должно было быть достаточно светло, чтобы мы могли без большого труда увидеть вход в пещеру.

Когда наступило удобное время, мы галопом поскакали вниз под уклон, а потом по дну бывшего озера к скальному блоку. Там мы спешились и полезли вверх по осыпи.

Шли мы быстро, и скоро у наших ног открылось отверстие, которое становилось тем шире, чем больше камней мы откидывали. Когда отверстие расширилось настолько, что в него можно было пролезть, я взял в руки факел и стал спускаться в пещеру. Это мне удалось легко, потому что осыпь с внутренней стороны оказалась пологой. Добравшись донизу, я увидел, что все в точности соответствовало описанию Плейера. Пещера была вдвое выше человеческого роста, и в ней легко могли разместиться около сотни человек. В маленькой боковой пещере дно покрывала холодная вода с привкусом извести. Заднюю часть пещеры я хотел изучить позднее, когда мы

приведем коней. Они, конечно, тоже должны находиться в пещере, потому что если бы мы их оставили снаружи, то рано или поздно лошади выдали бы ржанием свое присутствие.

Следовательно, нам, пришлось расширить входное отверстие до высоты конской холки, что отнюдь не было приятной работой, так как трудиться приходилось без инструмента, голыми руками, а на освободившееся место постоянно сыпалась галька. Когда мы наконец расчистили достаточный проход, мы привели в пещеру коней. Это оказалось делом потруднее. Каких-то других лошадей мы бы вообще в пещеру не затащили или наделали бы при этом много шума, который мог нас выдать, но оба благородных животных поднимались покорно по грудам камней и остановились в нерешительности только перед самым входом в пещеру, осторожно поводя ушами и раздувая ноздри. Я упрашивал их и гладил, но все было напрасно. Моя Молния, правда, хотела подчиниться, выставляя переднюю ногу вперед, но тут же убирала ее на прежнее место, потому что камень под ее копытом шевелился. Наконец конь все же решился и скорее заскользил, чем зашагал вниз.

Потом та же процедура была проделана с Ильчи, жеребцом Виннету, который съехал вниз быстрее Молнии, соскользнув на крупе. В награду животные смогли напиться вдоволь воды и получили свою порцию кукурузы. После того как лошади были устроены, я смог заняться изучением закоулков пещеры, точнее говоря, их осмотром, потому что быстрый взгляд в бездну не назовешь ее изучением.

Когда я бросил в эту пропасть камень, то должен был напрячь свой слух, и прошло довольно много времени, прежде чем до меня донесся очень слабый звук, говорящий о том, что камень достиг дна. Да, тот, кто упадет в эту пропасть, несомненно, погибнет.

Плейер не знал, как широка и глубока эта пропасть, потому что у него не было подходящего освещения. Мой же факел светил достаточно ярко и далеко, чтобы я, приблизившись к краю обрыва, смог увидеть другой край трещины. Плейера обманула темнота, я же увидел, что ширина трещины составляет не больше десяти или одиннадцати локтей. Пока я осматривался вокруг, юный мимбренхо присел на корточки и занялся изучением почвы. Сначала он потрогал землю пальцами, потом начал рыть ножом.

— Не хочет ли Олд Шеттерхэнд посмотреть на какую-то дыру? — сказал он, выбрасывая лезвием клинка землю.

— Видимо, образовалась от капель воды, которые падали с потолка, — ответил я.

— Тогда бы эта дыра была круглой, а так она квадратная.

— Ну-ка, покажи!

Я наклонился и стал ему помогать. Действительно! Это было четырехугольное углубление в почве, уходившее вниз на длину ступни, а в ширину достигавшее размеров пяди.

— Давай поищем, может быть, здесь есть другие подобные ямки, — сказал я, и вскоре мы нашли еще три таких же углубления. Когда мы удалили заполнявшую их землю, мимбренхо вопросительно посмотрел на меня. Я подбодрил его:

— Если мой юный брат хочет высказать свои соображения про эти ямки, пусть говорит.

— Я ничего не могу сказать, — ответил он. — Может быть, их рыли, собираясь что-нибудь спрятать. Но что можно спрятать в таких ямках? Олд Шеттерхэнд, конечно, об этом знает больше.

— Об этом нетрудно догадаться, но язык моего брата не находит для этого подходящих слов. Знаешь ли ты, что такое крепежный брус или скоба?

— Нет.

— Железо или дерево, которое надо забить в землю или в стенку, чтобы дать опору какому-нибудь предмету или грузу. А эта тяжесть, о которой идет речь, была мостом через трещину. Если бы мы оказались на той стороне трещины, то нашли бы, как я предполагаю, четыре точно

таких же ямки.

— А где же сам мост?

— Его разрушили. Может быть, даже те же самые люди, которые им пользовались, сбросили его в пропасть. Надо было скрыть, что над пропастью когда-то был переброшен мост. Поэтому ямки тщательно засыпали, чтобы пришедшие позже люди не смогли их заметить. Но глаза моего юного брата оказались достаточно острыми.

— Нет, не глаза. Я почувствовал носком своей ноги землю, более мягкую, чем окружающие скалы. Да, жаль, что нет моста; если бы он еще существовал, мы бы могли перейти на ту сторону.

— Нам вовсе не нужен мост, потому что мы другим способом попадем в подземный ход, начинающийся на той стороне. Там есть, как я предполагаю, пролом; в него мы и проникнем.

— Когда?.. Сегодня вечером?

— Нет, завтра. Пролом заделан, и я не смог бы найти его в темноте, а свет мы не можем зажигать, чтобы не привлечь к себе внимание. Когда же наступит день, мы проберемся в подземный ход и исследуем его. А теперь мы перекусим, затем я пойду познакомлюсь с окрестностями.

— Олд Шеттерхэнд позволит мне пойти с ним?

— Нет. Я охотно взял бы тебя с собой, но кто-то должен остаться с нашими лошадьми.

— Здесь они в полной безопасности. Ни один юма не сможет их найти.

— Верно, но наши лошади не знают пещеры, они боятся ее. Пока они ведут себя спокойно, потому что мы находимся радом. Если же мы оставим коней одних в темноте, то потом их придется искать в пропасти.

Мальчик, выходит, должен был остаться, а я, как только мы покончили со своим скромным ужином, ушел на разведку. Конечно, я не надеялся совершить какое-то крупное открытие, потому что снаружи было темно; мне пришлось выждать, пока звезды стали ярче. Но я не остался возле пещеры, а пошел дальше, к скальной стенке, добравшись до ее северного угла. Там я опустился на землю и стал ждать.

Я намеревался разведать путь, ведущий на плато, но в такой темноте это было не только бесполезным занятием, но и просто опасным. Совсем не обязательно, но все же возможно, что кто-нибудь окажется на дороге и услышит мои шаги. В таком случае можно было предположить, что моя прогулка примет совсем не желательный для меня оборот.

Там, где я сидел, лежало множество камней различной величины. Поэтому я и не пошел дальше, потому что если бы на пути оказалось много таких обломков, то задуманный поход мог в темноте стать непрерывным спотыканием и падениями.

Так я прождал, пожалуй, с час. Кругом царила глубокая тишина. Бледные поначалу звезды заблестели ярче. Я смог теперь видеть дальше и только что собирался подняться с места и идти, когда услышал, как кто-то приближается ко мне. Я, естественно, предположил, что незнакомец намерен пройти мимо, и нырнул за один из упомянутых валунов. Шаги приближались, и скоро я различил фигуру индейца, который остановился неподалеку от меня и огляделся. Никого не увидев, он издал негромкий, свидетельствующий о разочаровании крик, подошел еще ближе и уселся на камень, находившийся не дальше чем в трех шагах от меня.

Да, сложилась неприятная ситуация. Камни были разбросаны так, что я не смог бы отойти, без того чтобы меня не увидели. Двигаться вперед я также не мог, потому что тогда как раз наткнулся бы на индейца. Значит, мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать, пока он не уйдет.

— Уфф! — услышал я после долгой паузы голос индейца. Он встал и прошел несколько шагов вперед. Кто-то пришел, и это была еврейка! Я оказался свидетелем очень интересной

беседы. В ходе ее индеец называл себя Змеем. Значит, он был владельцем палатки, которую я видел, и предводителем находящихся здесь трех сотен юма, в то же время он подчинялся Большому Рту. Как я слышал, его английский и испанский словарный запас был необычен для индейца-юма. Еврейка не знала и двадцатой части этих слов, а по-индейски она вообще ничего не понимала. По этим причинам они никак не могли сказать один другому то, что хотели. Однако понимание между ними было, хотя случались и казусы, о которых можно было судить по их выкрикам. Когда не хватало слов, они прибегали к помощи жестов. Короче, несмотря на все языковые препятствия, они понимали друг друга, и я тоже улавливал смысл их беседы.

Когда Юдит пришла, он взял ее за руку, подвел к камню, на котором только что сидел, и сказал:

— Хитрый Змей уже думал, что Белый Цветок не придет. Почему она заставила меня ждать?

Ему пришлось много раз повторять свой вопрос, прибегая к помощи все новых слов, прежде чем она его поняла и сразу ответила:

— Мелтон задержал меня.

Теперь не понял он, но она повторила фразу, пояснив ее жестами.

— Что он теперь делает? — спросил Змей.

— Спит, — ответила она скорее пантомимой, чем словами.

— И он думает, что Белый Цветок тоже уснула?

— Да.

— Тогда он глупец, которого будут обманывать, потому что он сам хочет быть обманутым. Белый Цветок не может верить тому, что он говорит. Он обманет и не сдержит ни одного из своих обещаний.

За каждой фразой, если она не понималась, следовала мучительная пантомима разъяснения, причем они искали слова, понятные обоим. Меня это веселило, однако читателю быстро бы наскучило, если бы я и дальше захотел таким образом передавать их разговор, как они его вели на самом деле. Поэтому на бумаге лучше беседу изложить гладко, как будто обоим говорившим были полностью понятны все употреблявшиеся выражения.

— Разве ты знаешь о том, что он мне обещал?

— Мне так кажется. Разве он не говорил, что хочет сделать тебя богатой?

— Да. Он полагает, что очень скоро получит с рудника миллион. Потом я должна буду стать его женой, я буду обладать бриллиантами, жемчугами и другими дорогими украшениями, у меня будет замок в Соноре и дворец в Сан-Франциско.

— У тебя не будет ни драгоценных камней, ни золота, ни замка, ни дворца, потому что он хотя и заработает много денег, но не сможет ими распоряжаться по своему усмотрению.

— Это почему же?

— Это — тайна юма. Но даже если бы все произошло так, как ему бы хотелось, тебе бы он ничего не дал из этих богатств. Ты — единственный цветок в округе, поэтому он тебя и добивается, пока ты единственный цветок. Когда же позднее появятся другие, он тебя бросит.

— Пусть только попробует! Тогда я отомщу и расскажу обо всем, что он здесь совершил!

— Ты не сможешь этого сделать. Если Цветок увянет и попытается стать опасным, его здесь попросту растопчут, вместо того, чтобы отпустить на свободу. Поверь мне, что при нем ни одна из твоих надежд не сбудется!

— Ты говоришь это, потому что тоже хочешь обладать мною. Докажи свои слова!

— Хитрый Змей сможет доказать все, о чем он рассказал. Скажи мне, почему ты согласилась, чтобы твой отец пошел вместе со всеми в шахту?

— Потому что отец не должен будет трудиться, он станет надсмотрщиком и получит кучу

денег.

— Он связан, как и все остальные, должен будет работать наравне с другими и даже пищу будет получать нисколько не лучше. Я знаю, что ему обещали, будто время от времени он сможет выходить на поверхность, чтобы увидеть тебя и подышать свежим воздухом, но это обещание никогда не будет осуществлено.

— Я заставлю Мелтона сдержать обещание!

— Не надейся на это! На такого человека не смогут повлиять и тысяча прекраснейших скво всей земли. Вырази-ка желание увидеть своего отца! Мелтон его не выполнит.

— Тогда я уйду и донесу на него!

— Попытайся сделать это, — с коротким смешком сказал краснокожий. — Тогда Мелтон запрет и тебя. И через короткое время твоя красота исчезнет, а твое тело сожрут ядовитые пары ртути. Я еще раз повторяю, что он — подлый обманщик. Но мое сердце расположено к тебе. То, что он предлагает только для видимости, я тебе обещаю на самом деле. Он только собирается разбогатеть, но я буду богаче, много богаче Мелтона.

— Индеец — и богач! Странное сочетание! — рассмеялась она.

— Ты в этом сомневаешься? Мы ведь настоящие хозяева той земли, которую у нас отняли белые. При той жизни, которую ведем мы, нам не надо ни золота, ни серебра. Мы знаем, где их можно найти в горах в большом количестве, но никогда не скажем об этом бледнолицым, хотя нам нет никакой нужды ни в золоте, ни в серебре. Но если Белый Цветок захочет прийти в мою палатку и стать моей скво, она получит столько золота и серебра, сколько захочет, и я дам ей все, что обещал Мелтон. А он этого никогда не даст.

— Это верно? Много денег, драгоценности, замок, дворец, прекрасные одежды и множество слуг?

— Все это ты будешь иметь, и даже больше! Я очень люблю тебя, как я не смог бы любить ни одну краснокожую девушку. Я мог бы сделать тебя своей скво и без твоего согласия, потому что мы, индейцы, похищаем девушек, которые нам нравятся. Но ты должна добровольно стать моей скво. Поэтому я не подниму свою руку на тебя и буду ждать, пока ты не скажешь, что хочешь отдать мне свое сердце. Разве ты не можешь мне сказать об этом сейчас же?

Он встал, скрестил руки на груди и испытующе посмотрел на Юдит сверху вниз. Она не отвечала. Ее легкомыслие охотно допускало легкий флирт с молодым и красивым вождем, и о последствиях она пока не задумывалась. Но ведь теперь он требовал, чтобы она стала его женой! Было ли правдой, что Мелтон хотел ее обмануть? Верно ли то, что индеец может стать таким богатым, как говорит? Хитрый Змей в ожидании стоял перед ней, не сводя с нее своего пронзительного взгляда, словно желал прочесть ее мысли. Но когда она, по прошествии долгих минут, все еще не решилась на ответ, он прервал молчание:

— Я знаю, о чем думает Белый Цветок. Она любит богатство, удовольствия, жизнь в городах бледнолицых. Индеец ничего не имеет, кроме своей палатки, своей лошади и своего оружия. Он живет в лесу или в прерии и ничего не понимает в занятиях и удовольствиях бледнолицых. Поэтому Белому Цветку трудно решиться стать скво индейца! Не так ли? Верно ли я думаю?

— Да, — ответила она.

— Но все будет по-другому, если ты этого пожелаешь. Только скажи, и я исполню все твои желания! Моя рука коснется твоей не раньше, чем я принесу тебе столько золота, сколько тебе потребуется, чтобы удовлетворить все свои прихоти.

Это подействовало, потому что девушка воскликнула:

— Ты в самом деле сможешь такое исполнить? Принести мне так много золота?

— Да, могу.

— А Мелтон действительно ведет со мной двойную игру?

— Испытай его, попроси привести к тебе отца, но только ничего не говори ему о том, что ты встречалась и разговаривала со мной.

— Хорошо, я подвергну его испытанию, и если он не сдержит слова, то я немедленно оставлю его и приду к тебе.

— На это он никогда не согласится, наоборот, он вынудит тебя остаться с ним.

— И что же я должна делать в этом случае?

— Ничего, только терпеливо ждать, потому что я потребую тебя у него. Он находится в наших руках. Если он только осмелится без разрешения коснуться тебя, я убью его. Если ты решилась, приходи сюда каждый вечер в это же время. Если ты не появишься, я буду считать, что с тобой что-то случилось, и моментально пойду к нему, чтобы узнать, где ты.

— И ты сдержишь слово?

— Хитрый Змей умнее всех людей, но тебя он обманывать не станет: на меня ты можешь положиться. Хуг!

После этого клятвенного обещания индеец повернулся, собираясь уходить, не подав ей даже руки. Она отпустила его на три или четыре шага, но потом вскочила, побежала за ним и обвила руками его шею. Я услышал звук поцелуя. Потом она быстро вернулась назад и снова уселась на камень. Что означало ее поведение — расчет, внезапный порыв чувств или этот поцелуй был авансом за золото, обещанное ей? Может быть, здесь было всего понемногу. Пораженный индеец остался стоять, потом медленно повернулся к ней и сказал:

— Белый Цветок дал мне добровольно то, чего сегодня я бы не осмелился попросить. Теперь она должна знать, что отныне не может позволить ласкать себя никому другому. Как только наступит день, она устроит испытание Мелтону. Я уверен, что тот слова не сдержит. Завтра вечером я снова буду здесь, и горе Мелтону, если только он причинит ей что-либо дурное. В благодарность же за ее поцелуй я хочу кое-что сообщить ей, чего бы в ином случае она ни за что не узнала. Из тех бледнолицых, которых мы привели сюда, один убежал; это был высокий сильный мужчина, которого Белый Цветок должен знать.

— Да, я его знаю.

— Ты его знаешь, и притом лучше, чем всех остальных.

— Откуда тебе это известно?

— Мне про это рассказали глаза, которыми я наблюдал за тобой. Ты его любила?

— Нет. Это он за мной бегал.

— Ну, тогда тебя не огорчит, если я скажу тебе, что он умер.

— Умер? Откуда эти сведения?

— Уэллеры преследовали его и убили. Теперь его труп уже, верно, растерзали стервятники.

Некоторое время она сидела молча, потом выкрикнула:

— И это произошло совершенно справедливо. Он был мне отвратителен, и только теперь я от него освободилась!

— Да, он не вернется, но я завтра опять буду здесь. Хуг!

Он удалился. Она осталась сидеть, задумавшись и не двигаясь. Потом она щелкнула пальцами, как это делают, когда отгоняют какую-то надоедливую, неприятную мысль, и стала что-то тихонько напевать. Это была старая известная песенка. Когда она встала и ушла, мне можно было бы последовать за нею, чтобы простейшим образом разузнать о пути подъема на плато. Но я, конечно, не стал делать этого, потому что слишком хорошо знал обычаи индейцев. Я был уверен, что Хитрый Змей ушел не совсем. Он, конечно, следит за ней издалека, тайком сопровождает ее, пока она не дойдет доверху. Он даже найдет повод остаться наверху, отчего осторожность подсказала мне ограничиться на сегодня уже узнанным, а не подвергать

опасности себя и свое дело. Стало быть, я вернулся назад в пещеру, совершенно удовлетворенный результатами своей краткой ночной вылазки.

Когда я продумал все, что узнал, и сделал для себя выводы, какие преимущества я могу извлечь из этого, то понял, что получил много полезных сведений, которыми я раньше не располагал. Ну, а о пути я мог разузнать и позднее, сегодня мне эти сведения были еще не нужны, но все, что я только что услышал, если только это окажется верным, могло принести мне неоценимую пользу. Благодаря сложившейся ситуации мы могли прийти к цели — победе над юма, не ожидая подкрепления мимбренхо. Да, чем больше я задумывался над этим, тем больше мне казалось весьма возможным то, что я раньше считал абсолютно невероятным, а именно, что мне удастся — одному и без всякой помощи Виннету и нашего отряда — добиться цели, и притом безо всякой борьбы, мирным путем.

Что же за создание была эта Юдит! Как холодно она приняла известие о смерти бывшего своего жениха! Простым щелканьем пальцев ответила она на сообщение о том, что его сожрали стервятники! Бедный Геркулес! Конечно, меня в какой-то степени примирило с этим легкомыслием то, что я ошибался в ее отношении к отцу. Он не был бесчувственно брошен ею, просто она думала, что тот находится в сносном положении. Хитрый Змей вызвал мою симпатию; судя по его словам, предложениям Юдит, он по своему характеру, к счастью, не оправдывал свое имя. Несомненно, с ним можно было вступить в переговоры. Он любил еврейку. Поэтому она теперь для меня сразу стала важной персоной и ценным объектом для обмена. Я решился заняться — хотя, возможно, общественность меня и осудит за это — работорговлей. Я хотел захватить Юдит, чтобы тем самым получить власть над Хитрым Змеем и его юма. Я сделал бы это сейчас же после его ухода, если бы не был убежден, что он находится поблизости.

Когда я вернулся в пещеру, мимбренхо не решился меня расспрашивать, а я посчитал ненужным рассказывать о своих успехах. Я только ему сообщил, что теперь мы будем спать, потому что вставать нам надо на рассвете. Потом я лег на свою попону и крепко заснул после такого напряженного дня, даже ни разу не проснувшись до назначенного времени. Мимбренхо, пожалуй, устал еще больше меня, но не подавал вида. Мне пришлось будить его, и он даже не сразу проснулся.

Теперь нам надо было исследовать подземный ход. Позаботившись о лошадях, мы принялись за дело. Выбравшись на наружную сторону осыпи, мы занялись тем, что снова прикрыли камнями вход в пещеру. Ведь мог же случайно сюда забрести какой-нибудь индеец.

Потом мы поднялись вверх, на другую сторону скального блока, чтобы снова карабкаться вперед. Отсюда мы могли взглянуть на индейский лагерь. Там не было видно никаких признаков жизни. Тем не менее мы соблюдали осторожность и передвигались ползком. Мы нашли впадины, о которых говорил Геркулес, и задержались возле одной из них. Он полагал, что я немедленно узнаю местность, и оказался прав. Он был так неопытен в подобных делах, что очень неумело прикрыл отверстие, и наметанный глаз сразу бы его заметил. Место это нельзя было увидеть из лагеря индейцев, поэтому мы смогли свободно передвигаться.

Когда мы осторожно удалили камни, то после этого образовалось отверстие, в которое смог бы пролезть даже очень большой человек, настолько оно широко было. Затем мы увидели сделанные Геркулесом ступеньки из камней и спустились по ним. Камни были обтесаны, что позволило мне предположить неиндейское происхождение подземного хода, или штольни. Ход шел не горизонтально — он заметно опускался в недра горы.

Прежде всего мы исследовали его правый отрезок. Все нужное для освещения мы принесли, разумеется, с собой. Уже через несколько шагов мы подошли к пропасти, на другой стороне которой находилась наша пещера. Лошади узнали наши голоса и подошли к обрыву. Они

провели уже здесь ночь и поэтому не боялись находиться в пещере, но я не хотел, чтобы они находились так близко к пропасти, а поэтому отогнал их криками. Когда я приказал Хататитле: «Итешкош»[85], мой вороной повиновался, и жеребец Виннету сейчас же опустился рядом. Я был уверен, что до самого нашего возвращения они будут так же лежать.

Поблизости от края пропасти мы нашли четыре ямки, похожие на замеченные нами вчера. Значит, здесь раньше и в самом деле существовал мост для перехода. Потом мы вернулись назад, чтобы пойти подземным ходом вниз, в недра горы.

Ход достигал в высоту чуть больше человеческого роста, так что мне не пришлось нагибаться, а в ширину он составлял примерно три фута. На стенках сохранились следы металлических зубьев и крюков, временами попадались остатки шурфов. Было видно, что участки породы попрочнее взрывали при помощи пороховых зарядов. Значит, подземный ход был проложен белыми людьми. Большей частью он был проделан в скальных породах. Когда попадались трещины и расселины, проходчики применяли обтесанные камни.

Мы уходили все глубже под землю, не встречая ни одного препятствия. Воздух, несмотря на наши опасения, оставался вполне сносным. Еще одно обстоятельство заставило меня обратить на себя внимание: пламя факела не поднималось вертикально вверх, а чуть-чуть колыхалось, хотя и очень слабо, почти незаметно для глаза. Значит, в проходе поддерживалась циркуляция воздуха. Свежий воздух проникал из-за наших спин, устремляясь вниз по проходу. Раз уж воздушный поток куда-то направлялся, то где-то существовал для него выход. Неужели эта штольня сообщалась с шахтой? Это было вполне возможно, поскольку подземный ход шел в восточном направлении, к центру альмаденского скального блока, где, как я знал, и была расположена шахта.

Мы прошли уже более трехсот шагов, когда мимбренхо показал на вмурованный в стенку галереи камень.

— Надпись! — сказал он. — Но это не индейская надпись.

Когда я осветил это место факелом, то смог очень легко прочитать: «Alonso Vargas of. en min. y comp. A. D. MDCX1». Дополнив сокращения, я получил: «Alonso Vargas, offficial en minas y companeros, Anno Domini MDCX1», что в переводе на мой родной язык означало: «Алонсо Варгас, штейгер[86], и его товарищи, в год от Рождества Христова тысяча шестьсот одиннадцатый». Выходит, что прошло свыше двухсот пятидесяти лет, как этот испанский горняк проложил подземный ход. Я скопировал надпись, потому что до тех пор мне не было известно, что в те времена испанцы проникли так далеко в глубь Мексики, которую они называли Новой Испанией.

Мы двигались все дальше и дальше, пока подземный ход не окончился. Он настолько расширился и стал таким высоким, что кровлю поддерживала стена из неотесанных камней. Тем не менее пламя факела все еще тянулось вперед, за эту стену, хотя никакого отверстия в ней не было заметно. Когда я подошел к стене поближе, то увидел, что она представляет собой нечто вроде решета. Раствор, соединявший камни, был удален в тех местах, где углы камней соприкасались, причем образовались, или, точнее говоря, остались дырки, которые можно было обнаружить только после тщательного осмотра, да и то лишь при помощи воздушной тяги. При этом я заметил на одном из камней торопливо сделанную каким-то острым инструментом надпись: «E. L. 1821». Буквы были, безусловно, чьими-то инициалами, а дата показывала, что в 1821 году проход был перекрыт стеной. Каковы были побудительные причины строителей перегородки, меня не интересовало. Вероятно, в то же самое время сняли и переброшенный над пропастью мост. Тогда же завалили галькой и пещеру, служившую одновременно входом в штольню. Дырки в стене оставили для того, чтобы позднее, когда шахта снова заработает, жизни подземных рабочих не угрожали бы ядовитые газы.

Что же теперь делать? Мы прислушались. За стеной не было никаких признаков жизни. Я осмелился постучать, но ответа не получил. Тем не менее мое сердце колотилось от радости и надежды, потому что я был убежден, что с той стороны стены окажутся мои соотечественники. Если предчувствия меня не обманывали, то я действительно мог освободить земляков, не навлекая никакой опасности ни на них, ни на себя. Значит, нужно было убрать стену. Но как? Мы должны были выломать несколько камней. Но чем? Других инструментов, кроме ножей, у нас не было. Их можно бы засунуть в дырки между камней, но строительный раствор был тверже железа, и после недолгой безуспешной возни мы пришли к убеждению, что нам придется трудиться, может быть, целый день, чтобы вынуть из кладки один-единственный камень. Тем не менее мы принялись за работу, тем более ничего другого нам и не оставалось, потому что днем мы не могли сюда проникнуть.

Работали мы до тех пор, пока не выгорели оба факела, взятых нами с собой, а потом еще некоторое время возились в темноте. Когда мы настолько устали, что нам потребовался отдых, мы вернулись назад, в пещеру, где лежали кони точно в таком же положении, какое они заняли по моему приказу. Теперь они смогли встать и получить немного корма. Мы тоже поели, а затем снова вернулись в штольню, запасшись несколькими факелами и множеством свечей. Взяли мы с собой и оружие, потому что его можно было применить как рычаг.

Выковырять раствор между двух камней казалось делом совсем несложным и неутомительным; но мы все же должны были часто прерывать работу, чтобы отдохнуть хоть несколько минут. Наконец мы смогли вытащить первый камень. Мои часы в этот момент показывали семь часов вечера. Я заглянул в образовавшуюся дыру. С той стороны стены царили полная темнота и глухое безмолвие. Второй камень потребовал от нас меньших усилий: он последовал за первым уже через два часа. А еще через час мы вынули третий камень. Было десять часов. К полуночи мы вынули уже семь камней, а к часу ночи мы смогли пролезть через отверстие, что сделали, конечно, с величайшими предосторожностями, не зажигая свечей. Мы даже потушили факелы, чтобы свет не проникал в отверстие.

Не заметив ничего подозрительного, мы все же отважились зажечь свечу и пошли дальше. Тогда мы увидели, что стены на этой стороне, не считая маленьких отверстий, так замазаны раствором, что их нельзя было отличить от окружающих скал.

Мы оказались в широком проходе с высоким потолком, который поддерживали естественные колонны — оставленные стоймя каменные блоки. Рудный пласт был давно выработан, добыча породы не велась, оттого-то и царила здесь ничем не нарушаемая тишина. Слабый поток воздуха уводил нас вправо, тем не менее мы сначала повернули налево, чтобы узнать, что остается позади нас. Прошли мы недалеко, потому что уже через несколько шагов галерея когда-то давно обрушилась. Масса рухнувшей породы преграждала путь, поэтому мы повернули назад, собираясь пройти по проходу вправо.

Тут мы вскоре увидели множество сложенного у стен инструмента. Казалось, мы попали в посещаемые людьми места. Поток воздуха становился ощутимее. Потом проход стал заметно расширяться, и мы оказались в четырехугольной камере, посредине которой стоял крепкий деревянный ящик, сколоченный из нижней и трех боковых стенок. На четырех углах ящика были укреплены сплетенные из ремней канаты, соединявшиеся с уходившей вверх цепью. Там, наверху, было отверстие несколько большего поперечника, чем размеры ящика. Отверстие это и было вертикальным стволом шахты, потому что поток воздуха уходил вверх. А ящик представлял из себя подъемник, который загружался с той стороны, где не было стенки. Вокруг было разбросано еще много различных предметов, на которые я не обратил никакого внимания, но зато заметил две сколоченные из дерева и очень грубо обработанные двери, снабженные могучими запорами. Одна располагалась прямо напротив галереи, из которой мы вышли, другая

— по правую руку от нас. Видимо, они вели в ту часть рудника, где производились работы, потому что других ходов или штолен не было заметно.

Сначала мы повернули направо и отодвинули обе задвижки на правой двери. Мимбренхо держал факел. В тот самый момент, когда дверь открылась, из нее вывалилось прямо на меня какое-то существо женского пола, вцепилось всеми десятью пальцами мне в шею и пронзительно закричало по-немецки:

— Жалкий злодей! Ты опять здесь! Выпусти меня, или я тебя задушу!

Прием был не очень дружественным, но я не стал обижаться на него, потому что он явно предназначался не мне. Я оторвал руки этого разгневанного существа, в котором, к своему изумлению, признал еврейку, и крепко сжал их, не давая нежным пальчикам возможности меня душить, и ответил:

— Пожалуйста, фрейлейн[87], извольте заметить, что вы совершаете ошибку! У меня и в мыслях не было принять смерть от ваших нежных ручек.

Мимбренхо осветил мое лицо. Она узнала меня и воскликнула:

— Вы? Не может быть! Слава Богу! Вы не оставите меня здесь погибать!

— Нет. Я выведу вас на волю. Кто же посмел вас здесь запереть?

— Мелтон! Этот изверг, этот дьявол в человеческом облике.

— И как же он вас сюда затащил? Это же так трудно — доставить на такую глубину сопротивляющегося человека.

— Хитростью. Я пошла за ним добровольно. Мы спустились в деревянной люльке.

— Значит, он вам чего-то наговорил, возможно, пообещал показать отца?

— Да, именно это он и сказал; я должна была выпустить из шахты отца. А вы уже знаете, что его здесь заперли?

— Знаю. Я вообще знаю гораздо больше, чем вы предполагаете. Например, мне известно, что Хитрый Змей, молодой вождь юма, вчера говорил с одной дамой, которая привела его в такой восторг, что он наобещал ей драгоценных камней, золота, замок, дворец, множество красивых платьев да еще целую кучу слуг.

Она даже не покраснела, что непременно случилось бы с любой другой девушкой. Она ответила совершенно непринужденно:

— Вы с ним говорили?

— Нет.

— Он был у Мелтона?

— Этого я не знаю. Однако следует ожидать, что он еще придет к Мелтону, если до сих пор не был.

— Я ждала его и, когда увидела вас, то подумала, что это он вас послал, чтобы вы меня освободили. Но сначала я приняла вас за этого негодяя Мелтона.

— Но вы же так в него верили.

— Потому что он мне много всего наобещал.

— Да, золото и драгоценности, замок и дворец. И вы могли принять его обещания всерьез? Одно только обстоятельство, что он завлек сюда ваших земляков, загнал в шахту и заставляет работать на себя, могло вам сказать в полной мере, что ему совершенно не свойственна честность. Как вы, собственно говоря, представляли себе будущее этих бедных людей?

— Да не таким уж плохим. Они должны проработать здесь до тех пор, пока не добудут некоторое число центнеров ртути. Это не должно было растянуться на долгий срок, а Мелтон тогда бы стал очень богатым человеком, он бы всех отпустил на волю и при этом дал бы столько золота, что они могли бы жить, не работая, всю свою оставшуюся жизнь.

— И вы ему поверили?

— Да.

— Хм, на это нужно слишком много денег. Я вам расскажу, как все должно было произойти. Вредный рудничный воздух, плохое питание, вдыхание ртутных паров разрушили бы за короткий срок организм всех рабочих, и через два или три года никого из них не осталось бы в живых. Так совершилось бы гнуснейшее преступление, о котором только можно подумать, а вы стали бы при этом соучастницей.

— Два или три года? Так долго это не могло продлиться. Речь шла всего лишь о нескольких месяцах.

— За короткий срок невозможно стать таким богатым, чтобы такому множеству людей дать столько денег на беспечную жизнь до старости. И вы серьезно хотели стать его женой?

— А почему бы и нет?

— А теперь собираетесь замуж за Хитрого Змея?

— Да, назло Мелтону!

— А как же прежний ваш жених, который был вам так верен!

— Какое мне до него дело? Хотя, как мне сообщили, он теперь мертв.

— Да, и растерзан стервятниками! Кажется, у вас столь же жестокое сердце, как и у Мелтона, и я был бы рад снова запереть вас и предоставить собственной судьбе.

Я давно уже отпустил ее руки, так что она была свободна. Юдит все еще стояла между мной и дверью, но теперь она быстро проскочила мимо меня и закричала:

— Этого вы не сделаете! Ни один человек больше не запихнет меня в эту дыру!

— Ну, я вовсе не собираюсь приводить свои слова в исполнение. Вы получите свободу.

— Я получила бы ее даже в том случае, если бы вы снова меня заперли, потому что вождь юма наверняка придет и освободит меня.

— Если это ему по силам.

— Вы полагаете, что ему смогут воспрепятствовать? И кто же?

— Да Мелтон.

— Тот ничего не сможет сделать молодому индейцу. Вождь держит его в своих руках.

— Это вам вчера сказал сам вождь, но вполне возможно, что теперь Мелтон прибрал его к рукам. И если такое случится, вину за это будете нести вы.

— Почему?

— Это я скажу вам только тогда, когда узнаю, о чем вы говорили с Мелтоном. Хитрый Змей советовал вам испытать его. Ну, и как вы это проделали?

— Прежде скажите мне, откуда вы так хорошо все знаете? Вы утверждаете, что не говорили с вождем, но узнать то, о чем вы только что мне сказали, могли только от него.

— Я лежал за камнем, на котором вы с ним сидели, и все слышал.

— И вы на это решились? Если бы вождь вас заметил, он пристрелил бы вас или заколол бы.

— Такие дела не совершаются так быстро, как вы себе представляете. Если бы он меня заметил, то это было бы куда опаснее для него, чем для меня. Ну, так рассказывайте, как вы попытались проверить честность Мелтона.

— Так, как мне посоветовал вождь. Раз вы нас подслушивали, то должны бы знать об этом.

— Значит, вы высказали просьбу увидеть своего отца?

— Да, а он ответил, что я должна еще подождать, потому что мой отец необходим здесь, в шахте. Но я не позволила ему так просто от меня отделаться, я настаивала на своем и наконец пригрозила, что брошу его.

— И что он ответил?

— Он рассмеялся и сказал, что без отца никуда я не уйду. Тогда я сослалась на авторитет

вождя.

— А, я так и подумал! Тем самым вы ему выдали свой сговор с индейцем.

— А чему это могло повредить? Он должен знать, что я, даже без отца, не окажусь такой уж беззащитной и беспомощной, как он думает.

— Но вы сейчас же поймете, что поступили не очень-то умно. Я предполагаю, что вы не просто назвали имя индейца в качестве своего защитника, но выболтали еще кое-что.

— Почему же мне не надо было отвечать, если он об этом спрашивал!

— Из благоразумия. Вы, вероятно, сказали ему, что Хитрый Змей сделал вам предложение и пообещал такие же богатства, как прежде Мелтон?

— Да, конечно.

— И что он хочет захватить Мелтона, если только тот причинит вам хоть какую-нибудь боль?

— Вот это-то я и хотела сообщить прежде всего.

— Тогда благодарите Бога, что я сюда пришел! Потому что Хитрый Змей никогда бы не вызволил вас из этой шахты.

— О, он бы обязательно меня отыскал.

— Он не сможет этого сделать. После того как вы были столь неосторожны и сообщили обо всем Мелтону, тот знает, как ему вести себя с краснокожим. Теперь он видит в нем не просто соперника, но и знает, что индеец ему не доверяет. За любое предостережение индейца Мелтон отомстит.

— Ничего страшного, потому что я знаю: Мелтон находится во власти юма и должен бояться их вождя.

— А я знаю, что, наоборот, ему и в голову не придет чего-то опасаться. Вы сами — лучшее тому доказательство. Он запер вас, несмотря на все, что вы сказали, и на все ваши угрозы. Это убедительно доказывает, что индейцев ему бояться не надо.

— Очень скоро он раскается в своих заблуждениях, потому что я рассказала ему о том, что Хитрый Змей будет ждать меня сегодня и станет искать, если я не приду.

— А, так вы думаете, что поступили очень умно, но на самом деле это было, пожалуй, самым глупым из всего того, что вы могли совершить, так как теперь Мелтон предупрежден об опасности и как следует подготовится к приему вашего краснокожего защитника. Надо ожидать, что тот теперь потребует такой же, по меньшей мере, помощи, как и вы.

— Вы, кажется, считаете, что Мелтон его захватит врасплох? Но тогда на него нападет все племя юма, которое будет мстить за своего вождя!

— Вряд ли так произойдет! Вы сами назвали Мелтона дьяволом в человеческом обличье, и он не так глуп, о чем вы могли бы судить по всему, что он сделал и делает. Он просто избавится от вождя, уберет его со своей дороги, а индейцы вряд ли когда-нибудь об этом узнают. Глупой болтовней вы подвергли своего краснокожего обожателя величайшей опасности, будьте в этом уверены.

— Если это действительно так, то я надеюсь, что вы его вызволите из этого положения! В данных обстоятельствах надо ожидать, что Мелтон прибегнет к самым худшим средствам.

— Вы вообще-то знаете, где находятся ваши соотечественники? Вы же должны были говорить об этом с Мелтоном.

— Мы часто говорили о них, но конкретно он ничего не рассказывал.

— Но люди же должны есть и пить. Кто заботится об их еде и питье?

— Мелтон сказал, что воды внизу достаточно, а кормить их должны двое индейцев.

— Что они получают на обед?

— Ничего, кроме кукурузных лепешек, которые я пекла вместе с индианками.

— Поскольку рабочие находятся здесь не добровольно, их должно содержать под охраной. Нужны также меры для пресечения попыток к бегству и для предотвращения нападений на сторожей. Какие здесь были приняты меры предосторожности?

— На них надели ручные и ножные кандалы.

— И как это Мелтон ухитрился завезти в такую глушь столько пыточных орудий?

— Привез с собой. У индейцев, доставивших нас на рудник, были для этого вьючные лошади.

— А могут ли эти несчастные работать в кандалах?

— Вероятно, но пока они еще не работают. Работа начнется только тогда, когда приедут еще несколько белых, прибытия которых ожидает Мелтон. Часть из них будет надсмотрщиками, другие являются специалистами в горном деле.

— Они приедут поодиночке или же все вместе?

— Насколько мне известно, все вместе.

— Теперь немцев охраняют всего двое. Могут наши соотечественники, несмотря на то, что скованны по рукам и ногам, быть опасными?

— Нет, потому что они заперты за очень крепкой дверью. Может быть, вы сможете взломать эту дверь?

— Думаю, что смогу.

— И тогда вы освободите пленников?

— Разумеется.

— А что будет с Мелтоном? Может быть, вы и ему позволите убежать?

— У меня он никуда не скроется, а будет повешен!

— Тогда я вам скажу, что надо делать. В открытую вы на него напасть не сможете, потому что он вас может просто убить.

— Этого я не боюсь.

— Напрасно. Вы не знаете, что он постоянно носит при себе два револьвера. Только у себя дома он их откладывает в сторону. Вам придется посетить его дома.

— Я рассчитывал на это, хотя и не боюсь его револьверов.

— Так вы знаете, где расположено его жилище?

— Нет. Я знаю только, что сначала надо спуститься в шахту, а потом уже добраться до его убежища. Но я надеюсь получить от вас подробную инструкцию.

— Я могу вам рассказать о дороге туда, потому что очень хорошо ее знаю. Ее построил некий Эусебио Лопес.

— Эусебио Лопес? Я уже встречал инициалы «E. L.» — это должны быть первые буквы его имени и фамилии. Жилище Мелтона одновременно служит и укрытием, стало быть, оно не может быть очень большим по площади.

— О, оно достаточно велико. Там, наверху, в скале есть желоб, который и использовал Лопес. Он приспособил его под крытый переход, который начинается в шахте и ведет к жилищу. Желоб у своего конца, возле скальной стенки, становится очень широким, и Лопес перегородил его. Так образовалось много комнат, в которых мы и живем. Внешняя стена выглядит точно так же, как и скала, отчего снизу нельзя заметить, что наверху устроено жилище. Окнами служит дырки в стенах, совершенно незаметные издали.

— Как глубоко надо опускаться, чтобы добраться до прохода?

— Ступенек двадцать по приставной лестнице.

— Но вот здесь я вижу подъемный ящик, подвешенный на цепи. Можно предположить, что наверху есть какой-то вал или ворот, которым вытягивают ящик наверх?

— Да, там есть ворот.

— Значит, лестница, собственно говоря, как бы лишняя?

— Она ведет не на самый верх, а только до прохода. Если же кто захочет спуститься, тот должен воспользоваться подъемным ящиком.

— Хорошо. А теперь расскажите про жилище!

— Оно состоит из четырех комнат. Две расположены в конце прохода, а еще две — по обе стороны от него.

— В какой из них искать Мелтона?

— Вы пойдете прямо по проходу, справа расположена комната, в которой живут старые индианки. Я жила слева от прохода. После этого перед вами будут две двери, расположенные совсем рядом. За правой живут Уэллеры, а за левой Мелтон.

— Какие запоры на дверях?

— Замков там нет, потому что двери эти не деревянные, а сделаны из циновок, свисающих сверху.

— А какая у Мелтона постель?

— Он спит на полу, в переднем углу, слева.

— Кто вращает ворот, если надо привести в движение подъемник?

— Индеец, сторожащий возле входного отверстия шахты. Это… Слушайте!

Она прервала нашу беседу и повернулась в направлении вертикального ствола. Звякнула цепь, на которой был подвешен ящик, он шевельнулся, а потом мы увидели, как он медленно пополз вверх.

— Там еще не спят, — сказал я. — Почему ящик поднимают? Может, кто-нибудь хочет спуститься вниз?

— Конечно, — ответила она. — Теперь вы убедитесь, что были неправы, потому что вот-вот должен появиться вождь.

— И не думайте об этом! Если кто-то и спустится, то это будет либо Мелтон, либо старший Уэллер.

— Уэллера сегодня здесь не было.

— Где же он?

— Он отправился во главе многочисленного отряда индейцев наблюдать за вами и сообщить Мелтону, когда вы появитесь. Кажется, он вас не видел, иначе бы давно уже возвратился.

— Значит, теперь мы не должны его ожидать. Тогда сюда направляется Мелтон.

— Тогда у вас появится хорошая возможность расправиться с ним.

— Смогу ли я это сделать, будет зависеть от обстоятельств. Надо быть осторожными. Уэллер тоже мог вернуться, и тогда они, возможно, спускаются вместе. Значит, нам надо будет подождать. Поэтому я должен попросить разрешения на время снова запереть вас.

— Запереть? — спросила она испуганно. — Этого я не позволю. Я безумно рада, что вырвалась оттуда.

— Даю вам честное слово, что вы наверняка выйдете на свободу. Мне надо знать, кто сюда спускается и почему он это делает. Поэтому пришелец должен все здесь найти в полном порядке, чтобы не догадаться, что у вас были гости.

Она ни за что не хотела соглашаться, но в конце концов уступила, хотя и не без сильного сопротивления. Я закрыл за ней дверь, а потом спрятался вместе с мимбренхо за кучей поленьев, сложенных у начала старого, заброшенного подземного хода. Разумеется, мы погасили свет.

Я не смог бы ни минуты дольше разговаривать с сопротивлявшейся еврейкой, потому что, едва мы спрятались, как подъемный ящик уже стал опять опускаться. Шум нарастал, появилось

пятно света, снова стал виден ящик, затем он опустился на землю. В нем стоял Мелтон, а у пояса его висел фонарь. Мелтон вышел из незамкнутой клети, наклонился над ней и что-то вынул оттуда. В этом предмете, хотя он и был довольно далеко, я без труда узнал связанного человека. Здесь, в темном сдавленном стенами пространстве, каждый звук усиливался, поэтому я отчетливо слышал каждое слово, насмешливо брошенное Мелтоном связанному:

— Ты так тоскуешь по своему Белому Цветку, поэтому я и привез тебя сюда, чтобы показать ее. Смотри!

Он подошел к двери, за которой находилась еврейка, открыл ее и крикнул внутрь:

— А ну-ка выходите оттуда, фрейлейн! Будьте так любезны! Вас ожидает сюрприз.

Юдит вышла. Он подвел ее к лежащему на земле индейцу и спросил:

— Вы его узнаете? Надеюсь, вы еще помните, кто это такой!

— Хитрый Змей! — вырвалось у нее. — Вы его связали!

— Да, мне это удалось! Вы же видите, что за герой, этот ваш новый любовник. Он пришел расправиться со мной и освободить вас, а вот теперь сам оказался внизу. Он никогда больше не увидит солнце. Вы слишком много мне рассказали о нем, чтобы я сохранил индейскому вождю жизнь.

— Вы хотите его убить? — ужаснулась она.

— Убить! Что за выражение! Разве можно называть убийством то, что я немножко подержу его под землей и предоставлю ему такую постель, что он быстро заснет? Ну, а если он потом не проснется, то это уж его дело.

— Значит, хотите замуровать заживо!

— Да, если вам доставляет удовольствие употребить именно это выражение.

— Чудовище!

— Не стоит так горячиться! Я уже доказал вам, что чудовищем не являюсь. Наоборот, я терпеливый человек и даже очень добросердечный. Вы любите краснокожего джентльмена, и он вам предан. Значит, прежде чем он умрет, вы пробудете вместе часа два или три. Дайте-ка сюда свои руки, я завяжу их за спиной, иначе вы злоупотребите моей добротой и развяжете своего обожателя.

Она помедлила немного и сказала:

— Только не думайте, что вы безнаказанно сможете делать все, что захотите! Юма отомстят за своего вождя.

— Это им и в голову не придет. Они же не знают, кто его похитил.

— Но они же знают, что сейчас он у вас. Да и сторожа его видели.

— Они увидят, как он уйдет. Там, наверху, так темно, что вполне возможно ошибиться, приняв его за меня, но может быть и другая версия. Чтобы теперь спуститься, я должен был разбудить сторожей. Потом они опять улягутся спать и должны будут поверить, что во время их сна вождь ушел. Ну, подавайте-ка руки, да побыстрее! Говорю это вам в последний раз!

В руках у него был ремень. Мне и в самом деле было любопытно, что же произойдет дальше. Она знала, что я рядом и должен буду ей помочь. Но точно так же она знала, что я должен буду освободить ее, если она позволит Мелтону связать свои руки. Подчинится она ему или позовет сейчас на помощь меня, это мне было безразлично. Она протянула ему руки и сказала:

— Вот, свяжите меня! Я не хочу с вами бороться, потому что мне страшно прикасаться к вам. Но от наказания вы не уйдете!

— Вы хотите быть пророчицей, Юдит? Это неблагодарное занятие, потому что ваши пророчества не всегда сбываются.

Он связал ей руки за спиной и втолкнул в темное помещение, где она находилась прежде.

Она вела себя спокойно. Потом он втащил внутрь индейца, закрыл дверь и задвинул засов. Затем он немного постоял, приложив ухо к двери и прислушиваясь. Свет от фонаря падал ему на лицо. Выражение его физиономии было дьявольским. Потом он забрался в подъемный ящик и, дернув за свисающий шнур, подал знак наверх, по которому подъемник медленно оторвался от земли. Свет исчез, а вместе с ним и шум, издававшийся ящиком, который терся о стенки вертикального ствола шахты.

Я считал Мелтона более осторожным и умным, чем он теперь показал себя. Я бы на его месте удивился поведению Юдит. Оно бы возбудило у меня подозрения. Я сейчас же попытался бы убедить себя, что есть какая-то причина для такого спокойного ее поведения, и постарался бы узнать эту причину. Он этого не сделал, что было не в пользу его ума и проницательности.

Мой мимбренхо, с тех пор как мы пробрались за стену, еще не сказал ни слова. Но теперь он настолько удивился моему поведению, что не смог молчать, и, когда мы поднялись из-за поленницы, сказал:

— Белый, которого мы хотели захватить, был здесь. Мы могли его поймать. Почему же Олд Шеттерхэнд позволил ему уйти?

— Потому что я уверен, что он от меня никуда не денется. Позже его страх только усилится.

Я снова зажег свет и опять направился к двери, чтобы открыть ее. Еврейка стояла прямо за ней и прислушивалась. Она быстро вышла, глубоко вздохнула и сказала:

— Слава Богу! А я уже стала опасаться, что вы не придете!

— Если я что обещаю, то слово держу. Вы говорили с вождем?

— Нет, мы не сказали ни слова друг другу. Слишком много бед на нас свалилось. Вы слышали, что сказал Мелтон?

— Да, я все слышал.

— Как легко он мог вас обнаружить! И тогда я бы никогда не вырвалась отсюда.

— Нет уж, если бы мы встретились, то он бы не вырвался из моих рук. Так как вы еще не переговорили с Хитрым Змеем, то я ему кое-что объясню. Как хорошо, что он попался Мелтону. Тем самым этот негодяй дал мне в руки козырь, которым будет побита его собственная карта.

Я подошел к индейцу и перерезал связывающие веревки. Он быстро выпрямился и спросил еврейку:

— Кто этот бледнолицый, который оказался в шахте, но раньше не появлялся в нашем лагере.

— Мой краснокожий брат скоро узнает, кто я такой, — ответил я вместо девушки. — Он не мог понять того, что сказал Мелтон белой дочери, потому что их разговор шел на чужом языке. Поэтому я спрашиваю его, знает ли он, что собирался с ним сделать Мелтон?

— Я знаю это. Я должен был умереть — он хотел похоронить меня здесь, под землей.

— Мой краснокожий брат полагает, что он осуществил бы на деле свой замысел?

— Он, сделал бы это, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— А что стало бы с белой девушкой, которую Хитрый Змей пожелал взять в свой вигвам?

— Она тоже бы умерла здесь, под землей, сгнила, как и другие переселенцы, ни один из которых не должен больше увидеть белого света.

— Тогда мой краснокожий брат ошибается, потому что все они окажутся на свободе уже на следующее утро. Я выведу их из шахты.

— Мелтон на это не согласится!

— Он может не давать свое согласие, потому что я у него не буду спрашивать разрешения. Я пришел освободить всех пленников, как я уже дал свободу тебе.

— Пока я еще нахожусь в плену, так как мне не выйти из шахты.

— И ты не видишь из своего положения выхода? Тебе надо только подождать, пока Мелтон снова не спустится вниз. Он не подготовлен к встрече с тобой, и ты очень легко с ним справишься. Впрочем, и это совсем не обязательно, потому что я выведу Хитрого Змея и белую дочь из шахты неизвестным им путем. После этого мой брат может сделать ее своей скво и строить для нее дворец и замок.

Моя личность, мое здесь присутствие и каждое мое слово были для него загадочными. Меня очень забавляло то выражение удивления, с которым он смотрел на меня.

— Мой белый брат знает неизвестный мне выход из шахты? — спросил он. — Он знает также, что я люблю Белый Цветок и что я ей обещал? Не хочет ли он сказать мне, кто он такой?

— На языке юма мое имя звучит как «Таве-шала».

— Таве-шала, Олд Шеттерхэнд! — вырвалось у него; он отступил на два шага и уставился на меня как на привидение. — Олд Шеттерхэнд здесь, среди нас, в этой шахте!

От изумления он просто лишился дара речи.

— Если ты мне не веришь, спроси белую дочь. Я сопровождал ее и всех переселенцев от самой Большой Воды в горы, чтобы узнать, что задумал сделать с ними Мелтон, и освободить их из его рук.

— Олд… Шеттер… хэнд, враг нашего племени! В нашем лагере, в самом сердце Альмадена!

— Ты ошибаешься, врагом вашего племени я никогда не был, а был другом всех индейцев.

— Но ты же убил Маленького Рта, сына нашего верховного вождя!

— Он сам меня к этому вынудил, потому что хотел убить вот этого юного воина мимбренхо, которого ты видишь перед собой, его брата и его сестру.

— Большой Рот поклялся убить тебя!

— Об этом мне известно, но разве это служит причиной для тебя стать моим смертельным врагом?

— Я должен повиноваться Большому Рту!

— Ты не прав, в этом деле твой вождь должен сам разобраться, а ты здесь ни при чем. Большой Рот должен сам уладить свои отношения со мной, и в помощниках он не нуждается. Я тебя освободил, доказав тем самым, что я не враг юма. Если бы я был им, то убивал бы всех ваших воинов, которых я повстречал, начиная с асиенды Арройо и до этой скалы. Я за это время пленил человек сорок твоих соплеменников.

— Взял… стольких… моих братьев… в плен! — повторил он удивленно. — Где же они сейчас?

— В отряде наших союзников — мимбренхо, с которым я прибыл в Альмаден.

— Эти мимбренхо находятся вместе с тобой?

— Нет. Они ожидают моего возвращения внизу, оставаясь под командованием великого Виннету. Они находятся там, где вы их никогда не найдете. Я поехал вперед с одним молодым воином, чтобы изучить обстановку в Альмадене, и намерен освободить всех бледнолицых, которых я обнаружу в шахте, под землей, не прибегая к помощи какого-нибудь другого человека.

Выражение неописуемого изумления все еще не сходило с лица индейского вождя. Он никак не мог подобрать слов для ответа. Я же продолжал:

— Нам будет нетрудно победить юма, охраняющих доступ в Альмаден, но я хотел бы обойтись без кровопролития. Хитрый Змей может мне сказать, останутся ли его воины моими врагами или они обратятся в моих друзей!

Индеец показался мне честным человеком еще вчера, когда я услышал его разговор с еврейкой, поэтому я вел себя с ним совершенно не так, как собирался, да и его теперешнее

поведение произвело на меня хорошее впечатление. У него был необыкновенно выразительный взгляд. Он смотрел на меня, почти не отрывая глаз, и в течение нескольких минут размышлял, а потом решился ответить:

— Так как Олд Шеттерхэнд убил сына моего вождя, то я должен быть его врагом. Но Олд Шеттерхэнд спас меня и Белый Цветок, поэтому мне хочется предложить ему свою дружбу. Я не могу делать то, к чему стремится мое сердце, но также не могу совершать то, что мне повелевает долг. Я не могу быть другом Олд Шеттерхэнда, но и не могу стать его врагом. Он может со мной делать все, что захочет.

— Хорошо! Мой брат очень искренне выразил свои чувства. Значит, он примирится с тем, что я за него решу?

— Да. Здесь мне была суждена верная смерть, поэтому возьми у меня жизнь, и я не стану защищаться!

— Твоя жизнь мне не нужна, а вот свободу твою я возьму, по крайней мере — на некоторое время. Ты согласен рассматривать себя в качестве моего пленника?

— Да, я согласен на это.

— Надо ли мне снова связывать тебя, чтобы быть уверенным, что ты не сбежишь?

— Хочешь — связывай, хочешь — нет, я все равно останусь возле тебя, пока ты мне не скажешь, что я вновь свободен. Но после этого ты не сможешь ничего больше от меня потребовать. Полезным я тебе быть не смогу и никаких сведений давать не буду.

— Хорошо, значит, мы договорились. Ты считаешься моим пленником и будешь выполнять мои указания. Для исполнения моих планов мне твоя помощь не нужна.

Я развязал еврейке руки и отправился на поиски других узников. Помещение, в котором содержалась Юдит, было маленьким. Там, видимо, начали проходку штрека, да скоро прекратили это занятие, потому что в этом направлении ничего ценного в породе не обнаружили.

Значит, других пленников надо было искать за второй дверью. Когда я открыл ее, мы оказались в вырубленной в скале камере, откуда в различных направлениях расходились три штрека. Воздух здесь был спертым, дышалось тяжело, воняло серой. Два прохода оставались незапертыми, а третий перекрывала дверь с двумя засовами. В дверь эту был вделан глазок, какими обычно снабжаются тюремные двери. Я откинул заслонку, пытаясь заглянуть внутрь, но сейчас же отшатнулся, потому что в нос мне ударил такой смрад, какого нельзя было вынести, а стоило мне поднести к отверстию факел, тот чуть было не погас.

Но когда я отодвинул засовы и открыл дверь, стало еще хуже. Спертый воздух вырвался оттуда, и его запах нельзя было и описать. Сравнить с ним затхлость, царившую в трюмах печально известных кораблей, перевозивших через океан черных рабов, просто нельзя. Тот гнилой аромат мог бы показаться чистейшим озоном, а то и духами.

Дверь прикрывала собой ход с очень низким потолком. Чтобы в нем передвигаться, я вынужден был согнуться, и тем не менее, как я увидел, он дал приют очень многим людям!

Переселенцы лежали поодаль от двери — мужчины, женщины, дети, все вперемешку. Когда на них упал отблеск наших факелов, то они поднялись, и послышался звон цепей. Дети от страха расплакались, женщины просили хлеба, мужчины произносили проклятья, злобно покрикивая на меня и стараясь вытолкнуть меня из своей тесной тюрьмы. Поднялись скованные цепями кулаки — это был момент величайшего возбуждения. Но мне достаточно было только сказать несколько слов, и грозящая мне опасность сменилась всеобщим дружелюбием. Люди радовались, они обнимали меня, несмотря на свои оковы. Каждый из них хотел пожать мне руку, кое-кто даже поцеловал меня, а многие от счастья заплакали. Не скоро я их успокоил до такой степени, что они смогли отвечать на мои вопросы.

Вождь смотрел на это зрелище издалека. Когда объятия прекратились, индеец воспользовался паузой, подошел ко мне и сказал:

— Хотя Олд Шеттерхэнд говорил, что от меня никакой помощи не надо, но я только хочу сообщить ему: там, в щели, спрятан ключ, которым можно отомкнуть кандалы.

Будучи, в сущности, полудиким человеком, он не смог вынести вида страждущих, и доброе сердце подтолкнуло его сделать мне ценное признание. Правда, я бы и без него нашел этот ключ, потому что убедил себя, что искать его надо поблизости от того места, где находятся запертые люди.

Пленники помогали один другому: не прошло и пяти минут, как кандалы были сброшены в кучу. И сразу же освобожденные устремились вон, на волю. С большим трудом мне удалось убедить их соблюдать спокойствие. Шум не должен был потревожить Мелтона, не должен был привлечь его внимания к происходящему. Мы, конечно, не могли знать, каким будет сопротивление, поэтому я распорядился, чтобы люди уносили с собой брошенный инструмент, прежде всего — молотки и кирки, которые можно было использовать как оружие.

В первые минуты свободы охваченные радостью люди вовсе не обращали внимания на индейца, но потом они пригляделись к нему и узнали вождя, им было известно, что это Хитрый Змей, знали они и его роль в совершенном над ними злодеянии. Они захотели моментально отомстить своему врагу, и мне стоило большого труда удержать их от немедленного самосуда. Но я успокоил их, объяснив, что вождь является заложником и в таком качестве может быть им весьма полезным.

Мы отправились к нашей пещере. Поскольку идти пришлось гуськом, шествие наше значительно растянулось. Все огни были зажжены, в том числе — шахтерские лампы, развешанные по стенам. Конечно, мы не могли попасть прямо в пещеру, так как ее от нас отделяла пропасть. Нам пришлось сначала выйти наружу через уже описанный ход. Я выбрался из подземного хода последним, и отверстие было тут же заложено камнями. Потом мы пробрались по промоине в пещеру. Она оказалась достаточно обширной, чтобы вместить всех.

Было три или четыре часа ночи, то есть самое время подумать о том, как обезопасить всех от Мелтона. Нам надо было много порассказать друг другу, о многом порасспросить, но это пришлось перенести на более поздний срок, потому что мы должны были оставить Альмаден еще до того, как рассветет. Я отобрал десяток мужчин поздоровее: они должны были сопровождать меня и мимбренхо. Оставшимся я строго-настрого запретил покидать пещеру, потому что это могло нас выдать. Они пообещали выполнять мои распоряжения. О Хитром Змее я больше не беспокоился, так как был убежден, что он сдержит свое обещание. И даже в том случае, если индейцу вдруг придет в голову мысль о побеге, я был уверен, что те бывшие его пленники, среди которых он оказался в пещере, скорее убьют вождя, чем позволят ему уйти.

Путь на плато мне не надо было искать: каждый из десяти сопровождавших меня спутников был хорошо знаком с этой тропой. Мы без приключений забрались наверх. Находившиеся там сторожа особого беспокойства у нас не вызывали. Конечно, они могли нас услышать, но и тогда бы наверняка предположили, что это идут друзья.

У дома над входом в шахту было не только дверное отверстие, там имелись еще и оконные проемы. Через них проникал слабый свет — это было хорошо, так как мы могли видеть, куда нам следует направиться.

Мы шли напрямую к домику, старясь побыстрее добраться до него, нисколько не заботясь о том, чтобы приглушить шаги. Трое индейцев, лениво развалившихся там на земляном полу, вскочили, но тут же, даже не успев предпринять мер для собственной защиты, были опрокинуты и связаны собственными поясами. Вначале им заткнули рты, а потом пленников оттащили подальше от дома, так что увидеть их из помещения стало невозможно. Десять моих людей

должны были усесться возле них. Такое распоряжение я отдал, подумав о Мелтоне, который не должен был знать истинного положения дел.

Я считал, что для взятия его в плен никакой помощи мне не понадобится, но на всякий случай взял с собой маленького мимбренхо, на которого в подобном случае я полагался больше, чем на всех десятерых белых, вместе взятых, поскольку они не были знакомы с превратностями военных схваток…

В доме мы обнаружили несколько шахтерских ламп. Одну из них я зажег и укрепил за петлю своего жилета. При этом я в случае необходимости мог прикрыть лампу полой куртки. Я ожидал увидеть здесь, в домике, ворот подъемника, но его не оказалось, значит, он должен был находиться ниже, и я больше не стал ломать себе над этим голову. Из входного отверстия высовывалась несколькими ступенями приставная лестница. Я стал спускаться по ней, а мимбренхо последовал за мной.

Наверху отверстие было гораздо шире, чем внизу. Когда лестница кончилась, мы оказались в просторном помещении. Здесь и находился ворот. Стоило только привести в движение маховое колесо, как массивный вал начинал наматывать на себя цепь. Подъемник находился еще наверху. По трем стенкам помещения были расставлены различные нужные в руднике предметы, а с четвертой стороны оставалось широкое свободное пространство — здесь-то и начинался тот самый переход, который мы искали. Мы проскользнули в него. Все вокруг было тихо; мы осторожно пошли вперед.

Я прикрыл лампу и только время от времени освещал ее светом наш путь. Подземная галерея была длинной, казалось, что у нее просто нет конца. Наконец справа мы увидели дверь, а слева — другую. Они были занавешены циновками. Казалось, что обитатели дома-убежища спят, но в этом я ошибся, потому что, когда мы прошли на несколько шагов дальше, я услышал разговор. Перед нами оказались две рядом расположенные двери. Голоса раздавались за левой из них, то есть в комнате Мелтона. Мы неслышно подошли к двери, и я немножко приподнял прикрывавшую вход циновку. Посреди комнаты стоял грубо сколоченный стол, на котором лежали два револьвера и нож. Кроме стола, в комнате я заметил несколько сколоченных из обрубков дерева стульев или, правильнее сказать, табуреток. На стене висело два ружья, а радом с ними лежала большая кожаная сумка, в которой, вполне возможно, находились патроны. Мелтон сидел за столом на табуретке и говорил с индианкой, представлявшей собой образец человеческого уродства. Она стояла между столом и дверью. В тот самый момент, когда я заглянул в комнату, Мелтон сказал, пользуясь, как уже много раз было упомянуто, словами из разных языков:

— Вам обеим будет, пожалуй, ее жаль, после того как ты так много узнала о том, что я хочу с нею сделать?

— Жаль? — ответила она картаво. — Да мы будем рады! Она терпеть нас не могла, да и мы ее — тоже.

Я догадался, что речь, конечно, шла о Юдит.

— Тогда вы еще больше обрадуетесь, если я скажу тебе, что она больше никогда не выйдет наверх». Теперь вы снова станете полными хозяйками в доме. Если вы будете верно служить мне, я буду вам хорошо платить.

— Мы верны вам, сеньор, потому что вы обещали заботиться о нас и сдержите слово. Если бы вы только смогли защититься от врагов, нападения которых вы ожидаете!

— О, об этом я совершенно не беспокоюсь. Они, видно, сошли с ума, если отправились в Альмаден. Впрочем, они никогда не доберутся до него, потому что мы, как только получим сообщение от разведчиков, выступим им навстречу и всех, до единого человека, уничтожим.

— Но мы слышали, что среди них находятся знаменитый Виннету и весьма отважный

белый воин. Этого воина я не знаю, но Виннету не так-то легко победить. Военным умением и хитростью он превосходит других воинов. Если ему удастся выманить наших людей отсюда, а потом он нападет на беззащитный Альмаден?

— Это ему никогда не удастся. Ну а если невозможное все-таки случится, вы знаете, что вам делать. В шахту не должен попасть ни один чужак: никто не должен видеть пленников. На такой случай лежит возле вала нож. Но до этого дело никогда не дойдет, потому что даже если нас победят под Альмаденом, то такую крепость, как скала, ни за что на свете не взять штурмом. И мы уж приложим все силы, чтобы сюда не ступили ни Виннету, ни тот белый, о котором ты говорила.

Больше слушать я не хотел, потому что времени у нас было немного, поэтому я отдернул занавеску в сторону, вошел в комнату и сказал:

— Тут вы глубоко заблуждаетесь, мастер Мелтон, ибо мы уже здесь, как вы видите!

Одновременно я молниеносно схватил револьверы и нож, встав таким образом, что к ружьям Мелтону пришлось бы пройти мимо меня. Он прыгнул от меня, как от привидения.

— Олд Шеттерхэнд! Тысяча чертей! — закричал он. — Тогда и Виннету тоже здесь. Пошла, старая ведьма! И делай свое дело, потому что вот он, тот белый, которого ты опасалась!

Последние слова были обращены к индианке. Она попыталась ускользнуть, но я схватил ее и отбросил назад, так что она шлепнулась на постель. В то же самое время в комнату вошел мимбренхо, чтобы задержать женщину. Она попыталась вырваться, а когда это не удалось, она закричала что есть мочи, повторяя несколько индейских слов, из которых я понял только два, а именно «ала» и «аква». Первое, пожалуй, было женским именем, а второе означало «нож». Это было, вероятно, обращение к другой старой индианке, находившейся здесь же, рядом. Та должна была совершить все, в чем мы помешали первой старухе. Но теперь я не мог уделять внимание ни индианке, ни ее крикам, потому что целиком был занят Мелтоном, который, воспользовавшись замешательством, схватил табуретку, единственное оставшееся у него для обороны оружие, и, размахивая ею, стал наступать на меня. Выкрикивая страшные проклятия, он собирался обрушить эту табуретку мне на голову, но я успел нагнуться, схватил Мелтона, приподнял его и швырнул об стену, да так, что он рухнул без сознания на землю. Тут в коридоре раздался второй женский голос. Мелтон очнулся и хотел было подняться, но я крепко держал его за шею. Он попытался оттолкнуть меня ногами, но и это ему не удалось. Помощи мне никакой не требовалось, однако маленький индеец подошел к нам. Перед этим он крепким тумаком оглушил старуху и собирался вмешаться в схватку. В углу комнаты были сложены несколько лассо, одним из них мимбренхо связал Мелтона, пока я крепко держал его: сначала он спутал ноги, а потом прикрутил к телу руки. Теперь Мелтон был для нас безопасен, и я приказал своему спутнику:

— Оставайся здесь! Я должен выйти, потому что слышу шум, там снаружи, кажется, что-то происходит.

В тот самый момент, когда я покидал комнату, звякнула цепь у ворота. С лампой в руках я помчался вперед. Когда я подбежал к вороту, возле него стояла старуха, а с вала сматывалась цепь. Я успел заметить, что цепь не просто была намотана на вал, а еще и привязана к нему крепким плетеным ремнем. И прежде чем я успел помешать, старуха перерезала ремень, цепь с тяжелым грохотом упала в шахту — теперь никто не мог вытащить ее наверх.

Только теперь я понял значение слов, сказанных чуть раньше Мелтоном: «Вы же знаете, где лежит нож и что вам нужно делать».

На тот случай, когда опасность разоблачения покажется весьма значительной и некому будет от нее избавить, женщинам было приказано быстро смотать цепь и перерезать ремень. Лестница вела только до ворота, дальше вниз можно было попасть лишь на подъемнике. Если

же тот лежал вместе с цепью внизу, то попасть на дно шахты становилось невозможно: пленные должны были умереть, и тайна их заключения исчезла бы вместе с ними. Я бы не поверил, что Мелтон, несмотря на всю подлость своей натуры, решится на такое дьявольское дело.

Я содрогнулся от ужаса. Как хорошо, что я нашел штольню! При одной мысли, что без такого выхода бедные мои соотечественники оказались бы внизу в безвыходном положении, я похолодел. Тут я увидел, что женщина направляется к лестнице. Я схватил ее за руку и, преодолевая слабое сопротивление, потянул в проход, а потом в комнату, где лежал Мелтон. Когда тот увидел, что мы входим, он бросил на старуху испепеляющий взгляд и спросил:

— Цепь внизу?

— Да, — кивнула она, злорадно ухмыляясь.

Тогда Мелтон расхохотался и с насмешкой в голосе обратился ко мне:

— Один лишь черт знает, как вы сюда попали, мастер. Вы, конечно, захватили меня врасплох, только цели своей все равно не достигли.

— Какой цели? — спросил я, вызывая его на откровенность.

— Вы знаете ее гораздо лучше меня. Я поостерегусь говорить вам какие-либо слова, которые позднее вы сможете использовать против меня.

— Я ищу работников с асиенды Арройо. Где они?

— Я ничего про них не знаю. Можете поискать сами. Они направляются в Альмаден, но еще сюда не прибыли. Я перегнал их по дороге.

— А почему вы хотели сбросить цепь в шахту?

— Я? Но вы же сами видели, что это сделала женщина!

— Потому что вы ей приказали.

— Вы что-то об этом знаете? Ну, тогда спросите ее сами! Она весьма охотно расскажет вам обо всем, что вы захотите узнать. Но вас я вполне серьезно прошу освободить меня! Альмаден принадлежит мне, здесь я хозяин, я приказываю, и если вы немедленно меня не освободите, то будете отвечать за последствия!

— Ну, никаких последствий я не боюсь. Что же касается вас, то о том, следует ли когда-нибудь вас освободить, решит суд.

— Суд? Да вы с ума сошли! Где же вы найдете здесь суд?

— Судья уже в пути. Сначала надо будет узнать, кто подговорил юма напасть на асиенду Арройо и сжечь ее дотла. Потом следует заняться судьбой переселенцев. Я думаю, что они, когда мы их найдем, смогут сообщить очень много ценного про вас.

— Ну что же, тогда мне только остается пожелать вам, чтобы они нашлись, — рассмеялся он, — и чтобы вы в этом отношении оказались удачливее меня, потому что я их не видел с того самого момента, когда простился с вами на асиенде.

— Но ведь они движутся в направлении Альмадена, а так как здесь я все уже сделал и нужно теперь возвращаться на асиенду, то, пожалуй, смогу их встретить. Так как вы будете сопровождать меня, что само собой разумеется, то вы получите удовольствие поприветствовать их и сами убедитесь в их благополучии.

На его лице появилась уже неоднократно мною виденное дьявольски насмешливое выражение. Он был убежден, что мы по пути не встретим переселенцев, так как они находятся глубоко под землей. Он знал, что там их ожидает неминуемая смерть и они никогда не смогут свидетельствовать против него. Конечно, его «предприятие» с даровой рабочей силой лопнуло, но если ему удастся уйти от наказания, то он надеялся набрать где-нибудь еще новых наемников. Такой или подобный ход мыслей подсказал ему следующий ответ:

— Меня должно радовать, сэр, что я, услышав ваши слова, получил доказательство, что вы вторглись сюда противоправно и безо всякого основания, совершив надо мною насилие. Теперь

вы можете подумать о последствиях своего поступка!

— Последствие может быть лишь одно — и это будет кусок веревки вокруг вашей шеи. У меня достаточно доказательств, что вы замешаны в нескольких преступлениях, я даже думаю, что мне удастся заполучить в свидетели индейцев юма.

— Попытайтесь! — усмехнулся он.

— Разумеется, попытаюсь. Думаю, что найду и кое-какие другие факты против вас. Так как вы стали наследником асьендеро, то он передал вам контракты, подписанные моими соотечественниками. Должна быть при вас и купчая, подписанная в Уресе доном Тимотео. Надеюсь, есть при вас и другие документы и письма, и вас ожидают большие неприятности, если они попадут в мои руки. Мне, пожалуй, не надо будет убеждать вас сказать мне, где эти документы находятся?

— Спрашивайте об этом, сколько захотите, ничего против не имею!

— Да, но вы же мне не ответили на вопрос. Придется нам оставить бесполезные речи и лучше заняться поиском.

— Ищите, где хотите! Мне очень интересно, куда вы сунете свой нос, чтобы потом, не добившись успеха, убрать его назад.

Сначала я осмотрел всю одежду Мелтона, но ничего не нашел. Потом обыскал карманы других находившихся возле постели вещей — с тем же результатом. Главное я оставил на более позднее время, а пока отправился в другие комнаты. В помещении Уэллеров искать было нечего. В комнате Юдит и у старух индианок хранились запасы пищи, которых нам должно было пока хватить. Когда я, не достигнув цели, вернулся к Мелтону, он насмешливо спросил:

— Ну, как успехи с поисками, мастер? Ведь не подлежит никакому сомнению, что знаменитый Олд Шеттерхэнд всегда находит то, что ищет, стоит ему только понюхать воздух!

— Верно, сэр, и дальнейшие поиски не доставят мне никакого труда. Мой юный спутник может заняться этим делом вместо меня. Пусть он немного постучит по стенкам. Конечно, мы услышим звук пустого пространства. Люди вашего типа привыкли устраивать подобные тайники.

— Прикажите ему стучать, сколько вам нравится, меня это даже немного позабавит.

Я был убежден, что он прихватил с собой упомянутые документы и другие важные вещи, надо было только отыскать их. Поиск я доверил мимбренхо, чтобы внимательно понаблюдать за Мелтоном. Каждый криминалист знает, что при обыске помещения выражение лица и глаз хозяина служит почти верным указателем. Очень тихо я проинструктировал мальчишку-индейца о том, как найти укрытый в стене или в полу тайник, а потом, когда я кашляну, быстро отдернуть руки от этого места, но почти сразу же опять к нему приблизиться. Он вел себя в точном соответствии с моими указаниями. Я притворился, будто все мое внимание занято его действиями, но на самом деле не сводил глаз с Мелтона, а чтобы он этого не обнаружил, устроился так, что лицо мое оставалось в тени.

Мелтон очень внимательно наблюдал за мимбренхо, но чем ближе краснокожий подбирался к постели, тем напряженнее становилось его лицо. Когда мальчишка подошел вплотную к постели, я кашлянул. Он отошел в сторону, и сейчас же на лице Мелтона промелькнуло удовлетворение. Эта уловка повторилась несколько раз, и я убедился, что тайник находится в постели или радом с ней. Поэтому, когда мимбренхо в очередной раз приблизился к постели, я не кашлянул. Тогда он занялся проверкой постели. Я увидел, каким озабоченным стало лицо Мелтона и как он обрадовался, когда мальчишка ничего не нашел и пошел дальше.

Теперь я был уверен, что искать необходимые документы надо на полу под постелью, и приказал прекратить дальнейшие поиски, потому что я на всякий случай решил сделать так, чтобы Мелтон не узнал об удачном исходе наших поисков.

Когда мормон увидел, что мимбренхо прекратил возиться около постели, он снова стал надо мной насмехаться, но я даже не потрудился ответить ему, оставив его и обеих старух опять на попечении мимбренхо, а сам поднялся наверх, к тем десяти мужчинам, которые там нас ожидали. Двух из них было достаточно для присмотра за краснокожими, а другие должны были последовать за мной, чтобы принести провизию. Она необходима была нам на обратном пути, потому что я прихватил припасов только для себя и мальчишки. Потом мы привели обоих сторожей в комнату индианок, причем оставшиеся переселенцы получили приказ отправиться вместе с провизией назад к пещере, но соблюдая предельную осторожность, чтобы остаться незамеченными. Я отослал их, потому что Мелтон пока не должен был даже догадаться, что они на свободе.

Покончив с этим делом, я привел обеих индианок к сторожам, а Мелтона отнес в комнату Юдит. Его надо было убрать из собственной комнаты, чтобы он не видел, как мы будем продолжать там свои поиски, а одного я оставил… потому, чтобы от сторожей он не узнал, что я привел с собой белых переселенцев.

Теперь мы с мальчиком принялись за изучение пола под постелью. Был он земляным и плотно утоптанным. Я стал постукивать по нему и вскоре услышал глухой звук. Тогда я ударил ножом по этому месту и скоро наткнулся на плоский камень, который был небольшим и прикрывал ямку, в которой я и нашел то, что искал: кожаный бумажник, завернутый для защиты от влаги в еще один кусочек кожи. Я открыл бумажник, чтобы бегло просмотреть его содержимое, так как на подробное знакомство у меня просто не хватало времени. Кроме писем, бумажник хранил значительное число сложенных документов — контракты моих соотечественников и купчую на асиенду. В особом отделении лежала пачка банкнот, на вид очень толстая. Я положил бумажник к себе в карман, снова заложил ямку камнем и расстелил над нею постель. Потом мы вынесли наружу оружие Мелтона и вернулись за ним самим. А чтобы ему не захотелось подать свой голос, я заткнул его рот крепким кляпом. Когда Мелтон, несмотря на то, что был связан, стал сопротивляться, не давая нам ухватиться покрепче, мы привязали его к лассо и так потащили из комнаты. Мы вытянули наружу и лестницу, которую сломали. Это мы сделали для того, чтобы выиграть время. Когда юма на рассвете заметят отсутствие часовых, то не смогут попасть в шахту. Правда, они бы могли спуститься на лассо, но только до ворота. Чтобы помешать им пробраться в шахту, мы скинули обломки лестницы в отверстие ствола шахты, причем таким образом, что они застряли, а преодолеть их можно было лишь с большим трудом. Эти обломки пришлось бы вытаскивать, а это дало бы нам солидный выигрыш во времени, и мы так далеко ушли бы от Альмадена, что преследовать нас было бы совсем бессмысленно.

Взяв себе оружие Мелтона, мы хотели спускаться вместе с ним, для чего пришлось развязать ему ноги. Он было вначале сопротивлялся, но несколько сильных ударов прикладом сделали его благоразумнее, и он дошел с нами до угла скалы, возле которой я подслушивал разговор Хитрого Змея и Юдит. Здесь мы снова связали ему ноги и так прочно прикрутили к камню, что он не смог бы даже пошевелиться. Я хотел его оставить лежать здесь, потому что Мелтон еще не должен был видеть спасенных переселенцев и обманутого им вождя.

В пещере горели свечи, своих соотечественников я застал за едой. Они были сильно голодны и сразу же после возвращения десятерых своих товарищей, уходивших со мной наверх, принялись за принесенные ими припасы.

Я сказал им, что время не терпит и нам надо немедленно покидать Альмаден, потому что мы должны быть уже довольно далеко от него, когда наступит день. Мои земляки обрадовались этому.

Сначала мы вывели коней, они должны были попеременно везти наиболее слабых.

Мимбренхо должен был идти впереди как разведчик, пролагая путь, а я намеревался следовать в некотором отдалении с Мелтоном. Хитрому Змею связали руки за спиной. Правда, я достаточно доверял краснокожему и уже убедился, что он не сделает никаких попыток к бегству, но на всякий случай следовало быть осторожным. Он шел в самой середине немцев.

Естественно, мы завалили вход в пещеру, прежде чем выступить в путь. Когда весь отряд удалился на порядочное расстояние, я пошел к Мелтону, чтобы повести и его. Я отвязал его от камня, освободил ему ноги, а поскольку он еще не забыл удары прикладом, то пошел со мной без какого-либо сопротивления. Чтобы принять меры безопасности на всякий случай в темноте, я обмотал еще один ремень вокруг его руки, укрепив другой конец у своего запястья.

Я придерживался в точности того же пути, которым мы пришли сюда, то есть сразу повернул на юг. Я знал, что и мимбренхо выберет ту же дорогу и не станет блуждать в темноте.

Пока мы медленно удалялись от Альмадена, ночь миновала, и небо посерело. Когда стало настолько светло, что четко обрисовался горизонт, скал Альмадена уже не было видно. Я специально шел очень медленно, чтобы переселенцы несколько отдалились от нас, так как Мелтона надо было по возможности сильнее ошеломить их появлением. Когда оставалось еще полчаса ходьбы до той точки, где дорога наша должна была поворачивать на запад, я уже свернул в этом направлении и вынудил пленника двигаться побыстрее, потому что я хотел опередить своих спутников, которых Мелтон не должен был видеть. Это мне вполне удалось, потому что переселенцы, сильно ослабевшие под землей, могли идти только медленно. Когда мы срезали угол и вновь вышли на тропу, я увидел позади себя длинную темную линию с двумя вертикальными полосками. Эта линия представляла собой пешеходов, а выступающие полоски были не что иное, как всадники, оседлавшие жеребцов. Мелтон смотрел в это время вперед и ничего не заметил. До сих пор он шел за мной, не говоря ни слова, но теперь быстрая ходьба, казалось, насторожила его, и он сказал:

— Куда это вы меня тащите с такой скоростью, сэр? Неужели на асиенду Арройо?

— Конечно, достойнейший мастер, — ответил я.

— Пешком! Когда же, по вашему мнению, мы туда попадем, если только вы не пойдете по ложному пути?

— Это тот самый путь, которым я добирался до Альмадена, и я считаю его правильным.

— Нет, вы идете кружным путем. Если мы хотим двигаться прямым и верным путем, то мы должны держаться гораздо севернее. Такой знаток прерий, как вы, должен бы это понять!

— Прямой путь был бы для меня неверным, вы знаете это очень хорошо и тем не менее хотите уговорить меня пойти именно таким путем. Там, на севере, собрались ваши юма, там же проходит линия ваших постов к асиенде, и там мы должны были бы наткнуться на Уэллера, который отправился разыскивать меня и Виннету, и поехал, конечно, не один. Вы видите, что птичка не настолько глупа, чтобы попасть в вашу клетку.

Он понял, что я раскусил его намерения, разозлился на это и дал выход своей злобе издевательским замечанием:

— Значит, Олд Шеттерхэнд, выдающий себя за великого героя, просто испугался!

— Осторожность — это еще не трусость, мастер, а героем себя я никогда не считал и не выдавал за такового. Скажу вам лишь откровенно, что, например, в этом своем предприятии мне так повезло, как не везло никогда в жизни. И вы еще не знаете, что мне удалось сделать в Альмадене!

— О, — мрачно ухмыльнулся он, — я все-таки об этом знаю. Два человека проникли, обманув стражу, в Альмаден и вытащили меня оттуда! Это, конечно, совершенно неописуемое счастье. Но при этом кое в чем везение вам изменило, потому что вы не нашли ни своих немцев, ни того, что искали в моей комнате. Отныне же у вас будет еще меньше везения. Уэллер не

успокоится, пока не вызволит из плена своего сына, а потом он нападет на вас вместе с юма. Итак, я советую вам не портить со мной отношения, потому что вы обязательно попадете в наши руки, и тогда уж я воздам вам полной мерой за все, что вы со мной сделаете.

— Это вам, сэр, можно позволить. Но только должен сообщить вам, чтобы вы не пугали меня Уэллером. Своего сына он освободить не сможет, потому что того задушил Геркулес, а когда мы поймаем папашу, что я считаю больше, чем вероятным, то мы устроим над ним короткий процесс по обвинению в убийстве. Если он рассказал вам, что его сын попал в наши руки, то он, конечно, сообщил и о том, что они вдвоем хотели убить Геркулеса. И если бы тот не обладал исключительно крепким черепом, он бы не перенес удара прикладом ружья, а теперь он с болью в сердце ожидает момента, когда сможет посчитаться со старшим Уэллером так же, как поступил с молодым.

Мелтон какое-то время ошеломленно смотрел на меня, а потом воскликнул:

— Малыш Уэллер убит! Не может этого быть! Вы, пожалуй, рассказываете мне сказки!

— Вовсе нет. Даю вам свое честное слово, что он скончался в могучих руках атлета, а старший Уэллер с большим трудом избежал той же судьбы. По меньшей мере, я нисколько не опасаюсь, что он нападет на нас во главе юма. Эти храбрые индейцы очень скоро придут к убеждению, что дружба ваша крайне опасна, если только этого уже не случилось.

— Хотел бы я узнать основания для этого! — усмехнулся он.

— В этом им поможет их вождь Хитрый Змей.

— Каким это образом? Он же считает себя моим самым верным союзником, и Уэллер поднимет в погоню за вами всех его воинов.

— Вы полагаете, что Уэллеру удастся это сделать?

— Да, как только он узнает о моем исчезновении.

— Так, так! Я полагаю, что в индейском лагере речь пойдет не только о вашем исчезновении, но и о пропаже Хитрого Змея. Или вы ничего не знали о том, что вождь индейцев внезапно исчез?

— Вы это серьезно? Ни слова не слышал об этом. Исчез? Куда же?

— Да в нижнюю штольню!

При этих словах он повернул ко мне голову резким движением, как будто его ударили, посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, раскрыл рот, а чуть позже выкрикнул:

— В штольню? Как это понимать?

— Да так же, как это произошло на самом деле. Он был заперт в шахте, внизу, и притом тем самым человеком, который там же, внизу, посадил в темницу прекрасную Юдит.

— Юдит? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Разумеется. Ведь Юдит отреклась от золота, драгоценных камней, дворца и замка, которые были ей обещаны, потому что кое-кто не сдержал своего слова и не выпустил на свободу ее отца, а еще потому, что все это ей обещал предоставить и индейский вождь. Тогда ее завлекли в шахту, а там некий человек по фамилии Мелтон запер ее в камеру.

— Боже, да вы в своем уме?!

— И даже очень! Ее заперли, хотя она угрожала, что вождь индейцев будет ее разыскивать и придет к вам ее требовать. А накануне вечером она встречалась с вождем, и тот предупредил ее о ваших намерениях. За это на него напали и тоже опустили в шахту.

— Да вы просто фантазер, сочинили здесь целый роман, но в действительности такого произойти не могло!

— Да, мое сообщение звучит как роман, как фантастическая выдумка, когда я утверждаю, что его заперли в том же самом каменном мешке, в котором уже находилась Юдит.

— Вы говорите так, словно точно это знаете!

— Человеку совсем не обязательно быть семи пядей во лбу, чтобы говорить о том, что он видел и слышал.

— Как это? Что вы говорите? — спросил он, и в голосе его послышались нотки страха, а глаза, казалось, готовы были выскочить из глазниц. — Вы хотите сказать, что могли видеть и слышать все это?

— Да не только хочу, я ведь говорю серьезно: все это произошло на самом деле.

— Но тогда вы должны были находиться внизу, в шахте!

— Именно там я и находился.

Он застыл на месте, снова уставился на меня как в бреду и спросил:

— Как же вы выбрались наверх?

Так как я не собирался говорить ему правду, то ответил уклончиво:

— А разве меня не могли вытянуть на подъемнике?

— Нет, потому что я поднял ящик.

— Ах, вот оно что! Вы сказали, что потом вы подняли ящик. Тем самым вы во всем признались!

— Да, черт возьми! Пусть это будет моим признанием! Но произнес я его только перед вами, и никому другому этих слов не повторю, а вашим утверждениям просто не поверят. Да вы вообще ничего не сможете сказать, потому что очень скоро Уэллер позаботится о том, чтобы ядовитые испарения отняли у вас язык. Вы, кажется, заключили союз с сатаной, потому что только он мог опустить вас в шахту. Но не очень-то на него полагайтесь! Черт не может быть добрым другом и всегда оставляет человека именно в тот момент, когда его помощь всего нужнее!

— Да, это вы узнали на собственном опыте, и как раз сейчас вы чувствуете себя совершенно покинутым им, — ответил я, отворачиваясь от него, потому что мог бы утверждать, что его взгляд почти причинял мне физическую боль. Правильность черт и мужская красота его лица как-то разом исчезли. Он теперь выглядел дьявольски безобразным.

— Я чувствую себя покинутым! — продолжал этот упрямец. — Тут вы сильно заблуждаетесь! Я не сдамся вам без сопротивления, на что вы рассчитывали. Что вы сможете со мной сделать, если я так вот просто сяду и не сдвинусь с места?

При этих словах он бросился на землю.

— Вы уже отведали приклада, — ответил я. — Я сумею заставить вас силой повиноваться.

— Попытайтесь! Пинайте меня, бейте меня! Я останусь здесь и предпочту быть забитым до смерти, чем двинуться хоть на шаг дальше. Мы еще недалеко от Альмадена и моих верных юма. Они станут искать меня, найдут наши следы и будут нас преследовать, а когда догонят, то схватят вас и освободят меня.

— Не думайте, что это такое легкое дело! И последние свои слова я сумею доказать вам, если не смогу вынудить вас продолжить путь. Значит, мы останемся здесь и будем поджидать прибытия ваших юма. И тогда выяснится, захотят ли они ради вас нападать на меня. Я даже не стану снова связывать вам ноги, чтобы вы, когда индейцы появятся, смогли сделать несколько шагов им навстречу.

Я уселся на землю, а Мелтон растянулся рядом, плюнул в мою сторону, а потом отвернулся, чтобы больше не видеть меня. Это совпадало с моими намерениями, потому что иначе он бы заметил идущий караван, который как раз появился в отдалении. Скоро они уже настолько приблизились, что можно было различить лица. Впереди шагал мимбренхо. Он увидел нас, но продолжал спокойно идти дальше, не принимая никаких мер предосторожности, потому что его зоркий глаз узнал меня. Мелтон видел его рядом со мной, и я очень удивился, что мормон ничего меня не спросил о мальчишке. Ведь он же должен был заметить отсутствие

мимбренхо и задуматься о причине его исчезновения.

Теперь отряд настолько приблизился, что стал слышен топот десятков ног. Мелтон насторожился и резко подался вперед, так что теперь он смог сидеть, после чего обернулся. Но в следующее же мгновение он вскочил на ноги и уставился на подходящих, словно это были призраки. И, не удержавшись, он выкрикнул:

— Черт возьми, что я вижу! Кто к нам приближается!

— Ваши юма, которых вы ожидали. Они собираются вас освобождать, — ответил я. — Надеюсь, теперь вы довольны, что ваши надежды так быстро исполнились.

— Негодяй! Да ты действительно заключил союз с дьяволом!

Не успев выкрикнуть эти слова, он пнул меня ногой и помчался так быстро, как это позволяли ему связанные руки. Попытка убежать казалась просто смешной. Я стоял совершенно спокойно, не сделав ни шага ему вдогонку. Даже если бы я и захотел побежать за ним, это оказалось ненужным, потому что освобожденные узники, приблизившиеся к нам на расстояние сорока или пятидесяти шагов, узнали мормона и бросились за ним все — мужчины, женщины, дети. Только мимбренхо остался на месте и со смехом закричал мне:

— Птичка не улетит далеко, потому что крылья у нее связаны.

Во главе преследователей бежали Юдит и Хитрый Змей. Они не подверглись долгому заключению, не претерпели множества лишений, а значит, сохранили больше сил. У вождя, правда, были связаны руки, но это обстоятельство ему помогла преодолеть ярость, загоревшаяся в его сердце при виде Мелтона. Вождь буквально летел по пятам мормона, все больше и больше приближаясь к нему, пока не настиг беглеца. Тогда индеец умышленно пробежал несколько шагов вперед, потом резко повернулся и с такой силой помчался на Мелтона, что тот, столкнувшись с индейцем и рухнув на землю, еще два раза перекувырнулся. Он даже не сделал попытки снова подняться, потому что индеец тут же подмял его под себя и, несмотря на свои связанные руки, крепко прижал своего врага к земле. Они боролись и катались по земле, пока не подоспела Юдит и не помогла индейцу. Я не ожидал, что еврейка придет в такое возбуждение. Она громко кричала и молотила кулачками по телу мормона, а потом прибежали другие переселенцы, и она вынуждена была уступить им место. Мелтон оказался посреди кучи орущих мужчин. Я испугался за его жизнь и поспешил туда, чтобы остановить расправу. Когда я проложил себе дорогу через толпу разъяренных людей, то увидел Мелтона лежащим на земле. В него вцепилось множество рук, а Юдит так обрабатывала кулаками и ногтями его лицо, что я, возмущенный подобными действиями, оттолкнул ее и гневно крикнул:

— Что вы себе позволяете! Оставьте его нам, мужчинам! Вы же превратились в настоящую фурию.

— Мерзавец заслужил, чтобы я выцарапала ему глаза! — ответила она, с трудом переводя дыхание. — Он обманул меня, связал и затолкал в камеру. Я должна была умереть и сгнить в шахте!

Она снова попыталась кинуться к нему, но я оттащил ее в сторону и сказал, обращаясь ко всем переселенцам:

— Нельзя устраивать над ним самосуд! Теперь он не уйдет от наказания. Кто не выполнит этого распоряжения, будет иметь дело со мной!

Они отступили назад, а я поднял Мелтона с земли. Он выглядел ужасно, вообще, казалось, что он сошел с ума. Мормон кричал подобно дикому зверю; глаза его были налиты кровью, а с бледных губ срывались проклятия и невнятные фразы. Это был полубессознательный приступ ярости и гнева. Я положил конец этим бредовым излияниям, засунув ему в рот кляп. Мелтон, правда, вначале чуть не задохнулся, но затем быстро успокоился.

Хитрый Змей сбил Мелтона с ног и удерживал его, пока не подбежали переселенцы, тогда

индеец отпустил мормона. Гордость не позволяла вождю принять участие в избиении Мелтона, но в его темных глазах горел огонь непримиримой ненависти и мести. Когда восстановилась тишина, он обратился ко мне с вопросом:

— Что намерен сделать Олд Шеттерхэнд с этим коварным и опасным бледнолицым?

— Сейчас я этого еще не могу сказать, потому что я должен посоветоваться с Виннету.

— Стоит ли это делать, потому что вождь апачей одобрит все, что решит Олд Шеттерхэнд. Вы оба подобны одному существу, и что только захочет сделать один из вас, то же самое пожелает совершить другой.

— С какой целью говорит это Хитрый Змей?

— Я хотел бы сделать моему белому брату одно предложение. Олд Шеттерхэнд может отойти со мной в сторонку, потому что я хотел бы переговорить с ним наедине.

Я пошел навстречу его пожеланиям и удалился с ним так далеко, что Мелтон не мог бы нас услышать. Немцы же не понимали индейскую речь. Вождь начал свое предложение с вопроса:

— Я хочу знать, считает ли Олд Шеттерхэнд меня лгуном или нет?

— Почему же не ответить? Имя моего краснокожего брата может пробудить подозрение, хотя я полагаю, что Хитрый Змей любит правду, что он слишком горд и неустрашим, чтобы не отплатить за вероломство.

— Мой брат прав, и я благодарю его. Я хочу сказать ему, что мог бы заключить с ним мир не только лично для себя, но и для всех воинов моего племени.

— А как отнесется к этому ваш верховный вождь Большой Рот?

— Он согласится.

— В этом я сомневаюсь, потому что он поклялся отомстить мне за то, что я убил его сына.

— Олд Шеттерхэнд — друг краснокожих, он не убивает никого, если его к тому не вынуждают обстоятельства.

— Да, это верно, но это не причина для Большого Рта позабыть свою месть и обратить свою вражду в дружбу.

— Тогда пусть он действует только от своего имени. Я не хочу иметь ничего общего с его планами мести. Когда мы предприняли поход на Альмаден, то сделали его нашим предводителем. Однако выбранного вождя мы можем и сместить, так как повиноваться ему мы будем ровно столько, сколько это нам понравится. Юма разделяются на множество племен. Большой Рот — вождь своих воинов, а я — своих. И он ничуть не выше меня. Он предложил мне вместе сражаться, но я теперь вижу, что мир лучше. Поэтому я готов выкурить с Олд Шеттерхэндом трубку мира от имени моего племени, если уж не от имени всех юма.

— Ну, а если Большой Рот будет против этого?

— Я стану другом и братом Олд Шеттерхэнда и буду вместе со всеми моими воинами защищать его от Большого Рта. Мой белый брат поверит мне?

— Я верю тебе. Однако мой краснокожий брат хочет заключить мир на определенных условиях. Он хочет сообщить мне их?

— Их всего только два. Самое большое мое желание состоит в том, чтобы Олд Шеттерхэнд не препятствовал тому, чтобы Белый Цветок, которую зовут также Юдит, стала моей скво.

— Я не против этого, наоборот, я убежден, что ни один белый не подходит Цветку так, как мой краснокожий брат. Значит, по этому вопросу мы пришли к полному согласию. Каково же твое второе желание?

— Я хочу, чтобы ты выдал мне Мелтона!

— Об этом я думал. Значит, Хитрый Змей придерживается того мнения, что я могу распоряжаться судьбой этого человека?

— Да. По законам бледнолицых, Олд Шеттерхэнд его, может быть, и не отдал бы, но, по

законам краснокожих, Мелтон принадлежит ему, и мой белый брат может делать с ним все, что захочет. Мы находимся во владениях краснокожих, значит, если Олд Шеттерхэнд будет действовать по нашим законам, ни один бледнолицый не сможет упрекнуть его.

— Все же есть доводы против! Поблизости от этого места есть даже несколько полицейских, которые хотели бы арестовать Мелтона. Однако мне не надо спрашивать их разрешения, я делаю, что хочу, пусть даже это противоречит нашим законам. Значит, я смогу выдать Мелтона моему краснокожему брату, если мне этого захочется. Но подумал ли он о том, что я тоже могу выдвинуть свои условия?

— Да, конечно. Я хочу их выслушать.

— Прежде всего я требую мира между твоим племенем и всеми теми бледнолицыми, которые находятся вместе с нами.

— Хитрый Змей согласен.

— Далее я хочу, чтобы этот мир был заключен вами со всеми мимбренхо, которых я считаю своими друзьями.

— С этим согласиться будет потруднее. Я знаю, что с тобой едут мимбренхо, но они являются нашими врагами. Мне стоит только приказать, и триста моих воинов схватят их и умертвят. Если ты хочешь, чтобы мы их пощадили, то я должен, кроме двух уже высказанных условий, добавить еще несколько.

— Сохрани их для себя! При теперешнем положении дел мои мимбренхо гораздо скорее могут продиктовать тебе свои условия. Ты забыл, что предводителем у них Виннету, да и меня зря скинул со счетов. Мы не боялись и раньше твоих воинов, а теперь, когда ты стал моим пленником, нам и вовсе нечего бояться. Что мешает нам повернуть на север и забрать ваших лошадей?

— Так вам известно, где они находятся? — испуганно спросил индеец.

— Если бы мы этого и не знали, то Виннету разыскал бы их. Вообще-то ты не единственный, кто попал нам в руки. Мы взяли в плен тех сорок юма, которые были расставлены на постах между Альмаденом и асиендой, среди них — Быстрая Рыба. Если вы будете нам угрожать, то мы их расстреляем.

Таких известий он не ожидал. Он некоторое время задумчиво смотрел перед собой, а потом сказал:

— Надо верить тому, что говорит Олд Шеттерхэнд. Значит, это правда, что ты взял в плен наших братьев. Это могло удаться только тебе и Виннету!

— Итак, ты видишь, что нам совершенно необязательно принимать какие-то условия. Вы вообще не смогли бы здесь долго обороняться, потому что фургоны, которые должны к вам подойти из Уреса, перехвачены нами со всем провиантом и прочим грузом.

— Уфф! Да здесь же нечего есть. Запасов у нас только на два дня, когда они закончатся, нам придется либо голодать, либо уходить отсюда.

— Да, вы более беспомощны, чем ты это себе представлял. Итак, я остаюсь при своем требовании, что мир, который мы собираемся заключить, должен распространяться и на мимбренхо.

— А если я откажусь?

— Тогда все пойдет другим путем. Нам остается еще найти Уэллера, потом мы заберем ваших лошадей, подождем, пока придет Сильный Бизон с несколькими сотнями воинов-мимбренхо, и уничтожим все твое племя. А тебя самого, как сообщника Мелтона, вместе с ним и Уэллером мы передадим в руки правосудия. Твое наказание в лучшем случае будет состоять в том, что тебе придется много лет провести в тюрьме.

Свободный индеец — и на многие годы в заключении! Ничего страшнее нельзя и

придумать! Ужас проник в его сердце, и он быстро ответил:

— Я вижу, что мой брат прав: соглашение должно быть распространено и на мимбренхо. Есть у Олд Шеттерхэнда другие условия?

— Пока нет. Другие предложения я внесу во время совета, потому что я полагаю, что Хитрый Змей раскурит со мной калюме не раньше, чем переговорит со старейшими своего племени.

— Да, их тоже надо позвать на совет. Олд Шеттерхэнд хочет пойти со мной к ним или мы вызовем их сюда?

— Лучше провести совет здесь.

— Тогда нам нужно выбрать посла. Кого отправит мой белый брат?

— Мальчика-мимбренхо. Он умен, честен и предан мне, я могу на него положиться.

— Мой брат узнает, что я столь же честен и надежен. Я дам ему мой вампум[88] как доказательство того, что я нахожусь у вас и все, что посол скажет моим воинам, верно. Он может поведать им о случившемся и привести с собой пятерых опытных воинов, имена которых я ему назову. Они должны прийти без оружия, чтобы показать искренность своих намерений.

Ничего не было для меня приятнее и желаннее такого поворота дел, благодаря которому я получил возможность использовать наш успех для блага своих соотечественников, потому что я был твердо убежден в том, что от мексиканского правосудия они не могут ожидать компенсации. Если я выдам Мелтона чиновнику из Уреса, то мормон, пожалуй, уйдет от наказания, а мне придется отдать бумажник, содержимым которого, хотя я не имел на него никакого права, можно было распорядиться гораздо лучше. И вот я решил передать Мелтона индейскому вождю. Меня можно за это обвинять в жестокости, но этот дьявол заслуживал чего угодно, но только не снисхождения.

Мимбренхо охотно взялся исполнять мое поручение уже только потому, что оно не было совершенно безопасным. Он получил подробные указания и ускакал на жеребце Виннету.

Наше общество расположилось по кругу, в середине которого находился Мелтон, я же отошел в сторонку, чтобы незаметно для всех ознакомиться с содержимым бумажника пленника. Сначала я пересчитал деньги. Мормон оказался гораздо богаче, чем я предполагал: в бумажнике хранилось свыше тридцати тысяч долларов. Меня не интересовало, являются ли все эти деньга собственностью Мелтона, или часть их принадлежит Уэллеру, или даже какая-то сумма взята из мормонской кассы.

Потом я просмотрел упомянутые уже контракты, в том числе и купчую на асиенду Арройо, и наконец взялся за письма. Большинство их было отправлено из штата Юта, некоторые — из Сан-Франциско, но все они свидетельствовали о том, что Мелтон перебрался через границу, чтобы приобрести для мормонской общины крупное поместье, что станет первым шагом в распространении влияния секты на мексиканской территории. В двух или трех письмах содержались сведения о том, что Мелтон сговорился с Уэллерами проводить вербовку обманным путем и таким образом намеревался положить значительную сумму в собственный карман.

Но одно письмо было совершенно иного содержания. Конверта не было, отсутствовали данные о месте и дате его написания, поэтому я не узнал, ни когда оно написано, ни откуда отправлено. Но строки были ясно видны, буквы не затерты, чернила сохраняли темный цвет, так что я предположил, что письмо это было написано недавно. Оно начиналось обращением «дорогой дядя» и содержало в первой своей части массу ненужных сведений, тогда как в конце оказались следующие привлекшие мое внимание строки:

«Ты спрашиваешь, как я здесь живу, могу тебя успокоить, что мне очень хорошо.

Мне везет в игре, а кроме того, я нашел друга, толстый бумажник которого всегда в моем распоряжении. Помнишь ли ты еще одного богача, бывшего поставщика федеральной армии, с которым ты познакомился в Сен-Луисе? Он немец по рождению, но считает себя коренным американцем. Поэтому свою настоящую фамилию Егер переделал на английский лад — Хантер[89]. Как я теперь узнал, он был за океаном сапожным подмастерьем, но, несмотря на свою глупость, или, скорее, благодаря ей, оказался необычайно везуч, и женитьба принесла ему магазинчик в Нью-Йорке. Во время войны с южными штатами он поставлял сначала сапоги, позднее разную амуницию для нужд армии и сколотил на этом приличное состояние. Теперь он больше не работает и занимается ростовщичеством, хотя денег ему уже совершенно не нужно, потому что жена его умерла, а сын у него всего один, который родился достаточно поздно. Старик очень скуп и никогда еще не выслал ни пфеннига своим бедным родственникам в Европе, но он слепо любит своего единственного наследника, и, если тот в буквальном смысле слова швырнет деньги в окно, то и тогда не услышит ни слова упрека. Старик, скрывая немецкое происхождение юноши, дал ему чудное имя — Смолл[90]. Сейчас это — красивый молодой человек, бесхарактерный и вялый, однако совсем неплохой парень, совершенно не знающий людей и настолько проникающийся доверием к первому встречному, что всех тех пиявок, которые здесь накинулись на него или, точнее, на его кошелек… принял за истинных своих друзей. Но мне удалось открыть ему глаза — конечно, ради собственной выгоды, так как я, поощряя его слабости, приобрел некоторое влияние на него, и оно день ото дня растет.

Ты спросишь, как я познакомился с Малышом Хантером, который может стать для нас лакомым кусочком? Это случилось весьма своеобразно. В первый же день, как я прибыл сюда, я услышал, как официант обращается ко мне: «Мистер Хантер». Потом так же обращались ко мне и другие люди, а когда во время одного концерта меня представили этому мистеру Хантеру, то некоторое время мы стояли, не говоря ни слова, а только удивленно разглядывали друг друга. Мы были похожи, как две капли воды, и фигурой, и чертами лица, и голосом. А если бы я научился его медленной, подпрыгивающей походке, то даже его близкий друг нас не различит. Это — случайность, которую я использую, именно она побудила его сразу же подружиться со мной. Его очень забавляет, что меня с ним путают. Скоро как-нибудь ненароком я выиграю у него столько денег, сколько мне нужно, и даже еще больше.

Он очень ко мне привязан, любит меня, он обращается со мной как с братом-близнецом, а если я тихонько начинаю поговаривать о расставании, то он и слышать не желает. Малыш хочет, чтобы я сопровождал его в большом путешествии. Он очень любит странствовать, и его скупой отец, несмотря на громадные суммы, в которые обходятся подобные путешествия, ничего против этого увлечения сына не имеет. Любимым, да и почти единственным, видом чтения для него стали книги о путешествиях. Он объехал все Соединенные Штаты, побывал в Канаде и Мексике, был даже в Рио-де-Жанейро и в Англии. Теперь он увлечен Востоком. Туда отправляются ученые, князья, принцы, так почему же сын американского миллионера не может осуществить свое путешествие в таинственные восточные страны? Конечно, я не стану его отговаривать от исполнения этого каприза. Наоборот, я приложу все усилия, чтобы укрепить его любовь к восточной экзотике. Это дало бы мне возможность увидеть своего отца, который вынужден был покинуть родину из-за Олд Шеттерхэнда, этого проклятого немца, и — как ты знаешь — нашел надежное убежище на берегу

Средиземного моря.

Теперь мы сидим с раннего утра до позднего вечера и с помощью двух учителей штудируем турецкую и арабскую грамматику, читаем гаремные истории и рисуем на стенах белых одалисок[91] и темнокожих рабынь. Так как Малыш очень способный к языкам, то он весьма преуспевает в их изучении, и я волей-неволей вынужден за ним тянуться. Еще несколько месяцев, и мы, заполучив у старика изрядную сумму, отправимся через Атлантику.

Пишу тебе это с такой подробностью, потому что знаю твою сообразительность и жду от тебя совета, каким образом мне лучше использовать сложившиеся обстоятельства, в особенности воистину наше поразительное сходство. Твое возможное содействие будет мне, конечно, желанным. Ответь мне как можно быстрее, что ты об этом думаешь, но не сюда, а по моему последнему адресу, так как в этом случае я буду уверен, что письмо не попадет в чужие руки.

Твой племянник Джонатан».

Письмо представляло для меня интерес в очень многих отношениях, прежде всего потому, что в нем было упомянуто мое имя. Отец пишущего был вынужден из-за меня покинуть свою родину, а это мог быть только брат Мелтона, по следам которого я мчался от Форт-Юинты до Форт-Эдуарда. Там ему удалось улизнуть, и полиция не сумела его разыскать. Теперь я узнал, что он скрывается «на берегу Средиземного моря». Но где? С полным основанием я предположил, что он не знает ни турецкого, ни арабского языка, но в Александрии, Каире, Тунисе, Алжире жило много англичан и американцев, которые там в первое время вполне обходились английским языком. Где конкретно он находился, мне было все равно — это меня не касалось, но мне, как уже сказано, было очень интересно снова услышать о беглеце или, скорее, прочитать.

Иное дело было с Малышом Хантером, который оказался в большой опасности, поскольку его готовился обмануть мнимый друг. Он был сыном немца, и я охотно бы его предупредил. Но сделать это было невозможно, потому что я сейчас находился в глубине Северной Мексики, он же жил в Соединенных Штатах, а я не знал даже места, где он пока остановился. Столь же мало знал я и о местопребывании его отца. Тем не менее я засунул письмо в карман, чтобы сохранить его для себя, в то время как прочие бумаги намеревался передать «ученому законнику» для соответствующего использования при предъявлении разного рода исков к Мелтону.

Я только что закрыл бумажник и отправил его в карман, когда Мелтон, у которою я уже давно вынул кляп, громко позвал меня. Я подошел к нему справиться, чего он от меня хочет. Выглядел он отвратительно: его побитое и расцарапанное лицо распухало.

— Сэр, куда это вы послали мальчишку-индейца? — спросил он. — Я должен это знать! Кроме того, не расскажете ли, о чем это вы тайно переговаривались с индейским вождем!

— Вы ведете себя так, как будто можете что-то требовать от меня! Однако почему я должен скрывать от вас мои переговоры? Вы бы и так скоро узнали о том, что просчитались, полагаясь на поддержку юма. Я заключаю с ними мир.

— Они воздержатся от этого!

— Ни в коем случае, потому что Хитрый Змей предложил мне заключить с ним добровольно договор о мире.

— Добровольно? Парень, видно, хотел оказаться на свободе. И вы намерены принять его предложение?

— Я намерен быть настолько умным, что собираюсь принять не только это предложение,

но и сделать кое-что еще.

— А у него есть другие пожелания?

— Да. Он хочет взять в жены Юдит.

— Черт возьми! Они друг друга стоят. Он — краснокожий мерзавец, обливавший меня черной ложью, а она знает столько тонкостей, которые могут свести с ума того, кому посчастливится стать ее супругом! Но будьте так добры и скажите ему, что вылечить ее сможет только плетка! У него есть еще какие-нибудь пожелания?

— Есть кое-что, заинтересующее вас непосредственно. Я должен ему передать вас.

— Но вы же не сделаете этого, мистер! — закричал он и даже полупривстал от страха. — У вас нет на это никакого права!

— А мне все равно, есть у меня какое-нибудь право или нет — я сам установлю его для себя.

— Это же недопустимо! Подумайте, что вы делаете, какая ответственность на вас ложится! У вас же такое доброе сердце, почему же в вас не заговорит совесть?

— Потому что в вас я не заметил ничего доброго. Даже если бы я чувствовал угрызения совести, то смог бы легко оправдаться, так что совесть моя не была бы отягчена. Мне же ведь совсем не нужно выдавать вас ему.

— Хорошо, хорошо, вот про это я и хотел знать! — сказал он удовлетворенно.

— Значит, я позволю вам бежать, — продолжал я. — Но уже в следующее мгновение вождь схватит вас за вихор.

— Как это? Он же ваш пленник! Разве вы хотите и его отпустить?

— Конечно.

— Но этого вам нельзя делать ни в коем случае, по меньшей мере, не так быстро, не теперь! Его можно выпустить только тогда, когда я окажусь далеко и в безопасности!

— Успокойтесь, сэр! Вы здесь не можете распоряжаться. Подумайте, в каком положении вы находитесь. Почему я должен отпустить вас, а не его? Я должен предоставить вам свободу, хотя вы покушались на его и нашу жизнь, а того, кто нам ничего не сделал, задержать? Это же смешно!

— Для меня совсем не смешно, потому что, если вы освободите меня одновременно с ним, он немедленно использует свою свободу, чтобы отомстить мне.

— Для этого у него есть все основания и все права, в то время как у меня нет ни малейшей причины защищать вас от него.

— Тогда я не хочу быть свободным, лучше я подожду, пока вы меня передадите правосудию. Вы совершаете преступление, удерживая меня у себя и заставляя ехать вместе с вами. Но я охотно вытерплю это и не буду никому жаловаться.

— Если вы так убеждены, что это преступление, то я отказываюсь идти против закона и отпускаю вас.

— Раньше индейца?

— Нет, после него. Скоро появятся самые знаменитые из его воинов, они приедут ко мне на совет. Если они согласятся на мир, мы раскурим калюме, и я освобожу вождя.

— Так выпустите меня теперь, чтобы я смог скорее уйти!

— Как я могу сделать это, если еще не знаю, согласятся ли юма! А ваша выдача как раз является главным условием, на котором они настаивают. Так не трудитесь больше! Правда, лично я на вас руку не подниму, но позабочусь о том, чтобы возмездие настигло вас.

— Тогда вас нельзя больше называть человеком, вы настоящий дьявол! Вы можете и должны удовлетвориться тем, что уже сделали нам!

— Вам, говорите? О ком это вы?

— О моем брате, ввергнутом вами в нищету. Вы тогда преследовали его до Форт-Эдуарда!

— Ах, это вы говорите о том картежнике, который застрелил в Форт-Юинте офицера и двух солдат? Так это был ваш брат? Лучше бы вы о нем промолчали, потому что подобное родство совсем вас не украшает и не может быть основанием для просьбы о помиловании.

— А вы хоть однажды посмотрите на это дело по-другому, это, может быть, даст вам повод задуматься. В тот раз мой брат ушел, разве это не может произойти сейчас со мной? Тогда вы тоже были убеждены, что удержите его, точно так же и здесь теперь все может случиться по-иному, а не так, как вы ожидаете. Подумайте о том, что мой брат уже и так жгуче ненавидит вас! Когда же он узнает, как вы обошлись со мной, то успокоится не раньше, чем отомстит за меня и за себя.

— Я не боюсь его мести, он скрылся и пропал без вести.

— Так только кажется! Он все еще здесь.

— Где?

— Это я вам, конечно, не скажу. Где он находится, не знает ни один человек, от эскимосов до огнеземельцев, кроме меня.

— Знают еще двое.

— Кто же это?

— Я и ваш племянник Джонатан.

— Джон… — он прервался, произнеся только первый слог имени, и на целую долгую минуту уставился мне в лицо, а потом, заикаясь, продолжал:

— Кто… вам сказал… что… у меня… есть… племянник?

— Не все ли равно? Но только из этого вы можете заключить, что с моим знанием о вас и вашей жизни дело обстоит куда лучше, чем вы об этом думали. Такую семейку, как ваша, всегда надо держать в поле зрения, чтобы вовремя обезопасить себя и других.

— Вы только и делаете, что расхваливаете свою проницательность. Если вы не солгали, то скажите же мне, где находится мой брат?

— На берегу Средиземного моря.

— Среди… земного? Что вы хотите этим сказать?

— Что ваш брат должен будет приехать с Ближнего Востока, если захочет вам помочь или отомстить мне. При этом мне пришло в голову, что вам самому вовсе не обязательно лично привозить его. Ведь Джонатан собирается на Восток, и вы можете дать ему поручение.

— Джонатан… на Восток? Вы, пожалуй, бредите?

— Возможно! Но в моих фантазиях еще обитает некий Мальш Хантер, который усердно занимается турецкой и арабской грамматикой, а в ближайшее время, получив у своего скупого отца несколько чеков, собирается переплыть океан. Возможно, юный мастер возьмет с собой вашего племянника. Такие случайности не только возможны, но и происходят в действительной жизни.

Он дернулся, словно хотел вскочить, но ему помешали путы, тогда он снова плюнул в мою сторону и закричал в сильнейшем озлоблении:

— В тебе сидит больше сотни чертей. Пусть тебя поглотит ад!

Потом он снова упал навзничь и перекатился на другой бок, чтобы больше не видеть меня. Я вернулся на свое прежнее место.

Мы довольно долго шли от Альмадена до места нашего теперешнего отдыха, но это произошло только потому, что сначала мы повернули к югу. На самом деле от лагеря юма нас отделял всего лишь час пути. Я предполагал, что мимбренхо понадобится всего четверть часа, чтобы проделать этот путь на добром коне, полчаса я отводил на переговоры, значит, через час он должен вернуться, если поедет перед юма, потому что показывать им дорогу ему было не

обязательно, так как они сами легко могли отыскать ее по конским следам. У них не было лошадей, и они, следовательно, вынуждены были идти пешком, поэтому у нас они могли появиться не раньше чем через час с небольшим после отъезда мимбренхо.

Прошел час, но мимбренхо не было видно. Я подумал, что он и не приедет раньше, оставшись за проводника, но в расчете времени я не ошибся, потому что, когда пошел второй час с момента отъезда мимбренхо, мы увидели пять или шесть пеших индейцев, приближавшихся к нам с севера. Это были юма, но мимбренхо с ними не было. Почему он не пришел? Где он остался? Мне не терпелось узнать это.

Было очевидно, что индейцы идут по следу, оставленному конем мальчугана, потому что они шли согнувшись, вглядываясь в землю. Когда юма подошли достаточно близко, Хитрый Змей выпрямился во весь рост, так же поступил и я. Тогда индейцы увидели нас и пошли быстрее.

Они были вооружены, вопреки приказу своего вождя, но на расстоянии двух сотен шагов положили на землю свои ножи, луки, стрелы и копья и только потом приблизились к нам вплотную. Они прихватили с собой оружие не от дурных замыслов — просто по дороге они могли оказаться в положении, когда оружие понадобится.

Они вели себя так, будто не замечали связанных рук Хитрого Змея, чтобы не ставить своего вождя в затруднительное положение. Меня же они разглядывали с большим почтением, к которому не примешивалось и доли назойливого любопытства. Вскоре они обратили внимание и на немцев, а на Мелтона они, казалось, не хотели смотреть.

Это было для меня хорошим знаком. Поскольку они отметили его таким презрением, я должен был предположить, что мимбренхо выполнил свою задачу наилучшим способом и что юма были убеждены в виновности и вероломстве Мелтона. Прежде всего я должен был узнать, почему не приехал мальчишка. Поэтому я, чтобы показать вождю, как я ему доверяю, освободил его от пут, сказав при этом:

— Мой краснокожий брат должен присутствовать на совете в качестве свободного человека. Совет может начаться сразу же после того, как я узнаю, почему не приехал мой посланец, юный мимбренхо.

Один из юма, старейший в группе, решился ответить:

— Он поскакал на запад, чтобы догнать и доставить Уэллера.

— Уэллера? — переспросил я. — Это очень опрометчивый поступок, потому что тот не ушел бы от нас. Мальчишка должен был оставить это дело мне.

— Олд Шеттерхэнд — знаменитый воин, мои же свершения ничтожны; пусть он простит мне, если я не разделяю его мнение. Уэллер собирался исчезнуть навсегда, — возразил опытный воин.

— Как это? Он же поехал на разведку, значит, при возвращении должен был обязательно попасть нам в руки.

— Теперь уже нет, потому что он вернулся именно в тот момент, когда мимбренхо пересказывал нам ваше послание.

— Тогда, конечно, другое дело. Вы сказали ему, от кого приехал посланец?

— Да, потому что он спросил, зачем здесь находится юный мимбренхо.

— И как он воспринял это известие?

— Сначала он так перепугался, что едва мог говорить; потом он страшно разъярился и потребовал от нас, чтобы мы выступили против Олд Шеттерхэнда и его бледнолицых братьев. Но мы этого не сделали, потому что Хитрый Змей сообщил нам, что должен быть заключен мир. Мы не могли поступать так, как предлагал Уэллер, потому что мы повинуемся нашему вождю.

— Почему вы не задержали Уэллера?

— Но разве мы должны были это сделать? Он все еще наш друг и союзник. Договор, который мы заключили, все еще не разорван, а мир с тобой только еще предстоит заключить. Поэтому мы не могли задержать Уэллера, но мы и не препятствовали мимбренхо пуститься за ним в погоню.

— Уэллер ускакал на быстрой лошади?

— Да, но она до этого прошла пустыню, очень устала и хотела пить.

— Тогда мимбренхо легко его догонит, и они наверняка вступят в единоборство, чему я бы охотно воспрепятствовал, но не могу этого сделать. Я ведь должен оставаться здесь, пока не договорюсь с вами.

Заговорил Хитрый Змей:

— Если Олд Шеттерхэнд хочет уехать, чтобы помочь мимбренхо, то он может удалиться без всяких опасений. Ему не надо беспокоиться, что мы поступим нечестно. Его бледнолицые могут взять оружие моих воинов себе и до его возвращения считать юма своими пленниками.

Его предложение мне пришлось по душе, тем не менее я не согласился с ним и сказал:

— Я пока останусь здесь. Если мы побыстрее проведем совет, то я успею в самое время.

— Тогда я должен обратить внимание моего брата на то, что не стоит торопиться с советом и мирным договором. Нам надо многое обдумать и обсудить, а если мы будем спешить, то вряд ли составим хороший договор. Значит, будет лучше, если мой брат поедет, а совет мы соберем, когда он вернется.

Тогда вмешался старый воин, говоривший уже прежде:

— Он может остаться, потому что мимбренхо, прежде чем уехать, сказал, что он хочет пригнать сюда Уэллера, а не сражаться с ним. Хотя мимбренхо еще молод, но у него отличный конь, и он сообразителен не по возрасту.

И словно справедливость его слов должна была мгновенно подтвердиться, как только они были произнесены, раздался выстрел, а на западе показался всадник, скакавший, как показалось, прямо на юг. Но очень скоро все поняли, что скачет он не по прямой, а зигзагом, приближаясь все же при этом к нам. Стало ясно, что он от кого-то убегает, а преследователь гонит его прямо на нас.

Вскоре мы увидели и второго всадника. Он был меньше первого, но зато его животное оказалось гораздо проворнее. Итак, перед нами были Уэллер и мимбренхо. Первый время от времени, перезарядив ружье, оборачивался и стрелял в краснокожего, но не попадал, а тот тоже палил из своего оружия, мешая Уэллеру свернуть вправо или влево. И его пули тоже не попадали в цель, хотя он находился от белого на расстоянии прицельного выстрела. Каждый из них мазал, но по разным причинам. Мимбренхо с умыслом стрелял мимо, так как не намеревался убивать Уэллера, а лишь хотел загнать его в наш лагерь. А беглец промахивался, как выяснилось чуть позже, потому что заряжал совсем не те патроны, какие было нужно.

Я хотел облегчить мимбренхо его задачу, а поэтому вскочил в седло и помчался ему навстречу. Когда Уэллер увидел это, он попытался принудить свою лошадь повернуть к югу, но не прошло и двух минут, как я не только догнал, но и перегнал его, остановил своего жеребца, вскинул ружье и крикнул:

— А ну, долой с лошади, мастер Уэллер, иначе мои пули вас продырявят!

Он мрачно ухмыльнулся и попытался направить лошадь в другую сторону, надеясь найти спасение там, и прицелился из своего ружья, чтобы послать в меня свою пулю. Но скачка мешала ему точно прицелиться, и мне, чтобы не быть задетым его пулей, надо было лишь оставаться на месте. Раздался выстрел, но пуля прошла где-то далеко в стороне.

Он явно просчитался, потому что, обернувшись, увидел прямо перед собой мимбренхо, придержавшего коня и нацелившегося прямо в беглеца. Оказавшись между двух огней, тот

увидел только один выход — скакать в ту самую сторону, куда и гнал его мимбренхо, то есть к нашей стоянке. Уэллер помчался по этому пути, так пришпорив свою лошадь, что она даже встала на дыбы. У моих соотечественников не было такого оружия, которое остановило бы Уэллера, а мимбренхо был далеко позади, следовательно, преследовать беглеца пришлось мне. Я мог бы легко убить под ним лошадь, но не хотел этого делать. Зачем же из-за такого негодяя убивать невинное животное! Я мог бы ранить его, и лошадь сбросила бы его на землю, но лучше всего было заполучить его живым и невредимым. Кроме того, мне казалось не очень-то достойным укрощать пулей затравленного человека, который пытался бороться с более сильным противником. И я решил взять его голыми руками.

У него была двустволка, один ствол которой уже был разряжен. Вместо того, чтобы опять зарядить его, он понадеялся на второй ствол. Я гнался за ним, но не по прямой. Прежде чем приблизиться к нему настолько, чтобы можно было его схватить, надо было добиться того, чтобы он разрядил второй ствол. Поэтому я во второй раз крикнул:

— Стойте, мастер, или я буду стрелять!

Он испугался, обернулся и выстрелил. Я видел, что его ружье нацелено мне прямо в грудь, поэтому я мгновенно сполз на бок жеребца, как это обычно делают индейцы, а затем опять выпрямился и поскакал прямо на Уэллера. Перезарядить ружье у него уже не было времени, он отбросил бесполезное теперь оружие и выхватил из-за пояса револьвер. Об этом я как-то не подумал. Было бы величайшей глупостью пытаться подступиться к человеку, вооруженному револьвером. Поэтому я предложил Уэллеру:

— Бросьте оружие, а то я и в самом деле продырявлю вас!

Он не послушался, а стал выжидать, чтобы я подъехал чуть ближе, собираясь выстрелить наверняка. Мой жеребец летел галопом, тем не менее я привстал в стременах, чтобы лучше прицелиться и приготовиться к отдаче, приложил штуцер к плечу и выстрелил. Уэллер вскрикнул, рука его повисла, а револьвер выпал из нее. Через несколько секунд я подлетел к беглецу, забросив штуцер за спину, и вытянул обе руки к Уэллеру, наклонившись в его сторону.

— А ну, вон из седла! — крикнул я. — А если вы не захотите добровольно выполнить мой приказ, я сам швырну вас наземь!

Я схватил его, намереваясь вытянуть его из седла. Тогда он левой рукой вытащил второй револьвер и с высокомерной усмешкой ответил:

— Это случится не так скоро, мастер Шеттерхэнд. Не я в ваших руках, а вы в моих!

Он хотел нажать на спусковой крючок, но это ему не удалось, потому что я успел своей левой рукой выбить у него оружие, а сжатой в кулак правой нанес ему удар снизу в подбородок, так что его голова откинулась назад. Два быстрых рывка за мой и его повод — лошади стали; в ту же секунду я выскочил из седла и свалил его наземь. Он упал как мешок, да так и остался лежать. Глаза его были закрыты; вероятно, от моего удара он потерял сознание.

Прежде чем осмотреть его, я обезопасил себя от его возможного сопротивления, крепко связав его руки поясом и отобрав все его вещи. При этом я вовсе не считал себя грабителем. Кто знает, было ли то, что он носил с собой, его законной собственностью. Между тем кое-что из этого могло принести мне пользу. Я нашел бумажник и кошелек, связанный из плотной шелковой нити, между петлями которого поблескивали золотые монеты. Все это я забрал себе, а часы и остальные мелочи я оставил ему.

Как раз в это время ко мне подъехал мимбренхо, спрыгнул с коня и подобрал брошенное ружье и оба револьвера беглеца. А лицо Уэллера стало постепенно оживать. Он открыл глаза и злобно прошипел:

— Оставьте меня в покое, мастер, отпустите скорее, иначе вам будет плохо.

По голосу его было слышно, что он прикусил язык.

— Пустая болтовня! — ответил я. — Хотел бы я знать, каким это образом вы сможете мне навредить. Вставайте и пойдемте со мной!

— Не трогайте меня! Я останусь лежать здесь, пока вы меня не отпустите!

— Это ваше желание я охотно выполню. Дайте только свяжу вам еще и ноги, а потом лежите себе, пока не умрете от жары и от жажды или пока вас заживо не разорвут стервятники. Итак, вставайте, а то я помогу вам!

Он по-прежнему оставался лежать, но когда мимбренхо ткнул ему прикладом между ребрами, он, чертыхаясь, вскочил и пошел за нами. Когда мы привели в поводу трех лошадей и беглеца на стоянку, мне стоило большого труда уберечь пленника от расправы. Мы связали ему ноги и положили на землю, однако не рядом с Мелтоном, чтобы они не могли перекинуться между собой даже словом.

Юма оставались безучастными зрителями происходящего. Мои действия они обошли молчанием, а маленькому мимбренхо Хитрый Змей сказал:

— Мой юный брат станет достойным воином. Я буду рад заключить с ним мир и превратиться в его друга.

Теперь можно было начинать совет. Он длился свыше двух часов и закончился полностью удовлетворившим меня решением. Я выдал Мелтона Хитрому Змею и ничего не имел против его брака с Юдит. А взамен я получил все, на чем настаивал. Такой успех нашей с маленьким мимбренхо поездки можно было посчитать невероятным. Разумеется, соглашение было скреплено курением трубки мира, а покончив с этой церемонией, мы выступили к лагерю юма, чтобы каждый из находившихся там краснокожих сделал по одной затяжке, гарантируя безопасность всем белым. Если это произойдет, то я смогу быть уверенным, что все пункты нашего соглашения с ними будут неукоснительно соблюдаться.

— Что намерен теперь делать мой белый брат? — спросил Хитрый Змей. — Он будет ждать прихода вождя апачей с остальными его спутниками или же мы должны пойти к нему сами?

— Последнее вероятнее. Но я должен сначала посоветоваться с моими белыми братьями.

Прежде чем приступать к этому разговору, я занялся изучением бумажника и кошелька Уэллера. В первом я обнаружил пять тысяч долларов в банкнотах того же достоинства, как и у Мелтона, в кошельке — чуть меньше пятисот долларов в золотых монетах. Потом я собрал всех переселенцев — мужчин, отцов семейств или одиночек, чтобы они обсудили мои предложения. Остальные не должны были слышать того, что я буду говорить. По меньшей мере они не должны были знать моих финансовых предложений, потому что этот вопрос был деликатным, хотя сам я был убежден, что мои намерения решают этот вопрос по справедливости. Разумеется, ни Мелтон, ни Уэллер не должны были слышать нашего разговора.

Пока мои соотечественники собирались, я отвел Юдит с отцом в сторону и спросил девушку:

— Я знаю, о чем вы говорили в скалах с вождем юма. Вы сказали об этой беседе отцу?

— Да, — ответил он вместо дочери. — Дочь моего сердца рассказала мне о чести, которой она удостоена — быть госпожой и властительницей большого краснокожего племени индейской нации.

— И вы с этим согласны?

— А почему я должен быть против? Я же при этом получу выигрыш и для нее и для себя самого, потому что тем самым мы станем уважаемыми и почетными людьми в Мексике и Соединенных Штатах.

— Вы, кажется, не совсем представляете себе политическое значение индейского племени и социальное положение его вождя. Я обязан сказать вам, что…

— Ничего не говорите, ничего не хочу слушать! — перебил он. — Я любящий отец моей

Юдит и прислушиваюсь ко всему, что она говорит и что хочет. Мы будем править индейским племенем, а моя дочь будет одеваться в шелк и бархат. Или вы полагаете, что вождь не даст ей золота и драгоценностей?

— В недрах этой страны сокрыты сокровища, которые наследники древних мексиканцев оберегают надежно и в полной тайне. Почему бы Хитрому Змею не знать об одном из таких кладов? Он не лжец и сдержит обещание. Вы только должны подойти к этому обещанию с соответствующей меркой. Он ведь дикарь и не очень точно представляет себе, что следует понимать под замком или дворцом. Ну, и у него нет того образования, которое только и может дать вашей дочери уверенность в том, что…

— Образование! Да что такое образование! — снова прервал он меня. — Зачем ему образование, если он владеет тайнами о золоте и драгоценных камнях? Разве новое шелковое платье не свидетельствует о культуре того, кто его носит? Разве у того, кто владеет дворцом или замком, не выдающийся ум? Кто занимается в этих семинариях, гимназиях, университетах? Бедные люди, сидящие на деревянных скамьях и макающие перья в чернильные приборы. Что они значат в сравнении с великолепной мебелью, которой обставлены замки? Нет, нет, у вождя есть образование, которым я как тесть вполне доволен!

— Если вы так думаете, то я умолкаю, тем более, что я обещал вождю не выступать против его планов и не критиковать его поступки. Единственно, что я хочу вам пожелать, так это то, чтобы вы не разочаровались. А вашим спутникам я хочу предложить, чтобы они покинули и Сонору, и Мексику вообще.

— Вы думаете, они это сделают?

— Если они умны, то — да.

— А почему же они не захотят остаться? Неужели мне придется вдвоем с Юдит жить среди индейцев?

— Что им делать у юма? Впасть в дикость? Тем более, что на всех немок не хватит индейских вождей. С них хватит того, что они увидели, как здесь обращаются с немецкими работниками. Я переведу людей через границу, в Соединенные Штаты, а вождь, конечно, не позволит, чтобы вы пошли с нами.

— И это нельзя ставить ему в вину. Если его золото и серебро хранятся здесь, а к тому же ему выпало счастье получить в жены молодую и красивую женщину, а тестем его становится человек, которым он может восхищаться, то зачем же ему отпускать их, а тем более самому ехать в другую страну, где ему не удастся найти золото, спрятанное в его землях?

— Значит, вы останетесь у юма — это я и хотел знать. Как я слышал, все ваши спутники бедны и приехали сюда безо всяких средств, исключая вас самого и Геркулеса. Я слышал, что вы привезли с собой кругленькую сумму. Это верно?

— Конечно, верно, — усердно поддакнул он. — Это было прекрасное, настоящее золото в круглых, звонких монетах, оно хранилось в кошельке, который изготовила мне из шелковых ниток Юдит, дочь моего сердца.

— И велика была сумма?

— Четыреста восемьдесят долларов, которые у меня отобрали обманом. Похитил их старший Уэллер. Теперь вы, проявив мужество, схватили вора, так будьте же так добры и отберите у него похищенное, потому что иначе я буду совсем нищим.

— Это ваш кошелек? — спросил я, вынув из кармана и протянув ему кошелек, отобранный мной у Уэллера.

— Это он, он! — торжествующе закричал он, вырвав кошелек из моих рук. — Да, это он! Я сейчас же пересчитаю деньги, чтобы увидеть, не украли ли у меня хотя бы одну золотую монету.

— Не кричите вы так! Уэллер еще не знает, что я отобрал у него деньги, и не стоит стремиться к тому, чтобы он поскорее узнал об этом.

Не сказав мне ни слова благодарности, он отошел с дочерью в сторонку и, сев на корточки, занялся пересчетом денег. Ну, а я повернулся к переселенцам и произнес перед ними краткую речь, в которой пытался доказать им, что ничего лучше они не смогут сделать, кроме как поскорее покинуть эти места, а потом предложил:

— Отсюда я отправляюсь вместе с Виннету на Рио-Песо, то есть в Техас. Места там, правда, мрачноватые, но много хорошей земли, да и климат там здоровый. Я предлагаю вам пойти вместе с нами. Посоветуйтесь, а потом скажите мне свое решение.

Я удалился на некоторое время, чтобы они могли обсудить мое предложение. Когда я вернулся, один из немцев, выбранный переселенцами в качестве их представителя, сказал:

— Ваше предложение очень хорошее, и мы бы охотно его приняли, но это невозможно. Во-первых, мы не можем уйти, потому что начнется длительный процесс против Мелтона и Уэллера, на котором мы должны будем выступить свидетелями.

— Необходимости в этом нет. Мелтона я выдаю в руки юма, и они устроят над ним процесс безо всяких свидетелей. Что же касается Уэллера, то я не знаю, чем все кончится. Из своего ружья я попал ему в предплечье, а раны в здешнем климате всегда опасны для белого. Кроме того, со мной едут полицейские из Уреса и тамошний высокий чиновник, они ожидают нашего прибытия. Если вы дадите свои показания этим людям, то ваше присутствие на суде станет ненужным. Ну, какие еще есть препятствия для нашего совместного путешествия?

— Выдержат ли наши жены и дети такое тяжелое путешествие через ненаселенные места?

— Конечно, но сначала им надо хорошо отдохнуть от перенесенных лишений. Все не так плохо, как вы думаете. Пойдем мы не быстро, так, чтобы вы могли успевать за нами. Лошадей для вас я одолжу у индейцев. Кроме того, при мне находится несколько фургонов с провизией и другими полезными вещами. Голода вы испытывать не будете.

— Конечно, когда вы так все красочно описываете, то просто заслушаешься. Только интересно мне, что вы скажете о главном, то есть о деньгах. Откуда мы их возьмем?

— Ну, это мелочь; здесь никаких трудностей не предвидится.

Никогда еще в жизни я не говорил о денежном вопросе с таким равнодушием и таким удовлетворением, пожалуй, я сам себе казался, по крайней мере, богатым наследником. Глаза всех мужчин удивленно уставились на меня, а представитель переселенцев изумленно воскликнул:

— Так-таки и никаких трудностей? Вам-то, может быть, все кажется просто, а вот нам нет. Для нас деньги — главный вопрос. Так что мы не можем говорить так, как вы. У нас ничего нет, а деньги могут понадобиться на такое переселение немалые, причем платить за все нужно уже с сегодняшнего дня.

— С сегодняшнего дня? Почему же это?

— Ну, вот вы говорите о фургонах, нагруженных всем необходимым для жизни. Нам же надо все это купить, никто эти вещи нам не подарит.

— О, я подарю их вам!

— В самом деле? Ну, тогда, конечно, другой вопрос. Ну, а как обстоит дело с лошадьми, на которых мы поедем? Их-то мы не получим даром, как провизию!

— Конечно, нет. Но мы возьмем их на время. За маленькое вознаграждение, за несколько подарков мы получим их от наших краснокожих друзей.

— Кто же им даст это вознаграждение? Кто купит подарки?

— Конечно, я.

— Черт возьми еще раз! Да вы стали просто богачом! А когда вы пришли к нам на судно, то

казались беднее нас.

— Я просто притворялся. Вообще-то можно быть богатым, совсем не имея денег, есть разные виды богатства. Но — к делу! Есть еще затруднения?

— Есть еще одно, и самое большое: нужно еще заплатить деньги за землю, о которой вы говорили. Мы же должны будем купить ее?

— Конечно. Но и на это вы получите от меня деньги.

— Да вы, видно, подпольный Ротшильд?

— Сегодня — да, в порядке исключения.

— Тогда, конечно, мы свободны от материальных забот, и мы пойдем с вами. Вы дадите нам деньги для обустройства на месте, а мы будем работать очень старательно и вовремя будем платить аренду, а со временем, может быть, и отдадим весь долг.

— Аренду? Отдадите долг? Вы заблуждаетесь. Я не приму никакой арендной платы, о возврате же долга и слышать не желаю!

Мой собеседник удивленно посмотрел на меня, огляделся вокруг, словно не веря своим глазам, потом снова уставился на меня и спросил:

— Правильно ли я вас понял?

— Вполне.

— Но это немыслимо!.. Это — настоящий подарок, по-другому-то и назвать нельзя ваш поступок!

— Да, это и должно стать подарком: я дарю вам деньги, а назад их не требую.

— Но, выходит, вы действительно так богаты, что можете лишиться такой суммы?

— Напротив, я так беден, что ничего не могу лишиться, даже если подарю полсотни тысяч талеров или полторы сотни тысяч марок. Но сегодня, к счастью, я в состоянии разделить среди вас около пятидесяти тысяч талеров.

— Пятьдесят тысяч талеров! О, небо! Какая огромная сумма денег! Где же вы их вдруг достали?

— Вы это узнаете позже, а сейчас надо решить еще несколько вопросов… Вы все бедняки, но все-таки кое-что имели, не так ли?

— Да. Некоторые из нас имели маленькие домики, хотя их стоимость была и не очень велика; другие владели рабочим инструментом, мебелью, одеждой и так далее.

— И все это вы, уезжая, конечно, продали? Сколько же вы за это получили?

— Да почти ничего. Когда люди узнавали, что мы должны уехать и не можем взять нашу собственность с собой, они очень мало за нее предлагали. И все деньги, что мы получили за свою пожитки, были полностью потрачены в пути.

— Значит, вы лишились не только родины, но и своего имущества. Сюда вас завлекли лживыми обещаниями, а потом бросили в шахту, где вы должны были бы работать задаром, голодать и чахнуть, а по прошествии непродолжительного времени умереть в нищете, или, скорее, сдохнуть, как дикие звери. Почувствуете ли вы себя вознагражденными за муки и лишения, если Мелтон и Уэллер сядут в тюрьму? Возместит ли кто-нибудь ваше здоровье, вернет ли ваше имущество?

— Конечно, нет!

— Да ни один суд не заплатит вам за лишения и страдания. Что бы произошло, если бы я не занялся вашей судьбой?

— Мы должны бы были умереть здесь и сгнить под землей. Нас наняли работать на асиенде, но там не было работы. В других местах мы ее также бы не нашли, а просить подаяние мы не могли и…

— Не могли? — перебил я его. — Пожалуй, вы должны были это сделать, если не нашли бы

работы, потому что голод не тетка, он бы вас заставил. Но вы бы ничего не получили. Здесь совсем иные отношения, чем на вашей родине, где заботятся о бедных и повсюду находятся тысячи сердобольных людей, которые протянут страждущим руку помощи. Да, вы бы здесь умерли и сгнили, а так как лишнего у меня нет, то помочь вам я смог лишь потому, что стал вором и разбойником. Но вам меня бояться не надо, потому что ради вас я обокрал Мелтона и Уэллера, которые подвергли вас всем испытаниям. По закону, которому я всем своим нутром повинуюсь, эти люди должны были бы полностью возместить ваши убытки, и еще, пожалуй, остались бы вашими должниками. При них были деньги, а я взял этих негодяев в плен и, по действующим здесь законам, должен был бы передать их судье. Но к чему бы это привело? Деньги бы исчезли, да и мошенники, пожалуй, тоже, чтобы вынырнуть где-нибудь в другом месте и затеять новое преступление, а вы бы не получили ни геллера[92], вам не дали бы ничего, чтобы вы смогли прикрыть свою наготу и утолить свой голод. Мой внутренний закон гораздо справедливее прочих законов, и я, руководствуясь его параграфами, взял ваше дело в свои руки, или, говоря другими словами, забрал у Мелтона и Уэллера деньги, чтобы по справедливости разделить их между вами, к чему не пришел бы ни один другой судья. Считаете ли вы мои поступки несправедливыми?

— Нет, нет, нет! — послышалось в ответ.

— Хорошо! Мелтон и Уэллер еще не знают, что их деньги у меня. Первый запрятал их в тайник и никогда в жизни не узнает, что его клад исчез. Если бы я его не обнаружил, он мог бы пролежать еще сотню лет. Деньги этих мошенников я и разделю между вами.

— А сколько их там? Сколько денег? — услышал я вопросы.

— У Уэллера было пять тысяч, а у Мелтона чуть больше тридцати тысяч долларов. Это несколько больше сорока девяти тысяч талеров, или ста сорока семи тысяч марок.

Вокруг меня наступило такое глубокое молчание, что я слышал дыхание каждого переселенца; потом люди пришли в бурный восторг, но я энергично взмахнул рукой и сказал:

— Тише! Ни один человек, кроме вас, не должен слышать, о чем мы здесь говорим. Наше дело правое, но другие, пожалуй, посмотрят на него иначе, наши действия могут кому-либо показаться незаконными. Еврей тоже ничего не должен знать. Он не столь беден, как вы; у него есть деньги, и он хочет остаться среди юма.

— У него есть свои деньги? — спросил мой собеседник. — Но ведь Уэллер отнял их у него!

— А я отобрал эти деньги у Уэллера и передал их владельцу, Якобу Зильбербергу. Отсюда вы можете видеть, что Уэллер украл или отобрал обманом эти деньги, а тем самым собственность обоих моих пленников, вероятнее всего, накоплена нечестным путем, а поэтому мы без всяких угрызений совести можем поделить ее, тем самым вознаградив себя за все несчастья, которые принесли нам эти негодяи. К сожалению, на одного человека при этом выпадет не так уж много, как вы могли бы предположить, а может быть, уже и подсчитали все.

— О, я об этом уже подумал, и каждый из нас об этом будет думать так же, как я, а именно, что вы заранее возьмете себе достойную сумму.

— Я? Да я ни на геллер ни уменьшу общую сумму. Я себе ничего не возьму. Это было бы кражей. Нет, есть другие люди, о которых мы должны подумать.

— Другие?.. А кто бы это был?

— Асьендеро. Он же понес огромные убытки.

— Но ему же оставят полученные за асиенду деньги.

— Но это очень низкая цена!

— Да и асиенду он получит назад, если докажет, что покупатель сжег ее. В этом случае он в качестве возмещения сохранит вырученные от продажи поместья деньги. Разве этого ему недостаточно?

— Возможно. Вообще-то еще твердо не решено, что я что-нибудь дам ему — это будет зависеть от его поведения, но оно мне пока что не нравится. Тем больше надо будет считаться с другими претензиями, о которых я думаю. Мелтон заказал у купца из Уреса товары, которые везут на фургонах. Их мы возьмем себе. Нам придется кое-что доплатить, и я это сделаю, потому что обещал это возчикам. Я сказал им, что убытков они не потерпят. Ну, а то, что останется, мы разделим между вами.

— А как вы это сделаете?

— Как я полагаю, все можно разделить на тридцать частей. Некоторые части, правда, будут приходиться только на одного человека, а другие — на целую семью. Молодому одинокому парню вряд ли нужно выделять столько же, сколько отцу семейства с женой и множеством детей. Как я уже сказал, вы все обсудите, а потом выскажете мне свои предложения. Но вы должны сохранить их в тайне до тех пор, пока мы не покинем районы расселения юма и мимбренхо и не достигнем области апачей, в Чиуауа. Если вы не согласитесь молчать, то в караване из-за этого дележа могут возникнуть ссоры. Взвесьте все, ведь каждый из вас вполне может получить столько, что может закупить все необходимое и даже немного разбогатеть!

Тут ко мне подошел представитель переселенцев, уже говоривший со мной, крепко пожал мне руку и сказал:

— То, что вы для нас сделали, превосходит все наши ожидания. Нам нужно время, чтобы к этому привыкнуть. Как нам благодарить вас за это!

— Прежде всего благополучно пересечь границу, а затем усердным трудом прославить нашу Германию. Я не ожидаю никакой благодарности, потому что всего лишь случай позволил мне найти эти деньги.

Теперь многие переселенцы протянули ко мне свои руки, причем лица их заметно повеселели. Я же поспешил вернуться к вождю юма, терпеливо ожидавшему конца нашего совещания. Он хотел знать одно — надо ли скакать к Виннету или же следует послать за ним.

— Я со своими бледнолицыми братьями отправляюсь в Чиуауа, — сказал я ему. — Может ли уважаемый вождь дать мне лошадей?

— Столько, сколько будет нужно Олд Шеттерхэнду. У нас есть много лошадей, которых мы использовали для перевозки грузов.

— И мы сможем пройти беспрепятственно через всю вашу землю?

— Мои воины будут вас защищать от других племен, если те не пожелают присоединиться к договору, который я заключил с вами. Но будет трудно провести караван бледнолицых без длительных остановок, потому что вам нужно будет в дороге добывать съестное.

— О продуктах я позабочусь. Я же сказал тебе, что в нашем распоряжении есть фургоны с провизией. Ну, а как сложатся отношения с Большим Ртом? Ты его здесь ожидаешь?

— Он собирался прибыть сюда, укрыв в безопасном месте стада, когда-то принадлежавшие асьендеро.

— Значит, ни сегодня, ни завтра ждать его нечего, и мы сможем сами отправиться к вождю апачей.

— Но на чем же мы поедем — у нас нет здесь лошадей?

— А они и не нужны, потому что меня и моего мимбренхо будешь сопровождать ты один.

— И мимбренхо должен ехать с нами? Значит, своих немцев и обоих пленников ты оставляешь вместе с моими воинами, полностью доверяя им?

— Да. Теперь ты видишь, как велика моя вера в тебя. Лошадь здесь для тебя найдется?

— Кроме той, с которой ты скинул Уэллера, есть еще два коня, предназначенных для меня и Мелтона. Они спрятаны с восточной стороны скалы, у болотца.

— Так скажи своим воинам, чтобы их поскорей привели к тебе, потому что мы хотим

выступить как можно быстрее, если рассчитываем добраться до лагеря Виннету еще ночью. А на другом скакуне ты можешь послать человека к своим воинам, которые стерегут ваших лошадей, чтобы он сообщил о случившемся и те поняли, что им надо делать. Завтра к вечеру они должны быть здесь с лучшими животными, потому что послезавтра мы отправляемся в Чиуауа.

Он согласился, и в скором времени ему привели коня. Я объяснил немцам, как им вести себя во время моего отсутствия со своими прежними врагами, ставшими теперь друзьями. Вождь дал такие же пояснения своим людям, особенно наказав им, чтобы они не спускали глаз с пленников. А потом мы уехали, и вдогонку нам неслись прощальные крики наших людей…

Глава вторая
ЮМА-ЦИЛЬ

Нам пришлось пустить своих коней галопом, потому что путь, который им в обычных условиях предстояло проделать за день, надо было пройти в значительно более короткое время. Вождь вежливо держался с левой стороны от меня. Он ехал, глубоко задумавшись: ему было нелегко воспринять как свершившийся факт все происшедшее со вчерашнего вечера. За нами ехал мимбренхо. Сколько я ни бросал взгляд назад, на мальчишку, я видел его бронзовое, полное спокойствия лицо. Он был доволен неожиданными результатами нашей поездки в той же мере, что и я. Я считал — и по праву, — что он внес значительный вклад в этот успех.

Лошадь Хитрого Змея очень хорошо отдохнула, иначе бы она быстро отстала от наших жеребцов. В тот самый момент, когда солнце исчезло на западе за горизонтом, мы достигли того места, где повернули с фургонами на север. Мы поехали в этом направлении. Стало темно, и тогда я попросил вождя остаться вместе с мимбренхо позади меня и поехать за мной только спустя полчаса. Я хотел явиться к своему отряду неожиданно. Поэтому и коня, и оружие я оставил своим спутникам, а сам пошел пешком.

Идти до лагеря мне было минут десять, а я был убежден, что Виннету выставил посты. Запах дыма доказывал, что в лагере разожгли костер. А это могло случиться только в том случае, если Виннету ничего не боялся. Так как я поехал на разведку, то он был уверен, что, если лагерю будет угрожать хоть какая-нибудь опасность, я вернусь сообщить о ней. Значит, в то время, пока я отсутствовал, ничего значительного не произошло. Было совершенно темно, поэтому постов, которые я охотно бы миновал, мне было не разглядеть, и я должен был положиться только на свой слух.

Я знал привычки апача, а потому довольно точно представлял, каким образом он расставит посты. Стало быть, обойти их мне будет нетрудно. Но один из них все же должен был остаться на моем пути. И вот, чтобы устранить его, я нагнулся и, нащупав на земле несколько камешков, подобрал их. Медленно продвигаясь вперед, я время от времени бросал один камешек за другим в заросли, шум в которых, разумеется, должен был привлечь внимание часового. Тот должен был пойти посмотреть, что послужило причиной этого шороха. Таким образом, я рассчитывал убрать часового со своего пути.

Вот так-то я, оставаясь незамеченным, довольно быстро подобрался к месту, с которого смог увидеть небольшой костерок. Теперь мне пришлось лечь на землю и медленно поползти вперед. Если бы я не знал, какие меры предосторожности обычно принимает Виннету, то был бы обязательно остановлен его постами. Костер был зажжен на полянке, а вокруг него лежали пленные. Так их легче было сторожить. Мимбренхо окружали пленников кольцом.

Справа, в темноте, стояли фургоны с привязанными к ним животными. Слева от меня сидел апач, привалившись спиной к стволу дерева. Поблизости от него примостился Убийца юма, а еще чуть подальше, как раз у того куста, за которым я спрятался, сидела группка людей, занятая негромкой, правда, но весьма оживленной беседой.

Пересчитав индейцев, я отметил, что не меньше шести из них находились на постах. Только благодаря камешкам я незамеченным прошел мимо часовых.

В упомянутой выше группе находились Старый Педрильо, странный дон Эндимио де Саледо и Коральба, чиновник и асьендеро. Старый Педрильо только что закончил рассказывать одно из своих приключений на территории Соединенных Штатов. При этом ему представился случай поговорить о ловкости, с которой ему удавалось задерживать ночью врагов. Он утверждал:

— Мимо меня не раз пытались проскользнуть краснокожие, но ни одному из них не удалось пройти меня.

— Да что вы говорите! — сказал асьендеро. — Если не горит костер, то никого нельзя увидеть, а следовательно, и поймать.

— Ба! Да что вы в этом понимаете, дон Тимотео. Есть костер, нет костра — краснокожему это все равно. Только если горит костер, надо быть более внимательным и как следует расставлять посты. Мы, например, расставили вокруг наших кустов шесть постов, и теперь просто невозможно прошмыгнуть мимо них.

Виннету прикрыл глаза, словно спал, но теперь он открыл их, посмотрел на говорившего и сказал:

— Старому Педрильо не стоило бы утверждать такое. Есть охотники, и индейцы, и белые, которые смогли бы обойти посты. Обернись и пошарь за кустом, за которым лежит Олд Шеттерхэнд!

Прежде я назвал чудом то, что мне удалось невидимым и неслышимым пробраться так далеко мимо постов, но теперь надо было считать в десять раз большим чудом, что Виннету не только заметил, что кто-то стоит за кустом, но и узнал, кто это. Значит, глаза он закрывал только для видимости. Он привык это делать в тех случаях, когда слуху доверял больше, чем зрению. Педрильо повернулся и протянул руку к кусту. Я выпрямился и вышел к костру, обратившись к апачу со следующими словами:

— Мой брат Виннету все замечает, его глаза и уши превосходят мои.

Когда я внезапно вынырнул перед храбрым доном Эндимио де Саледо и Коральба, тот от испуга отскочил назад, издав при этом такой пронзительный крик, словно ему явился сам сатана. Мимбренхо, забыв свою привычку даже неожиданное событие воспринимать со стоическим спокойствием, вскочили с земли и вытаращились на меня, как на духа. Пленные юма приподнялись, насколько им позволили связывающие их ремни. Они знали, что я уезжал в Альмаден, и теперь надеялись понять из моих слов, как там обстоят дела. Они, пожалуй, полагали, что я не вернусь, а буду схвачен находящимися там воинами, а может быть, и убит.

Крик донесся и от первого фургона. Там лежал со связанными руками Плейер, охраняемый одним воином-мимбренхо. Пленник подошел ко мне, растолкал окружавших меня людей и закричал от радости, очевидно, искренней:

— Слава Богу, сэр, что вы вернулись невредимым и снова оказались здесь! Я очень боялся за вашу жизнь.

— Боялись? Почему? — спросил я его.

— Потому что меня, если бы с вами случилось несчастье, сочли бы виновным в этом, так как я мог вам сообщить неверные сведения. А я был честен с вами!

— Теперь я в этом убедился. Все ваши слова, все описания местности полностью подтвердились.

Я рассказал, что побывал в его пещере, обследовал Альмаден и говорил с Уэллером и Мелтоном, но больше я ему ничего не сказал.

— Тогда при вас находилась целая сотня ангелов и защищала вас, — сказал он. — Какое счастье, что все обошлось без происшествий! Такая дерзость могла бы для вас плохо кончиться, а тогда бы на меня пало подозрение в измене.

— Возможно! Но теперь я подтверждаю перед всеми этими свидетелями, что отныне буду полностью вам доверять, а в доказательство своих слов сниму с ваших рук путы. Позвольте также вернуть вам ваше оружие, которое я отнял у вас на асиенде. Вы свободны!

Прощенный грешник несказанно обрадовался, однако асьендеро крикнул мне:

— Что вы делаете, сеньор! Вы освободили человека, которого следовало наказать.

Оказывается, он принимал участие в разорении моего имения! Приказываю вам, по долгу моей службы, снова связать его!

— Вы не можете приказывать мне! Это я вам приказываю сесть на свое место и закрыть рот. Не вам решать, кто должен оставаться пленником — это определим я и Виннету. И я докажу это вам, освободив остальных.

С этими словами я подошел к Быстрой Рыбе, разрезал его путы и сказал:

— Мой краснокожий брат свободен, он может встать. Воины мимбренхо могут развязать ремни, которыми связаны воины-юма. Всем им я возвращаю свободу, потому что заключил мир с Хитрым Змеем, вождем юма, собравшихся возле Альмадена. Я выкурил с ним калюме.

Послышался многоголосый крик: мимбренхо орали от удивления, юма — от восторга. Мои слова возымели действие даже на Виннету, причем такое, какое я до сих пор считал невероятным. Он быстро поднялся, подошел ко мне и с пылом спросил:

— Ты раскурил с ними калюме?

— С ним и со всеми его воинами, — ответил я.

— Значит, юма отделились от Мелтона?

— Да, а он сам и Уэллер взяты в плен. Переселенцы свободны.

— Где они?

— В Альмадене, вместе со своими друзьями, воинами юма. Завтра мы все отправимся туда, чтобы отметить праздник трубки мира.

Тогда он возложил свои руки мне на плечи и воскликнул:

— Вы это слышали, краснокожие и белые мужчины? То, что не могло быть совершено многими воинами, Олд Шеттерхэнд сделал в одиночку. Он стоит больше сотни вооруженных мужчин, нет — больше двух сотен!

— Ну, нет! Мне просто повезло, необыкновенно повезло, а то немногое, что я согласен приписать лично себе, надо отнести на счет Виннету, который был моим учителем.

— Пусть мой брат так не говорит. Учитель не смог бы выполнить то, что осуществил ученик.

— Нет, нет! Ты узнаешь, как все произошло, и тогда согласишься со мной, что здесь огромную роль сыграл случай.

Пока мы обменивались этими фразами, всех пленников развязали. Это происходило, конечно, не без шума, который привлек и часовых, которые с полным правом решили, что при подобном гвалте охранять лагерь просто смешно, и смешались со своими соплеменниками.

Так вот случилось, что прибытие мимбренхо и Хитрого Змея заметили только тогда, когда они уже слезли с лошадей. Храброго мальчика окружили наши люди, вождя — воины юма, и тут началась такая кутерьма с криками, вопросами и ответами, что посторонний человек испугался бы при виде этих орущих и толкающихся мужчин.

Я выскользнул из этой толпы, чтобы пойти позаботиться о наших с Виннету лошадях и забрать свое оружие. Потом я подсел к апачу, приглядываясь к веселому оживлению людей, да закусывая, да запивая еду несколькими глотками вина, запасы которого мы обнаружили в фургонах.

Шум не стихал долго, а полное спокойствие восстановилось совсем не скоро, если бы обитатели лагеря не пожелали узнать, как же совершились эти великие события: примирение с юма, а также пленение Мелтона и Уэллера. Мой маленький мимбренхо должен был усесться так, чтобы все могли видеть его в отблесках пламени разгоревшегося костра, а также и слышать его, потому что именно он начал рассказывать обо всем случившемся. Он делал это с величайшим удовлетворением, а Хитрый Змей время от времени прерывал мальчишку, давая необходимые пояснения. Я же сам не говорил ни слова и останавливал рассказчика

выразительным жестом только в тех случаях, когда он прилагал чрезмерные усилия, расхваливая меня.

Об одном только человеке я не подумал, потому что не видел его. Только во время рассказа он попался мне на глаза, а прежде он держался в сторонке. Теперь он буквально глядел в рот маленькому мимбренхо. Это был атлет, который, естественно, прежде всего хотел услышать о Юдит. Но мальчик не слышал моей беседы с нею и ее отцом и опустил — по моему знаку — сообщение об условии вождя юма, что Юдит должна стать его скво. Поэтому Геркулес ничего не знал об ударе, который предстояло вынести его любящему сердцу. Но позднее, когда возбуждение спало, а любопытство было удовлетворено, и люди, то тот, то другой, стали подыскивать себе местечко для отдыха и сна, я тоже занялся этим и невольно оказался рядом с Геркулесом. Тот немедленно воспользовался этим, отвел меня в сторону и начал расспрашивать. Я не мог пощадить этого гиганта, если говорить о физической силе, и одновременно карлика, если иметь в виду его добрый характер. Я посчитал за лучшее сказать ему правду в глаза. Может быть, тогда он разом вылечится от своей влюбленности. Я пока умолчал, кто должен стать мужем Юдит, что было вызвано взволнованной, пересыпанной угрозами речью атлета. Ведь новый суженый Юдит — вождь юма — находился среди нас, да еще был нашим гостем. Мы будем отвечать, если с ним что-нибудь приключится в нашем лагере, а ревность гиганта легко могла вывести его из себя.

Позднее воцарился полный, ничем не нарушаемый покой. Мы не выставили никаких постов и в первый раз могли заснуть без опаски. Но атлет метался всю ночь. Мысли о неверной возлюбленной не давали ему уснуть. Зато утро было очень оживленным. Мы стали готовиться к выступлению, и, когда наш отряд пришел в движение, в нем на этот раз не оказалось ни одного связанного человека.

Мы двигались быстрее, чем это можно было ожидать при неповоротливости фургонов, так как многие всадники прицепили к повозкам свои лассо, и лошади тащили фургоны за собой. К этому добавилось еще одно обстоятельство: мы двигались по совершенно ровной пустыне, ни один куст, ни одно дерево не преграждали нам путь. Очень часто мы переводили лошадей в галоп и еще до наступления вечера добрались до лагеря юма у подножия Альмадена, где нас радостно приветствовали и краснокожие, и переселенцы.

Надо было напоить уставших животных, но к сытному ужину мы, к сожалению, не могли их сегодня пригласить. Под водопой лучше всего годилась боковая пещера, где воды хватало на всех. Маленький мимбренхо должен был отвести туда юма, и те немало удивились, когда после расчистки каменной осыпи они увидели пещеру, о которой и понятия не имели, да к тому же услышали, что мы через нее попали в шахту.

Сразу же после нашего прибытия произошло событие, повлекшее за собой печальные последствия. В первое время все двигались, так что никто особенно не выделялся в толпе, но потом сами собой образовались группки постепенно успокаивающихся людей, и тогда я услышал голос Мелтона, крикнувшего находившемуся неподалеку от него Уэллеру:

— Уэллер, смотри-ка, вон Плейер, и он не связан подобно нам! Как такое могло случиться?

— Где? — спросил его компаньон. — Ах, вон он! Вижу его. Негодяя надо наказать?

— Конечно! По-другому и быть не может, потому что иначе его бы связали, как и нас. Эх, если бы мои руки и ноги были свободны!

— Да, если бы мы были свободны, то выплатили бы Иуде его сребреники[93]. Плейер, эй, Плейер!

— Что такое? — спросил тот, услышав этот зов.

— Подойди-ка сюда! Мне надо тебя кое о чем спросить.

Но крик Уэллера услышал еще один человек — Геркулес.

— А, так там лежит старший Уэллер! — услышал я слова атлета. — Теперь он мой.

Он пошел за Плейером к тому месту, где лежал Уэллер. Я отправился за ним, стараясь по возможности не торопиться. Гигант, кажется, уже оправился от удара прикладом, который нанес ему младший Уэллер, но вряд ли он пересилил жажду мести. Я бы мог не допустить происшедшего между Уэллером и Плейером разговора, легко мог и прервать его, но я надеялся узнать еще кое-что полезное. Вообще, получилось так, что ход событий нельзя уже было изменить.

— Как это ты попал сюда? — спросил Уэллер довольно спокойно.

— На меня напал Олд Шеттерхэнд и взял в плен.

— Значит, ты был очень неосторожным! Но тебе, кажется, повезло больше, чем мне с Мелтоном, потому что ты остался на свободе. Как это произошло? Вероятно, ты вкрался в доверие к Олд Шеттерхэнду и Виннету. Не так ли?

Плейер некоторое время размышлял, говорить ли ему правду или солгать, а потом ответил:

— А почему бы и нет? Так как против нас были Олд Шеттерхэнд и апач, то почти наверняка можно было предвидеть, что мы останемся в проигрыше. Ну а так как я собирался сказать тебе, что давно уже понял, что вы оба заберете себе львиную долю добычи, а меня захотите удовлетворить какой-то мелочью, и наконец…

— Ну, наконец? Что дальше? — спросил Уэллер, когда его собеседник сделал паузу.

— Наконец, — продолжал Плейер, — я подумал о тех беднягах, которое должны умереть страшной смертью внизу, в шахте. Мне стало их жаль, и я начал понимать, что то, что мы над ними вознамерились совершить, является очень тяжелым преступлением.

— Ах, так ты, значит, внезапно стал святошей?

— Пока еще нет, но, может быть, стану им, чтобы замаливать перед нашим Господом грехи, которые я совершил вместе с вами.

— Ты можешь мне сказать, как с нами намерены поступить?

— Боюсь, что вам придется оставить надежду когда-нибудь освободиться.

— Собственно говоря, ты заслуживал бы одинаковой с нами судьбы, но меня радует, что по меньшей мере один из нас оказался везучим. А что с моим сыном? Я искал вас, чтобы узнать его судьбу, но поиски мои не увенчались успехом.

— Ты хочешь услышать правду?

— От нее я, пожалуй, не умру. Валяй, не стесняйся! Ты знаешь, что я не слабак.

Последнее могло быть и правдой, но тем не менее во взгляде его, который он с надеждой направил на Плейера, затаился тайный страх. В этом негодяе пробудился отец. Когда Плейер задержался с ответом, Уэллер продолжал:

— Значит, верно говорят, что он мертв?

— Да.

— Умер? Значит, он умер! — повторил Уэллер, закрывая глаза. Стало видно, какое воздействие оказало на него это сообщение. Щеки его запали, а все лицо на какое-то короткое время смертельно побледнело. Потом он снова открыл глаза и осведомился. — И какой же смертью он умер?

— Его задушил…

— Я! — перехватил слово атлет. — Вы, негодяи, считали меня мертвым, но мой череп оказался прочнее, чем вы думаете. Я только подхватил горячку и почти в бреду удавил этого подлеца, как, впрочем, сделал бы и в полном сознании, да и еще сделаю!

Уэллер снова закрыл глаза, на этот раз — на более долгое время, чем в первый раз. А когда он снова открыл их, лицо его выражало совсем не то, что я ожидал на нем увидеть — не гнев, не ярость, не ненависть. Я мог бы утверждать, что в чертах его появилось выражение покоя и

смирения. И совершенно спокойно он спросил у Плейера:

— А ты, значит, присоединился к Виннету и Олд Шеттерхэнду с их мимбренхо и привел их сюда?

— Да, отказываться не буду — я сделал это, но они бы нашли сюда дорогу и без меня.

— Может быть, но с твоей-то стороны это была измена. Ты не удержался от предательства. Неудачи стали преследовать нас после того, как ты попал в плен и перешел на сторону врагов. С нами, пожалуй, все кончено, и у меня появилось желание, касающееся моего наследства. Выполнишь ли ты его, мой бывший товарищ?

— Если смогу, то выполню.

— Ты сможешь это сделать безо всякого труда и притом не совершив никакой несправедливости. Подойди ко мне!

Плейер приблизился к нему на несколько шагов и слегка наклонился к пленнику.

У меня было побуждение предупредить его об опасности, но что мог, казалось, сделать ему Уэллер? Ноги и руки его были связаны, а кроме того, правую руку задела моя пуля, и он не мог пошевелить этой рукой.

— Я вынужден говорить очень тихо. Подойди ближе и нагнись пониже!

Плейер послушался его и опустился на колени, попав тем самым в хитро расставленную ловушку, приготовленную внешне казавшимся таким смиренным человеком, а на самом деле неистовствующим от гнева преступником. Уэллер уперся локтем о землю и молниеносно выбросил вперед свои ноги и столь же стремительно опустил их на плечи Плейера. Стоит напомнить, что ноги Уэллера были связаны ниже голеностопного сустава. Он высоко приподнял ноги и развел в стороны колени так, что между ними как раз и попала голова Плейера. Потом Уэллер изо всех сил сжал коленями шею своего бывшего сотоварища, так что его лицо сразу же посинело, а Уэллер, уже совсем другим голосом, торжествующе закричал:

— Ну, перехитрил я тебя, неисправимый подлец? А ты поверил, что я смирился, ты, стократный дурак! Мести я хотел, мести! Если из-за твоей измены был удушен мой сын, то тебя за это тоже следует удавить!

— Да, накажи предателя, — подбадривал Уэллера своим дьявольским смехом Мелтон. — Не выпускай его, не выпускай!

Известно, какая сила заключена в ногах взрослого человека. А к этому надо добавить, что ступни пленника были стянуты ремнями, и это дало точку опоры, умножившую первоначальную силу колен. Одной-единственной минуты было достаточно, чтобы задушить Плейера. Конечно, я моментально подскочил, чтобы помочь несчастному, но Геркулес опередил меня. Он упал на землю, сжал огромными своими ручищами шею Уэллера и закричал:

— Тебя самого пора придушить, негодяй, как я прикончил уже твоего подлого сына, и только что пообещал это сделать и с тобой!

Желание прийти на помощь находящемуся в смертельной опасности Плейеру было ошибкой, потому что как только Уэллер начал терять сознание, страх смерти еще крепче сжал судорогой его ноги вокруг шеи Плейера. Я попытался было оторвать их друг от друга, но тщетно. У меня просто не хватило сил, да их не оказалось бы ни у одного человека. Все же я, сам исполненный страха, выхватил нож и перерезал ремни, после чего развел ноги Уэллера и своим туловищем разжал его колени. Голова Плейера упала к земле; бедняга лежал словно мертвый, с красно-синим вздувшимся лицом. Зато ноги Уэллера теперь со всей силой обвились вокруг меня.

— Оставьте его! — крикнул я атлету. — Вы же его прикончите.

— Прикончу? — мрачно ухмыльнулся он. — О нет, я только его наказываю.

Я видел, что он еще сильнее сжимает его шею, и ничем не мог ему помешать, хотя и

уцепился за него сзади, пытаясь оттащить от Уэллера. Наконец он разжал свое ужасное объятие, пнул лежащее неподвижно тело и сказал, переводя дыхание:

— Все, он мертв! Больше он не запрет ни одного человека под землей и ни на кого не нападет во сне. Теперь пусть его сожрут стервятники, как они сожрали его сына и должны были расклевать меня!

С большим трудом я освободился от ног удушенного. Естественно, я тут же посмотрел на Плейера. Он уже начал дышать, а значит, был спасен. Но Уэллер был действительно мертв. Его прикончили ручищи гиганта, радовавшегося свершенному им ужасному поступку.

— Знаете ли вы, что стали убийцей? Я должен связать вас и передать в руки правосудия! — решил я этими словами привести его в чувство в присутствии всех собравшихся вокруг людей, следивших за исходом страшной сцены.

— Убийцей? — ответил он. — Вы что-то путаете и никакому судье меня не выдадите, потому что я сам исполнил обязанности вершителя правосудия.

— Нет, вы исполнили обязанности палача!

— В самом деле? Скажите же мне, за кого хочет выйти Юдит. У меня просто зудят пальцы от желания вцепиться этому парню в горло!

Вид у него при этих словах был такой, словно он хочет немедленно привести в исполнение свою угрозу. Я, конечно, не стал называть избранника Юдит. Но он получил их в ином месте. Среди столпившихся вокруг нас людей оказался отец Юдит. Услышав слова Геркулеса, он тут же ответил:

— Ну, что ж, об этом вы можете узнать от меня. Моей дочери совершенно не обязательно вешаться на шею бродячему фокуснику. Она станет повелительницей знаменитого индейского племени и будет блистать, словно королева, в драгоценных камнях, золоте и шелках.

Геркулес ошеломленно посмотрел на неосторожного, чересчур болтливого старика, покачал головой и переспросил:

— Повелительницей индейского племени? Как это надо понимать?

— А так, что она станет обожаемой и почитаемой супругой Хитрого Змея, вождя одного из племен юма.

— Что? Она хочет жить в вигваме? — рассмеялся не поверивший старику гигант. — Вы, пожалуй, хотите разыграть комедию!

— Нет, мы, наоборот, хотим, чтобы комедия с вами наконец-то подошла к концу. Мы, то есть Юдит и я, остаемся у юма. А вы можете отправляться в Техас. Мы получим дворец, а еще в придачу и замок. Вы же будете обрабатывать засеянные клевером поля и выращивать репу!

Атлет провел рукой по волосам, огляделся, потом, уставившись на меня, сказал:

— Господин, положите конец этому детскому балагану, высказав мне всю правду! Как мне понять тарабарщину этого старика?

Теперь стало уже невозможно дольше утаивать всю историю с Юдит и Хитрым Змеем, а потому я ответил:

— Вы уже слышали всю правду: вождь выбрал Юдит в жены, и это было одним из условий заключения мира между нами и юма.

— Во-о-ождь? Невероятно! Эта девушка, это чудо красоты, хочет броситься на шею краснокожему? Я не верю вам, вы разыгрываете меня.

— Но это факт.

— Значит, либо я не в своем уме, либо все вы сумасшедшие. Юдит, скажи, верно ли то, что я слышал? Ты хочешь стать женой краснокожего Змея?

— Да, — высокомерно кивнула она. — Я буду королевой юма.

— В самом деле? Значит, это не ложь?

Я страшно испугался, потому что увидел, что атлет пришёл в возбужденное состояние, которое с каждым словом только усиливалось. Возможно, на его мозг все еще оказывали воздействие последствия от удара прикладом. Я попытался было дать ему успокаивающий ответ, но девушка опередила меня:

— Ради тебя я лгать не буду. Я обручилась с вождем, а ты можешь продолжать свою жизнь.

Глаза его расширились и дико сверкнули, он сжал кулаки и стал озираться в поисках вождя. Назревал скандал. Геркулес увидел вождя, стоящего неподалеку, в группе юма, и стал расталкивать окружающих, фыркая от гнева:

— А ну-ка, ну-ка! Освободите место, расступитесь! Я должен поговорить с этим парнем, только — на языке кулаков. Одного я уже удавил, он должен стать следующим и поторопиться вдогонку за Уэллером.

Стало ясно, что он готов исполнить свои слова, если только ему удастся добраться до вождя. Я поспешил за ним, крепко схватил сзади и крикнул:

— Остановитесь, вы, несчастный! Вы ничего не измените, а, кроме того, вождь находится под моей защитой, и если кто тронет его хоть пальцем, получит от меня пулю!

Он повернулся ко мне, посмотрел в глаза совершенно бешеным от возбуждения взглядом и прошипел сквозь зубы:

— Оставь меня, парень, иначе сам попадешь под горячую руку! Или ты считаешь, что раз все прочие тебя боятся, то можешь поступать со мной, как тебе вздумается?

Теперь от него можно было ожидать всего. От него отступились все окружающие, а я вытащил револьвер и ответил:

— Пока мы сохраняем мир, нам нечего бояться друг друга, но стоит вам сделать несколько шагов ко мне или в сторону вождя, как я всажу вам в голову шесть пуль из этого оружия. Теперь вы превратились в разъяренного зверя, и с вами придется обходиться соответствующим образом. На свете есть миллионы девушек. Смиритесь с неизбежным, образумьтесь и успокойтесь!

Я проговорил эти слова весьма миролюбиво. Его же лицо перекосила неописуемая гримаса, и он сказал:

— Успокоиться! Да, я хочу успокоиться, но, возможно, вместе с собой успокою и других. Итак, говорите вы, дело уже нельзя изменить?

— Да, как я уже сказал.

— И условием мира было то, что Юдит станет женой краснокожего? И вы будете защищать вождя?

— И не я один, а все, находящиеся здесь. Вам не удастся до него добраться, а не только что дотронуться до него, так как каждый из нас готов встать на вашем пути. Это — наш долг. Попробуем предположить невозможное, что один-единственный человек, вследствие какого-нибудь скандального поступка, нарушит мир, чем накликает на нас еще большую опасность, чем это было до заключения договора. Если же вы убьете вождя или даже только раните его, то все его воины мигом набросятся на нас!

— И вы этого боитесь! Слышите, люди, знаменитый Олд Шеттерхэнд испугался! Но верно вот что: на вашей коже не останется и царапины, да и у вашего любимого вождя будет взято не больше, чем может быть спрятано под ногтем. А вот я, трус, по-вашему, крови не боюсь и докажу вам это. Краснокожий, за которого вы так боитесь, останется невредимым, а я успокоюсь, и Юдит, его невеста, тоже должна успокоиться. Эй, вы, трусы, подойдите-ка сюда с ружьем, обращаться с которым вы не умеете!

Чиновник и асьендеро оказались близко от атлета. Первый, как уже сказано, был наипотешнейшим образом вооружен буквально до зубов, имелся у него при себе и револьвер. Такой же торчал за поясом у асьендеро. Резким рывком атлет вырвал оба револьвера, причем

один ствол направил на Юдит, второй же приложил к своей голове и нажал на спусковые крючки. Большинство присутствующих закричали от ужаса. Я предвидел подобный оборот событий и был готов к прыжку. Я не мог помешать Геркулесу завладеть оружием, но когда он направил револьверы на девушку и себя, я уже оказался рядом с ним и схватил безумца. Я дотянулся только до его правой руки, той самой, что была вытянута в сторону Юдит, и подтолкнул ее вверх, так что пуля пролетела поверх голов окружающих. Он повторно выстрелил из того же револьвера, и пуля ушла в том же направлении. Потом он покачнулся, потому что в то время как мне удалось защитить Юдит, левой рукой он дважды выстрелил себе в висок. Руки его опустились, он сделал полуоборот и оказался у меня на руках — глаза его закрылись.

— Покой, покой! — еще выдавил он из себя; на этом как его жизнь, так и несчастливая любовь закончились.

Я позволил его телу медленно соскользнуть на землю и не мог бы рассказать, что я тогда чувствовал. Разом зазвучали все гневные и осуждающие, все низкие и высокие струны. Умерший был слабохарактерным человеком, но верным слову и в целом добрым. Неверность и кокетство еврейки сначала прогнали его на чужбину, а потом и довели до смерти. Юдит ни слова не сказала мне в благодарность за то, что я спас ей жизнь. Ни словом не обмолвилась она и о бедняге, причиной самоубийства которого стала — не осудила и не поразилась. Она взяла за руку отца и сказала:

— Как это ужасно и глупо! Он мог бы сделать все иначе. Он мог бы уехать в Техас или, если так уж ему немила стала жизнь и непременно надо было ее лишиться, то мог сделать это по-другому, в одиночестве. Я не могу его видеть. Пошли!

И она оттащила отца прочь. Я не смог удержаться, не смог быть бесстрастным зрителем и, полный возмущения, закричал ей вслед:

— Да, уходите, исчезайте! Я тоже не могу больше вас видеть. И если вы еще хоть раз появитесь передо мной, то я позабуду о том, что вы девушка, и прикажу отхлестать вас лассо по спине, чтобы хоть так вызвать у вас чувство боли, ибо сердца и других чувств у вас нет, гордая королева индейцев юма!

Мое предупреждение она приняла всерьез и все то время, пока мы оставались рядом с юма, боялась показываться мне на глаза. Но гораздо позднее и в другой обстановке, когда она предстала передо мной богатой и важной дамой, оказалось, что она полностью забыла мою угрозу задать ей порку.

Все остальные наши спутники от души жалели несчастного атлета, жизнью которого судьба так быстро и так неожиданно распорядилась. Мы говорили между собой по-немецки, и краснокожие просто не поняли, в чем дело, а стало быть, не знали, почему Геркулес лишил себя жизни. Когда вождь юма пришел ко мне узнать причину этой смерти, я объяснил ему:

— Юдит обещала ему быть его скво, и он из-за своей любви последовал за нею через океан. Теперь, услышав о том, что она должна стать твоей, он решил умереть.

— Однако я слышал, что он и в нее стрелял.

— Он хотел убить и ее, потому что не хотел отдать тебе.

— А ты ее спас? Благодарю тебя! Бледнолицые — странные люди. Ни один индеец не убил бы себя, если бы девушка отказалась стать его скво. Он либо вынудил бы ее к этому, похитив ее, либо высмеял бы ее и взял бы себе другую, получше. Разве у бледнолицых так мало девушек, что они теряют разум из-за юного личика? Мне жалко их!

Во время этого драматического происшествия мы не могли уделить внимание Плейеру. Теперь мы увидели, что он кое-как отошел после нападения Уэллера. Он все еще сидел на земле и оттуда наблюдал за происходящим. Теперь он встал, медленно подошел ко мне и спросил:

— Уэллер, как я вижу, мертв. Он хотел задушить меня. Я знаю, что я перестал дышать.

Значит, кто-то должен был меня спасти. Кто же это был, сэр?

— Я снял ноги Уэллера с вашей шеи.

— Я мог бы об этом и сам додуматься, так как я, когда подошел к Уэллеру, заметил, что вы идете, чтобы помочь мне. Я никогда не забуду, что обязан вам жизнью!

— Забудьте это сейчас же, но только всегда помните свое обещание стать хорошим человеком!

— Это обещание я сдержу. Боюсь только, что асьендеро и его друг-чиновник будут настаивать на моем наказании.

— Меня не тревожат их происки, а вы же знаете, что я не потерплю каких-либо их указаний. Конечно, задерживаться в этих краях надолго вы не можете, потому что иначе может случиться, что вас здесь схватят и запрут в четырех стенах.

— И я так думаю. Охотнее всего я бы отправился с вами в Техас.

— Вы могли бы пойти с нами, так как, надеюсь, вы станете верным нашим спутником.

— Не думайте больше плохо обо мне! Я постараюсь оправдать ваше доверие. Может быть, я найду работу у одного из немецких переселенцев. Но они, конечно, слишком бедны, чтобы выкупить себя да еще и нанять работника.

— О, они добрые люди, да к тому же у них хватит средств на покупку куска земли. Вас они не оттолкнут, потому что вы янки, знаете страну и людей, а значит, можете быть полезным им. Но только не соблазняйте их игрой в карты, потому что, если при первом своем посещении я услышу об азартных играх, мне придется серьезно поговорить с вами.

— Не беспокойтесь, сэр! Игра стала мне противной, иначе я бы не появился в этой пустыне, чтобы похоронить себя среди индейцев. Деньги, правда, картежник зарабатывает легко, но еще быстрее они исчезают. Если же я буду работать, то каждый доллар будет мне дорог, потому что он мною заслужен, и я, прежде чем отдать его, хорошенько подумаю.

— Похоже, у вас развиваются правильные взгляды. Если вы будете их придерживаться, то в скором времени кое-чего достигнете.

— Клянусь вам в этом. Как только я заимею сотню долларов, я стану работать вдвое, втрое усерднее, чтобы быстрее сколотить маленькое состояние, чтобы на эти деньги арендовать ферму.

— Хм! Хотел бы я знать, действительно ли вы потратите деньги на эту благородную цель.

— Непременно!

— Тогда я вам кое-что скажу. У меня есть немного лишних денег, как раз триста долларов. Тратить мне их сейчас некуда, а в странствия брать с собой неохота. Не могли бы вы взять их у меня в долг?

— Вы дадите взаймы триста долларов мне, Плейеру! Сэр, это очень смелый поступок!

— О нет, потому что я убежден: вы мне их вернете.

— Ну, а если я не смогу их отдать именно в тот момент, когда они вам понадобятся? Ведь деньги, вложенные в какое-нибудь дело, нельзя моментально превратить в наличность?

— Я подожду. Я скитаюсь в прериях, постоянного места жительства у меня нет, времени свободного много. Путешествую я и по другим странам, причем срок окончания таких странствий указать не могу. Короче, хотите одолжить у меня деньги?

— Охотно.

— Тогда давайте не определять точного срока возврата. Вы отдадите их мне, когда это станет для вас возможным, а я случайно окажусь возле вас. Если со временем положение дел изменится, мы легко придем к согласию. Как только мы с вами окажемся за границей, я вам дам денег, а вы арендуете земельный участок. Если я снова окажусь когда-нибудь в Соединенных Штатах, то постараюсь навестить вас, а тогда увидим, нужны мне деньги или нет. Ну, о

процентах, конечно, не может быть и речи. Согласны?

— Что за вопрос! Вот вам моя рука. Благодарю вас от всего сердца. И пока я жив, я всегда буду помнить о том, что именно вам, сэр, я буду обязан, если стану счастливым человеком, который сможет спокойно спать, не боясь последствий своих деяний.

Он говорил тоном искренним и сердечным, очевидно, предложение начать новую жизнь было воспринято им вполне серьезно. Я же обрадовался, что смогу дать ему деньги, которые, естественно, был намерен взять из суммы, отнятой мною у Мелтона и Уэллера. Правда, все эти деньги были предназначены немцам, но те могли лишиться такой малости, составлявшей самое большее десять долларов на человека. Чувство удовлетворения шевельнулось в моей душе, когда я пожал его протянутую руку.

Плейер еще не высказал мне всех благодарственных слов, а я уже должен был переключить свое внимание на большой табун, который галопом приближался с севера, направляемый множеством краснокожих всадников. Это были именно те лошади юма, за которыми посылал Хитрый Змей. Табун добрался до нас в последние минуты уходящего дня, а пока лошадей привязали к колышкам, наступил вечер.

Погонщики были настолько предусмотрительны, что привезли с собой связки сухих сучьев, так что с наступлением темноты стало возможным разжечь несколько костров. Провизия, хранившаяся в фургонах, облегчила приготовление праздничного ужина. Конечно, это только в тех условиях такой ужин можно было назвать праздничным, потому что, по понятиям цивилизованного человека, еда была очень простой, даже — почти скудной, так как мы вынуждены были экономить припасы.

После ужина я улегся спать, мои соотечественники и мимбренхо сделали то же самое. У юма для отдыха еще не нашлось времени, потому что они отправились в Альмаден, чтобы разграбить тамошнее жилище белых. Рано утром я увидел, что юма присвоили все, что смогли там найти. Для индейца каждый предмет, который кто-нибудь другой оставил бы лежать как бесполезный или отбросил бы в сторону, имеет ценность, нередко — даже очень большую. Они привели с собой и обеих старух. Отверстие шахтного ствола они заложили камнями, а вход в пещеру засыпали. Возможно, никто его так и не нашел до наших дней — из тех, кто обладает и средствами, и отвагой, чтобы разрабатывать драгоценное нутро пустынных скал.

Рано утром я проснулся первым и разбудил доброго дона Эндимио де Саледо и Коральба, а также его возчиков. Я уладил с ними дела, потом проснулся весь лагерь, и началась погрузка. Работами руководил Хитрый Змей, потому что вьючные лошади принадлежали ему. Ни еврейки, ни ее отца не было видно, возможно, они скрывались в палатке вождя, испугавшись моих угроз. Я уселся рядом с Виннету и приглядывался к работам. Тут к нам приблизились двое мужчин, имевших такой вид, словно они собираются обсудить с нами кое-что очень важное. Это были асьендеро и важный чиновник. Я предчувствовал, что они еще раз подойдут ко мне, выставив свои требования и осыпав упреками. Мелтон, которого я передал юма, со вчерашнего вечера находился под их неусыпным надзором в одной из палаток.

Оба подошедших господина приветствовали меня в высшей степени официально, а чиновник — с очень строгим служебным выражением на лице. Он же и начал разговор:

— Я вижу, вы готовитесь к путешествию, сеньор. Куда это вы направляетесь?

— В Чиуауа, — ответил я.

— На это я не могу согласиться! Я вынужден настаивать на том, чтобы находящиеся здесь лица, все без исключения, отправились со мной в Урес!

— Вероятно, в качестве арестованных?

— Ну, как хотите, так и считайте!

— Так арестуйте нас!

— Этого бы мне не хотелось делать, так как я надеюсь, что мое служебное положение обяжет вас следовать за мной добровольно.

— Так как я еще не заметил этого положения, то оно никак не может меня к чему-нибудь побудить. А вообще-то я думаю, что мы находимся на территории юма, а я твердо намерен следовать их обычаям и привычкам словно писаным законам. И даже если бы это было не так, спорить о юридических формальностях я с вами не намерен, потому что я немец и в соответствии с разъяснениями, которые вы сами мне дали, вовсе не обязан руководствоваться вашими местными законами.

— Я? Да разве я говорил вам что-нибудь подобное? Это ведь не так!

— Это так. Когда я был у вас, прося защиты для немецких переселенцев, вы заявили, что не можете заниматься ими, и отказали им в покровительстве, которое было так необходимо. Приняв это к сведению, я поскакал в горы, чтобы заняться своими земляками, и вот теперь, когда я вызволил их из ужаснейшего положения, в котором они оказались из-за вашего отказа, вы приходите ко мне и уверяете, что мы должны подчиниться вам в служебном порядке. Но вы обратились по ложному адресу, сеньор. Я не такой человек, который позволяет распоряжаться собой в зависимости от настроения и самодурства чиновного лица.

— Какое мне дело до ваших немецких рабочих! Разве только они одни находятся здесь? Тут ведь много и других людей. Здесь произошли события, входящие в мою служебную компетенцию, и я обязан ими заняться. Я имею в виду нападение на асиенду, происшедшие здесь убийства и многое другое, что я не могу оставить безнаказанным. Где Мелтон?

— У вождя юма, который, весьма вероятно, намерен сам наказать его.

— Наказывать здесь имею право только я!

— Это вы обсуждайте с Хитрым Змеем. Зачем вы пришли ко мне?

— Потому что вы им выдали Мелтона. А вы должны были передать его мне!

— Замолчите! — гневно прервал я его. — У меня нет никаких обязанностей по отношению к вам. Если бы вы были умным человеком, то вели бы себя по-другому. До сих пор вы делали одни глупости, и если, несмотря на это, вы еще разыгрываете из себя хозяина здешних мест, то результат будет один: вас высмеют. Больше я не хочу слышать ни слова от вас!

Мой тон испугал его. Он не осмелился продолжать разговор и взглядом позвал себе на помощь асьендеро. Теперь слово взял тот:

— Сеньор, не поступайте подобным образом. Подумайте, что вы находитесь на моей земле! Вы в этих местах, так сказать, гость!

— О, что до этого, то ваше хваленое гостеприимство я узнал предостаточно и весьма вам за него благодарен. Но так как вы заговорили о своей земле, то придется вам напомнить, что вы ее продали. Теперь владельцем Альмадена стал Мелтон.

— Я подам на него жалобу и получу свои владения назад. Купчая, которую я с ним заключил, недействительна. А поэтому я с полным правом снова могу рассматривать себя владельцем этого поместья. И я требую, чтобы каждый здесь находящийся подчинялся мне, как и указаниям моего уважаемого друга.

— Ну, и каковы же ваши указания?

— Я хочу, чтобы вы поехали с нами в Урес. Там вы должны будете выступить свидетелем по делу Мелтона, однако и против вас мы выступим с иском.

— С каким же это иском?

— Это вы услышите только там. Я не считаю нужным говорить с вами об этом в данной обстановке.

— Хорошо, тогда помолчим! Я тоже не считаю нужным говорить ни с вами, ни с вашим верным другом. Хочу вам высказать только одно, что вы, если хотите заполучить Мелтона,

должны обращаться не ко мне, а к Хитрому Змею.

— Но я его требую от вас. Вы его захватили и не должны были никому передавать!

Тогда поднялся Виннету, вытащил свой револьвер и спросил спокойным, но весьма твердым голосом:

— Оба бледнолицых знают, кто перед ними стоит?

— Виннету, — ответил асьендеро.

— Да, Виннету, вождь апачей, — подтвердил чиновник.

— Но знают ли бледнолицые, что Виннету не любит пустых речей, а еще больше он не выносит глупого поведения? Теперь я хочу побыть наедине с моим другом Шеттерхэндом. Считаю до трех; того, кто из вас после этого задержится здесь, я просто застрелю!

И он наставил револьвер на двух друзей.

— Раз…

Важный чиновник поспешил уйти.

— Два…

Тут и асьендеро устремился за ним.

— Ну вот, даже до трех не пришлось считать, — рассмеялся апач. — Если бы мой брат сделал так же, он мог бы избавить себя от многих бесполезных слов.

Теперь оба труса остановились в безопасном удалении от нас и стали совещаться. Потом они подошли к вождю, стоявшему перед своей палаткой. Мы увидели, как они заговорили с Хитрым Змеем, но беседа была недолгой, потому что вождь выдернул из земли копье, воткнутое рядом с его тотемом[94], и ударил им чиновника по спине. Тот с руганью отбежал прочь, а дон Тимотео поспешил за ним, опасаясь чувствительного удара древком.

После такого поведения асьендеро у меня пропало желание отдавать ему деньги, тем более, что ту сумму, которую я отдал бы ему, теперь с удовольствием поделят между собой бедные поселенцы. Но прежде чем мы отправились в путь, я все же подошел к асьендеро и сказал ему:

— Сеньор, вот здесь купчая, которую вы подписали с Мелтоном, а вот многочисленные письма, доказывающие его виновность в разорении асиенды. Большего вам не требуется, чтобы снова вступить во владение своим имением, а с помощью своего друга, знатока законов, деньги, которые вы получили за асиенду, будут присуждены вам в качестве компенсации. Будьте здоровы, а в дальнейшем постарайтесь вести себя скромнее и умнее, чем делали это в прошлом и настоящем!

Тем самым я разделался с ним навсегда. Немцам их договоры я тоже вернул, и они немедленно и с большим удовольствием порвали эти гнусные бумажки. Потом мы сели на лошадей и отправились в далекий путь. Когда мы уезжали, чиновник, асьендеро, полицейские и дон Эндимио де Саледо и Коральба стояли возле фургонов. Старый Педрильо громко пожелал нам счастливого пути, а его друзья-возчики повторили это пожелание. Другие же белые промолчали. Надеюсь, что старику в Уресе честно отдали заработанные им деньги!

Можно догадаться, с каким наслаждением мои белые спутники покидали места, куда их завлекли, чтобы заточить под землю, да и я был от души рад тому, что предприятие, казавшееся вначале опасным, пришло к такому счастливому исходу. Правда, я мог рассчитывать на то, что Большой Рот останется нашим врагом, по меньшей мере — моим, но мне и в голову не пришло испугаться его, даже если бы мы и не находились под защитой Хитрого Змея. Мне было ясно, что мы повстречаем его, но я думал, что к нам сможет присоединиться Сильный Бизон, правда, нельзя было предсказать, когда и на какой дороге.

Сначала мы намеревались перебраться в штат Чиуауа, поэтому нам целый день пришлось ехать по пустынной местности, потом мы перебрались через узкую полоску, принадлежащей юма земли, а потом въехали в места, из-за которых у юма шел спор с мимбренхо. Именно здесь

мы должны были ожидать препятствия, если таковым вообще было суждено появиться у нас на дороге.

Впереди отряда ехали воины-юма, хорошо знавшие местность. Я держался все время рядом с Виннету, и большую часть пути от нас не отставал Хитрый Змей. Оба юных сына Сильного Бизона, то есть Убийца юма и его младший брат, находились недалеко от нас. Мелтона, постоянно связанного, держали под таким бдительным присмотром, что это должно было прогнать из его головы всякую мысль о побеге. А позади отряда ехали Юдит и ее отец, сопровождаемые одиноким воином-юма. Я на них не смотрел, да и они, пожалуй, остерегались попадаться мне на глаза.

Ради полноты картины стоит еще упомянуть, что перед выездом мы похоронили Уэллера и атлета. Они легли в землю, один подле другого, и эта земля не дала им того, что они здесь искали: один — богатства, другой — любви.

К вечеру мы преодолели пустыню, которая раскинулась на целый день пути во все стороны от Альмадена, и расположились лагерем на окраине ее, на зеленой равнине, где нашли подходящий выпас. На следующий день мы пересекли ту узкую полоску земли, на которую претендовали юма, а потом оказались в спорном районе, занимавшем очень гористую местность. Юма хотели добраться до широкой впадины, посреди которой располагалось маленькое озерко, где можно было устроить лагерь. Мы подъехали к южному краю обширного понижения, когда солнце уже исчезло за грядой вершин, замыкавших долину с запада.

С первого взгляда было заметно, что когда-то здесь существовал более обширный водоем, вытянутый с севера на юг. Протяженность котловины в этом направлении была примерно на час пути, тогда как ширина ее с востока на запад была намного меньше. Три долины примыкали к котловине: одна с севера, другая с востока, а третья с юга. Через последнюю мы и проехали.

В тот момент, когда мы выезжали из долины, я вместе с Виннету случайно оказался рядом с нашими проводниками. Глаза юма были направлены на середину впадины, имевшую весьма привлекательный вид: вокруг маленького озерка стояли могучие деревья, вокруг которых росли сочные травы, Но Виннету, как, впрочем, и я, привык в подобных местах заботиться прежде всего о личной безопасности, а поэтому взглянул на устья северной и восточной долин. Возле последнего я заметил всадника, намеревавшего, по всей вероятности, заехать во впадину, но как только он нас заметил, то тут же скрылся. Я посмотрел на Виннету, чтобы узнать, заметил ли он скрывшегося всадника, и именно в этот момент он повернул ко мне голову. Легкое движение век показало мне, что он тоже видел всадника.

Любой другой индеец сразу же поднял бы шум, но ход мыслей апача был настолько быстр, что он в тот самый момент, когда его глаза увидели всадника, уже уяснил для себя, что будет лучше, если пока он промолчит.

Стало быть, наш отряд не прерывал движения, пока мы не подъехали к озеру, где спешились и сначала напоили, а потом пустили пастись лошадей. Индейцы же сначала позаботились о себе и только потом — о лошадях. Мелтона привязали к дереву, а для Юдит приготовили ложе в кустах.

Мне пришлось присутствовать при распределении провизии, потому что, если бы я не руководил этой операцией, краснокожие могли бы съесть все разом. В то время как я оставался с индейцами, апач удалился, чтобы осторожно обследовать приозерный оазис. Когда он вернулся с этой прогулки, я по его лицу сразу заметил, что он раскрыл нечто важное, и подошел к нему.

— Мой краснокожий брат открыл еще кое-что, кроме всадника, которого мы видели ранее? — спросил я его.

— Да, — ответил он. — Вокруг озера пасутся наши лошади, их можно видеть вдалеке,

потому что еще не стемнело. Сначала я посмотрел на восток, куда исчез всадник. Там никого не было. Потом я посмотрел на север и увидел подъезжающих всадников. Они тоже направлялись к озеру, но, когда увидели наших лошадей, быстро отступили назад.

— Значит, нам придется иметь дело с двумя различными отрядами, которые ничего не знают друг о друге.

— Так, — кивнул он. — Один приближается с севера, а другой с востока, оба направляются к озеру, но, заметив нас, отступают.

— Мой краснокожий брат знает, кто эти люди?

— Олд Шеттерхэнду они тоже знакомы.

— По меньшей мере, можно легко догадаться. Это были Большой Рот со своими юма и Сильный Бизон с отрядом мимбренхо. Но где же сейчас находятся один и другой? Мы не знаем, кто из них прибыл с севера, а кто приехал с востока.

— Скоро мы об этом узнаем, потому что оба наверняка пошлют разведчиков, как только стемнеет. Надо пойти им навстречу. Куда хочет пойти мой белый брат?

— На восток.

— Тогда я пойду на север. Надо еще подождать с десяток минут, пока не наступит темнота.

Мы присели закусить, а когда быстрые сумерки промелькнули, снова поднялись, чтобы выйти на дороги, которыми подкрадывались к нам два конных отряда. Никто не заметил, что мы покинули лагерь. Пожалуй, подумали, что мы хотим посмотреть на своих коней, тем более, что мы не взяли с собой оружия. Как только мы оказались на таком расстоянии, что нас нельзя было увидеть из лагеря, мы расстались. Виннету пошел в северном, я — в восточном направлении.

Можно было предположить, что те, кого мы искали, еще не выслали разведчиков, но не прошел я и нескольких десятков шагов, как услышал шум, словно чья-то нога сдвинула с места камешек. Я сразу же лег на землю и стал ждать. Послышались легкие шаги идущего прямо на меня человека. Потом я его увидел. Он оказался в восьми шагах от меня… в шести… в четырех… Он по-прежнему меня не замечал, потому что взор его был устремлен вперед, а не вниз, где я прятался. Когда он сделал еще один шаг, я встал и схватил его за горло. Руки его беспомощно упали, ноги дрогнули, отыскивая на земле прочную опору. Я потянул его вниз или, точнее, уложил его на землю, отнял правую руку от его горла, однако оставив там левую, а освободившейся правой обшарил его пояс. Там был только один нож. Разведчик не должен отягощать себя ружьем. Я вытащил нож и оставил его у себя, потом позволил пленнику сделать вдох и прошептал, чтобы мои слова никто не услышал:

— Из какого ты племени? Говори правду, иначе я всажу тебе в брюхо твой собственный нож.

— Мим… брен… хо, — ответил он, стараясь в перерывах между слогами набрать побольше воздуха.

Он мог меня обмануть, а поэтому я задал еще один вопрос, чтобы окончательно удостовериться:

— Кто ваш вождь?

— Сильный Бизон.

— Куда вы направляетесь?

— В Альмаден, к Олд Шеттерхэнду и Виннету.

Тогда я отпустил его горло и сказал:

— Говори тише! Посмотри-ка мне в лицо! Ты меня знаешь?

— Уфф! Олд Шеттерхэнд, — ответил он, приблизив вплотную свое лицо к моему.

— Вставай и веди меня к Сильному Бизону! Возьми свой нож назад.

Он поднялся, повернулся и, ни слова не говоря, пошел рядом со мной. Когда мы

приблизились к долине, он остановился и сказал:

— Олд Шеттерхэнд — друг краснокожих и великий воин. Он не должен думать, что любой воин может сравниться с ним. Скажет ли он вождю, что он застал меня врасплох и обезоружил?

— Я вынужден это сделать, потому что этого требует ваша собственная безопасность, так как только самые способные должны выполнять подобные задания.

— Тогда меня отошлют к женщинам, и я всажу нож себе прямо в сердце!

— Ладно, я промолчу. Но замечу тебе, что нельзя позволять страху овладевать душой воина!

Когда мы немного прошли по долине, я услышал стрекотание кузнечика. Мой спутник ответил таким же стрекотанием, давая ответ часовому. Вскоре, несмотря на темноту, я увидел четверых сидящих мужчин. Они, разумеется, не разжигали костра. Один из четверки поднялся и сказал:

— Идут двое! Что это за незнакомец?

— Олд Шеттерхэнд, — ответил мой спутник.

— Олд Шеттерхэнд, Олд Шеттерхэнд, — услышал я, как зашепталась четверка.

А вопрос задавал не кто иной, как сам Сильный Бизон, вождь мимбренхо. Он протянул мне руку и радостно сказал:

— Так это мой знаменитый белый брат? Твое появление облегчило мне сердце, потому что я очень беспокоился о тебе. Но как ты попал в эти края, в то время как мы считали тебя либо мертвым, либо пребывающим совсем в другом месте?

Пожалуй, обо мне он беспокоился куда меньше, чем о своих мальчишках, но не мог показать эту слабость. Чтобы сразу же успокоить его, я ответил:

— Мертв? Все, кто находился рядом со мной, здоровы и нисколько не пострадали. Воины мимбренхо, сопровождавшие меня, и оба сына Сильного Бизона вели себя настолько мужественно, что от меня им доставалась только похвала. Позже я расскажу про них и их дела, а теперь я должен прежде всего услышать, скольких воинов привел с собой Сильный Бизон?

— Больше двух сотен, — услышал я в ответ.

— Сильный Бизон хотел отвести к столбам пыток пленных юма, среди которых находился их вождь Большой Рот. Пленники умерли мужественно или они во всем признались?

Я давно знал, что пленники сбежали от старого вспыльчивого, но в остальном очень храброго вождя, однако задал свой вопрос, чтобы наказать его за то, что он считал меня способным содействовать побегу Большого Рта. Он долго медлил с ответом, но наконец решился:

— Великий Дух не пожелал, чтобы мы порадовались смерти этих собак. Один из них развязал себя, а потом освободил и остальных. Они убежали, забрав с собой много лошадей.

— С вашей стороны это было весьма героическим поступком. Юма еще долго будут смеяться над вами. А как гневался Сильный Бизон, когда я один лишь раз заговорил с Большим Ртом! Ну, а сам он позволил удрать не только вождю, но и всем пленникам!

— Так захотел Великий Дух. Он наслал на нас такой крепкий сон, что мы ничего не видели и не слышали.

— Это мой краснокожий брат так думает. У меня же совсем другое мнение. Какую бы ошибку я ни совершал, я никогда не виню в ней Великого Духа, потому что Маниту не делает ошибок. Но все случившееся должно рассматриваться как неизбежное, из которого следует извлечь хороший урок. Знают ли воины мимбренхо, где теперь находится Большой Рот?

— Нет, но мы предполагаем, что он тоже направится к Альмадену. Когда он убежал, я поспешил вызвать новых воинов и лошадей, чтобы снова поймать его, а те, что были со мной, сразу же отправились преследовать беглеца. Они должны находиться в тылу вождя юма, и как

только я окажусь перед ним с новыми силами, он будет окружен двумя нашими отрядами, и мы его схватим.

— Ты все решил умно и смело. Твой первый отряд тем временем отнимет у юма стада, которые он гонит. Вообще-то я могу тебе сказать, что вождь юма теперь находится недалеко отсюда, у северного выхода из котловины, в которой мы расположились на отдых.

— Значит, мы должны отправиться туда и напасть на него!

— Не торопись! Сначала ты должен узнать, что произошло и каково наше положение.

Для долгого и подробного сообщения времени не было, и я рассказал ему вкратце, но так, что он узнал все происшедшее с нами после нашего расставания.

Его люди столпились вокруг и слушали, затаив дыхание. Хотя из-за отсутствия времени я лишь набросал контуры и не мог дать красочной картины происшедшего, тем не менее время от времени слышались удивленные возгласы, а когда мой рассказ окончился, вождь воскликнул:

— И все это совершили пять неполных десятков наших воинов! Слышите, их не было и пятидесяти! И в этом подвиге приняли участие мои мальчики!

В своем сообщении я не выделял ни себя, ни Виннету. Я все время говорил «мы». Видимо, поэтому и создалось впечатление, что слава распространяется не только на всех вместе, но и на каждого в отдельности.

— Значит, вождь Хитрый Змей находится там, в долине, с тремя сотнями своих воинов и с нашими братьями? Что за случай! Если бы ты не заключил с ними мир, то с первыми лучами солнца их скальпы стали бы нашей собственностью!

— Надеюсь, что вы будете уважать договор, заключенный мною с Хитрым Змеем! Ваша потребность в скальпах, может быть, будет удовлетворена каким-то другим способом.

— Как?

— Я же сказал тебе, что Большой Рот тоже находится поблизости. Я его, правда, еще не видел, он где-то здесь. Его охватит гнев, когда он услышит, что Хитрый Змей подружился с нами, и я думаю, что он откажется присоединиться к договору. В этом случае дело может дойти до настоящего сражения.

— И что тогда, по мнению моего белого брата, будет делать Хитрый Змей?

— Так как этот воин очень честен, то он, конечно, будет держать свое слово. Но о трех сотнях находящихся вместе с ним воинов я того же не скажу, потому что среди них есть лицемеры и предатели. По меньшей мере я сужу это по тем сорока воинам, которых мы взяли в плен у источника и на других постах. Все они вынашивают планы мести. Надо подождать, что произойдет.

— Нет, надо не ждать, а опередить врага!

— Не требуй этого от меня! Вероломными Олд Шеттерхэнд и Виннету никогда не будут!

— Тогда скажи, что нам следует делать! Должны ли мы сразу скакать с тобой к вашему лагерю?

— Нет. Сначала я хочу услышать, что скажет Виннету, который отправился на разведку к отряду Большого Рта. А так как последний тоже вышлет разведчиков, то лучше, чтобы ты никого не выпускал из этой долины, потому что твои люди могут быть замечены шпионами врага.

— Но тогда как я узнаю о происходящем?

— Я к тебе пошлю гонца. Когда он приблизится к вам, то застрекочет кузнечиком, встретится с тобой и передаст тебе мои указания. Если все пойдет так, как я предполагаю, то мы одолеем юма. Хотя у них воинов больше, чем у нас, но мы вооружены огнестрельным оружием, а у юма только немногие имеют ружья, и еще среди нас есть люди, каждый из которых может померяться силами с десятком, а то и с большим количеством врагов. Теперь я ухожу, а вы

будьте в постоянной готовности!

Я покинул лагерь, а когда вернулся, то Виннету уже был там, хотя ему надо было пройти больше, чем мне. Да, я тут же узнал, что он прошел гораздо дальше, чем я думал. Мы присели рядышком в сторонке, чтобы нам никто не мешал, и я рассказал апачу о своих успехах. Когда потом я поинтересовался его делами, он ответил:

— Сначала Виннету увидел Большого Рта и его воинов, а потом и мимбренхо, следовавших за ним.

— Что? — спросил я, крайне изумленный. — Они уже догнали врага? Они так сблизились с юма?

— Разве Олд Шеттерхэнд знает, что мимбренхо следуют за Большим Ртом?

— Да, Сильный Бизон сказал мне об этом. Когда юма от него улизнули, он послал часть своих воинов в погоню, а сам поспешил за новыми воинами и лошадьми. Ты только видел их или успел поговорить?

— Я говорил с ними. Я пробрался в долину и подкрался к находившимся там людям. Среди них был Большой Рот. Когда я лежал за скалой, то мимо меня проскользнул другой человек, который тоже шпионил за юма. Я остановил его. Поскольку он не хотел показываться юма, значит, он был их врагом, а поэтому я назвал ему свое имя. Он очень обрадовался и сообщил, что отряд мимбренхо, к которому он принадлежит, ранним вечером совсем близко подошел к Большому Рту, и теперь их разделяет только тысяча шагов, и мимбренхо готовы напасть на врагов. Я позволил отвести себя в отряд и разговаривал с ними.

— И что ты посоветовал им сделать?

— Нападать им не стоит. Они должны спокойно выжидать, пока я к ним приду сам, либо пришлю к ним гонца. А потом я поспешил назад, чтобы посоветоваться об этом с тобой.

— Это было верное решение. Теперь мы должны соразмерить свои действия с поведением Большого Рта. Если он согласится заключить мирный договор, то этому надо только радоваться, если же нет, то он должен узнать, что мы его не боимся.

— Мир он не признает. Ты убил его сына. Даже если бы он и хотел протянуть мимбренхо руку примирения, тебе он в нем откажет.

— Себе во вред, потому что, как только рассветет, он увидит, что окружен. Я предлагаю, чтобы ты еще раз…

Меня прервал громкий крик, раздавшийся в некотором удалении от нас. Там появился индеец и с радостными криками пошел к расположившемуся у воды Хитрому Змею. Этот человек был разведчиком Большого Рта, которого вождь послал, чтобы узнать, кто мы такие. Когда он увидел, что большинство в нашем отряде принадлежит воинам юма, он вышел из кустарника, в котором скрывался, и направился приветствовать вождя. Некоторое время они разговаривали между собой, а потом пошли к нам. Мы поднялись. Разведчик хмуро разглядывал нас. Хитрый Змей сказал:

— Воин юма сообщил мне, что сюда прибыл Большой Рот, который пожелал узнать, кто расположился у воды. Так как он является верховным вождем нашего племени, я должен пригласить его сюда вместе с его воинами. Что на это скажут оба моих брата?

— Ты сказал разведчику, что мы заключили мир? — ответил Виннету.

— Да.

— Мы знаем, что ты сдержишь слово, а теперь мы хотели бы узнать, согласен ли примириться с нами Большой Рот. Пока мы этого не узнаем, нам надо быть осторожными. Он может прийти вместе со своими воинами и расположиться у воды. Одна половина берега, вон до того большого бука, у которого ты расположился, должна принадлежать ему и вам, ну а вторая — нам. Кто зайдет за бук, будет расстрелян. Зажгите костер на той половине, чтобы он мог

хорошенько осмотреться!

Хитрый Змей дал разведчику еще несколько разъяснений и отослал его, а нас после этого успокоил:

— Какое бы решение Большой Рот ни принял, я от своего не отступлю!

— И твои воины тоже?

— Я думаю, большинство из них на моей стороне. И я вместе с ними буду защищать вас, если Большой Рот захочет вступить с вами в бой.

— Тогда, чтобы узнать истинное положение дел, собери всех своих людей и узнай их мнение. Мы должны поскорее услышать ответ.

Ситуация стала теперь весьма напряженной. Представьте себе маленькое озеро поперечником шагов в двести, на южном берегу которого, как раз посредине, стоит упомянутый бук. Лежащую к западу от дерева половину озера и берег Виннету отдал юма. На другой стороне, к востоку от бука, хотели бы остаться мы. На нашей стороне горел ранее разожженный костер, теперь же на той стороне устраивали другой. Скоро выяснилось, почему так распорядился умный, осторожный Виннету. Юма отошли на ту сторону, а мы, то есть Виннету, я, переселенцы и мимбренхо, остались на восточной стороне озера. Позиция наша была не совсем безопасной. С той стороны — триста сорок юма, к которым вскоре должны были присоединиться люди Большого Рта, с нашей — несколько мимбренхо и белые, вооружение которых оставляло желать лучшего, а среди них были еще женщины и дети! Но мы знали, что позади находятся помощники.

Прежде всего надо было отвести в безопасное место наших лошадей, что не могло удивить, потому что считалось само собой разумеющимся. И вот каждый быстро увел свою лошадь. У белых лошадей не было. Когда животные оказались за деревьями, в темноте, апач сказал:

— Пусть Олд Шеттерхэнд возьмет несколько человек и отведет лошадей в долину к Сильному Бизону. Через четверть часа он снова должен быть здесь. Раньше Большой Рот не придет. К находящимся в его тылу мимбренхо я пошлю гонца. Сильный Бизон пусть оставит наших лошадей в долине под присмотром сторожей, а как только здесь появится Большой Рот, пусть тоже подходит. При этом он встретится с другим отрядом мимбренхо, который к этому времени приведет мой гонец, и окружит своими людьми все озеро. Но они должны оставить своих лошадей и вести себя тихо. Мы подадим им знак, который нельзя будет ни с чем спутать — это будет боевой клич сиу. Как только я прокричу его, пусть все мимбренхо соберутся на западном берегу озера, где окажется Большой Рот, и бросятся на него и его людей. Мы вместе с юма, поддерживающими нас, будем находиться на восточном берегу. Если боевой клич не раздастся, то мимбренхо должны будут до рассвета оставаться в засаде вокруг озера и деревьев.

Лучшего плана нельзя было придумать. Мне, чтобы управиться с лошадьми, нужно было шесть или семь мимбренхо, среди которых оказались и оба юных брата, очень обрадовавшиеся, когда я сказал, что скоро они увидят своего отца. Когда мы пришли к нему и я объяснил ему ситуацию, он не захотел отпускать мальчишек назад, но те так горячо его уговаривали, желая участвовать в бою рядом со мной и Виннету, что он в конце концов сдался. Обратный путь мы, естественно, проделали пешком.

Юма не заметили, что наши лошади исчезли. Они полагали, что мы просто перевели их на свою сторону. Мы, конечно, ждали начала событий в большом напряжении. Было очень важно, чтобы отправленный Виннету гонец не был замечен людьми Большого Рта, а также исправно выполнил задание.

Костер на другом берегу озера теперь ярко пылал, тогда как наш уже угасал. Виннету хотел, чтобы он совсем погас. Сам апач отошел от воды и направился к северу, чтобы осмотреться. Большой Рот мог передумать и, не обращая внимания на договоренность, сразу

напасть на нас. Апач хотел заранее узнать, не приближаются ли юма вдоль нашего берега. Если бы это оказалось так, у нас бы было еще время принять против них меры.

Так шло время, пока мы не услышали топот множества копыт, а потом и человеческие голоса. Одновременно с этим к нам вернулся Виннету и сообщил:

— Большой Рот здесь. Он действует так, как я предполагал, и вот-вот появится на той стороне.

Шум голосов продолжался недолго, до тех пор, пока каждый всадник не расстался со своей лошадью. Потом на вражеской стороне озера показалось множество воинов юма. С нашей стороны никого не было видно, потому что мы оставались под прикрытием деревьев, а костер наш постепенно затухал.

На той же стороне было так светло, что мы сразу узнали Большого Рта, когда он вышел из-за кустов и его приветствовал Хитрый Змей. Казалось, верховный вождь старался напугать встречавшего своим гневом, потому что его излишне громкий голос доносился до нас, хотя мы не могли разобрать ни одного слова. Но Хитрый Змей защищался. Мы слышали и его голос, и притом говорил он весьма энергично, и по голосу его было слышно, что Змей весьма убедительно объясняет свои поступки.

Тем временем вернулся посланец Виннету. Он незамеченным миновал отряд Большого Рта, нашел мимбренхо и привел их к озеру, где они встретились с новичками, приведенными Сильным Бизоном, объединились с ними и широким кольцом окружили заросли вокруг озера, замкнув в нем юма. Теперь мы спокойно могли ожидать развития событий, так как они должны были развиваться по принятому нами плану.

А на той стороне оба вождя уселись возле огня, собрав вокруг себя старейших из своих воинов. Должно быть, они собирались начать совет. Время еще у нас было. Но для Сильного Бизона оно шло слишком медленно. Вместо того, чтобы оставаться при своих мимбренхо, он пробрался к нам. Ему не терпелось поскорее узнать, чего ожидать — войны или мира. Я изрядно отругал его и отослал прочь, потому что его приметное лицо могло быть замечено воинами-юма, и тогда они узнают, что он пришел не один. А знать это им не полагалось.

Совещание юма длилось часа два и проходило в весьма оживленных спорах. Потом мы увидели, что Хитрый Змей встал. Он пошел в нашу сторону. Ему не хотелось показывать своей ярости, но глаза его сверкали, подобно тому, как это часто происходит в воздухе задолго перед грозой.

— Мои братья должны перейти на нашу сторону, чтобы услышать, о чем мы решили, — сообщил он.

— Но ты же можешь сказать нам об этом прямо здесь! — возразил я.

— Я не могу. Большой Рот хочет сказать это сам.

— Мы ничего не имеем против; он может прийти к нам.

— Мои братья не доверяют мне?

— Конечно!

— Мне вы можете верить, даже если не доверяете Большому Рту.

— Сколько твоих людей стоят за тебя?

— В половине из них я уверен. Другие испугаются гнева Большого Рта.

— Как ты думаешь, дойдет дело до стычки?

— Да, если вы не согласитесь на предложения Рта.

— Мы готовы их выслушать, но покоряться ему мы не станем, тем более что не считаем его честным человеком.

— Но идти сюда он также не желает!

— Ну, тогда пусть он сидит на той стороне, пока не поумнеет, для чего, впрочем,

потребуется не одно лето и не одна зима! Скажи ему это!

Такое решение было очень неприятно для Хитрого Змея, что было заметно по нему. Он задумался, а потом решился получить разъяснения:

— Согласитесь ли вы встретиться на полпути между нами, если то же самое сделает Большой Рот?

— Да, мы хотим встретиться под буком, но без оружия. Я приду с Виннету, а он может взять тебя. С каждой стороны должно быть лишь по два человека.

Хитрый Змей ушел и около четверти часа препирался со своим верховным вождем. Потом он снова пришел к нам, чтобы сказать, что встреча вчетвером того не устраивает, так как унижает его высокое достоинство. С ним должно прийти по меньшей мере шестеро сопровождающих.

— Двое с нашей стороны, двое с вашей — и больше никого. Скажи это Большому Рту! От этого требования мы не отступим, а если оно ему не нравится, пусть не пеняет потом, что его не предупреждали о неприятных последствиях.

Змей еще два раза ходил туда-сюда, прежде чем старик решился сдаться. Потом Змей отправился вместе с Большим Ртом к буку, под которым они и уселись. Без оружия, как было условлено. Однако известно, что даже в таком случае индеец спрячет в одной из складок одежды нож, поэтому мы, выходя на переговоры, решили взять с собой по револьверу, чтобы было чем защищаться, если попадем в засаду.

Большой Рот встретил нас полным ненависти взглядом, а когда я уселся на землю возле него, он отдернул полу своего одеяла, в которое был закутан, причем так быстро, словно боялся моего прикосновения к покрывалу. Потом он мрачно уставился прямо перед собой. Видимо, он думал, что разговор начнем мы, но мы, учитывая его «достоинство», решили передать инициативу ему, а поэтому молчали столь же упорно, как и он. Время от времени он поднимал голову, пронзая нас подобным острому кинжалу взглядом, но когда мы, несмотря на эти буравящие взгляды, так и не начали говорить, он больше не смог сдерживаться и совершенно неожиданно грубо выкрикнул:

— Мои уши открыты, говорите же!

Виннету ничего не ответил, и я ничего не сказал. Поэтому через какое-то время послышалась угроза:

— Если вы не заговорите, я буду стрелять!

Тогда Виннету показал на нашу сторону, к которой старик сидел спиной. Тот обернулся и увидел множество мимбренхо, появившихся там: они лежали на земле, изготовившись к стрельбе.

— Уфф! Уфф! Что это такое? — выкрикнул он. — Вы дадите меня застрелить!

— Нет, — ответил апач. — Ружья будут до тех пор нацелены на тебя, пока мы снова не окажемся рядом с нашими воинами. Больше мне тебе сказать нечего.

Узнать, что в твою спину нацелено свыше сорока заряженных ружей, ни в коей мере не радостно. Достаточно только одному пальцу поплотнее прижаться к спусковому крючку, и раздастся выстрел. Весь вид Большого Рта давал понять, что теперь он почувствовал себя очень неуютно. Желая сократить пребывание в опасном положении, он уже больше не пытался вынудить нас говорить, а вышел навстречу нам и забавным образом продекламировал:

— Виннету и Олд Шеттерхэнд попали в мои руки. Сегодняшний день будет для них последним!

Апач, спокойно взглянув на меня, дал мне понять, что он ждет, чтобы ответил я, поэтому я возразил:

— А Большой Рот попал в нашу сеть. Не пройдет и часа, как он будет пойман! Если

нынешний день должен стать для нас последним, то тебя мы пропустим вперед!

— Пересчитай ваших людей и наших! У кого больше сил?

— Виннету и Олд Шеттерхэнд никогда не считают своих противников. Один или десяток — им все равно. Это пусть Большой Рот прячется за спины своего многочисленного воинства.

— Мы вас раздавим!

— Разве вы раздавили нас в Альмадене, где нас было всего сорок человек против ваших трехсот?

— Меня там не было, и я еще разберусь, что там случилось. Кто вел там себя как трус, будет навсегда изгнан из рядов воинов.

Это был выпад против Хитрого Змея, который сейчас же гневно выкрикнул:

— Кто это трус? Если бы ты не вошел в сделку с изменниками, то твои воины не подвергались бы опасности быть взятыми в плен.

— Молчи! Я буду говорить с Мелтоном и узнаю от него, что случилось и кто во всем виноват.

— Ты с ним не будешь говорить! Бледнолицый принадлежит мне, и никто без моего согласия не перекинется с ним и словом!

— Даже я, твой вождь?

— Нет. Я не признаю тебя своим вождем. Ты такой же вождь, как и я, но так как ты старше, племена юма передали тебе общее командование. Но ни один вождь не обязан тебе подчиняться, если он этого не захочет. А о том, что ты назвал меня трусом, пусть решает совет старейшин. Но если ты повторишь это оскорбление еще хоть раз, я заколю тебя на месте!

Он высказал эту угрозу с такой яростью, что можно было поверить в его решимость исполнить свои слова. Теперь старик получил сильный отпор даже от собственного соплеменника, но он вел себя так, словно этого не почувствовал, и повернулся ко мне:

— Повторяю, вы находитесь в моих руках. И все, кто пришли вместе с вами, могут считать себя погибшими. У вас есть только одна-единственная возможность спастись. Ты сдаешься в плен вместе с одним из сыновей Сильного Бизона, и вы умрете у столба пыток.

— Если я это сделаю, что будет с моими товарищами?

— Они могут отправиться дальше, мы их и пальцем не тронем.

— Почему тебе нужен именно я?

— Потому что ты убил моего сына.

— А почему одного из двух мальчиков?

— Потому что они стали виной тому, что ты убил моего сына. Я даже слышал, что один из них называет себя Убийцей юма?

— Я сам дал ему это имя и надеюсь, что его брат скоро получит похожее.

— Ну, чтобы твои надежды с позором провалились, я потребую как раз того мальчишку, хотя прежде хотел остановить свой выбор именно на Убийце юма.

— Что еще тебе надо?

— Все, что несут при себе твои спутники, а также их лошадей и жеребца Виннету, а еще вдобавок ко всему — его Серебряное ружье.

— Слушай-ка, мой любезный краснокожий брат, признаюсь, что я в тебе ошибся, потому что до сих пор считал тебя дураком, а ты, оказывается, старый хитрец. Ну, а теперь спроси и нас, чего мы хотим.

— Вы? А что вы можете хотеть?

— Прежде всего мы хотим заполучить тебя, потому что ты заключил союз с Мелтоном против моих белых братьев, теперь находящихся рядом со мной. Кроме того, ты сжег асиенду Арройо, о чем я еще намерен поговорить с тобой подробнее. Итак, мы требуем, чтобы ты сдался

в плен, а потом твои люди могут уходить, мы их не тронем.

Тогда он попытался вывести меня из себя:

— Разве коршун уже выклевал мозги из твоего черепа? Как можете вы, находясь в моей полной власти, еще ставить какие-то требования?

— Значит, разговоры бесполезны. Ты полагаешь, что мы находимся в твоей власти, а мы считаем — наоборот. Совещание окончено.

С этими словами я поднялся. Тут он крикнул:

— Стой! Мы ведь еще не договорились! Послушай еще одно: если через четверть часа мне не будут выданы мальчишка и Олд Шеттерхэнд, мы будем вас атаковать и уничтожим всех до последнего человека!

Виннету был слишком горд, чтобы что-то добавить от себя, а мне не пришло и в голову отвечать. Но тут встал другой вождь. Он заявил старику:

— Меня зовут Хитрый Змей, и я еще никогда не нарушал данного мною слова. Я буду придерживаться договора, который заключил с этими людьми.

Старик вытаращил на него глаза и спросил:

— Как это ты будешь соблюдать договор, если я объявил его недействительным?

— Этого ты не можешь сделать. Заключил-то договор я, и только я могу решить, действителен он или нет.

Тогда старик тоже встал и топнул ногой, а потом закричал:

— А я отдам распоряжение, что договор недействителен! Кто осмелится бунтовать против Большого Рта?

— Я, Хитрый Змей, отважусь на это. Все мои воины курили с моими друзьями калюме, глину для которого я со многими опасностями добыл, выполнив все положенные церемонии, в священных каменоломнях. Каждый глоток этого дыма является клятвой, которую необходимо исполнять, кто же нарушит подобную клятву, никогда не попадет в вечные охотничьи угодья, а будет блуждать лишь тенью перед их воротами.

Он так громко сказал эти слова, что они разнеслись далеко. Тогда Большой Рот спросил столь же громко:

— Значит, ты называешь чужаков своими друзьями? Пожалуй, ты хочешь защищать их?

— Да. Если на них нападут, я их буду защищать ценой собственной крови и даже собственной жизни!

— Против меня и моих воинов, своих братьев?

— Тот, кто хочет вынудить меня нарушить клятву и осквернить мой калюме, не может больше называть себя моим братом, тот оскорбляет меня и всех мужчин моего племени. Слушайте это, вы, воины, находящиеся под моим предводительством! Большой Рот назвал нас трусами. Станете ли вы это терпеть? Он требует от нас, чтобы мы разбили свои калюме, самое ценное из того, чем мы владеем. Захотите ли вы ему повиноваться?

Глубокая тишина была ему ответом. Не слышно было ни одобрения, ни осуждения. Тогда Хитрый Змей продолжал:

— Вот здесь стоит Виннету, а здесь — Олд Шеттерхэнд. Вы слышали, чтобы кто-то из них хоть однажды нарушил свое слово? Можем ли мы нарушить слово, данное им? Олд Шеттерхэнд вызволил меня из шахты, где я томился. Он сделал это, хотя я был его врагом. Должен ли я теперь стать изменником, хотя теперь я его друг? Может ли ваш предводитель стать лжецом? Или лучше ему оставаться честным человеком, на слово которого вы можете положиться? Решайте! Теперь я ухожу с Виннету и его белым другом. Кто считает себя честным человеком и храбрым воином, может пойти с нами. Ну, а кто любит ложь и стерпит, что его назовут трусом, тот может оставаться на той стороне с Большим Ртом. Я сказал, а вы должны решать. Если

Большой Рот намерен отомстить Олд Шеттерхэнду, то пусть он сам бьется с ним, если ему хватит смелости. Я сказал, а вы услышали. Хуг!

Он взял меня за левую руку, Виннету — за правую и пошел с нами на нашу сторону. Воздействие его слов было ошеломляющее: все его люди последовали за ним. Не думаю, что хоть один воин остался на той стороне озера. Это стало, пожалуй, следствием того, что старик назвал их вождя трусом.

Увидев это, Большой Рот застыл, как камень. Он некоторое время, словно ничего не понимая, уставился на нас, потом повернулся и пошел к своему костру, возле которого опустился на землю посреди старейшин. На нашей стороне царило глубокое молчание, а у них шло оживленное обсуждение. Мы видели возбужденные движения и озабоченные выражения лиц старых воинов, которые пытались что-то доказать Большому Рту. Но он выслушивал их безо всякого удовольствия. Это продолжалось, пожалуй, часа два. Потом один из старейшин медленно пошел к буку, остановился там и громко крикнул:

— Слушайте, воины юма и воины мимбренхо! Перед вами Длинная Ступня, опытный воин, который много лет и зим шагал по жизни и очень хорошо знает, как должен поступать храбрый воин в любом случае. У Большого Рта, известного вождя юма, был сын, Маленький Рот, который погиб от пули Олд Шеттерхэнда. Эта кровь должна быть отомщена. Олд Шеттерхэнд повредил нашему вождю руку — это тоже должно быть отомщено. Рядом с Олд Шеттерхэндом находится мальчишка из племени мимбренхо, которого назвали Убийцей юма. Это оскорбление всего нашего племени может быть смыто только его кровью. Мы должны были бы сразу убить Олд Шеттерхэнда и мальчишку, где бы они ни находились. Но они выкурили трубку мира с воинами Хитрого Змея, а значит, стали нашими братьями, а поэтому мы не можем их просто убить. Обе стороны должны сойтись в открытом поединке. Нас оскорбили, а поэтому мы будем решать, каким оружием будут сражаться две стороны. Так как одна рука у нашего вождя повреждена и он не в состоянии сражаться, то за него должен выступить кто-то другой. Но за это мы разрешаем Убийце юма выставить вместо себя своего младшего брата. Кто хочет заменить Большого Рта, тот должен выйти вперед!

После такого весьма своеобразного заявления воин вернулся к костру. Значит, они решили проводить поединки, даже не спросив меня прежде, согласен ли я. Ну, а замену Убийцы юма его младшим братом, конечно, определил старый вождь.

Чтобы посоветоваться, я послал за Сильным Бизоном. Но чтобы перешедшие к нам юма раньше времени его не узнали, я приказал ему остановиться в сильно затененном месте, где бы лица его нельзя было увидеть, а фигура была бы едва различима. Когда я через несколько минут пришел на это место, Сильный Бизон уже ждал там. Я рассказал ему обо всем случившемся. Я полагал, что он, как отец, испугается, но он сказал очень спокойно:

— Значит, я слышал именно тот самый громкий голос! Он доносился до нас, но мы не могли разобрать слов.

— Я вызвал тебя, чтобы узнать, должен ли твой сын принимать вызов.

— Разумеется, должен! Разве может любой мимбренхо сказать про себя, что он испугался какого-то юма!

— Но твои сыновья еще очень юные. Против твоего младшего выставят сильного и опытного противника!

— Тем хуже для юма, потому что тогда мы можем говорить про них, что они трусы, что их опытные воины сражаются с детьми и терпят поражения.

— Ты так уверен в победе?

— Никто из юма не победит моих мальчиков!

— А кто должен сражаться? Убийца юма или его брат?

— Его брат, который тоже хочет получить имя.

— Но подумай, что ему придется согласиться как с выбором оружия, так и со способом поединка!

— Мои мальчики всему обучены — я не беспокоюсь за них, а то, что они сопровождали тебя и Виннету, принесло им большую пользу. А примешь ли ты сам вызов?

— Могу ли я поступить по-другому? Если вызов принимает малыш, то Олд Шеттерхэнд не может уступить ему в мужестве.

— В твоей храбрости никто не сомневается, но разве будет медведь бороться с мышью?

— Ах, вот что ты имеешь в виду! Ну, да, медведь выйдет на поединок. Когда мышь захочет укусить его, медведь поддаст ее лапой. Это ведь тоже поединок. Ты посмотришь. Оставайся здесь, но так, чтобы тебя не видели и не узнали!

После этого разговора я отправился к мальчишкам, которые с невозмутимыми лицами сидели один подле другого, как будто не произошло ничего необыкновенного.

— Я говорил с вождем, вашим отцом, — сказал я им. — Что вы намерены делать?

— Драться, — ответил младший. — Я должен получить имя, поэтому мой брат уступает мне своего юма.

В этой фразе был виден характер сыновей вождя. Один уступает другому воина юма, значит, они уже рассматривали противника как свою собственность. Когда такую уверенность выказывает опытный воин, это понятно и даже похвально, но если она проявляется в таком юном возрасте, да еще по такому серьезному поводу, то это, конечно, можно считать некоторым легкомыслием.

На нашей стороне дарило полное молчание. Люди лежали в траве рядышком и ожидали, как будут разворачиваться события. Полночь уже давно прошла, и только около часа ночи Длинная Ступня снова вышел к буку и возвестил:

— На совете старейшин мы решили, что в первом поединке биться Олд Шеттерхэнд и его противник будут копьями. Правда, желающего сражаться с бледнолицым пока не нашлось, поэтому порядок поединка будет определен позже. Мимбренхо будет биться в воде, на ножах, а его противником выбран Черный Бобер. Сражаться они будут до тех пор, пока один из них не погибнет. До этого ни тот, ни другой не смеет выходить из воды.

Хитро задумано! Имя Черный Бобер позволяет предполагать, что владелец его ловок в плавании и нырянии. А я должен сражаться копьем, оружием краснокожих, самым непривычным для меня оружием. Но тут юма просчитались. Виннету был величайшим мастером и в метании копий и в фехтовании ими, и он долго занимался со мной, пока по меньшей мере что-то из его умения не передалось мне. У вестмена не бывает свободного времени: если он не занят ничем другим, то он упражняется в военном искусстве. Оттого и появляется у этих людей достойные удивления ловкость и уверенность, мастерство владения разным оружием. Кто любуется ими, тот и понятия не имеет, сколько труда требуется для выработки этих качеств.

Итак, противника для меня пока не нашлось. Может, и вообще не найдется: с этим я уж как-нибудь смирюсь. Но за маленького мимбренхо я боялся. Меня тянуло к нему, я хотел дать ему несколько далеко не бесполезных советов. Когда он заметил, что я к нему приближаюсь, он встретил меня с улыбкой. Паренек ни чуточки не боялся, и когда я его спросил: «Хорошо ли плавает мой юный брат?» он ответил:

— Я всегда очень охотно ныряю в воду.

— Просто нырять, чтобы искупаться, — это одно дело, но погружаться в воду с ножом, чтобы бороться за жизнь, — это совсем другое.

— Мой брат и я часто боролись на ножах.

— Только не будь самоуверенным! У твоего противника очень символичное имя; он должен хорошо плавать и нырять.

Об этом он, пожалуй, раньше и не подумал, потому что теперь лицо его стало озабоченным.

— Нельзя полагаться на одну ловкость. Хитрость часто лучше сноровки. Твой противник будет, вероятно, гораздо сильнее тебя. Ты должен сравняться с ним при помощи хитрости. Прежде всего не позволяй ему схватить себя, иначе ты пропал.

— Ну, это уж слишком! — сказал он и, улыбаясь, кивнул мне.

Вот оно! Я хотел дать ему хороший урок, а это слово «слишком» показало, что он уже напряженно думает над предстоящей задачей. Тем не менее я продолжал:

— Он зайдет в воду, конечно, с той стороны, а тебе надо будет спуститься с этого берега. Возможно, он и в дальнейшем будет придерживаться той стороны. Там тебе и надо его искать.

— На той стороне горит костер, там светлее, — бросил он.

— Но не у берега, вдоль которого растут кусты. Знаешь ли ты растение, названное индейцами «зика»?

— Да, здесь много таких растений — и у берега, и среди кустов.

— Его стебель полый, и из него можно сделать превосходную трубку. Запомни это!

Он вопросительно посмотрел на меня, так как ничего не понял.

— Великолепную трубку для дыхания, — объяснил я ему. — Однажды меня преследовали команчи, и я укрылся в реке. Они обыскивали берег, а я долго-долго плавал под водой и дышал через трубку зики. Только вот кашлять нельзя. Если ты под водой станешь близко у берега, дыша через стебель зики, ты сможешь спокойно ждать, пока твой враг не подойдет. Ты умеешь держать под водой глаза открытыми?

— Да. Когда вода чистая, то видно на несколько шагов вперед.

— Этого может быть достаточно. Правда, есть еще много хитростей и уловок, но в поединке надо честно поступать с противником. Я дал тебе один совет, но только потому, что ты еще мальчик, а твой враг — опытный воин.

Я стал наблюдать за мальчишкой и увидел, что он срезал много стеблей зики. Потом он исчез за кустами, а вскоре за ним последовал его брат. Я тайком прокрался за ним и с удовлетворением увидел, что старший из мальчиков натирает младшего жиром. Каждый индеец постоянно носит при себе масло или жир.

Опять прошло много времени, и ничего не произошло. От нас было видно, как на той стороне старые воины постоянно сновали туда-сюда. Конечно, они искали соперника для меня, но никого не находили. Но в конце концов они, кажется, достигли результата, потому что Длинная Ступня снова подошел к буку и объявил:

— Слушайте, воины, решение совета старейшин! Пролитая Олд Шеттерхэндом кровь принадлежала сыну вождя, за что полагается двойное наказание. Поэтому он должен сражаться не с одним, а с двумя противниками, и притом одновременно. Каждый из соперников получит по пять копий, а расстояние составит тридцать шагов. Копья следует бросать. Ни один из соперников не должен покидать места, на которое он поставлен, однако разрешается и при разбеге, и при защите делать по одному шагу вперед, или назад, или влево, или вправо. Употребление щитов запрещено. Кто бросит все свои пять копий, должен оставаться на месте, пока соперник не освободится полностью от своего оружия. Поединок не прекращается из-за ранения соперника, а лишь — из-за его смерти. Олду Шеттерхэнду будут противостоять два воина: Длинный Волос и Сильная Рука. Он может подойти, чтобы забрать копья.

Несмотря на этот призыв, я остался преспокойно лежать, как и прежде, в траве. Негодяи-юма действовали так, словно они должны были нами повелевать, а мы только повиноваться. На

той стороне появились двое краснокожих, каждый из которых держал в руках пять копий. Стало быть, это и были мои грозные противники, взявшие на себя задачу освободить землю от моего присутствия. Они угрожающе размахивали руками и при этом устрашающе выли. Когда и это не побудило меня пойти на ту сторону, Длинная Ступня вышел на берег и закричал:

— Почему Олд Шеттерхэнд не идет? Или страх так глубоко овладел его сердцем, что ноги его окаменели и он не может двигаться?

Я продолжал спокойно лежать и даже не пошевелился. Он подождал минут десять, а потом снова крикнул:

— Значит, все так, как я сказал: у Олд Шеттерхэнда нет мужества. Он ползает в траве и скрывается за кустами. Позор ему! Разве он не знает, как должен себя вести воин в подобных случаях?

Тогда случилось то, что должно было, по моему мнению, неминуемо произойти: Виннету поднялся вместо меня, подошел к самой кромке нашего берега и закричал через озеро:

— Что там за лягушка выскочила из воды, чтобы громко поквакать? Олд Шеттерхэнд — самый смелый воин в прерии! Кто может сомневаться в его мужестве! Его имя гремит по всем горам и долинам, оно повторяется по всей прерии. А кто когда-нибудь слышал про какую-то Длинную Ступню? Кто этот человек и что он сделал выдающегося? Может кто-нибудь мне объяснить? Как такой человек может осмелиться звать Олд Шеттерхэнда к себе! Или он думает, что Олд Шеттерхэнд собака, которая повинуется, потому что боится плетки? Как вы смеете предписывать нам, с кем и как надо бороться! Есть ли среди вас хоть один храбрец, который отважился бы выступить против Олд Шеттерхэнда? Нет среди вас таких! Зубы у вас стучат от страха при одной мысли о поединке с ним. Тогда вы определили, что против него будут сражаться двое, и отыскали оружие, которым он не умеет владеть, потому что никто не слышал, чтобы он когда-нибудь держал в руках копье. Стыд и позор вам! И вы не покраснели до корней волос, собираясь бороться с мальчиком-мимбренхо. Вы достойны только того, чтобы вас заплевали женщины и прогнали из лагеря. А кто такие эти вонючие жуки, Длинный Волос и Сильная Рука? Может быть, их еще носят матери на руках, или они уже настолько выросли, что могут ползать туда-сюда по земле? И с такими детьми должен сражаться Олд Шеттерхэнд! Да кто вы вообще такие, что даете нам указания? Здесь собрались вожди, знаменитые мужи, которым и в голову не пришло осквернять себя прикосновением к людям, которым придется забраться на гору, чтобы достать Олд Шеттерхэнду только до пояса. Вы же еще не знаете, что должно предшествовать поединку и сопровождать его. Разве мы больные бизоны, которым приходится позволить растерзать себя стае койотов? Вы хотите мстить, хотите сражаться — пусть так и будет. Но борьба должна быть честной. Двое вождей могли бы заняться приготовлениями, а именно, Большой Рот и я. Я хочу посмотреть копья и проследить, чтобы так не случилось, что одному достанутся крепкие и эластичные, а другому ветхие и хрупкие копья. Мы знаем эти уловки, на которые вы не поймаете ни Виннету, ни Олд Шеттерхэнда. И еще одно: борьба не должна вестись на вашей стороне. Место ей — возле бука, как раз между нами. Большой Рот и я отмерим тридцать шагов; мы будем стоять возле сражающихся, и если кто-то из них будет действовать не по правилам, я мгновенно расправлюсь с нарушителем. Так должно быть. Если вам такая честная борьба не подходит, то вы — трусливое отродье. Вождь должен сказать мне, согласен ли он со мной, и никто другой, потому что тот, кто поднимет свой голос на Виннету, должен быть мужчиной, а не козявкой, которой лет пятьдесят еще надо подрастать! Так сказал я, вождь апачей. Теперь может говорить Большой Рот, если только от страха его кости не стучат одна о другую! Хуг!

Это была яркая, исполненная внутренней силы речь, после которой по обе стороны на какое-то время воцарилось молчание. Юма сидели у огня и советовались, что делать. Неужели

должна пройти целая ночь, прежде чем эти детские забавы не окончатся! Наконец мы увидели, как поднялся Большой Рот. Он крикнул, обращаясь к нам:

— То, что предложил Виннету, вождь апачей, мы принимаем. Он может подойти к буку, у которого я с ним встречусь!

Теперь, когда Хитрый Змей перешел к нам, нам не надо уже было думать о каких-либо предосторожностях. Виннету пошел к месту встречи, и вождь юма направился навстречу ему. Принесли пятнадцать копий. Если бы раньше для меня отыскали самое негодное оружие, то теперь этого произойти не могло. Виннету далеко отбросил некоторые копья и потребовал принести вместо них хорошие. Потом копья были разложены в кучки по пять штук. Затем отмерили расстояние. Подошли мои противники, Длинный Волос и Сильная Рука, и стали на условленном расстоянии, в трех шагах друг от друга. Недалеко от них занял место Большой Рот; в руке он держал пистолет, намереваясь всадить в меня пулю, если я буду действовать против правил. Потом позвали меня. Я снял куртку и подошел. Виннету со своим Серебряным ружьем встал чуть поодаль. Глупое дело, которое эти люди называли поединком, могло начаться.

Мои противники вышли на свои места очень уверенными в себе: еще бы — ведь даже Виннету заявил, что никто еще не видел в моих руках копья.

— Ты хочешь, чтобы я преподал им урок? — спросил я тихо апача.

— Да, они этого заслуживают. Ты знаком с моим двойным броском: одно копье посылается для обмана противника, а второе — точно в цель.

Я взял оружие с земли: копья были легкими и тонкими, но только на вид казались хрупкими, а сделаны они были из прочной древесины. Я мог ухватить все пять копий одновременно и взял их в обе руки, держа примерно так же, как держит канатоходец свой балансир. В такой позиции парировать подлетающие метательные снаряды новичку, конечно, очень трудно или даже опасно, ну а человеку опытному защищаться в таком положении в три раза легче.

Виннету дал знак к началу поединка. Я повернулся боком и притворился, что смотрю через озеро, но на самом деле не отводил глаз от противников, к которым повернулся левой стороной. За их спинами пылал яркий огонь, а за мной была темнота, так как наш костер уже погас. Значит, у меня было определенное преимущество, так как я буду видеть их подлетающие копья гораздо отчетливее, чем они мои. Их копья будут лететь со света, мои — из темноты.

Они тоже не двигались. Они ждали, чтобы я бросил копье первым, но я этого не собирался делать. Кто истратит свои копья, тот вынужден будет остаться стоять, представляя из себя отличную мишень, пока противники не растратят свой запас снарядов. Я хотел, чтобы они первыми бросили копья, а затем испытали бы смертельный страх.

Так прошло минут пять и еще пять. Мои враги стали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Они, пожалуй, и в самом деле решили, что глаза мои смотрят в сторону, а не на них, потому что Длинный Волос внезапно отступил на шаг, размахнулся и бросил копье. Мне тоже дозволялось сделать один шаг; я и сделал его в сторону, и снаряд пролетел мимо меня, так что его даже не нужно было отражать. Потом два раза бросал Сильная Рука и еще один раз — Длинный Волос. У каждого оставалось по три копья. Я слышал, как они упрекали один другого в том, что плохо целились, и крикнул им:

— Воины юма похожи на детей, неопытных и не умеющих думать: целятся они старательно, но все же подобными бросками никогда не попадут в меня.

— Олд Шеттерхэнд в самом деле так думает? — насмешливо спросил Сильная Рука. — Мы знаем, что он ничего не понимает в метании копий, хотя и признан мастером во владении другим оружием. Следующий мой бросок пронзит его. Есть у него какие-нибудь просьбы перед смертью?

— Да. Если я буду убит, то завещаю: дай Длинному Волосу десяток крепких пощечин, а потом позволь ему заплатить тебе той же монетой. И повторяйте это ровно десять раз, чтобы каждый из вас получил по сотне пощечин!

— Это я исполню сейчас же, но на тебе, вот этим копьем. Получай же!

Гнев пробудил его силу, но снизил точность прицеливания. Копье просвистело мимо, как и следующее, выпущенное Длинным Волосом.

— Я же вам говорил, — рассмеялся я, — что вы еще дети, которые позволяют увлечь себя гневу и не могут все спокойно рассчитать. Хочу вам сказать, как вы должны были поступить. Вас выбрали двоих не для того, чтобы вы бросали поодиночке. Одно копье отразить легче, чем два, летящих разом!

— Уфф! — крикнул Длинный Волос.

И такой же крик вырвался у Сильной Руки.

Они удивленно посмотрели друг на друга, потому что такая простая, само собой разумеющаяся истина не пришла им в голову. С моей стороны было не очень умно напоминать им об этом, но я не боялся, потому что вместе с Виннету упражнялся в отражении двух одновременно выпущенных копий. Одно из них надо парировать, а от второго уйти, сделав шаг в сторону. Конечно, метать их должны не мастера, иначе от гибели не уйти. Если оба метателя прицелятся точно в голову или в грудь, а один пошлет свой снаряд на долю секунды после другого, то первое копье еще может быть парировано, но второе попадет точно в цель.

По счастью, оба воина юма ничего не знали об этом. Они, правда, послушались моего совета, но при этом не договорились, куда надо целиться. Их копья летели не по одной траектории — удар моих копий, быстрый шаг в сторону, и меня не задело. Страх побудил их сразу же повторить маневр — и с тем же успехом или, вернее, неудачей. Теперь у них не осталось копий, в то время как у меня весь пучок сохранился в целости.

Виннету отошел от меня и приблизился к ним, чтобы с помощью своего ружья вынудить их остаться на месте, если им придет в голову спасаться от моих бросков бегством. Я же взял одно копье в правую руку, оставив четыре других в левой, и сказал:

— Теперь воины юма узнают, знаком ли Олд Шеттерхэнд с употреблением этого оружия. Вы поступили со мной нечестно, но это вам не помогло. Нечестного поступка не заметил даже мой брат Виннету, хотя каждый, у кого есть уши или глаза, сейчас же должен был бы обратить на это внимание.

— Нечестность? — спросил апач. — Какая? Я ничего не заметил.

— Разве против меня не направили десять копий? Десять против одного! А я получил только пять против двоих!

— Уфф! А ведь верно! — удивленно воскликнул он.

— Сосчитай! У них против меня было десять копий; я же против каждого из них имел всего два с половиной, значит, они вышли вооруженными в четыре раза лучше меня. Разве это справедливо?

— Нет, но никто об этом даже не подумал!

— Я подумал, но ничего не сказал, так как я уравняю наши силы. А теперь первый бросок!

Виннету посмотрел на меня и со значением кивнул в сторону. Тем самым он спрашивал, будет ли первый бросок пробным, как это мы привыкли делать. Я тоже кивнул. Позади моих противников стояло дерево, не помню уж какого вида; чуть пониже его первой ветки виднелся нарост. Я хотел пронзить его. Я выставил левую ступню вперед, покачался, взвесил копье на правой ладони, наклонил его, потом задрал кончик вверх, затем высоко поднял его, поглядел, прищуря глаз, на нарост. После чего крутанул копье пальцами, придавая ему вращение вокруг продольной оси, и наконец швырнул его — копье воткнулось точно в середину нароста. Юма

громко расхохотались, потому что копье пролетело по меньшей мере в четырех шагах от них. Виннету посмотрел на ствол дерева и удовлетворенным кивком оценил успех своего ученика, а потом прикрикнул на смеющихся:

— Чему это радуются юма? Разве у них не осталось разума, чтобы понять: это был лишь пробный бросок? У Олд Шеттерхэнда есть еще четыре копья, два из них вонзятся Длинному Волосу и Сильной Руке в левое бедро. Он мог бы с легкостью поразить вас и в сердце, продырявив грудь, но Олд Шеттерхэнд не хочет убивать вас, потому что он христианин и его Маниту запрещает убийства!

Он назначил мне цель, и я знал, что должен поразить ее — при помощи двойного броска. Первое копье должно отвлечь все внимание того, в кого оно будет направлено, а второе я должен бросить мгновенно после первого, и оно, как я выучился на тренировках, никогда не пролетает мимо цели. Я опустил два копья на землю, из оставшихся одно взял в правую, одно — в левую руку и крикнул:

— Итак, Виннету сказал: надо попасть в левое бедро. Сначала — Сильная Рука. Берегись!

Глаза индейца были прикованы к моей правой руке. Я прицелился в правую половину его тела. Уклоняясь от моего броска, он подставит мне свою левую половину. Это копье еще не пролетело мимо краснокожего, как я уже выпустил второе, которое я молниеносно переложил из правой ладони в левую. Наконечник этого копья вошел до самого основания в левое бедро индейца, который громко вскрикнул и упал на землю.

— Ну, теперь очередь Длинного Волоса! — воскликнул я, не давая индейцу времени опомниться. Повторилось все снова, и Длинный Волос растянулся рядом с Сильной Рукой. Я повернулся и пошел прочь. За спиной я услышал голос Виннету:

— Вот так Олд Шеттерхэнд бросает копья. Теперь вы об этом знаете. Ну, а Черный Бобер может сейчас сразиться с малышом мимбренхо!

Несколько юма подбежали к раненым, чтобы вытащить копья и унести своих товарищей. Другие, по достойному похвалы индейскому обычаю, подняли вой. Я же, выполнив свою задачу, снова улегся на траву. Тем временем на востоке уже начал заниматься день.

Моему маленькому мимбренхо, кажется, предстояло нелегкое дело, потому что подошедший к озерку человек оказался мускулистым и широкоплечим; он легко мог управиться с двумя, а то и с тремя соперниками.

— Не плачьте, не сетуйте, братья! — крикнул он так громко, как только мог. — Черный Бобер отомстит за ваши раны. Когда Убийца юма вместе с Олд Шеттерхэндом напал на нас, он застрелил моего брата. За это я заколю и утоплю его брата. Этот червяк из племени мимбренхо может подойти. Он покрутится в моих руках и под моим ножом, пока я не совершу свою месть!

Он отбросил большое широкое одеяло, окутывавшее его голое тело; обнажилась фигура, которая свидетельствовала не только о необычайной физической силе, но и позволяла судить о нем как об отличном пловце. Виннету еще не отошел от Большого Рта, они о чем-то говорили между собой. Потом раздался громкий голос апача:

— Мимбренхо войдет в воду на нашей стороне, а Черный Бобер — на стороне юма. Как только они оба окажутся в воде, им разрешается делать все, что они хотят. Но только один, победитель, может живым выйти из озера, другой же должен умереть, и с него сдерут скальп. Вот мое ружье, у Олд Шеттерхэнда есть его «Волшебный ствол», заряженный множеством патронов; мы позаботимся о том, чтобы победителю не причинили вреда воины из отряда побежденного. Виннету все сказал!

Мимбренхо нагишом подошел к берегу. В его руке поблескивал нож. Вокруг пояса у него был обвязан тонкий шнурок с подвешенными двумя полыми стеблями, которые юма никак не могли углядеть. Кожа мальчика блестела от масла. Я увидел, как в темноте из-под дерева на

мальчишку были направлены два черных зрачка, в которых теперь появилось выражение страха — глаза его отца, испугавшегося при одном виде Черного Бобра за своего сына.

Виннету, хлопнув в ладоши, подал знак, и оба пловца зашли в воду, но по-разному. Бобер нырнул в воду, так что волны захлестнули его, а потом, словно желая в первый же момент схватить своего врага, поплыл, мощно работая руками и ногами. Мимбренхо зашел в озеро медленно и осторожно, столь же неспешно забрался поглубже, пока вода не достигла его горла. Потом по легким расходившимся волнам я понял, что он снял со шнурка трубки, а сам шнурок порвал. Затем он оттолкнулся ногами от дна и поплыл навстречу Бобру, загребая одной рукой, а тот приближался к мальчику с угрожающей скоростью. Действия мимбренхо были спокойными и уверенными, они производили впечатление превосходства мальчишки над противником, и это подействовало на меня благоприятно.

Теперь пловцы сблизились на расстояние десяти или двенадцати гребков, и тут мимбренхо впервые нырнул; за ним сразу же исчез под водой и юма. Оставшиеся на берегу столпились, напирая друг на друга и затаив дыхание в напряженном ожидании. Прошла минута, и на поверхности показалась голова мимбренхо. Мальчик огляделся вокруг. Почти сразу же вынырнул и Бобер, но он смотрел в другую сторону от мимбренхо. Противники были так близко, но не видели друг друга. Тогда один из стоявших на той стороне юма, привлекая его внимание, закричал:

— Обернись, Бобер, обернись! Он позади тебя!

Едва раздались эти слова, как щелкнуло Серебряное ружье Виннету, и не знающая промаха пуля повергла предателя наземь. Вслед за этим раздался угрожающий голос апача:

— Так случится с каждым, кто станет помогать одному из бойцов!

Смелый поступок апача заставил юма взвыть от ужаса, но их внимание быстро переключилось на воду. Бобер последовал совету, обернулся и заметил мальчишку. С зажатым в зубах ножом он бросился на мимбренхо и обеими руками схватил его. Тот немедленно рванулся вперед и, чтобы получить опору для толчка, высоко поднял согнутые ноги, а потом, оттолкнувшись ими, исчез в глубине, проскользнув под руками своего противника, который не смог удержать скользкое от масла тело мальчишки. Нырять Черный Бобер не стал и сейчас же за это поплатился. Мы услышали его крик, а потом несколько лихорадочных всплесков. Отплыв немного в сторону, он перевернулся на спину и, поддерживая себя на плаву ногами и одной рукой, другой стал ощупывать рану в животе. Мимбренхо поранил его, и Бобер от страха выпустил нож.

Он еще ощупывал свою рану, как вдруг закричал во второй раз, потому что получил снизу, в спину, еще один удар, потом он отплыл далеко в сторону и там ушел под воду. Время от времени голова его показывалась на поверхности. Он искал под водой своего противника и выныривал только тогда, когда у него кончался воздух. А мимбренхо больше не было видно.

Прошло гораздо больше получаса, уже наступило утро, а мимбренхо по-прежнему не показывался, тогда как Бобер все нырял и нырял в поисках мальчишки. Он уже понял, что парнишка где-то прячется, а это мимбренхо мог сделать только у берега. И тогда юма приблизился к берегу и долго плавал вдоль него, тщательно осматривая все заливчики. Я, как и все остальные, с огромным напряжением следил за его движениями, каждое мгновение ожидая, что мимбренхо нападет на Бобра.

Вдруг одно место у берега показалось юма подозрительным. Он остановился, внимательно разглядывая его, а потом медленно поплыл к нему. Потом внезапно его голова исчезла под водой, затем — руки и все туловище. Ноги отчаянно колотили по воде, пока не скрылись вслед за корпусом. Вспенились волны, образовался водоворот: явно под водой шла борьба. Какой исход схватки нам следовало ожидать?

На поверхность вынырнул мимбренхо. Загребая одной рукой и работая ногами, он направлялся к берегу, волоча в другой руке что-то за собой. Потом мальчишку скрыли кусты, ветки которых в этом месте спускались до самой воды. Я обернулся и негромко крикнул:

— Он убил Бобра, а теперь тащит его к берегу, чтобы снять с побежденного скальп, так как в воде это сделать почти невозможно. Приготовьте оружие! Боюсь, что юма не смогут справиться со своим гневом и что-нибудь выкинут.

В это время мальчишка опять показался из-за кустов и поплыл к нашему берегу, добрался до него и выбрался на сушу.

— Стой! — крикнул с той стороны Большой Рот. — Только победитель должен выходить на берег!

Тогда мальчишка взмахнул ножом, который он держал в правой руке, и скальпом находившимся в левой, и крикнул в ответ:

— Большой Рот может посмотреть на своего Бобра, который лежит в кустах, если он только жив. А вот это кожа с его черепа, которую я у него снял!

Соплеменники поздравляли маленького победителя. На его теле не было не только раны, но даже царапины. А юма от гнева потеряли самообладание. Они ревели, словно дикие звери, а затем помчались от берега, у которого столпились, за оружием. Я тоже побежал, но — к Виннету, все еще стоявшему возле Большого Рта и внимательно за всем наблюдавшему.

— Твои воины бросились за оружием, — сказал он. — Запрети им брать его, а то случится несчастье.

— Это меня не касается! — мрачно ответил вождь юма, выдергивая из-за пояса пистолет.

— Если с вашей стороны раздастся хоть один выстрел, мы всех перестреляем.

— Посмотрим! У нас столько же воинов, сколько и у вас.

— Нет. Подойди сюда и посмотри.

Я схватил его за руку и потащил через кусты в обход деревьев на открытое место, где теперь, в утреннем свете отчетливо было видно кольцо воинов мимбренхо, окружавших озеро.

— Что такое? Кто эти люди? — испуганно спросил вождь.

— Это появился Сильный Бизон с сотнями своих воинов. В то время как вы расположились у озера, мимбренхо вас окружили. Ну, ты все еще не веришь, что бой принесет вам погибель? Оглянись кругом и открой свои глаза. Послушай, как воют твои люди! Через какую-то минуту, может быть, уже будет поздно!

Большой Рот провел рукой по лбу, словно пытаясь стереть плохие мысли, и спросил:

— Нас помилуют или приговорят к столбу пыток?

— Помилуют.

— Я верю тебе. Пошли скорее.

Мы снова помчались через кусты к берегу, и подоспели вовремя, потому что юма уже приготовились к атаке и ждали только возвращения своего вождя. Он поспешил к ним, чтобы рассказать о положении, в котором они оказались, а я послал Сильного Бизона к его людям сообщить, что решающий момент может вот-вот наступить. До сих пор они лежали на земле, прятались за кустами, а теперь встали и производили куда более внушительный вид, чем раньше.

Большой Рот должен был воспользоваться всем своим ораторским красноречием, чтобы удержать своих воинов от нападения. Они сдались на милость победителей только тогда, когда своими глазами увидели живую стену вражеских воинов, окруживших их. Сильный Бизон, объяснив своим людям ситуацию, снова вернулся ко мне, показал на юма и спросил:

— Ты думаешь, они будут защищаться?

— Нет. Я договорился с их вождем.

— Так, значит, они будут вынуждены сдаться?

— Я так считаю.

— Тогда они все-таки умрут у столба пыток!

— Вряд ли они на это согласятся. Если ты не предложишь им ничего иного, кроме столба пыток, они не сдадутся, а будут обороняться до последнего человека.

— Ну, что ж, пусть они выберут этот путь и погибнут.

— Но тогда прольется много крови и с нашей стороны.

— Не говори ты все время о крови! Их же можно быстро перестрелять!

— Но и твои воины тоже погибнут!

— Вряд ли! Схватка будет длиться всего лишь несколько мгновений. Подумай, каковы наши силы — я с моими мимбренхо, Виннету и ты с твоими бледнолицыми, да еще Хитрый Змей с тремя сотнями воинов, которые перешли на нашу сторону.

— Да, за меня-то они будут стоять, но не за тебя.

— Что это значит?

— Это должно означать, что я обещал помилование Большому Рту и всем его людям.

— Помилование? Как ты можешь обещать такое! Они находятся в моих руках или в твоих?

— Пожалуй, скорее всего — в моих. Ты, кажется, снова собираешься вести их к столбу пыток, а по дороге позволишь им бежать? Открой свои глаза и посмотри, как обстоят дела! Я не буду тебе помогать в откровенном убийстве и Виннету тоже. Ты нас знаешь. А вождь Хитрый Змей, как только услышит о твоих намерениях, мгновенно придет на помощь Большому Рту. Не думай, что он станет помогать недавним врагам, мимбренхо, убивать своих братьев-юма, несмотря на то что поссорился с верховным вождем! А мирный договор всем принесет счастье, и вам и им, к тому же тебе достанется хорошая добыча.

— Добыча? А разве ты не успел пообещать юма, что никакой добычи не должно быть?

— Я обещал им только жизнь, и больше ничего. Насчет добычи я вообще не говорил и даже бы советовал тебе набрать всего побольше. Возьми у них оружие и лошадей, этим ты ослабишь их на долгое время. Ну, а те преступления, что совершил в последнее время Большой Рот, не могут остаться без наказания.

— Так поговори с Хитрым Змеем. Что он на это скажет?

И это я сделал, найдя у него понимание. Я уже давно заметил, что честолюбивый молодой вождь ревниво относится к старому. К этому примешалась обида, нанесенная ему минувшей ночью, да и раскол среди воинов одного племени сыграл свою роль. Если мимбренхо возьмут трофеи, это сильно повредит престижу Большого Рта. Хитрый Змей встретил бы это с удовлетворением. И те воины, которые отделились от старика, пришли бы под его начало, а его влияние от этого возросло бы, и вскоре могло бы так случиться, что его назначат военным вождем на место Большого Рта, что его, как Змей очень надеялся, подняло бы на несколько ступеней в глазах еврейки. Поэтому он, когда я его спросил, ответил следующее относительно судьбы своих воинов и людей Большого Рта:

— Делайте, что хотите, только не убивайте их. Против плена я тоже бы воспротивился, потому что это мои братья.

— Ты знаешь, что натворил Большой Рот, и согласен, что он заслуживает наказания?

— Это меня не касается, потому что я должен был бы помогать ему в том, за что ты хочешь его наказать. Отбери же у него все, а потом позволь уйти вместе с его воинами!

Этот ответ я передал Сильному Бизону, который тут же попросил меня выполнить поручение довольно неприятного рода: я должен был пойти к старому вождю и договориться с ним о капитуляции. Но мне было любопытно посмотреть на вождя, принимающего свою судьбу из моих рук, то есть от человека, которого он осудил на смерть у столба пыток.

Когда я пришел к нему, Большой Рот находился посреди своих воинов, встретивших меня не очень-то дружественными взглядами. Они еще были при оружии, поэтому я рисковал, придя к Большому Рту, а не потребовав явиться ему к себе.

— Ты хочешь мне сообщить, о чем вы решили? — спросил он.

— Прежде всего я хочу тебе сказать, что я вступился за вас, хотя ты этого не заслужил. Ты остался один, потому что Хитрый Змей от тебя отвернулся из-за того, что ты назвал его трусом. Сильный Бизон настаивал на том, чтобы вас поставили к столбу пыток. Я его от этого отговорил. Тогда он захотел взять вас в плен, чтобы показать потом женщинам мимбренхо, но и в этом ему было отказано. Только большего от меня ты уже не вправе требовать.

— Но мы получим свободу?

— Да. Вы можете уйти, когда и куда хотите.

— Тогда мы поедем сейчас же!

— Поедете? Ваши лошади принадлежат победителям.

— Значит, они хотят получить добычу?

— Разумеется! Или ты полагаешь, что тебе просто так простится все, что ты наделал? Юма — добрые люди и храбрые воины. В этом я убедился, узнав Хитрого Змея. Но если вождь повел их по ложному пути, то им не пристало удивляться, что вместе с палаткой вождя сорваны и их собственные. Грабеж, убийство, поджог, уничтожение земельных угодий, насильственное удержание переселенцев под землей — вот те вещи, за которые ты, безусловно, должен быть наказан. Но раз ты все это совершил, то перечисленные злодеяния, пожалуй, должны быть оплачены? Ты слышишь, что я говорю с тобой не гневно, не с ненавистью, а по-дружески. Ты уже стар, мне просто жаль, что твои последние дни будут далеко не прекрасными. Тебе нужно вести своих храбрых воинов лучшими путями, теми, какими идет Хитрый Змей. И тогда, когда тебя позовет Маниту, ты сможешь со спокойной совестью отправиться в вечные охотничьи угодья, а твои воины смогут с большей гордостью и большей радостью смотреть на свою жизнь и свои деяния. Олд Шеттерхэнд хочет счастья и тебе, и твоим воинам, хотя первый ваш шаг на дороге добра будет трудным. Сильный Бизон подарил вам свободу и жизнь. Неужели вождь мимбренхо должен отказаться от добычи?

— Он уже достаточно много и так у нас взял! — проворчал Большой Рот.

— Где же и когда?

— Ты отнял у нас стада асьендеро. Но нам удалось убежать, и мы снова захватили скот. Но поскольку мы направлялись сюда, то должны были оставить животных под охраной нескольких людей. Теперь мы увидели, что мимбренхо преследовали нас, а это значит, что они опять завладели скотом.

— Об этом я еще не говорил с Сильным Бизоном, но если это так, то ты не можешь называть это добычей, потому что стада принадлежат не мимбренхо, а асьендеро и будут ему возвращены. Спроси себя самого и дай честный ответ, что сделал бы ты на месте Сильного Бизона. Ты никогда не отказался бы от добычи, тем более ты не проявил бы милости и повел бы обязательно пленников к пастбищам своего племени. Значит, ты требуешь от него много больше, гораздо больше того, что сделал бы сам, находясь на его месте. Итак, для своей же пользы вам нужно будет согласиться, потому что если вы откажетесь, то вождь мимбренхо, пожалуй, возьмет назад слово, данное им мне, и уведет вас с собой как пленников! И еще одно. Вы находитесь на спорной земле. А что, если Сильный Бизон теперь потребует, чтобы эта земля принадлежала одним мимбренхо? Вы должны будете покориться, потому что находитесь в их руках. Так не поступай же во вред себе, отделайся лучше маленькой жертвой, чтобы избежать больших убытков.

Подобное дружеское обращение было непривычно неотесанным людям, поэтому мои слова

произвели на них большое впечатление. Я осуществил маленькую дипломатическую хитрость, направив гнев воинов на их предводителя, обманувшего своих соплеменников. Это было справедливым наказанием Большому Рту и могло принести пользу моему другу Хитрому Змею, ставшему нашим верным союзником. Короче, я убедил юма, без явного сопротивления по меньшей мере с их стороны, согласиться передать свою собственность в руки мимбренхо и был рад возможности сообщить об этом Сильному Бизону.

Юма сдали свое оружие, а потом молча смотрели, как сгоняют в табун их лошадей. Сильный Бизон согласился после моего вмешательства сделать побежденным единственное послабление. Он решил оставить юма все вещи, находящиеся у них в карманах.

Потом юма предпочли поскорее покинуть несчастливое для них место, причем сразу же оказалось, что мои похвалы в адрес Хитрого Змея упали на хорошую почву, потому что многие из воинов старика не пошли с ним, а подошли к юному Змею и попросили его отныне считать их членами его племени. Тот ответил согласием и сразу же позаботился о том, чтобы перебежчикам были возвращены лошади и оружие, чему они, естественно, очень обрадовались.

Это весьма разозлило Большого Рта. Он увидел, что его влияние падает, и в глубине души чувствовал, что в будущем оно упадет еще больше. Поэтому он не ушел, как я ожидал, без прощания. Перед отправлением Большой Рот еще раз подошел к нам и обратился к присутствующим с речью, но направлены его слова были главным образом ко мне. Он прихватил с собой старейшин, чтобы показать им, что их вождь обладает все еще достаточной силой воли, чтобы открыто объявить себя нашим врагом.

Когда он пришел вместе со своими то ли шестью, то ли семью виднейшими воинами, мы как раз уселись обсуждать дальнейший путь нашего отряда. Стало быть, и у нас собрались все более или менее достойные люди. Как только я заметил приближающегося вождя юма, я сразу понял, чего он хочет, и приказал привести обоих сыновей Сильного Бизона, а место нашего совещания сейчас же окружить воинами-мимбренхо, как только старик и его сопровождающие подошли к нам. Я сразу же предложил ему сесть, но он отклонил мое предложение движением руки, принял позу оратора и заговорил возвышенным тоном, в то время как мимбренхо начали образовывать вокруг нас круг, как им было приказано:

— Счастье воина похоже на женщину, которая сегодня смеется, завтра плачет, а послезавтра снова смеется. Женщина эта всегда благоволила Большому Рту, пока он имел дело с врагами, которые были сыновьями нашей страны, чьи повадки, стало быть, я знал и которых хорошо изучил. Я ведал, какое у них оружие, как они будут защищаться, какой наступательный план мне составить и как его выполнить. Я был известен как великий воин. Моя слава росла изо дня в день, мои краснокожие и белые враги боялись меня, а мои друзья чувствовали себя уверенно за моей широкой спиной. Но тут пришли чужие мужчины, не рожденные в нашей стране. У них не было права вмешиваться в наши взаимоотношения, однако они сделали это — Олд Шеттерхэнд и Виннету. Надо бы было немедленно убить чужеземцев или, по крайней мере, прогнать их за границу. При них было оружие, несравнимое с нашим. Что могло сравниться с Серебряным ружьем Виннету и медвежебоем Олд Шеттерхэнда! А у последнего есть к тому же еще и «Волшебный ствол», из которого он может стрелять все время без перезарядки. Что могут сделать против такого оружия наши стрелы и копья, а также те немногие кремневые ружья, которыми владеют юма! Эти люди вели войну незнакомым нам способом. Они полны коварства и хитрости и всегда появляются там, где их меньше всего ожидают. К тому же они заключили союз со злыми духами, враждебными к краснокожим людям, потому что те честны и добры. Поэтому все мои планы рухнули, едва эти два человека появились на нашей земле. Я вынужден был позволить им победить меня, а теперь вынужден отправиться домой без лошадей и оружия. Но ни Виннету, ни Олд Шеттерхэнд здесь не останутся, и тогда удача снова вернется ко мне. А

те, кто сегодня чувствуют себя победителями, снова окажутся побежденными и будут выть от бессилия, как собаки, которые понимают, что вот-вот их убьют. Ибо я говорю это, Большой Рот, верховный вождь воинов-юма: я никогда не забуду то, что сегодня произошло, а тех, кто сейчас торжествует победу надо мной, я растопчу ногами и уничтожу. И тогда не будет ни милости, ни мягкосердечия, а те, кто сегодня мне изменил, первыми умрут под нашими ножами. Что касается Олд Шеттерхэнда и Виннету, то они должны поостеречься когда-нибудь появляться поблизости от меня, потому что я прикажу схватить их и содрать шкуру с них живьем, чтобы их вопли и крики можно было слышать на всех горах и во всех долинах. Старейшины моего племени подтвердят, что они согласны со мной. Я сказал. Хуг!

— Хуг! — выкрикнули старейшины, чтобы показать, что слова вождя отражают и их точку зрения.

Они повернулись, чтобы удалиться, но увидели себя в окружении врагов. Тогда старик гневно спросил:

— Почему нас окружили вооруженные воины? Не хотят ли вероломно нас схватить, нарушив заключенный с нами договор?

— Мы не изменники, — ответил Виннету. — А окружившие вас воины получили только одно задание — еще немного удержать вас на месте, чтобы вы услышали наш ответ на твою речь. Мой брат Олд Шеттерхэнд может лучше все сказать, потому что вождь апачей дружит с делом, но не со словом!

Я последовал этому приглашению, встал и заговорил, обращаясь к вождю:

— Большой Рот заставил нас выслушать речь, полную нелепостей и заблуждений. Неразумно было с таким презрением отнестись к тому, что мы очень милостиво обошлись с ним и его людьми. Мы подарили вам жизнь и свободу, а он высказал нам в глаза, что сдерет с нас шкуру. Недавно еще я обратился к нему с дружеским увещеванием выбирать в жизни пути к добру, а теперь вот слышу, что мои наставления не принесли пользы, потому что он, побежденный, угрожает нам, победителям, тем, что ничего не забудет и хочет растоптать нас своими ногами. Разве он не видит, что находится еще в наших руках, и он, и его старейшины, которые присоединились к его угрозам? Что мешает нам забрать свое слово назад, так как он показал свою решимость нарушить свои обещания и не соблюдать заключенный мирный договор? Он очень расхваливал себя, но какую похвалу должны ему высказать мы, а также его люди за то, что он снова собирается поставить под угрозу их жизнь?

— Вы должны держать свое слово! — прервал он меня.

— Нет, не должны! Олд Шеттерхэнд и Виннету вообще никогда ничего не должны — заруби себе это на носу! Мы имели бы полное право после всех твоих угроз расстрелять тебя, твоих старейшин да и всех верных тебе юма. Однако мы этого не сделаем, потому что твои угрозы смешны. Они напоминают кваканье лягушки, которая может жить лишь в болотной тине, а когда болото под солнцем высыхает, эта квакушка обязательно должна погибнуть. Ты стал старым и слабым, ты гневаешься от бессилия и, придя в ярость, говоришь слова, за которые мужчину не наказывают только потому, что слова эти по-детски пусты и не ведут ни к каким действиям. И вот, несмотря на все ваши претензии, мы отпускаем вас, потому что смехотворность ваших угроз не может нас испугать, а вызовет, пожалуй, лишь наше сочувствие… И еще я сказал, что твоя речь полна заблуждений. Ты сказал, что Виннету и я чужестранцы в этой стране. Разве ты не знаешь, что Виннету — знаменитейший из вождей апачей, которые живут от Аризоны до Мапими и Рио-Пекос? Разве мимбренхо, которых ты видишь здесь среди твоих победителей, не относятся к племенам апачей? Разве Виннету не самый знаменитый воин среди апачей, а ты называешь его чужаком на этой земле! Я говорю тебе, что у него куда больше прав находиться здесь, чем у тебя. И столь же велико его право

присоединиться к мимбренхо, ветви большого племени апачей, которым ты враждебен. Как можешь ты требовать, что его надо изгнать за границу! Ты сказал правду, что вы не можете справиться с нашим оружием, но ведь у нас всего три таких ствола. И если все племя юма боится их, то ты сам расписался в собственном бессилии. Но часто ли мы применяли против вас это оружие? Разве им мы вас победили? Нет, мы использовали весь свой арсенал. И еще ты солгал, сказав, что мы заключили союз со злыми духами, а вы, мол, честные и добрые люди. Верно как раз обратное. Вы делали только зло, а мы защищали добро. Именно поэтому мы находимся под защитой нашего великого, доброго Маниту. Вот это последнее обстоятельство и стало причиной нашей победы, потому что добро всегда побеждает, а зло должно погибнуть. А ты объявляешь коварством то, что мы всегда делаем добро, а не зло, как вы. Да, мы перехитрили вас, и много раз, но это лишь доказывает, что добро действует разумно, а зло — глупо и неумно. Мы и теперь показываем свою доброту, позволяя вам уйти, несмотря на все ваши угрозы, но безнаказанными они не должны оставаться: на свои похвальбы ты должен получить достойный ответ, иначе ты еще подумаешь, что запугал нас. Мой юный краснокожий брат может подойти ко мне.

Приглашение это было сделано младшему сыну Сильного Бизона. Он исполнил мою просьбу. Тогда я взял его за руку и продолжал:

— Большой Рот сделал нам упрек, что одного из сыновей вождя мимбренхо назвали Убийцей юма. Он даже потребовал за это смерти его брата и заставил его бороться с Черным Бобром. Юноша, которого я держу за руку, был верным моим помощником. Он проявил себя умным и смелым, и многими из своих успехов я обязан ему. А за это он должен сейчас получить заслуженную награду. Ему нужно присвоить имя, которое будет напоминать о сделанном им и введет его в ряды взрослых воинов. Он убил Черного Бобра и снял с него скальп, поэтому — а также в ответ на то, что Большому Рту так не понравилось имя Убийца юма — я нарекаю здесь моего юного краснокожего брата и друга именем Юма-циль[95]. Я прошу Виннету и всех воинов мимбренхо дать на это свое согласие!

Вокруг раздались громкие, радостные крики. Виннету поднялся, взял другую руку мальчика и сказал:

— Олд Шеттерхэнд говорил и от моего имени. Молодой храбрый воин должен называться Юма-циль. Он — мой брат, а его друзья и враги станут моими друзьями и врагами. Я сказал.

— Тем самым, — продолжал я, — желания обоих сыновей нашего друга Сильного Бизона исполнены. Они хотели получить боевые имена и поэтому пошли со мной и Виннету. Они получили хорошие, превосходные имена, которые в будущем станут известны и знамениты среди всех друзей и врагов. Ну, а престарелый Большой Рот может теперь уйти со своими старейшинами. Мы сказали ему, что не боимся ни его, ни подчиняющихся ему людей, назвав сыновей вождя мимбренхо такими именами, как Убийца юма и Скальп юма. Я сказал. Хуг!

Я дал знак — круг разомкнулся, и юма удалились, злясь, очевидно, на то, что на прощание им преподнесли такой сюрприз.

Само собой разумеется, что присвоение имени было отмечено общим раскуриванием калюме и другими положенными торжествами. Мальчики, причисленные теперь к взрослым воинам, были бесконечно счастливы, а к тому же необыкновенно горды тем, что своими именами они обязаны Виннету и мне.

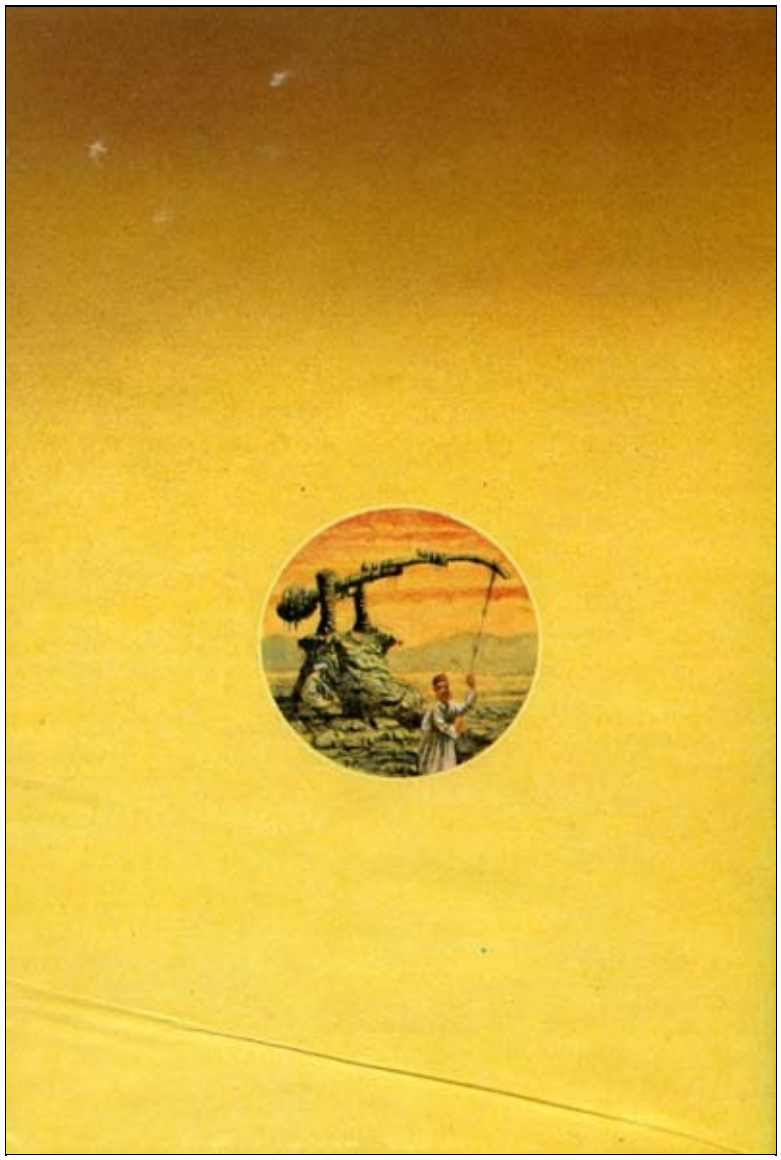
Отец их чувствовал себя столь же гордым и счастливым, как и его сыновья. Слова благодарности так и лились из его уст. Он просил прощения за то, что временами был не только груб со мной, но и просто не доверял. Чтобы доказать мне свою благодарность, он попросил меня, чтобы с этих пор меня больше не сопровождали Хитрый Змей и его воины, потому что теперь он сам может предоставить моим белым спутникам-переселенцам достаточно хороших

верховых и вьючных лошадей. Он будет сопровождать нас вместе со своими воинами до самой американской границы, а потом и еще дальше, куда я только пожелаю.

Конечно, я охотно согласился с этим предложением и немедленно отдал распоряжения о подготовке к выступлению, которое было назначено на следующее утро.

С Хитрым Змеем я простился очень сердечно; его невесты, еврейки, при нашем прощании не было видно — она от меня пряталась.

После долгого и трудного пути мы добрались до границы Техаса, и тогда я разделил деньги. Плейер тоже получил обещанную мной сумму. На этом печальное прошлое для всех переселенцев закончилось, и они смогли взглянуть навстречу скромному, правда, но все же лучшему будущему…



---

notes

Примечания

САТАНА И ИСКАРИОТ

(Satan und Iskariot)

Над этим романом Карл Май работал с мая 1891 года по август 1892 г. Как обычно, писатель предложил свое новое произведение журналу «Дойче хаусшутц», где в 1893–1895 гг. были опубликованы отдельные главы из романа. Общего названия у этих отрывков не было. Первые четыре главы появились в 1893 г. под названием «Крепость в скалах» («Die Felsenburg»); еще три главы заняли в следующем году страницы журнала под названием «Крюгер-бей» («Kruger Bei»); последняя часть публикации была озаглавлена «Охота на похитителя миллионов» («Die Jagd auf den Millionedieb»). Редакцией журнала при публикации было исключено около 440 страниц авторского текста. Для книжного издания романа (Фрейбург, 1896–1897) К. Май дописал изложение выброшенных глав. В таком виде роман, получивший название «Сатана и Искариот», занял три тома собрания сочинений К. Мая, однако авторская концепция предусматривала двухтомный вариант, и расчленение рукописи было произведено чисто механически.

Исключенные тексты были опубликованы только в 1927 г. бамбергским издательством имени Карла Мая. Они были объединены в двух книгах: «Профессор Фитцлипутцли» («Professor Vitzliputzli») и «Когда два сердца расстаются» («Wenn sich zwei Herzen scheiden»).

В 1980 году общество имени Карла Мая выпустило репринтное издание журнального текста.

Полного издания авторского текста романа до сих пор еще не появилось. Настоящий перевод, первый на русском языке, выполнен по фрейбургскому изданию 1896–1897 гг.: «Gesammelten Reiseerzählungen», Bd. 20–22.

В творческой биографии автора роман интересен тем, что здесь, как никогда прежде, он подчеркнуто идентифицирует себя самого с главным героем — Олд Шеттерхэндом, или Кара бен Немси, включая афиширование неправедно присвоенного себе титула доктора наук. Фабула содержит немало автобиографических сюжетов. В частности, эпизоды с Мартой Фогель вдохновлены историей взаимоотношений автора с его первой женой Эммой Полмер.

В тексте романа «Сатана и Искариот» автор охотно использует — как, впрочем, и в других своих американских романах — индейские слова и выражения; они заимствованы из книги лингвиста А. Гаче, имевшейся в библиотеке творца Олд Шеттерхэнда (A. S. Gatschet. Zwölf Sprachen aus dera Südwesten Nordamerikas. Weimar, 1876).

1

Гамбусино *(исп.)* — старатель; авантюрист, искатель наживы.

2

…мятеж генерала Харгаса — на рубеже 80–90-х гг. XIX в. северо-запад Мексики, в том числе штаты Сонора и Чиуауа, стал ареной многочисленных выступлений против центральной власти. В Соноре это были бунты против земельного раздела, репрессии против апачей и яростное сопротивление колонизации со стороны индейцев-яки; в Чиуауа — антиправительственный заговор и восстание в районе г. Томочи, взятого федеральными войсками только в 1894 г. Какое из подобных выступлений имеет в виду автор, установить не удалось.

3

Трахит — вулканическая горная порода, характеризующаяся преобладанием в химическом составе полевого шпата санидина и особой, порфировой, структурой, то есть таким внутренним строением породы, когда в стекловатой основной массе распределены более крупные кристаллы-вкрапленники одного или нескольких минералов. Порода эта твердая, крепкая, шероховатая на ощупь, светлоокрашенная (белая, желтоватая, светло-серая или розоватая).

4

Феска — так назывался головной убор в некоторых арабских странах (назван по марокканскому г. Фес): шапочка в форме усеченного конуса, украшенная кисточкой, прикрепленной коротким шнуром; в султанской Турции, в XIX — начале XX в. феска была форменным головным убором военных и чиновников.

5

«Трактир…» *(исп.)*.

6

Послеполуденный отдых *(исп.)*.

7

Здесь: порядочный человек *(исп.)*.

8

Разбойник *(исп.)*.

9

Черт возьми! *(исп.)*.

10

Штуцер Генри — здесь: двуствольное нарезное охотничье ружье крупного калибра, изготовленное специально для Олд Шеттерхэнда оружейным мастером по фамилии Генри (см. начало романа «Виннету»).

11

«…на корабле через Эрмосильо» — мексиканский город Эрмосильо расположен в глубине континента и водной связи с океаном не имеет.

Германии *(исп.)*.

13

Песо — испанская серебряная монета, давшая название денежным единицам ряда латиноамериканских стран, в том числе и Мексики.

14

Главная бухгалтерская книга *(нем.)*.

15

Мормоны («святые последнего дня») — члены религиозной секты, основанной в США в первой половине XIX в. Джозефом Смитом, издавшим «Книгу Мормона», которую сторонники секты считают переводом таинственных писем пророка Мормона, объявленного одним из родоначальников американских индейцев. Сектанты, вдохновляясь идеалами ветхозаветных пророков, пытались претворить их в жизнь. Одновременно они всемерно прославляли этические ценности свободного предпринимательства. Большое место в жизни общины уделялось вопросам физического здоровья и личной нравственности, понимаемой прежде всего как сочетание трудолюбия и бережливости. В романах К. Мая мормоны олицетворены в отрицательных героях, вследствие негативного отношения к этой секте в Европе, вызванного, помимо чисто догматических различий конфессионального порядка, многоженством, которое мормоны практиковали до 1890 г. Мормоны сыграли значительную роль в освоении западных территорий США. В Мексику они стали проникать с 1884 г.: получив в собственность земельные участки в штате Чиуауа (округ Галеана: Пачеко, Фернандес-Леаль и др.), мормоны основали там колонии, занимаясь земледелием и скотоводством.

16

Сентаво — сотая часть песо *(исп)*.

17

Морфей — в античной мифологии так называлось крылатое божество, сын бога сна Гипноса, которое являлось людям в сновидениях.

18

Данаиды — в греческой мифологии 50 дочерей царя Даная, бежавших вместе с отцом от преследования своих двоюродных братьев Эгиптиад, домогавшихся их любви. Когда Эгиптиады настигли беглецов, Данай вынужден был согласиться на нежеланный брак, но дал каждой из дочерей по кинжалу, чтобы они закололи спящих мужей в брачную ночь. Только одна из данаид не подчинилась приказу отца.

19

Доре Гюстав (1832–1883) — французский художник, прославившийся как иллюстратор. Здесь речь идет о его знаменитых иллюстрациях к Библии.

20

Бухгалтер (*исп.*).

21

Поместье, имение *(исп.)*.

22

Владелец асиенды, помещик *(исп.)*.

23

Задаток *(исп.)*.

24

«…из Польши или Померании» — западные земли современной Польши в XIX в. входили в состав Германии; Померания — бывшая немецкая провинция вдоль южного берега Балтийского моря с центром в городе Штеттине (совр. Щецин). Значительная ее часть после второй мировой войны отошла к Польше. Кобылин — старинный городок в Познанском воеводстве Республики Польша, насчитывавший в конце XIX в. около 2 тысяч жителей.

25

Лига — здесь: старинная испанская мера длины, равная 5573 м.

26

Старьевщик *(исп.)*.

27

Старая Кастилия — историческая область в Испании, ставшая ядром возрождавшегося испанского государства.

28

Янки — прозвище американцев, уроженцев Новой Англии (шести северовосточных штатов).

29

Фалреп — короткий пеньковый трос, заменяющий поручни у входных трапов судов.

30

Фальшборт — продолжение наружной обшивки борта судна выше верхней палубы.

31

Ученый, не состоящий на службе в официальных научных учреждениях *(пол.)*.

32

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный с носа парусного судна; служил для постановки носовых (косых) парусов.

33

Позен — центр одноименной прусской провинции, образованной на польских землях после второго раздела Польши (1792); польское название — Познань; в современной Польше — центр воеводства.

34

Фон *(нем.* von) — буквально: «из» — предлог, характерный для дворянских фамилий.

35

Крез — царь малоазиатского государства Лидии (ок. 560–546 до н. э.), прославившийся своими несметными богатствами. Имя этого монарха стало нарицательным для обозначения очень богатого человека.

36

Хозяин, господин *(англ.)*.

37

Коридорный на пассажирском судне *(англ.)*.

38

Грот — нижний прямоугольный парус на главной мачте судна, самый большой в парусном вооружении корабля.

39

Фриско — просторечное название американского города Сан-Франциско.

40

Житель Дикого Запада, обычно старатель, охотник или бродяга *(англ.)*.

41

Пастух *(исп.)*.

42

Крупное имение, поместье *(ист.)*.

43

Батрак, наемный рабочий *(исп.)*.

44

Здание муниципалитета *(исп.)*.

45

Председатель муниципального совета *(исп.)*.

Сударыня, госпожа *(исп.)*.

47

Bad-lands *(англ.)* — районы с причудливо изрезанным рельефом, состоящие из серии крутых блоков с маленькими вершинами, между которыми извиваются русла временных водотоков; земли подвержены интенсивной эрозии. Подобные районы занимают обширные территории на западе США, но весьма часто общее название применяется к конкретному географическому объекту Биг-Бэдлэндз в штате Южная Дакота, к юго-востоку от Блэк-Хиллз. Именно к этому ландшафту впервые, еще индейскими охотничьими отрядами, был применен термин «плохие земли».

Прижмитесь к скале; над вами враг! *(пер. автора).*

49

Женщина *(общеиндейское)*.

Большой Рот *(пер. автора)*.

Маленький Рот *(пер. автора*).

Сильный Бизон *(пер. автора)*.

53

Калюме (*фр.* calumet) — употреблявшееся с XVI в. название «Трубки мира» у североамериканских индейцев. Состоял из каменной или глиняной головки («очажка») и полой тростниковой палочки длиной в 60–100 см. Часто украшался перьями, стеклышками и т. д.

Старшая сестра *(пер. автора)*.

55

Мажордом, дворецкий *(исп.)*.

56

Carludovica palmata — род растений из семейства пандановых; ползучие и стоячие растения, напоминающие по виду пальмы; родина — тропическая Америка.

О, небо! *(исп.)*.

Romancero — здесь: автор рыцарского романа *(исп.)*.

Тыкать, быть на «ты» *(исп.)*.

Фасоль *(прим. автора)*.

61

Индейцы-вороны («кроу») — английское название народа группы сиу, проживавшего в современной Монтане и на севере Вайоминга; самоназвание — апсарока («дите птицы с большим клювом»). Индейцы-змеи — часть шошонов.

Прощайте *(англ.)*.

63

Пфенниг — название немецкой разменной монеты, с 1871 г. сотая часть немецкой марки.

64

Маниту — в мифологии североамериканских индейцев сверхъестественные силы или существа, выполняющие роль личного духа-покровителя. Однако в трактовке миссионеров, которой следует в своих романах К. Май, под Маниту понимался «великий дух», аналогичный христианскому Богу.

65

Гаргантилья — буквально: облекающий горло *(исп.)*.

66

Ventre a terre — кавалерийский термин: лошадь, скачущая галопом, вытягивается, а брюхо ее опускается, сильно приближаясь к земле *(фр.)*.

Как хорошо, как хорошо! *(пер. авт.)*.

«Сильный Бизон» — на языке апачей *(прим. авт.)*.

Молния, ложись! *(пер. авт.).*

70

Кугуар — так называли подвид пумы, некогда распространенный на востоке США и Канады, но в начале XX в. выбитый охотниками. Часто название «кугуар» применяется вообще ко всем пумам.

71

Вечные охотничьи угодья — эквивалент христианского рая у североамериканских индейцев.

Здесь: игрок, картежник *(англ.)*.

73

Добрый день *(исп.)*.

Скалистый источник *(пер. автора)*.

75

Кукурузная лепешка *(исп.)*.

Черт возьми! *(исп.)*.

77

Сентаво — здесь: сотая часть мексиканского песо.

Горный хребет; часть горной цепи *(исп.;* здесь имеется в виду Западная Сьерра-Мадре).

Барышня, девушка *(исп.)*.

80

Парфорсная скачка — связанная с преодолением лошадью препятствий, исполнением сложных заданий.

81

Помощник *(исп.)*.

82

Нож-«боуи» — охотничий нож с длинным лезвием, распространенный среди вестменов и трапперов Дальнего Запада; назван по имени изобретателя.

83

Доброе утро, господин Плейер! *(англ.).*

Равнина *(исп.)*.

Ложись *(пер. автора)*.

86

Штейгер — горный мастер, ведающий работами на горном предприятии.

87

Барышня *(нем.)*.

88

Вампумы — ожерелья, пояса и другие украшения из раковин и бус. Нередко индейцы пользовались ими в качестве своеобразных писем, пересылая с их помощью несложные сообщения.

89

Немецкое «Егер» (Jäger) равнозначно по смыслу английскому «Хантер» (Hanter); оба слова переводятся на русский язык одинаково: «охотник» *(прим. перев.).*

90

Малыш *(англ.)*.

91

Одалиска — наложница в гареме; так же иногда назывались и рабыни, прислуживавшие в гареме.

92

Геллер — мелкая монета, особенно распространенная в Средней и Южной Германии; позднее — медная монета, равная половине пфеннига.

93

«Выплатили бы Иуде его сребреники» — согласно евангельской традиции, Иуда Искариот за предательство своего учителя Иисуса Христа получил в награду 30 серебряных монет.

94

Тотем — на языке индейцев-оджибве это слово означает «его род». Так назывались животные или растения (реже — явления природы или неодушевленные предметы), будто бы являвшиеся предками того или иного рода или племени; между таким предком и живыми людьми существовала сверхъестественная связь. Изображение предка служило объектом культового почитания, а предок брал на себя заботу о своих «потомках».

Скальп юма *(пер. авт.)*.